

Министерство культуры Российской Федерации,
Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма

В.А. Разумный

**Драматизм бытия
или обретение смысла**

Философско - педагогические очерки

Москва 2000

Печатается по решению
Ученого совета АПРИКТ

Разумный В.А.

Драматизм бытия или обретение смысла. М. 2000

Страстный монолог философа В.Разумного о драматизме жизни - увлекательное путешествие мысли исследователя и публициста в недра древней и недавней истории, многоголосие современности, полет в день грядущий. Читателя привлечет эмоциональная выразительность языка повествования, позволяющая оживить "сухое древо" научного трактата.

ISBN 5-88662-039-7

Автор - **Разумный Владимир Александрович** ,
доктор философских наук, профессор, действительный член Международной академии информатизации, Академии педагогических и социальных наук, Международной педагогической академии и Академии профессионального образования.

Научный редактор –
Матюхин Юрий Павлович,
профессор, действительный член Международной академии информатизации

Налоговая льгота -
общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 953000-книги, брошюры

ISBN 5-88662-039-7

Издательство "Пихта", 2000

Разумный Владимир Александрович (биография)

Разумный Владимир Александрович (род. 15.10.1924) - философ, публицист, критик. Доктор философских наук (1964), профессор (1968). Действительный член Академии педагогических и социальных наук, Международной академии информатизации, Академии профессионального образования и Международной педагогической академии. Член Союза театральных деятелей Российской Федерации (1954), Союза кинематографистов России (1962).

Отец - Александр Разумный, один из основоположников русского кинематографа, мать - Разумная Ольга Алексеевна, ассистент режиссера. 3 июля 1941 года вместе с другими девятиклассниками Москвы ушел в московское ополчение, где выполнял спецзадания в районе Ельни - Ярцево - Дрогобуж в 6-м Госстройуправлении НКВД до 21 сентября 1941 года. Со всеми девятиклассниками Москвы был откомандирован для завершения учебы. По окончании средней школы был призван в августе 1942 года в ряды Красной армии и направлен в Первое Туркестанское пулеметное училище. По присвоении воинского звания лейтенанта продолжал службу в 8 Гвардейской армии ген. В. И. Чуйкова командиром пулеметного взвода, затем - роты в боях за Изюм и Барвенково, и далее - за Кировоград. После ранения и госпитализации был откомандирован в распоряжение Московского военного округа, где до увольнения в запас в апреле 1944 года готовил резервистов.

Окончил Всесоюзный Государственный институт кинематографии (в 1948 году) и аспирантуру Института философии Академии наук СССР (в 1952 году). С 1949 года и по настоящее время ведет преподавательскую работу по философии, педагогике и эстетике.

В 1955 - 1969 годах - старший научный сотрудник сектора эстетики Института философии Академии наук СССР. С 1969 по 1977 год - директор вновь организованного издательства «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Комитета по печати при Совете Министров СССР. В 1977 - 1980 годах - заведующий сектором взаимодействия школы, учреждений культуры и общественности по эстетическому воспитанию АПН СССР. В 1980 - 1984 годах - заведующий кафедрой общественных наук Всесоюзного института повышения квалификации работников культуры, с 1984 по 1992 год - профессор - консультант Научно - исследовательского института художественного воспитания Академии педагогических наук СССР, с 1992 года по настоящее время - профессор, затем - профессор - консультант Российского института переподготовки работников культуры, искусства и туризма Министерства культуры Российской Федерации, ныне - Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма.

Первый период творческой деятельности В. А. Разумного был посвящен разработке обще-гносеологических проблем эстетики, ее познавательных категорий (1955 - 1956). Большой теоретический резонанс вызвали опубликованные в эти годы монографии, переведенные в ряде стран. Развивая гегелевскую традицию трактовки искусства как особой формы познания идеи прекрасного (истины о нем), В. А. Разумный стремился утвердить идею полифоничности художественного образа как специфического синтеза

истины, добра и красоты, единственно возможного пути определения прекрасного в его истинной сути. Им была обоснована закономерность условности в рамках реалистического творческого мышления, расширены догматически predetermined рамки социалистического реализма. Следующий этап творческой деятельности В. А. Разумного - изучение новых художественно - образовательных систем в России, их взаимосвязи с богатейшим практическим опытом русских педагогов и исследователей конца XIX - начала XX веков. На этой основе В.А.Разумным был создан ряд работ по теории эстетического воспитания (1961, 1969, 1985, 1988), в которых сформулирована концепция "П-П-Д" (потребность-переживание-действие), предполагающая возможность конструктивного и эффективного изменения эстетической потребности индивида только через педагогически организованное действие, операционно влияющее на переживание, всю его структуру. На основе этой концепции по его инициативе был создан Общественный институт эстетического воспитания при Педагогическом обществе РСФСР, разработан комплекс методических пособий для работников культуры. В.А.Разумным впервые (1978) была постулирована идея центров эстетического воспитания. Он представил на обсуждение общественности программу нового, интегративного образования - базы преобразования традиционной школы как изжившего себя института эпохи Просвещения. Стержневыми в этой программе стали идеи дешколизации, посткартезианской дидактики и использования игровых технологий в учебном процессе. Развивая идеи программы, В. А. Разумный в последние годы создал ряд трудов, охватывающих основные блоки образования - интеллектуальный, эмоциональный и духовный (1995, 1997, 1998, 2000). В настоящее время он завершает цикл работ о драматизме бытия, развиваемой им философии мemento mori, сравнительной теории вероучений.

Более пятидесяти лет В. А. Разумный систематически выступал перед творческими коллективами страны, на проблемно - тематических конференциях и семинарах Министерства культуры Российской Федерации и практически во всех регионах России, перед частями и соединениями армии как в стране, так и за ее рубежами. Он награжден орденами, медалями, почетными знаками, Большой золотой медалью Я. А. Коменского Международной педагогической академии, Государственной думой Российской Федерации - Почетной грамотой Федерального собрания - парламента Российской Федерации за плодотворную научно - педагогическую деятельность, подготовку высококвалифицированных специалистов и большой вклад в развитие отечественной культуры.

С 1947 года В. А.Разумный систематически выступает в периодической печати как теоретик и критик. Всего им опубликовано 34 монографии и брошюры, более 330 статей по актуальным проблемам отечественной культуры.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Драматизм бытия: истоки бесперспективности	11
Интегративная педагогика: обретенный смысл	171
Художественная педагогика	271
Введение в сравнительное вероучение	339
Игра искусство или искусство игра?	463

К читателю

Процессы, потрясающие ныне мир человека, действительно подобны бурным тектоническим взрывам и сдвигам, масштабы и непредсказуемость которых даже и не снились самым изощренным фантастам. Простившись с двадцатым веком, многомиллиардный человеческий поток уносит в будущее нарастающий вихрь принципиально неустрашимых войн, роковых этнических распрей и фатального религиозного разобщения, окончательно похоронивший возвышенные, но прекраснотушные иллюзии эпохи Просвещения. Динамичная пружина технического и технологического прогресса дает так называемым развитым странам возможность перейти к максимально высокому уровню обустроенности жизни, при котором, пожалуй, за человеком остается только функция пережевывания и переваривания пищи, материальной и духовной. Но даже в подобных странах, жирующих временно за счет невообразимой нищеты подавляющего большинства рода человеческого, выброшенного за рамки информационной цивилизации, жизненный комфорт породил пугающе осредненного человека, довольствующегося тем, что крайне неопределенно называется "массовой культурой". Ее духовную убогость не прикрыть макияжем эстетической изощренности внешних символов, знаков этого комфорта. Увы, по сравнению с достижениями человеческого гения в предшествующие эпохи в сфере интеллектуального совершенства, эмоциональной пластичности, устойчивости избранной веры в высшие духовные ценности подобный человек выглядит пигмеем и вызывает обоснованное сомнение пророков нового времени в существовании прочных перспектив его бытия. Отсюда их апокалиптические прогнозы, мгновенно тиражируемые всеми средствами массовой информации, паразитирующими на бедах и горестях человеческих.

Примечательно, что абсолютная неординарность исторической ситуации и, в первую очередь, применительно к судьбе каждого и неповторимого этноса лишает непомерно расплодившихся "футурологов", которым не дают покоя весьма сомнительные лавры Нострадамуса, малейшей возможности обрисовать иную, не апокалиптическую картину будущего. Им не дано разгадать тайны драматизма бытия человека и человечества, реальных путей в поисках смысла этого бытия.

Но всеобщее и плохо скрываемое духовное смятение человечества перед лицом этого реального драматизма бытия и видимой его бесперспективности не разделяют, не могут разделять по сути своей те рыцари духа, истинные интеллигенты, которым самой судьбой предназначено не разглагольствовать все о будущем, но ежедневно, ежечасно творить его вопреки всем трудностям, а порою неоправданным, суровым лишениям. Их достойнейший авангард - педагоги всех уровней, от воспитателей малышей до облеченных в университетские мантии наставников юношества. Где бы они ни трудились - в комфортном английском колледже либо в африканских хижинах, в уютном французском образовательном центре либо в обездоленной нашими политическими вандалами - "реформаторами" девяностых годов истекшего десятилетия русской школе, они не только продолжают самоотверженно и бескорыстно сеять разумное, доброе, вечное, но и отрабатывают вопреки всем бюрократическим препонам совокупными усилиями принципи-

ально новую концепцию образования, его содержания, системы и структуры. Их многоплановый и поливариантный поиск вызывает скептическое отношение "трезво мыслящих людей", полагающих неуместными подобные теоретические утопии. Но именно утопии были и остаются магистральной дорогой торжествующего духа, отнюдь не смилившегося с перспективой деградации человечества под маской иллюзорной цивилизованности избранных наций и тем более цинично обнаженной обездуховленности большинства обездоленного населения нашей многострадальной планеты. Ни один бюрократический министерский циркуляр, ни одно самое громкое постановление очередного министерского генерала не дало и не могло дать того, что дал миру Януш Корчак, уходя с детьми в небытие, что создал вопреки (акцентирую - вопреки министерским чиновникам) В.А. Сухомлинский либо ранее, затравленный ими же величайший из педагогов современности А.С.Макаренко. Виновникам от посвящения дано лишь одно - охранять либо разрушать все с поразительной гибкостью перед волей очередного "начальства". И то, и другое они делают с усердием носорогов в антикварной лавке.

Невольно задумываюсь, а не был ли прав А.В. Луначарский, возглавивший в первые годы революции Наркомпрос и сохранивший в нем лишь семь штатных сотрудников, привлекая при этом к созданию первой нашей уникальной и признанной во всем мире концепции образования лучшие интеллектуальные силы России, от Горького до Брюсова, от Яворского до Асафьева, от Мейерхольда до Вагановой, от Разумного до Рошала. И не пора ли нам начать последнюю в XXI веке реформу коренной реорганизации на основе сокращения всех "образовательных структур", задержавших учителя до предела. Предлагаемая вниманию читателя книга возникла на базе ряда лекционных курсов (по философии педагогики или, если хотите, педагогике философии) в течение более чем двадцати лет в Институте повышения квалификации работников культуры и искусства Министерства культуры СССР, а ныне - Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма Министерства культуры РФ. Вопреки всем стенаниям некоторых моих коллег, пытающихся убедить общественность в том, что в "проклятые времена тоталитаризма" они вообще не могли высказывать самостоятельное мнение, не могу не принести благодарность и коллективу Института, и всем его руководителям, и прежде всего - руководящим деятелям Министерств культуры, которые никогда (повторяю никогда!) не ограничивали меня ни в тематике лекций и книг, ни в ее трактовке. Особая благодарность сотрудникам кафедры, возглавляемой проф. В.Н.Гагиным, профессорам: С.В. Чуриловой, А.А. Рубу, П.В.Халабузарь, доценту А.В.Каменцу и, конечно же, ему лично. Не могу не сказать, что все разделы книги мы многие годы обсуждали вместе с ним в самых жарких и продуктивных дискуссиях. Думаю, что при подобном подходе книга приобретет и историко - документальный интерес как один из срезов бурной эпохи. Обобщаю их в том виде, в каком они были опубликованы, не прибегая к конъюнктурной (а стало быть - некорректной правке) на потребу дня нынешнего. Все проблемы неоднократно обсуждались с ответственным редактором многих моих изданий - действительным членом Международной академии информатизации, профессором Ю.П. Матюхиным, журналистский талант которого помог мне как в общей социальной ориентации издания, так и в практической реализации на разных

этапах ее частей. Сердечная благодарность неизменному автору всех компьютерных макетов моих книг, собранных ныне воедино, Светлане Ильиничне Поляковой и ветерану Великой Отечественной войны, начальнику отдела кадров нашей Академии Ю.А.Кузину, который многие часы посвятил делу утомительной ручной брошюровки моих изданий.

Книги, обобщенные в данном издании без конъюнктурной правки, широко и доброжелательно обсуждались педагогической общественностью, и прежде всего по доброй инициативе известного ученого, доктора педагогических наук, профессора Льва Всеволодовича Тодорова, строго критика и инициатора многих моих публикаций, о чем я и должен сказать в знак благодарности.

И, конечно же, выражаю искреннюю признательность смелому, талантливому, инициативному журналисту, художнику, публицисту Евстафию Антипину, обеспечившему своевременную публикацию в журнале "Клуб" основных идей монографии на разных этапах ее создания, корректируя и уточняя их с позиций опытного педагога и руководителя народного образования.

К сожалению, официальная академическая наука ни разу не проявила сколь - либо заметного интереса к идеям, обобщенным в данной книге, что вполне понятно, если иметь в виду ее прямую зависимость от очередных министерских генералов. И тем более мне были дороги многочасовые, как правило, телефонные дискуссии с такими видными учеными - педагогами как Л.В.Тодоров, отрабатывающий новую концепцию литературного образования, проф. Т.Д.Полозова, уникальный специалист по теории литературы для детей и детской литературы.

Теперь решающее слово за читателем...

**Драматизм бытия: истоки бесперспективности
МИР ЧЕЛОВЕКА: МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ, УТОПИИ.
Парадокс логического скальпеля.
"Лидеры эволюции" или свеча на ветру:
крах иллюзии.**

Круговорот философии свершился...

Жизнь совершается по кругу, в конечном счете все встает на круги своя. Совершаются глобальные обороты в существовании Земли, этой, видимо, не лучшей из планет и, надо полагать, из тел Вселенной: таковы непрекращающиеся обороты веществ, вокруг нас и в нас самих, таков животворящий круговорот воды, этого чуда неизбывного.

Философский круговорот тоже изначально был творящим и живоподвигающим. Мудрецы учили различать добро и зло, не бояться смерти, обретать золотую середину, смотреть на ближнего своего как на самого себя, выстраивать высшие идеалы, жить для лучшего в этом мире, для счастья всех и каждого.

Но развитие его (философского круговорота) оказалось удивительным до неправдоподобия. Как сказал один великий, сначала философы объясняли мир, а дело было в том, чтобы его изменить, преобразовать. Объяснили, как же его преобразовать. . . Теперь снова объясняют, как все сущее... объяснять. Символичен современный философ: нечто Творящий запирается в темной комнате, надевает светонепроницаемые очки, закрывает ушные раковины современным устройством, а сверху еще шапку-ушанку. При таком отключении от этой самой "материальной субстанции" и начинается его творчество "по объяснению объяснения". Вот и не осталось на планете идеалов, а одни бизнес планы да бизнес призраки.

И вдруг *живой глоток бесценной влаги*. На каком-то очередном, достаточно суетном заседании мой друг, очень дорогой и близкий, вручает книжку, простенько изданную, в мягкой обложке. Прочитал дружеский автограф, пораздовался - вечером почитаю. Читаю. Вот это да... Наконец-то все катаклизмы и несуразности смутного века оказались постепенно на своих местах.

Нет, не подумайте, что удивительного автора я хочу затащить в ряд основоположников, создателей, прорицателей, витий непревзойденных. Нет, для этого я его слишком люблю, знаю и, льщу себя надеждой, понимаю. Просто Владимир Александрович Разумный как бы вывел новый исследовательский ход: не объяснять жизнь, не объяснять, как мир переделывать, заманивать человечество и человек к несбыточно ускользающему счастью. Надо "просто" быть в эпицентре творящегося драматизма бытия и выносить из него безупречно достоверные свидетельства и оценки. И этот велико простой и просто великий труд поведет каждого, кому жизнь дорога и интересна, по его собственной тропе, в собственные достижения, успехи, падения. На себе ощутил такое воздействие с его мягкой всевластно действенной си-

лой. Если что у меня и получилось в последние итоговые годы, то только благодаря, по осмыслению и познанию, драматизма бытия.

Другу моему, сдается мне, предстоит ответить теперь на всеобщий вопрос о роде человеческом : что это, беспримерное высшее творение всеблагих и всетворящих сил... или роковая, непредсказуемая ошибка природы, последствия которой и предвидеть пока невозможно?

Нет пределов духу и мысли ученого, если он проник в стремнину жизни, бытия, миродвижения.

ЛевТодоров

доктор педагогических наук, профессор, академик Международной академии информатизации, академик Академии педагогических и социальных наук и Международной педагогической академии.

Посвящается этот труд памяти моего отца, одного из основоположников советского кинематографа, Александра Разумного

МИР ЧЕЛОВЕКА: МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ, УТОПИИ

Словно волны по безграничному океану проносятся по нашей удивительной планете Земля поколения за поколениями рода людского. Где его истоки - мы достоверно не знаем, да и навряд ли когда-либо узнаем, вопреки появлению все новых гипотез (от космической до социогенетической), вопреки все большему числу впечатляющих открытий о нашем реальном прошлом, точнее - о его следах в этой человеческой вселенной¹. Где финиш этого безумного, преисполненного драматизма потока, захватывающего в свою круговерть все новые и новые миллиарды индивидуальных судеб, социальных общностей и неповторимых культур, ведомо нам еще менее. Бессильные предвидеть даже самые ближайшие перспективы бытия, мы медленно, но неуклонно отказываемся от теоретической амбициозности футурологического мышления. Осознав, что ему не по зубам "научное" историческое прогнозирование, мы шарахаемся из крайности веры в мистическое призвание человека в крайность мистики естественнонаучных предсказаний о возможности нашего вторичного бытия в ином, лучшем мире.

Единственное, что мы можем констатировать как сиюминутную реальность, сразу же протекающую сквозь сито нашего повседневного опыта в небытие, так это наше сознание и самосознание. Здесь мы прямые и запрограммированные едва ли не на генетическом уровне наследники биения в мучительных судорогах сознающего мир человеческого духа, того самого, логические формы которого выявили

Аристотель, Гегель и их многообразные современные последователи интерпретаторы. Того самого, вещественные формы которого находит для своей "волны" каждое новое поколение. В этом же аспекте подхода к человеческой истории как к непрерывному процессу движения от бытия в небытие мы наследуем чудесный и мучительный дар, который не может отнять у нас "ленивый разум", останавливающийся перед бесплодным и бесперспективным действием, - наше самосознание. Оно, как и сознание, пульсирует в бесчисленных индивидуальных проявлениях - между иллюзорной свободой мыслящего о себе Я и трагической необходимостью (предопределенной и прошлым, и настоящим) корректировки его направленности и структуры. Очень тонко эту диалектику нашего самосознания подметил Р.Бернс в своей книге "Развитие Я - концепции и воспитание": "...Человек, будучи существом социальным, просто не может избежать принятия многих социальных и культурных ролей, стандартов и оценок, определяемых самими условиями его

---

¹ А следы уводят нас все дальше и дальше, в неведомое, в тьму тысячелетий. Если еще недавно ученые поражали наше воображение временной дистанцией в миллион лет, отделяющей нас от загадочных пращуров, то теперь этот возраст (после находок в среднем течении реки Аваш в Эфиопии) безоговорочно перенесен на 4 миллиона лет. Именно тогда бродил в этих местах наш прямоходящий предок.

жизни в обществе... Он становится объектом не только собственных оценок и суждений, но так же оценок и суждений других людей, с которыми он сталкивается в ходе социальных взаимодействий. Если он стремится получить одобрение окружающих, он должен соответствовать общепринятым стандартам".

Стремление приоткрыть завесу времени - едва ли не примечательнейшее свойство человеческой природы. Оно выражается и в примитивнейшем индивидуальном акте предугадывания последствий любых действий, и в сложнейших умственных построениях о тенденциях развития общества, его "законах", которые провозглашаются научными, истинными, незыблемыми уже не одним поколением пророков и прорицателей. Но каждому из нас, кем бы мы ни были, какие бы "социальные роли" ни выполняли, в какую бы эпоху ни жили, не дано чудесного дара предвидения всех последствий своих действий. Не ведел Великий инка, приветствовавший бледнолицых гостей как божественных пришельцев, что именно он обрек свой народ на уничтожение. Не думал и не гадал первооткрыватель структуры атома, что именно под его пером рождается формула атомного Апокалипсиса. .

Не могут, естественно, предвидеть и лихие доценты от политики, крушащие ныне все и вся, в угаре иллюзорной политической свободы, погрязшие в дискуссиях и забывшие о благе народа в угоду своим амбициям. Куда там - они даже не прислушиваются к зловещему молчанию великой России, молчанию, перед которым трепетали всегда сильные мира сего. С непредсказуемостью индивидуального действия, и прежде всего, его последствий, соглашаются все авторы социальных доктрин. Но скажите любому из них, что все последствия их умозаключений об идеальном обществе, желаемой и неизбежной его метаморфозе столь же проблематичны, он воспримет вас как отступника от истины в лучшем случае, а традиционно - как врага света и ангела тьмы. Но история не дает нам ни одного случая научного предвидения реального прогресса на уровне социума. Но, очевидно, именно на такое предвидение претендовал Платон, создавая свой знаменитый труд о государстве. Оно же, вероятно, побуждало и Аристотеля в "Афинской политике" говорить не только о современном общественном устройстве с современниками, но и обращаться к новым поколениям демократического полиса с предсказаниями о целесообразном гражданском действии и необходимых формах его свободного проявления.

Любопытно, что именно с той поры, когда они размышляли о рациональном социуме, соответствующем природе человека, в теории стали рассматриваться как амбивалентные понятия "аристократическое" государство и "демократическое" государство. По сути дела все дальнейшие теории общественного устройства (при всей дробности и несхожести выдвигаемых гипотез) не смогли преодолеть эту амбивалентность. Да и по сей день она присутствует в острейших дебатах о будущих путях совершенствования нашего общества, нашей России - в первую очередь. Одни вполне традиционно пугают народ жупелом тирании, другие - столь же традиционно взывают к осмотрительности перед тягостными последствиями любой охлократии.

Не менее любопытно и то, что крушение пророчеств об идеальной человеческой организации, неизбежно следующее за первоначальной эйфорией, рассматривается не как результат принципиальной непредсказуемости

последствий социальных действий, но как следствие недостаточной "научности" гипотезы. И тогда на создателей таких гипотез обрушивается шквал упреков, порою перерастающих в шторм негодования от несбывшихся и таких радужных изначально надежд. Подобная эйфория характерна и для журналистского негодования, вызывающегося тем, что коммунизм предстает как несбывшаяся мечта. Между тем настала пора рассмотреть и марксистскую доктрину не с позиций узкого рационализма, но гораздо масштабнее - с позиций диалектики человеческого сознания и самопознания, с позиций сознющего мир человеческого духа. Его направленность и структура всегда (как в прошлом, так и в будущем) будут превращать в иллюзию свободное выражение мыслящего о себе Я.

Понять иллюзорность сознющего мир человеческого духа¹ не так-то просто, как это может показаться с первого взгляда. Слишком велик заслон на пути такого понимания, слишком прочны баррикады прошлого опыта и несбывшихся надежд на "человеческое" будущее. Продираться сквозь них, терзая себя до иступления, до крови, преодолевая и удобные социальные стереотипы и обиходные идеологические представления, устойчивые эмоциональные реакции и отработанные всем воспитанием мотивации, приходится отнюдь не по свободному выбору не знающего сомнений, ошибок, разочарований незрелого ума и не по игривому побуждению страстей. Здесь действует сила более глубокая - выход коллективной памяти, которую мы все наследуем от прошлого, к болезненнейшей проблеме реальных перспектив человеческой истории.

Куда спокойнее трактовать историю как набор свершившихся фактов либо как нанизывание на логическую цепь взаимосвязанных материальных доказательств, которые обладают неоспоримостью достоверности. Но это не живая история человечества, а, скорее, удачливое коллекционирование сбрасываемых им с себя на пути в непредсказуемое затвердевших и ни о

---

¹ В ходе дальнейшего изложения понятием "сознющий мир человеческий дух" я обобщенно буду выражать противоречивое единство самосознания и сознания, не затрагивая сакраментального вопроса о соотношении "материи" и "сознания". Сакраментального, ибо как никто до сих пор не дал сколь-либо корректного определения материи, так нет и столь же общепринятого определения сознания. Именно поэтому мне невольно придется полемизировать со многими бесспорными авторитетами в науке, находившихся веками под влиянием чар этой антитезы. И они, эти уникальные мыслители, сравнивая материю и сознание, соотносили атрибуты этой антитезы, не задумываясь, имеет ли она вообще реальный смысл. Так, А. Бинэ в работе "Душа и тело" писал: "Чтобы определить, например, дух и отграничить его от всего того, что познаваемо, как материальное, рассуждают обыкновенно следующим образом: "Все познаваемое, что поддается нашим чувствам, превращается, главным образом, в движение; дух есть нечто способное существовать, видеть, чувствовать, судить, превращаться в мысль; чтобы понять различие между духом и материей, необходимо спросить себя: существует ли какое-либо естественное сходство между движением и мыслью. Но этого сходства нет, и то, что мы схватываем, наоборот, есть полная ему противоположность. Мысль не есть движение и не имеет ничего общего с ним". Движение никогда не может быть, чем-либо иным, как лишь перемещением, переменой места, которой подвергается частица материи". (Бинэ А. Душа и тело. - М., 1910, с.8). Но кто и где доказал, что движение - это только "перемена места"? Как можно отрицать движение сознания: мыслей, чувств, волевых устремлений, всей сложнейшей структуры переживаний, о которой у меня впереди пойдет особый и несколько неожиданный разговор?

чем не говорящих панцирей. Но измените установку, постарайтесь понять историю как движение сознающего мир человеческого духа, и вы сразу же окажетесь перед ящиком Пандоры. Открывать ли его?

История потому и история, что мы все и всегда открываем его, оказываясь перед бездной. Без этого мы были бы не людьми, но животными, лишь животными - так будет вернее. Путь к этой бездне - цепь иллюзий, именуемых "историческим процессом", иллюзий, драматически преодолеваемых, но ведущих в ничто. Движение к этому "ничто", от иллюзии к иллюзии, характеризующееся, отнюдь не направленностью от прошлого в будущее, есть подобная направленность как качество космической эволюции. Его направленность иная тогда, когда мы обращаемся к человеческой эволюции: от реальности прошлого через целеполагание (действие во имя достижения цели) к иллюзорности будущего.

Крайне существенно не упустить то, что порою игнорируется (даже под флагом борьбы за историческую культуру каждого и всех), а именно, реальность в движении сознающего мир духа всего, что было им достигнуто ранее. Эту реальность можно идентифицировать с культурой, образованием, традициями, обычаями, навыками поведения, унаследованными нами от прошлого, но при этом могут исчезнуть из поля зрения более глубокие пласты сознающего мир человеческого духа, в том числе такие, которые освоены и усвоены нами от животного мира. Палеонтология духа показывает, что у нас больше животного в поведении, чем мы сами представляем и чем нам бы во имя эстетической иллюзии хотелось. Поэтому тщетно от поколения к поколению взывают к "добропорядочности нравов" пуристы от морали - мы продолжаем размножаться вполне животным образом, сохраняя всегда и чисто животное любопытство к этому процессу. И римские сатурналии, и праздничные оргии на островах Самоа и индустрия секса в пуританских странах современной Европы - лишь крайняя амплитуда подобного неукротимого, как движение маятника, любопытства.

Сегодня, благодаря всесильному телевидению, мы все имеем возможность наглядно воспринимать попытки контактного общения человека с самыми "дикими" животными - касаткой и белым медведем, коброй и львом. Но вот что прелюбопытно в каждой такой экстремальной ситуации - человек выявляет скрытые в нем самом способы животного общения. И это не просто мимезис, подражание, но нечто большее и порою - плохо осознаваемое каждым из нас, но всегда - пребывающее в сознающем мир человеческом духе.

Мы вправе тешить себя иллюзией "цивилизованности", отождествляя ее с тем внешним миром, который стал нашей средой, нашей второй реальностью. Но копнем чуть чуть глубже - и в сферу реального поведения человека с компьютером вдруг врываются инстинкты первобытного человека. Они не хуже и не лучше приобретенных в современной системе образования навыков. Они - реальность, которую мы все призваны учитывать в стремлении к свободному совершенствованию и самосовершенствованию.

Довлеет над нами и завет "ближайших" предков, то, что мы теперь склонны называть национальной традицией. Уверен, мы вскоре станем свидетелями трагических событий, связанных с тем, что многие нормы поведения, общения, контактов, выработанные за двести лет свободными предпри-

нимателями и лихими ковбоями в прериях, политики пытаются привить декретированием "сверху", без учета общинной психологии, складывающейся не веками - тысячелетиями в России. А разве не отринули многие народы то, что является для нашей России образцом достигнутой цивилизованности - так сказать, "слева" и "справа", в Венгрии и Монголии? Да что там Венгрия и Монголия - и в жизни многих народов, живших с нами бок о бок многие десятилетия, вдруг вспыхнули такие азиатские страсти, что остается только в недоумении разводиться руками и заклинять: "не может быть, потому что этого быть не может". Ан нет - есть, живет, действует подспудно, вопреки всем тонким оболочкам "цивилизованности".

Итак, прошлое есть наша реальность; безграничность прошлого по масштабам и вариантам исключает какое-либо "предвидение" будущего развития, ибо оно властно и неумолимо, оставаясь непознаваемым и не учитываемым в чисто логических "социальных конструкциях", гипотезах и претендующих на значение истины социальных теориях, воздействует на нас сегодня, сейчас.

Но быть может, спасение "строгой теории" развития человека и человечества в ином его признаке, а именно - в целеполагании? На поверку, и данное предположение "объективной социологии" не выдерживает критики. Конечно, человек есть существо действующее, а человечество - такое сообщество, которое ставит и решает в этом действии вполне определенные цели. Их можно описать, систематизировать, перевести в стройную схему логического изложения. Наверное, такое занятие не лишено смысла как и всякое коллекционирование. Но - не более того...

Свободный и в этом смысле - творческий человек действительно вырабатывает вполне конкретный образ действий (замысел, прообраз будущего предмета, логику поведения в предполагаемой ситуации). Но в процессе действия есть и своя, неподвластная ни воображению, ни сознанию логика: и скорректированный ею вымысел воплощается в нечто отличное от его первоначального зерна, предмет оказывается отнюдь не тем, каким был задуман, а поведение - порою в корне отличным от выработанных в процессе дрессировки культурой и образованием норм.

Непредсказуемость логики действия обычно описывается в науке не в традиционно-бытовых афоризмах (типа "человек предполагает, а Бог располагает"), а в более привлекательных своей глубокомысленностью рассуждениях о "природе творчества". Каждый из нас, размышляя о конкретных типах человеческого действия - производстве, науке, искусстве, в той или иной мере отдал дань этому увлечению. И каждый ощущал, что термином "творчество", словно фиговым листком, прикрывается целомудренное неведение об итоге действия, о несовпадении этого итога - с замыслом. И как ни один резчик не получил в результате усилий ту модель, которая мучала как замысел его воображение, так ни одно человеческое объединение (любого уровня - от микроколлектива до государственной общности) в коллективном действии не осуществило первоначально определенной цели. "Историческое творчество", о котором так любят рассуждать социологи разных направлений (от персоналистических, предполагающих смысл этого творчества в энергии выдающейся, избранной судьбой "личности", до коллективистских, с жаром рассуждающих о "воле народа", об "энергии масс", "надивидуаль-

ном духе" и т.п.), с пугающей монотонностью дает результат, разительно отличающийся от "замысла". Здесь не надо увлекаться историческими экскурсами (хотя именно история своей алогичностью каждого витка человечества - в иное состояние дает нам не просто бесчисленные примеры непредсказуемой логики, но и сама, наверное, есть эта логика. человеческого духа в действии). Реалии нашего времени свидетельствуют о всеобщем значении творческих мук рвущегося к свободе сознающего мир человеческого духа. Так, мое поколение испытало неизбежный синдром поражения победителей. Во всяком случае, завершая мучительнейшую и победоносную войну в 1945 году, все мы, ее непосредственные участники либо счастливые свидетели, отчетливо представляли провидимые результаты победы для величия родной страны. А на поверку - сотрясаемая экономическими неурядицами Россия, уподобившаяся нищему на большой дороге, тщетно протягивающему руку в надежде на подаяние. Впрочем, и нынешние баловни судьбы, составшие из пепла военных потрясений, не менее наивны в своих призрачных надеждах на вечность достигнутого успеха, чем мы в середине сороковых годов. Прелюбопытно, что значительная часть населения таких стран при социологических опросах демонстрирует странное нежелание думать о будущем. И это не только рефлекс успеха, но и предощущение на интуитивном уровне бессмысленности всяческого целеполагания.

Конечно, человек по своей природе немислим без этого целеполагания; именно поэтому в его эволюцию наряду с прошлым опытом и современным разочарованием органически вписывается иллюзорное будущее; в ней тени предков причудливо уживаются с фантомами воображения.

Без этого воображения, вполне иллюзорного, нет нашей, человеческой реальности. В этом плане индивид и социум также тождественны. Мне всегда доставляет неизъяснимое наслаждение вглядываться в глаза очередного любимца судьбы, вознесенного на вершины благополучия и славы. Видимо, почти шестидесятилетний опыт сознательного межиндивидуального общения, аналогичность ситуаций позволяет различить в блеске счастливых глаз страх перед неведомым, тщательно скрываемый под личиной самоуверенности и напускного фанфаронства. И это неведомое - тягостная реальность жизни счастливого. И вот встречая такого фанфарона после резкого поворота фортуны, видишь уже иные глаза, простые, человеческие, примирившиеся с наступившей неизбежностью. Так вот ее предощущение - такая же реальность нашего сознания, как и все протекшее в человеческом роде до нас.

Не случайно, наверное, одна из самых иллюзорных забот человека - его стремление вырастить и обеспечить свои чада, оградить их от бед и ошибок отцов и дедов, дать им "счастливую жизнь". Конечно, это опять таки иллюзия нашего сознания, ибо новая духовная реальность, в которую попадают наши потомки, предопределяется не нами. Кто вытянет счастливый билет в игре жизни - дело абсолютно неведомое, столь неопределенное, как и критерий этой "счастливости". Ведь нередко же нею - следует Голгофа, побивание камнями, зависть и ненависть "соратников". Социальное планирование (которое стало как-то респектабельнее называть "прогнозированием" и которым ныне занимаются не только академически настроенные умы - экономисты, политологи, социологи, но и астрологи в той же самой мере, как и

на уровне индивидуального бытия) дает иллюзорную будущность. И хотя человечеству неизвестен ни один сбывшийся "прогноз" его развития, оно просто не мыслит свое существование без этого "забегания вперед". Здесь не имеет значения идеологический флёр, который прикрывает это забегание - будь то "тысячелетний райх" или очередной пятилетний, "научно обоснованный" социальный план. Важно лишь, что социум пребывает в такой же иллюзии, как и индивид, рисуя радужные или трагические картины своего ближайшего или отдаленного будущего. И эти картины - закономерность человеческой эволюции как развития сознающего мир человеческого духа. Они - вне нравственных оценок. Они такая же реальность духа, как живое прошлое и неодолимое современное действие. И они - внешнее выявление нашего движения в ничто, а не от прошлого в будущее.

Структура нашего духа, которую мы привыкли традиционно подразделять на интеллект, эмоции, волю (ибо из этой триады пока не удалось сколь-либо убедительно вырваться самым серьезным школам психологии), совершенно иная, что важно подчеркнуть в связи с анализом направленности этого духа как реальной истории. Её не уловил ни рационализм, ни эмотивизм. И тем более бессильными оказались все адепты "волевых решений". История смела их вместе с "вечными замыслами", словно океанская волна прибрежный песок.

Я не скажу в этой связи что-нибудь принципиально новое, ибо то, что рассматривается мною как структура сознающего мир духа, действительно фундаментально и всесторонне изучено антропологами, историками, этнографами, фольклористами и многочисленными представителями самых серьезных наук о прошлом человечества. Ведь именно они в самых разных странах и на разной фактологической основе показали значение мифов, легенд и утопий в жизни человека.

Но вот что примечательно - триаду эту они рассматривают в генетическом плане, как этапы развития человеческого самосознания в связи с объективным историческим процессом, а точнее как ступени на пути к истинному знанию. К ренессансу научной мысли, свободной от иллюзий, искусственных построений, ошибочных представлений о причинно-следственных связях в действиях освобождающегося человека. Здесь-то, на мой взгляд, истоки существеннейшей ошибки, выражающейся в игнорировании реальной структуры сознающего мир человеческого духа.

Конечно, ошибка эта ощущается многими учеными, которые так или иначе прикасаются к загадке сознания. Фрейд и его последователи, вскрывшие тайну подсознания, его истоки усматривают в филогенезе. Маргарет Мид, озадаченная устойчивостью духовных образований в культуре "нецивилизованных" народов, в равной мере склонялась к выводу о некоторых неизменных идеальных образованиях, не подвластных прямому воздействию условий жизни, их изменениям.

Отдавая дань ученым этого плана, существенно обогативших научную мысль нашего времени, все преодолевших в косном истолковании "социального существа", каковым предстает человек в подавляющем числе политологических доктрин, все же отмечу парадоксальное обстоятельство - они невольно способствуют укоренению превратных представлений о судьбах человеческой цивилизации. Ведь их выводы дают основание утверждать мо-

бильность самосовершенствующегося и совершенствующегося человеческого духа. Так или иначе освобождающегося от наследия прошлой истории.

В итоге складывается утешительная картина: в движении сознающего себя человеческого духа мы шли от мифов к легендам, а от последних - к утопиям. И вот, наконец, мы подошли к периоду научного осознания мира человека, а стало быть - и к возможности его контролирования, регулирования, совершенствования. Не имеет значения, кто и как отстаивает эту мысль в примитивности нашего духа - марксисты или представители социальной инженерии, доморощенные диктаторы-реформаторы разного толка или футурологи-гадалки. Важно иное - никому из них, решительно никому не удалось добиться соответствия социального замысла - исторической реальности, модели человека, отработанной в реторте воображения, действительному индивиду со всеми его противоречиями, всем неизбежным сочетанием благости и мерзости духовной.

Не удалось, ибо путь от мифов, легенд и утопий к "прозрачному" рациональному сознанию не более как утешительная сказочка, отнюдь не безвредная, ибо она лежит в конечном счете в основе всех и всяческих форм манипулирования свободным человеком, а стало быть служит несвободе.

Нет, в познающем сегодня мир человеческом сознании аккумулирован не только новый опыт (а перед ним нельзя не склоняться в восторге, даже учитывая, что лишь тончайший слой человечества подобрал его в себя!), но и живет мир мифов, легенд и утопий. А всеобщий интерес к ним, возникший подобно шквалу повсеместно не дань увлечению, но естественное стремление добраться до своих корней, чтобы заглянуть в неведомое, надвигающееся... Три тысячи лет тому назад древние иранские племена свои мифологические представления о мире и человеке в нем, нормах человеческого общения выразили в гимнах-яштах, обращенных к всемогущим богам, и прежде всего провозглашенным пророком Заратустрой верховному богу Ахура-мазду. Утрачена навсегда изустно передававшаяся "Авеста", кроме нескольких ее книг, в которых Ф.Ницше справедливо разгадал первоначальнейший моральный кодекс человека. Вытеснила древнюю мифологию мусульманская легенда, ставшая религией со своим пророком, своими святыми. Но прочтите в "Коране", и в его сурах вы, словно палеонтолог, найдете те же мифы Авесты. И так со всеми без исключения мифами, которые живут ныне не только в религиозных верованиях, более того, отнюдь не в религиозных верованиях, но в нашем обыденном сознании. Ибо в мифе есть нечто, делающее его вечной формой самопознания и сознания. Меняется лишь стиль, но не сущность сознающего мир человеческого духа, ибо она - неизменна и в силу этой неизменности предопределяет нашу, человеческую судьбу.

О смене стилей первым, пожалуй, высказался О.Шпенглер в "Закате Европы". Он, предощущая этот неизбежный закон (который, на мой взгляд, ни на йоту не отодвинули успехи современной европейской цивилизации), попытался в стиле найти нечто устойчивое, те "волны" истории, которые все же оставляют надежду на будущее. Он писал (имея ввиду, конечно, не только искусство) : "Стили не следуют друг за другом подобно волнам или биению пульса. Они не имеют никакого отношения к личности отдельных художников, к их воле или сознанию. Наоборот, стиль в качестве посредст-

вующей стихии априорно лежит в основе художественной индивидуальности. Стилль, как и культура, есть пра-феномен в строгом гетевском смысле, будь то стилль искусства, государственных образований, мыслей, чувствований, форм выражения религиозного сознания или иной группы явлений действительности. Так же, как и "природа", стилль есть постоянно новое переживание человека, полное выражение мгновенных свойств его становления, его "a1ter ego" и отражение в зеркале". Поэтому в общей исторической картине культуры может существовать только один стилль, а именно стилль этой культуры.

Но - конкретная культура по неизбежности исчезнет в небытии, а ее мифологическая основа остается в нас, остается неведомой, не подвластной самому пристальному историко-логическому анализу. (Кстати, в этой связи отмечу, что в прошлом меня интересует не то содержание, которое ему приписывают весьма основательные историки-интерпретаторы, а его душа, живая и незыблемая поныне).

Две фундаментальные базы вечно живого мифа - вера в нашу сопричастность природе (та самая, которую ныне тщетно пытаются восстановить доморощенные астрологи, историческая непрерывность мысли которых была волею судеб беспощадно разорвана, а доморощенное ее латание ни к чему целесообразному не приводит. В течении ряда лет я читал "астрологические предсказания" наших дилетантов. И что же - попадание практически равно нулю!) и логика магического мышления. И сойти с этого фундамента наше, "просвещенное" познание фактически не может, да и не сможет никогда. На нем его фактическая (а не внешне-событийная) история человека базируется всегда и повсеместно.

Напомню, что миф возникает первоначально как верование в духовность всего сущего, окружавшего человека. "Первая и главная причина превращения фактов ежедневного опыта в миф есть верование в одушевление всей природы, - верование, которое достигает высшей своей точки в олицетворении ее" - отмечал авторитетнейший и поныне теоретик мифологического мышления Э.Тэйлор.

Как наивно - скажет современный "мыслящий человек". Именно так и думал я, поднимаясь на относительно небольшую горку - Олимп. Но ведь и вседержитель - Зевс, и премудрая Афина, и владыка морских пучин Посейдон живут до сих пор на нашем душевном Олимпе. И не только в художественных реминисценциях без конца и края, но и в наших страхах перед грозой в пуще леса, затянувшемся морском заплыве... Да и страх, неожиданно возникший среди камней, это не только страх перед непредвиденным нападением, но и нечто большее, загадочное, даже мистическое, идущее от ацтеков и древних полинезийцев. Наследуя остатки их "материальной" культуры, бережно складировав их в музеях, мы вместе с тем - живые наследники всего живого сознающего духа прошлых веков, куда уходят не "чистые" линии логики, но смутный переплет протоптанных миллиардами людей троп.

Делает бессмертным в нашем сознающем мир духе миф как его структурный компонент то, как складывается это "одушевление всей природы", те принципы нашего взаимоотношения с природой, которые присущи отнюдь не только нашему отдаленному предку у стадного костра или в общей пещере. А складывается оно на жесткой, логически незыблемой базе, на принципах,

которые впервые выявил крупнейший этнограф современности - Джеймс Фрезер, труд которого - "Золотая ветвь" широко используется "магами" наших дней и... замалчивается ими. "Первый из них гласит, - пишет Дж.Фрезер, - подобное производит подобное или следствие похоже на свою причину. Согласно второму принципу, вещи, которые раз пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта. Первый принцип может быть назван законом подобия, а второй - законом соприкосновения или заражения". Из первого принципа, а именно из закона подобия, маг делает вывод, что он может произвести любое желаемое действие путем простого подражания ему. На основании второго принципа он делает вывод, что все то, что он проделывает с предметом, окажет воздействие и на личность, которая однажды была с этим предметом в соприкосновении (как часть его тела или иначе). Гомеопатической, или имитативной, магией можно назвать колдовские приемы, основанные на законе подобия. Контагиозной магией могут быть названы колдовские приемы, основанные на законе соприкосновения или заражения".

Закон подобия - хотим мы этого или не хотим в меру теоретической амбициозности, пронизывает все наше действующее сознание. Уверовав, что причины нам ясны (а это - логическая аберрация как на индивидуальном, так и на социальном уровне, ибо никому и никогда не удавалось да и не удастся обобщенно, рационально понять всю цепь причин), мы склонны с древнейших времен предсказывать следствия. Здесь не имеет значения характер этих предсказаний. Маг, колдун, шаман (назовите, как вам покажется целесообразнее применительно к конкретной историко-этнографической ситуации) убеждает нас своим пафосом, своим подлинно актерским и заразительным вдохновением, что поплывшая по реке палочка унесет наши несчастья, что выпущенная из петуха кровь возродит наши силы, что тряпочки на дереве в пустыне оградят нас от влияния злых духов, их чар. Действует ли поныне в сфере нашего сознания закон подобия, мифологизируя его? Не торопитесь с отрицательным ответом, ибо неизбывная вера в него сопутствует нам как на индивидуальном срезе бытия, так и в попытках "регулировать" движение социума. Японский клерк, убежденный в том, что его преуспевание зависит в конечном счете от его чистоты (это стало не только модой, но и нормой человеческого общежития в этой динамичной стране), не более далек от воздействия закона подобия, чей его предок, избегавший выходить в поход при неблагоприятном полете птиц¹. Вновь избранный демократ-депутат

---

¹ Впрочем, сознание предков живо у всех без исключения народов, даже у тех, которые кичатся своей цивилизованностью или приобщаются к ней в общении. Так, по рассказу специального корреспондента "Комсомольской правды" в Бангкоке А.Ромашко, в последнее время сотни строителей - тайских мужчин, молодых и здоровых и отправившихся на заработки в Сингапур, погибли ночью от удушья. ... Сельские старейшины собрались на совет, подумали и решили, что во всем виновата "ночная вдова" - один из зловещих персонажей местной мифологии. Оказывается, она, оставшись без мужа, посещает по ночам молодых, здоровых мужчин и уводит их с собой в загробное царство... Поскольку с духами в открытую бороться невозможно, то мудрейшие решили пойти на хитрость. И рассуждали при этом примерно так. В принципе любвеобильной ведьме нужен не мужчина как таковой, а лишь определенная часть его тела. Но по опыту они знали, что вряд ли найдется желающий, который, даже ради спасения своей жизни, согласится пожертвовать тем, чем наградил его создатель. Тогда, как любят выражаться наши парламентарии, был найден компромиссный

в любой наш местный орган власти, всерьез полагает, что следствие его дальнейшего успеха зависит от "соприкосновения" с теми реальными святынями, которые мы действительно умудрились порастерять, в том числе и без его помощи (если иметь в виду поразительное засилье доцентов в наших новоизбранных органах власти всех уровней!). Он и свечку поставит во вновь возрожденной церкви, и яростно поддержит в народе родившееся стремление вернуть всему родному свое исконное название. Подобное производит подобное - так полагает он, хотя фактически это может произойти лишь в глубинах сознающего мир человеческого духа, но не в его вполне конъюнктурных проявлениях. Но магия здесь перерастает в мифологию, которая может быть и безнравственной.

Человеческое сообщество любого порядка также бессильно когда-либо преодолеть магическое мышление, а стало быть - и избежать мифологизирования (как нравственного, так и безнравственного). Вызвав целенаправленным (как это им, конечно, кажется) действием определенные последствия, порою - действительно глобального масштаба, такие сообщества стремятся следствия подогнать под причину, игнорируя свободно развивающийся и бесконечно многообразный человеческий дух. Это, конечно, уже имитативная магия весьма зловещего свойства. Сколько крови, например, пролили крестоносцы во имя Христа, во имя возврата исконно христианской святыни - Гроба Господнего! Как они (да и их многочисленные последователи в истории) стремились следствие подогнать под причину, уверовав в неодолимость подобной магии. Но увы - свыше миллиарда мусульман в нынешнем мире никак не похожи на исходную "причину". Напротив, они воинственно настроены против нее, исповедуя другой по направленности магический постулат - созданное ими "подобное" преобразует мир, облагораживает его под зеленым знаменем Пророка.

И мы со своими мифологическими притязаниями в этом отношении не смогли перешагнуть порог магического мышления. Единая причина - революция в России, сугубо национальная по многим своим ипостасям, казалась нам достаточным основанием, чтобы любое следствие (социальные изменения в революционном процессе других стран и регионов) оказывалось похожим на свою причину. Так кочевники-казахи стали жителями нарастающих мегаполисов, чуждых их природе, так киргиз, веками селивший злых духов в подземельях, призван был спуститься на доблестный труд в шахту, вольные землепашцы, в труде которых - все искусство, тысячелетиями закреплявшийся индивидуальный навык, призваны были по закону "подобия" принять на себя личину коллективистов с фордовского конвейера. Магия подобия довлеет над нами и сейчас, хотя облечена она в высокопарные и сугубо теоретические построения доморощенных экономистов, соприкоснувшихся в период гласности с теми этапами развития рыночной экономики, которые весь цивилизованный мир уже прошел.

выход. Старейшины поручили ремесленникам изготовить для каждого желающего специальные амулеты, символизирующие мужское начало. Именно этими символами и должна довольствоваться "ночная вдова", оставив в покое местных мужчин.
(Ромашко А. Козни "ночной вдовы". Комсомольская правда, 24.VIII.90)

Закон заражения опять-таки подкрепляет как неотъемлемый структурный элемент все функционирование нашего духа. Контагиозная магия ни в коей мере не достояние далекого прошлого, как и магия имитативная. Это не только колдовские приемы, ибо даже в медицине операции с предметом могут оказать воздействие и на психику человека. А резве заражение через предмет не реальность социального манипулирования! Символ плодородия, пришедший в XX век из глубин неведомой истории народов Индостана, стал "соприкосновенным" миллионам немцев (зашагавших вслед за своим одержимым фюрером по трупам народов), "зараженных" приемом его откровенно колдовского использования. И страх заражения через предмет - грань того же магического мышления, той же контагиозной магии, которая, словно смерч, смела бесценные храмы - творения русского зодчества, великие шедевры народного гения. На моих глазах взлетал на воздух Страстной монастырь и Благовещенский собор. Мне довелось быть свидетелем одного из самых чудовищных актов вандализма - уничтожения Сухаревской башни, Красных ворот, Иверской часовни. Не надо лгать на потребу новой мифологии - толпы неистовствовали в восторге, не ведая, что происходит на их глазах. И точно одурманенные той же магией, люди полагали, что они "отрекаются от прошлого". Но ведь в сфере духа это принципиально невозможно, немислимо, и законы его истории не законы вандализма, войн, разрушения городов и цивилизаций.

Исчезла ли мифология из структуры современного, демократического духа? Конечно же, нет. И об этом страшном и зловещем будущем я поговорю в завершении всех своих рассуждений. Пока лишь подчеркну - дух вне мифа не существовал, не существует и не будет существовать как часть без целого.

Иное дело, что первоначальный человеческий смысл мифа может быть незаметно (не без унылых словопрений философов, избравших своей профессией терминологические игры) подменен иным понятийным значением. Примечательно, что подобный перенос значения (затрудняющий нам анализ структуры сознающего мир духа как основы истории) совершался в XIX веке в рамках академического, то есть вполне благопристойного мышления. Хорошо зафиксирован этот процесс в известном "Философском словаре" под редакцией Г.Шмидта. "В настоящее время, - подчеркивается в нем, - говорят о мифизации известных понятий, благодаря которой явления, лежащие в основе этих понятий как рационально неосвояемые и непостижимые, должны быть предоставлены в качестве благоговейно принимаемых; подобными понятиями являются, например, понятия государства, народа, коллектива, техники. В противоположность этому говорят о демифологизации, - в той мере, в какой некоторые унаследованные взгляды и понятия, освобожденные от своей мифической формы, должны быть рационально объяснены".

Как это ни печально, демифологизация, которая стала модным явлением нашей публицистики, не имеет столь серьезного, академического характера. Ее смысл в стремлении укоренить представление о мифе как о чем-то зловредном, что они, представители этой публицистики, во время оно принимали лишь по принуждению, а вот теперь, прозрев, отвергают любые мифы, вступив в блаженную землю истинного рационализма. Но вслушаемся в их аргументы - и сразу же обнаруживают себя примитивные формы той же

мифологизации: или как "очищение" марксизма истинного от наносных построений последующих злодеев, или отказ от марксизма вообще (что не позволяют себе даже самые непримиримые, но объективные его критики) во имя мифа о народовластии (под которым, конечно же, они разумеют свою управленческую, "просветительскую" деятельность). Мифологизация, сменяющая мифологизацию, - что может быть печальнее и бесперспективнее, что может лучше убить реальное содержание нашего многопланового, сложного по структуре сознающего мир духа!

К сожалению, эту идею дискредитирует наша легковесная журналистика, впервые вкусившая дозволенной гласности, и неумные доценты, вчера еще провозглашавшие "осанну" и мировой революции, и развитому социализму, а ныне восторженно и без сколь-либо серьезного понимания законов развития духа воспевающие "регулируемую" рыночную экономику (хотя сочетание этих двух понятий - явная абракадабра). И дело не в том, что они радикально изменили свои взгляды - человек не пень и не может быть лишен права осмысления по новому новой ситуации. Ведь отрекся же после эшафота от социализма Достоевский; подверг анафеме свое непередаваемое по силе человеческого духа творчество постаревший Л.Толстой... Хуже иное, а именно то, что все свои идеологические построения предшествующей поры они провозглашают "мифологией", выхолащивая научное содержание этого компонента исторически - развивающегося, сознающего мир человеческого духа, забывая что миф - верование в одушевление всей природы. От такого понимания мифологии, вполне политизированного на потребу дня и приобретшего вульгарный, бытовой смысл, сразу же должен отмежеваться. Здесь есть и своя, родная опора - прозорливые труды русских ученых прошлого, таких как Н.Евреинов, Вл.Соловьев, В.Розанов, А.Веселовский, всегда рассматривавших миф как социокультурный феномен развивающегося духа.

С мифологическим осмыслением сущего в нашем сознании, нашем духе органически переплетается неистребимый никакими гонениями или "научными" толкованиями мир легенд. Легенда уже не миф, ибо она, как отмечал В.Даль, "преданье о чудесном событии", или "священное предание"⁶. Но она еще и не утопия, ибо характеризует тот срез нашего сознающего мир духа, который рожден в глубоком прошлом (как миф), бытует в его современной структуре, но не выступает с претензией приподнять завесу будущего во имя иллюзорного действия. В легенде (и это блистательно делается уже не одним поколением ученых) всегда выявляется реальный прообраз (но не непостижимая и неведомая, всевластная над человеком природная сила). И каковы бы ни были последующие наслоения, напластования, какие бы сталактиты ни обросли его, придав порою самую причудливую форму первооснове, ее факт - реальность, определяющий сопричастность легенды - современному духу. Нет ни одного (в буквальном смысле слова) большого или малого народа, в сознании которого не жили бы легенды, зафиксированные человеческой памятью, как эпос и поверье, сказка или молитва. Примечательно (и это, кстати, мне крайне важно акцентировать именно сейчас, в предверии дальнейших раздумий о судьбах человечества как рода), что при всем поразительном многоцветии легенд в структуре сознания их можно сгруппировать (не отвергая, безусловно, сильнейшие доводы систе-

матиков от науки) в два взаимопереплетенные подраздела: легенды об индивиду (назовите его "героем", если это тешит ваше традиционное мышление) и легенды о событиях, происходивших с той или иной человеческой общностью.

Легендарное - достояние прошлого; оно им порождено, в его рамках действительно существовало, ошеломляя величием добра или зла, масштабом сверхчеловеческих подвигов либо страданий. Всмотревшись в идолов острова Пасхи, Тур Хейердал стремился понять, как и почему их неадекватные образы запечатлели разные легенды в камне - и пришел к естественному выводу о разных этнических слоях этих легенд. В любой легенде есть эти слои, наносы позднего времени, способствующие "выравниванию" легенды, ее, так сказать, кристаллизации. И нас теперь не очень волнует тот факт, что Абеяра кастрировал его недоброжелатель - всеильна легенда о беззаветной любви Пьера Абеяра и Элоизы. Нас не шокирует, что поразительный Аввакум был ограниченный фанатик - в нашем сознании он живет как легендарный символ негибамости духа, его абсолютной непреклонности перед любым злом. Только кретин и недоумок может всерьез изучать лирические увлечения Пушкина либо его отступления от прямолинейной "революционности" - ибо Пушкин это легенда русского народа, воплощение всего того самого сокровенного и полутаинственного, что заставляет иностранцев говорить о "непостижимости русской души".

Переход от легендарности индивида, вошедшей вместе с молоком матери в наше подсознание, в наш дух, да притом таким таинственнейшим образом, что он и без изучения, без школьного штудирования вбирает в себя все легендарное в мире человеческого духа, к легендарности события является одним из самых значительных и самых загадочных феноменов нашего развития¹.

Человек, ставший легендой, действует, и его действие приобретает значение неотъемлемой стороны всей нашей жизни, от ее повседневных ритуалов до представления об ее ценности, от ее организации до мудрого осознания ее неизбежной конечности. Если этого действия легенды на сознание нет - возникает сказание об исчезнувшей общности, поучительное, увлекательное, но весьма косвенно влияющее на сознающий мир челове-

---

¹ Видимо мое ощущение единства сознающего мир духа, где царство мифов, легенд и утопий - такая же реальность, как "современное сознание" (которого, с моей точки зрения, в дистиллированном виде никогда не бывало), имеет значительный общий интерес, ибо его начали в последнее время стали выражать не только социологи (в частности, советские, медленно выходящие из состояния хронического шока), но и чуткие писатели. Так, в дни 550-летия калмыцкого национального эпоса "Джангар", трагичного, как и судьба создавшего его народа, воплотившего в нем все свои страдания, весь опыт, надежды и радости, поэт Давид Кугультинов написал: "В те счастливые часы, когда я прикасаюсь к страницам великого творения, я каждый раз открываю для себя совершенно новое и неожиданно вспоминаю, что приключилось со мной пять веков назад. Говорю это не для красного словца, а передаю то ощущение, которое так волшебным удлинит мою жизнь и дает мне то, что я никогда не видел: то, что грядет. В такое мгновение кажется мне, что я вхожу в гармонию со Вселенной и Вечностью, душа моя находит покой, желанное умиротворение, мысли моей открывается некая тайна, необъяснимая, но понятная, светящаяся..." (Кугультинов Д. И в небесах я вижу бога...// Правда. 24.08.80).

ский дух. Так, исчезнувшая в пучине Атлантида будоражит умы до сих пор. Но ведь не скажем же мы, что ее существование запечатлелось и в наших душах, воздействует и поныне на наше бытие и устремленность к небытию. Иное дело - духовное событие, каким всегда оказывается воздействие легендарного человека на человеческое сообщество. Проповедовавший на рубеже У1-У веков до нашей эры Гаутама ("ясновидящий" - или "Будда") предугадал то, что по сути дела знали все, - и, быть может, в страхе гнали от себя это рациональное осмысление мира: все в мире преходяще и не имеет постоянной сущности; все - лишь комбинация неведомых жизненных сил, которые по извечному установлению возникают и исцеляют в таинственной взаимосвязи друг с другом (дхарма). И не исчезнет в мире ни один злой и ни один добрый поступок - все запечатлевается как карма, неизбежный синтез всех деяний, порождающих в итоге иную, быть может, страшную, а быть может, и благостную судьбу вечного духа.

Можно быть буддистом, можно отрицать его легенду, но ведь действительно в истории человеческого духа ничто не исчезает, все живет по неведомым и постоянным законам, познать которые нам дано лишь в мгновения перехода из бытия в небытие. И в этом плане любая легенда, ставшая религией, не предсказывает будущее. Она предостерегает от деяний, выходящих за рамки легенды и тем самым лишаящих человечество будущего. Можно было бы в этой связи сказать о нравственном пафосе такого рода легенды, если бы этот термин "нравственность" не был бы засален грязными руками аморальной толпы.

Дебилизация - печальный итог развития легенды в религию, а затем - в факт массового проявления сознающего себя духа. И хотя человек склонен величать себя весьма поэтично и возвышенно, определяя свою родовую сущность (для одних это - *homo faber*, ремесленный, технически умелый человек, для других - *homo sapiens*, или способный осознать существенное, для третьих - *homo divinus*, или таинственное существо, живущее в одушевленном мире, для четвертых это - *homo ludens*, или играющий человек, иронически воспринимающий все разворачивающееся в окружающем его мире, древнейшие философы неоднократно предупреждали об иллюзии его бытия. Вспомним хотя бы учение одного из основоположников учения Стои - Хризиппа о закономерном и периодическом сожжении в возрождении мира духовной, божественной силой.

Забвение иллюзорности бытия, пропитывающей любую легенду, способствует деформации духовной первоосновы религии. Нагорная проповедь Христа, как бы обобщившая все его легендарные страдания, подвиги, откровения (в исторической реальности которой, как мне кажется, можно сомневаться с таким же основанием, как и в существовании раскопанной Шлиманом Трои) в движении массового сознания, в растекании христианства на школы, направления, секты звучала и в устах тех, кто устроил бойню Варфоломеевской ночи, и в уютных домиках тех, кто отправлял в печь миллионы себе подобных в XX веке, и в действиях христианских формирований в многострадальном Ливане. Уж какое там "не убий"! Но "виновата" в этом легенда или же попытка ее прагматического использования на потребу своекорыстно понятого будущего - вот, пожалуй, в чем проблема! Легенда - реальность прошлого, истории сознающего мир духа, и она может быть лишь пре-

вентивной, оздоравливающей, предупреждающей, облагораживающей, в конце концов, - идеальной силой и не более. Легенда - не конструкция "будущего", которая весьма ловко конструируется политиками в своих, но отнюдь не общенародных целях, не во имя реального прогресса человека и человечества.

Моисей, привлечший к Каабе миллионы и миллионы мусульман, немышлял о тех потрясениях, которые расколют в дальнейшем мусульманский мир, о резне неверных под зеленым знаменем пророка. Легендарный Моисей признал лишь уничтожение неверного, подступившего к святыням в Мекке - и не более того). И когда мы говорим: "В начале было слово", то невольно признаем позитивный исторический смысл легенд, устных и зафиксированных в священных книгах - "Трипитаке", "Библии", "Коране", в Ведах и т.д.. Вчитайтесь в них - и в каждой невольно откроется перед вашим мысленным взором реальность духовного бытия, то в нем, что можно назвать "человеческое, слишком человеческое". Не читайте эти мудрейшие книги, вызванные к жизни человеческим гением, - вы все равно несете в себе их заповеди как "легендарный" компонент вечно развивающегося духа.

Кстати, как и в случае с мифологией, надо остерегаться (если, конечно, вы хотите заглянуть в завтра и человека, и человеческого сообщества) обывленного использования понятий "легенда", "легендарный", которые повсеместно довольно легко используются по любому поводу. Прошел удачный рейс конной армии и опозитизирован ее командующий - вот уже и "легендарная" воинская часть. Другая же, скажем, Вторая конная под командованием Гая, испепеленного террором, несмотря на весь поразительный героизм рейдов... вообще надолго исчезла из истории. Здесь дело доходило до курьезов - поскольку в одной из самых популярных картин двадцатых годов - "Комбриге Иванове", созданных моим отцом, снимался один из корпусов Гая, постольку холуйствующие киноведы сделали все для того, чтобы предать этот фильм забвению.

Нет - легенда была и остается гранью мыслящего духа, сплетенного, словно корни сказочного дерева, из сознания самых разных племен и народов. Убежден - всех без исключения. И жаль, что нет у нас столь тонкого инструмента, который мог бы выявить в духовной жизни современного ученого-атомщика, поднявшегося на недостижимые вершины действующего интеллекта, пласты или слои легендарного мышления.

Ни миф, ни легенда в структуре сознающего мир духа не продвигают нас к будущему (если, паче чаяния, политики не примутся истолковывать Библию или Коран, Тору или Трипитаку в соответствии со своими ближайшими, навязываемыми человеку социальными замыслами). Но в структуре сознающего мир человеческого духа есть еще один основополагающий компонент структурного значения, ощущаемый нами как целеполагание на индивидуальном либо социальном уровне (что - безразлично), но столь же иллюзорный, как пришедшие в наше сознание из далекого прошлого мифы и легенды. Он вроде бы ориентирует нас на будущее, дает его "модель", побуждает к действию во имя индивидуальной или коллективной судьбы. Но, лишь на первый, и, притом, весьма поверхностный взгляд. Компонент этот нашего сознающего Я столь же иллюзорен, как и мифы, легенды.

Его принято называть "утопией". Причем принято в обыденном сознании наших людей, привыкших бездумно повторять, что утопический социализм есть один из источников марксизма. Наверное, это так. Но ведь утопии как явления сознания существовали задолго до того, как Томас Мор придумал столь удобное сочетание слов ("без места" - и все тут!). И дело не только в том, что утопические социалистические доктрины существовали и ранее. Утопия - неизменный феномен нашего действующего духа, наше мысленное завтра, надежда или ориентир.

Не утопия ли двигала бесстрашными аргонавтами в поисках волшебного Золотого руна? Не утопией ли тешили и тешит себя христианский мир, уверовавший в то, что на том свете Бог посадит грешников одесную и наградит их вечным блаженством? Не утопия ли делала войско Спартака равным прославленным и закаленным в боях римским legionерам? Не утопия ли охватывает сознание всех мусульман, всерьез презирающих смерть - лишь означая переход в высшее духовное, свободное состояние.

Да, марксизм, вобравший в себя как одно из исторических явлений самодвижения духа и мифы, и легенды наряду с утопическими представлениями о рациональной и свободной организации общества трудящихся и освобожденных от капиталистического рабства людей, впитал в свой уже второе столетие действующий духовный арсенал все утопии прошлого. Подчеркиваю - все, что плохо учитывают легковесные критики марксистской доктрины, отнюдь не предполагающие ее закономерное воссоздание в будущем в каком-то ином наборе идеологических догм.

Для утопического сознания характерно несколько взаимосвязанных признаков. Прежде всего, оно эстетизирует возможное будущее, то, до которого страждущему человечеству не так уж трудно дотянуться. Лишь бы захотеть! Лишь бы познать рациональные законы бытия. Лишь бы пойти на временные самоограничения - во имя светлого будущего.

Примечательно, что подобный аспект утопии подметил при исследовании перехода от французской рыцарской культуры к Ренессансу Й.Хейзинга в своей фундаментальной работе "Осень средневековья". Эта связь полудикого рыцарства с Ренессансом - "настойчивое культивирование прекрасной жизни в формах героического идеала. Почитание природы было еще слишком слабым, чтобы можно было с полной убежденностью служить обнаженной земной красе в ее чистом виде, как то было свойственно грекам; лишь набросив на себя одеяния добродетели, красота могла стать культурой".

Красота, ставшая культурой, - это ли не всеобщий символ утопии? Ведь и красота - понятие предельно бессмысленное, под которое можно подвести любую мечту о совершенстве. Да и культура - столь же неопределенное понятие, которое (как я и постараюсь доказать всем ходом изложения своих мыслей) может и должно быть заменено иным, сопряженным духу, а именно понятием цивилизованности, цивилизации.

Но, не задумываясь о чисто метафорическом значении подобных терминов, все утописты (даже наиболее близкие нам) в красоте, доставляющей наслаждение, видят манок для "действенности" своих утопических построений. Тот же Томас Мор писал: "Приятным от природы считается все следующее: то, к чему стремятся не путем обиды; то, ради чего не теряется другое, более приятное; то, что не причиняет страдания; то, чего ищут не

только чувства, но и здравый смысл". Вдумайтесь - ведь по сути дела здесь аргументом от красоты Томас Мор обосновывает всю свою утопическую концепцию!

Естественно, что "зрелые" утописты отвергали прошлое, мифы и легенды в сознании, полагая, что они ослепляют разум. Отсюда - сочетание эстетизации будущего (развития универсального способного человека и гармоничного, свободного общества равных) с разоблачением "теологии", под которую подгонялось все, безотносительно к историческому и этнографическому своеобразие, что не умещалось в их утопическую схему. Не теология, но познание открытых ими "законов" человеческого сообщества - так мыслилось ими достигнутое (порою - действительно в героических деяниях и интеллектуальных муках, под страхом костра или же в условиях не менее ужасного всеобщего непонимания). Кстати, если бы они могли предвидеть, что их рациональные поиски вскоре будут объявлены утопическими в смысле "несбыточными", "фантастическими", даже - донаучными! Впрочем, подождем еще немного, мой читатель, и мы поймем, что такая же судьба уготована выросшей на их плечах "подлинной науке об обществе" - марксизму. И не потому, что его смело разделяют в пух и прах бойкие, но невежественные журналисты. Да и не потому, что политики в силу глубинных причин развития сознающего мир человеческого духа отрешиваются от него (хотя, смею полагать, менее осведомлены в нем, чем, скажем, профессора в Беркли или Оксфорде!).

Как марксисты снисходительно похлопывали по плечу утопических социалистов с их неудачными экспериментами чисто практического плана (искания Фурье или Оуэна, прогнозы Н.Чернышевского в "Что делать?"), так и утопические социалисты в свою очередь снисходительно относились к утопиям предков. Так, Р.Оуэн писал в этой связи: "Надо предположить, что наши предки стремились создать у людей самый совершенный характер и обеспечить им благосостояние; с этой целью они создали бесчисленные учреждения, основанные на принципах теологии. Из опыта многих тысячелетий стало ясно, что учреждения, построенные на принципах любой теологической системы из числа существующих, должны при успешном осуществлении привести людей к неразумию. Теперь очевидно, что условия жизни человеческого рода не могут быть прочно улучшены до тех пор, пока этим учреждениям позволено будет существовать. Теология и фальшь неизбежно сочетаются вместе: первая с неустранимой необходимостью приводит ко второй, и пока устройство общества неизбежно порождает обман и фальшь, тщетно было бы ждать возникновения добродетели, разумности или счастья".

Не знаю, что сказал бы Р.Оуэн, побывав в таком сугубо мусульманском, основанном на жесточайшей вере в теологическую мудрость Корана княжестве, как Абу-Даби! Но могу себе представить, как бы он отозвался о нашей "рациональной" организации русского общества, отбросившего даже видимость теологии и созданного не на утопической, а на строго "научной" основе. По крайней мере - и это главная моя мысль для беседы с читателем - мы ни в чем не погрешили против истин марксизма (или их последующих интерпретаций), но вдруг начали взывать сейчас и к теологии, и к духовности, и к мудрости инопланетян... Здесь, как говорится, одно из двух - либо наука не-

достаточно научна (а так просто в адрес фундаментальнейших трудов марксизма не бросишь камень, если ты смог действительно ознакомиться и с ними, и с их влиянием на современный "капиталистический" мир), либо утопия принимает от века к веку новые формы, никогда не исчезая из сознающего мир духа.

Ратуя за красоту будущего человека и человечества, за его счастье и добродетельность, утописты всегда выдвигают и третье гипотетическое предположение - о равенстве всех счастливых и "играющих" людей, о вечном общении между ними, которому мешали старые мифы, легенды и "ошибочные" утопические построения. И сами того не замечая, они одни утопии заменяют другими, отнюдь не предполагая, что и человек, и общество, которые рассматриваются ими идеальными и желаемыми, уже были в истории человечества, которая отнюдь не является цепью сплошных мук, насилий, убожества и примитивизма. Вряд ли, например, великая книга Индии "Кама Сутра" давала менее "разумное развлечение" и была более пассивной в деле "содействия счастью других", чем современный всплеск индустрии секса? Но утопия устройства идеального общества так обуревала незаурядные умы правдоискателей, что они всерьез верили в принципиальную новизну своих утопических социальных построений, дающих гарантию "всеобщего благополучия".

Вслушаемся в слова того же Р.Оуэна, ибо его утопические концепции были все-таки (пусть - неудачно) выверены практическим действием. Он пишет о таком обществе равных и счастливых людей будущего: "Каждая семья будет в общих чертах и в основном устройстве во многих отношениях служить прототипом всякой другой семьи. От людей потребуются только участие в производстве, сохранении и распределении богатства, в хорошем воспитании всех с рождения, в управлении объединенной семьей без принуждения или обмана, но с соблюдением порядка, и содействие в управлении большим числом таких объединенных семейств в определенном районе; к этому надо прибавить меру для разумного развлечения и отдыха, если в них вообще возникнет надобность, когда вся жизнь составит, в соответствии с возрастом, здоровый и приятный отдых. Жизнь людей может легко превратиться в приятное, разумное и всегда интересное развлечение.

Это произойдет тогда, когда все будут воспитываться с рождения в хороших привычках, наклонностях, навыках их в добром поведении, когда все будут получать обширный запас полезных и ценных знаний, когда люди будут воодушевлены чистым духом всеобщего милосердия, притом не только на словах, но в повседневном и ежечасном применении, когда их собственное, разумно направленное трудолюбие создаст изобилие для всех, когда будет существовать единый, всеми ясно понимаемый интерес, когда все будут окружены самыми совершенными внешними условиями и предметами, куда бы ни упал взгляд, и все будут воспитаны и обучены так, чтобы испытывать искреннее желание содействовать счастью других, и будут обладать для этого широкими возможностями и знаниями".

Поразительно вот что: подобное гипотетическое представление, адресованное великим социалистом-утопистом нашему будущему, а затем под-

хваченное "научным утопизмом" или марксизмом¹ бытует столько, сколько бытует человеческий дух (разве что "равенство" и "счастье" трактуется с известными отклонениями от единой равнодействующей). Кто, скажем, не задумывался с древнейших времен о "хорошем воспитании всех с рождения". Но согласитесь, что воспитание юного спартанца имело мало общего со взрослением его сверстника из древних Фив. Европейец сегодня смотрит вполне спокойно на похождения своих юных отпрысков, предпочитая, чтобы они к 16 - 18 годам уже выпорхнули из родительского гнезда. А уж в быту о целомудрии как источнике семейного и прочного счастья никто и не заикается. Но не то, например, происходит и сегодня почти с 84 миллионами женщин ряда стран Ближнего Востока, Азии и Африки, где их в раннем возрасте подвергают женскому "обрезанию" (как во имя традиционно - мифологических поверий вроде того, что женщина, не подвергшаяся обрезанию, несет для мужчины смертоносное "жало", так и во имя утопического представления о постоянной супружеской верности женщины, испытывавшей эту беспредельную муку). Вот это "счастье" во имя будущего по описанию одного этнолога. Он рассказывал: "Это происходило ранним утром. Мужчин не осталось, они все уже ушли на работы в поле. Присутствовал только отец девочки по имени Адизета, которой было вряд ли больше семи лет от роду. Мне подумалось: неужели и ей предстоит стать жертвой? Женщины окружили девочку, а мать плотно запеленала девичье тельце куском цветастой материи. Волосы туго заплели в косы. Потом ее положили на ковер. Одна грузная женщина осторожно села девочке на живот, две другие держали ее за разведенные ножки и еще шесть крепко прижали ее к коврику. Женщина - "хирург" взяла в руки лезвие безопасной бритвы и склонилась над ребенком... Душераздающий крик разорвал тишину. Женщины зажали рот Адизете. Потом вдруг все разом отпрянули назад, оставив девочку одну на ковре. Полным муки взглядом смотрела та на себя. Из раны обильно сочилась кровь, кто-то из женщин принялся лить на нее далеко не чистую воду, черпая ее прямо из ведра, стоявшего рядом..."

Посмотрите, какая амплитуда человеческих представлений о будущем счастье! Смешно, наивно и практически бессмысленно полагать, что именно ваши представления - истинны, а все остальные люди или не доросли до культуры, или (к чему склоняются в своих выводах серьезные ученые) демонстрируют нам культуру прошлого, исчезнувшие навсегда утопические представления.

Эстетизация будущего, "отказ" от теологии и вера во всеобщее равенство людей, отчетливо проявившиеся в утопических концепциях нового времени, фактически характерны для любого человеческого сообщества любой поры его обитания на нашей планете. Меняются лишь содержательные элементы трех этих взаимосвязанных основополагающих утопического развития; сами же они - вполне константны для сознающего мир человеческою

---

¹ Наивно-романтический А.Бибель так рисовал картину с научной позиции: "В новом обществе условия существования будут одинаковы для всех, потребности же и наклонности будут различны и останутся различными, ибо они коренятся в природе человека; но каждый может жить и развиваться согласно с одинаковыми для всех условиями существования" (Бибель А. Женщина и социализм. М., 1959 с. 517.)

духа. И ограниченность нашего "научного мировоззрения" именно в том, что мифы, легенды, равно как и утопии, сразу же зачисляются по разряду "преднауки" (мягко говоря, не цитируя примитивные нападки на любую попытку постижения сложности человеческого духа, характерные для истекших десятилетий нашего ортодоксального, всеведущего и бескомпромиссного развития).

Но как вся структура индивидуального сознания, так и структура самосознания, выражающего нашу причастность к людям, нашу соборность, нашу неразрывность с социумом, изучена в XX веке настолько глубоко и многопланово, что все представления о человеческом духе XIX века, еще недавно воспринимавшиеся как научные истины и штудировавшиеся миллионами людей, да что там штудировавшиеся - ориентировавшие их деятельность во имя призрачного будущего, стали поэтическим преданием. Короче, старыми мифами, легендами, утопиями. Их не следует отбрасывать по крайней мере - по двум причинам. Преисполненные "научного самомнения" и уверовав, что только нам открылся Дух человеческий со всеми его естественнонаучными и социально-экономическими истоками, мы упускаем из виду, что предкам нашим в равной мере с нами была свойственна созидательная, продуктивная сила сознания и самосознания. Изящно это подметил Тейяр де Шарден: "Мы можем ошибиться, интерпретируя на современный лад отпечатки рук, ритуальные изображения заколдованных бизонов, эмблемы плодovitости, в которых выражены занятия и религия ориньяка или младенца. Но мы не можем ошибиться, когда и в совершенстве передачи движения и силуэтов и в неожиданной игре орнаментальной чеканки обнаруживаем у художников этого отдаленного периода наблюдательность, воображение, радость созидания - эти цветы сознания, способного не только размышлять, но и прекрасно размышлять о себе самом".

Так вот, размышляя о себе самом, человек сразу же оказывается перед трагической дилеммой бытия: как отличиться от других, как стать единственным, неповторимым, особым и вместе с тем сохранить свою принадлежность к этим другим, без которой его жизнь - пустой звук, праздное мечтание, прекраснотдушная фантазия двенадцатого часа ночи. Он хочет быть абсолютно свободен и наслаждаться всеми благами этой свободы. Но поскольку в равной мере этого хочет любой другой, то его свобода - вечный ужас перед завтра, перед непредсказуемым переплетением миллионов стремлений и желаний, в том числе - тех, которые впитаны нами веками, живут в нас как мифы, легенды, утопии. Живут, как бы ни подвергали их остракизму ученые, претендующие на естественнонаучную достоверность своих доктрин, "перерастание их из утопии в науку". И слабость, а точнее, драматичное заблуждение марксизма в том, что, глубоко, фундаментально, основательно исследовав законы движения экономических структур (что, кстати говоря, воспринимали и современные экономисты, заложившие фундамент постиндустриального общества), он оставил в стороне реальное общение индивида и общества, ограничив свои выводы банальностями о выгоде для индивида того, что выгодно социуму.

Марксизм не мог (в силу своей материалистической интерпретации человеческих отношений, оставляющий за бортом исследования безграничность сознания и самосознания) предугадать один из драматичнейших па-

радоксов человеческого духа, угрожающе дающего знать о себе ныне, в условиях предельного материального могущества, в том числе, и в воздействии на изнывающую в предсмертной тоске природу. И тем более он не мог даже помыслить, что драматизм бытия человека - в неизбежности его исчезновения как вида лишь с одним неизвестным - сроком этого исчезновения.

Не буду повторять банальности, хорошо известные любому студиязусу философского факультета (загадочного, с моей точки зрения "образования", готвящего ни более, ни менее как ... мыслителей!). В частности, еще и еще раз схематически излагать две противоборствующие философские тенденции в подходе к человеческой общности: одну, идущую от Аристотеля и Платона, рассматривавших государство как исходное начало, от которого зависит индивид, и другую, символизируемую именами Демокрита и Эпикура, полагавших, что начало начал - в человеке, и приводящую к афористическому выводу о человеке как о мере всех вещей. Современная философия, уловив и развив эти тенденции по всем направлениям изучения человека и человеческой общности, подошла к нему не только с тем логическим скальпелем, который характерен для претендующей на науку социологии, но вполне поэтически. Не надо бояться этого понятия, ибо, с моей точки зрения, философия никогда не была и не будет наукой в буквальном смысле слова, но лишь искусством постижения тайн бытия, тайн развития сознания и самопознания. Ведь не случайно, например, А. Моруа, желая высказать высшую похвалу Бальзаку, подчеркивал, что тот выражает свою философию в мифах!

Избрав поэтическую установку анализа сознающего мир духа, мы сразу не только понимаем его основной парадокс, осознаем значение для его разрешения мифов, легенд и утопий, окутывающих наше сознание и ориентирующих действие, но и понимаем, что именно на этом магистральном, парадоксальном для философии пути мы сможем задуматься о реальности и о ее принципиальной безысходности. Иными словами, преодолевая эсхатологические традиции, подойти к философии мemento mori.

Бен Мисюкович в оригинальной работе "Одиночество: междисциплинарный подход" так весьма корректно и, на мой взгляд, перспективно сформулировал ведущую проблему нашего мятущегося духа: "... Парадокс заключается и в том, что мы стремимся быть самими собой, боремся за уникальную целостность сознания, против случайности преходящего, изменчивого бытия, против всеобщего небытия разрозненного сознания; и если нам это в какой-то степени удастся, тогда нас ужасает абсолютное одиночество нашей позиции. И тогда нас опять тянет назад, в толпу, к друзьям, к политическим, социальным, моральным поступкам, к написанию книг, к погоне за славой - все эти занятия и каждое из них в отдельности представляют собой попытку заручиться признанием других в том, что мы существуем отдельно - но не в одиночку".

Отдельно, но не в одиночку! Вот, пожалуй, апофегма, с позиций которой мне и хотелось бы показать, что драматизм бытия - это в действительности трагедия сознания и самосознания духа, при всех вариантах записных оптимистов принципиально безысходная. На ней-то и споткнулся марксизм, не сумевший дать конструктивного ответа на радикальнейшие проблемы бытия человека на рубеже тысячелетий, на непредсказуемые никакими "со-

циальными" законами драматические ситуации, что и предопределило утрату им операционного значения в ситуации, отличной от первой половины XX века. Раздумья, которыми я постараюсь поделиться с читателем, не являются плодом смелой и "потусторонней" критики, звучащей уже многие десятилетия, равно как не порождены колебаниями исторической ситуации, падением влияния коммунистических партий во всем мире. Они, эти сомнения, рождались у меня как марксиста в ходе поразительных встреч с уникальными людьми земли русской - на лекциях, на сотнях семинаров, которые я вел почти шестьдесят лет во множестве городов и сел страны. Наверное, каждому ученому, лектору, педагогу прекрасно известно то любопытное состояние, в котором он оказывается в том случае, когда вопрос, обращенный к нему, опирается на факт либо на серьезное и самостоятельное размышление. Здесь самое лучшее - признаться в своем неведении и думать, думать, думать, подвергая критическому анализу самые удобные догмы. Живя такой внутренней духовной жизнью, сомневаясь во всем, ты в итоге не оказываешься, как рыба на песке, что и случилось со значительным отрядом наших обществоведов. Кстати, и тех, кто хотел "подновить" марксизм изнутри, дать ему иную, как говорят теперь, более гуманную трактовку. Не надо в этом случае клясть марксизм (ведь, в конце концов, любая теория имеет временные и пространственные границы своего эффективного применения), и тем более не следует из Савла мгновенно превращаться в Павла. Голос ищущего духа уже прозвучал, но достойным ответом ему может быть лишь человеческое поведение, то, которое мы унаследовали от прошлого, приобретаем ныне и планируем использовать в связи с утопической идеей целеполагания.

"Информация, - констатировал П.Кууси, - наследственная, а также полученная в результате жизненного опыта, определяет все возможные формы поведения".

Анализ этих-то форм в аспекте сознающего мир духа открывает возможность исследования мира человека с учетом непреодолимого и природного для него бытия "отдельно, но не в одиночку". Сложилась довольно удобная антитеза объяснения мира человека (индивида, но не личности, ибо термин "личность", явившийся результатом усложненного перевода с немецкого языка на русский, и притом - в условиях многозначности понимания нами "личности"). Ее суть в принципе довольно проста, хотя горы философских фолиантов затемнили эту простоту в такой степени, что прodrаться сквозь них до элементарной истины - дело почти безнадежное! С одной стороны, весьма гуманная и привлекательная идея совершенствования мира - через самосовершенствование человека. Не буду утомлять читателя грудой библиографических ссылок. Укажу лишь на мудрое высказывание Л.Н. Толстого в этой связи: "Устройство внешних форм жизни без внутреннего совершенствования - это все равно, что перекладывать без известки, но на новый манер развалившееся здание из неотесанных камней. Как ни клади, все не будет защищено от непогоды и будет разваливаться". По сути дела, все мифы, легенды и утопии в той или иной мере склонны канонизировать такое вполне привлекательное положение, само по себе не вызывающее возражения.

Но сколько здесь возникает "попутных" вопросов, которые в действительности переносят нас от индивида в социум и обратно, сколько загадок

таит в себе каждое Я, каждая человеческая особь, каждый индивидуальный человеческий мир. Ведь его "совершенствование" не может не начинаться с некоторых фундаментальных признаков, в итоге ставящих под сомнение не только этот благородный процесс, но и столь широко распространенную ныне идею индивидуализма вообще.

Казалось, что может быть самоочевиднее идеи (которую, кстати, я активно поддерживал и развивал в своих предыдущих работах) изначального равенства людей на уровне способностей.

Но увы, это лишь проекция мифов, легенд и утопий в нашем сознании. В нем, словно демоны, борются две грани - представление о своей исключительности и ощущение неуверенности в себе, своих душевных силах. "Качества, которые мы приписываем собственной личности, далеко не всегда являются объективными, и, вероятно, с ними не всегда готовы согласиться другие люди. Быть может, лишь возраст, пол, рост, профессия и некоторые другие данные, обладающие достаточной неоспоримостью, не вызовут разногласий. В основном же в попытках себя охарактеризовать, как правило, присутствует сильный личностный, оценочный момент".

Но ведь индивидуальные качества - гораздо масштабнее и многоплановее. Конечно, легче признать у другого способности "экстрасенса", чем осознать свою неполноценность в эмоциональном отношении. Легче утешить себя как скромного, маленького и честного человека в свирепом мире силы и беззакония, а тем самым в чем-то сравняться с другими людьми. Не в этом ли феномен "маленького человека" в русской литературе, который всегда вызывает противоречивое ощущение - и критического отношения к задавившему его обществу, и стыдливой жалости. Вспомним, как писал Н.А.Добролюбов; "... Человек высоко честный и нравственный в своей жизни вполне достоин уважения общества именно за свою честность и нравственность. Пусть его жизнь не озарилась блеском какого-нибудь необыкновенного деяния на пользу общую, - все-таки его нравственное значение не потеряно. Даже натура чисто-созерцательная, не проявившаяся в энергической деятельности общественной, но нашедшая в себе столько сил, чтобы выработать убеждения для собственной жизни и жить не в разладе с этими убеждениями, - даже такая натура не остается без благотворного влияния на общество именно своей личностью".

Говорить сколь-либо серьезно о равенстве теперь можно лишь на уровне достижений мирового разума во всей совокупности его постижений человеком. Можно ли, например, говорить о нашем равенстве, не учитывая того, что пропагандист идей Шри Ауробиндо Сатпрем назвал ментальным сознанием и которое сугубо индивидуально, хотя и развиваемо, упражняемо (а это уже иной, педагогический аспект, который тоже должен стал предметом критического рассмотрения с позиций философии мементоморизма). А как быть с теми же выделенными Шри Ауробиндо планами, которые выше или ниже индивидуального, ментального сознания?¹ Ведь к их осознанию

---

¹ Сатпрем приводит следующие воистину пророческие слова Шри Ауробиндо: "Ментальное сознание - это диапазон чисто человеческий, он отнюдь не охватывает всех возможных диапазонов сознания точно так же, как человеческое зрение не может охватить все цветовые оттенки, а человеческий слух - все уровни звука - ибо есть множество звуков и

пришли не только индийские мудрецы, но и якутские знахари, не только пифийская жрица, но и юродивые на папертях, творившие порою действительные чудеса воздействия на психику человека. Сводить самое знание только к системе функционирующих в нашем мышлении и отработанных конкретной цивилизацией рациональных схем (при всем их бесспорном значении для общечеловеческого прогресса) - это значит заведомо обрекать себя на иллюзию равных возможностей у разных людей.

Большинство - категория весьма зловещая, если не сказать больше, в той сфере, которую мы называем сферой сознающего мир духа. Конечно, любое общество (и тоталитарное, и свободное) не может не учитывать сознания этого большинства, его мнения, настроения, суждения. Ведь недаром с такой опаской политики разных стран и социальных систем прислушиваются (словно средневековые сеньоры к прорицаниям вещей мудрецов) к результатам "исследований" расплодившихся подобно поганкам бесчисленных социологических институтов, ассоциаций, служб. И хотя их предсказания, по моим наблюдениям, не выходят за пределы мифов, легенд и утопий (иными словами, нормального и многопланового человеческого сознания во всех его проявлениях, сознательных и подсознательных реакциях, хитроумности, настроений, временных эмоциональных порывов и постоянной нравственной депрессии), индивидуальное самосознание не совпадает с такого рода "большинством". Точно подметил Г.Селье: "Если общество ориентируется на мнение большинства, то настоящие ученые составляют ничтожное меньшинство. Люди не созданы равными друг другу и не должны пытаться походить друг на друга".

Нет, мы не придем, не можем прийти в иное, "высшее" (хотя никто не знает, что следует разуметь под этим привлекательным понятием, идущим опять-таки в наше время из тьмы веков) состояние, совершенствуя самосознание, добиваясь "всеобщего равенства". Это - иная схема мира человека со столь же солидной философской традицией - слепая вера в возможность его совершенствования до уровня всеобщего "равенства" путем изменения социальных условий. Измените мир - и вы измените человека, ибо он - носитель этого мира, всей системы сложившихся в нем отношений. Равенство не через индивидуализм, но через коллективизм, привлекательное для обездоленных, пауперов, нищих, голодных и страждущих, маячило и перед обитателями кумранских пещер, и перед фанатиками нашей революции. Но и те, и

цветов, которые находятся выше или ниже доступного человеку диапазона, которые человек не может видеть и слышать. Точно так же есть планы сознания выше и ниже человеческого плана: обыкновенный человек не имеет с ними контакта, и они кажутся ему лишеными сознания - супраментальный или глобально -ментальный и субментальный планы... То, что мы называем несознанием, - это просто иное сознание". (Сатпрем. Шри Аурабиндо, или Путешествие сознания. ЛГУ. 1989, с. 60-61 .) Так можно ли говорить о равенстве самосознания у самых разных людей, не учитывая все без исключения его планы, "его сознание"! Можно лишь при одном условии - демагогическом желании видеть всех людей оболваненными, подстриженными под одну гребенку, в тысячу глоток ревущих единое "Хайль" и даже ночью в постели с женой думающих о божественном предназначении всевидящего и всезнающего фюрера! Впрочем, здесь "фюрер" легко может быть заменен автократом любого плана, допускающим равенство... но в определенных, доступных его убогому рассудку пределах!

другие, вопреки благороднейшим замыслам наивного самосознания, породили не равенство, но вопиющее беззаконие, отчуждение людей друг от друга, от которого сейчас уже не спасут ни благостные призывы новых духовных пастырей, ни заклинания деятелей идеологии, показавшей чудовищную гримасу "коллективизма" как тоталитаризма, коррупции, презрения к свободе конкретного, любого человека. Совершенствование сознания как коллективного феномена бытия (воспринимаемое нами как "рациональное" изменение общественных отношений во имя изменения индивида) не приводит, как бы того хотелось создателям "коллективистских" доктрин, ни к равенству индивидуальностей, ни к структуре социума, гарантирующей такое равенство.

Мифы, легенды и утопии настолько сильны как факторы регулирования нашего бытия, что с другой периодичностью изменения социума неизбежно воспроизводят все то, что сотнями тысяч лет переживало человечество. В этой связи хочу обратить внимание на одно пророчество великого нашего мыслителя Н. Лескова, который весьма долго был не в чести из-за остроумной критики идеи "нового человека". Он с изрядной долей ехидства показал в романе "Некуда", что "общественный сепаратизм", поначалу вызывающий всеобщий восторг, рождает все то же, что было и будет. Давайте вчитаемся в его строки, так не любимые сторонниками "революционной демократии": "Кто жил в уездных городах в последнее время, в послелякушкинскую эпоху, когда разнеслись слухи о благодетельной гласности, о новосильцевском общественном пароходстве и победах Гарибальди в Италии, тот не станет отвергать, что около этого знаменательного времени и в уездных городах, особенно в великороссийских уездных городах, имеющих не менее одного острога и пяти церквей, произошел весьма замечательный и притом совершенно новый общественный сепаратизм. Общество распадалось не только прежним делением на аристократию капитала и плебейство, но из него произошло еще небывалое дотоле выделение так называемых в то время новых людей. Выделение этого ассортимента почти одновременно происходило из весьма различных слоев провинциального общества. Сюда попадали некоторые молодые дворяне, семинаристы, учителя домашние, чиновники самых различных ведомств и даже духовенство. Справедливость заставляет сказать, что едва ли не ранее прочих и не сильнее прочих в это новое выделение вошли молодые учителя, уездные и домашние; за ними несколько позже и несколько слабее - чиновники, затем, еще моментом позже, зато с неудержимым стремлением сюда ринулись семинаристы. Молодое дворянство шло еще позже и нерешительнее; духовенство сепарировалось только в очень небольшом числе своих представителей.

Все это не были рыцари без пятна и упрека. Прошлые их большей частью отвечали стремлением среды, от которой они отделялись. Молодые чиновники уже имели руки, запачканные взятками, учителя кланчили за места и некоторые писали оды мерзавнейшим из мерзавнейших личностей; молодое дворянство влекло людей и проматывало потовые гроши народа; остальные вели себя не лучше".

Таковы были плоды робкого внедрения "коллективизма" в самоосознание. Но поставим вопрос: что дал этот коллективизм, последовательно с фанатическим упорством и бескомпромиссностью проведенный в жизнь нами, большевиками, и конечно же, нашими отцами, фанатиками идеи всеоб-

щего равенства на основе "научного преобразования общества"? Вот он, первый наш вопрос к самим себе, требующий прямого, честного и скорейшего ответа без журналистского юродства и дешевого ренегатства крысоподобных существ, меняющих убеждения легче, чем норы. Поставим его несколько шире: соответствует ли природе человека такая удобная антитеза индивидуализма и коллективизма и смог ли ее решить марксизм? Если смог, то мы имеем дело с действительно научным обществоведением. Если же нет, марксизм не вышел (как и все мировые пророческие поиски) за рамки мифов, легенд и утопий. А тогда, перед нами уже брезжит рассвет поиска иных истин, решений, пробивающийся сквозь тусклое марево "незыблемых истин на все времена".

Второй "попутный вопрос", имеющий для марксизма ныне такое же роковое значение, как и вопрос о равенстве (в пределах антитезы "индивидуализм" - "коллективизм"), о потребности. Идея движущей силы, заключенной в потребности, стара как мир и никак не может быть отнесена к "открытиям" марксизма. Мобильность потребности, ее духовный и материальный аспекты, ее ненасытность, возможность ее "регулирования", мотивационное значение потребности, соотношение "биологической" и "человеческой" потребностей, потребность как идеальное полагание предмета производства - все это аксиоматические трюизмы, известные и мифам, и легендам, и утопиям. Кстати, именно утописты разных эпох делали акцент на потребности, в удовлетворении которой видели способ привлечения новых адептов своего вероучения. Надо признаться, что зашоренность нашего мышления, которую мы будем преодолевать десятилетиями не митинговых истерик, но спокойной, академической научной работы, приводила к тому, что все мы считали (кстати, вполне искренне и отнюдь не в таком духе конъюнктурщины, которой принято теперь "наклеивать как несмыываемый ярлык" на все поколения русских обществоведов послевоенной поры) самые элементарные истины откровениями марксизма и старались так или иначе их интерпретировать. Вполне в духе отработанной схоластической методики.

А ведь эта вторая проблема мира человека - одна из самых увлекательных и интереснейших. Наше самосознание возникает и развивается как ориентир на какую-нибудь из безграничного океана человеческих потребностей, устремлений - преобладающую страсть обладания или удовлетворения. От разгула этих страстей до общественного табу - такова противоречивая связь индивидуального самопознания и коллективного сознания.

И вот что весьма любопытно: в мире человека, его сознающем мир духе словно обрушиваются навстречу друг другу два стремительных, неукротимых потока - индивидуальных и социально-предопределенных потребностей. И разобраться в возникающем водовороте - дело не такое простое, как может показаться на первый взгляд. Во всяком случае, утопическое обещание создать общество, где девизом будет "от каждого по способностям, и каждому - по потребностям", как бы оно ни звучало современно, уходит корнями опять-таки в мифы, легенды и утопии.

Индивидуальные потребности во всех их проявлениях можно было бы назвать стремлением к достижению полного личного успеха. Но вот что сразу же настораживает: исследователи корректно показали, что этот успех сразу же оборачивается трагическим разочарованием. Председатель бель-

гийской добровольной организации "SOS - Одиночество" К. Мартенс утверждает: причина роста людей, страдающих от одиночества, "заключается в том, что стремительно меняется шкала социальных ценностей. Погоня за личным успехом в ущерб общественному согласию оборачивается, естественно, успехом для одних и горьким разочарованием для других".

Может быть, это положение относится к какой-либо конкретной структуре и не имеет всеобщего значения, скажем, для идеального "коммунистического" общества? Не будем спешить с ответом, хотя на уровне публицистики он как будто уже прояснился.

Самосознание индивида, в душе которого при всем благополучии, изобилии материальных благ, разрешающих удовлетворение практически всех потребностей, живет демон ужаса перед неведомым будущим, корректируется потоком сознания, общественных установлений, призванных дать человеку, или группе, или этносу относительную устойчивость и уверенность в стабильности удовлетворения потребностей. Так возникает, например, традиционное воспитание, призванное ввести потребности в какие-то (каждый раз - конкретные, временем определяемые) рамки. Мысль эта вполне банальна и не нуждается в каком-либо обосновании. Разве что дальше нам следует критически рассмотреть ту систему образования, которую мы, марксисты, почитали единственно научной и способной ограничить жизнь человека "разумными потребностями".

Пожалуй, удачное обобщение перехода от самосознания к сознанию во имя социализации потребностей сделал И.И.Мечников. Он писал в этой связи: "Проходя науку жизни с самого рождения, сначала совместно со своими покровителями, а затем с лицом другого пола, человек этим самым приобретает уже некоторые элементы, необходимые для общественной жизни. Убеждение в неизбежности помощи себе подобных для достижения целей личной жизни заставляет его сначала ввиду собственного интереса сдерживать свои противообщественные инстинкты".

Наряду с воспитанием (на всех возрастных уровнях) сознание коллектива как верховного арбитра всех индивидуальных потребностей присуще почти всем этапам развития социума. Быть может, в одни эпохи эта диктатура коллектива более очевидна, в другие - завуалирована или прикрашена "свободой выбора".

Очевидно, что внешняя, дисциплинированная сдержанность потребностей во всесильном Риме была предопределена тем, что его граждане не мыслили себя вне римской общности, не отделяли себя от нее. Куда как свободнее современный шведский юноша, предопределяющий сферу своих интересов. Но вдумайтесь поглубже, проанализируйте стереотипы нынешнего семейного воспитания в Швеции (где ребенка предпочитают пускать в самостоятельную бурную жизнь в 16-18 лет), влияние на это воспитание и школы, и массовых средств воздействия, и необычайно расширившихся межличностных коммуникаций - и вы сразу же поймете, что меняется не соотношение индивидуальных и коллективных потребностей, а сам их характер, направленность, предмет и формы реализации. Но человек, как это ни печально, остается константен. Дал ли марксизм возможность преодолеть эту константность природы человека - вот второй вопрос, который закономерно встает перед всеми нами.

Если исходить из того, что мир человека, всецело окутанный покровом мифов, легенд, утопий, констант, что обещанное его "всестороннее развитие" - лишь разновидность тех же беспочвенных иллюзий, то для преодоления эсхатологических представлений остается третий фундаментальный вопрос - возможно ли человеку когда-либо в провидимом будущем от неизбежных взаимоотношений перейти к духовному общению, от Я - к Мы. И здесь мы сразу же получим однозначный ответ на все загадки нашего будущего, точнее, на то, есть ли оно у нас. Читатель, наверное, обратил внимание, что мною для подтверждения раздумий о драме человеческого бытия используются самые разные философские доктрины, психологические концепции, социологические построения. Это далеко не всеядность, но плод убеждения: самосознание и сознание человека, его познающий мир дух наиболее полно выражается в деятельности тех немногих счастливцев, которым удастся приподнять занавес над неведомым планетным спектаклем. Я глубоко ценю труды историков, тщательнейшим образом исследующих реальный смысл их деятельности в контексте истории, хотя сама история представляется мне совершенно непознаваемым потоком сознания, который можно интерпретировать любым образом. Во всяком случае, порою стоит взять себе в союзники мудрость мыслителей прошлого, совокупными усилиями которых и происходит движение сознающего мир духа. Именно они (наряду с извечным сказанием о равенстве и прекраснотушной мечтой о жизни при удовлетворенных потребностях) выдвинули третье основополагание, третий глобальный для нашего будущего вопрос - социальное ли существо человек, произошла ли в его жизни та "чрезвычайная прибавка", которая дает основание надеяться на человеческую солидарность не просто как ролевую ситуацию, а как самую сущность его бытия.

У.Садлер, основатель экзистенциальной феноменологии. справедливо учел четыре взаимосвязанных возможности, на которые ориентирован мир человека:

1. Уникальность судьбы индивида, актуализации врожденного "Я" и его предельной многозначности;
2. Традиция и культура личности, которые дают ей многие ценности и идеи, которые она использует для интерпретации своих переживаний и определения своего существования;
3. Социальное окружение индивида, формирующее поле организационных отношений с другими людьми и те сферы, где возникает понятие участия в группе и ролевой функции личности;
4. Восприятие других людей, с которыми человек может устанавливать отношения "Я - Ты", отношения, которые могут развернуться в двойную реальность человеческого "Мы".

Обратите внимание - реализация индивида как неповторимого Я ученым связывается последующими жесткими звеньями одной цепи - социализации. Но, к сожалению, это лишь констатация жизненных ситуаций, но не раскрытие природы человека, и главное, сущности борьбы индивидуализма и коллективизма для этой природы.

Казалось бы, любая революция, совершаемая во имя общего блага, должна искренне исповедовать коллективизм. Но парадокс как раз в том и заключается (как это гениально подметил Вл. Соловьев в уникальной работе

"Росия и вселенская церковь"), что революционный коллективизм рождает самый изощренный и родственный тоталитаризму индивидуализм. Он подчеркивал, признавая закономерность революций: "Хотя революционное движение разрушило многое, что следовало разрушить; хотя оно унесло навсегда много беззакония, - оно потерпело плачевную неудачу, пытаясь создать социальный порядок, основанный на справедливости. Справедливость есть лишь практическое применение истины; а самая точка отправления революционного движения была ложь. Утверждение прав человека, чтобы сделаться положительным началом социального строения, требовало прежде всего истинного понятия о человеке. Понятие же о нем революционеров известно: они не видели и не понимали в человеке ничего, кроме чистой индивидуальности, кроме отвлеченности, лишенной всякого положительного содержания".

То, что человек есть система отношений, изменение которых так или иначе меняет и каждую человеческую особь,- теоретическое положение марксизма, выработанное на основе всей предшествующей социологической мысли. Но можно ли (как все мы это и делали до последней поры) эту аксиому экстраполировать на систему человеческого общения, на все разновидности такого общения, а самое главное, полагать, что более "прогрессивные" отношения приведут и к более человеческому общению, что в итоге есть надежда на то, что восторжествует духовное примирение человека с самим собой не на небесах, не в ином обличье (если вы сторонник метаморфоз), не в сопричастности космическому целому, а здесь, сейчас, в нашем грешном и прекрасном мире людей. Если такая возможность сохраняется и где-то подтверждена живым опытом, у нас, человеческого племени, есть еще надежда. Даже в том случае, когда марксистское представление о гармонии индивида и коллектива ушло в сферу преданий: ведь мысль человека ищет и будет продолжать искать иной, обнадеживающий выход.

Поэтому, поставив перед марксизмом три фундаментальных вопроса - о возможности равенства людей, реальности мира рациональных потребностей, перспективе добра и духовности всего человеческого общежития, мы не только вопрошаем уже созданную концепцию человечества и общества, к развитию которой приложили немало и своих, порою конъюнктурных соображений, но и подходим к задаче отработки начал новой философии, способной открыть нам истину о будущем, каковым бы оно ни было, как бы она ни противоречила нашей тяге к жизни и к бессмертию (хотя бы на уровне рода), где бы бытие неизбежно переходило в небытие, дух - в изначальную, а пока лишь раскручивающуюся с чудовищной инерционной силой в частных проявлениях всеобщую бездуховность.

Полагаю, что корректность вопроса к философии, получившей мировое признание и уже ставшей этапом всеобщей истории культуры, проявится лишь тогда, когда задающий этот вопрос (или, как в нашем случае - вопросы) осознает уникальность интеллекта мыслителей, ее создавших. И было бы вопиющей хлестаковщиной попытаться пройти тот же путь логического анализа, оперирования логическим скальпелем мысли выдающихся ученых применительно к иной, радикально изменившейся исторической ситуации. Конечно, легко сказать, подобно одному взлетевшему на политическом небосклоне мужественному политику, что Энгельс - лишь посредственный не-

мецкий философ. Чтобы так говорить, надо нам самим показать в полном объеме, чего же такое истинная, глубокая, современная философия жизни. Да простит мне всевышний, нет ни одного ума такого масштаба, который бы покусился на это крайне необходимое дело. Коллектив? Увы, философствующий коллектив, с моей точки зрения, есть не что иное, как снисходительный к своим выводам умственный кретинизм, не признающий сознающего мир духа.

Но я уже говорил, что сознающий мир дух есть дух действующий. И вот эти действия в самых неожиданных, но всегда сравнительно достоверно обнаруживаемых проявлениях позволяют судить нам и о сокровенном смысле, эзотерическом значении философии марксизма, ставшей в дебилизированном виде лозунгом практического действия. О нем нам дозволено судить. Как, скажем, о бедах - по бедствиям, обрушивавшимся на верных последователей всех четырех священных и мудрейших книг, о священном писании христиан - по невиданным мукам, выпавшим на их долю, о Коране - по варварству тех, кого бы Пророк предал проклятию за презрение к ценности всего живого и бессмертного, тех, кто смеет держать в обгаренных человеческой кровью руках исполненный человеколюбия Коран.

ПАРАДОКС ЛОГИЧЕСКОГО СКАЛЬПЕЛЯ

Если индивидуализм познает лишь часть человека, то коллективизм знает человека только в качестве части: к целостности человека, к человеку как таковому не прорываются ни индивидуализм, ни коллективизм.

Мартин Бубер

У молодых публицистов, философов, социологов, единодушно бросившихся развенчивать марксизм, более того - приписывать именно созданной им теоретической концепции все наши беды, драматические ситуации и безысходные трагедии, вполне естественно отсутствует то, чем они и не могут быть наделены как представители нового поколения, - историческая память. А между тем с первых же работ К. Маркса началась их критика, порою звучащая и ныне весьма современно. В мою задачу не входит давать развернутый анализ этой критики, ибо предмет моих раздумий не достоверность или ошибочность тех или иных его основоположений, но драматизм миллионов, еще раз утративших веру. А утрата этой веры оборачивается своеобразной абберацией и по отношению к науке. Справедливо подметил М. Блок: "Нельзя, однако, отрицать, что любая наука всегда будет казаться нам неполноценной, если она рано или поздно не поможет нам жить лучше". Именно таким кажется ныне марксизм вчерашним его адептам, успешно сдававшим его как предмет в институтах. Правда, они убеждают нас ныне, что уже давно, и в студенческие годы сомнения закрадывались в их души. Что же, это вполне естественно и эти сомнения, получив всевышнее благословение от изменившейся политики, для большинства стали не основой серьезного раздумья о новой, соответствующей времени философии, но жадной ренегатов, все же стремящихся укрепиться в вере.

Но тщетны их надежды, ибо простое и очевидное незнание трудов К. Маркса закрыло от них главное - сочетание в них фундаментальной науки, сохранившей свое операционное значение и при изменившейся социально-экономической ситуации, и, прежде всего, в условиях нарастающей научно-технической революции с идеологией, с тем наследием мифов, легенд и утопий, которых философии как основанию той или иной идеологии просто не дано избежать. Вот почему можно несколько резковато сказать, что критике (повторяю - справедливой, обоснованной и в отношении исходных положений, и тягостных последствий) они единообразно подвергают и серьезную экономическую теорию К. Маркса и бытовой марксизм, который стал символом веры для сотен миллионов страждущих и обездоленных на рубеже веков. Не надо думать, что этот бытовой марксизм, овладевший массами, бродивший по Европе, да и по всему нашему миру, есть лишь продукт дальнейшего добавления теоретических и политических последователей веры. Было, конечно, и это. Было, о чем я поговорю далее специально, в связи с философией мementоморизма. Но и "чистый" марксизм весьма противоре-

чив, весьма предрасположен и к науке, и к вполне традиционному осознанию мира сознающим духом, то есть к философии. А ведь о локальном значении философии в ее отношении к объективной, строгой, достоверной науке прекрасно сказал еще В. Вернадский: "Философия всегда заключает зародыши, иногда даже предвосхищает целые области будущего развитие науки, и только благодаря одновременной работе человеческого ума в этой области получается правильная критика неизбежно схематических построений науки. В истории развития научной мысли можно ясно и точно проследить такое значение философии, как корней жизненной атмосферы научного искания".

Подобную философию мы можем с полным основанием идентифицировать с логическим скальпелем. Но не спешите - ведь скальпель может оказаться и в руках бандита, что создаст этот знаменитый и пресловутый парадокс сочетания врачевания и убийства.

Думая о главном - о причинах социального прогресса, о роли развития производительных сил в изменении производственных отношений, о законе стоимости и тайне капиталистического накопления, К.Маркс вместе с тем выдвинул целый ряд идей, долженствующих создать новое видение мира. Четкость и лаконизм формулировок, убеждение в мессианской силе философии, созданной им, прямолинейность решений, льстивших обезумевшей от нищеты, горя и страданий массе, воссоздание извечного мифа о благодати диктатуры, легенд - о мудрых из мудрых, способных повести всех остальных за собой в царство разума (как партия, союз единомышленников, когорты избранных вождей), утопическое представление о прошлом лишь как о предыстории человечества, о возможности "взять под контроль самих индивидов" воздействие внешнего мира, обеспечить "всестороннее развитие личности, действительное царство свободы" поражали доведенную до грани человеческого терпения обиденную психологию масс, вновь и вновь (который уже раз в истории!) давали утешительную, пророческую иллюзию выхода из мира насилия в мир всеобщего равенства и братства.

Сама историческая ситуация, чреватая революционными взрывами, поразительной тупостью правящей верхушки ряда стран, искавшей выхода из кризисов в бесконечных войнах, способствовала превращению этих идей К.Маркса в политическую идеологию борьбы, бескомпромиссной, кровавой и в итоге - бесперспективной, несмотря на все ее бесспорное влияние на ход исторического процесса в XX веке. И призыв этот был обращен не к индивидуальному, но коллективному "сознанию". И конечно же, не случайно индивидуальное сознание, та мысль интеллигенции, о которой мы ныне говорим как о чем-то далеком и, откровенно говоря, почти неведомом (нельзя же, в самом деле, считать интеллигентом любого, получившего первоначальное элементарное образование, и не замечать, что он был и остается человеком толпы, человеком общественного сознания), практически игнорируется марксизмом в его лести косным массам.

Очень часто упрекают в негативном отношении к культуре прошлого лишь отцов нашей революции. Но ведь пророк новой, коммунистической веры в Предисловии к "К критике политической экономии" писал: "Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от правого отношениями собственности; неудивительно, что в ходе своего раз-

вития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого".

Надо ли говорить, что подобного "разрыва" не произошло, и сегодня страны, сделавшие "социалистический выбор", усиленно восстанавливают (порою, под стыдливым фиговым листком плюрализма) "унаследованные от прошлого отношения собственности", на этом пути ищут панацею от многих бед централизованной экономики; идею эту настолько "обработали" со всех сторон наши профессиональные экономисты и дилетанты от экономики, что повторять ее было бы вполне бесплодным занятием. Но вот что касается "порывания" с идеями, то оно практически невозможно, если иметь в виду историю как цепь революций и спорадическое появление в отдельных регионах (ибо всемирной истории тут не получается, как ни старайся и ни изощряйся с изобретением "особых" способов производства) пророков этих революции, которым одним только открывается тайна движения к будущему. Та тайна, которую охотно принимают косные массы по самым разнообразным соображениям, от чисто материального недовольства до обманутых социальных ожиданий. Не без юмора сказал о мотивации действий такой толпы в революции Сирил Паркинсон: "Им нужна цель. Люди хотят присоединиться к марширующей колонне, которая, как им кажется, к чему-то движется; и коммунисты хорошо это поняли. Они не обещают комфорт, они вербуют новобранцев для опасной миссии. Этот призыв имеет огромную притягательную силу, особенно для тех, кого стоит вербовать".

Нет, история (при всем реальном значении для ее отдельных поворотов - революционных взрывов, движений переустройств) есть развитие созnaющего мир человеческого духа на всех уровнях сознания и самосознания, индивидуальной и коллективной духовности. И никому просто не дано магической силы преодолеть мифы, легенды и утопии истории, которые порою "вдруг", словно Вифлеемская звезда, вспыхивают на пути этноса, казалось бы, совсем уже "революционно преобразованного". Какие-то неведомые нам мифы владели сознанием древнего индийского племени факиров и фокусников, когда ему исторические катаклизмы предложили иной (как наверное тогда казалось преобразователям - прогрессивный путь). Но гордый народ, сумевший в течение тысячелетий адаптироваться к революционным изменениям в других странах, по которым он пошел навстречу своей мифической вере в свободу, избрал в древности один из возможных путей - исход, который вывел многие колена Израиля из фараонова плена, и опять-таки навстречу своему вечному мифу о "богоизбранном народе". Мифические вожди такого исхода - в итоге не более чем символ созnaющего мир человеческого духа. Но как много общего у них с вождями коммунизма!

А может ли человечество когда-нибудь и где-нибудь порвать "с унаследованными от прошлого" легендами? Скажем, с легендой о всесиили самого мудрого, самого прозорливого, всё и вся понимающего героя? Конечно же - никогда и нигде этой легенде не исчезнуть, она сейчас, буквально на наших глазах, возрождается вновь.

А ведь ей тысячи лет... Прodelывая поразительные метаморфозы с ней, создаваемые духом человека легендарные существа, под знаменами которых собираются бьющиеся насмерть орды "единоверцев", поборников "истинного учения", возникают в новом и вместе с тем вполне традицион-

ном и уныло-однообразном обличье. Возникают и продолжают жить поныне, подкрепляемые нашим рациональным снобизмом и необоснованным историческим самомнением.

Еще в «Авесте», в книге «Михр-яшт» далеко не первый в духовной истории человечества божественный герой, бог света и доброты, всемогущий Митра (затем удивительнейшим образом перевоплотившийся в богов других народов), так восхваляется легендой:

"Ему молятся воины,
Сидящие на крупах своих коней,
И просят силы для своих коней,
И здоровья для своего тела,
Дабы заметить издалека врагов,
Отбить противников,
Одним ударом одолеть ненавистных,
Враждебных супостатов...
Если солжет ему
Глава ли дома,
Или глава общины,
Или глава области,
Или глава страны,
То Митра воспрянет,
Гневный и оскорбленный,
И разрушит он и дом ,
И общину, и область, и страну...
Митру, обладающего широкими пастбищами,
Почитаем мы:
Правдивого, красноречивого,
Тысячеухого, прекрасно сложенного,
Десятитысячеглазого, высокого,
Дальнозоркого, могучего,
Не знающего сна, (вечно) бодрствующего"¹.

Вдумайтесь - разве только Будда, Христос, Мухаммад наделены именно такими чертами легендарных вождей? Разве только что человечество не попыталось избавиться от новоявленных пророков, легенду о которых создавало и само бытовое сознание (которое, на мой взгляд, практически без этого не может существовать), и prostituiрованная публицистика, и исступленные идеологи? А разве сейчас, на наших глазах, в условиях трагической безысходности всей мировой «цивилизации» (а отнюдь не только нашей, потрясаемой экономическими неурядицами) опять-таки чаша весов не склоняется к поэтизации легендарных героев живых людей, от которых все в транс-е ждут какого-то чуда, избавления? А самое главное - которые сами незаметно убеждаются (в силу могущества своего положения) в заложенные в них возможности «чудотворцев». Медали и торжественные письма детей и

---

¹ Литература Древнего Востока. Тексты. М., 1984, с. 34-35.

ученых, получаемых ими, - лишь дурное начало того же бесконечного по однообразию и тоскливой безысходности нового свидетельства ограниченности человеческого духа, его фактической несвободы. Так что побивать К. Маркса камнями за его экономическую теорию столь же логично, как М.Горбачева - за полный провал модели экономических преобразований, верхушечных и полностью игнорирующих главное - природу человека.

Преобразование общества - это самый сложный процесс изменения природы человека, выражающийся отнюдь не в накоплении новых производительных сил либо в создании новых политических структур. Не отрицая их реальности, мы не можем забывать, что идет он в безграничных по масштабам и характеру изменениях человеческого духа. Не случайно меня далее будет в первую очередь интересовать не простая констатация внешних исторических изменений (пусть ими занимаются творящие новые фантазии историки), а преобразования этого духа и их роковые последствия для бытия нашего рода.

Тонкие, прозорливые мыслители (а точнее- эмоционально отзывчивые художники) ощущали, что и без космических общественных катаклизмов изменение бытия человека неизбежно. Вспомним, что в сердцах восклицает один из циничных героев Н.Лескова: "И на кой черт она нам теперь, революция, когда и так без революции дело идет как нельзя лучше на нашу сторону!"

Кстати, Н. Лесков (имея в виду социалистическую идею вообще) предупреждал, что революционный экстремизм в России невольно сольется с ее исконной легендой, породив нечто непредсказуемое. "Крайние пути, - говорил он, - указанные Чернышевским и Герценом были слишком большим скачком для молодого поколения, и я не ошибся, говоря, что это поколение и все общество не подготовлено к таким скачкам, что оно изменит себе, изрекается или просто оплошлит всякое дело, за которое возьмется... Чернышевский должен был знать, что, восторжествуя его дело, наше общество тотчас же на другой день выберет себе квартального! Неужели вы не чувствуете вкуса нашего общества!"

А ведь выбрало-таки квартального под социалистическим лозунгом и в полном соответствии с национальной легендой. Той, которую сейчас не менее наивно хотят «демократизировать» сиюминутно, наподобие двухсотлетней легенды вольных ковбоев и золотоискателей Америки, свободолюбивых и предприимчивых людей со всего белого света, разом, презрев свои легенды, населивших эту обширную страну.

«Избранный народ» или «избранный класс» - не все ли, в конечном счете, равно на весах драматической судьбы человека. Но легенда живет, и никакая революция ее не отменяет. А то, что «отменено», вдруг вызывает такую ностальгию в опомнившемся вдруг обществе, что легенда обрывает почти неправдоподобными наслоениями, в которые многим все же хочется верить и отнюдь не от стыда за то прошлое, которое сами творили. Здесь не надо ссылаться на естественное чувство молодежи, на ее «изначальную» честность». Ведь не сами же молодые люди дошли до идеи спасительной роли дома Романовых, но те вполне целенаправленно действующие идеологи, которые словно бы забыли, что Екатерина II немка и незаконная дочь Фридриха Великого, что ее внук Александр так же похож на Павла, как орел

на крысу, и уж, скорее, гуляла в его жилах могучая орловская кровь! Но вот легенда «царя-спасителя» - это уж действительно наша, родная, русская и от нее не избавиться ни в каком социальном перевороте, не «порвать» с ней!

Всмотрись, вдумчивый читатель, в мусульманскую легенду, равно существующую и под благословением наследников Аятоллы Хомейни, и в быте монолитного Ирака, и в социалистических наших республиках Средней Азии...Всмотрись, и не торопись делать какой-то однозначный вывод. Одно лишь могу предсказать: легенды Корана, владеющие умами почти миллиарда людей, не такая наивная штука, которую могут «прервать» кратковременные социальные потрясения!

К тому аспекту марксистской идеологии в широком, общепринятом смысле слова, который именуется мною (в отличие от сугубо теоретических, исследовательских выводов создававшейся К.Марксом научной теории социально-экономического развития) претензией на новое видение мира, относятся живущие в них неизменно утопические представления. Возникающие всегда в периоды безысходности и всенародных бедствий, распада на пресыщенных и обездоленных, как мечта, как вера в несуществующий, но столь желанный идеал с такой же назойливой периодичностью, как колебания маятника, эти утопии наряду с мифами и легендами характеризуют нашу, человеческую природу. Еще древние инки, которые, по мнению известного французского ученого Луи де Бодена, автора книги «Социалистическая империя инков», подтверждали своими верованиями персонифицирование этих утопий в образах «первооткрывателей», тех, кто находил какую-либо «лучшую» конструкцию общественного устройства. Крупнейший специалист по истории инков, научный сотрудник Института этнографии АН СССР перевел с языка кечуа созданный инками Гимн богу солнца. Вот он: «О Творец, вершащий чудеса и невиданные доселе вещи, милосердный творец, великий, пусть без меры умножаются люди, и да не прейдут дети, и народы, и земли да при будут в безопасности; и тех, кому ты даровал жизнь, храни в своей руке, чтобы длились они вечно и бесконечно».

Может быть, когда-либо утопии вырывались за эти «персонифицированные» рамки, становились «моделью нового общества», возникшей вне сознающего мир человеческого духа? Нет, таких примеров нам история не оставила. Напротив, все «реформаторы» (и, конечно же, полагавшие свою «модель» наисовершеннейшей) претендовали на свое особое, новое индивидуальное видение, лишённое утопизма. И все они в итоге были весьма низкого (если не сказать большего) мнения о массе, тех миллионах, которые принято величать народом, полагая, что их удел следовать найденным ими откровениям.

Наиболее бесхитростно и определенно это сформулировал Макиавелли (не случайно, наверное, все будущие диктаторы «демократы» так старательно будут отрешиваться от него или же приписывать ему явно абсурдные, тиранические мысли): «Люди обычно идут путями, проложенными другими, и действуют, подражая какому-либо образцу, но так как невозможно ни неуклонно следовать этими путями, ни сравняться в доблести с теми, кого мы избираем за образец, то человеку разумному надлежит избирать пути,

проложенные величайшими людьми, и подражать наидостойнейшим, чтобы если не сравняться с ними в доблести, то хотя бы исполниться ее духом».

Нет ни одного создателя утопической доктрины (или же более скромного варианта «модели» ближайшего развития общества к радости и счастью), который не веровал бы в свою роль Мессии, и уж если не пророка, то впервые прозревшего представителя науки. Свое новое видение мира (в итоге, свою интерпретацию вечной утопии о природе человека, возможности ее совершенствования на индивидуальном либо коллективном уровне) он облекал либо в фантастическое повествование о путешествиях в неведомую страну, либо в систему проповедей перед единомышленниками, либо в эксперимент, всегда и закономерно завершавшийся либо трагически, либо комически, что в данном случае равнозначно поражению. И он, этот апостол новой социальной веры, всерьез полагал, что именно без этой веры человечество будет и впредь прозябать во тьме, грехах, невежестве. Напомню, как определенно высказывался на этот счет действительно рыцарь утопизма Сен-Симон: «Причина же, могущая наиболее сильно действовать на общество это изменение, совершенствование общей идеи, общей веры».

Примечательно, что «новая вера» автоматически, в полном соответствии с универсальной и уныло-однообразной природой человека, побуждала к двум путям ее укрепления, торжества, укоренения или же сохранения. А тем более навязывания инакомыслящим представителям рода людского, которые создали столько взаимоисключающих утопий, что примирить их на рациональном уровне, при всех успехах того эфемерного качества, которое мы ныне стыдливо именуем «цивилизованностью», никогда недостижимо.

Первый путь исключительность самого пророка утопии, ее создателя и теоретического инициатора, который не может не обладать общеизвестной силой внушения, заразительности, таинственности чар, которые сродни тем, что безусловно свойственны смелому вожаку любого общественного животного. Подумайте спокойно, без митинговых пристрастий и вбитых в вашу голову образовательных догм историков: почему, в самом деле, в стране с подлинной интеллигенцией, какой была Россия на рубеже XIX и XX веков, не с «дачниками», пришедшими в эту интеллигенцию из семей дворников и прачек, а с подлинными триумфаторами мысли, копившими и передававшими ее столетиями, именно эта рафинированная интеллигенция (которую я впредь буду так именовать, отличая ее от полюбивших образование людей) ринулась в пролетарскую революцию, дала Плеханова и Ленина, которого, кстати, зря и вполне беспочвенно нынешние «образованные люди» отлучают от интеллигенции по происхождению, и сгорела в ней, словно мотыльки вокруг неукротимого пламени. Не зря в «Докторе Живаго» Александр Андреевич говорит Живаго, которого покоряла прямолинейность революции: «Но такие вещи живут в первоначальной чистоте только в головах создателей и то только в первый день провозглашения. Иезуитство политики на другой же день выворачивает их наизнанку».

Впрочем, художественно-образная реминисценция не претендует, да и не может претендовать, на исчерпывающее объяснение всех причин первоначальной заразительности создателя утопии и ее перерастания в трагическое политиканство. Вот почему великие художники, задумывавшиеся о причинах движения общественных систем, всегда были склонны обходить эту

тайну тайн, тайну кровавую и, казалось бы, недостойную призвания человека. Оговорюсь еще раз, беда как раз в том и состоит, что каков бы ни был идеал, или же заменившие его в марксизме не менее загадочные «производительные силы», природа человека как раз и дает ему надежды...

Они, эти провидцы в эмоциональной сфере, предпочитали делить «делаемую историю» и как-то само собою, по благим каратаевским законам текущую нормальную жизнь. С позиций нового и печального исторического опыта Борис Пастернак осторожно и деликатно подправил эту общепринятую идею Льва Толстого: «Лес не передвигается, мы не можем его накрыть, подстеречь за переменою места. Мы всегда застаем его в неподвижности. И в такой же неподвижности застигаем мы вечно растущую, вечно меняющуюся, неуследимую в своих превращениях жизнь общества, историю.

Толстой не довел своей мысли до конца, когда отрицал роль зачинателей за Наполеоном, правителем, полководцами. Он думал именно то же самое, но не договорил этого со всей ясностью. Истории никто не делает, ее не видно, как нельзя увидеть, как трава растет. Войны, революции, Робеспьеры это ее органические возбудители, ее бродильные дрожжи. Революции производят люди действенные, односторонние фанатики, гении самоограничения. Они в несколько часов или дней опрокидывают старый порядок. Перевероты длятся недели, многие годы, а потом десятилетиями, веками поклоняются духу ограниченности, приведшему к перевероту, как святыне».

«Логический скальпель» марксизма как нового видения мира предложил в результате анатомии развивающегося человеческого сообщества мысль о свободе как неизбежном диктате достигнутыми и существующими производительными силами. Но в том-то и опасность этого обоюдоострого скальпеля, что он сам отнюдь не ориентирован только на гуманные руки исцелителя, но и может, более того, по общечеловеческому закону должен попасть в руки тех, кто постарается доказать возможность утопии силовыми приемами. «Нет ничего более шаткого и преходящего, чем обаяние не опирающегося на собственную силу могущества», - подчеркивал мудрый Тацит.

Пожалуй, в особой мере мысль эта относится к тому этносу, который никогда за многие тысячелетия своего развития (наверное, со дня ухода из древней прародины навстречу превращению в аланов, а затем, через неизвестные человеческие перепутья в россов, русских) не знал иного метода реализации утопии (привнесенной свыше или же замаскированной под существующий в верхах утопически представляемый миропорядок), кроме кровавого их насаждения. И вот что примечательно, именно этот этнос всегда поставлял исполнителей кровавых дел, которые, как правило, умудрялись остаться в тени истории, высвечивая Злодеев. И уж как удобно результаты любой утопии отождествлять и их деяниями. Благо мертвые сраму не имут. Кстати, поляк К.Валишевский, труды которого по истории России сейчас один за другим стали появляться репринтными изданиями на благо «самофинансирования» издательств, подметил эту нашу особенность, выразившуюся в восприятии моим поколением «нового видения мира» марксизмом. Он писал: «Грозный всю жизнь свою преследовал и карал коварство своих слуг, в то же время находя усердных исполнителей для своих предприятий. У этих людей была мораль, в которой чувство добра и зла не имело места, совесть не играла никакой роли, в ней царил один всепроникающий

принцип принцип службы. Этот категорический императив, положенный в основу общественной и политической организации и проникнувший сознанием покорного, сильного и терпеливого народа, и является секретом торжества и славы его. Все величие России построено на этом фундаменте».

Предвижу возражения: Россия устала от утопий и традиционных для нее способов их внедрения. Она на пороге нового, светлого пути, истинной демократии, гуманного социализма, рыночной экономики. Свежо предание, но верится с трудом, ибо утопия породит лишь новую утопию и новые, невиданные страдания во имя ее утверждения. Кстати, с моей точки зрения, не столь уже пожилой мой читатель скоро сможет проверить правоту моих слов. Так было. Так будет. Ибо мир мифов, легенд и утопий неизменен в той же мере, как и сознающий себя в этих формах человеческий дух. «Сколько людей упорно и вдохновенно трудятся ради осуществления некоторой цели, обещающей завтра обеспечить досуг и наслаждаться жизнью! Но «завтра» так никогда и не становится «сегодня». Всегда появляется другая цель, которая обещает еще больше и требует еще чуть-чуть усилий». И вот мы, сами немало сделавшие для укрепления марксизма как символа новой веры, с удивлением замечаем, что его отрицатели все масштабнее начинают повторять... всю историю человечества.

Но ни теоретический марксизм, ни марксизм как символ новой веры простой сопричастности миру тысячелетия мифов, легенд и утопий не объясняет множества загадок современной истории от разбредания его на сотни разных "марксизмов" и соответственно социальных структур до трактовки коммунизма как гуманизма, основанного на «положительном упразднении частной собственности» монолитно шагающих миллионных колонн. Вот почему только снисходительную улыбку у любого думающего социолога вызывают журналистские эскапады против коммунизма (как реализации теории марксизма), основанные на отождествлении бедствий современности с теорией или символом новой веры. Конечно, мы знали и знаем, что советская модель "гуманизма" унесла, словно смерч, в течение 1930-1953 годов 786.098 репрессированных граждан, исповедовавших "новую веру". Но ведь уже значительно позднее красные кхмеры в Кампучии (причем именно те деятели, которые нередко улыбались и со страниц наших газет) тоже во "имя коммунизма" убили из 7 миллионов населения страны 3 миллиона, уничтожили 96% кампучийских студентов, «ликвидировали» 90% врачей, фельдшеров, медсестер, учителей. Но разве мы можем забыть иную «социалистическую» модель фашизм, дьявольский счет жертв которого в мире, наверное, уже приблизился к ста миллионам! А во имя какого сиюминутного политиканства можно умалчивать о жертвах мусульманских фундаменталистов или сионистов, дикости взаимоистребления в разных странах Африки, опять-таки имеющих теоретическое «оправдание» и приверженность тому или иному, порою, социалистическому символу новой веры. И уж во всяком случае символу избранного рода или племени.

Самое страшное воздействие любого теоретического принципа или же основанного на нем символа новой веры является его принципиальная неодолимость в любой исторической ситуации. Так, мы провозгласили на основе очищенной от ненужных «исторических наслоений» новый символ веры гуманный и демократический социализм. Но на практике он уже обернулся

страданием миллионов. Может быть, они еще не уничтожены физически, но жизнь их уже на грани уничтожения. Вот как академически рассуждал в феврале 1990 года заместитель председателя Государственной комиссии Совета Министров СССР по чрезвычайным ситуациям, ссылаясь даже... на мировой опыт. Он говорил о нарастающих в нашей стране миграционных процессах, за которыми трагедия миллионов простых людей. «Между прочим, во многих странах существуют пересыльные лагеря для беженцев и большинство из них комфортом не отличаются... Думается, что такие структуры надо создавать и в нашей стране возможно, в каждой республике. Ведь миграционные потоки не прекратятся, а порой посмотрим правде в глаза будут принимать взрывной характер, как сейчас. Не стоит забывать, что десятки миллионов людей не относятся к коренному населению той или иной республики, хотя в ней родились и выросли. И ни один многомиллионный регион не застрахован от всплесков, подобных январским. Эту ситуацию надо прогнозировать, готовиться к ней, а не «тушить пожар» подручными средствами, и более организованно».

Где же, например, символы веры христианства, которые в памятниках раннего христианства обозначились как *Fratres* братья? Где же мусульманский символ веры неувядающий и всеобщий цветок жизни? Где интернациональное братство всех трудящихся, угнетенных и освобожденных народов, которые вдруг, словно по мановению Мефистофеля, оцетинились друг против друга взаимными обидами, упреками, территориальными и социальными претензиями, как будто вода, земля, воздух могут вообще кому-нибудь принадлежать?

Нет, дорогие мои друзья-журналисты, вращающиеся, словно стрелки на иголке компаса, во все стороны и при любом возмущении. Теория и символ веры марксизма сами по себе не объяснят (даже при осознании их мифологической, легендарной и утопической основы) парадокса логического скальпеля, сработавшего ныне с марксизмом так же, как было со всеми великими верованиями в прошлом. Просто следует признать, что наряду с теорией и ее символизацией в веру есть еще один удивительный феномен сознающего себя духа, основанный на вере бытового сознания в теорию и символизированную веру. Если говорить откровенно, то тайна здесь проста удивительная убогость этого самого бытового сознания во все времена и у всех народов отныне и впредь. «Всеобщий порок смертных, - писал Р.Декарт, - смотреть на мудреные вещи, как на самые лучшие. Большинство людей думает, что они ничего не знают, когда они находят очень ясную и простую причину какой-нибудь вещи, и тем самым восхищаются выпренными и глубокомысленными рассуждениями философов, чаще всего покоящимися на основаниях, которые никогда достаточно не проверялись».

Выспренные рассуждения удел магов, жрецов, ученых, говорящих о своих действительно сложных проблемах на эзотерическом языке. Не стройте иллюзий, при самых идеальных системах образования они лишь небольшая каста, да и то весьма далекая от универсальности знаний. Не убежден, например, что большинство весьма академических ученых, отстаивающих либо поносящих теорию марксизма, читали все тома «Капитала» столь же внимательно, как Леонтьев либо Гэлбрейт.

Не стройте иллюзий, что символ веры сразу охватывает косные массы (даже в том обществе, которое со дня на день обещает «всестороннее развитие личности»). Если бы это было так, не надо было бы иметь отцов церкви и рядовых священнослужителей, «продолжателей» дела К.Маркса и таких скромных его интерпретаторов, которыми выступали десятилетиями именно мы, подгоняя теорию под символ веры на потребу дня. Не надо обольщаться, наши многомудрые книги и учебники едва ли подвинули широкие массы на какие-либо действительные, исторически значимые действия, ибо живут они по совершенно иным законам бытия сознающего себя человеческого духа. Нет, не «открывали они Маркса каждый том», да и наши книги читали в основном по долгу обучения либо прямого принуждения. И все же факт налицо: как всякое великое вероучение марксизм проник в духовную жизнь миллионов, и тот, кто полагает, что его искоренит уничтожение памятника К.Марксу в каком-либо затосковавшем о своем прошлом провинциальном городке, ошибается в той же мере, как и ранние гонители христиан, и преследователи ереси Баха-Улы бахаизма.

Есть в сложнейшей структуре нашего сознающего мир духа нечто более существенное и мощное, чем все могущественные империи и великие армии мира. В противном случае проповедь Будды не стала бы плотью и кровью миллионов людей, и притом не только принятого ими вероучения, но и поведения, и стратегии выживания, и основ семейной жизни. В противном случае Христос не смог бы своими весьма простыми, идущими от мифов, легенд, утопий прошлого проповедями, деяниями и чудесами сделать для цивилизации больше, чем «все великие мира сего» в совокупности. И не был бы не «призрак коммунизма» столь живуч, если бы наряду с теоретическими умопостроениями великого последователя Гегеля и исповедуемыми им символами новой, «пролетарской» веры одновременно не разрабатывалась бы и не пропагандировалась бытовая версия марксизма, также базирующаяся на мифах, легендах и утопиях, но обладающая одним поразительным качеством способностью выразить сокровенные мысли миллионов людей своего времени, которые зачастую и мыслят в первоначальном смысле этого слова.

Характерно, что здесь мы имеем не расширенную и порою трудно воспринимаемую из-за обширности нравственных постулатов проповедь, но краткий след взаимосвязанных тезисов бытия «свободного человека». Для них характерно: всеобщность, слияние всех мифов, легенд и утопий, живущих подспудно в нашем духе, в афористичные лозунги действия (наподобие известной триады «свобода-равенство-братство» и в значительной мере в закономерной духовной преемственности с нею), надежда на окончательное торжество массового, непосильного революционного взрыва, возможность в индивидуализации в сознании коллективных постулатов. И все это сливается в осознание нравственной вседозволенности «благого действия», ведущего к «возвышенной», «конечной», наиболее обоснованной в истории человечества цели. Той вседозволенности, которую заурядные люди осознают гораздо быстрее апостолов новой веры, расправляясь с ними везде и повсюду, делая их (равно как и первых христиан) мучениками идеи. Кстати, К.Маркс всегда учитывал неизменность «индивидуального антагонизма», и даже на бытовом уровне не обещал его устранения. А он-то и оказался той целью, которая ныне на наших глазах все больше и активнее расширяется

под натиском неведомых сил духа человеческого. Кстати, идущие на смену марксизму пророческие вероучения любят апеллировать (в отличие от материалистического характера доктрины К.Маркса) к духу как к спасению, альтернативе неизбежного конца. Так, повествуя о бахаизме, К.Касам-Заде посла весьма образного описания краха всех традиционных материальных и интеллектуальных ценностей, после признания их бессилия перед охватившим мир всеобщим кризисом обращается именно к этой альтернативе: «...Кризис нашей эпохи в корне своем кризис духовный, поэтому средства для его преодоления должны быть духовными. Нужна динамически-творческая сила, которая могла бы переделать и перевоспитать человека, воздействовать на его волю и разум, которые являются двигателями его поступков и поведения». Но дух, к которому взывают многие современные авторы, близкие по системе убеждений К.Касам-Заде, это тот же логический скальпель непредсказуемого действия, уже не раз опробованный человечеством, религиозно-духовные учения. Но бытовой марксизм, как это ни покажется «крамольным» действительно серьезным ученым-марксистам, разрабатывающим теоретические основы доктрины материалистического понимания истории, есть не что иное, как одна из разновидностей именно такого учения. Правда, его постулаты, ассимилирующие в себе всю совокупность мифов, легенд и утопий человечества, отличаются не только большей стройностью и логической соподчиненностью, но и большей действенностью, ибо сулят миллиардам не потустороннее, а сиюминутное, «здешнее», земное блаженство. И кто бы не верил в загробную жизнь, сохраняет в своем рассудке здравую хитринку, побуждающую его предпочитать райским кушам в неведомом будущем ухоженное и сытое бытие в этом мире, пению гурий ласку женщин, вполне плотскую и реальную, всеобщей добродетельности теней нормальные человеческие отношения под животворящим солнцем.

Кроме того, бытовой марксизм, опережая доктрины классовой борьбы современности, как бы отдавая отчет, что нужно не так уж много времени, чтобы задуматься о человеческой цене противостояния для цивилизации, выживания человечества, приближает духовное совершенство человечества как цель из сферы туманных обещаний в точную схему «триадного» развития, высшая и наисовершеннейшая ступень которого вполне достижима по условиям материальной жизни общества уже в ближайшее время. Именно так строит К.Маркс свою знаменитую формулу о ступенях истории индивида и коллектива: «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) таковы первые формы общества, при котором производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в отдельных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости, - такова вторая крупная форма, при которой впервые создается система всеобщего обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных способностей. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на подчинении их коллективной общественной производительности в качестве их общественного достояния, - такова третья ступень».

И, наконец, он дает страждущему человечеству, тысячелетиями войн, грабежей, гибели самых великих и цветущих цивилизаций (от Америки и

Африки до Европы и Азии), помноженных на все несбывшиеся мечты подавляющего большинства о торжестве справедливости, царстве разума и добра, доведенному до полного отчаяния, свет надежды. Вот есть ли этот свет и что он сулит всем нам, сияет ли он как истина или же вскоре на смену ему придет новое бытовое вероучение, отвлекающее наш дух от главного вопроса - о возможности его выживания, мы должны, обязаны спокойно и непредвзято рассмотреть, учитывая уже не теоретические постулаты, а ту человеческую реальность, в которой оказались и по сути которой нас всех увлекает Маракотова бездна неведомого.

Отсюда задача многопланового, на уровне современного научного мышления, критического рассмотрения трех взаимосвязанных в единое и органичное целое постулатов бытового марксизма; тех самых, которые не только внедряются в сознание людей их жизненной практикой или системой пропаганды, но и всей культурой и образованием в их единстве, именуемом мною цивилизацией.

Первый постулат - естественное, природное равенство всех людей «отчужденное» от них процессом развития частной собственности. Разумеется, и путь к возвращению этого природного равенства человечества - уничтожение частной собственности, на которой основана эксплуатация человека человеком, превращение его в частичного работника в результате разделения общественного труда; короче говоря, путь коммунистических преобразований. Жесткая логика К.Маркса, прекрасно освоившего неоспоримость диалектической аргументации у Гегеля, здесь невольно предстает как нечто увлекательное и заманчивое, во что сразу же начинаешь верить. Вот оно, слово, наконец, найдено! Но скептический рассудок вначале начинает искать несоответствия посылки и выводов в теоретическом плане (усомнившись, например, в том, что все люди по природе равны), а затем, ошеломленный «реальным социализмом», равно как и «демократическим гуманным социализмом», не только принесшим столько человеческого горя, но и создавшим невиданное по масштабам и характеру человеческое неравенство, обрушивается на идею равенства вообще, предпочитают воссоздавать старые, выверенные со всех сторон установки, подразделяющие человечество на элиту и быдло.

Сразу же подчеркну, в нашем сознании на неистребимой основе взаимопереплетенных мифов, легенд и утопий укоренилась идея всеобщего равенства человечества, всех без исключения человеческих индивидуальностей, от которых и тени не осталось на нашей многострадальной Земле. Создавая миф, одухотворяющий и олицетворяющий неведомые, таинственные, манящие своей непостижимой загадочностью силы природы, человек уже этим самым уравнивал всех себе подобных перед этой неведомой мощью. И кто знает, быть может, равенство перед неведомым всесилием было первой ипостасью человеческого равенства вообще. Перед всемогущим Зевсом все равны; и уж если златокудрий Аполлон и всевидящая, прозорливая Афина трепещут перед ним в равной мере, то человеческое равенство - естественная благодать, и не более того.

Идею всеобщего равенства в нашем сознании навсегда (если бы я был уверен как специалист в корректности этого термина - генетически) закрепили легенды, еще более приблизившие небесных владык к человеческим ну-

ждам. Ведь легенда о Прометее - это легенда о полубоге, страдающем за людей, а стало быть, сопричастном каждому из них. Ведь не зря же поэты говорят и поныне о человеке талантливом, что в нем горит огонь Прометея!

Человек - это любовь, повторяем мы ныне без устали! Но ведь и легенда о безмерной любви Христа ко всем людям, будь то блудница или прокаженные, равно как легенда о всесильном и царственном Раме, дававшем не только образцы царской доблести, но и человеческой верности, всесильной любви, наряду со всеми аналогичными легендами прошлого живут в наших чувствах, переживаниях, представлениях.

Утопия, провидимое будущее, которое есть где-то (быть может, и в иных мирах), или же была когда-то, но ее смели воды всемирного потопа, живущего в памяти всех народов, или же, может быть, нарисованная творческим воображением гения типа Томаса Мора, или же оформившаяся в действия «заговора равных» Гракха Бабефа, или же, наконец, навсегда нашедшая свое место в самых безобидных, но таких манящих от реальности в человеческий мир, от серых будней в беспечальное царство радости и веселья народных сказок (уж если говорить об утопическом мышлении в его самых исконных корнях, это же сказка, мечта народа и одновременно его протест против современности) нельзя расценивать иначе, как факт нашего духа, и притом весьма действенный. К.Маркс предостерегает, что чувства, иллюзии, настроения, образ мыслей и мировоззрения «возвышаются над социальными условиями существования» и что поэтому «отдельный индивид, которому эти чувства передаются по традиции и в результате воспитания, может вообразить, что они-то образуют действительные мотивы и исходную точку его деятельности».

Но ведь жизнь тысячи раз подтверждала, что безотносительно к причинам возникновения духовного начала, оно живет и развивается по своим законам, отнюдь не исчезает «со старым способом производства», более того, в силу плохо изученных традиций движения духа и способов воспитания и самовоспитания человека большей частью оказывается решающей причиной действий! И ведь марксизм, взывая к чувству равенства, в итоге подвигнул массы на революции во имя сложившихся у них веками (подчеркиваю - веками) представлений о равенстве, справедливости, свободе¹. Что, конечно, вполне символично.

Видимо, само оперирование понятием «равенство» и призывы к «борьбе» за него уже исчерпали себя. Следует рассмотреть эту категорию не в ее общем значении, а в плане тех достижений науки, которые дал двадцатый век. Более того, и в плане политических движений этого века, ибо под фла-

---

¹ Любопытно, что К.Маркс нигде не отрицает передачи по традиции «чувств», иными словами, мифов, легенд и утопий, сформировавших в прошлом наше нынешнее сознание, но не придает им того значения, которыми они в действительности обладают; не упускает он из виду и возможность совершенствования и самосовершенствования индивида (его образования), но, уверовав в свою модель социального развития, преувеличивает возможности этого образования и пластичность человека, его изменения в результате изменения «обстоятельств». Думается, что именно в этом факте и заключена принципиальная невозможность объяснения только с марксистских позиций (при всей их теоретической стройности) природы человека, а стало быть, и судеб человечества.

гом борьбы за «равенство» может развернуться такая несусветная чехарда, predetermined и национальными, и религиозными особенностями народа, что не рад будет тот, кто вызовет ее подобно неведомому джину арабского фольклора, веками дремавшему в закупоренной бутылки. Для подобного подхода у нас есть не только теоретические, но и чисто практические основания. Ведь лучшей «выверкой» марксизма, его представлений о равенстве как о социальной закономерности (отсюда - и призывы к борьбе за «социалистическую справедливость», и к движению за «социальную раскрепощенность человека») могут служить все страны, следующие его идеалам, конечно же, в первую очередь, наша страна. Я не отношусь к тем наивным полутуристам, полужурналистам, склонным безоговорочно принимать все, что происходит в условиях развитых капиталистических стран, ибо сам немало повидал на своем веку, могу и сравнивать, и сопоставлять век прошлый и век нынешний, да и немного заглянуть в будущее той же преуспевающей во многом сегодня цивилизации, основанной на законах свободного рынка. Но в одном не могу не согласиться с их наблюдениями: в деле социального равенства многие из таких стран, более, если хотите, «социалистичны», чем мы. Здесь дело не только в правах человека, которые, в конце концов, восторжествуют и у нас (правда, не так молниеносно, как полагают наши любители законотворчества, игнорирующие законы сознющего мир человеческого духа, пронизывающий его мир мифов, легенд и утопий). Социальное равенство это, например, и социальная защищенность человека. Ну о какой социальной защищенности мы можем говорить, если почти пятьдесят миллионов наших сограждан получают средства к существованию (пенсии, зарплаты) где-то в размере 70-80 рублей, когда общепринятый стандарт 252 доллара в месяц¹! Какое равенство сможем мы продемонстрировать миру, если разрыв между этими людьми и теми, кто, дорвавшись до государственного пирога, вне всякого представления о «социалистичности», точнее, о нормальной человеческой общности и солидарности, живет на уровне, который не снился и русским помещикам (разве что Шереметевым, Воронцовым либо Юсуповым), для которых открыт весь мир международных фестивалей, круизов и симпозиумов о «правах человека», кто по мановению ока повышает в два с лишним раза заработную плату всему управленческому аппарату в условиях нарастания инфляции и кризисных явлений в экономике. Где оно, это равенство, ибо в жизни действует предельно иезуитская система селекции кадров, делающая беззащитным перед произволом администратора самого талантливого и одаренного человека! Когда-то, в период моих наивных обращений по этому поводу в печать, надо мною посмеивались, полагая, что это крайняя, гротесковая точка зрения. Мне говорили подождите, вот заменим систему конкурсов на систему продуманной аттестации кадров, перейдем к выборности руководящих кадров, уберем ненужное «двоевластие» и передадим всю власть советам, органам самого народа, и все будет преотлично. Но прошло не так уж много времени, как

---

¹ Правительство США определило официальный уровень бедности для семьи из четырех человек в 12.092 доллара. А ведь США в этом плане - отнюдь не самая авангардная страна!

почти вся пресса в унисон заговорила о падении интеллектуального уровня учителя, о засорении институтов (и уж тем более таких загадочных, как институты повышения квалификации) кадрами весьма посредственного свойства, содействующими интенсивному падению духовного потенциала России. Ну, а что касается «выборности», то о ней и говорить-то забыли. Практически же администрация получила куда большие права, чем раньше. Непомерно разбухший аппарат мобильно перегруппировался, омолодился и вновь оказался непреодолимой стеной для всеобщего равенства.

Правда, порою вспыхивают забастовки, шумят митинги, нарастают межнациональные конфликты. Но они отнюдь не система корректировки демократической системы равенства, а скорее наоборот; в этих процессах отражается бессилие человека, которому с детства вбивали (сведя все только к социальному равенству и его неизбежным благам) мысль о равенстве его со всеми другими. А ведь это одна из самых трагических ошибок, основанная на игнорировании опыта сознающего мир человеческого духа, то есть истории. Отсюда непомерные претензии без учета своих реальных возможностей (я не говорю уже о социальных требованиях к нормальному, производительному, культурному труду, который нам сейчас просто недоступен).

Конечно, многоплановый анализ такой сложной структуры, как человеческое равенство, не снимет, подобно чудодейственному лекарству, социальные напряжения. Это, как говорится, иной срез проблемы, где порою решающее слово принадлежит политике и ее способности успокаивать массы, манипулировать их чувством равенства. Но он откроет возможность приоткрыть завесу времени, подумать нам вместе: а куда все-таки мы идем?

Прежде всего равенство способностей, о котором мне приходилось немало писать, а теперь критически переосмысливать написанное. Веруя в бессмертие рода человеческого, его неисчерпаемый потенциал, мы должны, просто обязаны во имя исторического оптимизма ратовать за это равенство. Аргументация у нас, как правило, довольно примитивная: а) способности не наследуются, а стало быть, разница в них у людей есть не что иное, как результат несправедливого и неравного развития; б) у всех людей способности могут быть сформированы на оптимальном уровне (правда, никто из нас не сказал, что это за «оптимальный уровень»).

В чем же алогизм подобной, внешне корректной аргументации? Да в том, что само понятие «способность» опять-таки экстраполируется из сферы социальной деятельности, ее форм, без учета безграничного спектра духовных способностей.

Но ведь не дана мужчине способность быть матерью со всеми своеобразными чувствами, инстинктами, нормами поведения, интимными переживаниями. Мы можем мать отучить быть матерью под предлогом «равенства» мужчины и женщины в социальных сферах деятельности. Мы это и сделали преуспешно, полагаясь на мифы, легенды и особенно на утопии о коллективном воспитании. Но теперь спохватились. И дело, конечно, не только в нехватке школ или детских садов, учителей или современных пособий. Дело в том, что, лишившись возможности прокормить жену и детей, мы, мужчины, логически обосновали эту свою импотенцию равенством женщины с нами. Так от движения феминисток в XIX веке мы шли к воспитанию агрессивных неженственных женщин, не только эмансипированных и перещеголявших

мужчин во многих мужских пороках, но утративших (боюсь, что в перспективе навсегда) способность быть носителем женственности. Ну, чем не завоевание бытового марксизма!

Мы провозгласили как величайшее завоевание всеобщее и равное образование. Отрицать достигнутое на этом пути вряд ли возможно. Но любой позитивный процесс имеет и негативный аспект. Был он и в этом нашем устремлении, вполне гуманном, но обернувшемся осреднением человека, а стало быть - подменой равенства - исходным существованием¹. Но ведь люди ничем не сходны друг с другом; каждый малыш, переступающий порог детского сада и школы, есть лишь частное проявление общего духа. Вот это «частное» никого не волнует, более того вызывает своеобразную озлобленность воспитателей, методические пособия которых ориентированы на обучение одинаковых (но не равных) людей. Одинаковыми мы в результате торжества бытового марксизма стали, но равными быть перестали, ибо такое равенство возможно лишь как безграничное многообразие проявления сознающего мир духа. И опять возникает проклятый вопрос: исправима ли эта тенденция? Подлежит ли она корректировке? Не приобрела ли она благодаря неумолимой логике бытового марксизма (ибо немало стран с успехом взяло на вооружение модель именно нашей школы) глобальное воздействие на обездуховленное равенство.

Выросшая из мифов, легенд и утопий мечта человечества о равенстве благодаря бытовому марксизму (и в этом его всеисилие как выражение миллионов посредственностей) переросла в устойчивое представление о духовной тождественности всех людей. Но ведь в такой тождественности тайна энтропии духа, которая неизбежно ведет нас к финалу и более быстрому, чем это может предположить анализирующий внешние стороны бытия разум. Не случайно великие мыслители, которых трудно упрекнуть в презрении к человечеству и к человеку, всегда восставали против лозунга «равенство» применительно ко всем, в том числе и самым тончайшим сферам нашей жизни. Помните, как писал Н.Макиавелли: «...Умы бывают трех родов: один все постигает сам; другой может понять то, что постиг первый; третий сам ничего не постигает и достигнутого другим понять не может. Первый ум выдающийся, второй - значительный, третий - негодный». Так вот бытовой марксизм неизбежно торжество третьего типа ума (равно как и чувств, и подсознания, и тонких, еще неведомых нам душевных движений). Вдумайтесь: те, кто реализует марксизм на бытовом уровне, претворяет его страте-

---

¹ Справедливее было сказать, что мы лишь повторяем одну из старых как мир утопий: о природном равенстве. Напомню лишь мысль Т.Гоббса: "Природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей, ибо, хотя мы наблюдаем иногда, что один человек физически сильнее или превосходит умом другого, однако если сосчитать все вместе, то окажется, что разница между человеком и человеком не настолько велика, чтобы один человек, основываясь на ней, мог претендовать на какое-нибудь благо для себя, на которое человек не мог бы претендовать с тем же правом... Из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение своих целей» (См.Гоббс Т. Левиафан. М.,1936, с. 113.)

гию в тактику, вполне закономерно люди весьма посредственного духовного уровня¹.

Второй постулат бытового марксизма органически вытекает (опять-таки в полном соответствии с силой традиции мифов, легенд и утопий) из первого, ибо равенство должно быть претворено в такое сложнейшее человеческое состояние, как удовлетворенная потребность. Пообещать удовлетворение всех (или основных) потребностей практически означает посулить торжество «подлинного» равенства. Конечно, не случайно теория потребностей (опять-таки преимущественно социальных, связанных с производительным трудом) глубоко, основательно рассмотрена К.Марксом. И лишь затем переведена в лозунговую, бытовую, доступно-афористичную.

В предыдущих своих работах теорию потребностей, разработанную К.Марксом на основе концепции Гегеля, я воспринимал с большим энтузиазмом. Не случайно: логика этой теории, ее понятия действительно убедительны и аргументированы весьма фундаментально. Во-первых, потребность рассматривается источником любого человеческого действия («Никто не может сделать что-нибудь, не делая это вместе с тем, ради какой-либо из своих потребностей и ради органа этой потребности»). Во-вторых, потребность трактуется не как цель, достижение которой способствует остановке процесса этого действия, устремлений человека, но, напротив, весьма изящно интерпретируется как «внутренний и вечный двигатель» нашего бытия. Она напоминает дразнящий огонь святого Эльфа, манящего все дальше и дальше человека по трясине жизни: «Сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям».

И, наконец эволюция взглядов К.Маркса привела его к выводу о существовании в будущем, коммунистическом обществе «первой потребности». Если в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» он пишет: «Сам труд, сама жизнедеятельность, сама производственная жизнь оказываются для человека лишь средством для удовлетворения одной его потребности, потребности в сохранении физического существования».

Эта в общем довольно элементарная для всей мировой философии предшествующего периода мысль через некоторое время, сквозь призму монументального здания политической экономии марксизма приобретает иной, более глубокий и оригинальный смысл. Раскрыв основные тайны труда, трудовой стоимости, многогранного характера труда и социального отношения к нему, К.Маркс склоняется к тому, чтобы именно в труде, свободном и радостном, увидеть главное начало коммунизма. «Если при коммунизме, - писал он, - труд становится первой потребностью, то в той же мере и потребность становится первым трудом в том смысле, что производство богатого человека, то есть человека с богато развитыми потребностями, является производством основного социального богатства».

---

¹ Лаконично и образно эту всеобщую идею революционных процессов выразил Николай Бердяев, кстати, читавшийся нами, философами старшего поколения, еще в первые послевоенные годы: «В революции торжествует атеистическая диалектика Ивана Карамазова, но осуществляет ее Смердяков». (Н.Бердяев. Духи русской революции//Комсомольская правда. 15.VIII. 90.).

Можно (и, наверное, с достаточным основанием) полагать, что К.Маркс не понимал труд, о котором он говорит как о первой потребности, столь примитивно, как политические инициаторы бытового марксизма. Надо отдать им должное: они в гораздо более эффективной форме использовали те глубинные слои нашего духа, которые сформированы мифами, легендами и утопиями об удовлетворении материальной потребности. Кстати, трудно сказать, предотвратило бы подобное течение, развитие событий нормальное критическое взаимоотношение марксизма как одной из многих философских школ возможность своевременной корректировки его адептами замечаний критиков. Скажем, русских философов рубежа XIX-XX веков, предупреждавших такой «материализм» в возможности духовной буржуазности. Позволю себе привести несколько обширное, но весьма прозорливое и мало известное высказывание С.Н.Булгакова из его статьи «Основные проблемы теории прогресса». Он писал в этой статье: «Своеобразным эвдемонизмом проникнуто основное воззрение современной политической экономии, по которому рост потребностей и, следовательно, удовольствий от их удовлетворения является основным принципом экономического развития. Культурой и культурностью в глазах экономической науки является именно роль чувственных потребностей и их удовлетворения. Один из наиболее решительных в этом смысле экономистов Зомбарт однажды прямо назвал рост потребностей «Menschenwerden». Это вполне языческая и вместе противонаравственная точка зрения, которая, не различая потребностей духа и тела, обожествляет рост потребностей как таковой. И экономическая жизнь, и экономическая наука, эту жизнь отражающая, подлежат нравственной оценке, и лишь эта, последняя, может предохранить от впадения в грубое язычество. Рост материальных потребностей и их удовлетворения не является противонаравственным лишь постольку, поскольку он освобождает дух, одухотворяет человека, а не постольку он, усиливая область чувственности, содействует падению духа и победе плоти. В известной мере этот рост потребностей и экономический прогресс составляют необходимое предшествующее и духовного развития, иногда пробуждения личности (этим, по моему пониманию, характеризуется теперешний момент экономического развития России). Но рост нравственных и чувственных потребностей может отставать друг от друга и друг от друга отделяться. В таком случае рафинирование чувственности, не возбуждающее, а подавляющее деятельность духа, является своеобразной нравственной болезнью, нравственным убожеством, проистекающим уже от богатства, а не от бедности. Эту двусторонность экономического прогресса забывают экономисты, когда, увлекаясь своей специальной точкой зрения, отождествляют ее с общечеловеческой и общекультурной. Культурное варварство, которое вырабатывается современной экономической жизнью, не лучше, а хуже первобытного варварства именно благодаря утонченности потребностей нового человека». (Проблемы идеализма. М., 1902, с.24-25.)

А они реальны для нашего сознания ныне настолько же, насколько были таковыми в период их зарождения. Неумолимая логика сознающего мир духа не теряет ничего на своем пути, который мы привыкли красочно и определенно называть «история». Ведь не случайно один из серьезнейших ученых нашего времени, историк и археолог Р.Дж.Коллингвуд подчеркнул: «История не может стать научной до тех пор, пока историк не в состоянии

воспроизвести в своем сознании мысли и переживания людей, о которых он рассказывает»⁵⁰. Искать «историю» в погребенных городах и цивилизациях, без ее связи с нашим духом это все равно, что пытаться изучить всю структуру и всю логику поведения моллюска только по оставшейся от него раковине.

В самой многоплановой структуре мифов, легенд и утопий навсегда зафиксировано возникновение как незыблемых, изначальных, присущих природе человека безграничных по спектру потребностей. Остается только диву даваться, как все время, упорно и в разной связи ученые ту или иную потребность переносят в более поздние времена, которые ее могли породить по условиям производства. Ну чем не логично такое умозаключение: люди начали курить табак тогда, когда появилось производство табачных листьев (растений из семейства пасленовых). Ну конечно же, впервые у индейцев Америки, действительной родине почти семидесяти видов такого рода зелья. Затем, словно злое поветрие, эта потребность была навязана европейцами другим народам. Не следует исключать этот путь. Ну, а как быть с древнейшими находками буквально на всех континентах, которые создавались из глины, сланцев, костей и не могут быть атрибутированы иначе как трубки или мундштуки? Более того, как быть с мифическими существами, которые свои великие для земных тварей дела вершили, покуривая либо трубку, либо что-то наподобие сигары, либо же жевали или нюхали табак? Или воскурением им фимиама древние не связывали нас с логикой нашего поведения, нашими переживаниями перед всесилием неведомой власти?

А разве герои легенд не собирались раскурить трубку мира? Либо поразмышлять вдали от смертных, потягивая возбуждающий дым, об их судьбах и возможном суде над ними? Даже отказ героев легенд, долженствующий свидетельствовать об ограниченности, разумности, целесообразности их потребностей, об их аскетизме, затем делающихся образцом неизбежного аскетизма посвященных, является отрицательным подтверждением извечности этой духовной по своему существу потребности. Духовной, ибо она свидетельствует о первоначальном осознания человека удивительной и загадочной возможности влиять на свой дух, на свои настроения, переживания.

Что касается утопий, то в этом случае интересно подумать не о традиционных формах этого сознающего мир духа в прошлом, но о его стремлении увидеть будущее «а ведь это опять-таки утопия, пусть художественного выражения». И в этом будущем наслаждение от курения, потребность в нем рассматривается либо положительно, либо отрицательно «как проявление низких, недостойных человека эмоций». Но ведь рассматривается, а не игнорируется.

Мы также не найдем в истории, понимаемой не как фактография либо ожившая археология, народ, племя, цивилизация, члены которых не испытывали бы потребность в опьянении от воспетого Анакреоном до близкого к полному оскотиниванию во имя забытия бед мира сего. Когда и где возникла эта потребность¹? Мифы немыслимы без нее «вспомним симпатичнейших,

---

¹ Во всяком случае, сегодня мы не можем ответить даже на вопрос, когда возникло производство, удовлетворяющее удивительную потребность опьянения. Ю.Липс пишет в

пировавших на Олимпе»; герои легенд изобилуют примерами аналогичного толка (положительного либо отрицательного, ибо, повторяю, отказ от наслаждения, аскеза есть не что иное, как негативное подтверждение необходимости такого наслаждения). А уж утопийцы и утопические сообщества просто не мыслят себе празднеств без возлияний. Правда, разумных, для старейших и мудрейших, в меру. Но кто и где мог когда-либо сказать человеку «индивиду или коллективу», где есть мера наслаждения? Ведь по самой своей сути потребность ненасытна, и в этом ее духовная тайна и мощь.

И вот сразу же мы оказались почти перед логической пропастью: обещаем удовлетворение потребностей «и причем всех!», не осознавая того, что это абсолютно нереально. И вот здесь то оказывается мудрость бытового марксизма. Ее суть - в выделении доминирующей потребности, в зависимости от которой должны оцениваться все другие потребности «несмотря на то, что это практически невозможно», если не оскотить человека, не сделать его механической частью безличного агрегата- коллектива, от которого можно силовыми приемами потребовать одинаковых духовных и физических наслаждений, игр и направленности мышления, форм поведения и стереотипов «нормального» общения во всех межчеловеческих контактах.

Не скрою, мне многие годы раздумий о труде как о первой потребности казалось, что здесь все не сходится в логически связанный узел, даже при учете необходимых и исторически обусловленных форм общественного разделения труда

Именно поэтому я старался добавить иную формулировку - о необходимости потребности в труде творческом. Но эта полустыдливая и невыявленная полемика, наверное, никого не убедила. И прежде всего потому, что производительный труд не потребность вообще, а коренная предпосылка удовлетворения всего мира человека материального и духовного, если следовать существующему ныне и весьма проблематичному делению. Ведь все свои потребности и при том в максимальном объеме всегда более активно удовлетворяли именно те, кто вообще не включен в производительный труд, но свободно наслаждается всеми благами жизни, всеми ее радостями, и при том - в конечном счете именно в результате деятельности непосредственных производителей всех ценностей.

Не надо серьезных исследований для доказательства того обстоятельства, что в реально отражаемом сознанием истории не было и нет ни одной эпохи, когда бы люди не подразделялись на тех, кто своим производительным и всегда изнурительным трудом создает условия удовлетворения всех человеческих потребностей, преимущественно для других, для тех, кто не ведает производительного труда в любой существующих на данном отрезке времени форм его «разделения». Не надо за общим высоким жизненным стандартом современных развитых стран, сумевших удовлетворить многие элементарные потребности людей, что нельзя было сделать при труде ра-

---

этой связи: «В наше время уже нельзя с точностью определить, когда и где был изобретен процесс перегонки, который позволяет изготавливать более крепкие алкогольные напитки. По всей вероятности, было замечено, что из наполненного вином сосуда, если его оставить греться под лучами тропического солнца, начинают выделяться капли значительно более концентрированного напитка, чем содержимое сосуда».

бов, ни при труде крепостных либо наемных рабочих первоначальной капиталистической истории забывать фантастическое различие потребностей реальных людей - счастливых баловней судьбы и неизбежных «трудовых пчел», число которых в результате колоссального роста общественной производительности труда может и уменьшаться (ибо, например, один датский крестьянин благополучно кормит своим трудом 96 семей!), но не уменьшается число людей с «осредненными потребностями». Здесь не помогут ни высокие пособия по безработице, ни рациональные социальные программы переключения в иллюзорные виды деятельности миллионов людей: мы не индивид и не коллектив, мы - это сознающий дух, по первому бытовому постулату марксизма, равный всем и во всем. А если не равный по потребностям, их структуре и способу удовлетворения, то неизбежно нарастание того напряжения, которое, с моей точки зрения, неумолимо ведет человечество к гибели.

Характерно, что и социалистическая доктрина, отличная от общества свободного предпринимательства, вобрала в себя на уровне бытового сознания благодаря умелому манипулированию идеологов все в мифах, легендах, утопиях прошлого. Ведь нет мифа, где бы труд не возводился в божественное предназначение человека (индивида или коллектива - в данном случае такая постановка вопроса не имеет смысла), в его исконную ипостась. «Трудовое начало» в мифах и легендах всех народов проанализировано столь детально и скрупулезно, что мне нет нужды повторяться в этом отношении. А утопии? Да они все пытаются убедить, что именно труд (или перемена видов труда по свободному выбору) в «идеальном обществе» послужит основой всеобщего процветания, ибо формирует «рациональные потребности». Когда К.Маркс подчеркивает, что при коммунизме не будет профессиональных художников, а будут люди, занимающиеся искусством, он по сути дела в своей бытовой концепции воспроизводит вечное и константное состояние сознающего себя духа - убеждение в благой природе человека. Как все просто - общество благодаря развитию производства станет исключительно богатым. Или, как подчеркивал Ф.Энгельс: «Избыток производства, превышающий ближайшие потребности общества, вместо того чтобы порождать нищету, будет обеспечивать удовлетворение потребностей всех членов общества, будет вызывать новые потребности и одновременно создавать средства для их удовлетворения».

А дальше уже все в духе бессмертного Манилова: хочешь - работай в поле с пейзажами, хочешь - беседуй с друзьями о возвышенных материях или занимайся наукой.

Но материальная история и здесь разошлась с историей подлинной как самодвижением познающего мир духа. Вопреки всем теоретическим прогнозам и действиям фанатиков коммунистического символа веры от репрессий до демократических уговариваний всех и вся социальная конструкция социализма как односторонне воплощенного принципа коллективизма оказалась в состоянии динамичного нокдауна, отстав по всем параметрам экономики, техники, науки, быта от конструкции социума, односторонне основанном на индивидуализме. (Я еще раз предваряю свои окончательные выводы: здесь не надо спешить с обобщениями, здесь следует изучить не тенденцию материального развития, но тенденцию духа, четко ответить на во-

прос: прогрессирует ли он и дает ли нам какое-нибудь основание на выживание.) Кстати, скептически мыслящие ученые, срывающие всякие покровы, уже насторожили процветающий ныне мир индивидуальной активности и «личной» предприимчивости. Так, С.Паркинсон писал в этом плане довольно саркастически: "Отождествляясь с государством, монополии превращаются в орудие официальной политики, и в один прекрасный день выясняется: большинство избирателей работает непосредственно на государство. А это меняет всю природу и государства, и общества. Это, по сути дела, означает: государственные служащие будут голосовать за себя, за то, чтобы их как можно дольше никто не трогал. И тогда выбор невелик: либо диктатура, либо полный крах».

Что же касается бытового марксизма в наших условиях (и не на один ближайший год), то и деятельность наша отнюдь не свидетельствует о победах духа, развитии социума, способного максимально удовлетворять все потребности человека. Дело даже не в тех потребностях, которые рождены современной технической культурой, от которой мы безнадежно отстали. Все гораздо драматичнее: мы не можем сейчас удовлетворить элементарные потребности, от бытовых до гигиенических, от физиологических (пища, чистая вода, нормальное природное окружение) до жилищных. Мы обещаем, обещаем, обещаем. И притом (правда, в несколько иной, более демагогической форме) происходит то же самое, о чем сказал С.Паркинсон применительно к развитым странам. Здесь более обнаженно под видимостью государства, точнее, высших государственных интересов активнее всего потребляют те, кто менее всего производит. Многие, даже самые элементарные потребности (в медицинской помощи, обеспечении нормальными, а отнюдь не изысканными продуктами питания, образовании детей, наслаждении высокими образцами искусства, культуры, спорта, в соответствии уровню современной «технической цивилизации» жилищных условиях, в реализации своих возможностей в молодости и т.д.) не удовлетворяются у подавляющей части населения. Но некоторые, «элита» в своем собственном воображении, даже не реализовав себя еще на ниве «регулируемой рыночной экономики» экспроприировали самый высокий уровень потребностей, что в итоге может привести лишь к тем последствиям, о которых предсказывал С.Паркинсон.

Если рассматривать мифы, легенды, утопии только как феномены отражения реальности, приобретающие значение заблуждений в последующие эпохи, то следует признать, что из всего комплекса потребностей, обобщенных в них в качестве индивида или коллектива, непрерывной нитью через историю проходит только производительный труд. Это один из аргументов, почему его нельзя исключать из анализа природы человека, а стало быть, и из рассмотрения перспектив выживания человечества. Но дело не в том, что мною обосновывается иной взгляд на историю человека (не индивида и не коллектива, а именно человека). И вот что еще примечательно: я крайне рад, что в данном случае это неделикатное для науки понятие «мною» не взято в кавычки. Серьезные ученые в последний период, у нас преодолевая догмы бытового марксизма и бдительность его ортодоксальных адептов обществоведов, в других странах продолжая углубленно проследивать духовные связи в системе мифов, легенд и утопий самых разных

периодов, отказались от «отраженческой» концепции. Так, комментируя один из интереснейших сводов легенд преданий об ирландских героях «Похищение Быка из Куальбиге», видный ученый С.Шкунаев прекрасно охарактеризовал эту тенденцию. Он пишет: «Дело в том, что сомневаться в существовании и постепенном развитии объективных условий жизни человеческих коллективов невозможно, господствующее в настоящее время понимание реальности является не вечной и раз навсегда положенной данностью, а порождением современной нам исторической эпохи. Другие же эпохи, отстоящие от нас на много веков, порождали совершенно иные системы ценностной ориентации человека в мире и, соответственно, иные понимания реальности. В одно время миф и другие эпические жанры были всякий раз абсолютно адекватным отражением реальности, как ее понимали в то время. То, что нам кажется фантастическим или идеализированным отвлечением от действительности, было совершенно правдивым отражением ценностно отмеченных сторон мира. В этом смысле как «неправда» могли восприниматься лишь те формы, которые были унаследованы от более раннего периода и в подчиненном и видоизмененном состоянии продолжали существовать в системе культуры. (Мы не говорим здесь о целом ряде фольклорных и книжных форм, которые осознавались «лживыми» внутри самой культуры.) Культура стремилась в таком случае переосмыслить их и в трансформированном виде включить в себя. Так происходит, к примеру, с пластами мифологического сознания в более поздние эпохи. Культура строится на основе всего накопленного до нее материала, включая его в свое поле сознания и придавая ему смысл в кругу данной культуры»⁵⁴.

Так вот поле сознания нашей культуры вобрало из прошлого не вечное преклонение человека перед трудом, но его интерпретацию как «первой потребности», откровенно отдающее рабскими временами. Естественно, что такое наследие вряд ли покажется и свободному индивиду, и свободному коллективу (а на существование таковых в «подлинной истории человечества» в отличие от ее «предыстории» и делает акцент бытовой марксизм) в малейшей степени привлекательным. Вот почему возникает третья, так сказать, компенсаторная догма бытового марксизма, распространяемая и всем могучим идеологическим механизмом, и системой организации образования воспитания и обучения индивида в коллективе. Ее суть опять-таки проста, общедоступна (как и тезисы равенства всех со всеми, удовлетворения всеми всех потребностей) и, раз прозвучавшая, становится мечтой, а затем и фантазмом идеала, ценностью, к которой следует стремиться и которую «гарантирует» наш социум. Вот эта догма: «Призвание, назначение, задача каждого человека всесторонне развивать свои способности».

Здесь, в этой бытовой догме марксизма, нет ничего, что могло бы вызвать возражение настолько она льстит и человечеству, и человеку. В самом деле, кто не согласится с таким утверждением, особенно если речь идет о детях, о той смене, заботе о которой есть одна из граней природы человека, точнее, его рефлекса выживания. Кто не пойдет на лишения, бои, баррикады во имя реализации такого «призвания человека», хотя бы для будущего человека.

Но чем больше вдумываешься в нее, тем яснее раскрываются горизонты иных, более сложных вопросов, обобщенно выраженных проблемой доб-

ра и духовности. Вставшей, как я и говорил, в качестве одной из трех загадок сфинкса истории и пред марксизмом...

Нет нужды подчеркивать, что бытовой марксизм отнюдь не оригинален в пропаганде идеи всестороннего развития человеком всех способностей. Преклоняясь перед таинством природы, ощущая свою собственную фатальную ограниченность, древний человек творил мифы и сюжеты, персонажи которых компенсировали его стремление к могуществу. И чем могущественнее были они, чем поразительнее и невообразимее были разворачивающиеся в них действия, тем более фатальной становилась их власть над сознанием, духом, всеми побуждениями породившего их воображения человека. И пусть нам теперь эта власть кажется иллюзорной, но ведь сущность этого мифологического феномена действует в познающем мир духе человека и поныне. Гениально подметил эту нашу всечеловеческую мифологизирующую способность Макиавелли: «...Горе тому, кто умножает чужое могущество, ибо оно добывается умением или силой, а оба эти достоинства не вызывают доверия у того, кому могущество достается» .

Здесь не нужно примеров - тиран и деспот любой эпохи уничтожает в первую очередь именно наименее способных, тех, кому обязан своим возвышением, своим присвоением мнимого «всестороннего развития» своей, как правило, тупой и ограниченной индивидуальности.

Пожалуй, древнейший свод мифов, которым гордится человечество, - индийская «Махабхарата», поразительная по полифоничности мыслей и образов история борьбы кауравов и пандавов, оформившаяся, по мнению специалистов, где-то на рубеже первого тысячелетия до нашей эры. В предшествующий, еще более древний период, антропоморфизация сил природы, как бы отчужденных от человека изначально, в ведических гимнах перерастала в непосредственное олицетворение этих сил (Варуна-свод небесный, Сурья-солнце, Индра- гром и гроза, Агни-огонь). Осознавал человек себя, свою природу, свою возможность как природного существа - и менялась индийская мифология. Как пишет переводчик и крупнейший знаток «Махабхараты» В.Кальянов: «В последнюю эпоху, по установлению рабовладельческого строя, когда люди получили какую-то реальную возможность бороться с силами природы, эти божества отходят на второй план, уступая место новым божествам, до того времени не известным, а именно: Брахме, Вишну и Шиве. Эти божества уже совершенно отличны от первых и представляются: Брахма как бог - творец, Вишну как бог-хранитель и Шива как бог - разрушитель. Они как бы составляют собой индийскую божественную триаду, созданную в послеведический период брахманизмом". В рамках этой триады (вечной для всего сознающего мир человеческого сознания, безотносительно к эпохе, цивилизации, региону) в «Махабхарате» разворачивается без какого бы ни было искажения принципов мифологического эпоса извечная концепция неумолимого для судеб человечества поиска критериев всестороннего развития. Вчитываешься - и не можешь отделаться от впечатления, что все это—уже в тебе, навсегда запечатлено в твоей духовности. Примечательно, например, как на вопросы Аштака о том, чем смертный достигает высших миров - подвижничеством или знанием, более того, каким деянием он достигает счастья, Яти ему сказал: «Подвижничеством, щедростью, смирением, скромностью, простотой и состраданием ко всем существам.

Мудрые говорят, что люди, одолеваемые невежеством, всегда гибнут из-за своей надменности. Ученый, считающий себя за ученого, тот, который при помощи науки разрушает славу других, достигает лишь миров, имеющих конец, и Брахма не дает ему наград. Поддержание огня, молчаливость, учение и жертвоприношение все эти четыре действия рассеивают страх. Но если они неправильно применены ради тщеславия, то каждое из них причиняет страх. Пользуясь почтением, пусть он не предается печали из-за пренебрежения к нему. Здесь, в (этом) мире, добродетельные предпочитают добродетельных. Недобрые же не постигают человека с добрым умом». Не будет преувеличением утверждение, что почти в каждой из 18 книг, или парв, «Махабхараты» современный читатель найдет все те признаки всесторонне развитого человека, который он полагает своим, современным достижением.

Мир легенд не менее загадочен в этом отношении. Нет ни одного свода легенд, в котором (через положительное или отрицательное утверждение) не давался бы свод признаков всесторонне развитого человека. Вспомним хотя бы осетинский свод легенд «Нарты», герои которого обладают, как правило, всеми признаками универсального развития: физической силой и незаурядной ловкостью, верностью роду и данному слову, нежностью к друзьям и непримиримостью к врагам всем тем, что они оценивают как истинно человеческое. И какой бы «национальный» свод легенд о деяниях героев и мире, который они создавали этим деянием, мы взяли за основу рассмотрения, в итоге сравнительно легко и без какой-либо логической натяжки найти сравнительно сопоставимый комплекс желаемых качеств, тех свойств, которые характеризуют «подлинного человека», и притом с удивительным единообразием эти качества приписываются порою непримиримым между собою общественным силам и их представителям.

В этом же «наборе» он бытует и во всех утопических системах, с древнейших времен и до наших дней, где, казалось бы, воображение человека освобождается от призраков и страхов прошлого и может "открыть" нечто новое. Идеальный гражданин Платона мало чем отличается по стремлению ко всестороннему совершенству от утопий рыцарских романов или же от представлений о человеке в мире Мабли или Морелли. Кстати, этот идеальный мир превратился в подлинную энциклопедию духовного совершенства человека во всех сказках, которые когда-либо были созданы любым народом.

Следует ли отрицать позитивное значение представлений о всестороннем развитии как одного из феноменов познающего мир духа человека? Думаю, что не следует. Ибо эти представления в итоге подводят нас к коренному вопросу о реальной природе человека, а стало быть, и о перспективах его бытия. Ответ на него бытовому марксизму в этом аспекте представляется довольно простым: всестороннее развитие - практически задача каждого человека, самовоспитания и воспитания его способностей. Но здесь задача со множеством неизвестных Прежде всего, какие это способности? Одно их перечисление наводит уныние на любого думающего о себе человека, который склонен, махнув на все рукой, сказать, что подобный универсализм практически недостижим ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем. В крайнем случае, все дело сводится к признанию «избранных душ». Так, мудрый Ибн-Сина, написавший свое произведение «Даниш-намэ» почти тысячу

лет тому назад, склонен был рассуждать именно так. Он говорил: «Бывает так, что один человек научился чему-нибудь у другого человека, а тот раньше не учился ни у кого и нашел сам себя. А если человек углубляется и находит основу вещей мира, то ему удастся правильно понять и большинство вещей, и можно уверенно утверждать, что он понял их. Среди людей бывают такие, которым нужны учителя, без которых они не могут догадаться. А есть и такие люди, которые даже с учителем не могут понять. Может быть и такой человек, который поймет большинство вещей по догадке, очень мало нуждаясь в учителе. Возможно найти такого редкого человека, который если захочет, то поймет без учителя все науки подряд с начала до конца в течение одного часа, потому что он связан с действующим умом так хорошо, что ему не надо думать, словно ему откуда-то подсказывают, и в самом деле это так. Такой человек должен быть источником учения для человечества, и это не странно».

Но «избранные души» не для бытового марксизма, полагающего, что рационально организованный коллектив, который дает людям возможности равного развития, будет способствовать развитию всех. В итоге создается иллюзия возможности торжества добра и совершенства в результате простого изменения условий бытия или же с учетом «чрезвычайной прибавки» - оптимальной модели воспитания и обучения каждого. Как сработала эта модель иной вопрос, и к нему мне придется еще вернуться специально, при рассмотрении современной цивилизации и ее непостижимых, загадочнейших парадоксов. Одно бесспорно, всестороннее развитие всех осталось и для практики, ориентированной на бытовой марксизм, столь же непостижимым, как и для всех исторических слоев сознающего себя человеческого духа.

Более того, сама эта идея фактически предстала в кастрированном виде, ибо в тени осталось главное (что, кстати сказать, не сразу осознал и я в своих работах о первопроходцах советской системы эстетического воспитания старых большевиках-просвещенцах первых лет революции), а именно: каков же этот «комплекс» или «набор» способностей, который надо развивать. Одно мне было сразу же ясно: те способности, которые увлеченные революционеры скалькировали в свою модель «нового» человека, взяты из истории культуры античности и Ренессанса. Но ведь даже в те отдаленные периоды у людей было множество других способностей, о которых свидетельствует живущая в нашем сознании корневая система мифов, легенд и утопий. Так, дар пророчеств, предсказаний, предвидений, то, что приписывалось, например, Пифии и рассматривалось основоположниками нашей системы эстетического воспитания как туманная древняя сказка, ныне, в свете весьма строгой науки, оказывается не такой уж редкостью у многих людей, более чутких, более тонких, более эмоциональных, чем большинство из нас. Так нужно или не нужно учитывать и развивать эту способность, искать путь ее активизации, и максимального использования?

Из глубин тысячелетий дошли до нас тайны йоги кратчайшего пути духовного совершенствования. Мы, наконец, уразумели, что это не просто набор экзотических поз или гармонизирующих наше тело упражнений, но прямой путь к выявлению скрытых резервов нашего организма. Так нужно или не нужно использовать эти тайны, учитывая и разнообразие существующих

школ йоги, для нашего с вами всестороннего развития? И так повсюду в истории духа где ни остановится наш мысленный взор, там рождается проблема современного развития человека, потенциально вобравшего в свой духовный мир все из прошлого.

Впрочем, в первый период становления нашей системы образования человека (то есть его воспитания и обучения) авторы по мере возможностей и сил, с учетом крайне косного, неразвитого «человеческого материала» все-таки предпринимали робкие попытки как-то разнообразить тот «набор» способностей, которые надо «развивать в коллективе» Тогда еще говорили о ритмике, биомеханике, хоровой культуре, литературном творчестве. Но вот в переломный период оказывания и унифицирования всей системы образования был совершен ряд актов, которые нельзя назвать иначе, как полным историческим алогизмом. Прежде всего, административно разделили «культуру» и «образование», сделав заботу о них уделом ведомств, а в действительности выбросили великую культуру из всего процесса образования подрастающего поколения. Далее, именно благодаря такому делению, основанному на забвении традиций человеческого духа, само «образование» свели к системе весьма примитивных требований к человеку, который должен был выполнять частичные функции в условиях нарастающего промышленного развития и, вместе с тем, не обладать величайшей способностью индивида самостоятельностью мышления, тонкостью чувств, неукротимостью воли. И, наконец, в результате руководства этим процессом, который осуществлялся, как правило, полуграмотными людьми, даже не рабочей интеллигенцией первого поколения (которая была преблагополучно перебита), а выходцами из самых косных, наиболее омещавшихся слоев пригородного крестьянства, утратившего все свои коренные истоки и не приобретшего ничего от новой, чуждой им «цивилизации».

Предвижу возражение: но ведь мы достигли же значительных, общепризнанных успехов, заставивших даже Черчилля говорить о «русском чуде»? Да, но не благодаря сложившейся системе развития способностей (ибо эта система есть не что иное, как преотлично отлаженный механизм осреднения человека), а вопреки ей, ибо дух человеческий неукротим. Ну какое, в самом деле, отношение к «системе всестороннего развития» имеет четырехлетний малыш, обыгравший в шахматы мастера спорта!

Наши методисты, сделавшие своей специальностью развитие мышления человека, этой уникальной способности индивида, в действительности до сих пор не могу вразумительно ответить (как и все их предшественники-педагоги, игнорирующие саморазвитие духа), что же они имеют в виду вообще под мышлением, каковы критерии активного, творческого мышления, и, тем более, возможны ли пути его самосовершенствования или совершенствования. Прав в этом отношении один из основоположников теории творческого мышления М.Вертгеймер, который констатирует: «Уже более двух тысяч лет многие лучшие умы в философии, логике, психологии, педагогике пытаются найти ответы на эти вопросы. История этих усилий, блестящих идей и огромного труда, затраченного на исследования и творческое обсуждение, представляет собой яркую, драматическую картину. Многое уже сделано. Внесен солидный вклад в понимание большого числа частных вопросов. И в то же время в истории этих усилий есть что-то трагическое. Сравни-

вая готовые ответы с реальными примерами блестящего мышления, великие мыслители вновь и вновь испытывали тревогу и глубокое разочарование, они чувствовали, что, хотя сделанное и обладает достоинствами, оно, в сущности, не затрагивает сути проблем». Но правда его слов весьма горька для нас, ибо тех усилий, которые им охарактеризованы и которые неизбежны при любом желании умножения духовности, теоретики, базировавшиеся на бытовом марксизме, даже не предпринимали. У них была другая задача подтвердить ту или иную благоглупость по «модернизации» образования или культуры цитатами из теоретических трудов основоположников теоретического марксизма. Примитивизировались мысли последних, нарастал процесс всеобщего обездуховливания общества. В данном случае, снижения его интеллектуального потенциала.

Можно сказать много горьких слов и о том, как идея «всестороннего развития», провозглашенная в конечном счете политической доктриной и как таковая вошедшая и в редакцию Программы КПСС, и во все «основополагающие» документы Коммунистической партии по вопросам культуры и образования, подвела к критической черте эмоциональные способности людей: их доброту, отзывчивость, умение радоваться, чуткость к нежнейшим явлениям природы и духа. Случайно? Конечно же, нет, ибо из всех таких тончайших, порою просто не поддающихся логическому описанию способностей были отобраны и возведены в ранг государственно -регулируемых лишь некоторые (пусть и важные) из них, например, приоритет общего интереса перед частным, «чувство коллективизма», (ходя, если вдуматься поспокойнее, без политических аналогий и ассоциаций, такого чувства вообще нет; есть лишь единство человеческого духа со всем его прошлым, опытом, добытым из наслоений мифов, легенд и утопий), «чувство интернационализма» (опять-таки вполне эфемерное и не выдержавшее проверку тяжкими межчеловеческими общениями нигде и никогда, ибо в итоге оно оказывается не «чувством», а отчетливо сформулированной и принятой тем или иным человеческим коллективом политической целью); «демократическое чувство», о котором так лихо живописуют и слева, и справа наши журналисты, напроць лишенные исторической культуры и словно забывшие, что это чувство может от демократии сразу же «рвануть» к анархии (не рождается ли на наших глазах такой город, о котором предупреждал еще Платон: «Учителя в таком городе боятся учеников и льстят им, а ученики презирают своих учителей... И молодежь в целом напоминает умудренных годами и соперничает с ними как в словах, так и в делах». Да еще в таких делах, аналога которым нет в истории духа, что является еще одним тревожнейшим симптомом его всеобщей деградации.

Одно уже очевидно: не дало «добра» и «духовного совершенства» развитие индивида в коллективе, многие законы которого противоречат самой логике живого, сознающего мир человеческого духа, его свободе. Можно винить «коллектив» (не тот, дескать, социализм построили, в чем нас старательно убеждает новое поколение политиков, не предвидящих то, что скажут о них идущие им на смену), можно сетовать на «отставание» в разработке теории индивида, более того теории человека, и пытаться спешно создавать институты человека. Но все это заведомо бесперспективно, пока действуют рассмотренные мною и органически, жестко связанные нормы бытово-

го марксизма. О них, по крайней мере, нельзя сказать то, что полагал качеством могучей идеи Сен-Симон, говоривший: «Когда идея, найденная мыслителями, принимается верующими, это всегда знаменует большой шаг вперед в развитии человеческого разума». Они не ознаменовали прогресса человеческого духа!

Мы это осознали, и со свойственной нам примитивной непосредственностью сразу же заговорили на всех уровнях от политических речей до газетных публикаций о внимании к отдельному человеку, приоритете человеческого начала... Словом, обо всем том, что уже порядочно надоело за последние годы. И прежде всего потому, что из-за ширмы заботы об отдельном человеке выступает тот же самый бытовой марксизм с его ограниченным набором «способностей», необходимых для развитого во всех отношениях человека. Казалось бы, что сдвинулось в этом отношении и практическое дело: вместо единообразной школы вдруг всеми овладела тоска по опыту старой школы, и, как грибы после дождя, стали возникать колледжи, лицеи, гимназии. Но вот что любопытно: все они строятся как раз не в духе аристотелевского лицея, возникшего по инициативе великого мыслителя в 335 году до нашей эры недалеко от храма Аполлона Ликейского как философская школа, где во время свободных прогулок («перипатетиков», как называли впоследствии членов этих школ) обсуждались учителем с учениками коренные вопросы бытия, философии и логики, и просуществовавшего почти восемьсот лет, а совершенно в ином плане. Для них образцом (видимо, в результате пушкинского выпуска в Царскосельском лицее) берутся многочисленные лицеи (Александровский в Петербурге, Москве, Нежине, Ярославле, Одессе и других городах), а также гимназии гуманитарного профиля. Те самые, против оказанного, обездушенного стандартизирования образования человека в которых счел необходимым выступить в «Положении о начальных народных училищах» Александр II. «Опыт доказал, - говорилось в этом положении, - что централизация училищ и бюрократическое управление ими всегда имеют вредное влияние на их развитие... Все в них делалось по предписанию высшей власти, все исходило из министерств, которым принадлежала инициатива, и окончательное решение всех педагогических и административных вопросов. Можно сказать, что училища наши жили до сих пор не собственным умом. В этом может быть заключается главная причина той всеобщей апатии, рутины и застоя, которое повсеместно замечаются в наших училищах. Следствием централизации явилось... казенное единообразие устройств училищ как в отношении объема и способа преподавания, так и в отношении управления училищами».

Конечно, здесь речь идет о начальных народных училищах. Но разве весь опыт нашей истории, вся наша художественная литература не свидетельствует о том, что единообразная по содержанию и методике система преподавания, обучения и воспитания молодежи возникла не сегодня, что нам удалось найти отнюдь не лучшие примеры. О лучших говорят лишь с придыханием, отнюдь не собираясь способствовать распространению свободомыслия Царскосельского лицея и привлечению к нашим «лицеям» таких же уникальных преподавателей или пропаганде опыта, созданного в 1834 году графом И.А.Безбородко в Нежине лицея, по интеллектуальному уровню и педагогов, и воспитанников оказавшимся прекрасной базой для преобра-

зования в историко-филологический институт! Говорят и ничего не делают, чтобы покончить с системой образования индивида, которая рождена где-то у самых истоков истории и оказалась весьма удобной для его приспособления к тому или иному по типу социуму. Говорят и придумывают «законы воспитания», всерьез веря в их реальность и действенность. Так, как верили в мифах, учили в легендах, утверждали в утопиях. Вспомним, как писал об этом процессе Ш.Монтескье: «Законы воспитания это первые законы, которые встречает человек в своей жизни. И так как законы эти подготавливают нас к тому, чтобы стать гражданами, то каждая семья должна управляться по образцу великой семьи, охватывающей все отдельные семьи».

В этом смысле бытовой марксизм не создал ничего нового в духовной сфере на пути человека к свободе. Он лишь весьма точно, в соответствии со своими политическими целями препарировал историю человеческого духа, выделив три привлекательнейших для всех людей постулата: о всеобщем равенстве, мире удовлетворенных потребностей, развитии в соответствии с этим всех их возможностей, «всех» сторон. В итоге уникальное богатство сознающего мир человеческого духа оказалось сведенным к примитивнейшим нормам поведенческого плана, как ныне говорят, к отработке «определенных» ценностных ориентаций.

Но ограничиться констатацией этого положения, легко подверженного анализом развития духовной ситуации в нашей стране, да и в ряде других стран, сделавших «социалистический выбор», было бы тем же примитивизмом, но только, так сказать, «наизнанку». Да, бытовой марксизм, искусственно сузив проблему развития человека тремя рассмотренными мною постулатами, стал основой политических манипуляций, направленных против человеческого духа, всего его богатства, его нетленной истории. Да, бытовой марксизм, подорвал веру, которой преисполнены созданные гением человечества мифы, легенды и утопии, в возможность совершенствования человечества, перспективу гармонии индивида и коллектива. А между тем эта вера (отнюдь не марксизмом рожденная) существовала и существует поныне, несмотря на крах многих экспериментов, а самое главное на тот повседневный, бытовой опыт (не надо смотреть на него с презрением философских мудрецов, ибо он обязательно напомнит своей угрожающей мощью каждому из нас, ибо он грань сознающего мир духа, такая же его реальность, как творческое открытие либо эмоциональное прозрение, все то, что мы почему-то полагаем как «возвышенное», достойное человека, словно завтра, сейчас, через минуту самое «заурядное» горе не сможет смять вас, вашу жизнь, все ваши перспективы), который входит в структуру духа человеческого. Эту внутреннюю хитринку всей нашей критики алогизма самой идеи совершенствования человечества и человека тонко подметил Н.А.Добролюбов: защищая общественные реформы Роберта Оуэна, он говорил, что мыслителя обвиняли как утописта, мечтающего переделать все человечество, ему доказывали необходимость безуспешности его стремлений; но в то же время большая часть противников не могла не согласиться, что «очень было бы хорошо, если бы предположения Оуэна были осуществимы».

Но за бытовым марксизмом и за гелертерским использованием его как символа веры было бы несправедливо не видеть попытки фундаментальной концепции человека и общества, с которой можно спорить, но которую нель-

зя игнорировать как закономерный этап философских исканий человеческого ума. Одно бесспорно: само существование марксизма как теории и необходимости противоборства с ним поставило перед эпохой вообще, перед разными народами и культурами в частности задачу отработки своей бытовой философии. Именно этому делу и служили в итоге самые противоположные философские, педагогические, социалистические школы, начиная с середины XIX века, по-своему интерпретировавшие духовный мир мифов, легенд и утопий, предопределяющий наше сознание, ориентирующий его в новой реальности. Естественно, они и не предполагали, что их умственные порывы могут стать основой повседневного поведенческого практицизма. Мы же, упоенные «символом веры», его цельностью и внутренней непротиворечивостью, умудрились все их многообразие, а стало быть, и весь реальный научный смысл объединить (ведь как удобно: если есть тезис, то должен быть и антитезис!) единым понятием «буржуазное мировоззрение». А в итоге закрыть для себя то рациональное в их интерпретации человека (которое единодушно отрицали), что могло бы хотя бы в небольшой мере изменить нашу узкую установку. Когда же все эти отнюдь не единые и не тождественные концепции «заработали» практически, оказались опорой действенной и мобильной политики самых разных социальных структур, от свободлюбивых Соединенных Штатов до фундаменталистских режимов мусульманского Востока, мы стали искать причину подобной метаморфозы в принципиальном новаторстве концепций и верований. Иными словами, удались со свойственным нашему национальному характеру в другую, противоположную крайность, забыв, что эти концепции и верования (не всех уровнях: от теоретического «символа веры» до бытового сознания) заложены в нашем духе, существуют от века, в мифах, легендах и утопиях. Более того, по многим параметрам их отличие от бытового марксизма весьма иллюзорное, ибо сводится к набору других постулатов. Вот почему многие весьма солидные философские учения XIX-XX веков (впрочем, при более серьезном рассмотрении историками и во все предыдущие периоды развития человека)¹ также становились «символами веры», и бытовыми, общераспространенными стереотипами соотношения индивида и коллектива, т.е. природы человека.

Иными словами, здесь опять-таки срабатывал вечный парадокс логического скальпеля, побуждающий нас быть предельно корректными в оценке любого явления духовной жизни, как прошлого, так и настоящего. (Надеюсь, читатель поймет, что подобное деление воспринимается мною весьма иро-

---

¹ Легко привести в этой связи наблюдения серьезных ученых. Вот одно из них объяснение сословного самосознания в XI-XIII веках Ю.Л.Бессмертным. Он замечает: «заметное углубление сословных граней выражает характерную для XIII века тенденцию к замыканию сословных групп. Своего апогея эта тенденция достигает лишь в следующем веке, когда она получает окончательное правовое оформление. Но уже теперь она способствует формированию сословного самосознания. Его утверждение идет в значительной мере через противопоставление «мы» и «они». Пальма первенства в этом отношении принадлежала образованным клирикам, составляющим интеллектуальную элиту, и в первую очередь неконформистской их части – вагантам» (Бессмертный Ю.Л. Крестьяне глазами рыцаря (по материалам Франции XI-XIII вв.), Культура и общественная мысль. М., Наука, 1988, с.107.)

нически, ибо в жизни сознающего себя человеческого духа нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, нет ни координат, ни точки отсчета; нет ни «открытий», ни уникальных всеобщих решений.)

В данном случае я имею в виду не существование трех концепций человека, характерных для науки биологической, социобиологической и социальной, о которых мне уже доводилось писать и которые рассматривают проблему в ином срезе, в аспекте «человек-природа».

Но наряду с таким течением мысли, каким явился марксизм, XIX-XX века дали целый ряд иных представлений теоретического плана о сущности человека, вечной проблеме соотношения индивида и коллектива. Кстати, кто хочет специально рассмотреть основные идеи этого периода теоретического плана, не ставшие еще ни «символами веры», ни нормами бытового поведения, может с большой пользой для себя и в качестве предварительного чтения ознакомиться с интереснейшей работой хрестоматийного порядка, выпущенной в издательстве «Прогресс» в 1988 году, «Проблема человека в западной философии». Конечно, в ней не охвачено все богатство современной мировой теории человека, разрабатываемой в разных регионах на основе разных типов исторического сознания (т.е. сочетания мифов, легенд и утопий именно этих регионов). Но главное, интересующее нас всех, есть: представление о разных теориях человека, рядоположенных с марксизмом.

Так, существовал теоретически разрабатываемый, но не марксистский «коллективизм», представление о человеке как существе социальном, все законы бытия которого в конечном счете определены социумом. Его родоначальник (естественно, в новое время, а не в науке вообще надеюсь, что читатель не забыл мой скептический подход к новому в научных открытиях сферы человеческой жизни от эпохи к эпохе) Огюст Конт, заложивший в своем «Курсе позитивной философии» представление о жизни человека как существовании органически взаимосвязанных между собой индивидов.

Из этой идеи как ветви из единой кроны разрослись разные «коллективистские» концепции социальной жизни человека. Одно из них социоантропологическое направление, изучающее такие большие коллективы, как расы, и такие сложные отношения, как междурасовые и внутрирасовые. Мы перестали «пугаться» этого направления, ибо расистские выводы бытовой философии Геббельса или мировоззрения японских самураев как военного сословия к научным истокам, породивших их, имеют весьма опосредованное отношение. Но это же направление вызвало к жизни целый поток глубоких, фундаментальных и перспективных исследований человека в этнографическом, народоведческом, психологическом плане. Как здесь не вспомнить труды Адольфа Бастиана, сумевшего уловить различие между своеобразием мышления отдельного народа и общими чертами мышления всех людей. (Наверное, если бы мы не «презирали» такие труды как «немарксистские», нам не пришлось бы теперь расплачиваться за то, что, искусственно изменив жизнь целых народов, например, кочевых, мы не смогли получить в их сознании ничего, кроме несусветной путаницы, взрывающейся подчас вполне непредсказуемо). А Люсьен Леви-Брюль, памятный мне лично по странной причине: его глупейшая критика моим научным руководителем в начале пятидесятых годов Иваном Астаховым побудила к отказу от его руководства... за три дня до защиты! Но между тем нельзя понять сегодня бук-

важно ничего в психологии масс, так пугающей робких полуинтеллигентов и не менее робких журналистов, забывая его вывод о «дологическом» мышлении древних народов, его тесной, «магической» связи со средой и предметами внешнего мира. (Л.Леви-Брюль. Первобытное мышление.1930). Ведь это «дологическое мышление, что я в меру своих сил и способностей уже старался показать, бессмертно как и человеческий дух и живет в каждом из нас!

А разве не из «немарксистского» коллективизма как принципа возникла такая могучая ныне социальная психология: наши «представители», опомнившись, заговорили о ней через десятки лет после появления трудов Габриеля Тарда (см., например, переведенные на русский язык его труды «Законы подражания», Спб., 1892, «Социальная логика», Спб., 1901), работ Густава Лебона по психологии масс. Разрабатываемая ныне сторонниками разных философских школ от бихевиоризма до феноменологизма социальная психология стала важнейшим фактором интеллектуального прогресса, между прочим, драматически повторяя весь путь этого прогресса от символа веры, которым она стала для крупных организаторов политической жизни и промышленных структур, до бытового ее варианта, который знает ныне едва ли не каждый благодаря полуфривольной интерпретации возможностей социальной психологии в средствах массовой информации.

Ту же судьбу постигла весьма содержательная и поучительная в операционном плане теория экономической социологии, рассматривающая экономику и общественную жизнь в соподчинении, в очень сложной коррелятивной взаимосвязи, доступной рациональному познанию.

Вспомним в этой связи известные работы Макса Вебера об описательной социологии, понимание которой как социального действия возможно лишь с установки о существовании причинного ряда, доступного пониманию благодаря четкой постановке вопросов цели и средствах ее достижения; Вернера Зомбарта, совершившего логическую эволюцию от правоверного марксизма к интерпретации исторически развивающейся и изменяющейся политической экономии (что, кстати, сейчас также перешло с теоретического уровня в бытовое сознание, и каждый радиокомментатор смело утверждает, что многие законы политэкономии К.Маркса имеют значение лишь для капитализма модели XIX века), выводы которого вполне доступны нашему читателю по книгам на русском языке: «Социализм и социальное движение в XIX веке», Спб., 1908 или же «Буржуа». М., 1924.

Впрочем, констатируя исторический характер законов социологии, сторонники этого направления по сути не вышли в структуре сознания за рамки того, что уже было освоено человеком в мифах, легендах и утопиях. Во всяком случае, отлично знавшие историю сознания, французские просветители в своих экономических конструкциях апеллировали как раз этому «историческому характеру», именно так объясняя и происхождение собственности (Ж.Ж.Руссо), и необходимость изменения законов владения, имущественных привилегий, системы распространения (Ш.Монтескье).

Не менее интересны все новейшие научные школы индивидуализма, имеющие также необозримую историю, коренящиеся в развитии сознающего мир человеческого духа. Они, естественно, полемичны и к марксистской социологии, полагающей, что «общество производит человека как человека»,

что характер человека создается обстоятельствами. Если все было бы так просто и непротиворечиво, можно было бы только радоваться обретению человечеством вечной формулы совершенства индивида. Но увы, именно бытовой марксизм подтвердил, что все его догмы вошли в непримиримое и нарастающее противоречие с развитием индивидуального человека, его свободы, человека, никак не желающего укладываться в прокрустово ложе типологизированной «личности».

Не случайно все мифы и порожденные ими верования, повествуя о тайнах мироздания, возникновения мира из хаоса, неизбежно ставят вопрос об отношении индивидуальной души к мировой. Разнообразие вариаций в данном случае не снимает самой древнейшей из проблем- индивидуализма, отличия «Я» от мира «Не Я». Именно так например, истолковывали в упанишадах брахманы систему соотношения макрокосмоса и мира личности, увещевая ее в веданте Шанкары. От признания индивидуальной души мифы, легенды и утопии перешли к постановке сакраментальнейшего вопроса: где тот предел активности индивида, за которым нарушается общий, социальный порядок и наступает неизбежное возмездие. Вспомним, например, так широко используемую и литературой новейшего времени идею рока античной мифологии.

На этой всемирной теоретической базе возникли новейшие теории индивидуализма, утверждающие большую самоценность отдельного человека, чем социума. Они, вслед за номинализмом, принципиально отвергают необходимость общеобязательных для всех положений сознаний. Естественно, переходят они через «символ веры» и в бытовое сознание, но оказывают ныне более активный социальный эффект, чем бытовая марксистская догматика.

Едва ли можно их сколь-либо убедительно систематизировать, да это и выходит за пределы наших с вами раздумий о судьбе человека, более того, об основополагающих предлагаемой мною философии мementоморизма.

И все-таки некоторое обобщение здесь возможно. Ведь тысячелетиями существуют выросшие из мифов, легенд и утопий представления об активной личности, имеющей лишь одну социальную цель индивидуальное счастье. Конечно, наивный моральный рассудок протестует против подобного эгоизма. Ведь гораздо привлекательнее утверждать, что в обществе побеждает добро, торжество силы не соответствует глубочайшим потребностям человечества. Но трезвые умы, выступая в политике против такой прекраснодушной фразы (кстати, поразившей нашу педагогическую журналистику и приводящую ее выводы в непримиримое противоречие с тем миром, в котором будет в ближайшем будущем жить ребенок), всегда не без некоторой доли цинизма опровергали коллективистский подход. Так, Н.Макиавелли писал: «Я предпочел следовать правде не воображаемой, а действительной в отличие от тех многих, кто изобразил республики и государства, каких в действительности никто не знал и не видел. Ибо расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру».

Учитывая опыт мирового духа, новейшие теории, в развитии которых нельзя не видеть своеобразные рудименты преодоления магии бытового марксизма, акцент для дальнейших раздумий следовало бы сделать лишь некоторых из них, бытовая интерпретация которых (хотя, конечно, тоже не однозначная по последствиям для духа) все же ставит новые вопросы о перспективах человечества, его выживании. В неприятии индивидом современности во всех ее социальных интерпретациях, родившихся отнюдь не сегодня, вполне рациональный бунт свободного духа. Один из его поэтов (отношение к которому у нас, вопреки всей официальной философии, всегда было преисполнено явного или скрываемого любопытства), Фридрих Ницше, довольно обнаженно сказал о пафосе бунта индивида: «В наше время случается иногда, что человек вообще мягкий, умеренный и сдержанный, внезапно приходит в ярость, бьет посуду, опрокидывает накрытый стол, кричит, неистовствует, оскорбляет всех и вся и, наконец, отходит в сторону, стыдясь и злобствуя на самого себя. Для чего, зачем? Для того ли, чтобы голодать на стороне ил задохнуться в собственных воспоминаниях? Для человека, обладающего потребностями возвышенной, разборчивой души, который редко находит свой стол накрытым и пищу готовой, опасность всегда велика; но в наши дни она чрезвычайна. Заброшенный посреди шумного и вульгарного века, с которым он не в состоянии делить трапезы, он легко может погибнуть от голода и жажды или же от внезапной тошноты, если он все-таки решится есть с общего стола. По всей вероятности каждому из нас приходилось сидеть не на своем месте за общим столом; и как раз наиболее одаренные из нас, те, кого всего труднее насытить, знают эту опасную диспепсию, которая возникает вследствие внезапного прозрения и разочарования в пище или соседях по столу, послеобеденную тошноту».

Преодолеть ее можно лишь по пути своей индивидуальной свободы, которую удачно (хотя и с разных теоретических позиций) стали обосновывать мыслители нашего века. Один из таких путей предложил Джон Дьюи прагматизм, который точнее следовало бы назвать инструментализмом (в отличие от прагматизма Г.Пирса, заложившего основы прагматического подхода к человеческой сущности), ибо для Дьюи сознающий дух имеет какой-либо смысл, если является инструментом успешного действия. Бытовая интерпретация инструментализма (породившая и такое негативное явление, как ставшее проблемой в развитом мире социальное равнодушие, побуждающее корректировать прагматизм) как только тех форм мысли, чувств, действия, которые ведут к успеху, получила ныне едва ли не мировое распространение, кстати, взывая к самым сокровенным "срезам" нашего познающего мир духа, нашего «Я».

Особо заметен след в современном мышлении феноменологии, разрабатывавшейся в своем варианте Эдмундом Гуссерлем. Не рассматривая разные аспекты его увлекательной философии, затрагивающей проблемы логики, философии, математики, подчеркну лишь, что им была предпринята попытка найти такую «природную установку» (термин, бойко подхваченный некоторыми нашими учениками фрейбургского профессора), которая в отношении человека к миру не исключала бы возможность существования микрокосмоса; иными словами, установку, освобождающую сознающий дух ото всех догм и предрассудков и прошлого, и воспитания, и наследования.

На бытовом уровне феноменология Э.Гуссерля породила всевозможные школы экзистенциализма, порою и не подозревающего о своих мыслительных истоках, но активно, прежде всего, средствами массовой культуры старающиеся разделить сущность и существование.

Не буду вдаваться в увлекательное путешествие в дебри философской мысли современности, обзор всех тех интересных идей об индивидуализме, которые в определенной мере стали реакцией на бытовое понимание марксизмом коллективизма. Но и из этих дебрей мысли человечества к осознанию всего драматизма надвигающихся на нас процессов не выбраться. Правда, создается еще одна иллюзия преодоления бытия «марширующих колонн» или «абсолютного одиночества». О ней много размышляют приверженные свободе философы, отвергающие и индивидуализм, и коллективизм (забывая их неодолимость как факторов нашего сознающего мир «Я», неминуемо предопределенных вечно живыми мифами, легендами и утопиями). Поучительно в этой связи высказывание Мартина Бубера в работе «Проблемы человека. Перспективы»: «Для жизненно важных решений будущих поколений посредством этой реальности, открытие которой началось в наше время, указывается путь, выводящий за пределы индивидуализма и коллективизма. Здесь обрисовывается подлинно третье решение, познание которого должно помочь человеческому роду вновь обрести подлинное «Я» личности и основать подлинную общность. Для философской науки о человеке в этой реальности дан исходный пункт, отправляясь от которого она должна продвинуться вперед: с одной стороны, к изменившемуся пониманию личности, с другой к изменившемуся пониманию общности. Основным предметом такой науки будет не индивид, а «человек с человеком». Только в жизненном отношении человека следует непосредственно познавать сущность человека, составляющую его собственное достояние. И горилла индивид, и сообщество муравьев коллектив, однако «Я» и «Ты» существуют только в нашем мире; причем «Я» следует изначально только из «Ты».

В положении этом, вполне симпатичном и успокаивающем нашу нравственность, есть определенная логика (которую, кстати, подметил теоретический марксизм: вспомним хотя бы знаменитое положение К.Маркса о сущности человека из «Тезисов о Фейербахе»).

И все же, не вдаваясь в теоретическую дискуссию о достоинстве альтернативной идеи Мартина Бубера, следует признать и ее традиционность в общем потоке развивающегося сознания, от самых его истоков до современных идей (хотя здесь не ясно, какой этнос ныне может претендовать на «современность» именно своих духовных ценностей). Дело в том, что автор берет за основу частное отношение человека, якобы раскрывающее сущность нашей природы. В действительности отношение лишь проявление общей человеческой закономерности, фундаментальной для подхода к тайнам нашего рода общения. Меняя отношения (или их совокупность) мы практически ничего не меняем, кроме иного течения сиюминутной ситуации. Так что наш путь в определении проблем выживания человечества не в приобретении подлинного «Я» и одновременно подлинной общности (что Мартин Бубер и считает «жизненными отношениями человека»), а в изучении общения как коренного феномена человеческого бытия: общения, сочетающего прошлое, настоящее и будущее в едином, тугом узле. Разрубить его,

как гордиев узел, не удастся. Здесь необходим конкретный и многоаспектный анализ сознающего себя человеческого духа, то есть именно того, что я и называю человеческой историей.

К этой мысли теоретики сейчас идут с самых разных сторон, пытаюсь найти единую «пружину» человеческого общения, а стало быть, и природы человека. Прав Э.Кассирер, отметивший эту закономерность социологических, и шире человековедческих поисков в науке: "Каждый отдельный мыслитель дает нам свою собственную картину человеческой природы. Всех этих философов можно назвать убежденными эмпириками: они хотят показать нам факты и ничего, кроме фактов. Но их интерпретация эмпирической очевидности с самого начала содержит произвольные допущения, и эта произвольность становится все более очевидной по мере того, как теория развивается и приобретает все более разработанную и утонченную форму. Ницше провозглашал волю к власти, Фрейд подчеркивал роль сексуального инстинкта, Маркс возводил на пьедестал экономический инстинкт. Каждая теория становилась прокрустовым ложем, на котором эмпирические факты подгонялись под заданный образец». (См. его мысли, весьма любопытно и логично аргументированные в статье «Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры». Проблема человека в западной философии. - М., 1988, с. 25).

Ученые выдвигали и выдвигают для создания «собственной картины» самые разные в равной степени реальные феномены человеческих отношений. Одни из них полагают, что коренной основой человеческих отношений, раскрывающей тайну общения, является изначально данная нам любовь, что именно ее дефицит обесчеловечивал и обесчеловечивает сегодня человека. Но вот загадка какая любовь? Да ведь все ее романтические извивы не отметили того факта, что наряду с Дафнисом и Хлоей, Одиссеем и Пенелопой, Ромео и Джульеттой всегда существуют миллиарды обычных людей, для которых любовь далека от такой романтической возвышенности, что здесь существовала и будет существовать вечно амплитуда, безоговорочная и унылая, между поэтическим чувством и обычной животной страстью. Когда мы с ханжеской брезгливостью воспринимаем современную индустрию секса, мы забываем, что она пришла к нам из вечного мира мифов, легенд и утопий. Вспомним хотя бы сказания «Декамерона», сопоставив их со своеобразным «пиром во время чумы», вроде бы охватившим современный мир. Но ведь так было всегда и пребудет вовеки!

И напрасно журналистские бабушки из молодежных газет, во время оно воевавшие чуть ли не против мини-юбок, ныне активно взялись за пропаганду «сексуальной революции», поражая наше воображение и количеством проституток, и рецептами по проблемам сексуальной жизни. Полагаю, что никакому специалисту, прославившемуся как эротологу, и не снилось, как обучали девственниц в старину, по свидетельству того же "Декамерона". Не могу удержаться от того, чтобы не привести первый урок, полученный от монаха очаровательной Алибек. «Монах стоял на коленях, и при виде ее прелестей похоть его все сильнее распалялась, следствием чего явилось вздымание плоти: «Что это у тебя торчит, Русико? У меня такой штуки нет».

«Ах, дочь моя! отвечивал Русико. Это и есть дьявол, о котором я тебе толковал. И поверишь ли? как раз он причиняет мне нетерпимые муки».

А девушка ему: «Слава богу, что у меня этого дьявола нет, - потому-то мне и легче».

«То правда, - согласился Русико, - зато у тебя есть другая штука, а у меня ее нет».

«Какая штука?» - спросила Алибек.

Русико же ей ответил на это: «У тебя ад, и сдается мне, что господь послал тебя ради спасения моей души, ибо если дьявол начнет уж очень досажать мне, а ты надо мной сжалишься и дашь мне снова загнать его в ад, то мне ты доставишь великую отраду, и в то же время как нельзя лучше послужишь и угодишь богу, а ведь ты, сколько я могу уразуметь из твоих слов, для того сюда и пришла».

Девушка же в простоте души ему сказала: «Отец мой! Коли ад во мне, загоняйте дьявола, как скоро вам заблагорассудится».

«Будь же ты вовек благословенна, дочь моя! воскликнул Русико. Итак, пойдем и загоним дьявола, чтобы он оставил меня в покое».

С этими словами он положил девушку на постель и показал, какое положение следует ей принять, чтобы злой дух был заточен. Девушке впервые пришлось загонять дьявола в ад, и поэтому ей было больновато.

«Да уж, отец мой, - сказала она, - сквернавец он, этот самый дьявол, подлинно враг господень, не то кому-нибудь там еще самому аду больно, когда его туда загоняют».

«Это не всегда так будет, дочь моя», - возразил Русико. И чтоб впредь ей было легче, они, прежде, чем встать с постели, еще шесть раз загоняли дьявола, сбили с него гордыню, и он с той поры до времени охотно смирился»^{*}.

Итак, мой читатель, что нового узнал ты из какого-либо секс-романа или фильма наимоднейших наших режиссеров, помешавшихся на разных вариантах того отношения, которое всегда называют (платной или бесплатной, законной или противозаконной, счастливой или неразделенной), но любовью. Нет, этим путем не выйти на анализ общения как человеческого феномена¹.

Любовь не общение, а его конкретное ситуативное проявление отношение. Даже тогда, когда это -мысленное отношение. Напомню: «Вы слышали, что сказано древними: не прелюбодействуй. А Я всякий раз говорю Вам, что

---

¹ Нередко полагают, что расширив понятие «Любовь» до более «общечеловеческого» отношения, чем то, каковым является межполовое, тем самым путь к познанию сущности человека, его природы. Но ведь любовь, оставаясь в этом случае одной из реальных человеческих эмоций, настолько неопределенна, что не дает единого основания для определения конкретного явления человеческого общения. Точно подметила отсутствие какой-либо причинно-следственной связи между человеческой природой и человеческими эмоциями Маргарет Мид. Она отмечала: «...Ни раса, ни общая человеческая природа не могут предопределить, какую форму примут даже самые фундаментальные человеческие эмоции, как любовь, страх, гнев в различных социальных средах». (Мид М. Взросление на Самоа. Культура и мир детства. М., 1988, с. 90)

всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». Может быть, кто-то из моих читателей не был таким «всяким». Если бы это было так, то великая христианская эсхатология не была бы права в своем утверждении о неизбежности Страшного суда.

Между прочим, «сопляки-моралисты» (говоря словами Достоевского), ратуя за возвышенную любовь и склонные примириться с фривольностями прежних, классических для Европы, времен, умудряются забывать, что все самые поразительные секс-шоу, напоминающие медицинские пособия по межполовым общениям, просто детский лепет по сравнению с тем оргастическим восторгом, которые знали люди многие тысячи лет тому назад. В комментариях к одной из интереснейших публикаций русских ученых «Историческим запискам» Сыма Цяна рассказывается, что органистические праздники в Китае самых древнейших времен включали в себя магикотематические акты, основанные на вере в чудесную силу обнаженной женщины. Не думаю, что и дионисийские вакханалии, и римские сатурналии, и предрассветные бдения фараонов и жрецов отличались большой «целомудренностью» (не могу подобрать более корректного термина). Ну, а если бы мы силой магического кристалла смогли бы воссоздать на экране воображения все, что выделяет современный человек в разных регионах и соответственно разным национальным традициям в межполовом общении, то, безусловно, режиссеры сексуального бизнеса показали бы нам просто наивными институтками.

Ну, а любовь? Она была, есть и будет, отнюдь не прогрессируя и не улучшая нас с вами. И она не основа нашего общения, а лишь его грань, уповать на гоминизирующую суть которой бесполезно. Это лишь флёр, легкий и прекрасный покров, не меняющий сути, скрываемой им, - природы человека.

Другие мыслители (художники или ученые-здесь не имеет никакого принципиального значения, ибо читатель, наверное, уже догадался, что сама интерпретация мною истории как развития сознающего мир духа исключает признание возможности особой науки о человеке) полагают, что основой истинно человеческого общения, выявляющего его природу, является красота. Как эстетик, и я написал немало наивного на этот счет, выхватывая проблему из ее исторического контекста. Еще бы гуманное кредо: «Мир спасет красота» действует неотразимо, как дрожжи несбыточной надежды¹.

---

¹ Наверное, такое убеждение во многом подкрепляется тем, что все мыслители, искавшие в красоте тайну общения. Обладали еще удивительным авторитетом художников, что, как правило, действует неотразимо. Ведь именно художники связывали доброе действие (без которого нет и «доброе» общения) с красотой. Вот как писал по этому поводу Ж.Ж.Руссо: «Я всегда считал, что доброе это прекрасное в действии, что добро и красота тесно связаны между собою и что оба они имеют общий источник в прекрасно созданной природе. Отсюда следует: вкус совершенствуется теми же средствами, что и мудрость, и душа, живо растроганная очарование добродетели, должна быть столь же чувствительна ко всем другим видам красоты». (Руссо Ж.Ж. Способствовало ли развитие наук и искусств очищению нравов. Жан Жак Руссо об искусстве. Л. - М., 1959, с. 101). Идея эта бытует от изначальных мифов до стройных концепций утопистов самого разного толка. Вспомним в этой связи, что сам родоначальник термина «утопия» Томас Мор писал: «Утопийцы любят и ценят красоту, силу, проворство как особые и приятные дары природы. Затем, кроме человека, нет других живых существ, которые благоговеют перед красотой и изяществом мира,

Но зачастую, просыпаясь по ночам, я вспоминаю некоторые эпизоды своих многочисленных боев периода Отечественной войны, года мы действительно спасали мир (и в этом меня, равно как и все мое ушедшее поколение, никто и никогда не сумел бы переубедить, не сумеет и теперь, кощунствуя в разных «цивилизованных» странах Восточной Европы над могилами моих боевых друзей!), и понимаю какая уж там красота! Не хотелось бы вспоминать, не только что рассказывать неискушенному читателю, впадающему в истерический транс от любой аварии либо фактов мелкого разбоя.

Здесь, конечно, дело не только в том, что движение мира идет отнюдь не через «законы красоты» (которые до сих пор никто и не смог сколь-либо убедительно объяснить). Но вспомним мир мифов, легенд и утопий: да ведь это же самые разные миры красоты, абсолютно равнозначные перед единым человеческим духом и все живущие в неведомом нам виде и до сих пор. И если мы не понимаем тайнописи шумеров или рисунки ацтеков, обрядов еще существующих среди нас «диких» народов, то в этом убедительное доказательство невозможности выведения единой природы человека из столь зыбкой и неадекватной основы.

Разум, божественный огонь света против тьмы таково мнение рационалистов прошлого и настоящего о сущности человеческого общения (общности, как иногда говорят). Но и он зыбок, неопределен, условен даже тогда, когда приносит конкретные практические результаты почти космического масштаба, ибо не приближает нас к сознанию и самосознанию, а все больше и дальше отдаляет от них. Короче, чем мы «больше» познаем, тем мы фактически меньше знаем. И тогда вдруг вспоминаем, что в мифах, легендах, утопиях почти все, что мы считаем порождением своего интеллекта, уже было высказано, да так, что мы всерьез ударяемся в уфологию. Впрочем, здесь возникают сомнения отнюдь не филогенетического свойства, ибо тот разум, который мы любим соотносить с любым человеческим общением, в действительности крайне дробен, а посему доступен далеко не всем «интеллектуалам». Кроме того, как это ни прискорбно, подавляющее количество живших и живущих на нашей планете людей живет за пределами развитого разума, вполне ограничивая свое общение элементарными бытовыми мыслями вполне прагматического толка. Да и само понятие «развитого разума» мы берем в европейском рационализме последних веков, забывая, что в мифах, легендах и утопиях прошлого рождалось и утверждалось иное представление о сознании как основе общения, связывающее, например, его со всей нашей жизненной структурой. Как можно, например, отмахнуться от глупо-

---

получают впечатление от приятного запаха (у зверей это имеет место только применительно к пище) и различают согласие и рознь в звуках и тонах. Поэтому утопийцы признают, как приятную приправу жизни, и те удовольствия, которые входят к нам через слух, зрение и обоняние и которое природа пожелала закрепить за человеком как его особое преимущество». (Мор Т. Утопия. М., 1953, с. 161) Кстати, этот авторитет художников и поныне используется, но несколько в ином плане легковесной журналистикой во всем мире, которая сделала унылым стереотипом... обращение к очередной звезде, исполнившей модную песенку или блеснувшей в первом фильме своими бедрами, с вопросом о будущем человечества, на что, естественно, получают вполне студенческий ответ: «Красота все спасет и всех спасет!»

чайших мыслей Шри Ауробиндо, распределившего сознание по четырем зонам:

«1. Сверхсознательное с единственным центром немного выше макушки головы, который управляет нашим размышляющим разумом и общается с высшими ментальными сферами озаренным разумом, интуитивным разумом, глобальным разумом и т.д.

2. Разум, имеющий два центра: один между бровями, который управляет волей и динамикой нашей ментальной активности (он является также центром тонкого видения), «третьим глазом», о котором говорят некоторые традиции, второй на уровне сердца, он управляет всеми формами ментального выражения.

3. Витальное, имеет три центра один на уровне сердца управляет нашей эмоциональной жизнью (любовь, ненависть и т.д.); второй на уровне пупа управляет нашими импульсами власти: господствовать, обладать, покорять, а также нашим честолюбием и т.д.; и третий, низшее витальное между нашим пупом и половым центром, на уровне брыжеевого сплетения управляет низшими вибрациями- ревностью, завистью, вожделением, жадностью, гневом;

4. Физическое и подсознательное с центром у основания позвоночника этот центр управляет нашим физическим существом и сексуальными импульсами; этот центр открыт низшими регионами подсознательного».

Здесь речь идет не о достоверности концепции Шри Ауробиндо: европейский снобизм, помноженный на наше массовое невежество бытового марксизма уже ушел в прошлое. Ее заменил пристальный и плодотворный интерес к иным концепциям разума. Но, каковы бы они ни были по традиции, аппарату и перспективе, думать о разуме сегодня в категориях XIX века, игнорируя и мировой духовный опыт, новейшие данные самых разных наук, практически невозможно.

Конечно, есть и другие (и, притом, весьма многочисленные, разветвленные) переводы в бытовое мировоззрение самых разных представлений о человеке, об его коллективной либо индивидуальной природе. Они отличаются стремлением, преодолевая охарактеризованные точки зрения, выдвинуть или единое суверенное начало для истолкования человека, или же развивают разные признаки мира человеческих ценностей, объединяя их какой-либо доминирующей идеей. Любопытно, что основой дифференциации оказываются порою человеческие качества, которые берутся изолированно(скажем, воля безотносительно к эмоциям и сознанию и т.п.) либо в совокупности какого-либо доминирующего признака(например, вокруг свойственного человеку стремления к саморазвитию). Не следует, наверное, отвергать такой «бытовой» подход, ибо в конечном счете он дает и практические результаты, и утешительные для человека иллюзии и побуждает его к активности в мире одиночества и отчуждения. Но вот что, наверное, не дает такой путь бытовых философов, так это убедительного представления о драматизме самой судьбы человеческого рода и, тем более, об его исторических перспективах. В итоге опять-таки даже самые глубокие философы, понимая те западни, которые расставила сама жизнь на пути рассуждений о «Я» и создаваемом мире, склонны в итоге ответ перевести на неопределенно-целостный, а по сути дела, бытовой уровень. Прекрасно подметил это Бен

Мисюкович: «Августин, даже в своей «Исповеди», не одинок; у него есть бог также, как есть бог у фроммовского отшельника. Но на закате Ренессанса мы наблюдаем, начиная с интроспективных опытов Монтеня, сосредоточение внимания авторов на личности и, косвенно, неосознанно, на проблеме личной тождественности. Затем, уже у Декарта, происходит не только новый эпистомологический поворот к указанной проблеме, но и конституируется эгоцентрическое обязательство, которое с этих пор гнетет западного человека и наталкивает его на еще более отчетливое осознание собственной абсолютной субъективности и метафизического одиночества («эгоцентрическая предпосылка»). В данном смысле Декарт просто проясняет то, что западная философская мысль все больше попадает в своеобразную ловушку. Философия все чаще сосредоточивает свое внимание на проблематике отношения между непосредственно воспринимающим, самосознающим «Я» и его проблематичным, вероятностным знанием о внешнем мире и другом сознании. И неудивительно, учитывая этот картезианский контекст, что Лейбниц, захваченный все возрастающим интересом к данной проблеме, продолжал устанавливать онтологическую и эпистомологическую монадологию и настаивать на ней, где единственная (по-видимому) гарантия взаимодействия между множеством существенно различных центров сознания оказывается полностью зависимой от первоначального вмешательства «предустановленной гармонии», от божественного промысла, где Бог монада монада».

Но вот есть ли она для нас, детей человеческих, эта столь желанная предустановленная гармония? Как совместить мечту о ней, проходящую через все мифы, легенды и утопии, с нарастанием реальной дисгармонии человека, человеческого сообщества едва ли не в геометрической прогрессии? Как объяснить, что очевидное общее движение к единому и гармоничному по материальным возможностям миру дает не ассоциацию, а диссоциацию людей, все дальше разводит их. И не только в мир одиночества, но, что еще более страшно, в мир неведомого, но предощущаемого всеми «ничто»?

Мы сумеем ответить на этот вопрос, если преодолеем действительно позитивные завоевания мировой антропософии и объясним природу человека с позиций трех взаимосвязанных проблем: что движет человеком; в чем выражается реально (без абстрактных рассуждений о прогрессе как цели, которые, на мой взгляд, уже полностью опровергнуты историей человеческого духа) это движение и человека, и человечества; каков непосредственный и опосредованный результат этого движения, а в итоге что же все-таки ждет нас в провидимом будущем. Так и только так мы подойдем к основополагающим мemento mori.

«ЛИДЕРЫ ЭВОЛЮЦИИ» ИЛИ СВЕЧА НА ВЕТРУ: КРАХ ИЛЛЮЗИИ

Никогда еще в человеческом познании человек не был более проблематичным для самого себя, чем в наши дни. У нас есть научная, философская и теологическая антропология, каждая из которых ничего не знает о других. Мы, следовательно, не обладаем более никакой ясной и устойчивой идеей человека. Возрастающее число частных наук, занятых изучением человека, скорее путает и затемняет, нежели освещает наше понятие человека

М Шелер

Очевидно, что сфера всех материальных и духовных актов человека настолько безгранична (и, само собою, не изучена вопреки стабильности ее истолкования в мифах, легендах и утопиях всех времен), что подобная поливариантность исключает сколь-либо точное логическое истолкование сокровенной природы человеческого общения, а стало быть, и драматической судьбы всего нашего рода.

Задумайтесь о столь желаемой гармонии, стройной согласованности индивида и сообщества, дающей нам какое-то новое качество, а стало быть, и новый выход для сознающего мир духа. Да где она и кто видел ее? Лишь прекраснодушные поэты, наши разведчики в будущее, порою воспевают возможность такой гармонии. А на самом деле вся наша жизнь, все наше бытие дисгармония в действии. И это на уровне индивида, сообщества и на уровне общения, которое как бы перекидывает мост из микромира в макромир человеческой реальности. С первых же шагов ребенка его развитие сплошная дисгармония: желаемого и возможного; стремления к свободе и реальной несвободе во всем от поведения до мнений, которые, при более внимательном анализе, всегда оказываются навязанными теми или иными средствами "образования". По сути дела, в любом этносе ребенок с момента рождения оказывается глиной, из которой взрослые стараются вылепить тот «образ» (образовать, как это деликатно говорится нами!), который гармонирует не с каким-то всеобщим мерилom совершенства, но именно с жесткими установлениями конкретного этноса. И здесь различия, обусловленные незыблемостью мифов, легенд и утопий, столь велики и очевидны, что о всеобщей гармонии и говорить не приходится (хотя отмечу заранее, что при более детальном рассмотрении форм сознающего себя духа мы найдем некоторую общность, но которая никак не свидетельствует о возможности общечеловеческой гармонии на индивидуальном уровне).

В одних условиях ребенок едва ли не с первых шагов и нянька других детей, и работник в поле, и помощник в доме, притом - в самых сложных видах деятельности. Гармония? Едва ли, ибо сколько «человеческого» пропадает навсегда в нем, хотя само-то это представление о «человеческом» ока-

зывается перенесенным из совершенно другого человеческого мира, где гармония «образования» - занятия свободными искусствами, спортивное совершенствование, интеллектуальное развитие с огромной затратой на подобную «гармонизацию» личности. Куда уж там ребенку туарега до такого «гармоничного развития»! Наше ханжество (а я имею в виду все развитые страны) заключается именно в том, что убежденные теоретически именно в такой модели «гармонии» индивида, мы, прежде всего, не даем развития по определенным педагогами параметрам подавляющему большинству детей. Всеобщее образование, ставшее мировой идеей, в действительности ложь, сводящая все к некоему осреднению образования. Естественно, наиболее обеспеченные люди умудряются и здесь прорваться сквозь стены «педагогический установлений», обеспечив своим отпрыскам максимально свободное развитие. Далее, отработав, свою тощую схему гармонического развития ребенка, мы выбрасываем из нее то, что почему-то относим к каким-то «первобытным стадиям»: и максимальную сопричастность ребенка природе (которую он все меньше и меньше ощущает и понимает, что, естественно, ведет к страшной по своим последствиям дисгармонии духа), и совершенствование его интуитивных прозрений, которые закономерно убивает односторонний рационализм схоластической выучке всеми всего в одинаковой мере, и осмысление себя как духовного существа вопреки всем прагматическим задачам и действиям.

Возмездие за педагогический диктат в сфере гармонизации индивидуальности ребенка молниеносно следует всегда и повсюду в период юности, когда дисгармония становится не то что более очевидной, но более ощутимой в нашем быту, в нашем установленном порядке. И здесь не помогает никакая «педагогическая наука» (которой, строго говоря, и быть не может в свете развиваемой мною концепции, а есть лишь разные формы целенаправленного общения). Маргарет Мид в этой связи (и, что очень важно, не в результате чистого философствования, а на основе пристальных этнографических наблюдений) справедливо подчеркнула: " За последние сто лет родители и педагоги перестали считать детство и юность чем-то очень простым и самоочевидным. Они попытались приспособить образовательные системы к потребностям ребенка, а не втискивать его в жесткие педагогические рамки. К этой новой постановке педагогических задач их вынудили два фактора - рост научной психологии, а также трудности и конфликты юношеского возраста. Психология учила, что многого можно добиться, поняв характер развития детей, его основные стадии, поняв, чего следует ожидать от двухмесячного младенца и двухлетнего ребенка. Гневные же проповеди с кафедр, громогласные сетования консерваторов от социальной философии, отчеты судов по делам несовершеннолетних и других организаций свидетельствовали, что надо делать что-то с тем периодом жизни человека, который наука называет юностью. Зрелище молодого поколения, все более отклоняющегося от норм и идеалов прошлого, сорванного с якоря респектабельных семейных стандартов и групповых религиозных ценностей, пугало осторожного консерватора и соблазняло пропагандиста-радикала на миссионерские крестовые походы против беззащитного юношества» .

Что сказала бы Маргарет Мид сегодня, когда о былой гармонии развития юношества не может быть и речи (даже если признать, что и ранее эта

гармония была весьма драматична и взрывоопасна)! Экстремизм юности, помноженный на полную растерянность перед изменяющимся миром, который сдвигает все ценности, грозит молодости и безработицей, и неизбежным одиночеством, и жесточайшей борьбой за элементарное выживание и, вместе с тем - диктует условия игры, нормы достойного поведения, навязываемые порою грубейшей силой! Не уверенность в будущем, но звериный страх перед ним, не гармония индивида, а его разорванность, однобокость, оскуднение, которое не преодолеть зазываниями и заклинаниями о «духовности» прошлого, ибо такой духовности просто никогда не было, она плод досуговой фантазии мыслителей.

Нет гармонии духа и у тех, кто сегодня становится зрелым человеком, пройдя все драматические перипетии детства и юношества (точно такие же, как и сто, и тысячу лет тому назад, о чем многократно и многопланово поведала нам мировая литература). Допустим на мгновение, что новое время принесло нам возможность «цивилизовать» свой быт (хотя такое предположение лишь проявление исторической спеси и незнания уровня развития предков: их информационной культуры, коммуникаций, быта, макияжа и т.д.), равно как и недопонимание всего того негативного, что нам несет такая цивилизация. Но можем ли мы сказать, что это бытовое благо (которое, кстати, доступно поныне меньшинству людей планеты) ведет к благу духовному, той гармонии всех проявлений индивида, которая способна избавить нас от драматизма. А говоря откровенно обеспечить нам, человечеству, выживание? Едва ли! Мы все настолько противоречивы по сочетанию в едином облике самых разнообразных, порою, взаимоисключающих качеств, в нас так уютно соседствуют и пещерный человек, и горожанин двадцатого века, и добропорядочный семьянин, и скрытый развратник, и мудрец, и полный дебил, что никакой Достоевский не смог бы дать анатомии индивидуального совершенства духа, который для нас характерен. Об этом несовершенстве реальной дисгармонии индивидуального духа как всеобщей закономерности, написано немало, так что мои наблюдения отнюдь не личностны. Вспомним, например, прекрасное резюме на этот счет К.Д.Кавелина: «Посвятив все силы и деятельность внешнему, окружающему миру, люди оставляют внутреннюю психическую жизнь без всякого ухода и развития, вследствие чего она гложет и атрофируется. Человек, до виртуозности выработанный и выдрессированный с виду для жизни общества, может оказаться, в то же время, презреннейшим негодяем и мерзавцем, в нравственном отношении, или, что чаще всего встречается, быть, при большом знании и замечательном художественном развитии, ничтожнейшим в нравственном смысле, - куклой, не имеющей элементарных нравственных понятий».

Но, быть может, гармония- удел коллектива, своеобразная равнодействующая разных воль, идей, устремлений, желаний. Коллектива, который есть сгусток отношений, и стихийных, и поддающихся целенаправленному регулированию, по крайней мере, сдерживанию более активному, чем в духовном мире изолированного индивида. Напротив, любой коллектив по самой своей природе антигармоничен, и если когда-либо отношения перерастают в общение, иначе говоря, начинает в коллективе просвечивать человеческая природа, то лишь в экстремальной ситуации либо при крайне удачном и недолговечном сочетании взаимных интересов индивидов, создаю-

щем иллюзию ее сгармонизированности. Конечно, полярники на льдине не могут не быть «совместимы» по большинству (конечно, не по всем, что абсолютно не реально) параметров, и они знают не мало минут, когда сквозь все их отношения начинают просвечивать гармония духа. Но вот проходит время, закончено испытание необычными условиями и все возвращаются в человеческое общежитие, с его амбициями, завистью, претензиями, неоднородностью человеческой устроенности. И сколько мы уже прочитали воспоминаний, где некогда «гармоничные» единицы «гармоничного коллектива» выясняют какую-то правду, кого-то принижают, а кого-то (не обязательно себя) возвышают, даже поэтизируют. Историкам только остается выдавать на гора самые разные версии единых событий. Какая уж тут гармония. А разве не типично желание многих первооткрывателей в науке, спорте, технике принизить своих соучастников, бывших коллег и единомышленников, с которыми они находились в отношениях в пределах коллектива? Да и вообще присмотритесь к любому коллективу: разве не напоминает он собою затившихся и почему-то улыбающихся фантасмагорической улыбкой скорпионов, за словами которых или следуют, или могут последовать самые «негармоничные» поступки, высказывания, эмоциональные всплески? Где оно, это общение, когда Я это Ты, когда без Тебя нет ни Меня, ни моего счастья?

Кстати, как склонен любой «гармоничный» коллектив в итоге к тому, чтобы добить, затоптать, забыть своего члена, того, с кем был еще недавно в «отношении» уж если не гармоничном, то, по крайней мере, вполне корректном. Особенно если впереди начнет тускло светить надежда на какую-либо свою, индивидуальную выгоду за счет этого человека: его должности, заработной платы, мнимых или реальных привилегий либо почестей. Тогда прощай, человеческое общение: ему на смену идут так хорошо знакомые всем выяснения отношений. И, притом, не только в нашей социокультурной ситуации, но в любой человеческой среде с унылым однообразием.

Но, может быть, идея мифов легенд, утопий о духе, общении человека с человеком как высшем его проявлении, о человечности как символе этого общения лишь теперь, сейчас наталкивается на дисгармонию реальности, ее временный драматизм, который в будущем будет преодолен? И начнется движение к иной, более человеческой цели? Подмена реальной дисгармонии мира мечтой об его совершенстве как цели еще один иллюзорный шаг к объяснению природы человека и его будущего, который сейчас развивается на основе бытовой интерпретации выдающегося завоевания социологии двадцатого века идеи гоминизации.

Вспомните, как еще Н.М.Карамзин сказал: «...Род человеческий возвышается, и хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается к духовному совершенству». Поставив индивид в центре своих концепций, сторонники нового мышления, избегавшие суровой философичности формул и писавшие заодно, увлекательно, поэтично о возможностях человека, именно на эту идею возможности самосовершенствования индивида сделали основной акцент. Они полагали, что это и будет искомый путь в желанное и светлое будущее всего человечества, ибо через самосовершенствования индивида неизбежен процесс совершенствования общества. Вот их кредо, изложенное Альбертом Швейцером: «В самых общих чертах развитие

культуры состоит в том, что разумные идеалы, призванные содействовать прогрессу человечества, воспринимаются индивидами и, полемизируя в них с действительностью, принимают при этом такую форму, которая способствует наиболее эффективному и целесообразному воздействию их на условия жизни людей. Следовательно, способность человека быть носителем культуры, то есть понимать ее и действовать во имя ее, зависит от того, в какой мере он является одновременно мыслящим и свободным существом. Мыслящим он должен быть для того, чтобы вообще оказаться в состоянии выработать и достойным образом выразить разумные идеалы. Свободным он должен быть для того, чтобы оказаться способным распространить свои разумные идеалы на универсум»⁷⁶.

А в самом деле возможно ли самосовершенствование индивида (имея в виду не только узкую область тренировки его ума, воли, эмоций, интуиции и т.д.) в контексте социальной системы образования, включающей (согласно социальной педагогике) не только специальное обучение и воспитание, но и все влияние действительности? На первый взгляд, который многие годы поддерживался и мною, здесь не может быть иного ответа, кроме положительного. В самом деле, что такое самосовершенствование как не развитие способностей, которое достигается в итоге на базе всего индивидуального жизненного опыта. Но ведь на этой же базе развиваются и те знания, навыки и умения, которые являются результатом натаскивания конкретного человека на основе тех или иных (как правило, весьма ограниченных по спектру) способностей, но еще не тождественны этим способностям. Здесь и возникает тот порочный круг определения способностей, который прекрасно выявил психолог С.Л.Рубинштейн, немало потерпевший во время оно за самостоятельность и оригинальность мысли. Он говорил по этому поводу: «...Развитие человека в отличие от накопления «опыта», овладения знаниями, умениями, навыками, - это и есть развитие его способностей, а развитие способностей человека это и есть то, что представляет собой развитие как таковое, в отличие от накопления знаний и умений».

Трудно, конечно, понять способность, истолковывая ее в плане «развития как такового». Психолога можно понять: признать, что развития индивида нет и быть не может, что есть только движение сознающего мир духа, он никак не решится, оставаясь верным символу веры марксизма. Ведь тогда нет и развития способностей, а значит прощай, традиционная педагогика, ставящая подобное «развитие» своей основной целью веками. Но в действительности эта педагогика не развивает, а использует те или иные способности человека в зависимости от социальной цели, в частности, от задачи загнать индивид в рамки желаемого типа личности. Впрочем, порою индивид бунтует, и начинает демонстрировать развитие таких способностей, которые кажутся аномальными окружающим. Так, в журнале «Фигаро» была опубликована прелюбопытная статья «Полуголый мужчина на крышах Парижа», перепечатанная в газете «Московский комсомолец». Ее герой Дон Хабрей «выделывает» на глазах изумленных парижан такие трюки, которые ошеломляют и даже шокируют их: пятидесятилетний человек ходит зимой голый по пояс и всегда босой, прыгает с крыши одного дома на другую, через всю улицу, передвигается по пешеходному мостику над переполненной грузовиками автострадой, повиснув на руках. Этот «элантизм» для Дона Хабрея

выход из тоски нормальной жизни людей с нормально развитыми способностями соответственно стандартам групп. В действительности же никакие способности он не развил, и любой обитатель малайских джунглей даст французу сто очков вперед. И все, что зафиксировано в книге рекордов Гиннеса, - это лишь удивление нашего современника, напрочь забывшего мифы, легенды и утопии прошлого, где рассказывается о таких чудесных способностях людей, которые нам и не снились. Какими интеллектуальными способностями надо обладать, чтобы суметь, наподобие древнеегипетских жрецов, создать вполне адекватную современной астрономию? Как надо упражнять память и тонкость художественной деятельности руки, чтобы освоить все китайские иероглифы - величайшее сочетание науки и искусства? Какое саморазвитие может довести нынешнего европейца - любителя йоги до тех вершин, которые были доступны индусам тысячи лет тому назад?

Не спасает и хитроумный ход философов, которые, словно бы предчувствуя возможность бытовых марксистских заклинаний о равенстве способностей, пошли в своих рассуждениях с менее категоричными и псевдогуманистическими утверждениями о равенстве способностей и возможности их саморазвития всеми, кроме отъявленных ленивцев. Они не отрицают саморазвития способностей, но призывают учитывать их необычайное своеобразие у разных людей, что исключает всеобщее развитие всех способностей всеми. Так, Дж.Локк говорил в этой связи: «Существует, видимо, большое разнообразие в человеческих рассудках, и природные конституции людей создают в этом отношении такие широкие различия между ними, что ни искусство, ни усердие никогда не бывают в состоянии эти различия преодолеть; по-видимому, сама природа одних людей не является той базой, на которой они могли бы достичь того, чего достигают легко другие. Среди людей одинакового воспитания существует большое неравенство способностей. Американские леса, как и афинские школы, порождают в среде того же племени людей с различными способностями».

Мысль эта, вполне корректная, не доказывает главное - развитие способностей в процессе самосовершенствования человека. А такого развития, по-видимому, просто не существует, и на индивидуальном уровне человек до уныния константен. Правда, есть иной ход - совершенствование способностей, иначе говоря, развитие их вместе с движением социума, в соответствии с уровнем его «цивилизованности». В таком случае рассматривается уже не индивид, а социум - группа, общество, и мы говорим о развитии человека вообще. Если он не достигнет гармонии, то, может, он достигает духовного совершенства? Не будем ставить казуистический (хотя и правомерный) вопрос - каковы критерии этого совершенства для бедуина и жителя Скандинавии, для киргиза и обитателя Пикадилли-сквер. То, что человек вообще изменяется - спору нет. Напомню хотя бы те изменения, которые закономерно должны охватить такую грань его сущности, как быт в условиях информационного взрыва. Но изменение ли это способностей, которое можно назвать движением к духовному совершенству? Едва ли! Здесь мы имеем дело с иным применением способностей, выявлением одних, более скрытых, затуханием и других, менее необходимых. Скажем, способности обладать в максимальном масштабе всей информацией, которой обладает социум. Ибо это просто нереально в современных условиях. Интересные соображения на

этот счет выдвигает Федерико Майор Сарагоса. Он пишет: «По некоторым оценкам, к 2040 году в мире будет насчитываться 200 миллионов разных книг. Для их хранения потребуется 8045 километров книжных полок. Огромной будет стоимость их складирования и утилизации. Для обычных библиотечных карточек, используемых в наши дни потребовалось бы 750 тысяч ящичков... Однако не обязательно обращаться к будущему. Если врач или исследователь в области биомедицины захотел бы прочесть все, что было опубликовано в прошлом году по данной специальности, то ему потребовалось на это пятьдесят пять веков. В США имеется 120 специализированных библиотек, в фондах которых насчитывается более 1,3 млрд. томов. Только в США каждый год в среднем публикуется 60 тысяч технических докладов, 600 тысяч новых названий, 10 тысяч патентов, 15 тысяч докторских диссертаций...

Избыток информации заставляет человека отказаться от извечного доступа к накопившимся массам данных". Мечта о движении человечества к совершенству (как и рассмотренная ранее мечта о всеобщей гармонии) не имеет под собой ровно никаких реальных оснований. Мечтать, естественно, никому не возбраняется. Более того, в мечте мелькает луч надежды на ее осуществление. Но движение сознающего мир человеческого духа не восхождение к неведомому идеалу, но смена от эпохи к эпохе тех ценностей, которые этот дух признает, а стало быть, и тех типов общения, в которых выражается природа человека. Их многообразие делает эту природу неуловимым Протеем. То, что вчера считалось достойным существа человеческого, отвергается сегодня как антигуманное. Подумайте, например, как бы развивался ваш диалог о смысле бытия, уникальности каждого индивида на пути этого бытия с каннибалом, поглядывающим на вас как на лакомый кусочек? А то, что осуждалось, вдруг превращается во всеобщую веру. Разве не такова судьба всех религий, дающих нам не только ценностные ориентации в области веры, отличающиеся порою весьма кардинально, но и изначальных мучеников, изгнанников, страстотерпцев, которых затем боготворят те же люди, которые еще недавно кричали «Распни его!»

Порою наступает иллюзорное сближение ценностей, и, словно бы сговорившись, люди стараются забыть и былые распри, и взаимные кровавые избиения, и фанатическую нетерпимость к инакомыслящим и инакочувствующим. Но движение сознающего мир духа продолжается, возникают новые и с поразительной константностью взаимоисключающие ценности. И даже «цивилизованный» человек двадцатого века хватается за оружие... Да еще за какое! Так в чем же он совершеннее каннибала! И весь драматизм мира в нем¹?

---

¹ Вот почему «мера цивилизованности» - иллюзорная величина, ничего не дающая нам для понимания природы человека. Мы ведь только льстим себе, сдерживая самые глубинные порывы, полагая, что от каннибала нас уже отделила пропасть истории. Прав Сатпрем: «...Мы должны подчеркнуть, что не только «дурные мысли» или «злая воля» несут в себе насилие; нет ничего более агрессивного, чем добрые намерения, высокие чувства. Альтруизм в любом случае это его, выпячивание себя под видом нежности или насилия. Мы цивилизованны только на поверхности. Под нею продолжает жить каннибал». (Сатпрем. Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания. ЛГУ., 1989, с.55)

Одна из особенностей сознающего мир духа — его извечное стремление к поиску шкалы ценностей, которая могла бы дать основание человеческому бытию в его совершенствовании, той шкалы, которой в действительности нет, которую заменяет нам живущий в нас микрокосмос мифов, легенд и утопий. Когда некоторые авторы всерьез утверждают свой приоритет на «аксиологию», дискутируют о своих «открытиях» в этой области, они просто (сознательно или неосознанно, в пылу увлечения — это уже дело вторичное) забывают, что ценностный подход лежит в основе общения, но не является его абсолютным мерилем и не дает надежды на объяснение дисгармонии человека и мира. Напомню поразительные слова Фридриха Ницше, впервые обратившего внимание на эту нашу особенность: «Поистине, люди дали себе все добро и все зло их. Поистине, они не заимствовали и не находили его, оно не упало к ним, как глас с небеси. Человек сперва вкладывал ценности в вещи, чтобы сохранить себя, — он создал сперва смысл вещам, человеческий смысл! Поэтому называет он себя «человеком», т.е. оценивающим.

Оценивать значит создавать: слушайте, вы, созидающие! Оценивать это драгоценность и сокровище всех оцененных вещей.

Через оценку впервые является ценность: и без оценки был бы пуст орех бытия. Слушайте, вы, созидающие!

Перемена ценностей — это перемена созидающих. Постоянно уничтожает тот, кто должен быть созидателем».

Нет, не удастся через переменное определить постоянную величину, ту искомую на бытовом уровне структуру общения, которая неизбежно должна предопределить выживание человечества, несмотря на весь драматизм его судьбы, индивидуальной и коллективной, несмотря на иллюзию гармонии мира и нарастания дисгармонии. Правда, есть еще один спасительный круг в пучине человеческих бедствий и надежд — очевидное движение человечества к единому по материальным возможностям существованию. А ведь оно (несмотря на все еще имеющееся разнообразие и жизненного стандарта, и общего качества жизни разных народов и социальных коллективов) действительно и притом довольно быстро интегрируется в какую-то новую общность. Быть может, на этой основе и возникает то конкретное, многообразное, совершенное общение человека с человеком и миром, которое позволит определить и природу человека, и судьбу человеческого рода?

Мы вновь оказываемся в парадоксальнейшей ситуации бытия, аналогичной той, которую дает надежда на гармонию или же на выход из дисгармонии — к совершенному человеку и миру. Казалось бы мы подошли к тому моменту, когда можем говорить о всемогуществе человеческого рода, почти превратившегося в космическую силу. Мы склонны к тому, чтобы наш мир оценивать космическими мерками, как это и предлагает Э.Кассирер: «Для того, чтобы понять человеческий порядок вещей, мы должны начать с изучения космического порядка. И этот космический порядок предстает теперь в совершенно новом свете. Новая космология, гелиоцентрическая система, введенная трудами Коперника, — это единственная прочная научная основа новой антропологии». Не буду приводить бесчисленные факты, свидетельствующие о космической силе современного человека — ими пестрит журнал, это бытовое зеркало науки; не буду также говорить о поразительном распространении технических достижений, когда араб в пустыне звонит

по автоматическому телефону в Лондон или же ловец жемчуга использует новейший акваланг. Откровенно говоря, подобного рода примеры стали дежурными (хотя и правдоносными) банальностями. Еще шаг и мы уверенно начинаем говорить о себе как лидерах мировой эволюции. Но трезвое, спокойное размышление, суть процесса взаимоотношения человека и природы сразу же подводит нас к мысли, что до ассоциации этих двух взаимодействующих, их общения мы не только не подошли, но двинулись в сторону диссоциации. Да еще такими губительными для этого взаимоотношения темпами, что серьезные мыслители забили тревогу. Один из них, финский ученый П.Кууси удачно выразил суть этой всеобщей тревоги мыслящего разума: «В развитии мира мы играем ведущую роль и поэтому изменяем его. Однако наша несостоятельность как лидеров эволюции становится все более очевидной: ведь мы до сих пор не знаем, в каком направлении движется мир, не можем ни качественно, ни количественно оценить влияние нашей деятельности на окружающую среду. Мы выполняем роль поводыря, хотя сами слепы и не знаем, куда идем. Человек добился значительных успехов в покорении пространства и производстве материальных благ, он все больше и больше подчиняет себе свое непосредственное окружение и природу в целом, все более глубоко воздействует на них. Но какой ценой это достигается и какова дальнейшая судьба человечества, если оно и впредь будет преуспевать за счет природы?».

Не уверен, что можно говорить и в данном случае о преуспевании, о нашей ассоциации с природой. Скорее, налицо все возрастающая, подобно тайфуну, их взаимная диссоциация. Что же касается человеческих отношений, то они вопреки всем оптимистическим прогнозам гуманистов и наивной вере сторонников гоминизации человека, не перерастают в то органическое общение, которое и дало бы нам право назвать это загадочное существо «творцом», а не временным медиумом для сознающего мир духа, обреченным на трагическую диссоциацию: на одиночество и полную утрату жизненного потенциала- духовности. Не зря ведь мудрый Ф.Ницше наши надежды на выживание духа сравнивал с мечтами астрологов. Он писал: «Весьма вероятно, что объекты религиозного, морального и эстетического чувства также принадлежат к поверхности вещей, тогда как человек склонен верить, что по крайней мере здесь он прикасается к сердцу мира; его обманывает то, что эти вещи дают ему такое глубокое счастье и несчастье, и он обнаруживает здесь, следовательно, ту же гордость, как и в астрологии. Ибо последняя полагает, что звездное небо вращается вокруг судьбы человека; моральный же человек предполагает, что все, что дорого его сердцу, должно быть также и существом, и сердцем вещей». Прелюбопытно, что страх перед неведомым, вдруг обуявший весь мир сегодня, вновь оживил в самых разных структурах интерес к астрологии¹. И даже в марксистских изданиях

---

¹ И не только в астрологии, но и к любым проявлениям циклических, катастрофических сил природы, веками известных человеку, подобно легендарному Потопу, который известен древнейшим мифам всех времен и народов (а отнюдь не только временам достославного Ноя). В деяниях дома Ся (XXI-XVI вв. до нашей эры) говорится: «Во времена Яо воды потопа разлились до небес, они на неоглядных пространствах окружили горы и залили холмы, и народ, живший в низинах, пребывал из-за этого в печали». Да и к мифам о сотворении самого человека, которые также оказались удивительно однообразными, почти тождествен-

стали публиковать астрологические прогнозы, так же способные предсказать нам «завтра», как диссоциированное человечество восстановить мифы, легенды и утопии о золотом веке человеческой общности, того желаемого общения, которое могло бы стать исходным пунктом определения и природы человека, и его дальнейшей судьбы как рода. Но такого выбора нам не дано, ибо не общение, а другая закономерность правит нами в мире духа.

Общение человеческая реальность, выражение системы человеческих отношений, безграничных по самой своей сути, выражающих фактическое разделение и сущности. Общение феномен истории сознающего мир человеческого духа. Но оно отнюдь не «нарастает», не «прогрессирует», не развивается по некоей неопределенной восходящей, оставляющей нам надежду на переход от общения к человеческой общности, без которой и речи не может быть о выживании нашего рода.

Многие мыслители XX века (одни с тревогой и пессимизмом, другие с тревогой и романтической надеждой) свидетельствуют о нарастании в истории не общности, но разделенности людей, ни их сближения как родственных душ в единый мировой хор, но взрывоопасное разделение к одиночеству. Ведь не случайно все искусство, вся чуткая литература нашего века от Чехова до Кафки, от Толстого до Сартра, от Драйзера до Фолкнера тревожно свидетельствует об этом. И не случайно, конечно же, нет для философов нашего времени более популярной темы, чем опять-таки одиночество. Не трактуя его тем или иным образом (а трактовки эти столь многообразны), что требуют специальных фундаментальных коллективных исследований), они рискуют остаться без читателя или слушателя, способного воспринимать их идеи.

Но подобный подход к эволюции сознания в XX веке поверхностен. Задумавшись о своем месте в мире, своей роли в его движении, человек сразу же осознал свое одиночество среди людей. И здесь ни одна эпоха не дала нам чего-либо нового, кроме интерпретации этого одиночества. Как это ни грустно, прав Прудон: «В искусстве, так же как и в нравственности, нет ничего нового». Одиночество, разделяющее людей в унылое диссоциированное сообщество, признавалось всегда и всеми, правда, под разными предлогами, в разных формах, и в разных игровых ситуациях. Когда повелитель, подчеркивая свое могущество, играет роль исключительного существа, наместника божественного начала на земле, он не только сам оказывается чудовищно одиноким (не зря один мыслитель справедливо подметил, что самое удивительное тиран, умерший своей, естественной смертью), но и самим фактом своего существования обрекает остальных людей на разделение, неизбежное одиночество в страхе, ненависти, даже в протесте. Ибо, побе-

---

ными тому творчеству, которое породило Адама и Еву. Те же китайцы за две тысячи лет до Рождества Христова утверждали, что человек создан из разных земных пород, причем лучшие люди из лучших материалов. Так что предсказания о будущем потеплении и наводнении лишь бледная калька духовных открытий, дошедших до нас из бездн древнейших этапов развития сознающего мир духа, равно как и все гипотезы происхождения человека, в которых, увы, нет ничего оригинального. Вот почему интерес к этой исторической бездне оправдан, даже если он выступает в откровенно спекулятивной, примитивно -журналистской форме.

див тирана, они сразу же оказываются вновь разделенными, и общность оказывается мнимой, центробежные силы преобладают над центростремительными.

Игра ослепляет. Величие подавляет. Еще бы владыка оказывается на какое-то время символом. И не только в наше время, но и в самые отдаленные от нас эпохи. Бэзил Дэвидсон приводит такое описание арабским путешественником Аль-Бакри двора ганского правителя-язычника: «Когда он показывается народу, выслушивает жалобы и вершит суд, он сидит в специальном помещении, у входа в которое по обеим сторонам стоят скакуны в золотой сбруе. За его спиной десять пажей со щитами и мечами, отделанными золотом. По правую руку от него великолепно одетые сыновья принцев его империи, в их волосы вплетены золотые украшения. Вход охраняют породистые собаки, которые никогда не отходят от царя. На них ошейники из золота и серебра...».

Дело не в том, что и сегодня, через много лет, люди стремятся к такому разделению, подкрепляемому условной формой, и притом с единой целью: не слиться с другими в общности. Дело не в том, что для такого побуждения к одиночеству могут выдвигаться самые разные - порою, «благородные», «возвышенные» мотивы. Так, банальна и отработана со всех позиций мысль об одиночестве гения, его исключительности, недоступной толпе. Вспомните: «Гений одинок. Его можно оценить, лишь сравнивая его непосредственно с природой. Но кто умеет восходить к этому первоисточнику? Лишь другой гениальный человек».

Сущность проблемы не в стремлении каждого человека к исключительности (даже в игровой ситуации добродушнейшего коллективизма), а в отсутствии заданной природой человека идеи его движения к вдохновляющей и оставляющей надежду на выживание рода доброты к ближнему, устремленности к всеобщему благу, к ассоциации. Напротив, век от века нарастает диссоциация, прикрываемая внешними формами цивилизованности. Их порою воспринимают с надеждой, как луч зари, даже если этот путь грозит тяжелейшими испытаниями. От наивных оптимистов мы получаем все новые и новые, причем, весьма фундаментальные доказательства возможности прогрессирующей эволюции человека, а стало быть, и его роли как лидера в космической эволюции не только природы, но и духа. Одни склонны обосновывать это движение прогрессом культуры. На этом, в частности, базирует свои выводы американская теория культурной антропологии, не делающая прямых выводов о прогрессивном значении одной культуры, по сравнению с другой, но вместе с тем дающая основания для бытовой антропологии (подхваченной опять-таки прежде всего журналистами в средствах массовой информации). Общий вывод этой антропологии как будто бы не вызывает сомнения. Вот как его сформулировали М.А.Робер и Ф.Тильман: "...Культура включает в себя общий способ производства, поведения, самовыражения, систему и иерархию ценностей; она включает ту или иную мораль, те или иные обычаи, тот или иной язык. Она представляет собой в некотором роде способ выражения человеком своей биологической природы в данной структуре. Она является совокупностью действий, взглядов и мыслей, санкционированных в обществе и сложившихся в группах».

Но ведь при теоретическом истолковании данного определения (с моей точки зрения, вообще имеющего отношение к культуре как таковой крайне опосредованное, ибо речь идет о системе человеческих отношений и порождаемых ими действиях) не может быть выделен критерий отличия (я не говорю уже о «прогрессивности», ибо читатель, наверное осознал, что мое понимание значения в нашем сознающем мир духе мифов, легенд и утопий исключает это «ценное» понятие) одной культуры от другой, прошлой или нарождающейся.

Другие, используя вековые традиции своих народов, говорят не о прогрессе культуры, но о «восхождении человека» к некоему идеалу. В таком случае очень удобно все беды нашего времени, разделяющего людей с поразительной интенсивностью, назвать трагедией переходного периода к новому состоянию человечества, неизбежным испытанием. Именно так, например, трактует проблему Сатпрем. Он пишет: «Как известно, история духовного восхождения человека с незапамятных времен - от восточных, египетских или орфических инициаций и до поисков чаши Грааля - всегда сопровождалась испытаниями. Может быть, эти испытания и поражали воображение своей необычностью и таинственностью, но, в конце концов, что особенного в том, чтобы заключить себя в саркофаг под звуки флейт или отметить у погребального костра свои собственные похороны? Сегодня ритуалы с саркофагами стали публичными, а жизнь некоторых людей подобна похоронам, поэтому имеет смысл совершить усилия для того, чтобы выбраться из всего этого». Надо сказать, что он удивительно талантливо характеризует усилия в данном плане, которые еще не закрыты благодаря пурна-йоге Шри Ауробиндо. Но он не задумывается над тем, а сделают ли эти усилия нас, наконец, лидерами или же мы опять-таки оказываемся во власти очередной, исторически обоснованной современной иллюзии. То, что такая иллюзия нам необходима как выход, надежда, у Сатпрема не вызывает сомнения. Он, излагая учение Шри Ауробиндо о безграничных возможностях совершенствования самосознания и сознания, духа и его отношения к миру, не сомневается, что многое в нынешней ситуации противоречит «природе человека». Его не прельщают завоевания техники, технологии, науки XX века, действительно впечатляющие и демонстрирующие прорыв в одной из сфер человеческого бытия. Но в той, которая, пожалуй, далее всего отстоит от духа, сути человека. «...Наш блестящий двадцатый век, - пишет он, - в отношении психологии является веком каменным, что несмотря на все наши науки мы еще не вступили в истинную науку жизни и не приблизились к подлинному господству над миром и над самими собой и что перед нами открываются горизонты совершенства, гармонии и красоты, в сравнении с которыми наши самые великолепные открытия подобны грубой заготовке подмастерья».

Но ведь эту истинную науку жизни давали индусы еще в древнейших трактатах упанишад, повествуя о сущем и существовании, вечном стремлении вырваться из круговорота возникновения и исчезновения, приблизиться к подлинному совершенству сознания как основы мира. Но время идет, а человечество так и не достигло нирваны, пусть то будет отказ от жизненных и бренных ценностей, либо общение людей в ином, духовном мире, в слиянии индивидуального бытия с абсолютным сознанием, либо же в итоге будет преодолена извечная ненависть, и жизнь станет всеобщим благом.

Наоборот, можно утверждать, что самосознание и сознание, охватывающее все стороны жизни индивида и неизбежной для него человеческой общности, не дают никаких, даже малейших, оснований утверждать, что одиночество, более того, взаимная ненависть, исторически снижают свою интенсивность. Понятно, что каждый исторический период (и это донесли до нас бытующие в нас, в нашем мире мифы, легенды и утопии) склонен идеализировать себя, подвергаться в этом отношении самогипнозу. Ведь именно так произошло и в нашем социальном многолетнем эксперименте, провал которого не объяснить ни внешними кознями, ни давлением аппарата (о том, что у аппарата законы едины на все времена, прекрасно доказал в гротесковой форме Сирил Паркинсон), ни удобными обвинениями в адрес одного злодея, ни заговорами мафии либо происками сионистов, масонов и т.д. Вопреки декларируемому как политическая догма положению о том, что человек человеку у нас друг, товарищ и брат, все буквально вопиет против такого предположения. Матери бросают своих только что родившихся детей и притом сотнями тысяч. Коллеги по работе, мило улыбаясь, готовы уничтожить друг друга, если только речь пойдет об очередном сокращении или же о повышении заработной платы для некоторых, наиболее отличившихся с точки зрения начальства. Одиночество, как проказа, поразило наших стариков да в такой мере, которую, мы, наивные пропагандисты «гуманизма» предшествующей поры, даже не могли предполагать.

Вот лишь один пример, из наиболее благополучной среды. Крупнейший ученый, воспитавшая не одно поколение учеников и ушедшая на пенсию, получает один insult за другим. Одновременно живущая с нею столь же старая сестра оказывается в тяжелейшем инфаркте. В это время, обеспокоенные (естественно, наследством) племянники умудряются подселить к ним третью, почти столетнюю сестру, свою мать, чтобы успеть переписать на себя ее квартиру. Наивные и одинокие старые женщины отдают «наследникам» все сбережения... В результате мне случайно удалось узнать, что за ними ухаживает приходящая раз в неделю девушка из фонда милосердия. И это в тех условиях, когда существует научно-исследовательский институт, «в коллективе» которого известный ученый проработала не один десяток лет, которой там «гордятся» и в котором не нашлось ни одной отзывчивой души, чтобы навестить к несчастным и одиноким женщинам на часок-другой! И это происходит в благоустроенной Москве. В среде, которая считает себя «интеллигенцией» (повторяю, путая обученность с интеллигентностью как особым качеством духа). Так что же говорить о трагедии одиночества миллионов наших стариков в самых разных, порою, далеких от элементарной обустроенности уголках страны. Подчеркиваю, о трагедии, ибо драматизм бытия, не получая разрешения, неизбежно становится его трагизмом как началом конца.

Мне порою приводят примеры «дружбы» и «сотрудничества», и даже «коллективных действий» во имя (скажем, материальной цели) во время забастовки. Но посмотрите попристальнее за сущностью, выявляющейся в существовании таких примеров, и вы в итоге найдете временную выгоду для индивида. Исчезает выгода, своекорыстие — прощай, человеческая ассоциация. Так было, так и будет, и вместо «движения по восходящей» мы видим лишь суету сует и всяческую суету. Но и эта суета проблематична, ибо за ее

унылым повторением от эпохи к эпохе, от социальной структуры к иному обществу, от одного поколения к другому и скрыта проблема выживаемости нашего рода. Прекрасно подметил это русский мыслитель, оригинальный и смелый, князь Евгений Трубецкой: «Чтобы сознать суету, наша мысль должна обладать какой-то точкой опоры вне ее... Суета мучительна для нас именно по сравнению со смыслом, которого мы жаждем, - иначе бы мы ее не распознавали. Бесцельность и вечные повторения жизни вызывают в нас тоску именно потому, что вся наша жизнь есть стремление к смыслу, к цели. Эта наша жажда смысла есть всегда стремление вперед и вверх; и именно поэтому нас оскорбляет это вечное кружение, которое указывает, что в мире нет движения вперед, нет восхождения из ступени в ступень, а есть бесплодное топтание на месте. Душа жаждет подъема, стремится к горному полету, и вот почему ей так отвратительно это всеобщее движение в одной плоскости».

Как это чудесно сказано: мы все движемся уныло и однообразно в одной плоскости. Правда, есть еще надежда на преодоление диссоциации не здесь, а там, в ином, потустороннем мире, где покинувшая тело душа, устремившаяся либо в тоннель, либо растворившаяся во всем мироздании, либо улетевшая на блаженные острова, в рай т.д., разорвет эту унылую плоскость, сольется в гармонии со всеми другими (либо с особыми, избранными) душами. Произойдет, например, то что пророчествовал апостол Павел: «Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут? Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет; И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится пшеничное или другое какое. Но бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело... *Есть* тела небесные и тела земные; но иная слава небесных, иная слава земных... Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в унижении, восстает во славе, сеется в немощи, восстает в силе; Сеется тело душевное, восстает тело духовное.

...Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся Вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся».

Обобщив эти идеи, сопоставив их с плохо известной у нас «Тибетской книгой мертвых», высказываниями Платона и Сведенборга, американский ученый Реймонд Моуди выпустил еще в 1976 году прелюбопытную и побуждающую к размышлениям книгу «Жизнь после жизни. Исследования феномена продолжения жизни после смерти тела», которую у нас «подхватили» и «развивают сейчас», как правило, без ссылок, подобно нашим сексологам и амурологам, последователям теории проблемного обучения и т.д., безусловно любопытны и плодотворны. Не буду оспаривать подающую всем нам надежду книгу Р.Моуди, для этого нужно специальное развернутое исследование¹. Хотя, откровенно говоря, его выводы меня несколько смущают на

---

¹ Кстати, в последние годы наука, изучающая НДЕ (состояние, близкое к смерти), весьма корректно ограничила сферу своего поиска, истолкования необъяснимого пока явления декорпорации. Так, известный ученый Морис Абиван, создатель общества умирающих при больнице Парижского университета, не отрицает самого этого явления. Он говорит: «То, что нам об этом известно, во многом заслуга реаниматоров. Я понял, что смерть это прогрессирующий процесс, который может тянуться долгие часы. Безусловно, есть граница,

основе индивидуального опыта. Мне довелось умирать три раза, и притом в разных ситуациях. Однажды, еще в 1941 году, я был засыпан под развалинами избы и выкопан живым (но абсолютно бесчувственным) лишь через два дня, проходившей в отступлении частью. Другой раз, употребив до соревнований по подводному плаванию излишнее и в принципе недопустимое для спортсменов количество спиртного, я благополучно утонул при нырянии на скорость в маске под водой сорокаметровой дистанции И, наконец, немалое время пролежал после инфарктного шока, уже простившись с земными заботами. Уверенно на основе своего индивидуального опыта утверждаю: ни разу и ни в каком виде не переносился в другую жизнь!

Нет, выживание всего человечества (а оно предусматривается отнюдь не во всех концепциях: многие склонны и здесь разделить людей, наградив этим благом какую-то определенную, зависимую от убеждений и верований категорию нашего рода, других же обречь на полное небытие) может быть истолковано в любом аспекте не в связи с проявлениями тех или иных (отдельных или же взятых в совокупности) качеств. Ибо, как я и не старался показать, они не отражают во всей полноте его природу, а стало быть, и загадку его существования. Подход к ней, как я уже отметил раньше, возможен лишь с позиций истолкования жизни человечества как истории создающего себя духа, с позиций ответа на три взаимосвязанных вопроса - о сокровенной причине движения этой истории, формах его проявления и итоговом результате. Вот эти три вопроса, затрагивающие аспект сущности (но не существования) человека, тысячелетиями отрабатывались в мифах, легендах и утопиях, оставили в них отпечатки более неизгладимые, чем в древнем известняке следы исчезнувшего папоротника. Здесь уместно вспомнить слова М.Шелера: «...Способность к разделению сущности и существования составляет основной признак человеческого духа, который только и фундирует все остальные признаки» .

Нам, по видимому, следует использовать в этой связи междисциплинарный подход к проблеме сущности человека, который давал бы вместе с тем логическое истолкование всем формам его существования - эстетическим эмоциям и творческому мышлению, нравственным ценностям и политическим играм, словам, всему тому, без чего не бывает конкретной, наполненной высочайшего драматизма, столкновения страстей, противоборства мнений реальной жизни. И вместе с тем искомый подход должен быть сущностным; в противном случае всякий разговор о выживании человечества будет снижен с уровня вполне реальной для нашего времени проблемы к игре в ценностные категории, установки, представления. В итоге же, к праздному умствования, который в публицистике именуется философией.

перейдя которую, обратно уже не вернешься. Непосредственно перед этой границей существует весьма мало изученный мир, возможно, другое состояние человеческого сознания. Вот где нужно искать. Именно там гнездится тайна НДЕ. Она появляется там, где начинаются первые шаги смерти». Но увы шаги эти неотвратимы и не дают нам никакой надежды на инобытие. Ну, а что касается возвращения из инобытия того, кто туда еще не перешел, об этом рассказывали в своей «Республике» и Платон, повествовавшие о войне, воскресшем на двенадцатый день, и знаменитая, но недоступная нам тибетская книга «Бардо Тодол» («Книга смертей»), да тысячи других мифов, легенд и утопий.

Именно такая задача и подвела меня к сформулированному ранее комплексу взаимосвязанных вопросов о бытии: что движет человечеством, в чем выражается это движение во всех проявлениях на индивидуальном и социальном уровне каков непосредственный и опосредованный результат этого движения. Они охватывают проблемы сразу многих наук о человеке. Естественно, само сочетание таких вопросов, затрагивающих самые разные стороны единого человеческого бытия, исключает телеологию, представление о любых предустановленных целях как бы поэтически, а точнее, утешительно они ни описывались. Здесь я полностью солидарен с Гердером, писавшим: «Философия конечных целей не принесла естественной истории никакой пользы; напротив, она лишь питала своих сторонников обманчивыми иллюзиями вместо научного исследования; насколько больше дает история человечества с ее сложным переплетением тысячи целей».

Предвижу возражение: ведь мифы - легенды и утопии, рассматриваемые как основа движения человеческого духа, лишь обогащаемые, но не изменяемые новой индивидуальной или социальной ситуацией бытия, в итоге трактует добро, гармонию, красоту, «царство божие на земле» как всеобщую универсальную цель. Даже в трактовках «Апокалипсиса» Иоанна Богослова говорится не только о возможностях уничтожения, но и возрождения человека, что доказывал, например, еще XII веке итальянский философ Иоахим Флорский. Кстати, по мнению советского ученого профессора В.Л.Керова, именно мысли Иоахима Флорского подхватили как знамя надежды народные движения средневековья (крестьянская война во главе с Томасом Мюнцерам, ереси на юге Франции и в Северной Италии, движение таборитов в Чехии). Но, высказывая это мнение, профессор В.Л.Керов косвенно подтверждает мою мысль о том, что не только философские учения, но и основы нашего сознающего мир духа выражается в трех стадиях - всеобщей, как символ веры и бытовой. И между каким-либо таборитом, Иоахимом Флорским и реальной легендой такие же провалы, как между любой философской концепцией, ее развитием политическими игроками и наивными утверждениями человека массы.

Даже самая серьезная из этой триады составляющая исходная философская (или общенаучная, или религиозная - в данном контексте такое деление не имеет рационального смысла) всегда закономерно грешит излишней категоричностью и даже схематичностью понимания природы человека, развития взглядов на нее в разные периоды доступной нам истории и, естественно, трактовки той неизбежной судьбы, которое ждет человечество. Даже - при отказе от телеологического подхода о «символах веры» и «бытовых идеях» и говорить не приходится - все они преисполнены сладенькой надежды на будущее, даже если это будущее мыслится ими для какого-либо людского круга на костях других человеческих существ, подобно «тысячелетнему рейху»).

Вот лишь один пример серьезные антропософические исследования М.Шелера, оказавшие фундаментальное воздействие на современную европейскую социологию. Он гипотетически выделяет (кстати, не указав на принцип, на основании такого выделения) три круга представления о человеческом существе: иудейскую традицию представлений об Адаме и Еве, рае и грехопадении, греко-античной свод представлений о человеке как о

своеобразном центре мироздания и нынешние естественнонаучные (в том числе и генетические) представления о человеке как сравнительно поздно возникшем существе, отличающимся от всего живого лишь особой сложностью. Но до иудейской традиции существовал и ведийский период, представления Ригведы, в который древние индусы не отделяли человека от всего сущего, но напротив, искали его единую субстанцию со всем живым, что наделено духом. Не укладывается в эти традиционные круги и древнекитайская философия до VI века до нашей эры, уравнивавшая человека и его основные силы аффекты заботы, страха, гнева, радости, созерцательности с силами природы, естественных состояний и человеческих функций (книга Шуцзин). Я не говорю уже о тех мифах, легендах и утопиях о человеке, которые не дошли до нас, но живут в нас в «снятом», неоощуаемом виде. Их не вгонишь в схему М.Шелера, как и в любую другую, будь то представления Маркса или Фрейда, Швейцера или современного туарега о человеке.

Видимо, надо идти путем всех исканий, тропой всех дорог, выделяя то общее, что всегда волновало человечество на всех уровнях его самосознания, не противопоставляя разные идеи человека, а выделяя его вечные духовные стимулы возникновения, развития и закономерного исчезновения с лица земли.

Первый и самый всеобщий стимул, не отрицаемый ни одним вероучением, ни одной бытовой системой взглядов, ни одной философией, - представление о потребности как таинственной пружине нашего духовного бытия. И чем больше думаешь о ней в свете будущего сквозь призму мифов, легенд и утопий как обобщенного человеческого духа, тем загадочнее она оказывается. Хотя (и это надо отметить сразу же) нет мыслителя, который не рассматривал бы потребность как что-то вполне очевидное, аксиоматическое, доступное даже неразвитому сознанию.

Прежде всего, все исходит из констатации очеловечивающего значения потребности. В животном мире вдруг появляется существо, у которого потребности сразу же приобретают два признака: ненасытность или принципиальную неудовлетворимость, и поразительную широту спектра. Отрицать эти фундаментальные качества человеческих потребностей было бы бесполезно - они вполне реальны. Так, подчеркивая в соответствии с основными предшествующими взглядами на человека ненасытность потребности, Морелли писал: «Природа мудро соразмерила наши потребности с ростом наших сил: затем, твердо установив число этих потребностей, на всю остальную нашу жизнь, она устроила так, чтобы они всегда несколько превышали границы наших возможностей...

Если бы человек не встречал никаких препятствий к удовлетворению своих потребностей, то каждый раз после удовлетворения их он впадал бы в свое первоначальное состояние безразличия и выходил бы из него лишь тогда, когда его возбуждало бы ощущение вновь возникающих потребностей; легкость их удовлетворения не требовала бы знаний, превосходящих инстинкт животного, и человек был бы не более общественным, чем животное».

Итак, человеческая потребность ненасытна, и, раз возникнув, она бросила всех нас в круговорот истории. Отсюда, кстати, и презрение многих мыслителей к животным потребностям, которые свойственны нам и оцени-

ваются ими как низменные, предчеловеческие, находящиеся вне истории. Но вопреки всем ученым построениям, имеющим благороднейшую цель возвысить человека как некое седалище разума, мифы, легенды и утопии трактуют потребности без подобной дифференциации, не вырывая пропасти между природными (свойственными растениям и животным) потребностями и потребностями «духовными», собственно человеческими в бытующих интерпретациях. Но почему же в мифе растение страдает как человек, а человек ощущает, как природа, и слит с нею? Говорят, что потребность в любви свойственна только человеку, имея в виду в конечном счете тот самоочевидный факт, что человек в отличие от животных может и готов к половому общению в любое время. Простите, возразят мне, человеческая любовь это нечто такое... и при этом либо разведут руками, либо заговорят стихами. Но не поет ли в легенде одинокий журавль, потерявший подругу? Было бы чрезмерным упрощением представление о человеческом духе только как о системе символов и метафор. Нет, с первых же моментов зарождения человеческой потребности (тайну которой нам не дано узнать и в этом наша величайшая историческая драма, точнее, ее истоки) физиологическая потребность одухотворена, духовная вполне физиологична. В генезисе человека не действует та закономерность, о которой писал Э.Кассирер как о биологической точке зрения. Если ее принять, говорил он, «мы должны будем признать, что на первых стадиях человеческое познание направлено исключительно на внешний мир. Ведь все непосредственные потребности и практические интересы человека зависят от его природного окружения. Он не может жить, не приспособиваясь постоянно к условиям окружающего мира. Первые шаги интеллектуальной и культурной жизни человека можно представить как своего рода приспособление к непосредственному окружению. Но по мере развития культуры выявляется и противоположная тенденция человеческой жизни».

Конечно, удовлетворив одни потребности, человек сразу же получает их - но уже в иной форме. То, что вчера казалось мечтой в еде, после насыщения побуждает искать и нечто более аппетитное, и более изящно оформленное, и более комфортабельно потребляемое. То, что он любил, вдруг открывает ему жажду новой любви, почти ненасытной и подавляемой лишь внешними, сдерживающими стимулами. Как только они исчезают (скажем, когда сенатор уверен в своей безопасности с дивой полусвета в машине на опушке леса), насыщение этой новой потребности опять-таки становится необходимой. Хотя бы в мечтах. Не зря наивный и мудрый Л.Валла высказал то, что ныне у нас в условиях робкого преодоления всеобщего ханжества, лицемерия и двоедушия выдается прессой за сенсационность: «Скажу, однако, то, что думаю: больше заслуг перед родом человеческим у распутниц и публичных женщин, чем у благочестивых и воздержанных девственниц». То, что он вчера считал наиболее важным и радостным - дружбу или творчество, любительское увлечение («хобби» - как принято теперь выражаться) или самолюбование, завтра по неведомым причинам насыщения потребности вдруг перестает быть стимулирующим фактором, вызывает пресыщение, равнодушие, инфантильность. И здесь не имеет значения эпоха - речь может идти о римской моднице или красавице из рода зулусов, о горожанине средневекового европейского города или нынешнем парижанине.

Отвергая деление потребности человека на «физиологические» и «духовные», утверждая их единство и целостность, мы вместе с тем осознаем очевидную сложность, которая возникает вслед за подобным утверждением. Я не случайно вторым после ненасытности, принципиальной неудовлетворимости потребности человека назвал безграничность ее спектра. В самом деле, можно условно, более всего в систематизирующих либо педагогических целях назвать основные цвета спектра: красный, оранжевый, желтый и т.д. Но как же это убого по сравнению со всем многоцветием мира! Как бессилен наш язык, наши сравнения («цвет недозревшего лимона» и тому подобные трюизмы, особенно часто бытующие в среде искусствоведов) перед действительным космическим многообразием цветов со всеми их едва уловимыми переходами! Можно, конечно, столь же условно систематизировать потребности, выделяя одну из них или же сочетание в группу... для определения потребности, и притом именно той, которая характеризует человека, его природу. Я не могу, конечно, приводя примеры, дать им историческую трактовку в связи с эпохой, когда высказывались те или иные взгляды. Да в этом и нет необходимости, ибо в систематике всегда допустимы некоторые элементы абстрагирования.

Так, некоторые мыслители, задумываясь о природе человека, связывали ее с потребностью в удовольствии или же его антипode страдании. Именно в этом плане высказывался Э.Кондильяк: «С потребностью связана идея вещи, способной ее удовлетворить; с этой идеей связана идея места, где эта вещь встречается; а с идеей места связана идея людей, которых там видели; с этой последней идеей удовольствия или страдания, которые они доставили, и многие другие».

Но что такое удовольствие, которое вызывается удовлетворением потребности? Это вопрос, который навсегда обречен оставаться без ответа, ибо здесь неопределенное мы пытаемся определять не менее определенным феноменом сознания. Эмотивистским истолкованиям доминанты в спектре потребностей, той ее характеристики, которая и делает человека человеком, противостоят социальные гипотезы. Одна из древнейших представление о человеке как об общественном», «политическом» животном, пришедшая к нам из тьмы веков. И сегодня ее повторяют мыслители, убежденные, что именно здесь - ключ к тайне человека, к его драматическому бытию»¹. Потребность подлинно человеческая - избежать одиночества, най-

---

¹ Едва ли нужно подчеркивать, что, описывая драматизм бытия человека, писатели уловили пусть не всю, но многоплановую гамму проявления одиночества, раскрыли структурную сложность этого явления, более того, его сугубо индивидуальный характер для каждой человеческой судьбы, что вообще выводит проблему за грани постижимого. Рисую «человеческую комедию», Бальзак видел и многообразие проявлений одиночества в нашем роде, и давал характеристику того моря, бездны одиночества, в которое погружен каждый из нас. Он говорил: «...Человека страшит одиночество. И из всех видов одиночества страшнее всего одиночество душевное. Отшельники древности жили в общении с богом, они пребывали в самом населенном мире, в мире духовном... Первая потребность человека, будь то прокаженный или каторжник, отверженный или недужный, - обрести товарища по судьбе. Жажда утолить это чувство, человек расточает все свои силы, все свое могущество, весь пыл своей души. Не будь этого всепожирающего желания, неужто сатана нашел бы себе сообщников...?» (Бальзак. Утраченные иллюзии. Собр.соч. в 4 томах, т.IV, М., 1983, с.568)

ти общение (другие выражаются более выпукло коммуникации) с другими людьми.

Так, Бен Мисюкович, уже упоминавшийся мною, пишет: «...После того, как человек удовлетворит свои самые насущные физиологические потребности в воздухе, воде, пище, - он стремится облегчить свое безнадежное одиночество». Так рождается высшая человеческая потребность к общению, которую отрицать было бы наивно, ибо в системе безграничных человеческих связей (отношений) общение наиболее четкая закономерность нашего бытия, поддающаяся и трактовке, и определению, и регулированию через образовательный процесс. «Стремление к общению с другим сознанием, наличие которого является взаимным подтверждением нашего собственного существования, становится не чем иным, как оборотной стороной потребности избежать одиночества».

Но ведь дав такое «простое» определение, мы еще больше запутываемся в тенетах неопределенности. Оказывается, что общение столь сложно по структуре, неопределенно по результатам для бытия человека (ибо и в нем может быть заключен тот первоисточник, который делает человечество неспособным к выживанию, ибо не всякое общение есть солидарность во имя единой цели), что им едва ли возможно объяснить и природу человека, и все ее многообразие.

Рационалисты убежденно полагают, что в спектре потребностей, охватывающих наш жизненный опыт, превалирующее значение имеет удовлетворение потребности в истине, или в том, что мы по традиции привыкли называть «знание», а теперь, соответственно моде новой эпохи, несколько расширили понятие, назвав его потребностью в информации.

Кстати, в этом отношении мы абсолютно не оригинальны и у нас нет никаких оснований для рационалистической амбициозности. Десятки тысяч лет ученые пытались дать свою трактовку знания, и столь же безуспешно, что и нынешние рационалисты. Ал-Газали в «Воскрешении наук о вере», обобщая искания структуры знания предками, сделал такой примечательный и поныне вывод: «Знай, что люди разошлись в определении разума и понимания его сути. Большинство людей приходит в замешательство от того, что этим словом обозначаются разные понятия, это и стало причиной их разногласий. Истина, которая поможет решить задачу, - это то, что слово «разум» одинаково может обозначать четыре вещи, подобно как слово «око», к примеру, имеет несколько значений, также и прочие слова. Нельзя требовать, чтобы всем четверем было дано одно определение: каждое значение следует раскрывать отдельно.

Первое: это то качество, которым человек отличается от всех животных, с его помощью человек подготовлен к восприятию умозрительных наук и знаний, к овладению сложными мыслительными ремеслами...

Второе: это те знания, которые проявляются в существе ребенка, различающего возможность возможного и невозможность невозможного, как, например, знание того, что два больше, чем один, или что человек не может находиться одновременно в двух местах...

Третье: это знания, которые черпаются из опыта в том, как протекает а х в а л. Того, кто научен опытом и жизнью, называют обычно разумным: про

того, кто этим не отличается, говорят: дурак, неопытный невежда. Это другой вид знаний, который тоже зовется разумом.

Четвертое: сила этой способности завершается тем, что человек познает последствия действий, подавляет в себе желание, зовущее к скоротечным наслаждениям. Обладающий такой способностью зовется разумным, так как его смелость или воздержанность связаны с предугадыванием возможных последствий, а не вызваны быстротечными страстями. Этим качеством человек также отличается от всех животных» (Абу Хамид Ал-Газали. Воскрешение наук о вере. М., 1980, с.93-94.) Согласись, читатель, не так уж далеко ушли мудрейшие создатели «новых концепций» рационализма от этих постулатов, пришедших из глубин истории и открываемых каждым новым поколением философских студийщиков как некое откровение ординарной профессуры. Это еще одно свидетельство «философского скандала», а точнее, исчерпанность любой возможности возникновения оригинального философского учения. Ведь не случайно самые уважаемые "рационалисты", отработывая свои «новые» концепции, вдруг переходят на публицистику, рассуждая и о судьбе, и о любви, и об общении, превращаясь в заурядных литераторов.

«Судьба нового знания, - отмечал К.Пекка, - будет тем успешнее, чем большее количество людей овладевает им». Такое положение очень часто повторяется нами при определении спектрального характера потребностей, но при этом не учитывается сама многозначность понятий «знание», «потребность в истине» и т.д. Даже К.Пекка, продолжая приведенную мысль, говорит далее об информации по самозащите, добывании пищи, привлечению особей другого пола. А от Аристотеля идет другая, сугубо рационалистическая тенденция истолкования потребности в знании как потребности постижений сущности вещей, прирожденной человеку, или отождествление знания с высокомерным понятием «Наука». Он писал в «Метафизике»: «Все люди от природы стремятся к знанию. Доказательство тому влечение к чувственным восприятиям: ведь независимо от того, есть ли от них польза или нет, их ценят ради них самих, и больше всех зрительные восприятия, ибо видение, можно сказать, мы предпочитаем всем остальным восприятиям, не только ради того, чтобы действовать, но и тогда, когда мы собираемся что-либо делать. И причина этого в том, что зрение больше всех других чувств содействует нашему познанию и обнаруживает много различий в вещах».

Не будем идеализировать природу человека, ей свойственны и такие потребности, которые мы склонны трактовать или как отклонения от нормы, или как неизбежное, но преодолимое в будущем зло, или же как элементы атавизма. Таково, например, свойственное любому (я подчеркиваю, любому, ибо речь идет лишь о мере способности в соответствии с отработанной индивидуальной культурой подавлять его) проявление потребности в насилии. И ведь его диапазон столь широк, что простое его осмысление невольно наводит всех на мысль о том, насколько же драматична наша человеческая жизнь.

Для семьи ребенок, для мужчины женщина, для богатого бедняк, для сильного слабый всегда были и будут объектами открытого или завуалированного особенностями конкретной культуры насилия. Подтверждением тому - конец XX века, так кичливо провозглашающий свою техническую цивили-

лизованность и так позорно завершающийся как наиболее варварский во всей человеческой истории век, как век коллективного вандализма и массового психоза, именуемого очень осторожно «ростом преступности». Но ведь она охватила все структуры, все социальные системы и продолжает тревожно нарастать. И напрасно прекраснодушные сторонники гоминизации человека, придания ему человеческого лица, помышляют о мире без войн. Подойдя к такому миру в одной части света, мы с удивлением видим, как порою вполне алогично с нашей точки зрения вспыхивает жажда завоеваний в совсем другой социальной среде и отнюдь не у воинственных в прошлом народов. А быть может, прав был Н.Макиавелли, который подчеркивал: «Поистине страсть к завоеваниям дело естественное и обычное ; и тех, кто учитывает при этом свои возможности, все одобряют или же никто не осудит; но достойную осуждения ошибку совершит тот, кто не учитывает своих возможностей и стремится к завоеваниям любой ценой».

А потребность в личной исключительности, в «преступлении» тех общих норм и возможностей, о которых думал в «Преступлении и наказании» Ф. Достоевский? Ведь он читается нами с таким сложным, смешанным чувством, которое можно назвать и восторгом перед образным мышлением гениального провидца души человеческой, и страхом, охватывающим каждого, осмелившегося заглянуть в самые тайники своей души, где добро и ненависть переплетены всегда самым причудливым образом, и нужна опять-таки некая узда (страх возмездия либо культура, переносящая этот страх в идеологическую сферу ценностей), без которой впереди паникующему сознанию видится только хаос, но не нормальное проявление драматизма бытия, его противоречий. Слава прельщает всех нас, ибо она, как отметил Г.Селье, делает действующую личность действующим лицом. А кому не хочется обладать этим неповторимым, пусть даже внушающим ужас лицом? Меня, например, всегда поражало то, с каким садистским удовольствием в нашем, «самом гуманном» обществе посредственный начальник любит измываться над подчиненным, играя его судьбой и не ведая, что в итоге может быть и возмездие.

Порою говорят - время таких страстей, порожденных «низменными» потребностями, давным-давно прошло, и мы преобразились. Итак такое время все-таки было, и отрицать это никто не покусится. Люди пожирали друг друга в буквальном смысле слова. Периоды мира сменялись куда более длительными периодами истребительных войн, где порою брат шел на брата, племя на племя, народ на народ, хотя до вспышки эпидемии насилия все они благополучно жили в мире и согласии, торговали, любили, вместе радовались и печалились. Контрасты выражения потребностей отнюдь не удел « темного средневековья», как полагают некоторые. Они имеют всеобщее, универсальное общечеловеческое значение, сопричастны, как лед и пламень. Да, в средневековье общество знало такие контрасты. Об этом свидетельствует И.Хейзинга, автор одного из наиболее фундаментальных трудов по этой эпохе Франции. Он говорил: «Из-за постоянных контрастов, пестроты форм всего, что затрагивало ум и чувства, каждодневная жизнь возбуждала и разжигала страсти, проявляющиеся то в неожиданных взрывах грубой необузданности и зверской жестокости, то порывах душевной отзывчивости, в переменивой атмосфере которых протекала жизнь средневекового города».

Скажи сам себе, читатель, разве такие страсти - удел только прошлого, средневековья и империалистических войн, межнациональных конфликтов и борьбы за материальные интересы группы, сообщества, общества? Конечно же, нет. Ведь не зря же сегодня (как и вчера, как это будет и завтра) рядом с «борьбой» за права человека идет борьба за его бесправие.

Если бы я задался целью хотя бы вкратце описать весь спектр человеческих потребностей, то неизбежно пришел бы к выводу о создании своеобразной энциклопедии всех человеческих страстей, душевных порывов, устремлений, да и эту энциклопедию не смог бы создать не только из-за широты спектра всех человеческих потребностей, но и из-за их вариантности, ибо буквально каждый человек ненасытен по-своему. Так что «Человеческой комедии» здесь не получится. Но неизбежно именно в этой связи возникает вывод не только о принципиальной невозможности такого определения потребности, которое охватило бы все ее существенные стороны и взаимосвязи, но и о том, что она реально существует только в сфере сознающего себя духа, в сфере того, что можно назвать переживаниями. И это парадокс самого явления, рассматриваемого нами, парадокс, без осознания которого нами не подойти к ответу на вопрос: действительно ли мы являемся лидерами эволюции мира? В сфере потребностей, дифференцируя их: по историческому своеобразию, специфическим признакам той или иной среды мы еще можем уповать на это лидерство, используя такое понятие, как культура, как то, чем мы дополняем природу. Лаконично сказал о ее «дополнительности» Альбер Жикар : «Культура- это все, что придумано человеком за миллионы лет, все, что им накоплено и к чему я имею доступ. Культура- это все вопросы, поставленные моими предшественниками».

Впрочем, сама очевидность подобной постановки проблемы нашего приоритета, а точнее, нашей космической исключительности, вызывает сомнения в самых разных планах. Наши потребности породили масштабные воздействия на природу ее использование, преобразование. Но ведь до сих пор даже мы, люди, не разобрались в том, насколько позитивны подобные воздействия, не ведут ли они закономерно, постепенно и неизбежно к концу всего нашего рода, который задохнется в нечистотах, как рыбы в неухоженном аквариуме. И уж тем более у нас нет реального масштаба такой исключительности, ибо все, что касается космоса и эволюционных процессов в нем, то они навсегда закрыты для нас - временем и расстояниями. Сталкиваясь с драматическими явлениями природы, мы любим говорить и о своей мощи, сопоставимой с ними. Но ведь это амбиция пигмея. Если неожиданно вздрогнет континент и уйдет мгновенно в пучину раскаленной магмы, то с чем человеческим сопоставим мы это явление? Мы восхищаемся своими полетами в космос, которые в любую минуту может приостановить какое-либо новое явление, породившее чудовищную околоземную радиацию. Кто тогда покусится продолжить «освоение космоса»? Мы не можем отделаться от гордости за деяния рук человеческих, создающих могучие морские корабли и не менее могучие летательные аппараты. Но сколько раз учила нас природа скромности и сдержанности, отправляя такие корабли на дно океанов, а самолеты к неведомым судьбам Бермудского треугольника!

Нет, в сфере соотношения культуры и природы в широком, космическом ее истолковании наше продвижение от этапа к этапу «освоения» природы,

развития техники и технологий, промышленности и хозяйствования на земле представляется более чем сомнительным. Скорее всего, здесь выражается вечный драматизм бессилия человека перед окружающим его миром, тщетность «создать вторую природу», сопоставимую с единой и ни чем не сравнимой по мощи, безграничности, многообразию.

Наши потребности в итоге бессильны изменить космос; и здесь не может быть речи о нашем лидерстве. Эволюционируют (соответственно ненасытности потребностей и широте их спектра) лишь наши переживания как способ индивидуального сознания. Если докажем их позитивное развитие: уточнение, расширение их влияния на все более широкие разнообразные массы вступающих в жизнь людей, то сможем тешить себя иллюзией духовного лидерства в узком канале всеобщего эволюционного процесса (скажем, в ноосфере). Если же это развитие окажется лишь количественным, но не качественным, а тем более, если мы благодаря его сопоставлению с духовным миром мифов, легенд и утопий, как Песни песней человечества, осознаем либо унылое топтание на одном месте и тем более - регресс, то драматизм нашего хрупкого соотношения с природой естественно подведет к иной проблеме- трагедии выживания рода человеческого как сугубо временного фактора в мировой гармонии.

Конечно, изменение ненасытных потребностей - основа неукротимого изменения тех переживаний, в которых мы на индивидуальном уровне ощущаем или осознаем эти потребности. Как потребности, так и их индивидуальные формы бытия- переживания - имеют исторический, то есть изменчивый характер. Вот почему нас не должна обвораживать магия слов, характеризующая потребности разных людей и разных эпох (подчеркну, и крайне бедных по необходимости) терминах. Когда например Е. Максимова убежденно утверждает, что «немки отличаются своим сластолюбием, как англичанки холодным развратом, а француженки сладострастием, которое во многом отличается от сластолюбия» , то остается только пожалеть, что она не могла изучить современный эротический опыт хотя бы по фильмам последних лет, в которых англичанки демонстрируют такое сладострастие, а немки - такой холодный разврат, что наш милый и наивный автор прошлых времен был бы шокирован до предела. Утверждения подобного рода не более истинны, чем обывательские переживания большинством людей иной внешности чем принятый ими как «идеальный» стереотип эпохи, группы, общества. Поверхностный, по сути дела, мещанский драматизм есть явление и нашей повседневности, точно также как он выражался и тысячи лет тому назад. «Существенные физические аномалии и этнические особенности могут привести их обладателя к весьма драматическим переживаниям, возникающем в результате сопоставления с идеалами или стандартами внешности, бытующими в данной культуре», - писал Р.Бернс.

Изменение переживаний либо появление новых, неведомых ранее очевидный факт, не нуждающийся в сколь-либо серьезном обосновании. Он свидетельствует о том, что меняются наши потребности (помните об их ненасытности?). Конечно, переживание скорости у нас сегодня иное, чем у бедуина лет сто-двести тому назад, ибо иной стала потребность этой скорости. Но вот «прогрессивнее» переживание привыкшего к перелетам европейца переживаний его соседа по креслу - бедуина из пустыни? Это еще вопрос,

ответ на который помогает нам решить коренную проблему, становимся ли мы «лидерами эволюции» хотя бы в узкой сфере духовного мира.

Видимо, не изменение переживаний, а какие-то другие их характеристики помогут нам вместе с вами разобраться в этом запутаннейшем вопросе - о прогрессе человеческого духа. А в итоге - что маячит перед нами в будущем.

Первая из таких характеристик, связанная с нашим миром (спектром) потребностей, - утонченность переживаний, нарастающая от поколения к поколению, от эпохе к эпохе. Именно эту иллюзию разделяет человечество в каждый период своей истории, склоняясь к тому, чтобы переживания предшественников квалифицировать как варварские. Одни, подобные Канту, полагают, что, в этом процессе особая роль принадлежит художественному творчеству. Он говорил: «Изящные искусства через то удовольствие, которым возможно делиться со всеми, благодаря своему блеску и утонченности хотя и не делают людей нравственно лучше, делают их культурнее и поэтому много отнимают от тирании чувственных склонностей и через это подготавливают людей к тому устройству, при котором власть должен иметь только разум».

Как ни странно, рационалист И.Кант величайший гений в этом вопросе не менее наивен, чем скромный русский автор прошлой поры. Если от диких звуков тамтама человек перешел к ритмам роковых произведений, от первобытного примитива наскальной живописи к столь же первобытному примитиву современного и «вечного» в однообразии авангарда, то о каком уж прогрессе разума, вызванном прогрессом переживаний, может идти речь. Скорее, речь идет о регрессе, если учесть, что ныне такую эволюцию переживаний проходят не десятки людей, а миллионы, охваченных безжалостной индустрией зрелищ индивидуумов. Свидетельством этого регресса является и то обстоятельство, что в общем людском море все меньше и меньше становится утонченных натур. Скажем, никто не будет отрицать того факта, что осмысление драматизма реальности вызывает все новые и новые волны поэтов. Но вот что поразительно: как бы громогласно они ни вещали в мегафоны на стадионах, где собираются сотни тысяч, как бы ни бились в раже поэтического исступления, у них незаметно и постоянно исчезает та утонченность поэтического мышления, которая была характерна для наших предков. И когда я слышу очередное представление по радио об открытии нового поэта, начинающего подвывать свои банальные «смелости», невольно вспоминаю категорическое утверждение И.Бунина: «Тот, кто называется «поэт», должен быть чувством, как человек редкий по уму, вкусу, стремлениям и т.д. Только в этом случае я могу слушать его интимное, любовное и проч. На что же мне нужны излияния души дурака, плебея, лакея, даже физически представляющегося мне противным? Вообще раз писатель сделал так, что потерял мое уважение, что я ему не верю он пропал для меня. И это делают иногда две-три строки...».

Если в массе мы совершенно отчетливо видим (хотя из-за ложного понятого демократизма боимся об этом сказать), что наше время противопоставлено утонченным переживаниям, что свидетельствует о грубости, неразвитости, нецивилизованности общих потребностей, то лидерами эволюции духа в этом отношении нас никак не назовешь!

Другая иллюзия, которой мы все подвластны, - уверенность в том, что непрерывно изменяющиеся переживания, обобщенно выражающие безграничный спектр лавины наших неудовлетворенных потребностей, закономерны и по нарастающей рационализируются, становятся не только более уточненными, но и интеллектуально значительно более насыщенными и в тоже время, более подвластными могучей духовности интеллекта.

Если на некоторое время использовать отвергаемый психологами (на мой взгляд, вполне безосновательно, если хотя бы судить по реальным результатам других методов) метод интроспекции, самонаблюдения, то задавши себе вопрос о преимуществе нашем перед миллионами прошедших по Земле до нас, мы уверенно, не задумываясь, говорим о рациональности нашей духовной сферы, о том, что ныне нашему интеллекту подвластны все другие движения.

Смешно и наивно было бы вообще отрицать роль интеллекта в сфере духа: эта мысль вполне аксиоматична для всей теоретической мысли о человеке. Не случайно Сатпрем в своем интереснейшем и еще мало изученном у нас произведении пишет: «Нет ни одного движения нашего существа ни на одном уровне, ни эмоции, ни желания, ни малейшего телодвижения, которое не было мгновенно схвачено умом и покрыто слоем мысли - иными словами, мы все ментализируем. Таково истинное назначение ума в эволюции: он помогает нам вывести на поверхность сознания все движения нашего существа, которые в противном случае остались бы в состоянии бесформенной подсознательной или сверхсознательной магмы».

Но ведь Сатпрем не говорит о том, что возрастает рациональность сферы наших переживаний. Он имеет в виду лишь то обстоятельство, что ум - лишь один из центров вибрации организма, необоснованно стремящийся занять первое место. Необоснованно не только в индивидуальном, но и историческом плане. Хотя все философы, мыслители (такое определение мне представляется в контексте моей проблемы более корректным) с древнейших времен и до наших дней игнорируют именно эту «необоснованность». Картина ими рисуется довольно странная: восхождение человека от животного к живому существу, наделенному духом есть возрастание рационального начала во всей сфере наших переживаний. Именно так, например смотрел на проблему Мабли, писавший: «...Человек, который по потребностям своих чувств опустился до состояния животного, в то время как по своему разуму, употребляя слова Цицерона, он близок самому божеству». И вот движение к божественности духа человеческого всеми мыслителями понимается именно так - как торжество рационализации этого духа. Здесь дело не только в развитии рационализма как особого философского представления, не только в системе его аргументов против эмотивизма и интуитивизма, реального значения подсознательного и существования многих самых загадочных переживаний, которые мы до сих пор объяснить бессильны. Кстати, они вполне реальны. Вот еще один «интроспективный» пример. После инфаркта в возрасте более шестидесяти лет я стал наблюдать за собой, точнее, за своим отношением к людям странную закономерность. Суть ее очень проста и легко характеризуется. Как только в течение месяца я тревожно вспоминаю какого-либо близкого мне человека, клянусь себя за то, что не могу поднять телефонную трубку и поговорить с ним, или же написать открытку,

или же, наконец просто навестить, какая-то неведомая сила (уверен, что это не мистика) не разрешает мне этого сделать. И подобное тревожное состояние нарастает в геометрической прогрессии до тех пор, пока я не узнаю о кончине своего близкого друга, коллеги. И если бы это было раз- другой! Так нет, за последние пять лет подобное, крайне травмирующее психику явление повторилось уже двадцать один раз! И всегда - тревога духа не подвела, к сожалению, меня.

Повторяю, речь идет не о споре с рационализмом, его безосновательными претензиями на всеобщее значение. А эти претензии с особой силой выявились в XX веке вследствие реальных успехов человечества во многих сферах, прорыва на новый уровень технического развития. Успехи эти, конечно, являются в первую очередь результатом прогресса особого вида деятельности человека- науки, а не всеобщей рационализации его духовного мира. Вот почему кстати, некоторые понятия выдвигаемые учеными (этой крайне узкой человеческой кастой) надо принимать с определенными оговорками. Вспомним, например, восторг В.И.Вернадского, развившего учение о биосфере в теорию ноосферы. Он, восхищенный силою науки XX века, писал: «Резкое отличие научного движения XX века от движения, создавшего эллинскую науку, ее научную организацию, заключается во-первых, в его темпе, во-вторых, в площади, им захваченной - оно охватило всю планету, - в глубине затронутых им изменений, и представлениях о научно доступной реальности, наконец, в мощности изменения наукой планеты и открывающихся при этом проспектах будущего.

Эти отличия так велики, что позволяют предвидеть научное движение, размаха которого в биосфере еще не было».

Опустим тот факт, что В.И.Вернадский явно недооценил научное развитие человечества в периоды, предшествовавшие античной цивилизации. Тот факт, что мы до сих пор слабо знаем великие достижения науки Древнего Египта, Китая, Индии, шумеро-аккадской цивилизации, не может быть аргументом в защиту подобной ограниченности.

Но восторгаясь расцветом современной науки, не следует игнорировать то, что она до сих пор оказала крайне поверхностное воздействие на переживания миллиардов людей, населяющих ныне Землю, из которых более миллиарда абсолютно неграмотно, а подавляющее большинство и не подозревает о тех научных истинах, которыми с полным основанием восхищаются (впрочем, как и в любую другую эпоху) ученые-специалисты. Даже завершая обучение в школах, лицеях, гимназиях, курсы которых зачастую соответствуют науке прошлого, а не нынешнего века.

Важнее другое, никакой рационализации наших переживаний как психического феномена человеческой эволюции нет. Мы не избавились, да и не избавимся никогда от мифов, легенд и утопий, влияющих на наше сознание, сквозь призму которых человек принимает новое знание, перерабатывает и усваивает его. Не случайно просветители склонны призывать педагогику к решению важнейшей, с их точки зрения, задачи - освободится от «идолов» прошлого, от тех наслоений, которые характерны даже для суперинтеллектуалов. Но это едва ли так просто, если вообще возможно. Маргарет Мид, занимавшаяся этой проблемой не абстрактно теоретически, а многие годы «вживаясь» в культуру других, неведомых нам народов, органически усваи-

вая их ценности и образ мышления, справедливо отметила: «Очистить же собственное сознание от предвзятых представлений очень трудно, и, не затратив на это годы, почти невозможно освободиться от предрассудков, занимаясь только собственной культурой или другой, близкой ей».

Мне же кажется, что освободиться от этих предрассудков вообще нельзя, они часть нашего духа, призма восприятия мира нашим, особым и неповторимым интеллектом (племени, рода, народа, цивилизации). По крайней мере, как бы не старались просветители разных стран найти один, общечеловеческий знаменатель интеллектуальной продвинутоści индивида и тем самым пойти по общему пути рационализации переживаний этих стран, им это никогда не удавалось. Рационализация переживаний это блеф; ее нет и быть не может. Другое дело, не идем ли мы вспять? Не повторяем еще раз уже познанное? Не возрастает ли в нашем сознающем мир духе момент воображения, интуиции, которые продвигают науку активнее, чем интеллектуальное развитие индивида? Что касается последнего вопроса, то ответ на него сегодня почти однозначен: и великие мыслители, и исследователи творчества, и наблюдательные писатели все больше и чаще фиксируют, что прорыв в науке осуществляет все чаще мир нашего «подсознательного», а точнее, еще неведомого нам движения целостного сознания. Приведу, дабы не растекаться мыслью по древу и не выдавать общие мысли за свои наблюдения, чрезвычайно поучительное высказывание Саке Комацу из фантастического произведения «Гибель дракона»: «Интуиция и воображение человека в строгом смысле слова наукой не принимаются. Можно сказать, что наука еще не достигла такого уровня развития, чтобы точно и строго учитывать интуицию и воображение как один из «научных» методов познания. Хотя именно они привели к скачку в современной науке, в частности, в математике... И математика, и другие фундаментальные науки развивались не только индуктивным или дедуктивным способом на основании исключительно накопленных знаний. Наоборот, неудержимая фантазия и воображение человека, способные обнаружить совершенно новые, никому не известные связи и формы, на основании незначительных данных привели к скачкообразному развитию фундаментальных наук. Разумеется, при этом была масса ошибок. Но некоторые теории, первоначально выдвинутые как гипотезы, к которым авторы пришли чисто интуитивно, впоследствии подтвердились и буквально перевернули современную науку».

Итак, бесспорен - иной уровень рациональности наших переживаний, отличается характер их интеллектуальной насыщенности от переживаний людей прошлого. Но утверждение о том, что наши переживания поэтому более прогрессивны, не что иное, как вполне объяснимое и всегда существующее самомнение эпохи. И здесь наше упование на свою исключительность как лидеров эволюции оказывается еще одной иллюзией.

Остается еще одна любопытнейшая характеристика всех переживаний человека, которая оставляет последнюю надежду на реальность наших претензий в ряду других существ. Это их ситуативность. Именно человек может регулировать свои переживания, соотносить их с потребностями или же, напротив, целенаправленно противопоставлять один духовный феномен другому. Он может испытывать почти неодолимую, мучительную потребность в еде, но свои переживания переориентировать так, что голод начинает им

оцениваться как благо (служение идее, высшему существу, выражение действенного протеста и т.д.). Он может быть крайне далек от потребности откликнуться на беду другого человека и в то же время, согласно принятой тем или иным социумом шкале этических ценностей, скорректировать свое психическое состояние, вызвать в себе сочувствие, сострадание как переживание. Он должен, учитывая ситуацию, свои потребности корректировать духовным преобразованием переживаний. Ведь на этом феномене, по сути дела, и построена вся педагогика. Не зря Маргарет Мид писала: «Когда у ребенка режутся зубы, мать должна смириться с его плачем. Точно так же она должна вооружиться максимальным хладнокровием и терпеливо переносить и бурные проявления «переходного возраста». Если ребенка не за что ругать, то единственная разумная педагогическая политика, которую мы вправе потребовать от учителя, - терпимость».

Ситуативность создает удивительную гамму парадоксальных соотношений потребностей и их переживаний. Не случайно, отчаявшись дать всем этим парадоксам единое научное объяснение, философия начинает употреблять крайне неопределенные понятия для осмысления этого феномена. Одни говорят о воле, и притом весьма традиционно и расширительно, как это сделал, например Шопенгауэр в своем труде «Мир, как воля и представление» а также в книге «О воле в природе». Для него всеобщая воля и вся природа, и сознательная, индивидуально -человеческая воля. Но ведь и вызванный ею результат отнюдь не всегда совпадают: в нашем случае ситуативность переживания может выразиться как раз в ее несоответствии волевому акту, в его «неподвластности» ему. Не зря в этой связи У.Джеймс тонко подметил: «Воля вызывает противоположность того, чего хочет, если, вместо того, чтобы направиться на более высокую ценность, осуществление которой и притягивает энергию человека и заставляет забыть дурное, она направляется на борьбу с влечением, просто отрицая его, ибо цель его предстает совести как «дурная».

Между тем борьба с влечением на основе волевого акта может оказаться и вполне бесперспективной, ибо это влечение становится нашим переживанием вопреки всем усилиям, а может быть, и благодаря этим усилиям. Каждый, уверовавший в безграничные возможности «волевой» социальной педагогики, может привести тысячи примеров того, как борьба с «влечениями», а проще, с реальным характером переживаний, сформировавшихся у подростков по отношению ко всем жизненным ценностям социального плана, является практически бесполезной. Между тем их переживания ситуативны и регулируются на ином уровне, скажем, на уровне группового общения, массовых коммуникационных воздействий, всеобщей моды и т.д. Едва ли нужно приводить конкретные (и исторические, и современные) примеры того, как «более высокое влечение» оказывается, как правило, прекраснотдушным мечтанием, но не реальной потребностью, ибо ее цель оказывается принципиально невыполнимой. Корректируется не характер переживания, но его ситуативное проявление. А это значит, что воля не объяснит нам возможности прогрессирования переживаний в сторону их пластичности, податливости, "облагораживающему» воздействию в ходе неведомого «прогресса» Как это ни печально, такого прогресса просто нет, и «волею» его не обосновать.

Кроме того, не очень ясен вопрос: какой воле и какие переживания подвластны. Все последние исследования и увлечения приводят нас лишь к одному выводу: мы не знаем космоса переживаний и можем лишь констатировать его ситуативность в зависимости от разных волевых воздействий. Но ведь многие из них были известны и за тысячелетия до нас, включая телекинез, телепатию, волхование и многое другое.

Гамму потребностей, порождающих наши переживания, достаточно убедительно объясняет символический интеракционизм (Кули, Мид). Подчеркивая символическое значение нашего сознания, они показали, что люди переживают мир в зависимости от тех значений, которыми они наделяют его. Эти значения, с их точки зрения, являются итогом социального взаимодействия и одновременно подвержены изменениям в результате своеобразия индивидуального восприятия. Конечно, символичность присутствует в любом индивидуальном акте переживания, об этом как раз я и говорил, подчеркивая непреходящее значение для нашего духа мифов, легенд и утопий, то есть тех символов, сквозь призму которых мы соотносимся с миром. Конечно, символ или знак, воплощающий смысл, характерен для переживания. Более того, последнее может с полным основанием трактоваться как обобщенный символ потребностей и в этом плане имеющий не сиюминутное, но преходящее для духа человечества, для его общения значение. Однако, и вчера, и сегодня, и завтра символизация будет особенностью переживаний, в равной мере дающей возможность использовать их ситуативность. Но это использование (во всех сферах человеческого общения от искусства до половых отношений как формы этого общения) свидетельствует лишь о непрерывности развития единого и многообразного человеческого духа, но отнюдь не о нарастании в нем прогрессивных тенденций.

Весьма интересен подход к проблеме ситуативности сторонников прагматизма Дж.Дьюи, на идеях которого работает и поныне наша школа («действенная педагогика»). Признавая духовное (естественно, и наши переживания) функцией опыта, Дж.Дьюи отвлекается от абстрактных рассуждений о зависимости переживаний от потребностей. Он ставит вопрос в иную, социально-педагогическую плоскость: переживание есть инструмент действия. Но ведь это действительно важная мысль, помогающая нам понять ситуативность переживания в операционном практически-значимом плане, стара как мир. Ее смысл - не в утверждении ситуативности переживаний как факторе их прогресса (а стало быть, и как свидетельства нашего лидерства в мировой эволюции), а в признании влияния переживаний - на состояние духа. Ведь именно с этих позиций, например, древние смотрели на музыкальные переживания (что нами трактуется не совсем правомерно как исток идей эстетического воспитания). Для них такие переживания социально - необходимы, ибо их ситуативность дает возможность использовать музыкальное воздействие на формирование этических потребностей, более того, потребностей социальных в широком смысле слова. Монтескье отмечает в этой связи: «Полибий, рассудительный Полибий, говорит нам, что музыка была необходима для смягчения нравов обитателей Аркадии, которые жили в стране суровой и холодной, и что жители Кинета, пренебрегавшие музыкой, превзошли в жестокости всех прочих греков, так что не было города, где совершалось бы столько преступлений, как у них. Платон не побоялся даже

сказать, что нельзя внести никакого изменения в музыку, которое не повлекло бы за собой соответственного изменения в государственном устройстве. Аристотель, который написал свою Политику, кажется, только для того, чтобы противопоставить свои идеи идеям Платона, согласен, однако, с ним о важном влиянии музыки на нравы. Теофраст, Плутарх, Страбон все древние писатели разделяли эту точку зрения. И это у них не необдуманное мнение, а одно из основных начал политики».

Мифы, легенды и утопии прошлого, которые, говоря словами Гастона Башляра, задают нам образ нового прошлого, внедрились в наше сознание именно такое представление о переживаниях, а стало быть, об их ситуативности, позволяющей влиять на мир потребностей через их целенаправленное регулирование везде, где есть человеческий дух, во всем от медицины до искусства. Но это же прагматическое представление неожиданно открывает перед нами новую возможность: если не выйти из вечного состояния философского скандала¹, который отнюдь не уменьшился по масштабам и в наше время, напротив, нарастает в геометрической прогрессии, свидетельствуя о беспомощности философских исканий новых генераций мыслителей, то, по крайней мере, устремиться сообща к осмыслению своего будущего. Будущего, predeterminedенного всем прошлым. Эта возможность вытекает из противоречивой взаимосвязи неутолимых и безграничных потребностей с ограниченными по характеру набором их переживаний в сфере нашего духа. Именно из этой взаимосвязи и возникает надежда на выживание действие, активность индивида.

Обычно (и это стало для наших работ традиционным) мы трактуем действие весьма ограниченно, более того, примитивно, лишь как предметно-творческую деятельность. Вторая часть этой формулы не вызывает сомнения, ибо действие всегда (в положительном или отрицательном плане, в зависимости от точки отсчета) порождает нечто новое, ранее не существовавшее. Даже в том случае, если это новое адаптация старого к новой ситуации.

Здесь следует признать наиболее корректным то определение творчества, которое дал в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона Ф.Д.Батюшков: «Творчество в прямом смысле есть созидание нового. В таком значении это слово могло быть применено ко всем процессам органической и неорганической жизни, ибо жизнь ряд непрерывных изменений, и все

---

¹ Читатель, далекий от философских тонкостей, мало знаком с понятиями, подобными «философскому скандалу». А между тем за ними большой смысл, в данном случае, признание полного бессилия философии решить некоторые самые драматические вопросы нашего бытия. Вот как, например, объясняет это понятие «Философский словарь», основанный Г.Шмидтом: «Скандалом в философии называют то обстоятельство, что философия, несмотря на свои тысячелетние усилия, не открыла еще, кроме нескольких логических аксиом, никаких положений, признаваемых всеми философами в качестве очевидных. В этом выражении заключено отрицание сущности философии: «То, что из непреложных оснований признается каждым, становится тем самым научным познанием и не является больше философией, а относится к конкретным областям знания» (К.Ясперс. «Введение в философию», 1950). Кант, имея в виду идеализм Беркли, называет скандалом в философии то, что существует надобность в доказательстве реальности вещей. («Философский словарь», М., 1961, с.534.)

обновляющееся и все зарождающееся в природе есть продукт творческих сил. Но понятие творчества предполагает личное начало, и соответствующее ему слово употребляется по преимуществу к деятельности человека. В этом общепринятом смысле творчество условный термин для обозначения психического акта, выражающегося в воплощении или комбинации данных нашего сознания в (относительно) новой форме, в области отвлеченной мысли, художественной и практической деятельности. (Т. научное, Т. политическое, музыкальное, Т. в изобразительных искусствах, Т. администратора, полководца)».

Подкупает в определении творчества, данном Ф.Д.Батюшковым, то, что предметную деятельность он ставит по смыслу в один ряд с деятельностью духовной, и это очень важно во всех смыслах. В том числе, в интересующей меня связи. Любое переживание на индивидуальном уровне оказывается мотивом деятельности и ее первоначальным стимулом.

Деятельности вот в чем суть: именно поэтому расширяется представление о ней, преодолевается ее сведение к предметно-творческой деятельности. Самые тонкие, неуловимые и трудно определяемые логические движения нашего подсознания уже деятельность. Мы можем что-то смутно предчувствовать, испытывать непонятные и не подвластные разуму (как их порою называют «темные», «инстинктивные») влечения, не связанные ни с каким внешним, непосредственным воздействием и не влияющие на окружающий нас мир. Но они деятельны по своей сути, ибо преобразуют наш внутренний мир, определяют движение нашего духа, а стало быть, и его изменение. Более того, они основа, фундамент и побудительный мотив деятельности осознанных чувств, нашего рационального мышления и далее нашего социального поведения и принципов борьбы человека за выживание. Воздействие на них не открытие современности (как это опять-таки упорно твердит в погоне за сенсациями легковесная журналистика), его знали маги и чародеи с древнейших времен развития каждого народа. И при этом не только не знали, но и использовали в своих целях. Так, разные виды йоги в определенной мере основаны на учете этой действенной природы нашего подсознания. Об этом пишет Саптрем применительно к йоге Шри Ауробиндо: «Мы можем допустить, что безмолвие разума можно допустить во время прогулки, во время еды, одевания или когда мы отдыхаем, как это сделать за работой, на службе, например, или когда мы беседуем с друзьями? Нам необходимо думать, вспоминать, подыскивать мысли вызывать ментальные процессы всех видов. Однако опыт показывает, что это вовсе не является необходимым это лишь результат длительной привычки: мы привыкли зависеть от ума, обращаясь к нему за знанием и обоснованием действия, но это не больше, чем привычка, которую можно изменить. Йога в основном это не столько способ научиться, сколько способ отучиться от массы неизбежных на первый взгляд привычек, которые мы унаследовали от нашей животной эволюции».

Можно использовать разные методы такого «отучения», высвобождающие внутренние резервы нашей психики, умножающие потенциал всех других ее сторон. Чтобы убедиться в этом, попробуйте мыслить в строго понятийных категориях «про себя», на основе внутренней речи. Вы без особого труда заметите сразу же возникающие провал, отвлечения, смутные пере-

живания, которые не дают этой речи выстроиться в единый ряд: вы словно отвлекаетесь от какой-то путеводной нити в пещере, ощущаете какие-то провалы, обходите их или же вновь зажигаете факел путеводной мысли. Вот простое тому доказательство мучительные поиски подлинно большого писателя его рукописи, испещренные пометками, врезками, корректурой написанного и ее корректировкой. Еще одно доказательство озарение, «неожиданно» рождающее законченную мысль, сформулированную идею либо целостный художественный образ.

Парадокс не в существовании наряду с интеллигибельным (по Канту, доступным сознанию только при помощи интеллекта) подсознательного действия, а в его константности, неизменности от века к веку. По крайней мере, нет ни одного строгого, объективного доказательства того, что с момента возникновения человеческого духа наметился какой-либо прогресс как в самой сфере этой нашей деятельности, так и в деле высвобождения ее скрытых резервов. Такого прогресса попросту нет! Об обратном же свидетельствует вся палеонтология и история человеческого духа.

Действием является и функционирование наших «просветленных» чувств, которые воспринимаются нами как своеобразные отличия от всего живого на нашей планете, как дар Божий: радости, любви, негодования, ненависти, симпатии или антипатии и т.д. Правда, данные и личного «самонаблюдения» в процессе общения с животными, и выводы самых серьезных ученых-специалистов по этологии заставляют поставить под некоторое сомнение эту нашу исключительность. Особенно в последнее время, когда невзгоды современного бытия обрушиваются на самых слабых и незащищенных - стариков и детей, преодолевающих свою драму в сумбурном мире, жестоком и атомизированном, в подлинно духовном общении с животными, которым, оказывается, не чужда радость от встречи с хозяином, симпатия и антипатия к другим людям и т.п. Но выводы зообиологии и зоопсихологии об отсутствии жесткой грани, разделяющей нас, якобы «царей зверей», от всего безгранично богатого животного царства, не отменяют самого факта существования этих «просветленных» чувств, которые (в отличие от элементарных чувств жажды, холода, голода, боли, страха) обычно называют эмоциями. Называют, на мой взгляд, не очень удачно, ибо эмоция и чувство во многих языках обозначается одним термином. Скорее следовало бы говорить о человеческих страстях, действенная природа которых самоочевидна.

О роли страстей в процессе самосознания и сознания написано безграничное количество трактатов. Им уделяет специфическое внимание любая религия, ориентированная в первую очередь на страсти человеческие, на самоконтроль и контроль в этой сфере. Все искусство также вращается вокруг этой оси человеческой галактики. Доказывать подобные факты было бы вполне тривиальным и бесплодным занятием. Но вот что действительно проблематично: а сам этот мир галактики человеческих страстей развивается ли по восходящей линии, от первичного нерасчлененного состояния к изыскам человеческого духа, к его провидимому всеми пророками совершенству? Подвержен ли он закону прогресса? Увы, вывод здесь вполне однозначен: не развивается. Любовная страсть юноши в Древнем Китае выражается, естественно, в иных формах, чем подобное будоражащее душу состояние, захватившее Ромео. Неукротимые порывы честолюбия Александра

Македонского по своему проявлению разнятся от аналогичной страсти, ставшей демоном Юлия Цезаря, Наполеона, Гитлера. Угнетающая весь мир человеческих страстей жадность, ставшей доминантой поведения Шейлока или Гобсека, вполне инвариантна. Внешнее разнообразие социальных, групповых и индивидуальных выражений этого бича человеческой природы отнюдь не доказывает, что исторически она «развивается», переходит от низшего состояния к высшему, на новую ступень эмоционального прогресса. Напротив, очевидным становится отсутствие такого прогресса как в данном случае, так и во всем мире человеческих страстей, обреченных на движение по дурной бесконечности замкнутого круга.

Казалось бы, что такая составляющая духовной деятельности, как функционирование человеческого интеллекта или рациональная деятельность может быть однозначно и бескомпромиссно отнесена к творчеству. В самом деле, кто может подвергнуть сомнению продуктивную силу ума человека, который служит могучим импульсом предметной, трудовой деятельности, создает культуру как вторую природу и все ее чудеса от колеса до компьютера, от акведука до управляемой термоядерной реакции в «котлах» энергетики будущего. Здесь нет предмета ни для спора, ни для скепсиса. Но вот мысль о развитии разума в абсолютном его значении, по коренным его параметрам, вызывает у меня весьма серьезное сомнение. Дело здесь не только в том, что чем дальше развивается историческая наука, тем больше удивительных свидетельств о неожиданном могуществе интеллекта людей давным давно исчезнувших цивилизаций она нам дает. Кто бы мог предположить ранее, что Древний Египет знал тончайшие операции на черепе, вызывающие удивления и сегодня? Что культуре инков были известны сокровенные тайны, разведываемые ныне астрономией при могущественнейшей техники и удивительных приборов, определяющие жизнь Космоса? Что вполне серьезные исследователи выдвигают гипотезу о каких-то нам еще неизвестных и почти бесследно исчезнувших человеческих сообществах, которым были доступны космические полеты. Все-таки - это количественный подход к проблеме интеллекта человека и человечества, интеллектуальной деятельности человеческого духа. В качественном же отношении, по определенным признакам эта деятельность остается неизменной тысячелетиями, что однозначно доказано кольцом логики от Аристотеля до Гегеля. Оно свидетельствует, что в операционном отношении разум человеческий константен и инвариантен.

Ему, безусловно подвластна вся сфера человеческого творчества, тот сдвиг «краеугольного камня» в процессе реорганизации знаний, которые всесторонне изучил Гастон Башляр, автор известного труда «Новый рационализм». Кстати, он весьма изящно определяет этот «сдвиг»: « У всех у нас в памяти пример Эйнштейна, который пошел на это, на подобный сдвиг фундаментального понятия, заявив нам: «Одновременность? А что это такое? Вы принимаете это за естественное понятие? Какая ошибка! Его нужно определить». Как? Нужно определить одновременность? Да! И мы знаем, к каким представлениям это привело, когда одновременность убрали из оснований пространства и времени. И это сделал рационалист. Перед нами гений-рационалист. Создана громадная область новых построений...» .

Но спросите любого историка науки - и он вам скажет, что подобные сдвиги, в силу масштабности последствий их для содержания научного знания каждый раз воспринимаемые как уникальные и неповторимые, уже один раз были в прошлом. Будут они и в будущем. Вспомним хотя бы Николая Коперника, открытие гелиоцентрической системы, которое Гете назвал «величайшим, самым выдающимся, наиболее плодотворным открытием, которое когда-либо делал человек, открытием более важным, чем вся библия». А сколько таких «сдвигов» в прошлом человеческой мысли, мы попросту не знаем в силу ограниченности своей культуры, ее самолюбования! Налицо закономерность «реорганизации знаний», но отнюдь не прогресс деятельности интеллекта.

Переживания мотивируют не только внутреннюю, духовную деятельность человека, но все его поведенческие акты. Думается, что структуру этих актов наиболее убедительно выявил несправедливо забытый (и переписываемый нашими авторами-популяризаторами) Т.Рибо. Выделяя деятельность воли, он дифференцирует три ее стадии: «... к низшей надо отнести автоматические действия, простые и сложные рефлексy, привычки; к средней действия вызываемые чувствами, душевными волнениями (эмоциями) и страстями; к высшей обдуманное действия (порождаемые деятельностью рассудка)».

Поведенческие акты человека предопределяются всеми этими стадиями, порою, в весьма сложном для логического анализа их взаимном переплетении. То, что мы в историческом переплетении оцениваем как результат обдуманных действий какого-либо великого человека, оказывается иногда порождением консервативности его привычек либо физического состояния болезни, возбуждения, немощи.

Действия, которые предстают в красочном изложении схематизирующих историков как продуманные, целесообразные, демонстрирующие силу человеческого разума, на поверку нередко оказываются итогом непосредственного влияния «средней стадии» воли: чувств, эмоций (которые Т.Рибо не идентифицирует с чувствами) и страстей.

И первый, и второй варианты (не существующие, конечно, в деятельности сознающего мир человеческого духа изолированно, в чистом виде) не нуждаются в дополнительном обосновании. По сути дела, их я рассмотрел несколько ранее. Что же касается обдуманных действий, то ограниченность их сферы можно доказать любопытным обратным ходом: постараться понять, дают ли они картину воззрений действующего индивида. Пожалуй, парадоксальность такого обратного хода впервые выявил Ж.Ж.Руссо в своем знаменитом трактате «Способствовало ли развитие наук и искусств очищению нравов». Он писал «Если можно было бы выводить из поступков людей доказательства их воззрений, пришлось бы сказать, что любовь изгнана из всех сердец и что не осталось ни одного христианина на земле. Пусть мне покажут людей, поступающих всегда в соответствии со своими принципами, и признаю ошибочность своих. Такова судьба человека: разум указывает нам цель, а страсти уводят нас от нее».

Все эти три варианта воздействия на поведенческие акты - универсальная закономерность сознающего мир человеческого духа. Вот почему сколь бы не разнились формы человеческого поведения, как бы не диффе-

ренцировались они от века к веку, по содержанию они неизменны, ибо не дают никакого реального прогресса всей сферы человеческой деятельности. Конечно, она изменяется: труд на нынешнем промышленном предприятии отнюдь не тот, каким он был для первобытного умельца, изготавливающего изначальные орудия предметной деятельности для своего выживания; нравственность как система норм, правил, традиций общения человека с человеком изменяется от эпохи да притом столь парадоксально и драматично, что «достойное» поведение в одних условиях оказывается «недостойным» в других; художественное творчество шумеров кажется нам наивным и схематичным по сравнению с искусством нынешним, развернутым в многообразии жанров и видов, базирующимся на сложной технической основе, влияющим сразу же на сотни миллионов людей.

Но ведь изменение поведенческих актов это еще не прогресс. Ужасы, обрушившиеся на человека XX века, его деградация во всех отношениях поставила под сомнение восторг представителей Просвещения перед всемогуществом человеческого разума, веру Гегеля, усмотревшего в прогрессе духа диалектическую основу прогресса всего мирового порядка, убеждение теоретического марксизма в призывании социального человека к прогрессивному развитию от формации к формации благодаря могуществу производительных сил. Более того именно XX век возродил в новом теоретическом обличье всевозможные эсхатологические идеи древности - от мысли о трагическом и неизбежном одиночестве каждого индивида до убеждения в неотвратимости гибели всего человечества. Правда, здесь оставляют немало лазеек перед апокалиптическим ужасом: и надежду в высший разум инопланетян, и на возможность выживания в драматической ситуации конца века лучших и избранных для продолжения рода человеческого в иной цивилизации, и на «исход» человечества с Земли на другие планеты, и на вечность сознающего себя духа, на его бессмертие в иных, надприродных формах.

Анализ стимулов возникновения, развития и неизбежного исчезновения человечества как рода предстает в ином свете, если его рассматривать с позиций тех стимулов, которые определены мною как триада «потребность переживание действие». И вот что прелюбопытно: проведенный анализ подкрепляется не только всем богатством «нового прошлого» мифов, легенд и утопий, но и их бытовым истолкованием в любую эпоху, в том числе и в наши дни. Это бытовое истолкование перевод мифа, легенды, утопии в мир масок, сказок и игровых действий. Все они выражают движение сознающего себя духа на уровне индивида, ошеломленного задачей ответить практически на вопрос вопросов: быть или не быть.

Уклониться от ответа на этот вопрос никому не дано завтра неизбежно. Естественное, хочется уверовать, что ты завтра будешь сильнее (вывод нового рационализма: «Человек это существо, превосходящее само себя и мир», как выразил в форме афоризма эту сомнительную аксиому М.Шелер), что это завтра все-таки будет и в нем истоки надежды. Даже тогда, когда завтра это иной мир, где будут пребывать наши души.

Сознающий себя на уровне бытового стереотипа дух никогда не бывает столь примитивным, чтобы не понимать драматической борьбы добра со злом, веселья и радости с горем и отчаянием, счастья с несчастьем, прекрасного с безобразным, мужества со страхом. Именно он повторяет мифы,

легенды и утопии достижения высшей духовной культуры на своем уровне, преломляя этот процесс осмысления мира своеобразным переосмыслением непонятной, пугающей реальности, каждый раз преподносящей человеку все новые загадки и неожиданности. А повторяя, не примитивизирует. Напротив, здесь-то и выявляется человеческая мудрость, ее всеохватность, которая недоступна всей мощи теоретического сознания. Так давайте попытаемся вместе подумать, к каким выводам о мире приходят народы, творящие маски, сказки и игровые действия (а точнее, действия). Полагаю, что только эти выводы позволят получить непредвзятый ответ на вопрос о сущности современной философии человеческого бытия во всем ее драматизме.

Миф для нас не реальность повседневного бытия. Он загнан историей в подсознание, но актуализируется в маске, символе одушевления всей природы через отчужденный от нее образ. Вдумайтесь, почему в бесконечном разнообразии масок всех времен и народов нет маски копии живого существа. Да ведь она сразу же теряет свое символизирующее начало и становится образом застывшего нечто, обездуховленным подобием трупа. В этом отношении посмертная маска мало чем отличается от маски в музее восковых фигур, лишенной выразительного смысла.

Маска, выявляющая наше мифологическое подсознание, скрытые в нем раздумья миллиардов о бытии, всегда надчеловечна. Отсюда те поразительные деформации, которые типичны для ее внешнего решения. Темные страшные силы, правящие миром, воплощены в масках застывшего ужаса: их предназначение не пугать воображение других людей и не отводить от себя напасти, но напомнить им о бренности бытия, царстве мрака, который живет в нас, рядом с нами, управляет всем нашим движением в будущее.

Фобос эффект, достигаемый такими масками, аналогичен воздействию мифа, всегда включающего в свою структуру повествование о зле, о темных, неведомых, дьявольских силах, чьи козни на жизненном пути человека есть закономерность бытия духа во вселенной. Материализованный в облик, в личину, он дает бытовому сознанию надежду на свою способность противостоять злу (имитативная магия, породившая Аримана, Азazelа, Дьявола, оказывается в твоих руках, ты владеешь ею, создавая ее подобие), более того.- самому стать владыкой темных сил, сосуществуя повседневно в обычной среде или же в периоде ритуальных празднеств (контагиозная магия).

Если предпринять даже робкую попытку охарактеризовать все маски данного типа в культуре разных эпох и народов, то пришлось бы писать многотомный (бесспорно, крайне увлекательный и поучительный) труд. Меня же сейчас интересует лишь то, что безотносительно к характеру деформации масок зла, будь то искаженные и пугающие человеческие лица, либо звериные морды со страшным оскалом, либо порожденные воображением на основе агглютинации неведомые страшилища, безотносительно к эпохе, породившей их, у современного человека отношение к ним крайне противоречивое. Поскольку он до сих пор пребывает (безотносительно к уровню исторического развития) во власти неистребимого магического мышления, реальность символов зла для него абсолютна. Ведь не случайно у самых образованных с нашей точки зрения есть и амулеты, и домашние маски, инте-

рес к которым может стыдливо прикрываться либо данью моде, либо увлечением культурой других народов; так, уже многие десятилетия маски африканских народов, равно как маски китайские, японские, индийские, прочно вошли в наш быт. В тайниках же души подобных коллекционеров таится самая наивная вера в магический характер мифологических по содержанию масок. А стало быть, мечта сопричаститься с заложенной в них силой.

С другой стороны, наше, современное сознание делает удивительный и хитроумный кульбит, демонстрируя свое всемогущество перед образами тьмы, в которую каждый из нас очень скоро будет погружен. Это попытка отодвинуть неизбежное и продемонстрировать робкому индивидуальному духу, бессильному перед неизбежностью, его могущество и бессмертие. Здесь, как говорится, дает о себе знать магия наоборот, в конце концов не отличающаяся по существу от камланий шамана. Другой тип деформации образов, характерный для мифологического сознания во все периоды человеческой истории, - реализация в масках гаудиум-эффекта, основанного на вере в заразительность добра, света, радости, символизируемых ими. Для человека естественна более прочная вера в надежность Бахуса, чем в неизбежность Аида. Он прячется от мира скорбей, смерти и тьмы под светлые маски Ормузда, Вакха, Ангелов. Он, словно увядающая красавица у косметолога на пластической операции, преисполнен зыбкой веры в возможность остановить мгновение, приостановить неодолимое будущее.

Так появился на свет божий еще один загадочный мир, не менее разнообразный чем мир фобос-эффекта и неповторимый как все радости и светлые надежды людей. Не знание, но именно эта надежда побуждает создавать и самые веселые карнавальные маски, и тиражировать миллионами экземпляров маски света, пришедшие к нам из глубины веков, применяя их к своему мироощущению. Нефертити абсолютно неведома для большинства обладателей ее масок копий; зато всеми ими сопереживается сопричастность к вечной жизни и нетленной красоте, основанная на скрытой в глубинах подсознания веры в «порождение подобного подобным». Аналогичный подход характерен и для подхода современного человека к другим маскам, вошедшим в быт двадцатого века из прошлого, но ставящим ту же вечную проблему драматизма бытия, его ограниченности, незащищенности и уязвимости в загадочном и молчаливом Космосе.

Не буду продолжать классификацию типов масок, символизирующих для нас на бытовом уровне этот драматизм. Не буду объяснять и варианты масок, допускающих переосмысление образов (так, дракон у одних народов воплощение зловещих сил, у других единение человека с природой в мире праздника и радости). Отмечу лишь, что маска вопрос, обращенный в будущее и остающийся без ответа, как глас вопиющего в пустыне.

Перевод легенды как продукта сознающего себя духа (безотносительно к ее типологии, охарактеризованной мною в первой главе книги) на уровень бытового сознания порождает чудесный, сопровождающий каждого землянина с первых дней его жизни и до могилы мир сказок. Естественно, что они специфичны и для той среды, которая их породила, и для того народа, дух которого вызвал их на свет, и для той эпохи, которая запечатлелась в них. Все эти аспекты сказок как проявления бытового сознания изучены в науке глубоко и многопланово. Меня же интересует сказка несколько в ином плане.

Она, словно ожившая в противоборстве страстей человеческих маска, всегда, безотносительно к содержанию, жанру, национальному колориту трактует ту же тревожащую человеческий дух загадку бытия и его перспектив. Но, в отличие от маски, ее характеризует поливариантность решения этой загадки. В ней нет ни однопланового фобос-эффекта, ни столь же однопланового гaudiум-эффекта, ибо динамика сказочных образов позволяет добиться их сочетания. Так, в сказке возникает идея возмездия за зло, которое потерпел человек. Помните, как писала М.Евгеньева: «Нельзя издеваться над беззащитными людьми. Иногда слабый может сделаться сильным и жестоко отомстить»¹²³. Мечта об этом доминанта сказочного сознания, его ответ на загадку бытия. И есть она у всех народов. Не буду приводить примеры родной нам сказочной стихии. Приведу лишь их аналоги. Вот, например, персидская сказка «Говорящий тростник». Как всегда, ее зачин торжество зла: «Было так или не было кроме бога никого не было. Жил был падишах, и было у него три дочери. И вот как-то дочери попросились у отца к тетке погостить. Отец разрешил, и девушки нарядились в новые платья, навели красоту и пустились в путь.

Дорога вела через пустыню. Шли они, шли и пришли к реке. Как ни старались сестры перейти ее вброд, нечего не выходило. Тут видят они, что подходит к ним негр черный-пречерный безобразный арап. Спрашивает он их:

- Хотите переправиться на тот берег?
- Да, - ответили девушки разом.
- Я вас переправлю, - продолжал негр, - но с уговором, каждая из вас поцелует меня.

Старшая и средняя сестры подумали: «Здесь нет никого, кто мог бы увидеть это и разгласить. Поцелуем его, зато переправимся на тот берег». Поцеловали они негра и оказались на противоположном берегу.

Но младшая сестра не согласилась. Она сняла чулки, вошла в воду и перешла реку. Там она сказала сестрам:

- Я расскажу отцу, как вы целовали негра!

Растерялись сестры, подумали: «Спаси Аллах, а что если расскажет? Плохо тогда будет!» И сговорились убить ее. Как только негр ушел, схватили они сестру за ноги и за руки, отрубили ей голову, оттащили к реке и сбросили вниз».

Как видите, в зачине сказки ничего необычного для той природы человека, которая дает основание утверждать, что духовное развитие искоренило его. Так было (вспомните аналогичные, хорошо вам знакомые сказки самых разных эпох, вплоть до аналогичных мотивов в творениях А.Пушкина, братьев Гримм, С.Аксакова, приобретших фольклорный смысл), так есть и поныне: об этом свидетельствует весь современный опыт неуютного человеческого общежития, где брат восстает на брата, дети предают родителей, сестры становятся злейшими соперницами, где «рвется связь времен».

Но сказка потому и сказка, что она не признает этой логики под воздействием ошеломленного безграничностью зла человеческого духа. В ней всегда, подчеркиваю, всегда добро побеждает зло. Так и в нашей сказке: из капли девичьей крови вырос тростник, срезанный на говорящую языком девушки дудку; тростник в конце концов попадает в руки отца, но уничтожается

перепуганными сестрами; из обломков свирели вырастает арбуз, из которого на радость отца появляется живая дочь: еще немного, и тайна раскрывается.

«Вернулся шах во дворец в гневе и немедленно потребовал старших дочерей. Но что он им ни говорил они начисто отрицали, клялись венцом и тронем отца, что все это чистейшая ложь. Тогда по приказу шаха привели двух норовистых мулов, привязали к их хвостам косы старших дочерей и пустили мулов в степь.

Затем выдал шах младшую дочь за нареченного. Город разукрасили и семь дней и семь ночей жгли огни. И молодые зажили счастливой жизнью. Они остались там, а мы пришли сюда».

«Легендный подход» завершен. Сказка (и опять-таки всегда) выводит нас в финале в «этот» мир скорбей, неудовлетворенных потребностей, неумных страстей и полного отсутствия какой-либо равнодействующей человеческого счастья, ибо подавляющее большинство человечества попросту его не ведает, а избранных счастливчиков страшит преходящее значение всего сущего. Ведь не случайно многие тонкие натуры, сибариты и баловни судьбы, не выдерживают «испытания радостью» и предпочитают добровольный, алогичный с точки зрения примитивного сознания «уход».

Правда, другой философской струей в сказочной стихии является опять-таки легендарная струя, преисполненная веры в чудесные метаморфозы (такие, как в легендах об Одиссее, о Золотом осле и многих других), а в итоге в возможность уйти от рока, меняя свои ипостаси. Кстати, здесь отчетливо прослеживаются и влияния мифологического сознания, выражающего в одухотворении сказочным повествованием тотемов; с другой стороны, такие сказки начинают свой путь в период господства мифологического сознания, объясняя происхождение Вселенной, людей, животных, жизни и смерти. В одном случае избежать велений судьбы героям сказки удастся при встрече трикстеров -обманщиков и чудодеев, способных на удивительные перевоплощения (убил одного врага перед ним уже войско, снес голову огнедышащему дракону на ее месте вырастает три, погнался за зверем тот превращается в птицу, камень, муравья или же в тростник).

В другом сам герой опять-таки при помощи внешних, добрых сил становится способным менять свой облик, избегая зла, ненависти и даже самой смерти. Именно подобные превращения происходят с ним во всех общеизвестных волшебных сказках. Но ведь хитринка этих сказок в том, что даже малыши, восторгающиеся ими повседневно, наделены своеобразным эффектом отстранения в процессе переживания чудесного материала, отстранения, порожденного их не таким уж маленьким опытом (вспомним, что в механизме передачи всего богатства сознающего мир духа от поколения к поколению до сих пор есть немало темного и невыясненного).

В двойственном, скептическом отношении к сказке как проявлению бытового сознания скрыт весьма любопытный и сокровенный смысл признание ограниченности человеческого бытия, констатация его преходящего характера. А коли так, то о лидерстве в эволюции нам и мечтать не приходится: вырвавшиеся из жизненного ряда, мы драматически привязаны к нему, меняясь, не можем переориентировать сам этот ряд к вершинам бессмертия и абсолютного совершенства.

Правда, третий глубинный слой сознающего мир человеческого духа словно бы должен скорректировать подобный вывод, ибо утопия потому и утопия, что она рисует возможное идеальное совершенство человека и социума. На бытовом уровне она реализуется в играх человека, в сложнейшем и созданном им самим иллюзорном мире, двойнике мира реального. В последнем мы существуем, не ведая всех его тайн. Первый же, игровой, конструируем подобно творцу, создавая и себя, и весь социум соответственно своим утопическим воззрениям.

«Познай самого себя!» - как это удивительно просто и поразительно невозможно. А вот сделать себя, сыграть роль сообразно меняющейся ситуации - во власти человека. И он непрерывно играет с ребенком во всеведущее и всеильное существо, в общении с подчиненным и слабым в мудрого и властного руководителя, с любимым так и светится обаянием, очарованием, с врагом так и пышет яростью, ужасающей мощью, неведомой угрозой. Так ежесекундно, словно в театре, мы все играем, переходя от роли к роли, воплощаясь в тот или иной образ. Но выбей нас судьба из привычной колеи, сбрось с вершин благополучия в бездну нищеты и неизвестности, подними из ничтожества на Олимп блаженства и довольства, мы, словно неуловимый Протей, лишь меняем игру сообразно необходимым приспособленческим реакциям, не выходя из этого состояния никогда. Лидеры эволюции? Да, но в сфере иллюзорных, утопических общений, зыбких и неустойчивых и до уныния одноплановых от века к веку.

Словно памятуя об ограниченности игровой иллюзии, человек создал еще одну, непередаваемо разнообразную область иллюзорного бытия, по масштабам распространенности и влияния вполне сопоставимую с религией. Это мир искусства, мир призрачный, но ставший для нас и призмой восприятия мира реального, и надеждой на возможность человеческого прогресса.

Искусство как иллюзорная деятельность, выражающая безграничную гамму человеческих переживаний, обладает эффектом резонанса, воздействуя на все эти переживания. Именно поэтому оно полифункционально. В литературе дается удивительное по разбросу вариативное определение его функций. Здесь и познавательная функция, и гедонистическая функция, и эвристическая функция и т.д. Примечательно, наверное, то, что все авторы подобного рода определений в чем-то правы: как безграничны все взаимосвязи человека с социумом и миром, так безграничны и функции искусства.

Но логика моих рассуждений предполагает не пересчет этих функций или их систематизирование. Наверное, искусство как игровая деятельность подобна маске и сказке, необходимо человеку как иллюзорный выход из бесперспективного драматизма жизни. Оно создает ощущение константности преходящего бытия человека как особого, одаренного даром творчества существа. Именно об этом трагически взывает к одинокому путнику трогательная эпитафия на заброшенном надгробии. Об этом же повествует нам и величественный, веками сооружавшийся собор-скелет исчезнувших с лица Земли его создателей. Аналогичен и «нерукотворный памятник», который стремится оставить в этом мире каждый поэт, уверенный, что его голос обязательно дойдет до «племени младого, незнакомого». Так мы все говорим, не задумываясь: все преходяще, лишь одна музыка бессмертна.

Но ведь это иллюзия, отражающая бесперспективность утопического мышления на бытовом уровне. Прежде всего потому, что потомки так переосмысливают, приспособливают к своим нуждам художественные ценности прошлого, что они по сути дела теряют значение коммуникации между поколениями и выявляют свое значение лишь в связи с новым миром потребностей новых цивилизаций. Более того, оказывается, что время всевластно и над прекрасным, сметая его, превращая в прах точно так же, как ветер уничтожает твердыни гор, перемалывая их в хрупкий песок.

Были мы, троянцы, был Илион словно говорит всему человечеству искусство, игра, приобретающая пророческий смысл.

Перевод утопии в игру бытовым сознанием особенно очевиден там, где искусство как иллюзорное игровое действие утешает нас, возвышая над самими собой, реализуя заключенный в нем изначально gloria-эффект. Оно провозглашает осанну человеку и человечеству. Монументы и возвышенные симфонии, храмы и богочеловек в них, без конца, в самых разных ипостасях, песни любви и надежды, целые телевизионные сериалы с неизменным хэппи-энд, портреты в самые разные эпохи и в самых несхожих стилевых решениях веками ведут один и тот же довольно безнадежный мотив. Если же вдруг, прозрев, покажет нам во всей красе наше несовершенство, нашу ограниченность и даже звериную суть (подобно Босху или Гойе, аналогично утрированному неприятию красоты как нормы каким-либо популярным современным исполнителем), мы охотно приемлем и эту игру, полагая, что она лишь оттеняет наше реальное совершенство, превосходство над всем иным, не человеческим бытием.

И, наконец искусство как иллюзорное действие оказывается переводом в нагляднообразный, общедоступный строй утопических идей о космическом предназначении человечества. Астральные мотивы, пронизывающее искусство с древнейших времен, и современная фантастика, приобщающая человека к иным мирам, вознесение к этим мирам человека и человеческий Маленький принц, рушник с рукотворными звездами, рукотворная же победа над чудовищными инопланетянами от века к веку служат этой навязчивой, но привлекательной идее. Святая простота! Ведь не случайно даже в игре и при соблюдении ее правил вдруг появляется как духовное прозрение о бытии и его смысле искусство, которое вслед за Манилием говорит: «Рождаясь, мы умираем». Ибо мы природно ограничены, и до космического могущества нам также далеко, как до любого из светил в его просторах. Какое уж тут «космическое предназначение»!

Впрочем, и такого рода искусство льстит нам, человеческому роду, надеждой на то, что мы вновь будем рождаться, что в конце концов если не восходящая спираль, то порочный, замкнутый круг бытия неизменен.

Увы! С моей точки зрения, этой надежды нет, и наш символ-нисходящая спираль, по которой мы скользим, виток за витком, в небытие родовое. Движения этого ни приостановить, ни замедлить нам не дано. Единственно, что мы можем сказать друг другу: «Memento mori».

Пришедшая из глубины веков, это бытовая присказка тысячелетиями была и символом веры. И не только солдат, готовящихся к ратному труду, почти всегда обрекающему их на смерть. И не только диссидентов, готовых во имя какой-либо призрачной идеи исповедовать этот символ веры. Ее зна-

чение масштабнее. От символа веры она возвышается до всеобщего принципа сознающего мир духа. От религии к теоретическим раздумьям о бытии и его смысле.

Вспомним Книгу Бытия: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, пока не вернешься в землю, из которой ты сотворен: ибо ты прах и в прах возвратишься». Отсюда идея конечности бытия, подхваченная теоретической мыслью. Отсюда и идея реальности небытия как антитезы бытия

И все же, совершая обратный ход от бытового сознания и самосознания через символ веры и далее - к иллюзии теоретического мышления, повторяющегося назойливо однообразно от века к веку, забываемого вновь воссоздаваемого как неожиданное открытие «нового» времени, человек упорно отвергает небытие родовое. Он согласен трактовать себя как слабую свечу на ветру, но уверен, что эстафета его пламени будет передана иным, идущим ему на смену поколениям. Слабое, более того, беспочвенное утешение! Оно противоречит самой изначальной идее конечности сознающего мир духа. Метаморфозы этого духа, самые прекрасные и самые чудовищные, ни на мгновение не могут отодвинуть неизбежного исчезновения этого духа как аномалии природы. Ибо речь идет не о конечности индивидуального самосознания, но о преходящем значении человеческого духа вообще, за какие бы маски, сказки, игры забвения он ни прятался.

Более того, речь идет не об этом преходящем значении человеческого существования. Суть - в тотальном ускорении его неизбежного конца.

Вывод этот, вытекающий из всех моих рассуждений, базируется на трех взаимосвязанных *основополаганиях*.

1. Небытие абсолютно, бытие случайно. Смерть во всех ее видах, формах, ипостасях, смерть мучительная и спокойномещанская, смерть порыв и смерть неодолимость ужаса перед нею всегда равна сама себе. И ее сфера абсолютна для каждого носителя «священного огня Прометея». Ее никогда и никому не избежать ни пышногрудой красавице, ни розовощекому младенцу, ни преуспевающему дельцу, ни нищему бедолаге. Взывая к Аллаху, Иисусу, Иегове, Будде, внимая камланию шамана и торжественному ритуалу буддийских монахов, продавая свою душу Вельзевулу или владыке Аида, человек ни на мгновение не может отстранить от себя ужас бытия. И не отстранить это ужас от всех созданий рук человеческих, что он гордо величает цивилизацией, культурой, второй природой. Все это абсолютно обречено на полное и безвозвратное исчезновение, на превращение в космическую пыль. Единственно разумный клич «*memento mori!*». Если дух реален, никакой другой девиз не может иметь для него абсолютного, а стало быть, и позитивного значения.

2. Небытие универсально. Человек, преисполненный гордыни, всерьез уверовавший в свою природную исключительность (а не аномальность), - вполне природное существо. Он может, конечно, на миг омолодить свою природную структуру, продлить благодаря «благам цивилизации» срок бытия (хотя, как мне кажется, сама эта идея продления бытия, не раз уже возникавшая в истории в самом разном обличье, вплоть до генетических манипуляций современности безнадежно ошибочна). Но смерть универсальна; ей подвластен и камень, и живой человек, и безбрежный океан. Все было, все пройдет, и срок здесь не имеет никакого значения. Ведь не даром же на

уровне бытового сознания говорится: лучше умереть, чем умирать. И переход в небытие не сулит никакого бегства от универсальности смерти. Ее и не надо избегать, ибо никто и никогда не спрячется от Колесницы Универсума, пожирающего равнодушно, бесстрастно и неодолимо все сущее.

3. Небытие исходный принцип сознающего бытие человеческого духа. Все философские системы, перед мудростью творцов которых мы преклоняемся с полным основанием, все символы веры, делающие нашу краткую жизнь взбаламученным морем ненависти, зависти, самомнения, амбиций, гордыни, все бытовое сознание, палитра которого почти безгранична и вместе с тем до предела однообразна и бесцветна, всё больше и активнее уступают идее мemento mori. Философские же, равно как и другие всеобщие теоретические построения умозрительного плана, неизбежно оттесняются в сферу конкретных знаний, где благополучно и растворяются вследствие своего бессилия.

Основополагания мировоззрения мemento mori неизбежно подводят к тому регулированию системы «потребность-переживание -действие», которое мы положили в основу истолкования человеческой природы. Мemento mori - не философия смерти (их мировая история знает безграничное множество, и для всех этих умопостроений свойственно лукавство тайная надежда на «выход», бессмертие, хотя бы на уровне иного света или людской памяти). Мemento mori, признавая неизбежность смерти, истолковывает ее в более широком плане как равномерно ускоренное движение сознающего мир человеческого духа, к универсальному и изначальному небытию. Более того, один из «ускорителей», согласно мemento mori, - само несовершенство человеческого духа, его антиприродность и неизбежное самопожирание. Не смерть как таковая унесла миллиарды, но людская злоба, ненависть, зависть, тщеславие, короче все активнее и интенсивнее нарастающий процесс дебилизации человечества, поразительно сочетающийся с его интеллектуализацией и технологизацией. Действия современного человека, формирующие его переживания, а в итоге продуктивные потребности, все более теряют какой-либо рациональный смысл; они напоминают метания крысы, попавшей в западню, но еще верующей в возможность избавления. Но западня захлопывается все крепче и неумолимее выхода нет; есть лишь спокойное, драматичное ничто. Бездна небытия. Неведомая бесконечность, которая едва ли повторит ошибку порождения сознающего ее духа. Ибо этот дух, чванный и претенциозный, оказался исторически импотентен.

Нам же остается (если мы еще люди) совсем немного: радоваться восходу солнца и улыбке другого человека, запаху цветка, и веселому щебету птиц. Нам остается (дабы не умножать неизбежность мучительного конца) стать добрее, отзывчивее, понимающими и боли, и радости других людей, как свои. Ибо у всех детей случайного в космосе рода человечества мemento mori оставлена лишь одна возможность дожить человеческий век по-человечески, а не в зверином обличье манкуртов. Дожить, передавая высшие ценности духа детям.

1991 г.

**Интегративная педагогика :
обретенный смысл
Социальная необходимость новой педагогики.
Содержание интегративного образования.
Система образования в свете алетеологии.
Структура интегративной педагогики.
Интеграция культуры и образования как
феномен новой цивилизации.
Высшая цель образования индивида.**

Откройте пути благословения

Откройте в детских садах, школах пути к творчеству, к великому искусству. Замените пошлость и уныние радостью и прозрением. Развивайте инстинкт творчества с малых лет ребенка. Уберегите от гримас жизни. И дайте ему счастливую, смелую жизнь, полную деятельности и достижений. Бичи жизни - пошлость, одиночество и тягость жизнью - минуют душу творящего. Откройте пути благословения.

Н. К. Рерих

Центробежные силы в обществе настолько сильны, что рушатся его главные скрепы - гармония и интеграция. Перестают действовать системы и традиции в гуманитарной сфере. Воспитание как важнейшее средство гуманизации жизни, сохранения исторической памяти, преемственности духовного опыта поколений, отодвинуто на второй план. Драматизм бытия, тайны которого пытается постигнуть проф. В.А.Разумный, очевиден.

Будет ли Завтра у нашего народа, если сегодня многие дети и подростки тяжело больны и физически, и духовно, если в их головы постоянно вдалбливается новый миф - все хорошее "за бугром", а все плохое - "в этой стране"» (только так русофобы называют Россию), если с молотка продаются детские и культурные учреждения, пустуют родильные дома...Если уже стали считаться вполне обыденными такие страшные социальные аномалии, как детская смертность, преступность, проституция, наркомания, как пропавшие дети, малолетние матери, детоторговля. . . .

Поэтому сегодня проблема состоит не столько в воспитании, сколько в спасении подрастающего поколения. Школа, как и общество, - в духовном разладе. Она значительно отстала от времени, утратила авторитет у своих питомцев и их родителей. Семья поражена или бедностью и бесправием, или криминальным, несправедливым богатством и перевернутыми ценностями.

ми... Невозможно отгородить детей от болезней общества, носителей пороков «злонепроницаемыми стенами».

Кстати, горячие учительские головы предлагают «очиститься от скверны» путем создания для всех «трудных» и аморальных малолетних правонарушителей спецшкол, специнтернатов и т. п. То есть что-то вроде «педгулага». А очистить действительно надо, и в первую очередь наш *modus vivendi*.

Однажды на Арбате у меня состоялся острый диалог с подростками 14 - 15 лет. Слушать их, обильно нашпигованных бравадой и скепсисом, было интересно и больно.

- Почему « тусуемся »? Это вам, взрослым, кажется, что все мы здесь, меченые железными цепями, крестами, заграничными нашлепками на штанах, конченные людишки... Нам интересно друг с другом, а собраться негде. Вот и приходим сюда, на Арбат.

- Все борются, выясняют отношения, спорят о том, кто «правее», кто «левее», а до нас никому дела нет. С кем собираются власти строить будущее?

- Пьяницы и преступники рождаются от безделья. Дайте нам работу, возможность самим зарабатывать. Будет меньше колонистов.

Размышляя над тем, что услышал от нынешних «детей Арбата», мне пришла на ум мысль А. С. Макаренко о необходимости относиться к человеку с оптимистической гипотезой. Чему мы до сих пор не научились. Кстати, наша педагогика долгое время считала подростка только воспитанником, а не человеком.

Нет, не « конченные людишки », не шариковы встретились мне. Нормальные, мыслящие, острые, но, так сказать, «пограничные люди». Они не расстались еще с романтическим миром детства, миром грез и мечтаний, с наивными суждениями и в то же время заблудились где-то на пути к « взрослому » мировоззрению, к Правде, к Истине. И именно государство и общество обязаны помочь молодым не остановиться на терниях этого пути, на опасной границе между детством и взрослостью.

Судьба распорядилась так, что в пятидесятые годы мне пришлось пройти в областном центре всю наробразовскую вертикаль: учитель - завуч - директор школы - заведующий районным отделом народного образования - заведующий городским отделом народного образования. И на каждой ступени этой педагогической лестницы убеждаться в том, что эффективная образовательная система возможна только при объединении усилий государства и общества, школы и семьи, в обретении учащимися системы знаний и этических норм. К сожалению и тогда подобное органичное объединение отсутствовало, да и сегодня его нет.

Во многих случаях у нас отсутствует педагогический союз между школой и семьей. Но как преодолеть «великодержавное» отношение учителей к родителям, в равной степени ответственных за воспитание детей? Помню, как учительница выговаривала матери отстающего ученика : «Ему уроки учить надо, а он больше на скрипочке пиликает». Когда же мать попыталась возразить, что Алеша уже Чайковского «пиликал» в симфоническом оркестре, учительница убежденно отрезала : «Подумаешь, музыкант нашелся... Из троечника композитор не получится!».

Исследования показывают, что дети и подростки, занимающиеся в музыкальных и художественных школах, в студиях при Домах культуры в эмоциональном и нравственном отношении стоят гораздо выше, чем те, кто только «на отлично» грызет основы наук.

Конечно, воспитание и развитие интеллекта - главнейшее звено в становлении личности. Однако нынешняя дидактическая система мало соответствует этой цели, ибо построена так, что ученики являются пассивными потребителями, а не открывателями знаний. Учителя преподносят их, как говорится, «на блюдечке с голубой каемочкой», а родители ревниво следят лишь за отметками своих чад.

Весьма актуален тезис : учить не мыслям, а мыслить. А это значит - научить самостоятельно открывать известные истины, сомневаться в «абсолюте» того или иного знания и развитии способности альтернативно мыслить. Это И. Канту принадлежит мысль о том, что сомнения есть путь к истине.

Подлинный драматизм нашего бытия - в эмоциональной бедности значительной, если не сказать - большей части нашей молодежи, в ее искусственной изолированности от подлинной духовности народа. Это же аксиома: несметные богатства художественной культуры, в арсенале которой бесчисленные шедевры музыки, изобразительного искусства, театра, архитектуры литературы, всего мира художественно - творческих проявлений человека всегда были и остаются могучим средством формирования гуманистических основ личности, гармонизации познания и чувствования, творчества и постижения завоевании коллективной памяти.

Казалось бы, что государственные и общественные институты в условиях тяжелого, хронического, нравственного нездоровья общества откроют «зеленую улицу» именно шедеврам, классике. А восторжествовала - попса. Дети по существу отлучены в школе от великих шедевров мировой литературы и всего космического по масштабам мира великого искусства. Здесь не надо специальных исследований и доказательств - не поленитесь, ознакомьтесь с учебниками и программами, способствующими интеллектуальному обыдливанию и эмоциональной дебилизации наших детей.

Положение усугубляется и тем, что культурой нередко «управляют» люди, весьма далекие от нее. Один свободный художник рассказал мне о любопытном факте общения с сановным чиновником, « ведающим » вопросами образования и культуры. Художник предложил администрации города сценарий, посвященный 960-летию со дня кончины великого мыслителя Ибн Сины - Авиценны. Высказав отрицательное отношение к сценарию, чиновник аргументировал его тем, что наши люди не знают, "кто такая Авиценна..."

Невежество во всем его многообразии - не просто провал в интеллектуальной сфере или незнание этикета. Оно - социальный тип поведения, особенно опасный потому что «глупый человек - это надолго» (Вольтер/. Очевидно, что успех возрождения единой трудовой общеобразовательной школы, равно как и создание Интегративных центров образования, за которые многие годы ратует проф. В. А. Разумный, будет зависеть от нашей общенародной политической воли, реального объединения усилий школы, семьи, общественности, учреждений культуры в деле воспитания молодежи на основе органичного единства Знаний, Эмоций и Веры.

Разделяю я и социальный оптимизм автора предлагаемой вниманию читателя весьма критичной по содержанию книги. Ибо в основе по генетической наследственности дети России - добры и прекрасны. Еще одна встреча в старинном Воронцовском парке Москвы поразила меня не только своей чудодейственностью, но и скрытым знаковым смыслом для педагогики. В интимном уголке парка, на естественной стежке, стояла девушка с приемником на груди, из которого лилась лирическая музыка, и подкармливала синичек. Их было на редкость много: одни на ее ладошке лакомились пшеничкой, другие садились на голову. Словно нравилась им русая коса дивчины, а около десятка птах играло на кустах орешника, под ветвями которого происходила эта необычная птичья трапеза.

Спросил, чем вызван такой массовый сбор пичуг, такая близость и доверчивость к человеку. Ответ показался мне на грани фантастики: «Они знают меня, и я их знаю. Прихожу сюда, и они уже ждут. Понимают и ценят мою доброту. Умеют благодарить. Когда крупа кончается, то многие из них садятся на ладонь, и острыми клювикам целуют руку. Но еда для них не главное. Однажды забыла приемник - и завтрак не получился. Музыку любят только мелодичную. От какофонии разлетаются. Вот посмотрите, что сейчас произойдет».

Девушка заменила кассету, и как только зазвучала тяжелая роковая музыка, синички улетели. Все до одной. Мы были единомышленны в оценке поведения - нарушилась гармония. По сути, та же гармония мироздания, без постижения и защиты которой, в том числе и на уровне педагогики, нам никогда не постичь и не преодолеть драматизм бытия.

Евстафий Антипин, публицист.

1. Социальная необходимость новой педагогики

Зуд реформаторства - едва ли не самая характерная наша национальная черта, причудливо проявляющаяся на всех извивах истории, безотносительно к своеобразием - политическому, экономическому, духовному разных периодов жизни русского народа. От столоначальника до градоначальника, от восторжествовавшего удельного князя до каждого нового владыки - будь то царь, император, вождь, президент отчетливо прослеживается нарастающее стремление к "радикальным преобразованиям" независимо от того, как соотносятся они с реальной необходимостью прогресса. Психологическую подоплеку реформаторского зуда наших власть предержащих и ее унылое единообразие навсегда блистательно припечатал в "Истории одного города" М.Е.Салтыков - Щедрин. Здесь, как говорится, ни прибавить, ни убавить к истории вопроса. И все же, если реформаторская лихоманка затрагивает живые интересы современников, к ней следует присмотреться повнимательней, задуматься как об ее причинах, так и о провидимых последствиях, дабы не прослыть безнадежным консерватором. Ведь не исключено, что за карикатурой может скрываться нормальный облик, за благоглупостями - необходимость кардинального решения накопившихся проблем. Решала же такие реальные, живым процессом истории predetermined проблемы образования Россия в течение прошлого столетия, да и в начале нынешнего, и притом столь блистательно, что ее опыт приобрел мировое значение,

что, кстати, весьма фундаментально обосновано в книге проф. Б. К. Тебиева "На рубеже веков".

Трагический XX век военных и социальных катаклизмов оказался для России и эпохой непрерывного, я бы сказал - неумного реформаторства, полем алогичного соревнования "допотопных", "старых" и "молодых" реформаторов, на деятельность которых у народа российского выработался в конце концов скептический иммунитет. Почесав по обычаю в затылке и махнув в сердцах на все происходящее рукой, русский люд зажил по законам выживания, презрев все скороспелые плоды законотворчества. Не по моим зубам описать весь этот разброд народа и власти в самых его типических, существенных чертах - здесь нужен гений сатирика. Есть лишь одна, частная область, где мне, равно как и миллионам моим соотечественников безотносительно к возрасту и профессии, есть что сказать. Это - обучение и воспитание, то есть образование подрастающего поколения в соответствии с накопленными традициями и опытом и новыми, невиданными ранее требованиями к качеству человеческого материала в процессе перехода к информационной цивилизации.

Понимая, что нельзя отстать от прогресса, чиновники от науки и ученые чиновники развернули ныне такой непрекращающийся всероссийский шабаш "реформирования", что даже выдавший виды учитель застыл в недоумении. Словно смерчи в пустыне, идут на него одна реформа за другой с частотой пульсации, соответствующей лихорадочной смене властных структур в центре и на местах. Как меха баяна, сужается и растягивается набор "обязательных" и "базовых" предметов без какой-либо даже робкой попытки научного обоснования их необходимости для ребенка. "Единая" общеобразовательная школа вдруг, словно по мановению ока, модифицируется в "гимназии", "колледжи", "лицеи", при ближайшем рассмотрении оказывающимися лишь вариантами той же школы как общеобразовательного учреждения, уходящей в прошлое эпохи Просвещения. Адаптация школы в "рыночную экономику", также переросшую в России в систему абсурда, в подобие кентавра, синтезирующего начала социалистического хозяйствования с прямым мародерством под предлогом накопления первоначального капитала и самоуправления "региональных владык", обернулась вымогательством денег под новыми вывесками за ту же подготовку ребенка, обязательным для кошелька родителей репетиторством, о котором все знают, но все молчат. А чтобы никто не успокаивался и понимал, что акула фантастически разросшегося чиновничества не дремлет и тем более - не помышляет упустить реальную власть в сфере образования (хотя лично я на основе полувекового опыта обоснованно сомневаюсь в необходимости самого этого чиновничества и в центре, и на местах как главного источника и первопричины иллюзорной деятельности). Вконец замордованному учительству сулят реформу критериев образования, утверждение на государственном уровне "стандартов образованности", куда там, аж новой « доктрины образования ».

Не буду сейчас оспаривать идею "стандартов" (некоторые соображения на этот счет изложу далее). Уверен, любому здравомыслящему человеку, сколь - либо знакомому с основами педагогики очевидно, что индивидуальность ребенка и стандарт - вещи несовместимые, что прелесть каждого из нас - в нестандартности, что достижение "стандартов" совместными усилия-

ми семьи, ребенка и общеобразовательного учреждения ни в коей мере не гарантирует жизненного успеха и максимальной самореализации ученика. Прекрасно понимаю мотивы очередных педагогических реформаторов, спешащих доложить начальству о разработке "стандартов" по всем учебным предметам. Но понимаю и то, чем обернется для сотен тысяч учителей, работающих не за страх, а за совесть, система стандартов - новыми, еще более жесткими, чем ранее, проверками и инспекциями образовательных учреждений, в конечном счете, столь обыденным для нас явлением, как чиновничий произвол и непомерные поборы, а точнее - взятки. Уровень же общей образованности не продвинется ни на йоту и уж тем более окажется недостижимым идеалом новое, **реально назревшее изменение содержания образования, его системы и структуры в соответствии с исторической ситуацией**.

Не приближают нас к решению глобальных по значению задач скоординированности образования, новых реалий информационной цивилизации и динамики человеческого материала появившиеся в печати многочисленные концепции реформирования системы образования, зачастую отличающиеся друг от друга лишь властным авторитетом поименованных разработчиков, исчезающих с исторической сцены один за другим, словно в театре теней. Их приметная черта (или беда в том, что безотносительно к терминологии, тяготению к экономике либо к методологии, реальное содержание высокопарных фраз не выходит за границы "Закона Российской Федерации об образовании". Как законопослушный гражданин, не буду спорить с Законом, но лишь постараюсь показать те логические нелепицы, методологический абсурд и теоретические тупики, которые им порождены и которые позволяют рассматривать его как отработанный пар, как констатацию прошлых достижений и ошибок в новой обертке.

На мой взгляд, наиболее конструктивный путь лежит на стыке времен и позволяет синтезировать бесценные педагогические завоевания прошлых цивилизаций, отнюдь не утратившие практической значимости и поныне, педагогические открытия учителей-практиков, стремящихся модернизировать изживший себя институт школы, а также результаты активной мозговой атаки перспективно мыслящих ученых, осознавших необходимость радикальных перемен во всей сфере образования человека новой цивилизации. Подобный синтез возможен лишь при четком понятийном аппарате, не допускающем вольного обращения ни с общими, ни с частными, операционными по значению категориями. Если в "Законе Российской Федерации об образовании" раздел о типах образовательных учреждений назван как "система образования", хотя все они в совокупности относятся к одному из компонентов структуры образования, то можно без особого труда представить, какой разноречивой в трактовках и определениях царит в массовой учебно-методической и теоретической литературе. Порою возникает странное ощущение, что здесь престижным представляется нахождение новых, эпатажирующих терминов, в действительности характеризующих сущность тех педагогических явлений и процессов, которые достаточно точно и корректно определены мировой педагогикой в устоявшихся и общепринятых понятиях, что, естественно, не исключает новой социокультурной ситуации и ради-

кальных изменений образовательного процесса. Но за новыми терминами всегда должен быть новый понятийный смысл!

Одним из традиционных для любой цивилизации понятий является *содержание образования* как совокупность таких качеств и отношений образовательного процесса, которые необходимы для ретрансляции накопленного практического и духовного опыта, обобщенно - культуры, обеспечения прорыва в провидимое будущее. Лакмусовой бумажкой содержания образования всегда выступает модель человека - идеального носителя желаемой образованности, а подспудно и дифференциации в социальной структуре, с открытым забралом или полустыдливо защищаемой реальными владыками мира всегда и везде). Кстати, именно поэтому в истории педагогики успешно применяется обратный ход - модель образованного человека предваряет детальный анализ содержания образования эпохи или цивилизации.

Общим для содержания образования безотносительно к конкретной социокультурной ситуации правомерно, на мой взгляд, считать наличие трех взаимосвязанных блоков: - знаний, эмоций и веры. Конечно, их соотношение и взаимопроникновение отнюдь не однозначно в любой исторический период, что многопланово и фундаментально обосновано исторической наукой, педагогикой, этнографией, культурной антропологией. Есть эпохи, для которых характерно преувеличенное внимание к одному из блоков (европейское Средневековье) - к вере как основе постижения тройственной истины, что прекрасно прослеживается в солидном научном издании - "Антология педагогической мысли христианского Средневековья", подготовленном В.Г.Безроговой и О.И.Варьяш; Возрождение - к торжествующей мощи раскрепощенных эмоций человека, что пророчески и мужественно вскрыл в полузашифрованной форме Данте в "Божественной комедии". Просвещение - к знанию как источнику силы и свободы человека, что обосновала целая плеяда великих мыслителей от Спинозы и Декарта до Канта и Гегеля.

В иные времена, по неведомым законам глубинного движения человеческого духа, блоки эти как бы рядоположены, одновременно в одном направлении влияют на образование, на становление образа будущего, подрастающего человека. Именно так отработал содержание образования Кун Фу-цзы (Конфуций), предопределив на многие века загадочную стабильность китайской цивилизации. Формирование свободнорожденного человека - гражданина Древней Греции или Рима осуществлялось в аналогичном направлении. Ныне, в условиях непредсказуемо бурного вхождения человечества в информационную цивилизацию, при всем несоответствии реальных региональных условий общечеловеческой задаче, равнозначность трех основных блоков содержания образованности становится все более очевидной, а ее претворение в системе образования и его структуре - приоритетной педагогической задачей общества.

От декларирования задачи необходим максимально мобильный переход к ее практической реализации. Для успеха здесь целесообразен конкретно- исторический анализ места каждого из трех блоков образованности в привычном для нас содержании образования, которое, как правило, просвещенцы по здоровому консервативному инстинкту выносят за рамки дискуссий.

Прежде всего, информационная цивилизация и основанное на ней производство, промышленное и сельскохозяйственное, вымывает миллионы людей в иные, пока еще стихийно формирующиеся виды деятельности, что не может предотвратить ни плановая, ни рыночная экономика. Единая общеобразовательная школа как реальное достижение эпохи Просвещения, в этой связи не удовлетворяет прежде всего ее выпускников. Для одних она явно ущербна и не дает им необходимого трамплина в доминирующие структуры информационного общества: в промышленность и сельское хозяйство, основанные на новых технологиях, в управление, базирующееся на сверхсовременных информационных технологиях. Для других, стремящихся обеспечить себе достойное место в сфере обслуживания, примитивного "бизнеса", пребывание в ней и жесткая необходимость "сдавать" все те предметы, которые явно бессмысленны в практическом и даже общекультурном плане, она оказывается зряшным времяпровождением и даже периодом упущенных возможностей в конкурентной борьбе за выживание.

Не дает школа в силу ее преимущественной ориентированности на "усвоение знаний" (о формальном характере которого скажу далее) и необходимой профессиональной подготовки каждому без исключения ребенку в соответствии с его способностями и интересами, выпуская его буквально в никуда. Даже те робкие, но весьма перспективные попытки компенсировать подобный общепризнанный пробел традиционной школы созданием весьма успешно действовавших учебно - производственных комбинатов и системой внешкольной кружковой деятельности в Домах пионеров были в буквальном смысле слова сметены лишенными перспективного мышления и гражданской ответственности реформаторами, имена которых в сфере просвещения уже сейчас стали одиозными. Между тем, только в синтезе производственно - трудовой деятельности и "общеобразовательного", учебного процесса возможно успешное усвоение трех основополагающих блоков содержания образования. Образовательная школа, не дающая выпускнику твердых навыков профессиональной деятельности - абсолютна бессмысленна, если не вредоносна с позиций информационной цивилизации и ее перспектив.

Архаична деятельность "образовательного учреждения" / а фактически - той же школы по всем исходным параметрам, осторожно переименованной для успокоения научной общественности /, что без особого труда и специальных школоведческих исследований обнаруживается в явной дисгармонии соотношения всех трех упомянутых выше блоков содержания современного образования. Напомню, что не только труд, но и эмоциональный мир ребенка, его творческие потенции, продуктивное воображение фактически вытеснены из школы уже сегодня как "успешное завершение" такой многолетней модернизации учебного процесса реформаторами, когда искусство как радостная, свободная деятельность, равно как и спортивная деятельность, инженерно - конструкторское самовыражение школьников, всегда поражавшее специалистов высшего класса, изъяты из учебных планов. А то, что осталось как предмет гордости просвещенцев - "мировая художественная культура", содержание которой, к сожалению, до сих пор никто из серьезных ученых не проанализировал, опять - таки не затрагивает эмоциональный мир ребенка, относится к сфере скучнейшей логики, к области "знаний", на которую большинство детей смотрит как на неизбежную затруدنительную

планку на пути к финишу - свидетельству об образовании. Справедливо подметил Р. Бернс в книге "Развитие Я - концепции и воспитание" : "Во все времена подлинны педагоги подчеркивали значение эмоциональных аспектов в воспитании и общении. Однако, если раньше внимание обращали прежде всего на отрицательные эмоции, такие, как страх перед наказанием или неудачей, то нас больше интересуют возможности положительного воздействия эмоциональных переживаний в воспитательно - образовательном процессе".

Новые исследования на стыке психологии и физиологии неопровержимо показали несостоятельность представлений о биполярности двух полушарий головного мозга и утвердили представление об его функционировании как целостной, единой системы, в которой вне развития правого полушария, ведающего фантазией, воображением, творчеством, немыслима интенсификация и активизация полушария левого, властвующего над миром анализа, логики, теоретических мыслительных навыков. "Прямой же путь увеличения комплекса изучаемых наук и новых, непрерывно умножающихся знаний бесперспективен, более того - блокирует мыслительный потенциал учащегося. Кстати, в подлинно новаторских трудах русских педагогов - В.Ф.Базарного, В.М.Бронникова, А.М.Кушнер идея органичного единства интеллектуального и эмоционального развития ребенка получила, как мне представляется, неопровержимое и эффективное подтверждение. К постижению тайны этого единства побуждает и книга проф. С. Л. Расторгуева «Информационная война», которая дает нам действительно новую концепцию мышления и возможности его «управлением».

Ныне необходим встречный путь просвещенцев к такому единству для высвобождения учебного времени, скажу более резко - для выделения **не менее одной трети его для эмоционального развития школьников** . Здесь не надо пугаться безработицы в результате изъятия, очевидно, бесперспективных учебных предметов, что, конечно, порождает скрытое, глухое сопротивление действительно назревшим изменениям в содержании образования. Конструктивный путь - в интеграции предметов, а отнюдь не в изживших себя межпредметных связях. Я неоднократно писал о возможности интеграции литературы /в том виде, в котором она ныне пребывает в школе или других образовательных учреждениях подобного же просвещенческого типа/, истории, "мировой культуры", многих вновь изобретаемых обществоведческих дисциплин типа "регионального компонента" в единый предмет, способный убрать из голов наших детей логическую и историческую сумятицу. Нашими зарубежными коллегами обоснована продуктивность интеграции музыки, математики и языка в единое целое. Стоит подумать о новом синтезе естественно научных дисциплин в целостный, соответствующий современным представлениям о живом и неживом курс общего природоведения. Здесь необходимо одно отступление, вызванное тем, что пускаемые нами в оборот научные понятия сразу же , словно по мановению ока, становятся модными и общеупотребительными безотносительно к их первоначальному смыслу. Так произошло и с «интеграцией», которой стали именовать и издавна известные «межпредметные связи», и соединение разных профессий в едином образовательном учреждении, скажем, школе искусств и т. п., забывая, что интеграция - исчезновение разного в новом по качеству единстве.

Что же касается веры как существеннейшего компонента новой цивилизации, как едва ли не решающего побудительного мотива всех действий человека порою в абсурдном, порою в зловещем мире, который мы ныне оставляем нашим детям и внукам, веры как основы того озарения светом добра и справедливости, без которой непостижимо представление о смысле бытия, о перспективности существования человеческого рода вообще, то следует с грустью признать: она полностью изгнана из всех сфер учебно - воспитательного процесса. Мне зачастую в ответ приводят факты преподавания Евангелия либо Корана в отдельных школах. Не спорю - дело это благое, но к вере имеет весьма отдаленное отношение, ибо здесь мы опять - таки попадаем на просвещенческую тропу, убежденные в том, что от знаний до ценностных человеческих ориентаций лишь один шаг. Увы, тогда эвизионизм как презрение к богатству, проповедуемый всеми вероучениями, тогда их выстраданные человечеством гуманнейшие пророческие заповеди уже сейчас стали бы всеобщими нормами поведения. Оглянитесь вокруг спокойно и непредвзято, и вы поймете, что мы опять - таки имеем дело с просвещенческой утопией. Осатаневший от несправедливого богатства богатей с нательным крестом на куртке, киллер, неуклонно следующий всем формальным религиозным обрядам, хан местного значения, отбросивший костюм партийного лидера, но так же, как и ранее, продолжающий истреблять беззащитную дичь, несмотря на усвоенные внешние атрибуты буддиста, лишь символы массового поведения.

Наверное, гораздо продуктивнее было бы дать нашим ребятам единый курс сравнительного вероучения, раскрывающего поразительную и во многом загадочную общность всех его исторических форм, от теистических до атеистических, и позволяющего представить наглядно целый куст корневых понятий, связанных с верой, таких, как уверенность, доверие, вероятие, вероломство, суеверие. А далее нужен нетрадиционный шаг к синтезу веры со знанием и эмоциями на уровне конкретных педагогических технологий, что позволит в итоге, в перспективе отработать новое содержание образования, не только, естественно, включающего ученика в информационную цивилизацию как потребителя ее благ, но и как индуктора самодвижения самой этой цивилизации.

Последнее невозможно без соответствующей этому новому содержанию *интегративной системы образования*. Понимая под системой объединение разнообразия в единое, но четко разделенное целое, компоненты которого по отношению к целому и другим его частям занимают определенное место, мы можем гипотетически выделить их и показать органичность их взаимосвязи. Прежде всего, надлежит выявить общие задачи интегративной системы образования, которые в определенной мере репродуцируют задачи любых других образовательных систем, но в то же время характеризуются неповторимой исторической спецификой. Первая из них - освоить науку выживания, ассимилирующую как прошлый опыт, так и новые социальные реалии информационной цивилизации. Не вызывают возражения попытки думающих учителей не только открыть глаза воспитанников на суровую правду жизни, завуалированную в учебных курсах, сорвав с нее флер прекраснотушних иллюзий, а потому сделать их пластичными в любых драматичных ситуациях, но сформировать их мужественными и активно действующими

людьми всегда и везде, в самых экстремальных условиях. Здесь практические наработки исторически и этнически своеобразных систем образования человека, в том числе и тех, которые не знают специальных образовательных учреждений, могут и должны сослужить всем нам добрую службу. Не дано нам права забыть и славную тысячелетнюю традицию обучения и воспитания русского воина, которая безусловно сложилась в уникальную систему, имеющую позитивное значение для всего образовательного процесса в стране.

Но выживание в условиях информационной цивилизации, вбирая в себя все прошлое из опыта человека в его поливариантном и отнюдь не мягком общении с природой и другим человеком, качественно своеобразно и, быть может, уникально для истории рода человеческого. Оно немыслимо, например, без доступности к информации как главной социальной ценности, причем, для всех, кто стремится занять достойное место в современной социальной иерархии и добиться планируемого успеха. Оно, далее, невозможно без оперативного получения и немедленного практического использования этой информации на любом уровне индивидуальных притязаний, в любом виде практической деятельности. Ему способствует и мобильность отбора искомой информации в ее безграничном море, то качество, которое я бы назвал локационным мышлением. Понимаю, что все это до сих пор в обыденном сознании соотносится с профессиональной спецификой узкого круга специалистов по информатиологии. Но это - глубокое заблуждение, подобное представлению древних об уникальности способности к грамотности и к ее характеристике как уделе немногих, "элиты". Нужно ли еще и еще раз подчеркивать, что новая информационная культура должна стать ныне достоянием всех - от управленцев до производственников, что освоение технической базы этой культуры начинается для всех уже в самом раннем детстве. Сегодня человек без компьютера и иных информационных средств вполне определенно может быть оценен как неполноценно развитая личность. Таково веление "человеческой революции", которую предвидели и педагоги - утописты, и трезвые политики типа Аурелио Печчеи.

Зачастую слышу возражения: - информационная культура вытеснит традиционную, веками отработавшуюся культуру системы образования, порожденную задачей ее ретрансляции. Невольно вспоминаются слова Тамуса, царя Фив, упрекавшего в диалоге Платона "Федр" бога Аммона, избретшего письмена: " В души научившихся им они вселят забывчивость, так как лишится упражнений память : припоминать станут, доверяясь письму, по посторонним, внешним знакам, а не внутренней силой, сами по себе. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. И ученикам ты дашь видимость мудрости, а не истинную мудрость". Увы, в данном случае Платон ошибся, ибо вне письменности не было бы и выживания современного нам человечества, не были бы усвоены великие культурные ценности прошлого, равно как и опыт новых генераций человечества.

Аналогия здесь с современной ситуацией в системе образования информационной цивилизации вполне обоснована и покоится на достаточном логическом обосновании.

Другая задача интегративной системы образования - развить в новом, подрастающем поколении соответственно науке выживания в современных

социокультурных условиях все способности совершенствоваться и самосовершенствоваться, т.е. образовываться как в соответствии с традициями семьи, этноса, социума, так и применительно к своеобразию информационной цивилизации, предъявляющей к человеческому материалу неведомые ранее требования, такие, как операционность мышления, базирующегося на творческом общении с миром компьютеров, интенсивность эмоций и сферы продуктивного воображения, что предполагает весьма развитую эмоциональную реактивность, веру в существование и функционирование общего, надличностного разума, что предвидел еще В. Вернадский. Естественно, что новая система образования все более интенсивно вступает в противоречие с просветительской системой накопления знаний, превращающихся ныне в значительной мере в невостребованный балласт. Не лицемеря, проанализируйте с должной мерой объективности то, что осталось в вашем индивидуальном сознании от многих лет пребывания в предметно-урочной системе такого образовательного учреждения как школа - и вы согласитесь, что это - весьма туманный и аморфный конгломерат существенного и несущественного, отрывочных сведений и случайно запомнившихся формул, который и образованностью можно назвать лишь с определенной долей приближения.

И, наконец, задача новой системы образования - дать устойчивые представления о смысле бытия на уровне науки, искусства, веры в их органическом единстве, а точнее - в синтезе. Путь к нему сегодня - предмет первоначального поиска, исходящего из вполне каноничных представлений о значении каждой из этих сфер. Но вот что парадоксально - ни наука, ни искусство, ни вера, взятые сами по себе, не успокоили мятущийся дух человеческий, не дали ему жизненных ориентиров в современной реальности, несопоставимой по алогичности, неустроенности человеческой, всеобщей жестокости и масштабам взаимного истребления людей, по дьявольскому уничтожению природы как среды обитания с любым другим периодом истории. Дисгармония в поиске триединой истины - знаний, эмоций и веры, терпимая в прошлом, ныне приближает нас с нарастающим ускорением к коллапсу, к завершению бытия рода человеческого. А тогда, естественно, не потребуются ни наука выживания, ни интенсификация способностей каждого человека к совершенствованию и самосовершенствованию. Если же мы все сообща найдем эту **новую духовность**, к которой уже идут с разных сторон и ученые, и художники, и великие вероучители современности, то и преобразование традиционной, просветительской системы образования будет основываться на принципиально новой общетеоретической базе.

Как следствие, будет осуществлено и преобразование традиционной дидактики Яна Амоса Коменского, общей теории обучения эпохи Просвещения в новую, универсальную дидактику как теорию интегративной системы образования на базе триединства знаний, эмоций и веры. Мне уже доводилось высказывать в печати гипотетическое суждение об ее принципах: принцип индивидуализированного подхода, принцип монтажной интеграции, принцип свободы самовыражения, принцип развивающих коммуникаций, принцип прогрессирующего самоконтроля, принцип синтеза в образовательном процессе интеллектуальной, эмоциональной и духовной деятельности на основе деятельности предметно - творческой. Но любая гипотеза требует теоретической конкретизации и практической выверки, и здесь последнее

слово - за учителем, которому не только недопустимо, но преступно навязывать искусственные "модели" модернизации и реформирования образования в угоду скоропреходящему властному авторитету.

Содержание образования и его система применительно к требованиям информационной цивилизации жестко корреспондируются со *структурой образования*. Понимая структуру как систему соотношений в строении некоего целого, или, как говорил Кант, как "положение и связь частей какого-либо целого, образованного с определенной целью", мы можем ныне выделить интегрирующиеся в принципиально новое качество следующие компоненты этой структуры: образовательные учреждения, социальную педагогику, народную педагогику, семейную педагогику и педагогику аутотренинга.

2. Содержание интегративного образования

В сложном переплетении наук о человеке особое место занимает теория образования - основа создания образовательных учреждений конкретной цивилизации, характерных для них дидактических принципов и педагогических технологий. Развиваясь на основе всего исторического опыта человечества, она вместе с тем всегда решает новые задачи, порождаемые новой социокультурной ситуацией и общественными требованиями к индивиду, приобретающими форму условий его выживания. Полагаю, что прежде всего к теории образования относятся слова Тейяра де Шардена, одного из тех мыслителей, на которых буду опираться в своем изложении концепции образования третьего тысячелетия нашей эры: "Наука о человеке - теоретическая и практическая наука о гоминизации. Углубление в прошлое и в начала. Но еще больше - продолжение конструктивного экспериментирования с постоянно обновляющимся объектом. Огромная программа, и никакой другой цели, кроме будущности".

Любой студизус, осваивающий азы педагогической науки, твердо убежден, что педагогику, основанную на индивидуальном подходе, ныне разрабатывают наши сторонники "гуманной педагогики". Ему и невдомек, что эту идею развивали великие гуманисты, от Руссо до Толстого, что ее дидактическое и технологическое преломление разработали на рубеже XIX и XX-х столетий русские, немецкие и американские педагоги - провидцы образовательных систем новых цивилизаций, те, кого еще недавно академическая наука в словарях, учебниках и энциклопедиях клеймила как буржуазных реакционеров. Один из них - В. Лай, который едва ли не одним из первых резко и определенно писал в книге "Школа действия": "Индивидуальность является главным принципом этики и должна стать руководящим положением в воспитании и преподавании. Только развитие индивидуальных особенностей позволяет ставить надлежащего человека на надлежащее место и двигать вперед культуру и общественную жизнь. Мы должны требовать развития индивидуальности в интересах отдельного человека, ровно как и для блага целого".

Осознаю, что обосновываемая мною концепция новой системы образования, предполагающая радикальное изменение и структуры образовательных учреждений, и способов их функционирования, равно как и соответствующих им дидактики и импровизационных технологий, вызывает у взра-

щенных на консервативных концепциях просветителей и недоумение, и раздражение, и опасение за свою профессиональную будущность. / Поневоле приходит на память мысль Эрнеста Ренана : "Из всех людей педагог трудней всего поддается обращению в новую веру, ибо у него своя религия - его рутина, вера в изблюбленных старых авторов, пристрастие к литературной работе , это вполне удовлетворяет его и душит в нем все другие потребности"/.

Тем более неприемлемы мои идеи "теоретикам", уютно вещающим одни и те же прописи в любых социальных условиях, в любой драматичной для миллионов наших детей ситуации, прежде всего - так называемым « обществоведам ».

Адекватное понимание этих идей, равно как и их конструктивная критика, возможны лишь при условии представления об общеполитической концепции автора, а также при конвенциональном подходе к системе его понятий, порождаемых как интерпретацией и возрождением традиционных, так и постулируемых им. Предварим же изложение теории новых образовательных систем реализацией этого условия, вкратце напомнив содержание первой части данного труда.

Многие годы мое стремление выработать свой, собственный философский подход к жизни, к бытию во всех его формах вызывает ироничное, а порою - и откровенно агрессивное отношение. Подумать только - ученый хочет развивать свою философию! Позволительно спросить - а как же поступать в тех условиях, когда традиционная философия исторически исчерпала себя, когда под видом философии и ее основной проблематики и студентам, и массовому потребителю при помощи электронных средств информации преподносится марксистская, а точнее - гегелевская концепция , отвергаемая в социально-политической сфере при капиталистическом выборе и закате эпохи Просвещения, ее идеалов. Очевидно - только вести поиск новой системы духовных ценностей, в соответствии с которыми и во имя которых выстраивается система образования человека на соответствующем новой цивилизации уровне, для должного его индивидуального места в жизни.

Разрабатываемая мною общеполитическая концепция - *мементоризм* , учение о бесперспективности бытия, как индивидуального, так и социального, родового. Оно подробно изложено в первом разделе труда - "Драматизм бытия. Истоки бесперспективности." Все поиски такой перспективы в истории мысли - весьма лукавы, ибо выдают желаемое - за должное и даже реальное, отводят нас от осознания неизбежности небытия либо утешают возможностью иного, внереального бытия, жизнью после жизни. Но мы не властны остановить эти поиски, ибо они вновь и вновь возникают каждый раз и перед человеком, вступающим в жизнь, и перед человечеством, идущим из ниоткуда в никуда с изначальным стремлением к истине, а точнее, - к осознанию истинного смысла бытия. Наша драма в том, что жизнь человека (на уровне его бытия, в онтологическом плане) лишена смысла, но человек по самой своей загадочной природе есть существо, стремящееся к познанию этого смысла. Драматизм этого познания, мои гносеологические представления изложены в книге - "Драматизм бытия. В поисках смысла." В ней были охарактеризованы разные аспекты того, что Тейяр де Шарден называет в переносном смысле, как иносказание, "наукой о человеке". Во - первых, загадочность самого происхождения человека, то ли произошедшего от обезь-

яны, то ли сотворенного Высшим существом, то ли занесенного на Землю инопланетными, а точнее - внегалактическими цивилизациями, то ли являющегося результатом случайной мутации. Многообразие подобных равно доказуемых концепций, с моей точки зрения, свидетельство того, что человек является ошибкой природы, ее аномалией. Во-вторых - парадоксальность человека, вытекающая из его "ошибочности", антиприродности. Попробуйте в природе, с моей точки зрения, - универсально одушевленной, найти такое нелепое сочетание противоположностей, которое пронизывает все наше существо, наше поведение, самое наше существование. Все мы - самые обычные животные со всеми, свойственными животному миру структурами и функциями. В этом плане у нас нет ни одной чрезвычайной прибавки к животному миру, а за человеческое нередко принимаем то, что вполне природно по своей основе. И вместе с тем, при полной "природности" мы - носители духа :знания, эмоций, веры. Все мы неизбежно умрем, исчезнем, превратимся в прах, как и наш космос, но в отличие от природных и только природных существ, мы **знаем**, что умрем, **страдаем** от этого знания, **верим** в свою особость, в свое бессмертие.

Все мы, далее, при жизни - константны, что и выражается в нашей самооценке как особой, неповторимой индивидуальности, как уникального проявления физической и физиологической организации (напомним, что нет ни одного человека, повторяющего как стереотип - другого : что у каждого - своя "графика" кожи, свой запах, свое, особое проявление генной структуры, позволяющее ныне со стопроцентной уверенностью идентифицировать родителей, своя походка и свой, легко узнаваемый и через многие годы темперамент и конечно же, характер). Подобная константность - не только основа неизменной нашей узнаваемости другими как определенного индивида, но и нашей самооценки, нашего осознания себя как Я. И вместе с тем мы - в непрерывном и трагичном движении, изменении, в каждое мгновение мы - это мы и вместе с тем - не мы. Мы изменяемся по возрастам, мы необычайно пластичны к жизненным ситуациям и приспосабливаемся к ним так быстро и радикально, как никакое другое живое существо.

И, наконец, мы действительно парадоксальны по типу сочетания непримиримых противоположностей : наша индивидуальность, наше Я, которое мы все лелеем от любых посягательств извне и стремимся сохранить и утвердить в любое время и в любой ситуации, не исключает, а предполагает нашу принадлежность к группе и социуму: оставаясь **индивидуумами** , мы вместе с тем и люди группы, клана, профессии, то есть **личности** (Тейяр де Шарден с позиции гоминизации понимает личность как тюрьму, в которую общество хочет загнать каждого во имя однообразия), равно как и представляем собой реальный социум, выступаем как носители всех общественных отношений, как **социальные существа** по самой своей природе.

И загадочность происхождения человека, и парадоксальность его природы, сущности с того момента, как он зашагал по Земле, предопределяют множество вековых, проклятых вопросов, решаемых каждым новым поколением рода людского по-своему и, вместе с тем, - уныло единообразно, в рамках довольно простой схематики. Но есть в этой сетке схем один вечный вопрос, который сопрячен всем исканиям человеческого духа, более того, с моей точки зрения, и является выражением реальной динамики духа, его

доминантой. Это вопрос о возможности (или невозможности) **совершенствования и самосовершенствования** человека. Исторически обозначились три возможных варианта интерпретации этого вопроса : положительный, утвердительный, и в этом смысле - оптимистичный (... "Род человеческий возвышается, и хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается к духовному совершенству". Н. М. Карамзин); отрицательный, не столько пессимистичный, сколько скептический (... "Человечество само по себе, нравственность человека, его доброта, его благоразумие не прогрессируют". К. Ясперс); компромиссный, допускающий совершенствование в какой-либо одной или нескольких взаимосвязанных сферах человеческого духа, предполагающий изначала его двойственную природу, богоподобие и дьяволоподобие (вспомним космический вздох мирового гения и провидца - Н.В.Гоголя : « Как много в человеке бесчеловечья!), а стало быть, относительность торжества частичного совершенствования - только тела, только интеллекта, только воли или эмоций, только духа.

Меня в данном случае, и прежде всего, - для обоснования теоретической предпосылки новой системы образования на рубеже исторических эпох интересуют не различия и обоснованность таких подходов к возможности совершенствования и самосовершенствования рода людского, но общая для них вера в право каждого индивида на такой прогресс. Иначе говоря, философские основополагания современной педагогики - развитие гуманистических традиций прошлого, в противовес олигархическим тенденциям , вновь набирающим силу в России в период полудикого капитализма на базе полумодернизированного социализма. Здесь мы находим естественных и авторитетных союзников не только в трудах ученых - гуманистов прошлого, не только в великих художественных творениях всех эпох, но прежде всего - во всех вероучениях, обращенных к миллионам миллионов, с ними разговаривающих с пророческих вершин. Два основных постулата этих вероучений (если убрать частные различия): "Другой - это ты!" "Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой", - всегда подкрепляются связанным с ними органически третьим постулатом, со всеобщим символом веры: "Совершенствуйся!". Слова из Евангелия от Матфея : "Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный" - без преувеличения универсальная заповедь всех вероучений, добивающихся просвещения человека путем посвящения его истине. И если какие-либо священнослужители искажают заповеди и заветы пророков и апостолов веры, то вина в том - не вероучения, а его произвольных интерпретаторов, уводящих человечество от истины.

Поставив истину основой **просвещения** индивидуума, мы, естественно, от учения о бытии переходим к учению о духе как форме бытия, более того - как его ипостаси. Совершенствование и самосовершенствование человека - процесс развития духа, а его предпосылка - *учение об истине или алетеология* . В основе моих представлений о педагогике будущего, о содержании, системе и характерных для нее образовательных учреждениях, равно как и об ее структуре - алетеология, базирующаяся на идее троиственной истины.

Понимая истину как достоверность всех проявлений духа, мы предопределяем и несколько нетрадиционный подход к педагогической проблематике (при трактовке педагогики в узком, буквальном смысле как " вождения детей ", их образования, то есть обучения и воспитания, равно как и в широ-

ком, переносном смысле - как совершенствования и самосовершенствования человека всеми формами и методами, от педагогики социальной до педагогики аутотренинга).

Даже в сфере мышления мы сегодня не можем говорить о цели педагогики как обучении тем или иным истинам, не анализируя типа мышления эпохи, которая неодолимо надвигается на нас, делая старшие поколения вполне неподготовленными. Как не можем мы опрокидывать на прошлое привычный для нас просветительский тип мышления, игнорируя то, что учителя истины разных эпох совершенствовали человека в определенном типе мышления : магическом, символическом, мифологическом, а поэтому не надо выискивать в их высказываниях и опыте подтверждения педагогических идей эпохи Просвещения. И уж тем более мы не можем отождествлять истину эмоций и истину веры с истиной, добываемой на базе современного типа логического, понятийного мышления - здесь место искусству и вере. Да и в сфере логической простое обучение прописям без рационального ограничения их объема и содержания - ныне бесперспективно, ибо на смену рациональному типу мышления приходит мышление операционное. Короче - алетеология, развиваемая мною, предполагает как новую систему образования, так и изменение его содержания и преобразования всех образовательных учреждений на базе новой дидактики и педагогических технологий.

Достижение гармонии в постижении тройственной истины как задача новой цивилизации требует не только корректировки значения детских образовательных учреждений, по неизбежности идущих на смену школе как институту Просвещения, но и переоценки их места в педагогике в широком смысле слова. Изолированному детству пришел уже на наших глазах конец : образование нового поколения идет в поразительном по сложности и противоречивости, я бы даже сказал - по разновекторности усилий взаимоотношении и взаимодействии **новой мистагогики или социальной педагогики, традиционной диететики как учения о достойном поведении, практически реализуемого на базе народной педагогики, семейной педагогики в условиях становления исторически нового, своеобразного типа семьи и аутотренинга, ставшего одним из условий выживания индивидум а.**

Подобное соотношение (в принципе, характерное для любого периода человеческой истории, для любого этноса и социума) ныне имеет принципиальное, качественное своеобразие. Только учитывая это своеобразие, можно перейти от разговоров на теоретическом уровне об образовании человека вообще, о содержании такого образования и универсальной для них организационной форме как высшем достижении прогресса для всех времен и народов к прогнозированию новой педагогики, его содержания, системы и новой структуры. Хотел бы быть правильно понятым - всеобщие законы и принципы образования человека - не умозрительная конструкция, но обобщение мирового педагогического опыта, не схема, но основа и цель любого образовательного процесса. Основа, ибо всегда и повсеместно педагогика предполагает формирование устойчивых потребностей как единственного и универсального стимула человеческой жизнедеятельности, актуализируемых как переживания индивида (интеллектуальные, эмоциональные, духовные), непосредственно влияющие на все действия. *Стало быть, универсальной формулой любого педагогического процесса в любой конкретной*

ситуации и на любом уровне цивилизованности является П - П - Д, то есть путь от регулируемых целенаправленно действий к изменению всей совокупности переживаний, а в итоге - устойчивых индивидуальных потребностей. Основа и потому, что ею выявляются наряду с формулой образования и его универсальные цели, общие и для первобытного племени, и для греческого города - полиса, и для нашей, скажем - информационной цивилизации. Здесь опять - таки я имею в виду не конкретные цели как модель образованности человека той или иной эпохи, но глобальные принципы любого образовательного процесса. К ним я отношу, во - первых, педагогическую задачу освоения новым поколением **науки выживания** на основе развития естественной пластичности, приспособляемости человека к любым, в том числе, и к экстремальным ситуациям. Спектр способностей, которые в данной связи должен развить образовательный процесс, необычайно емок -от физических качеств, которые нужны каждому и для встречи с природой, и для встречи с другими людьми, как правило, - конкурентной и весьма далекой от идеала творческого сотрудничества и взаимопомощи, до умения выжить в сообществе других, оставаясь индивидуумом, порою в условиях такого социального бытия, о котором говорил Сартр как об общем чувстве, которое связывает в один коллектив привязанных на галерах рабов, не имеющих друг к другу прямых отношений.

Во - вторых, любой образовательный процесс безотносительно к его исторической и этнической специфике предполагает выявление, формирование и укрепление на основе действий устойчивой потребности совершенствоваться и самосовершенствоваться, той, которую можно было бы назвать внутренним побудителем **научения**. И не случайно поэтому в самых разных исторических типах педагогики прошлого подчеркивалась общая задача развития человеческой способности к обучению (в широком смысле слова). К примеру, для Конфуция и миллиардов его последователей в истории великой китайской цивилизации это умение преодолеть себя, собственные недостатки, дабы вернуться к ли, к совершенству. Для просветителя Дж. Локка это не простое научение детей наукам, но поиск такого развития и предрасположения их ума, которое в наибольшей степени сделало бы их способными к любой науке, когда они самостоятельно ею займутся. Для провозвестников новой педагогики третьего тысячелетия, таких, как Тейяр де Шарден, это - овладение рефлексией как "приобретенной способностью сосредоточиться на самом себе и овладеть самим собой как п р е д м е т о м, обладающим своей специфической устойчивостью и своим специфическим значением, - способность уже не просто познавать, а познавать самого себя , не просто знать, а знать, что ты знаешь".

И, наконец, образование как синтез обучения и воспитания всегда наряду с наукой выживания и научением образованию дает человеку, опять-таки, конкретно -исторические и этнически предопределенные, **ценностные представления о смысле бытия**. Такие устойчивые представления не только и не столько нормы поведения, сколько ориентиры в интеллектуальном поиске, эмоциональном наслаждении, в вере как стержне индивидуального бытия, как основе его целесообразности и перспективности.

Здесь и начинается путь наших исканий, ибо признав существование общих законов и принципов образования и охарактеризовав их, мы тем са-

мым заговорили о культуре как коллективной памяти человечества. Образование же конкретное, свойственное той или иной эпохе, социуму, этносу, микроколлективу наподобие семейного, оказывается лишь ретрансляцией культуры, ее неодолимым движением из прошлого - в будущее. Та педагогика, о которой у нас и пойдет речь далее, есть компонент и фундамент новой цивилизации, новой системы духовного развития человека.

Изменение содержания образования, в соответствии с новыми историческими условиями, с новыми принципами выживания человека и социальными требованиями к человеческому материалу, ощущается как объективная потребность уже давно и остро чуткими педагогами - экспериментаторами. Все они разными путями стремятся решить одну и ту же задачу: сократить количество учебных предметов при одновременном углублении изучения фундаментальных для современности дисциплин наиболее экономным и эффективным образом в соответствии с реальными возможностями и способностями каждого ребенка. (Что, кстати, радикально отличается от министерских домыслов об одновременном увеличении учебного времени до двенадцати лет при сокращении осваиваемого ребенком за этот период материала).

Некоторые предлагают путь интегрирования учебных предметов, позволяющий за счет сочетания в учебном процессе разных дисциплин добиться более активного усвоения материала. Вспомним, например, опыт наших венгерских коллег Б. Варги, Ю. Димень, Э. Лопариц, предложивших преподавание в качестве единого предмета музыки, языка, математики. Другие предлагают сочетание конкретных дисциплин с практической деятельностью, в которой данные и законы этих дисциплин реализуются. Скажем, изучение физики, химии, математики в процессе изучения двигателя внутреннего сгорания, работа с которым побуждает учащегося изучать соответствующую литературу вопроса. Подобные примеры легко умножить. Однако интеграционный путь при всей его педагогической привлекательности не выводит нас за круг просветительских идей, не преодолевает иллюзии универсальности только интеллектуальной обученности.

Есть в мире педагогики немало и тех, кто осознает необходимость радикальной модернизации учебно - тематических планов образовательных учреждений разных типов (а не только школы в этом ряду, о чем у меня речь пойдет далее по ходу изложения курса). Охарактеризую лишь некоторые наиболее типичные тенденции, дань которым отдал и я в свое время. Ни у кого, пожалуй, не вызывали сомнений призывы к устранению из учебно - тематических планов явно архаичных и появившихся в результате политической конъюнктуры предметов. К сожалению, словно феникс из пепла, в силу какой - то мистической неодолимости место упраздненных предметов сразу же заняли столь же пустопорожние "занятия". Так, буквально на глазах наших современников "обществоведение" лихо вытеснила "культурология" (порою маскируемая под вывеской теории и истории мировой культуры либо художественной культуры). Неоднократно посещая подобные уроки, убедился, что их ведут старые обществоведы по старым, засаленным бумажкам, сдабривая свои скудные умозаключения набором наглядных иллюстраций либо тривиальных цитат. Им и невдомек, что никакой особой "культурологии" как науки обо всем, что создано человеком, о второй природе, об ойкумене,

просто не существует. Их вред тем более ощутим, что они поносят все то, что еще вчера превозносили и превозносят, все то, что недавно подвергали остракизму. Естественно, что дети, если не понимают, то прекрасно чувствуют всю фальшь таких наставников и алогизм, практическую никчемность предмета. Хорошо, что генералы от образования опомнились и после десяти лет сумятицы исключили «культурологию» ... из номенклатуры научных дисциплин.

Наибольшую симпатию вызывают отдельные попытки теоретиков и практиков педагогического процесса восстановить в законных правах забытые базовые дисциплины, которые отработали весьма успешно и продуктивно образовательные учреждения разных эпох и народов : логику, науку выживания, мнемонику - науку о развитии памяти, эвристику - науку об открытии нового в творческом процессе, эристику - особенно необходимую нам, русским, науку о культуре спора, преотлично разработанную нашими соотечественниками в XIX веке, информатику, всесилие которой не вызывает сомнения ни у кого и с которой в ее практическом преломлении ребенок сталкивается уже на уровне игрушки, диэстетику - науку о достойном поведении, которая ныне необходима в системе образования как никогда ранее, ибо все средства электронной информации, за редким исключением, навязывают нашей молодежи (говорю об этом без экивоков и дипломатической витиеватости) тип поведения, свойственный цивилизации, которую стремятся навязать всему миру идеологи Соединенных Штатов. (Кстати, старательно оберегая свою молодежь). И конечно же, живая, неумная человеческая мысль, открывающая все новые и неведомые ранее пласты знаний, властно стучится в двери всех образовательных учреждений, заставляя потесниться (а другого выхода просто нет в силу исчерпанности учебного времени и потенциальных интеллектуальных возможностей среднего, типичного учащегося) старые, каноничные предметы. Кстати, при полном сочувствии учеников, ибо без элементарных сведений в области этих дисциплин (кибернетики, электроники, экономики и т.д.) им не выжить на современном и безжалостном рынке труда. Свидетельство тому - драматичное массовое бегство учеников из архаичных, сугубо просветительских по направлению школ.

Процессы, о которых идет речь, весьма активно и во многом продуктивно влияют на современный процесс обучения, порождая и новые педагогические технологии, и новые межпредметные связи, и новые вариативные программы, о возможности которых я говорил еще в начале семидесятых годов, вызывая лишь скептическую улыбку академических просвещенцев. К сожалению, и ныне эти процессы протекают в русле просвещенческой концепции, на уровне традиционного обучения, но не *образования индивида* в соответствии с требованиями эпохи Озарения. Из тупика мы сможем выйти лишь тогда, когда не на словах, а на деле дифференцируем единый образовательный процесс, признав **равное значение трех его блоков соответственно учению алетеологии о тройственной истине : блока научно - теоретических дисциплин, блока художественных дисциплин, поведенческого блока, или блока духовно - ценностных ориентаций** .

Пришло время преодолеть демагогию официальных просвещенцев и сказать откровенно: в силу ряда конкретно- исторических причин (в том числе и вполне субъективных-, наподобие изнурительной и выходящей за рам-

ки элементарной этики борьбы « предметников » и их высоких научных покровителей за место в учебно-тематических планах) в представлениях о структуре образования современного интеллигента, которая, как я постараюсь далее показать, всегда является единственной и высшей целью образования, царит невообразимый хаос. Два последних блока (в которые вполне вписываются и старые, и новые социально-необходимые дисциплины) практически вытеснены из сферы образования и в ближайшие десятилетия, вопреки всем новым « доктринам », не смогут быть хотя бы восстановлены на прежнем уровне пятидесятых - шестидесятых годов, первый же не только предельно алогичен и архаичен, но вдруг стал объектом дальнейшего сокращения по чиновничьему произволу.

Правда, зачастую можно слышать от оппонентов: но есть же в нашей нынешней школе эстетическое воспитание как фактор развития эмоционального мира ребенка. Конечно, есть. Но в большинстве случаев, в массовой практике либо на уровне деклараций, либо как уступка неизбежному злу. Вспомним, сколько многочисленных постановлений, решений, реформаторских призывов извела наша школа за последние десятилетия. А результат? Разрушается и без того хилая материальная база школы, фактически отсутствуют необходимые материалы, пособия, технические средства для художественно - творческой деятельности детей.

Словно снежная лавина в горах нарастает бегство из общеобразовательной школы профессиональных художников. Короче - в данном случае система «потребность - переживание - действие» не функционирует.

Но не может быть сколь - либо серьезного и результативного влияния на мир эстетических потребностей человека без педагогически организованного действия. В данном случае без свободной и радостной художественно-творческой работы самого ребенка. С полным основанием допустимо утверждать, что во многом повинны все мы, ибо не перешли своевременно от звонких деклараций о необходимости эстетического воспитания (что подозрительно, никем не оспариваемой!) к разработке современной **художественной педагогики**. А ведь именно она как особый блок должна занять достойное и равное место в новой школе наряду с традиционной и отработанной теоретическим мышлением **педагогикой рациональной сферы**, в идеале в эпоху Озарения предполагающей освоение базовыми научными сведениями, равно как и техническими умениями, логикой самостоятельного теоретического мышления. Считаю необходимым кратко декларировать свое понимание проблемы художественной педагогики (равно как и **педагогики ценностных ориентаций, основанных на феномене веры**), а в дальнейшем изложении более фундаментально обосновать эту концепцию интегративной педагогики как единства трех блоков - знаний, эмоций, веры.

Практика урезанного, куцевого использования в школе "эстетического воспитания" отражается в двух примечательных теоретических тенденциях:

1. Понимание художественно-творческой деятельности ребенка как области профессионально-творческого ориентированного развития одаренных детей. Здесь отчетливо прослеживаются две взаимосвязанные линии - отделение небольшого числа музыкальных, хореографических школ, школ изобразительного искусства и т.п. "для избранных" и продолжающееся вытеснение предметов художественно- творческого цикла из учебно-

тематических планов 'общеобразовательной школы'. При этом, логика аргументов традиционного просвещения довольно проста и бесхитростна: зачем нам самостоятельная художественно - творческая деятельность ребенка, его литературное, изобразительное, театральное творчество? Ведь мы же не готовим профессиональных художников! Позволительно спросить такого рода незыблемых просвещенцев, а готовите ли вы профессиональных физиков, биологов, математиков, химиков? Ответ вполне очевиден : конечно же, их не готовят в традиционной, не специализированной школе, что, однако, не дает нам основания изгонять эти предметы из процесса обучения как "лишние."

2. Истолкование художественного творчества ребенка как спонтанного его самовыражения, не требующего обучения, аналогичного тем усилиям, которые предполагает усвоение науки (равно, кстати, и устойчивых убеждений, основанных на незыблемой вере). Отсюда - слащавое умиление перед "детскостью" рисунка, песенки, набора незамысловатых и выразительных слов, танца, ничего общего не имеющее с тем восторгом, который всегда испытывали перед самовыражением ребенка в искусстве великие художники. Смысл этого педагогического умиления, заражающего и родителей - все то же стремление изъять из структуры образования как полноправный компонент художественно - творческую деятельность как целенаправленно и педагогически организуемый процесс. Цель современной *художественной педагогики* - не только способствовать преодолению этих архаичных, но весьма живучих тенденций, но и существенно продвинуть образовательные учреждения действительно новых типов по пути гуманизации ребенка. Сам по себе термин "художественная педагогика" - не нов. Напомню, что им пользовался С. А. Герасимов, имея в виду сферу профессиональной подготовки будущего режиссера. Мое понимание этой сферы образования - более широкое и универсальное. Оно основано на ином операционном определении: художественная педагогика есть экстраполирование общих принципов и технологий профессионально-творческой подготовки художников разных эпох (ремесленников, мастеров, профессиональных деятелей искусства) на современную систему общего художественного образования всех детей при условии преобразования этих принципов и технологий в соответствии с новой дидактикой, о которой у нас пойдет речь далее. При этом художественное образование я трактую как универсальный вид деятельности, дающий возможность по формуле П-П-Д развить эмоциональную мобильность ребенка, а также - интеллект и устойчивость веры.

Художественная педагогика, имеющая необозримые по богатству и разнообразию исторические традиции в жизни каждого этноса, имеет общие и специфические принципы.

Общеэстетические принципы - главные, существенные признаки, выражающие в совокупности сущность искусства как особого типа человеческой творческой деятельности. Мною в трудах обычно выделялись три таких признака: образное постижение прекрасного, выражение эстетической оценки постигаемого, стремление передать свои волнения, чувства, мысли другим людям или то, что называется заразительностью.

Выделю, предваряя дальнейшее развернутое изложение проблемы, специфические признаки художественной педагогики, необходимые мне

для более обоснованного изложения характера интегративной педагогики, ее содержания, системы структуры :

1) свободный выбор ребенком доминирующего типа художественно-творческой деятельности при ориентирующем влиянии специалиста и с учетом реальной возможности вариативности такого выбора (смены вида художественно- творческой деятельности);

2) развитие художественно-творческих способностей при синкретичном, скоординированном влиянии вербальной, эмоциональной и духовной корректировке их художником - педагогом;

3) интегративный характер педагогически - организованной художественно- творческой деятельности ребенка;

4) общеобразовательный смысл (направленность) ценностных ориентаций художественно - творческой деятельности ребенка;

5) синтез художественно - творческого развития и воздействия мистагогики и диететики.

Базирующаяся на этих принципах художественная педагогика превращает эстетическое воспитание ребенка в реальный фактор его универсального развития, его подготовки к жизни, ко всем катаклизмам, радостям и невзгодам нового тысячелетия. Средняя школа сегодня при своей устойчивой ориентации только на весьма поверхностное обучение практически бессильна заполнить сложившийся эмоциональный вакуум. Бесчеловечность, социальное равнодушие и гражданская пассивность, бытовой вандализм, грубость, цинизм, примитивность жизненных ориентаций многих вчерашних выпускников школы - общепризнанный факт и прямой результат этого бессилия.

3. Система образования в свете алетеологии

Формулировка новой общей концепции педагогики, определение ее содержания подводят нас к сакраментальному вопросу, от которого просвещенцы прячутся, отвечает ли система педагогики, устоявшаяся у нас, новой социокультурной ситуации. А если не отвечает, то какую **систему образовательных учреждений** в этой связи можно было бы считать оптимальной.

Безусловно, советская школа, хотя и не была достаточно демократичной и гуманизированной, выполнила с честью свою историческую миссию. Именно благодаря ей был создан мощный интеллектуальный потенциал общества, на котором мы и ныне живем по инерции. Ни у кого, например, мы не занимали, не выторговывали ни идей, ни проектов, чтобы совершить прорыв в космос, овладеть атомной энергией, создать новейшие технологии и машины. Убежден, что именно благодаря Учителю мы победили в Великой Отечественной войне.

Однако, на пороге эпохи Озарения традиционная школа постепенно изживает себя, оказавшись на задворках реформации общества, а точнее - становления великой России. Ныне с поразительным и подозрительным единодушием звучит мощный и разноголосый хор радетелей России, призывающих спасти ее, возродить, сохранить, вернуть былое величие. Но даже тогда, когда звучание хора доходит до крещендо, вы не услышите в нем жи-

вого голоса, действительно затрагивающего будущее России - судьбу ее молодежи.

Случайность? Отнюдь! Если многие беды России имеют и конкретных виновников, и реальные масштабы измерений и сопоставлений, то в разговоре об образовании детей раздаются филиппики только в адрес ближайшего прошлого. Споры нет, правители России послевоенных десятилетий в сфере образования продемонстрировали вопиющий разрыв между словом и делом. Каждый начинал свое властвование с заявлений о приоритете народного образования и одновременно урезал его финансирование из государственного бюджета. Каждый выступал в роли смелого реформатора этой системы в декларациях и обещаниях, а на практике же усугублял отрыв ее от реалий и потребностей жизни, духовных исканий народа. Маховик этой дурной тенденции активно раскручивается и ныне.

Трудно поверить, что родители, отправляющие ныне ребенка в школу, не ощущают чувства тревожного беспокойства, а, быть может, и чувства личной вины. Ведь и они сегодня - массовый "продукт", реальное порождение этой школы, единой, средней, общеобразовательной, которой она остается вопреки всем документам реформаторов от образования, несмотря на все циркуляры ведомства просвещения. Так нарушим же заговор молчания вокруг этой неистребимой сакраментальной формулы и подумаем, соответствуют ли ей нынешние «образовательные учреждения», сиречь школы.

Известно, что только та система образования жизненна и перспективна, которая учит не мыслям, а мыслить. Наша же общеобразовательная школа не дает главного - развития продуктивного мышления, овладения его логикой и современной технологией. Попробуйте побеседовать с выпускником средней школы о проблемах современной науки, об искусстве, религии, истории - и вы поймете, что в лучшем случае он выскажет вам некоторые стереотипные суждения, навязанные ему средствами массовой информации, журналистикой вообще. И если вчера выпускники средней школы предпочитали А. Твардовского, а теперь говорят об О.Мандельштаме и И.Бродском, как правило, не читая их, то ликовать по этому поводу могут опять-таки только журналисты, конъюнктурный подход которых к искусству, помноженный на мощь электронных средств информации, не в малой степени умножает просчеты школы. В данном случае речь идет не только о литературе, но и обо всех предметах учебно-тематического плана, осваиваемых, как правило, весьма поверхностно, а главное, без самостоятельного, заинтересованного отношения к ним, к их содержанию и операционному значению. Вот это и есть то, что я называю интеллектуальным обидливанием целых поколений россиян.

Преуспевает средняя школа и во всеобщем эмоциональном усреднении детей. А ведь дефицит эмоционального развития в школьные годы пожизненно пагубен. Дело не только в том, что школа, по сути, не занимается художественным образованием ребенка. Беда в другом - в полном противоречии традициям образованности как коллективной памяти, в игнорировании задачи выработки у ребенка всем процессом образования, всеми изучаемыми предметами и всей школьной жизнью фундаментальных ценностных ориентаций в мире человеческого общения, незыблемых норм бытия. Средняя школа сегодня при своей устойчивой ориентации только на весьма по-

верхностное обучение практически бессильно заполнить сложившийся эмоциональный вакуум.

Бесчеловечность, социальное равнодушие и гражданская пассивность, бытовой вандализм, грубость, цинизм, примитивность жизненных ориентаций многих вчерашних выпускников школы - общепризнанный факт и прямой результат этого бессилия.

И наконец, можно ли вообще считать средним по уровню то образование, которое начисто игнорирует выработку у детей устойчивой веры? Я говорю в данном случае не только об исповедовании той или иной религии с ее догматами, таинствами, структурой организации, но о более универсальном понятии, лежащем в основе всех вероучений (включая и марксизм, предаваемый ныне анафеме его вчерашними пропагандистами и теми, кто только старательно заучивал его положения в соответствии с общественной конъюнктурой и своими своекорыстными целями), о вере как принятии чего-либо за истину без подтверждения истинности принятого со стороны разума или чувств. Где, когда, на каком материале, какими действиями и средствами школа вырабатывает у ребенка ту веру, которая одна способна сделать его бесстрашным сыном своего народа, незыблемым в убеждениях в любых, самых драматичных ситуациях, негибаемым перед любыми напастями и бедами?

Способен ли вообще указующий учительский перст сделать органичными, естественными для нас как дыхание три фундаментальные нормы всех вероучений, о которых у нас пойдет особый разговор далее: "Другой - это ты", "Не делай другому то, что не желаешь самому себе", "Совершенствуйся"? Дадут ли веру, устойчивую и незыблемую, молодому человеку очередные шоу - встречи с духовными пастырями, вошедшие ныне в моду среди "просвещенцев"? Очевидно, здесь нужен иной, более конструктивный и действенный педагогический подход, опирающийся на тысячелетнюю традицию духовной культуры.

Еще одна ипостась триединой формулы нашей школы - *общеобразовательность*. Ее все мы, родители стараемся не ставить под сомнение, воспринимая ее как изначальную аксиому. Наверное, чтобы не будоражить свою совесть, чтобы не задумываться всерьез о будущем детей, об их выживаемости в нынешнем мире перевернутых ценностей. А зря! Ибо общее образование без развития самостоятельного продуктивного мышления ребенка, без совершенствования его эмоционального мира, без утверждения его в вере есть лишь педагогическая иллюзия.

По своему смыслу общее образование предполагает такое развитие человеческих душевных сил и способностей, которое универсально для всех в условиях конкретной цивилизации.

Применительно к новой, современной педагогике оно должно быть *базовым* в своей основе, в истоках развития мышления, эмоций и веры; *интегративным*, дающим не механический свод сведений о преподаваемых предметах, но систему органического триединства знаний, чувств и убеждений; *адаптационным*, дающим возможность выпускнику школы найти себе достойное место в жизни в условиях обостренной конкурентной борьбы за выживание, характерной для неразвитого капитализма в России наших дней.

Как ни прискорбно, по всем этим трем фундаментальным позициям общеобразовательная школа при любой мимикрии и смене вывесок на ее фасаде ныне терпит очевидное фиаско. Новая же модель образования, соответствующая требованиям эпохи Озарения, которую фактически на эмпирическом уровне развивают и утверждают творчески мыслящие педагоги, до сих пор повсеместно встречается крайне агрессивно, и прежде всего - традиционной академической наукой и в массовой педагогической практике.

Отсутствие хотя бы гипотетической модели общей образованности человека приводит к тому, что лишенный внутренней логической обоснованности набор учебных предметов не предопределен задачей развития яркой и самобытной индивидуальности, способной к самосовершенствованию в любых, самых экстремальных условиях. Лишенный общих основ современной культуры, выпускник общеобразовательной школы оказывается растерянным перед жизнью. Без навыков саморазвития и информационной культуры, без терпимости к чужому мнению или верованию, без эмоциональной пластичности и современной трудовой подготовки он не способен адаптироваться к бурно меняющимся жизненным ситуациям. Его положение поэтому оказывается драматичным: убежденный в том, что школа предопределяет его жизненный успех, что образованность дает ему начальные социальные гарантии, он зачастую чахнет в условиях, даже далеких от штормовых, а вполне ординарных и будничных. Чахнет и брюзжит, преисполненный недовольства, озадаченный тем, что его сверстники, отнюдь не преуспевшие в "образованности", быстро занимают теплое место под солнцем, более того, становятся новыми реальными хозяевами жизни. Можно себе представить, что произойдет с ними, когда государство предложит им отсидеть в школе двенадцать лет при сокращении необходимых современному человеку знаний и умений!

Весь мировой опыт, вся история человечества учат, что никакой адаптации ребенка к изменяющимся социальным условиям нет и не может быть без главных факторов выживания, характерных для жизни этноса в определенной исторической ситуации. Всегда понимали эту истину и профессиональные педагоги, и народная педагогика ее исповедует, и любая система семейного воспитания. В общее сознание ныне постепенно внедряется мысль о необходимости более прагматичного подхода к структуре современного образования. В частности, повсеместно (в том числе и в развитых странах) предпринимаются попытки сочетать общее образование ребенка с его специальной, профессиональной подготовкой, с приобретением трудовых умений и деловых навыков, мастерства в какой-либо сфере профессиональной деятельности. Естественно, преобразуется и школа, перестающая быть единственным образовательным учреждением.

Наши педагоги, чей ум еще не окостенел и чьи сердца не поросли мхом равнодушия к судьбам детей, давно пытаются защитить их от догм и "плодов просвещения" в средней общеобразовательной школе. Уже многие десятилетия, непосредственно наблюдая и активно помогая им на организационно-теоретическом уровне, замечаю, как иссякает их порыв, как рутина школьной традиции и ее охранительные тенденции поглощают любые искания и новшества, не перерастающие в систему.

Невольно напрашивается главный, самый болезненный вопрос, который все традиционные просвещенцы стараются обойти: а можно ли ныне вообще модернизировать школу, единую, среднюю, общеобразовательную как институт вполне конкретной эпохи Просвещения? Не пора ли признать, что сейчас перспективен иной путь - дешколизации, по которому пошли Л. Н. Толстой в своем яснополянском эксперименте, С. Т. Шацкий в колонии «Бодрая жизнь», А. С. Макаренко, опыт которого ныне широко изучается и реализуется в мировой практике, В. А. Сухомлинский, педагог - подвижник из Павлыша.

Многие годы, изучая мысли и опыт предшественников, я стремился вместе с педагогами - энтузиастами из разных регионов России, при поддержке замечательного организатора науки академика В. Н. Столетова, обосновать идею дешколизации, а также найти ее возможное теоретическое и организационное воплощение в новом типе образовательного учреждения. В таком, о выпускниках которого в отличие от массового «продукта» школьной системы не скажешь словами Сенеки, что они не знают необходимого, ибо учились бесполезному. Так возникла в начале восьмидесятых годов концепция **Интегративных Центров образования**, ставшая ныне, в исканиях многих теоретически мыслящих педагогов, приоритетной. Она, на мой взгляд, наиболее соответствует триединой глобальной задаче образования в эпоху Озарения, выработке новой модели базового образования, учитывающей новые информационные потоки, формированию прагматически обоснованного перехода к специальному образованию, ставящего каждого человека на надлежащее место в соответствии с его реальными способностями поиска оптимальных путей становления свободного индивида на основе органического единства знаний, эмоций, веры как предпосылки развития здорового во всех аспектах будущего общества, фундаментом которого станут информационные технологии как способ производства.

По сути дела, речь идет о модели образовательного учреждения, которое предвидели патриархи школьной системы, ее первопроходцы еще на заре эпохи Просвещения, решая иную социальную задачу - массовой подготовки человеческого материала, востребованного индустриальной цивилизацией. Отсюда - их конструктивная и пророческая идея *природосообразного образования*, достижимого лишь на новом витке квадрата истории. Ее реализации и призваны служить образовательные учреждения двадцать первого века.

Интегративные Центры образования, возникающие и функционирующие в разных уголках России под разными названиями уже не одно десятилетие, открывают реальную возможность действенной концентрации всех воспитывающих сил региона, его средств для максимально-эффективного развития ребенка в соответствии с его индивидуальными способностями и преимущественными интересами, с учетом перспектив рынка труда, его запросов. В них преодолевается изжившее себя в новой социокультурной ситуации, к тому же физиологически и психологически необоснованное деление времени ребенка на учебное, внеучебное и свободное. Ибо Интегративные Центры образования предполагают пребывание в них ребенка в течение полного дня. Тем самым, они на практике становятся не только Центрами обучения, но и Центрами радостного детского творчества.

Поисковый эксперимент по организации Интегративных Центров образования (естественно, пока лишь частичный, складывающийся в пеструю мозаику педагогических открытий в образовательных учреждениях подобного типа) дает основание сделать прогностический вывод о характере их функционирования. В них на практике достигается :

1) непрерывность нерегулируемых стандартной схемой занятий (а не типичных для школы уроков), органически сочетающих обучение, убеждение, наслаждение (вспомним в этой связи, что само название ш к о л а противоречит ее уныло - казарменным функциям, ибо по древне гречески с х о л е - досуг, развлечение);

2) синтез камеральных и внекамеральных подходов (свободные интеллектуальные, эмоциональные, деловые общения, игры, творческий труд, художественно-творческие действия (спектакли, работа хоровых коллективов, ритмика и танцы, вернисажи работ учеников и профессиональных мастеров, освоение опыта промышленных предприятий и сельскохозяйственной деятельности, занятия в музеях, на природе, в дискотеках, библиотеках, в фольклорных центрах региона и т.д.);

3) исключение оценок как формы наказания. Восстановление известных мировой практике действенных, педологических по характеру способов объективной оценки продвинутой ученика в интеллектуальной, эмоциональной и духовных сферах в соответствии с его индивидуальными способностями, способов, обогащенных достижениями мировой психологии и физиологии.

Повторяю: Интегративные Центры образования ныне - отнюдь не очередная педагогическая иллюзия, но широкое течение, позволяющее на основе его изучения предположить, какие же результаты в новой системе образования могут быть достигнуты при масштабной во всех отношениях организации. Эти результаты обобщаются мною в систему взаимосвязанных целей, в принципе достижимых для всех будущих Центров:

формирование логики самостоятельного, продуктивного, незашоренного мышления, медитация на основе постижения логики творческого мышления;

выработка устойчивой лингвистической цивилизованности (в том числе, и веры в чудо слова) , тонкого, музыкального лингвистического чувства на основе грамотности;

оптимальное развитие способностей свободного самовыражения;

сочетание общей эрудированности с информационно-поисковой культурой на базе компьютеризации всего процесса жизнедеятельности Интегративного Центра образования;

развитие всех предметно-творческих способностей, позволяющих успешно овладевать на завершающем этапе занятий в Интегративном Центре образования конкретной, любимой молодым человеком профессией в соответствии с уровнем современной цивилизации;

естественная приверженность трем основным принципам всех верований : другой - это ты ; поступай с другим так, как ты хочешь, чтобы он поступал с тобой ; непрерывно совершенствуйся.

Интегративные Центры образования, предполагающие максимальное развитие каждого ребенка в соответствии с его задатками и способностями,

с его духовными силами по вертикали (как обычно говорят в педагогической среде, подчеркивая идею непрерывности получения все новых сведений, впечатлений и убеждений), вместе с тем, имеют и свою внутреннюю организацию, структуру (развитие по горизонтали)

В Центре Универсального развития (I- IV годы занятий безотносительно к начальной, стартовой отметке возраста) дается базисное образование в соответствии с общими требованиями ко всем нормальным гражданам. Центр Эмоционального развития (V год занятий) предполагает педагогическую организацию переходного периода в жизни ребенка как для закрепления базисных знаний, устойчивых эмоциональных реакций и убеждений веры, так и для подготовки более интенсивного и эффективного развития впредь. Центр Творческого мышления (VI- VIII годы занятий) ориентирован на развитие логики самостоятельного творческого мышления в связи с интенсивным накоплением эмоциональных впечатлений и мучительными поисками устойчивости, определенности в вере. Завершает образование молодого человека специально оснащенный Центр Деловых навыков и Профессиональных умений (наподобие средних профессионально -технических училищ, которые в большинстве своем вопреки всему выжили).

Желательными, но отнюдь не обязательными (ибо всякий рецидив идеи обязательности нарушает, как это ни парадоксально, права человека!) являются занятия ребенка в первых трех Интегративных Центрах. Что же касается четвертого Интегративного Центра, то в зависимости от осознанных и устойчивых установок учащегося он может быть свободно выбран им либо отвергнут.

Само собою разумеется, что предлагаемая мною модель образовательного учреждения провидимого будущего отнюдь не идеальна и требует практической выверки в разных вариантах. Но в одном убежден на основе своего почти полувекового опыта воспитателя, педагога: косметические поправки и корректировки изжившего себя института школы, мешанина из канонических, "базовых" предметов и "инновационных открытий", типа уроков поведения, игрового общения, педагогики сотрудничества и т.п., имеющих многовековую историю, не могут решить и не решат ни одной из кардинальных проблем образования человека информационной цивилизации.

Отчетливо понимаю, что функционирование Интегративных Центров образования возможно только при переходе на качественно иной, высший уровень материального обеспечения и финансирования всего образовательного процесса. Бедственное положение школы в России, в котором она оказалась в условиях перехода к капитализму, не может являться серьезным аргументом в пользу последней как "дешевого" социального института. Тот, кто всерьез заботится о будущем Отчизны, не может не осознавать, что оно прежде всего - в детях, и не может мириться с мелкими подачками для реанимации школы.

Так будем же исходить из веры в разумность инстинкта народного самосохранения, выстраивая оптимальную схему материального обеспечения занятий в Интегративных центрах образования. Она родилась у меня в сотрудничестве с Е. В. Михайловой как своеобразное обобщение многочисленных наблюдений за поисками новаторов, которые самыми разными творческими путями закладывали кирпичи в фундамент концепции нового обра-

зовательного учреждения. Вкратце изложу суть этого теоретического обобщения.

1. Условия функционирования Интегративного Центра Универсального развития:

а) создание *Залы Мудрости* (оборудование - мягкий ковер, кубы - стулья, переносные столики, комбинированная доска - экран, проектор, диапроектор, магнитофон, проигрыватель, игровые компьютеры);

б) создание *Залы Фантазии* (оборудование - игрушки и игры, ковер, два мягких дивана, шведская стенка, домашняя и универсальная посуда, предохранительные решетки на окнах;

в) создание *Покоев* (оборудование - общий шкаф для верхней одежды, раздвижные шкафы - кровати, тумбочки для нижнего белья и санитарно-гигиенических принадлежностей, плотные шторы, коврики перед выдвигаемыми кроватями);

г) микроавтобус Интегративного Центра Универсального развития для мобильных выездов на любые внеаудиторные занятия;

213

д) домашнее питание: калорийная и витаминизированная пища, приготовленная под контролем дежурных родителей - гувернеров, сервиз обеденный, чайный;

е) обеспечение культурной и спортивных программ в соответствии с индивидуальным творческим замыслом педагога;

ж) создание *Покоев совести* для бесед и раздумий о мировых верованиях, о новых поисках человеческого ума и новых откровениях веры, для непосредственных встреч с достойными наставниками молодежи;

з) школьный автобус - для мобильного переноса соответствующих интеллектуальных занятий на предприятия, в лаборатории ученых, на природу;

и) *культурная и спортивная программы*, подчиненные развитию всех духовных сил, способствующих медитации, логическому мышлению, эвристическим поискам.

Залы Интегративного Центра Эмоционального развития используются и в Интегративном Центре Творческого мышления.

Условия функционирования Интегративного Центра Деловых навыков и Профессиональной подготовки зависят от реальных материальных и кадровых возможностей региона и от его социокультурной ориентированности. В деятельности этого Интегративного Центра может и должен быть использован уникальный многолетний опыт средних профессионально-технических училищ с корректировкой на задачи гуманитаризации, гуманизации образования.

Содержание образования индивида в системе Интегративных Центров, предполагающее не только общеизвестные "знания, навыки и умения" и совершенно никому точно неизвестные устойчивые стереотипы "базового образования", но неизмеримо более широкий комплекс человеческих духовных ценностей (логическое, операционное и эвристическое мышление, вера в смысл бытия человека во Вселенной, утонченное развитие эмоциональной сферы), менее масштабно по объему по сравнению с ныне действующими неистребимыми программами. Но благодаря взаимосвязи творческих принципов **новой дидактики**, отрабатываемой в Интегративных Центрах, это со-

держание усваивается более результативно и эффективно, становясь стабильным фактором духовной жизни индивида на многие годы. Такое образование учит не мыслям, но мыслить самостоятельно и творчески, не формальным принципам того или иного вероучения либо его внешней атрибутике, но вере истинной и глубокой.

Убежден, что Интегративные Центры образования и отрабатываемая в них новая дидактика будут способствовать скорейшему преодолению мифа о всеобщем, обязательном среднем образовании, которого у нас фактически не существует, ибо его заменяет вполне лицемерная система, утешающая нас выдачей дипломов и свидетельств всем и вся, безотносительно к реальным успехам детей. Свидетельств, которые ныне большинству выпускников школы (в связи с запросами рынка труда) попросту не нужны и которые никак не отражают реальной общей образованности детей. На основе многочисленных и достаточно репрезентативных личных наблюдений мною обосновывался этот вывод и всеми средствами информации доводился до сведения нашей общественности. Ответом был лишь глухой гнев просвещенцев, которые ни разу (несмотря на мои упорные предложения в разные инстанции и в разные времена) не соглашались провести универсальную проверку образованности выпускника школы нейтральными представителями большой науки, вероучителями разных конфессий, художниками.

Гарантирует ли иной результат предлагаемая мною организационная система, истоки которой - в традициях народной и семейной педагогики, в исканиях Руссо и концепции Дж. Дьюи, в уникальном опыте царскосельского лицея и яснополянском эксперименте Л. Н. Толстого, в поисках В. Лая и В. Килпатрика, в практике А. С. Макаренко и колонии "Бодрая жизнь" С. Т. Шацкого, в педагогической практике и теоретических обобщениях М. Монтессори, Э. Кэй, Н.К.Крупской, Н. А. Ветлугиной? Обеспечит ли она переход системы образования на новый, гоминизированный уровень даже при условии кардинального изменения технических средств обучения, о которых мы сегодня даже не можем и фантазировать? Я сомневаюсь в этом, ибо помимо организационной структуры в творческой деятельности педагога существенное (а порою - и решающее) значение имеет дидактика как общая теория процесса образования, соответствующая характеру образовательных учреждений эпохи, а также отработанные на ее основе педагогические технологии.

Соответственно мною обосновывается гипотеза о новой дидактике и мобильных педагогических технологиях, являющихся общими ориентирами педагогического поиска в Интегративных Центрах образования, в любых других образовательных учреждениях на основе интегративной педагогики.

Следует признать то, что давно уже ощущают ищущие педагоги - дидактика эпохи Просвещения, обоснованная великим мыслителем - гуманистом Яном Амосом Коменским, сыграла свою цивилизующую роль, предопределила путь к знаниям миллионов и миллионов детей в период становления нового, капиталистического мира, равно как исчерпала его революционная для своего времени концепция школы (со строгим структурированием : учебный год и каникулы детей, предметная система и урок как время ее усвоения, решающая роль учителя в работе с коллективом детей как единым целостным организмом и испытания с оценками).

Хотел бы быть правильно понятым: новое в образовательном процессе никогда не рождается как полное, революционное уничтожения тех принципов образования, тех способов обучения и воспитания детей, которые отшлифовываются тысячелетиями разными цивилизациями. Поэтому принципы дидактики Коменского: сознательность, наглядность, постепенность, последовательность, прочность знаний - в общей, принципиальной форме сохранятся и в будущем, но в преобразованном, в соответствии с новой социокультурной ситуацией, виде. Так, добиваясь от ученика сознательного усвоения материала, педагог будущего должен будет одновременно использовать и новые дидактические принципы для умножения потенциала этой сознательности, для выявления и операционного использования всех необозримых ресурсов человеческой познавательной способности, используя принцип наглядности, он должен будет учитывать, что наибольшее количество образных впечатлений ребенок получает не во время занятий в системе учитель - ученик, но в результате воздействия нового информационного поля, окружающего его с первых дней рождения, повсеместно и неотступно опираясь на принцип постепенности, он по неизбежности, в силу нового образовательного потенциала Интегративных Центров, будет стремиться к "индивидуализации" этой постепенности, так как в них все приспособлено к отдельному ребенку.

Учитывая рациональное содержание картезианской педагогики, традиции народной педагогики и семейной педагогики, а также в соответствии с новыми историческими задачами образования индивида и объективными возможностями такого образования, мною постулируются следующие принципы **новой дидактики**:

- 1) принцип индивидуализированного подхода;
- 2) принцип монтажной интеграции;
- 3) принцип свободы самовыражения;
- 4) принцип развивающих коммуникаций;
- 5) принцип прогрессирующего самоконтроля;
- 6) принцип синтеза в образовательном процессе интеллектуальной, эмоциональной, духовной деятельности на основе деятельности предметно-творческой.

Рассмотрим в общей форме эти принципы, полагая, что для учителя нового типа, работающего в Интегративном Центре образования, они являются не догматическими предписаниями, но лишь ориентирами творчества.

1. Принцип индивидуализированного подхода

Мне нередко, при изложении этого принципа в педагогической аудитории, приходится слышать, что им и теперь руководствуются все учителя. Действительно, они стараются найти особый подход к ребенку, но между их намерениями и результатом - огромная дистанция. Есть урок по предмету, есть требования к изучению этого предмета всеми детьми в равном объеме, есть единая мерка оценки "успехов" ребенка. Страшно подумать - еще стандарт и стандартолог! Между тем занятия (а не уроки) должны строиться с учетом интереса ребенка, не абстрактного" ученика школы, а именно этого, конкретного индивида. Говорят, что интерес можно пробудить. Безусловно!

Но нельзя сделать этот интерес устойчивой характеристикой индивидуальности, и то, что дается всем детям идеальным педагогом - новатором в школе, так же исчезает в тумане забвения, как и то, что вызубривает ученик в заурядной массовой школе. В Интегративном Центре образования возможна корректировка содержания изучаемой проблематики как на индивидуальном уровне (при помощи новых технических средств и материальных условий функционирования Центра), так и на уровне межличностного общения - и малыш, увлеченный математикой и легко постигающий ее тайны, вполне сможет заниматься с более взрослыми детьми. Дает этот Центр и возможность дифференцированного развития детей не только в интеллектуальном плане, но и во всех других отношениях, ибо предполагает наряду с максимальным общим развитием динамику выявления будущих профессиональных интересов. Поэтому, получив базовый для новой эпохи уровень цивилизованности, выпускник Центра максимально продвинется в том, что соответствует его индивидуальной природе.

Индивидуализированный подход в занятиях Центра позволит органично сочетать в итоге то, что нужно для выживания в условиях данной цивилизации всем с оптимальным развитием духовных сил и потребностей в соответствии с социальными планами выпускника. Стремление же всех детей развить в соответствии с единым социальным планом, действующим по традиции, ведет к снижению педагогических результатов как раз по этому второму вектору. Вспомните сами: нужна ли была вам, скажем, математика в том объеме, который вы успешно освоили и преблагополучно предали забвению? Нужна ли она и теперь художнику, фермеру, преподавателю литературы или спортсмену? Нас пугают, без такого объема занятий математикой, который ныне признается неприкасаемым в школе любого типа, дети не овладеют логикой мышления и, вообще, - не будут полноценными гражданами. Сомневаюсь! Думаю, более прав выдающийся ученый Г. Селье, разработавший теорию стресса, который вполне определенно утверждал: "Считается, что глубоко изучить логику и математику необходимо каждому независимо от рода его деятельности, ибо это учит человека думать. Я в этом сомневаюсь. На мой взгляд, математика и логика способны даже блокировать свободный поток того полуинтуитивного мышления, который является основой основ научных исследований в области медицины".

Индивидуализированный подход, подкрепленный всеми возможностями центра для перемены видов деятельности ребенка в согласии с его индивидуальным, педологически обоснованным планом развития, открывает перспективу реальной корректировки образования *каждого, отдельно взятого ученика* в соответствии с его социальными претензиями и реальными способностями.

2. Принцип монтажной интеграции

Напомню, что монтаж как великое завоевание кинематографа, предполагает такое сочетание двух элементов знакового ряда, которое рождает новое смысловое значение. Очевидно, что и занятия в Центре Интегративного образования, благодаря самой его структуре и функциональным возможностям, открывают перспективу действительно творческой, новой педа-

гогике. Сочетая разные дисциплины в одном занятии, традиционную вербальную форму изложения материала с выездами на природу или музей, предметно - творческую деятельность ребенка с его запросами и потребностями осознания смысла производимого в трудовом акте и закономерностей, лежащих в основе функционирования создаваемой им конструкции, педагог получит возможность осязаемой экономии времени для достижения более значительного образовательного эффекта. Так, любители автодела (а их, как правило, всегда очень много среди юношей), работая с двигателем, по необходимости подходят к объективной потребности разобраться в электро-схемах, в особенностях трения и действий смазочных материалов, в особенностях конструкций разных коробок передач и т.д. Педагог, удовлетворяя их любознательность, способен включить их в изучение математики, физики, химии на основе создаваемого им единого курса, и комплекс знаний, полученный в результате удовлетворения потребности познания, будет более эффективным и объемным. Конечно, отказ от предметной системы в ее сложившейся ныне форме - дело далеко не простое и отнюдь не означающее переход к **беспредметной педагогике** , но именно ему, безусловно, посвятят свой талант новые поколения педагогов в Интегративных Центрах образования. Но как бы им ни было трудно, они всегда должны помнить опыт мировой истории и теории образования, в которой предметная система занимает весьма скромное место. Целые цивилизации не знали ее, формируя новые поколения на основе синтеза знаний, эмоций и веры без иссушающего ум и обедняющего эмоциональную отзывчивость человека штудирования частностей, которые и тогда, конечно, были нужны только специалисту. Но и он достигал впечатляющих успехов лишь потому, что базовое образование получал как целостный человек с развитым воображением, устойчивой верой и эмоциональной отзывчивостью, с неистребимым стремлением к постоянному самосовершенствованию на основе аутотренинга.

Принцип монтажности в дидактике - не только антипод устаревшему принципу межпредметных связей, но и творческая альтернатива последнему. В самом деле, почему бы не попытаться преподавать литературу не как унылый, обязательный учебный предмет, но в синтезе с мировой историей, с одной стороны, и с художественно -творческой деятельностью ребенка - с другой. Давайте подумаем, почему все солидные академические труды по истории литературы обязательно предваряют и биографии писателя, и анализ его творчества, широкий и многоплановый экскурс в историю его времени? Да ведь и он, и его творчество - продукт и существенная составляющая истории. Так почему бы через эту составляющую не подойти к творческому усвоению литературы как фактора духовной истории? Многие годы, беседуя с талантливыми педагогами-литераторами, слышу одно и то же сетование : вопреки всем послаблениям и возможностям варьирования содержания преподаваемого ими курса, он остается *изучением, но не усвоением литературы как художественного творчества* . Ведь не случайно, школьники до сих пор (как и гимназисты) пишут сочинения, но не уделяют времени самостоятельному литературному творчеству в разных жанрах. А ведь понять, например, что такое ода и в чем ее эстетическая прелесть вне самостоятельного творчества, вне собственной литературно -творческой деятельности практически невозможно, даже доверившись учителям, исповедующим

идею чтения как творчества. Но где, как не в театральной студии может оформиться и отточиться подлинная литературная культура (скажем так!) на основе монтажной интеграции литературы и драматической деятельности? Где, как не в этой студии, учащиеся смогут получить глубокие, устойчивые знания и неистребимую потребность к чтению? Предвижу вопрос : так вы покупаетесь на литературу как учебный предмет? А почему бы и нет, если интеграция литературы и истории, дрампедагогики, вероучений даст неизмеримо более позитивный результат. Что же касается литературных знаний наших школьников, то и данные немногих социологических опросов населения, и личные наблюдения свидетельствуют о фантастическом, прямо-таки вопиющем невежестве подавляющего большинства вчерашних посетителей "средней, единой, общеобразовательной".

3. Принцип свободы самовыражения

Школа как институт эпохи Просвещения, была рождена во имя свободы, которую миллионам должно было принести знание, устраняющее мрак невежества. Прекраснодушные просветители, люди чести и подлинного гуманизма, не могли и предполагать, что это самое знание на исходе провозглашенной ими эпохи станет фактором порабощения, несвободы, манипулирования индивидом в угоду тем или иным властью предержащим, их групповым, клановым интересам. Не предполагали этого и их страстные последователи - романтические энтузиасты первых лет нашей революции, отработавшие одну из самых перспективных концепций новой, свободной школы. Еще при их жизни начался процесс дегуманизации образования, его подчинения задачам текущей политической конъюнктуры, проводившийся под громогласными призывами к истреблению "свободного воспитания". Итог-школа, выпускающая в жизнь людей без веры и устойчивых убеждений, без желания сколь-либо активно бороться за те гуманистические ценности, о которых они красиво писали в сочинениях и отвечали для оценки на экзаменах, готовых служить и Богу, и дьяволу, школа подготовки осредненного, массового человека с убогим набором предпочтений и символов успеха.

Сегодня, в условиях нарастания повсеместно олигархических интересов, влияния на реальную политику немногих супернабобов, организованных и беспощадных, единственная надежда на наступление эпохи Озарения без насилия и социальных, неизбежно-катастрофических катаклизмов - наши дети, которых можно и нужно вырвать из-под влияния образовательного института, ставшего на сторону несвободы. Принцип свободы самовыражения, преобразующий всю жизнь ребенка в Интегративном Центре образования, пронизывает весь учебно-воспитательный процесс. Речь идет не о примитивном понимании свободы как неосмысленного желания делать все что угодно, по индивидуальной прихоти. Суть его - в другом, а именно: в выработке устойчивой и ставшей для человека естественной потребностью самостоятельно и активно познавать, достойно реагировать на эмоциональном уровне на все проявления жизни природы и на творения рук человеческих, быть убежденным в раз принятой системе веры и не изменять ей по прихоти случая.

Напомним, что по формуле П - П - Д потребность формируется через переживания, преобразуемые действием. Именно это действие, педагогически организуемое, должно не только активизировать желаемое как итог переживания, но и само - переживаться как свободное, как выражение запросов индивидуума. Отсюда - принципиально иная, чем в школе, установка на обучение. Она идет не на обязательном и стандартном уроке, а на занятиях, где ребенку предлагаются разные варианты содержания изучаемого и постигаемого в зависимости от его способностей, склонностей и желаний в действии, результат которого - не маркируется педагогом в той или иной оценке (напомню, что любая "бальная" оценка в Интегративных Центрах образования - запрещена как факт несвободы, как наказание), но определяется творческой радостью от достигнутого, от преодоления любых, в том числе - и интеллектуальных, трудностей ребенком в союзе с учителем. Кстати, казенной оценке всегда уютно там, где есть соотнесение абстрактной модели знания с усвоением его учеником. Но как, например, оценивать достижения ребенка в эмоциональной сфере - его реальные вкусы, симпатии и антипатии, предпочтения, словом - все эмоциональные реакции? Либо - степень и характер его веры, его непоколебимых убеждений в ее истинности? В школе этот вопрос вопросов и не возникает, ибо эти две стороны духа человека находятся вне сферы ее интереса. В Интегративных Центрах образования (на что указывали все творцы новой, свободной педагогики) творческая деятельность ребенка во всех этих трех сферах духа предопределяет наслаждение от нее как высшую и побудительную к новому творчеству оценку. Отсюда - новый виток развития потребностей, органичных для индивидуума, для его своеобразной и неповторимой структуры. И на любом из этих нарастающих по масштабам и темпам витков побудителем совершенствования и самосовершенствования остается наслаждение (не увлечение, с которым надо учиться в модернизированной школе, а именно наслаждение).

4. Принцип развивающих коммуникаций

Образование человека, как я уже подчеркивал, отнюдь не сводится к необходимому, но ограниченному по результатам процессу научения, к той схеме "учитель - ученик", которая стала в нынешней, алогичной школе преобладающей, определяющей и весь "труд" учителя, и ориентированность всех потребностей ученика, призванного "сдать" тот или иной (в зависимости от степени мимикрии конкретного образовательного учреждения, остающегося в итоге все той же школой) набор учебных предметов. Существеннейшую часть знаний, убеждений, эмоциональных предпочтений и установок ребенок всегда получал от общения с другими людьми, от тех коммуникаций, которые в итоге определяют его индивидуальность и меру культуры. Палитра подобных коммуникаций, составляющих реальную структуру нашего бытия, весьма широка. Здесь и непосредственное общение, живые человеческие контакты, в которых каждый что-то неизбежно дает другим, получает и для себя, для своей копилки опыта, и контакты опосредованные, которые осуществляются при помощи тех или иных носителей информации, от книг до дисковых операционных систем. Здесь и общение активное, основанное на совместной деятельности людей, формирующей общие пережи-

вания, а стало быть - и потребности безотносительно к их возрасту (его спектр-от семейных интимных контактов до трудовой, воинской, рыночной деятельности) и общение пассивное, при котором вроде бы и нет коммуникативных контактов, но в действительности они тысячами незримых уз связывают всех нас, наблюдающих друг за другом, аккумулирующих впечатления от миллионов жизненных ситуаций и преобразующих их как в сознании, так и на интуитивном уровне. Детально эта коммуникативная палитра человеческого общения рассмотрена мною в книге "Клуб и культура общения".

Сейчас же мне важно обратить внимание читателя не на принципы классификации человеческого общения, но на принципиальную необходимость признания их решающей роли в образовании индивида в соответствии с теми возможностями, которые открывает неукротимый технический прогресс. Ведь недаром о нашем времени в последние годы все больше и настойчивее говорят как о времени информационной революции, об эпохе возрастания человеческих контактов в геометрической прогрессии. Так вот школа последнего периода оказалась за бортом исторического движения, напоминая собой изолированный океанариум в среде безграничной морской стихии, обитатели которого по неизбежности деградируют, вырождаются вне контактов, характерных для бытия на свободе, в естественных условиях. Педагог в противоестественной школьной среде мне напоминает музыканта, которому дано право играть на органе, используя лишь один регистр инструмента : по крайней мере, не менее семидесяти-восемидесяти процентов образовательных воздействий, порождаемых информационными контактами, находятся вне его педагогической практики. И не секрет, что порою эти воздействия сводят на нет и то небольшое, что выносит ребенок из школы в бурную современную жизнь.

Творчески мыслящие педагоги, не утратившие чувства профессионального долга, неуклонно расширяют контакты ребенка, его информационное поле на пути поиска новых форм занятий. Зачастую они решительно отказываются от догм школьной "заорганизованности", по существу прокладывая путь новому типу образовательного учреждения, которое перестанет существовать как изолированный организм, но превратится в открытый мир, способный ассимилировать влияние всего большого мира человеческих отношений. Интегративная система образования в этом отношении предстает организационной формой, по самой сути своей ориентированной на осмысленное, целенаправленное и педагогически организуемое расширение информационного поля ребенка и функционирующей на основе дидактического принципа развивающих ребенка коммуникаций.

5. Принцип прогрессирующего самоконтроля

В школе любят повторять ставшую трюизмом фразу : наша цель научить ребенка учиться! Увы, именно этого и не делает современная школа, выпускающая в большой мир наших детей без этого навыка. Они заучили предметы школьных циклов, более или менее благополучно "сдали" их, но не овладели навыками эвристического мышления, необходимым для каждого человека здоровым скептицизмом и самостоятельностью суждений. И причина подобного печального, но общепризнанного положения не столько

структура учебных курсов (в которых, как уже я отмечал, отсутствует учебный материал для освоения устойчивой веры и отработки тонких, пластичных эмоциональных реакций), сколько одновекторная направленность отношений в системе учитель-ученик. Мы незаметно предали забвению тот факт, что веками истории мирового педагогического опыта выявлена существеннейшая закономерность становления человека: его совершенствование всегда должно быть и самосовершенствованием, его развитие предполагает и навыки саморазвития. Закономерность эта характерна для всех возрастных групп учащихся, а тем более, для малышей, которые в силу здорового человеческого инстинкта выживания все хотят делать "сами". Нет нужды еще и еще раз подчеркивать, что там, где ребенок под руководством талантливого педагога умеет сам добраться до истины, до вывода, до познавательного итога, формируется действительно мыслящий, образованный человек. А уж тем более, такой подход необходим в делах эмоций и веры, где саморазвитие оказывается доминирующим педагогическим путем. Напомню о все нарастающем разрыве между эмоциональным миром миллионов молодых людей, безоговорочно предпочитающих "легкую" музыку в разных ее вариантах, и музыкальными предпочтениями педагогов, заученно повторяющих миф о бесспорном эстетическом приоритете европейского симфонизма (новые открытия в котором они, кстати, в массе своей тоже не приемлют). Подчас не ведая, что мир современной джазовой музыки - это бескрайний музыкальный мир, имеющий и свою классику, и своих пророков, и свои критерии вкуса.

Примечательно, что теоретики школьного образования, обладающие чувством современности, повсеместно ищут решения, способствующие преодолению подобного разрыва. Любопытен, например, опыт украинского исследователя Бориса Брылина, показавшего образовательный потенциал вокально-инструментальных ансамблей в рамках школьных учебно-тематических планов, и прежде всего - в деле их самосовершенствования.

Убежден, что подобные счастливые находки - исключения, лишь подтверждающие общую закономерность : школа в ее нынешнем виде не может выработать у детей стремление к самосовершенствованию и к объективной самооценке на основе принципа прогрессирующего, то есть нарастающего от одного возрастного этапа к другому самоконтроля. Ее ведущий принцип - авторитарный контроль учителя и учительского коллектива как непогрешимого и всеведущего судьи, менее всего склонных полагаться на самостоятельность учеников.

Между тем, в Интегративных Центрах образования по самой их структуре предполагается не столько дрессура, натаскивание учеников, но их аутотренинг сообразно возрастным возможностям и особенностям. Занятия физкультурой не завершаются на занятии - к услугам любого ребенка спортивные снаряды и сооружения по выбору, которые он может использовать в любое (подчеркиваю - в любое!) время, контролируя свое собственное развитие. Равно, как и занятие математикой может слиться с играми в зале компьютеров, способствующими совершенствованию математически - логического мышления, но может проводиться самим ребенком наедине с этим чудом техники - идеальным партнером для аутотренинга. Ребенок же, склонный к литературно-творческой деятельности, не "записывается" в кру-

жок, но получает возможность к этой деятельности во все большем объеме и с выходом за пределы Интегративного Центра. Образно говоря, ребенок все время сам (естественно, под наблюдением педагогов, владеющих новой дидактикой и игровыми педагогическими технологиями) поднимает свою финишную планку, движимый неукротимой потребностью самосовершенствования, немыслимого без четкого самоконтроля. Самосовершенствования - в многогранной и свободной деятельности .

6. Принцип синтеза в образовательном процессе интеллектуальной, эмоциональной, духовной деятельности на основе деятельности предметно-творческой

В процессе нашей революции теории и практики народного образования, опираясь на великую традицию гуманистов прошлого, на идеи Просвещения и Новой школы, определили статус советской школы как школы трудовой. Увы, вскоре все их новации были преданы забвению, и вместо трудовой школы мы получили школу с профессиональной ориентацией, а затем - школу без оной вообще, но с немногими межшкольными учебно-производственными комбинатами.

Сегодня же ведущий тип деятельности - труд как создание материальных, предметных ценностей оказался (вопреки прогрессивным тенденциям школы развитых стран) за порогом наших образовательных учреждений, если не считать немногие средние профессионально -технические училища. Бедственность подобного положения - не только в том, что депрофессионализируется подрастающее население страны, вымываемое диким рынком в сферы занятости, не требующие даже примитивной начальной общеобразовательной подготовки. Важнее иной аспект данной, трагической по своим последствиям, ситуации. Всегда, во всех конкретных исторических условиях развития интеллекта, эмоционального мира человека и его верований неизблемым, в определенном смысле слова, константным стержнем их совершенствования и ретрансляции как факторов достигнутой человеком культуры является труд, предметно - творческая деятельность. Та самая основная человеческая деятельность, в ходе которой человек, воздействуя на природу, изменяет свою собственную природу. При загадочной смене *типов мышления* (они, словно волны, идут на смену друг другу - магическое мышление, мифическое мышление, символическое мышление, ритуальное мышление, рациональное мышление и наконец ныне, на пороге Эпохи Озарения - операционное мышление) совершенствующаяся предметно-творческая деятельность стабильно хранит найденные ранее формы. Настройщик кибернетических систем не может не владеть теми производственными навыками, которые сложились еще на заре человеческой истории, и его подготовка как суперинтеллектуала немыслима без усвоения самых начальных форм труда. Как бы не разнились эмоциональные миры многих эпох человеческой истории (порою они столь несопоставимы и своеобразны, что с трудом верится в реальность человеческого единения как рода) , всегда, во всех условиях константный в своей основе труд порождает их и способствует их материальному выражению и закреплению. Да и более ста-

бильные системы верований зачастую исчезают в исторических катаклизмах, оставляя неистребимое убеждение в самоценности и святости труда в любых его формах. Интегративная система образования, учитывающая уроки истории, органически связывает совершенствование и самосовершенствование человека во всех его аспектах с трудовой деятельностью.

7. Структура интегративной педагогики

Новая система образования характеризуется своеобразным ее соотношением с целостной структурой образования человека, специфической для нарождающейся цивилизации. Общим местом теоретических работ прогностического типа стало признание существенного увеличения в качественном и количественном плане воздействия таких компонентов структуры образования, педагогики в широком смысле слова, как социальная, семейная педагогика, педагогика аутотренинга, этнопедагогика, и соответствующие изменения роли школы как устаревшего социального института. Традиционная школа, отказавшаяся от уникальных традиций, определившихся в XX веке, вопреки всем усилиям ее реаниматоров, остается своеобразным островком в океане жизни, не способствующим подготовке нового поколения к новым условиям выживания (хотите, назовем более деликатно – жизни), игнорирующим реалии загадочной цивилизации, рождающейся ныне в муках и катаклизмах. Интегративная педагогика, напротив, вытекает из запросов жизни и соответствует этим реалиям, органически сочетая в себе все компоненты образования (ее содержание, систему и структуру) в едином учебно-воспитательном процессе.

Первый из этих компонентов - социальная педагогика. Проблемы социальной педагогики разрабатывались мною с конца пятидесятых годов на основе работ К. Маркса и П. Наторпа, кстати, до сих пор используемых, как правило, без ссылок и в крайне примитивизированном виде академической педагогикой. Наиболее обобщающая моя работа - «Драматизм бытия. В поисках смысла (опыт социальной педагогики)». Я исхожу из конструктивной посылки К. Маркса, показавшего, что «всестороннее проявление индивида лишь тогда перестанет представляться как идеал,... когда воздействие внешнего мира, вызывающее у индивида действительное развитие его задатков, будет взято под контроль самих индивидов».

Естественно, что социальная педагогика существовала и до П. Наторпа, притом нередко в такой ситуации, когда специальных образовательных учреждений не было и в помине, что не мешало людям достигать таких высот цивилизованности, если хотите - образованности, о которых мы ныне и мечтать не можем, такой «продвинутой» в мышлении, пластичности эмоций и в убеждениях веры, которые не дает и не может дать в силу своей принципиальной изолированности от жизни социума сегодняшняя школа. Восстановление приоритета социальной педагогики - общеизвестный факт, требующий теоретического осмысления: в педагогических институтах, институтах культуры открываются кафедры социальной педагогики, определена и соответствующая профессия в «табели о рангах», сиречь - в номенклатуре - социальный педагог. Беда лишь в том, что модный термин просвещенцы лишили понятийного смысла, ловко приспособив его к своим нуждам

самосохранения (паразителен все-таки по своей неистребимости русский чиновник!), в действительности давая будущим учителям и педагогам в широком смысле слова убогие, обветшавшие сведения по внешкольной педагогике, по азам педагогики пионерского движения, по методам деятельности учителей микрорайона. Тем самым они уведят педагогов от действительно конструктивной, преобразующей сути социальной педагогики.

Напомню, что под социальной педагогикой я понимаю систему целенаправленных и взаимосвязанных *изменений социума*, господствующего в нем типа личности во имя развития индивида. Иными словами, это активный процесс использования динамичной системы социум - личность - индивид во имя совершенствования и самосовершенствования человека.

Структура социальной педагогики (в соответствии с ее целевой установкой на практическое преобразование мира человека) включает в себя три взаимосвязанных и расчленяемых только в абстракции раздела:

1) педагогически осмысленное регулирование всей системы общественных отношений в их совокупности во имя прогнозируемого, предвидимого изменения сущности человека (напомню, что истоки такого подхода - марксистское понимание человека как совокупности всех общественных отношений);

2) включение всех, и прежде всего - подрастающего поколения, в многогранную универсальную деятельность (а не только в деятельность научения), способствующую развитию всех духовных сил и способностей личности при их гармонизации;

3) интегрирование комплекса воспитывающих сил, факторов развития и саморазвития человека для выявления творческих потенций индивида. Вы скажу некоторые соображения об этих воспитывающих социальных силах и факторах, которые не просто должны быть учтены в школьной практике (что, конечно, абсолютно нереально), но стать и факторами Интегративной системы образования, дающей новый тип соотношения социума и образовательного учреждения.

Первый фактор - то, что принято называть средой, социальным окружением. Еще Роберт Оуэн справедливо подметил : " население всякой страны воспитывается и формируется существующими в ней основными условиями". К ним могут быть отнесены отношения собственности и политические установления, распределительные отношения и сложившиеся устойчивые типы межличностных отношений, которые регулируются нормами поведения, обязательными для "нормального", не выламывающегося из среды индивидуума. Естественно, что и "вещный", (в широком смысле - ойкумена) мир, созданный человеком или материальная среда - не музей, в котором мы живем, а выражение того же социального окружения, его символическое проявление, равно как и те организации и учреждения, которые порождает конкретная историческая эпоха, и в условиях функционирования которых и по законам принятой вольно или невольно игры мы все существуем.

Второй фактор социальной педагогики - культура в широком ее понимании, все то, что реально входит в понятие коллективной памяти. Само определение культуры как коллективной памяти, характерное для философии нового мышления, не только отграничивает ее от ойкумены, но и ориентирует нас на признание факта усвоения человеком системы существовавших в

прошлом знаний, верований, эмоций, информационно-знаковых систем их фиксации и модели образованности человека как обязательной стартовой площадки для прорыва в будущее. Естественно, что такое усвоение происходит всегда и везде не в абсолютном смысле реанимации всего того, что порождает жизнедеятельность человека, но избирательно, в соответствии с запросами времени и потребностями практики. Так, эпоха Европейского Возрождения предопределила всю культурную устремленность человека преимущественно на античный мир и постаралась забыть не менее великую культуру Европейского Средневековья. Великая Китайская цивилизация более спокойно и мудро всматривалась в культуру других народов и эпох, избегая радикального изменения доминанты своей многотысячелетней культуры, свято оберегая ее традиции в области знаний, веры, эмоций, ее информационно-знаковое поле и стабильные представления о взъе как образованности человека, которому доступно "премудрое незнание иноземцев". Естественное любопытство и открытость к иной культуре без подобной "премудрости", погубили цивилизации инков, майя, ацтеков, которые во многих отношениях представляли собой незаменимые цветы в общем букете человеческой культуры. Русская культура как поразительный феномен на протяжении тысячелетий хранит свою коллективную память и вместе с тем ассимилирует достижения культур других эпох и народов. В этом ее своеобразии, кстати, и таится источник нашей надежды на универсальное развитие ее культуры в XXI веке, путь которому уже сегодня может открыть Интегративная педагогика, учитывающая методы социальной педагогики органично, по самой своей сути.

Столь же органично (в отличие от школы как изолированного образовательного учреждения) Интегративные Центры образования адаптируют бесценный опыт **народной педагогики** . Мною разделяется то определение народной педагогики (впервые обоснованной как самостоятельная педагогическая сфера представителями культурной антропологии в Германии), которое сформулировал профессор Г. Н. Волков в книге "Этнопедагогика". Он писал в этой связи: "Народная педагогика - это совокупность педагогических сведений и воспитательного опыта, сохранившихся в устном народном творчестве, обычаях, обрядах, детских играх и игрушках и т. п. Народная педагогика предполагает наследование педагогической культуры народных масс, выработанной тысячелетним опытом человечества и бытующим в народе до наших дней". Соответственно этнопедагогику проф. Г. Н. Волков предлагает трактовать как особую науку о народной педагогике, что, безусловно, теоретически корректно, но не вошло в наш лексикон.

Прежде чем сделать акцент на потенциале народной педагогики, который наиболее адекватно может быть, с моей точки зрения, реализован в Интегративном Центре образования как учреждении, органично включенном в жизнь народа, в его быт и культуру, необходимо сделать некоторые терминологические уточнения. Когда мы говорим о необходимости использовать народную педагогику как систему обычаев, обрядов, сказок, игр народа, мы допускаем некоторую логическую чересполосицу. Ведь обычаи как "общий образ действий" - явление надэтническое, универсальное для рода человеческого, что отчетливо понимал В. Даль, приводя это определение. У всех народов существуют обычаи установления семейно - брачных отношений,

встречи новорожденного, прощания с усопшим, торжества победителя, мести и клятвы, самоукрашения, воспитания ребенка, почитания предков, календарные обычаи и обычаи поведения, обычаи омовения и веселья. Эти и многие другие общечеловеческие обычаи, порожденные требованиями выживания и человеческого общежития, на практике, в реальности реализуются как те или иные обряды, которые В. Даль точно и тонко определил как введенный законом или обычаем порядок в чем - либо. Именно этот порядок, принятый в том или ином этносе, образование и должно передать детям, причем не только в живом общении (социальная, народная и семейная педагогика в широком смысле слова), но и в процессе специализированного обучения. В школе такое изучение носит музейно-ознакомительный характер несколько снисходительного ознакомления ребенка с традициями "фольклора", милостиво допущенного в рыхлые, окончательно утратившие былую логику программы. В Интегративном Центре образования по самой его структуре как организации всей жизнедеятельности ребенка обряды не только изучаются (там, где этого требует возрастная специфика), но и становятся условием его бытия. Любопытно, что в одном из вариантов предлагаемых мною Центров - в Этнопедагогических центрах уже сегодня происходит органичное включение детей в традиции жизни их этноса, а не формальное их "изучение" в пределах учебных планов. Яркий пример тому - функционирование Этноэстетического центра "Берегиня" в городе Бердск, руководимого энтузиастом этнопедагогике Л.И.Васехой, сумевшей сделать обычаи народа - обычаями детей, основой их знаний, верований, эмоциональной ориентированности.

Что же касается упоминания значения игр в народной педагогике, то следует подчеркнуть универсальное значение игры как обычая для всех этносов без исключения. Иное дело - ее обрядовое, оформившееся выражение, характерное только для данной человеческой общности, несущее на себе черты ее национального характера. Интегративные Центры образования в силу своих временных и материальных ресурсов позволяют целенаправленно, педагогически использовать игры двух этих типов, как характерные для своего этноса, так и присущие другим этническим культурам, в том числе, и из далекого прошлого. Еще раз напомним, что не унылый и стандартный урок, но увлекательное занятие как единица времени ребенка в Центре позволяет педагогу творчески использовать всю безграничную палитру игр, накопленных человеческой историей.

Трудно переоценить значение такого фактора образования как **семейная педагогика** - обучение и воспитание подрастающего человеческого существа в действительно естественной, природной для него среде постоянного жизненного общения со старшими, и прежде всего, - с родителями, у которых нет и не может быть более высокого предназначения в жизни, чем подготовка к ней ребенка. Тысячелетиями семья была главной сферой педагогического воздействия на ребенка, что преотлично учитывалось на практике всеми великими цивилизациями, всеми этносами, всеми (даже самыми малыми) народами. Школа как продукт эпохи Просвещения попыталась осуществить прорыв в будущее, сосредоточив детей в особых, изолированных от семьи образовательных учреждениях, что, безусловно, имело опреде-

ленный рациональный смысл для преодоления негативного влияния семьи, характерной для обездоленных, призванных владеть жалкое, нищенское существование миллионов людей. Баловни же судьбы, не знавшие материальных бед, всегда предпочитали воспитывать своих чад в условиях семейной педагогики, в крайнем случае, - в пансионах, дублировавших условия все той же семейной обстановки. Именно так, например, воспитывался цвет дворянской интеллигенции России, все те, кто ныне составляет гордость русской культуры.

Основоположники школьной системы как высокогуманные люди, движимые самыми высокими просветительскими идеалами, понимали неизбежную историческую ущербность школы как образовательного учреждения. Именно поэтому они всегда подчеркивали, что школа должна стать родным домом для ребенка, а педагог по мере сил и способностей заменить родителей. Но ныне, в условиях массовой школы и своеобразного всеобщего забвения детей озабоченными родителями, подобные заветы великих педагогов воспринимаются как прекраснотушные дежурные фразы. Рядом с ребенком все время маячит (я не говорю о счастливых исключениях) зловещая фигура обремененного непомерными нагрузками и лишенного жизненного комфорта учителя, из года в год твердящего одни и те же прописи, не знающего столь необходимого ему изменения видов деятельности и творческого поиска, но владеющего всеми средствами устрашения ребенка, включая пресловутую оценку.

Смысл Интегративных Центров образования - в воссоздании семейной педагогики, ее гуманных и действенных принципов в условиях детского учреждения, сочетающего в себе процесс обучения и процесс

232

всей жизнедеятельности ребенка, лишенной казенной, унифицированной регламентации. Как новый структурный компонент образования будущей цивилизации он открывает уникальную возможность прорыва детей на новый уровень культуры, концентрируя в себе все виды педагогического воздействия в их органическом синтезе.

8. Интеграция культуры и образования как феномен информационной цивилизации

Осмысление процессов развития культуры как коллективной памяти и образования. как ретрансляции культуры, ее традиций - общечеловеческих и этнически-специфических, определение перспектив ее самодвижения во взаимосвязи с другими областями человеческой деятельности, равно как и их роли в новой, нарождающейся цивилизации предполагают точность, уверенность исходного понятийного аппарата. К сожалению, новоявленные "культурологи", движимые стремлением к самоутверждению либо во имя выживания, не способны предложить нам такие разработки, которыми могли бы оперировать цивилизованные политики как при определении стратегии развития культуры, так и при анализе необходимых и достаточных инвестиций в эту сферу человеческого духа.

Как нам действовать операционно и экономично, в соответствии с нашими возможностями, если и в теоретической литературе, и в педагогической практике (а "культурологию" ныне вводят как учебный предмет повсеместно, опять - таки по мановению вечного для России "указания свыше") объем понятия *культура* , то есть тех вещей и процессов, которые охватываются им, ныне почти безграничен. Здесь и сексуальная культура, и культура микробов, и культура дизайна, и культура бизнеса, и культура земледелия, и политическая культура, и культура общения, и культура торговли, и культура технологическая, и художественная культура во всем многообразии ее родов, видов и жанров, любительская и профессиональная и так далее, без видимых границ, на благо дилетантам от педагогики. Кстати, средства массовой информации, драматизирующие развал нашей культуры в нынешней печальной ситуации и ратующие за ее спасение на пути все новых инвестиций - от государства, от отечественных меценатов и зарубежных спонсоров - имеют в виду только художественную культуру, а точнее, искусство и соответствующие его специфике учреждения: театры, музеи, библиотеки, клубы. Представители же других видов человеческой деятельности, ратая за культуру и ее спасение, вполне резонно имеют в виду иные профессиональные установки и интересы.

Соответственно подобной потребительской позиции "культурологи" конкретизируют содержание понятия культура (т.е. совокупность существенных признаков, мыслимых в нем). Политики, экономисты, работники государственного аппарата всех уровней и деловые люди, принимая то или иное понятие на веру, невольно оказываются в своеобразной вилке - либо увеличивать без разбора и стратегических приоритетов финансирование всего, что точнее было бы назвать - в отличие от космоса - ойкуменой, обжитой Вселенной, либо сосредоточить ресурсы на том, что понимается именно ими под культурой. И в том, и в другом случае они окажутся под огнем нарастающей критики неудовлетворенной общественности, так как финансирование и вообще материальная поддержка на сколько-нибудь достойном уровне культуры в широкой ее интерпретации как всего созданного умом и руками человека и всех его действий творческого характера - утопия, если не блеф, а финансирование и материальная поддержка одного приоритета в соответствии с узким пониманием культуры (например, культуры только как искусства) может вызвать обвальные процессы в смежных областях. Наверное, именно такого рода процессы были спровоцированы в клубном деле, которое было отлажено у нас на мировом уровне и которое вполне могло быть приспособлено при желании к новым социальным условиям. Перепуганные натиском профессиональных художников, отлично приспосабливающихся к условиям рыночной, капиталистической экономики, у нас не была поддержана своевременно и система любительского искусства, которая опять-таки всегда вызывала восхищение тех, кого мы ныне призываем в качестве "спонсоров" из-за рубежа. Что же касается образовательных учреждений как факторов ретрансляции культуры, следует признать, что традиционные для России любители реформ перетрясли их так основательно и с таким геростратовским наслаждением, что от одной из самой перспективных в XX веке модели школы будущего, выработанной отцами нашей революции, лучшими представителями русской интеллигенции, ныне остались только печальные

руины. Реформаторы почти истребили детские сады, детские клубы и пионерские лагеря вместе с их уникальным кадровым потенциалом, детские парки и станции технического творчества, учебно-производственные комбинаты и юннатские организации.

Полагаю, что сколько-нибудь эффективная и продуктивная дискуссия по проблемам культуры и ее ретрансляции в системе образования ныне реальна лишь в том случае, если мы преодолеем словесные построения культурологов и уточним свои, рабочие понятия в соответствии с исторической традицией, здравым смыслом и социальной задачей отработки системы образования будущего.

Стоит задуматься над тем, что многие авторы, анализируя древнейшие культуры (в том числе и русскую) , обращают внимание на то, что эти культуры вообще не знали такого термина. В допетровской России говорили об образовании и образованном человеке, в древнем Китае культура понималась как взнь, как наследие древних мудрецов, пребывающее в душе благородного человека. В современной культурной антропологии, на многие идеи которой я и ориентируюсь, о культуре говорят как о коллективной памяти, как о ретрансляции интеллектуального, эмоционального и духовного опыта предков и его обогащении соответственно новым реалиям. Избрав такое определение, мы ограничиваем объем понятия культура вполне осязаемыми рамками и одновременно не связываем его с качеством какого-либо конкретного вида человеческой деятельности. Дело, конечно, не в терминах. Думается, что культурно- антропологический подход к определению человека (связанный с именами Л.Н.Толстого и В. И. Вернадского, А. Швейцера и Тейяр де Шардена, Рут Венедикт и Маргарет Мид) позволит отработать динамичную и оперативную обратную связь в системе культура-общество на пути **интеграции, демократизации и интенсификации**. Только этот путь позволит нам судить о достаточности инвестиций в культуру и об их эффективности. Любой иной ведет к бездонной пропасти, которую не заполнить даже золотому ливню из казны, если бы такой был возможен.

Прежде всего - об **интеграции** . Амплитуда расхождения культуры как образованности человека, его интеллектуального, эмоционального и духовного совершенства и конкретных сфер реализации этой культуры, ее материального воплощения достигла крайней точки. Начался обратный процесс интеграции, который следует понять и использовать в меру возможностей, и, прежде всего, - в деле реализации новой системы образования.

Вспомним, как в конце двадцатых годов (в силу целого комплекса взаимосвязанных причин, еще требующих научного анализа) размежевались культура и образование во всех его типах, что было закреплено и в соответствующих государственных структурах, существующих и поныне. Они не просто удвоились, но начали расти в геометрической прогрессии, ибо каждая подсистема единой культуры (повторяю - единой!) потребовала и свои методические подразделения (неведомые цивилизованному миру), и свои областные, городские, районные отделы с колоссальным аппаратом, якобы "управляющим" культурой и образованием, а в действительности препятствовавшим свободному духовному развитию человека. Возник парадоксальный перекосяк: в управленческих и научно-методических структурах, а также в непомерно раздутых отраслевых институтах культуры, просвещения, даже -

в академиях был сосредоточен наибольший по численности кадровый потенциал.

Не отставали от просвещения и художественной культуры и другие сложившиеся сферы деятельности, также провозглашавшие себя важнейшими очагами культуры. Они создавали (вполне по Паркинсону) бюрократический управленческий и научно-методический аппарат по вертикали, свои училища, институты и академии.

Этот чудовищный, алогичный монстр, прикрывающийся именем культуры в примитивно "культурологической" трактовке, отнюдь не исчез и сегодня. Он обладает чудесной силой мимикрии, адаптации к любым потрясениям и даже трансформации во имя выживания в новом качестве. Только интеграция на основе культурно-антропологического подхода к культуре как коллективной памяти и к образованию как к ретрансляции этой культуры способна подавить эту силу, более того - вызвать действительный расцвет главного носителя и хранителя человеческого опыта - конкретного индивидуума.

Давайте проведем простой подсчет, что может дать объединение при радикальном сокращении подсистем культуры и просвещения. Прежде всего, ликвидацию армии так называемых методистов и управленцев районного звена, которые ныне, в условиях капиталистических рыночных отношений, оказались лишней шестеренкой в отлаженном механизме. Далее, ликвидацию отраслевых учебных заведений и замену их высокопрофессиональными учебными центрами. Следует вспомнить практику, согласно которой выпускники университетов получали диплом педагога по специальности, избранной ими, но лишь немногие наиболее одаренные - специальный диплом инженера, математика, физика, свободного художника и т.д. Если что и способствует сегодня деградации культуры России, так это педагогические институты (как бы не именовали они себя: академиями или университетами), как правило - оторванные от живого процесса педагогического творчества, проповедующие азы старой педагогики и архаичные методики, а главное, - тиражирующие год за годом выпуск учителей для устаревшей школьной системы на крайне посредственном интеллектуальном, эмоциональном и духовном уровне. Вносят свой вклад в этот деструктивный процесс так называемые институты культуры, которые на поверку оказываются (по содержанию обучения) центрами подготовки руководителей кружков для не существующей более "самодетельности", но отнюдь не учебными заведениями, выпускающими специалистов по ретрансляции всего богатства человеческого духа в его историческом и этническом своеобразии.

Интеграция художественной культуры и просвещения окажет опосредованный эффект и на средства электронной информации, ибо новый, неизмеримо более культурный (т. е. образованный) человек отверг бы примитивное варево из глупейшей рекламы, убогих боевиков и демагогической политической трескотни наемных политологов.

Финансировать дезинтегрированные подсистемы культуры (одновременно утверждая, что на Интегративную систему образования ныне нет средств) - дело бесперспективное в любых условиях. Так, Министерство образования России в свое время жаловалось, что из выделенных ему 10% государственного бюджета им пока получено лишь 5,7%, и то со значительным опозданием, как и в любые другие годы. Но, получи оно сполна все 10% и

даже 20%, что изменилось бы в деле приобщения миллионов детей России к культуре, к ее истокам, к ее современным требованиям к человеку? Убежден, что ответ может быть только отрицательным, ибо сама архаичная школьная система в стране давным-давно изжила себя. И, кстати, не только у нас, но и в других, временно более благополучных странах, упорно придерживающихся архаичной школьной системы. Скажем, во Франции на просвещение идет 20% национального бюджета. И что же, каков результат? По заявлению Министра просвещения Франции, большинство учеников французских школ не овладевает смыслом читаемого в начальных классах, в школах отсутствует профессиональная ориентация детей, в школах и колледжах растет волна насилия, в том числе, и по отношению к учителям.

Интеграция во имя культуры и ее развития имеет, конечно, не только организационно-производственный аспект, но и аспект социальный. Здесь как бы смыкаются процессы, которые происходят в образовательных учебных заведениях, ищущих новые формы такой интеграции (предлагаемая мною - лишь одна из многих разрабатываемых ныне в стране концепций) и в социальной жизни. Новые подходы к культуре как к коллективной памяти эпохи Озарения, как к совокупности прогресса человека и человечества во всех областях и направлениях при условии, что этот прогресс служит совершенствованию индивида как прогрессу прогрессов, нуждаются не только в таких учебных заведениях, но и в социальной стратегии, предопределяющей адекватные изменения в обществе. Отсутствие такой стратегии в настоящее время - явление преходящее, связанное с характером высших эшелонов власти, с уровнем все той же культуры.

Система "культура - общество" будет перспективной и при условии ее подлинной **демократизации**, а точнее - гоминизации, которую А. Швейцер и имеет в виду. Думаю, что такая оговорка - необходима, ибо, к сожалению, в силу целого комплекса причин термин демократия, а стало быть, и демократизация как итог ее становления необратимо дискредитирован. Основа такой дискредитации - подмена истинного значения демократии как власти большинства иным социальным смыслом - народовластия. Но никогда, нигде не было и не может быть власти народа, то есть всего населения, живущего на определенной территории. Наш же идеал - такая власть, которая служит интересам каждого человека, устраняет причины античеловечности и бесчеловечности в любой, даже самой изощренной психологической форме. Не имеет значения, немногие или многие правят, ибо дикая, антигуманная власть большинства во стократ опаснее для человечества, чем основанная на культуре как синтезе знаний, эмоций и веры власть меньшинства. Здесь существенна не форма, но содержание, и если правители России девяностых годов истекшего столетия под флагом демократии сделали все возможное и невозможное для разрушения системы культуры: образования, медицинского обслуживания населения, искусства, то за таким флагом интеллигенция как прообраз будущего, сегодня еще пребывающая в шоке, впредь не пойдет. Вот почему я и вынужден был сделать это уточнение термина, от которого, к сожалению, отказываться преждевременно.

Сегодня все чаще и все ожесточеннее звучат голоса тех деятелей художественной культуры, которые еще недавно, задним числом, с дозволенной смелостью обличали тоталитарную систему, душившую их свободу, а

ныне ностальгически вздыхают по временам государственной защищенности своего благополучия и требуют алогичного - сочетания полной (в том числе - и материальной) независимости с устойчивыми централизованными субсидиями. Но условия демократического развития требуют от художников навыков выживания, свободной конкуренции и культурных предпочтений тех, кого принято снисходительно называть "потребителями искусства".

Но эта ситуация-деформация демократизма как гоминизации, а ее реальные выразители - только накипь истории, вполне закономерная для любой эпохи социальных потрясений. Таковы, например, вполне амбициозные и непризнанные таланты, нигде и никогда не слыхавшие о вечных нормах бытия (они же - продукт нашей школы), убежденные, что народ изначально лишен культуры, а также ловкие дельцы от искусства, чутко реагирующие на рыночную конъюнктуру и наводняющую страну (особенно - средствами электронной информации) бездарными, но ходкими подделками под искусство, как своими, так и зарубежными. Ведущей же и конструктивной является иная тенденция демократизации жизни, которая уже приводит к позитивным результатам как благодаря неодолимым переменам в системе образования, так и реорганизации самой духовной жизни социума на основе рефлекса коллективной памяти. Повсеместно начался активный процесс всестороннего использования для становления индивидуума как "прогресса прогрессов" - всего духовного потенциала России. А этот потенциал действительно безграничен. Он - в святынях ее духа, которые хранит церковь, а также музеи и библиотеки, избежавшие трагической участи клубов. В ее народной педагогике, ориентированной на традиционные национальные ценности в сфере поведения и межличностных отношений. В ее семейной педагогике, сконцентрировавшейся, вопреки натиску разнузданной массовой культуры, на основах семейных отношений, на преемственности поколений. В тех традициях и новых ростках Интегративной педагогики, которая возникла и проросла удивительными открытиями педагогов - новаторов именно в России. Короче, в том синтезе культуры и образования, который и предопределяет наш вход в новое тысячелетие.

Драматичные события, неизбежные для периодов социальных потрясений, в которые вольно или невольно оказывается вовлеченным абсолютное большинство населения, преломляются в России в соответствии с ее загадочной, но вполне реальной своеобычностью. Тайна России, ее духовности именно в том, что русские люди в самые драматичные периоды своей истории являют (вопреки всем материальным невзгодам) соборность духа, его глубинный и органичный гуманизм, неожиданно обретают второе дыхание, являя миру чудеса интеллектуальной, эмоциональной культуры человека.

Разве не роковые часы России предопределили славный полет петровских орлов? Разве не в разоренной России, не в сожженных французами городах и селах подрастали и образовывались мальчики, подарившие миру золотой век культуры России, изумляющий мир до сих пор? И не в разгромленной ли англо - французами во время Крымской войны России, когда западные витии предрекали полный развал великой империи, начался новый, небывалый подъем всех сфер духа : науки, искусства, технической мысли, философии?

Назойливо ныне эксплуатируется одна тема : мрак и ужас, в которых жила Россия в предвоенные годы. Нам, людям той поры, есть что сказать по этому поводу, дабы развеять липкий туман лжи, насаждаемый и нынешними просвещенцами. Придет время -и мы, конечно, скажем свое слово памяти (вспомним еще и еще раз - культура есть коллективная память, а образование - ретрансляция этой культуры!). Ведь не этот ли трагический период всестороннего подъема России дал миру Станиславского и Мейерхольда в театральном искусстве, Гардина и Протазанова - в кино ,Осмеркина и Фалька - в живописи, Асмуса и Лосева - в философии, Ландау, Курчатова, Королева, Туполева - в науке. Да разве перечислишь всех титанов, которые определяли культуру России XX века и каждый из которых мог бы составить национальную гордость любой страны один, без столь блистательного окружения.

Затянувшийся без меры кризис « демократии » в России - очевиден. Но важнее другое : в бурлении духовной жизни назревает нечто неведомое и мощное, загадочное и сияющее. Оно всходит на перегное сегодняшней жизни, в наших детях и система «культура - образование» должна быть ориентирована именно на них.. В этом - источник третьего направления в будущее тысячелетие : **интенсификация** общекультурного процесса в целом. (Еще раз напомним, что культура и образование трактуются мною как амбивалентные понятия). Традиция, порожденная централизованным бюрократическим «управлением» культурой и образованием (при котором, кстати, в системном отношении было немало рационального, требующего осмысления с новых позиций), привела к устойчивому стереотипу мышления : оценивать их качество только по количественным параметрам. Не случайно многие показатели из области материального обеспечения культуры и образования стали в 70 - 80-е годы публиковаться в государственных статистических отчетах. По привычке мы и теперь пользуемся подобным подходом. Так, политики, оспаривающие утверждение о кризисном состоянии культуры России, обычно говорят о том, что у нас еще работают более миллиона деятелей искусства, науки, образования. Здесь сказывается парадигма потребительского мышления, основанного на вере в решающее значение материального производства, призванного в идеале удовлетворить ненасытные человеческие потребности.

Но мы, люди планеты Земля (и прежде всего Россия с ее традициями духовности), можем добиться в конце концов торжества Разума, человеческих Эмоций, Веры, человеческой способности создавать и познавать духовные ценности и главную из них - ценность человеческой индивидуальности, неповторимости. Обществу потребления и неумеренного производства, вопреки запросам духа, Новая Россия, безусловно, противопоставит стратегию общества духовного совершенствования и самосовершенствования. Тогда и культура (в ее подлинном, историей выверенном смысле, а не в контексте трактовки ее очередными «культурологами»), впервые станет определять технику, производство, промышленность, всю социальную жизнь. И притом (даже при равных инвестициях) неизмеримо более интенсивно, ибо ретрансляция новой культуры будущего станет осуществляться новой, органически вытекающей из нее педагогикой, содержанием, системой и структурой всего образования эпохи Озарения на базе триединства науки, искусства

ва и веры. Это и будет наш завет новым поколениям граждан России. Это и будет определением такого их образа, такой «модели» (как любят говорить просвещенцы), которую мы обязаны начать воплощать в реальность уже сегодня, сейчас. История не оставила нам времени, ибо изжившая себя «образовательная система» вновь и вновь порождает полуграмотных и обездуховленных людей, смещает все акценты в гуманистической трактовке высшей цели образования индивида.

9. Высшая цель образования индивида

В комплексе проблем, порождаемых динамикой систем образования, всегда присутствует как доминанта, общая для эпохи, социума, этноса (в их сложном конкретно - историческом переплетении) *идеальная цель образования*, осознаваемая и на теоретическом, и на бытовом уровне как критерий образованности. Его теоретическая отработка для наших условий предполагает эвристический анализ некоторых, на первый взгляд, вполне очевидных понятий.

Их появление в нашей лексике, равно как и вторжение в научный обиход не случайно, но предопределено разломом эпох, переходом человечества от одной стадии развития к другой. Они, как индикатор, отражают исчерпанность прошлого в настоящем и переход от настоящего к будущему, к непредсказуемым сдвигам в сфере вечно обновляющегося человеческого духа. Мы оперируем ими, не задумываясь о мистике истории, о неотразимой динамике общечеловеческого обновления.

Теоретики и пропагандисты новых вариантов педагогики в условиях развивающихся ныне этносов на диво единодушны в утверждении такой исковой идеальной цели. Если абстрагироваться от фразеологических различий, то все они обещают одно и то же - достижение каждым образованным по их концепциям человеком уровня *интеллигентности*. Факт всеобщего признания значения интеллигенции сам по себе отраден, но ничего не объясняет, ибо многое (если не все в интересующем нас отношении) зависит от трактовки этого далеко не самоочевидного понятия. Казалось бы, нет ничего более легкого, чем ответ на вопрос об его сущности. Но попробуйте подойти к нему не с бытовой, а с культурно - исторической точки зрения, и все сразу же окажется проблематичным. Ныне для нас интеллигенция - люди умственного труда, обладающие образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры. Проще говоря, *все не рабочие и не крестьяне*.

Перенесемся мысленно более чем на сотню лет назад, в прошлое - и вот уже более локальное, поисковое, осторожное определение, данное В. Далем. Интеллигенция, с его точки зрения, это «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей». Выражая своим лингвистическим поиском тенденции начала разлома цивилизаций, он более осторожен, предчувствуя возможность дальнейшего расширения объема понятия, при котором исчезает качественный критерий. В самом деле, все ли люди, обладающие образованием, могут считаться представителями интеллигенции как разумной, образованной, умственно развитой части жителей? Не надо особых социологических исследований, чтобы отрицательно и с достаточным основа-

нием ответить на этот вопрос. Проблема же - в иной плоскости, а именно в определении первопричины потери этого качественного критерия нами, в результате чего мы причисляем к интеллигенции тех, кто не имеет к ней, в силу своей духовной неразвитости, никакого отношения. Конечно, имеется здесь и социально - психологическая подоплека, ибо внекачественное демографическое определение всех нивелирует, а посему и устраивает, ибо уводит от ответственности тех, кто сконструировал и отстаивает поныне систему обучения просветительского толка, лишенную перспективной идеи новой образованности человека информационной цивилизации.

Многое проясняется, если перейти от привычных социальных схем на уровень индивида с позиций гоминизации. Ведь в таком случае корректно говорить не об абстрактно-всеобщем - интеллигенции, но о конкретном, единичном, об интеллигенте как живом человеке, обладающим комплексом истинных теоретиками педагогики качеств. Задумаемся еще и еще раз об определении, которое предложил В. Даль. Оно выделяет как существенный один, доминирующий признак интеллигента (точнее - интеллигенции, ибо в Словаре, созданном им на основе языковой практики XIX века такого термина просто не существует! - образованность как умственное развитие. Но ведь наше современное лингвистическое чувство протестует против такого просветительского подхода, конечно, поначалу - лишь интуитивно. Ибо катаклизмы нашего безумного, противоречивого мира, органически вобравшего в себя самые вопиющие противоречия человека, убеждают уже сегодня, сейчас в том, что торжество разумности, мощи интеллекта не обеспечивает его выживания. Ведь не случайно, едва ли не основной темой всех выдающихся фантастов современности, от Рея Брэдбери и Айзека Азимова до создателей масштабных футурологических утопий голливудских мастеров киноиндустрии, является выход человеческого интеллекта из-под естественного контроля других сфер духа, его конфликт с человеческими эмоциями и верованиями.

Здесь необходимо отступление, поясняющее утверждаемую мною концепцию цивилизации XXI века и интегративной педагогики как базы образования ближайшего периода в России. История, с моей точки зрения, не укладывается в прокрустово ложе традиционной трехстадийной системы развития, ограниченной, как и любая теоретическая догма. Она скорее демонстрирует непрерывное вращение в неопределенном пространстве квадрата, начинающееся и завершающееся переходом в иную систему координат. Так, в европейской истории универсальное развитие свободного человека дал нам античный мир, и в первую очередь - Древняя Греция. Свободнорожденный в этом мире - интеллигент на первом повороте квадрата истории, обладающий знанием науки мудрости - философии, органическим чувством красоты, верой в пантеон своих богов как ценностных ориентиров бытия и смысла жизни.

А далее, по мере движения квадрата в неопределенном пространстве - прорыв человечества в будущее, к совершенству через самосовершенствование мог осуществляться по неведомым, но вполне реальным причинам лишь на одном фланге атаки, поочередно и поступательно, с удивительным совпадением в жизни самых разных этносов. Средневековье в Европе дало нам мир веры, всеохватывающей и исступленной, более глубинной, но по-

жирающей все другие способности человека, его эмоции и разум. И как реакция - третий угол атаки вечно вращающегося квадрата истории, торжество человеческой чувственности, эмоциональности в эпоху Возрождения. Но квадрат исторической динамики не знает успокоения в силу пространственно - временной неустойчивости: Просвещение открывает в Европе эпоху торжества интеллекта, разума, обученности, перед которым должны были померкнуть и призраки Средневековья, и чувственные миражи Возрождения. Мистерию научности, веру в таинственную и неодолимую мощь знания) вспомним немецких просветителей: «Знание - сила» (и отразило определение интеллигенции, выработанное языком народа как свидетельство его духа).

Но со времен XIX века квадрат истории продвинулся в мрачное, пугающее будущее, и в общем сознании веру сменило безверие, а затем страстный, но бесплодный поиск веры, без которой все в нашей жизни лишается устойчивости, смысла, стержня, перспективы. Отсюда - карикатурные извивы религиозного сознания людей нового тысячелетия, мятущихся между учением Кришны, заповедями Моисеевых книг, откровением Евангелия, мирозерцанием Будды, учением Мухаммада и пророчествами Маркса. Страстное пантеистическое служение красоте оттеснила лукавая заразительность безобразия во всех его проявлениях : от импотенции навязчивой и крикливой моды до зловещего моря фильмов, спектаклей, телешоу, поэтизирующих все самое низменное не животное, но звериное!) в человеке, что скрыто и неодолимо таится во всех нас без исключения как наследие предшествовавшего периода вращения квадрата истории.

На наших глазах доламывается просветительская иллюзия спасительности и вселенской мощи интеллекта, мираж существования некоей ноосферы, исчезающей в зыбком тумане прошлого и не перекинувшей реальный мост в будущее. Просвещенность не спасла мир от кошмаров XX века, о которых ни по количеству их, ни по масштабам и не ведало наивное человечество. Как сиамские близнецы в этом завершающем эпоху Просвещения движении квадрата истории, выпавшем на наш драматический удел, в нас самих как его порождения соседствуют ошеломляющие достижения интеллекта и вандализм дебилизированных людей, что практически и ретранслирует просветительская система обучения и воспитания, то есть образования и нынешняя школа как ее организационная структура. Так вот - **появление понятия интеллигент и его всеупотребительность в конце XIX века - лишь терминологическая аберрация вращения квадрата истории, переходящего ныне на новый пространственно - временной уровень, в эпоху Озарения, в эпоху синтеза торжествующего разума, страстей человеческих и неистребимой, устойчивой веры.** Те качества, которые люди предощущают (в положительном или отрицательном смысле уповая на будущее или отчетливо ощущая свою ненужность в нем при сиюминутной "значительности"), оперируя понятием интеллигент, и символ их веры, и источник страсти, и основа разумности.

Раскрыть существенные признаки интеллигенции как основополагающего для современной педагогики целевого понятия целесообразно и продуктивно лишь в связи с анализом реальной ее миссии в современной цивилизации, а значит - и в связи с современным драматизмом истории, что как

бы возвращает нас к исходному пункту всех размышлений в книге. Такой подход, как мне представляется, позволит нам не только дать еще одно определение интеллигенции (в конце концов, это - чистая логистика!), но сразу же определить изменение ее роли в эпоху Озарения и показать, что отныне она - превыше любой власти как новая, космическая по масштабам духовная сила. А призывание наше, педагогов - лишь возвращать ее, смело выкорчевывать бурьян скудоумия и сорняки невежества на ее пути, кто бы и как бы не пытался поддержать их своим «авторитетом».

Жизнь человечества, вбирающая в себя миллиарды индивидуальных и ни в чем неповторимых судеб, фатально предопределена системой вполне реальных, достоверно наблюдаемых и в то же время непостижимых причин. Уловив одну из них (будь то экономический фактор либо движение в поисках веры, воля сверхчеловека, владыки или героя, либо зыбкая психология масс) в сетку теоретического мышления, мы в эйфории интеллектуального успеха склонны отождествлять ее с *causa sui* и на ней выстраивать концепции истории, велеречиво именуемые философскими системами. Все они производят на непосвященных весьма фундаментальное, основательное впечатление, но на проверку оказываются приблизительными, односторонними, далекими от постижения сокровенных тайн бытия. Не случайно один из мудрейших пророков человечества Лев Толстой в дневниковой записи 1906 года отметил, что философские системы - это плохо сложенные своды, замазанные известкой с тем, чтобы не видна была их непрочность. Но многострадальная людская история, словно посмеиваясь над тщетностью наших вполне иллюзорных теоретических усилий, неизменно преподносит такие загадки, выстраивает такие кроссворды, что остается признать полную тщетность постижения конечных причин алогичного процесса динамики существования рода человеческого. Все же у нас еще теплится надежда докопаться до них во имя выживания идущих нам на смену новых цивилизаций. Мы наивно полагаем, что они никак не смогут обойтись без нашего опыта, обобщенного благодаря великим и тысячелетним исканиям в сфере интеллекта, эмоций и веры, старт которым дали первые люди на Земле и остановить устремленность которых в будущее может лишь неизбежное небытие человечества. Впрочем, в силу нашей родовой ограниченности мы мним себя безграничными во времени и пространстве, лукаво изобретая жизнь после жизни в хитроумных вариациях на эту сакральную тему, а посему по неизбежности будем продолжать искания первопричин существования до последних по неизбежности мгновений. То ли до коллапса Солнечной вселенной, то ли до попадания в нашу Землю гигантского метеорита в 2028 году, по аналогии с периодом исчезновения динозавров и моментом исчезновения великих древних цивилизаций, то ли в результате аквариумного эффекта, порожденного неудержимым разрушением нашей экосистемы, в которой уже в ближайшем будущем (по фундаментальным прогнозам биологов) не останется ни одного живого существа в естественной среде обитания, а сам человек превратится в трехпалого карлика с непомерно развитым шарообразным черепом.

Поразительно, какой удивительный по гармонии бескрайний мир идей, образов, верований породил дух человеческий, устремившийся к неудержимому познанию результатов своего деяния, не без основания гордо сопоста-

вив его как ойкумену с безграничным космосом. Охватить все его тысячетелные достижения не по зубам даже информационной цивилизации, превращающей великие хранилища коллективной памяти - библиотеки в музеи и открывающей нарастающий поток новых и непостижимых по мощности средств хранения и передачи информации, а посему нам приходится довольствоваться лишь крохами на пиршестве духа, полагая их основами нынешней, вполне примитивной, поверхностной образованности. К примеру, только для того, чтобы ознакомиться с содержанием буддистских свитков, хранимых в тибетских монастырях, специалистам понадобилось бы не одно столетие. Обвальное количество информации, обрушившейся на нынешние поколения землян, охватывается ими в процессе образования и самообразования лишь в виде отдельных разрозненных капель, что полностью исключает даже иллюзорный энциклопедизм. Некоторый оптимизм внушает самодвижение духа, всегда обнаруживающее (безотносительно к типологии цивилизаций, будь то самая древняя, "примитивная", либо самая изощренная, галопирующая, как наша непредсказуемая и абсурдная) относительно устойчивые координаты бытия. Они осмысливаются людьми в элементарных поведенческих нормах и в изощренных многотомных книгах любителей мудрости, обобщенно именуемых философами, в распространенных общепринятых эмоциональных установках о совершенном и прекрасном и в эпохальных по значению художественных произведениях всех времен и народов, в простых бытовых повериях, передающихся от поколения к поколению как своеобразный завет и в фундаментально разработанных вероучениях, судьбоносных для сотен миллионов представителей разрозненного, словно подтверждающего библейскую легенду о вавилонской башне, рода людского.

Первая из этих координат - труд, активная и непрерывная продуктивная творческая деятельность человека, на которую он обречен изначально, по самой своей сути как существо, призванное удовлетворять человеческие, то есть неограниченные и постоянно возрастающие потребности. Труд как воздействие человека на природу с целью усвоения и преобразования вещества природы, всегда предполагающий как процесс - предмет труда, орудия труда (средства производства) и продукт (результат) труда. Исторически труд дифференцируется, приобретает новые, более сложные и далекие от общих канонов формы, но всегда и неизбежно он - фундаментальная координата бытия человека, его неизменная и основополагающая составляющая. Из нее исходят и наука, и искусство, и вероучения, выводя из простого постулата сложнейшую систему ориентирующих индивидуальную судьбу каждого из нас иерархически взаимосвязанных ценностей, предопределяющих прогресс, а точнее динамику истории. В том числе, - и ее изначальный трагизм, скрытый уже в простом разделении труда и порождающий неистребимое племя человеческих трутней, куда более вредоносных, чем в пчелиной семье. В последней действуют разумные законы саморегуляции, чего не скажешь о человечестве, умудрившемся на заре информационной цивилизации добиться роста трутней в геометрической прогрессии и даже не предполагающего вполне прогнозируемые катастрофические последствия от подобной утраты творческого потенциала как для отдельного человека, так и для социума. Всматриваясь в нашу цивилизацию, поражаешься количеству винтиков и шестеренок, без которых общественное производство и потреб-

ление функционирует, как нормальный и отлаженный механизм. Нет сомнения, что его неумолимые законы отбросят их еще и еще раз как ненужный хлам, но уже почти в апокалиптическом количестве.

Прыжки незадачливых банкиров из окон небоскребов - лишь слабый сигнал неизбежного цунами, которое не удастся пережить миллионам и миллионам, лишенным трудового иммунитета не в столь отдаленном будущем. Больнее всего он ударит по России, правители которой умудрились вывести из производительного, созидательного труда десятки миллионов граждан, цвет нации, выбросив их в дикий базарный обмен всех ресурсов страны на бытовой импортный ширпотреб (пусть и необходимый, пусть и качественный), тем самым обеспечив в развитых странах новые рабочие места на производстве как фундаменте благосостояния, которое порождает все легко прогнозируемые беды вырождения человека в потребительском обществе.

Кстати, истину эту прекрасно усвоили лидеры так называемых развитых стран, учитывающие и усваивающие уроки великих социальных потрясений последних двух веков, делающие все возможное для укоренения и развития трудовой психологии, для использования труда и всех его характеристик как идеальной нормы поведения.

Франция, например, отнюдь не отказавшаяся от Марсельезы и празднования дня взятия Бастилии революционным народом, и не помышляет об умножении всевозможного рода общественных трутней. Не желая сокращать рабочие места в современных жестких экономических условиях, французы планируют перейти уже в начале XXI века на 35-часовую рабочую неделю и сокращать ее дальше, обеспечивая всеобщую вовлеченность граждан в производительный труд ради развития их индивидуальностей в многообразных формах досуговой деятельности. И вот что вполне трагикомично - эмигранты из России сразу же оказываются в шоковой психологической ситуации, отнюдь не ожидая найти в сказочном мире их примитивного воображения реалии жесточайшей трудовой дисциплины, строгой ответственности за количество и качество труда. Они - закономерный продукт той социальной деформации, которая превратила страну великих тружеников в аморфный конгломерат мятущихся людей, тщетно уповающих на перспективу выживания в условиях дикого рынка и развала всех традиционных видов производства.

Вторая, не менее основополагающая и универсальная для бытия человека координата бытия - социальность, преодоление антиномии индивидуального и коллективного и признание природы человека как общественного существа. Каждый из нас, и здравствующий ныне и превратившийся в придорожную пыль или глину, от забитого ассирийского раба до сытого немецкого бургера, по неизбежности воспринимает себя как неповторимую, уникальную, не подверженную клонированию индивидуальность, что имеет под собой вполне достаточные логические основания. Неповторимы наши судьбы, все реалии существования - от материального обеспечения до окружения, от образованности и общей развитости до физического облика, более того, до биологической организации, всегда загадочно уникальной и озадачивающей общую как стереотип медицину. Отсюда - неизменная сложность межиндивидуальных отношений всегда и повсеместно, так как никто и нико-

гда, даже самый забитый, замордованный жизнью бедолага, даже приплясывающий перед очередным начальником неистребимый гоголевский чиновник в тайниках индивидуального сознания и подсознания, в сокровенных и не высказываемых верованиях, в стихии чувствований не сдает позиции индивидуальной самооценки, а стало быть - значимости.

Оставаясь индивидумом, уникальным подобно следу микрочастицы, человек вместе с тем есть существо социальное. Он - лишь совокупность всех общественных отношений, их единственный реальный носитель и выразитель. Он и только он есть семья, государство, общество, система производства, распределения и потребления, компонент труда и реальность многообразного быта, словом, все то, что принято называть мудрым термином социум. Реальный парадокс человека - интеграция в единстве индивидуального и социального порождает взрывоопасную смесь, ибо амплитуда колебаний в ее целостности столь велика, что нужна какая - то иная, сдерживающая и центростремительная сила, чтобы не произошла цепная реакция.

Стержень приостановки и регулирования подобной многогранной и многополярной цепной реакции в социуме на всех без исключения его уровнях - **власть**. Вне диктата власти не было и не может быть ни одного проявления человеческого общежития, от семьи до государства, того неизбежного результата "общественного договора", который признается всеми общественными теориями, даже в самых анархистских по декларациям их модификациях. Вне использования власти и ее рычагов в человеческом общежитии пока никому и ничего не удавалось достигнуть. Но в нем и заключено некоторое внутреннее коварство, выражающее исконную, природную для человека антиномию цели и средств. Диктат неизбежной даже в оптимально саморегулируемой социальной системе власти, лишенной определенных (для каждой конкретной ситуации), сдерживающих начал, приводит порою к такого рода деформациям, что впору бывает усомниться в праве человечества на самоназвание "венца творения". Не надо быть специалистом в биологии, чтобы с уверенностью постулировать принципиальную невозможность в добропорядочном семействе пчел властвования трутней с их алогичными для роя прихотями. Иное дело - общественная организация человека, основанная изначально на власти, да притом еще, что сама эта власть облачается во внешнюю, якобы неизбежную форму разделения труда, изощренно-хитроумную, закамуфлированную безграничными идеологическими стереотипами массового сознания и вместе с тем столь же примитивную в основе, как и механизм говорящей куклы. Напомню определение власти, данное таким мудрецом, как В. Даль : "Право, сила и воля над чем. Свобода действий и распоряжений". Получив право, опираясь на силу (без которой право в человеческих взаимоотношениях - пустой звук), властитель любого ранга всегда готов преступить все отработанные в том или ином социуме поведенческие нормы во имя личной воли. Здесь не имеет принципиального значения фразеология, ибо зловещая воля человека, получившего (а точнее - узурпировавшего) власть любым, не только "наследственным", насильственным, но даже "демократическим" путем, фатально и безотносительно к масштабу властных отношений, ведет к преступлениям. Валахский правитель - самодур Влад, умудрившийся в XV веке только в одном наказанном им строптивом городе посадить живьем на кол более тридцати тысяч человек, а в дру-

гом - подвергнуть мучительным пыткам более десяти тысяч человек, отнюдь не аномалия, не исключение, но подтверждение социальной опасности власти, какими бы идеями она не прикрывалась и как бы ни были "плодотворны" для прогресса ее результаты. Оставим в покое тень безумного кровавого маньяка Гитлера и покорных его власти, опьяневших от побед и крови других народов весьма цивилизованных немцев, в ужасе открещающихся и поныне от содеянного. Думаю, что не за горами то время, когда народам станут известны имена подлинных кукловодов, затеявших в двадцатом веке систематические бои и выпустивших Гитлера как марионетку на сцену истории. Но чем в принципе отличаются от него и благопристойные европейцы, умудрившиеся забыть, что их нынешнее благосостояние базируется на костях миллионов и миллионов представителей колониальных народов, на таком геноциде, который вполне сопоставим с откровенными злодеяниями фашистских палачей и их подручных в разных странах. Более того, на более результативном геноциде, о котором любят говорить "беспристрастные" историки - апологеты насилия, привыкшие выстраивать свои летописи как цепь войн, грабежей и уничтожения народов и стран, как портретную галерею "великих" завоевателей, стеревших с лица земли уникальные культуры Африки и Америки и направленном ныне против одной из самых великих мировых цивилизаций - России. Но молчат, молчат записные историки - правозащитники, ибо и они ангажированы капиталистической цивилизацией, вросли в ее комфорт и кажущуюся стабильность, а посему и не пытаются раскачивать ту ладью, на которой плывут вместе со всеми в небытие. Кстати, иллюзия власти, обуревающая ныне страны, которые принято называть промышленно - развитыми и обладающими мощным военным потенциалом, начинает развеиваться на наших глазах, ибо никому в многоплановом человеческом мире, объединяющем на хрупкой планете Земля несопоставимые по характеру и человеческим ценностям цивилизации, в том числе и такие древнейшие, как Китайская, Индийская, Иранская, Русская, еще не удавалось выстроить миллионы по единому ранжиру с чужого плеча, властвовать на основе своих, весьма специфических ценностных ориентаций.

А вся история династии Романовых, которым поют ныне осанну потомки вчерашних избиваемых батогами крепостных? Петр Великий - отнюдь не самая мрачная фигура в их ряду, и уж бесспорно - не нейтральная для становления и укрепления цивилизованности, славы и могущества России. Но безмерная власть позволяла ему самолично рубить головы десяткам стрельцов и топить в болотах Северной Пальмиры десятки, если не сотни тысяч крепостных крестьян, а в итоге уничтожить почти треть населения подвластной самодержцу страны. От египетских фараонов до наших дней протянулась кровавая магистраль человечества, ставшая памятником миллиардам, принесенных в жертву на алтарь власти. И это - лишь одна ее амплитуда. Стоит лишь непредвзято вызвать пред мысленным взором будничную жизнь обычных людей, как сразу же раскроется зловещая сила бытового властного самодурства, стенания жертв которого навсегда растворились в тумане скоротечного бытия и в зыбком мареве прекраснодушных фольклорно - этнографических упражнений благополучных, сытых и ухоженных потомков. Да и поныне слезы, горе, невзгоды миллионов наших современников вызывают, словно тень отца Гамлета, к совести счастливых, пирующих на

временном, а потому иллюзорном коловорчении индивидуального успеха. Ведь молчат же и бездействуют жирующие представители властной московской (да и не только московской!) промышленной, торговой и финансовой "элиты, успевшие поживиться в годину всеобщего дозволенного и безнаказанного мародерства и расхищения общенародного добра, с тупым равнодушием созерцая по телевизору голодающих в шахтах детишек, муки лишенных медицинской помощи стариков, разорение традиционной среды обитания народов России. Молчат и крикливые в иной социальной ситуации "правозащитники", действующие, как правило, с разрешенной смелостью и преблагополучно игнорирующие попрание завоеванных народом прав на труд, отдых, бесплатное образование и медицинское обслуживание.

И все же без упований на торжество свободного продуктивного труда в условиях власти, основанной на непреходящих духовных ценностях знаний, эмоций и веры, выстраданных человечеством и выраженных тем его удивительным и тончайшим слоем, который принято именовать интеллигенцией, жизнь превратилась бы в сплошной абсурд, в фантаσμαгорию всего антиприродного в человеке без каких-либо сдерживающих, цивилизующих, облагораживающих начал, в существование без света надежды.

Разговор об интеллигенции сегодня, как и во все времена, когда еще не пользовались этим термином, но сама-то она существовала (по моим данным, в России его впервые употребил Н. К. Карамзин), выходит за рамки традиционных академических словопрений. Итогом их явилось общераспространенное представление об интеллигенции, запечатлевшее потерпевшие крах психологические иллюзии эпохи Просвещения, и прежде всего, ее веру в искупительную и безграничную мощь разума. Мы не найдем ни одного справочного издания, ни одного толкового словаря, в котором интеллигенция не определялась бы как социальная группа, в которую входят люди, профессионально занимающиеся умственным трудом (от лат. *intelligens* - знающий, понимающий, разумный).

Как правило, подобное хлипкое определение подкрепляют простым перечислением профессий, которые, якобы, и характеризует объем понятия "интеллигенция" - ученые, писатели, врачи, художники, инженеры, учителя, юристы и т.д., почти без видимого ограничения. В равной мере нельзя исключать из объема понятия "интеллигенция" великих вероучителей (в том числе и подлинных философов) и их бескорыстных апостолов, которые с древнейших времен также включены в поиск единой и сокровенной истины на пути, отличном от чисто теоретического. Очевидно, что с позиций алетологии как учения о тройственной истине (знаний, эмоций и веры) объем понятия "интеллигенция" значительно шире традиционно - просвещенческого и вместе с тем не может быть охарактеризован примитивным перечисленческим подходом, иначе говоря - не может быть заменен номенклатурой профессий.

Не буду еще и еще раз повторять то, что неоднократно отстаивал в печати - абсолютную несоотнесенность интеллигентности с какой-либо профессией в зависимости от социокультурной ситуации, равно как и с какой-либо одной исторической эпохой либо цивилизацией. Виолончелист либо литератор, художник либо актер, певец либо танцор (а сегодня в их ряды вливаются сотни тысяч любителей искусства, размывающих критерии вели-

кого художественного творчества, его традиции) далеко не всегда интеллигент, а скорее представитель той прослойки, которую ранее справедливо называли богемой, а теперь вполне обоснованно и точно - работниками искусства. На подобное определение еще можно согласиться, хотя лично я сомневаюсь, что служителем муз можно называть любого подвывающего в микрофон способного в музыкальном и ритмическом отношении парня или живописца, которому может дать фору дрессированный слон, лихо помахивающий кистью. Величать интеллигентом любого из пишущей братии или каждого дилетанта от живописи, получающих в условиях новой цивилизации уникальные и неведомые прошлому возможности для творческой любительской самореализации (что само по себе, безусловно, положительно) - алогично. Крайне размножившиеся представители технократии всех уровней, от лаборантов до инженеров, от техников - конструкторов до специалистов - вычислителей, нередко творящие в своей сфере чудеса, к интеллигенции в значительной своей части имеют весьма опосредованное отношение и скорее должны быть отнесены в разряд служащих, что никак не умаляет их престижа, а лишь колеблет изжившую себя психологическую установку на соотнесенность с интеллигенцией в условиях информационной цивилизации. Поколеблена в сути, в основе подобная установка и у легиона "белых воротничков", растущих, словно на дьявольских дрожжах по закону Паркинсона в бюджетной сфере и в частном секторе, неистребимых по количеству и во всех властных структурах, вплоть до самого захудалого и полуумирающего района, и у деятелей гипертрофированного рынка всех типов. Кстати, и в этом отношении мы идем впереди планеты всей, в частности - по неумеренному раковому росту гипертрофированной чиновничьей опухоли. Конечно, и здесь весьма ценим опытный, предприимчивый, способный оперативно действовать и мобильно реагировать на меняющуюся ситуацию и соответственным образом воспитанный специалист, организатор, управленец. Ведь не случайно же капитанами нашего хилого пока еще бизнеса сразу стали на удивление промитинговавшим в площадной круговерти обывателей знакомые все лица - бывшие партийные и советские работники всех рангов, молодые комсомольские розовощекие вожди, прозорливые работники государственной безопасности всех направлений и форм, равно как и высокопоставленные военные чины, прекрасно овладевшие навыками управления человеческим материалом. Но вдумайтесь еще и еще раз - можно ли любого менеджера (сиречь - управляющего), либо дилера (или по нашему - приказчика) проводить по разряду интеллигенции даже по оскопленной просвещенческой схеме - как работника умственного труда?

Трезвому и современному взгляду на роль интеллигенции как в новой социокультурной ситуации, так и в историческом аспекте (ибо интеллигенция возникла и функционировала задолго до того, как обрела подобное самоназвание) мешает завораживающая психологическая легенда о духовной избранности всех "интеллигентов", подкрепляющая комплекс неполноценности, сразу же возникающий при трезвом и честном самоанализе. Даже каста неприкасаемых в условиях социалистических реалий - ученых, с трудом приходящих в себя после рыночного шока и полной девальвации устоявшихся после десятилетий подвижнического труда оценок и самооценок, не без боли и внутреннего отторжения моих мыслей воспримет утверждение,

что их профессиональная и действительно уникальная социальная ниша, как правило - predeterminedная незаурядностью способностей продуктивного мышления, отнюдь не является мандатом на интеллигентность в современном ее значении как особого рода духовности. Ныне правомерно именовать научных работников всех рангов и степеней интеллектуалами, имея в виду характер их преимущественной деятельности. Но жизненный опыт научает нас различать их массу от той ее незначительной части, которая по точному социальному смыслу понятия может быть отнесена к интеллигенции. И уж тем более смешно предполагать, что каждый, прорвавшийся во властные структуры любого уровня, наверное, не лишенный специфических способностей и даже незаурядного таланта, может быть отнесен к данной почти эфемерной оболочке кипящего человеческого котла, в действительности являющейся животворящим началом истории, хотя амбиции власть предержащих в этом отношении всегда, как правило, безмерны и способствуют активизации ее самогипноза как "элиты". Впрочем, электронные средства информации, быть может - того не ведая сами, показывают нам ежедневно и ежечасно властителей и их чирикающих о культуре и искусстве жен вполне в духе бессмертного М.Е.Салтыкова-Щедрина, что исключает необходимость развернутых и лишаящих властителей обидных для их традиционно - лидерской психики комментариев о хронической неинтеллигентности. Полагаю, что нет особой нужды еще и еще раз обосновывать мысль о нетождественности понятий "интеллигентность" и "обученность", которая стала ныне общепринятой даже в журналистике и которая имела некоторый резон в период нарастания промышленной революции, заставившей считаться с исторической значимостью малочисленной, но обученной, образованной, разумной части общества, как и величал ее В. Даль. В противном случае, понятие интеллигент окажется синонимичным понятию современного человека вообще (по крайней мере - в развитых странах), а стало быть - бессодержательным. Посмотрите глазами человека сороковых годов на современную толпу - одни интеллигенты вокруг!

А если ваше зрение не замутнено туманом социальных амбиций и с детства внушенных представлений о престижности выбираемой деятельности, вы не сможете отрицать бесспорного существования подлинных представителей интеллигенции и в среде рабочих и крестьян, а в прошлом - как будто бы бессловесных рабов. Таких, как Фидий и Эзоп, апостолы Иисуса - неграмотные рыбаки, пастухи, мытари, ставшие столпами нового вероучения и его разработчиками, и погонщик караванов из Мекки Мухаммад, поучавший любителей чудес, что нет более высокого духовного чуда, чем тот факт, что он, необразованный араб, смог создать действительно боговдохновенное, уникальное произведение мировой словесности - Коран, и открыть путь новому мировому учению - исламу.

Следовательно, любые попытки включения в объем понятия "интеллигенция" только тех социальных групп либо профессий, которые овладели специфическими навыками интеллектуальной деятельности благодаря тренингу систематической обученности, несостоятельны в теоретическом отношении и основаны на психологии массового социального самогипноза и амбициозных абберраций. Отходя от просвещенческой догмы к реалиям современных человеческих взаимоотношений в социуме и соотнося их с дос-

тижениями ушедших в небытие великих цивилизаций, мы начинаем понимать, что принцип определения объема данного понятия лежит в иной плоскости и основан на характеристических признаках особого типа человеческих индивидуальностей, обладающих почти мессианским призванием в историческом самодвижении духа. А понимая, подходим неизбежно и к задаче определения содержания понятия "интеллигенция", то есть выявления совокупности существенных признаков, мыслимых в нем. И сразу же переходим из сферы конкретного исследования к необходимым умозрительным гипотезам, основанным во многом на интуитивном прозрении, синтезирующем завоевания мировой культуры как коллективной памяти. Умозрительным, а потому и весьма относительным в операционном отношении.

Здесь традиционен психологический подход, фиксирующий, безусловно, реальные и специфические проявления духовной жизни интеллигенции всегда и повсеместно, в какие бы исторически -своеобразные тоги она не рядилась. Первым из таких универсальных проявлений истинной интеллигентности духа я бы назвал **неколебимость веры**. Вера как принятие за истину чего-либо без доказательства умом и чувствами - общечеловеческий мотив деятельности, движущий и массами, и отдельными индивидами. Ее структурирование - миссия интеллигенции, ее земное призвание. Нет нужды повторять общеизвестное - все так называемые великие вероучения, подобные зороастризму, ведическим учениям, иудаизму, буддизму, конфуцианству, христианству, исламу, марксизму имеют, образно говоря, авторское происхождение. Они далее конкретизируются, разрабатываются и распространяются апостолами веры, ее избранными подвижниками. Но и философские концепции во всем их многообразии и внешней несхожести, оригинальности, являющиеся иной ипостасью той же претендующей на универсальность веры, даже - при всей их внешней атеистичности, опять-таки являются драгоценными цветами мятущегося человеческого духа, ищущего и страждущего и сосредоточенного в немногих избранных - в интеллигенции. Да и равнодействующая образованности, характерная для каждого отдельно взятого периода самодвижения конкретного социума, генерализируется в устоявшихся и основанных на вере стереотипах бытового сознания масс.

Раз возникшая и получившая распространение на разном уровне и при помощи любых средств (хотя бы даже при помощи индустрии моды и всеохватывающего шоу-бизнеса, подкрепленного мощью всеоглупляющих средств электронной информации, формирующих осредненного человека новой, информационной цивилизации) вера миллионов, даже самая фанатичная, не лишена некоторого изящного лукавства. Человек толпы, всегда изобретающий хитроумнейшие оправдания для уклонения от строжайших предписаний веры, склонен признать монополию интеллигенции на **незыблемость веры**, как бы делегируя этой странной когорте рыцарей духа все неизбежные муки и скорпионы, а порою просто восхищаясь и наслаждаясь ее прометеевыми муками. Отказаться от этого рокового призвания - значит опуститься до уровня массы, толпы, до уровня всех тех, кому нужен огонь сердца Данко, но кто обуреваем тяготами, невзгодами, искушениями, заботами повседневного выживания между молотом и наковальней, между неизбежным производительным трудом и уже сложившимися его общественными, социальными формами, институтами, специально надрессированной ие-

рархии трутней. Для истинной интеллигенции здесь нет и не может быть выбора, ибо незыблемость веры - суть ее бытия и исторического предопределения. Мера драматизма индивидуальной судьбы здесь уже несущественна, что и доказывают представители интеллигенции всегда и повсеместно. И уж если всерьез говорить о возможности научной истории человеческого духа, то ее героями должны были бы быть не властители и завоеватели, оставившие за собой пепелища великих цивилизаций и море человеческого горя, с моей точки зрения, заслуживающие забвения как раковые опухоли мирового разума, но пророки и апостолы веры, всегда дававшие погрязшему в пучине бедствий человечеству надежду на спасение и спасителя, на другую, истинную жизнь.

Не менее общепризнан и другой психологический признак интеллигенции в любой период ее истории и под любыми этнографическими покровами - ее толерантность и деликатность чувств, их **обнаженность и резонансное постижение всечеловеческой боли**. Ей выпала уникальная по значению и вполне таинственная, загадочная по конкретным проявлениям миссия - быстрее, точнее, экспрессивнее реагировать на все радости и бедствия человеческого микрокосмоса, на все то, что уже произошло с нами и что неминуемо должно произойти при нарушении таинственной гармонии мироздания. Приоритет здесь, безусловно, принадлежит избранным представителям художественного творчества - от первых неведомых сказителей, вызвавших из небытия великие эпические произведения, до современных бардов, сумевших, подобно Владимиру Высоцкому, в многострадальной России дать устойчивые нравственные ориентиры целым поколениям, от магических обрядов, заклинаний, праздников древних людей до непревзойденного по глубине чувств высоких и гражданских реалистического театра XX века - театра Станиславского, Мейерхольда, Брехта, от наскальных фресок Тассили и Альтамиры, оставшихся единственными свидетелями сметенного временем, неумолимым и беспощадным, мира человеческих страстей и переживаний, до бессмертной в наших душах улыбки "Монны Лизы" Леонардо и немного вопля о космическом зле, живущем в нас, которым навсегда ошеломил прозрением "Герники" Пикассо. Не всякому, даже преотличному в профессиональном отношении художнику, дано судьбой подняться на этот уровень общечеловеческой отзывчивости, а стало быть и интеллигентности.

Подобная вселенская отзывчивость отнюдь не прерогатива лидеров нашего эмоционального самопостижения и самовыражения - художников в широком смысле слова. Святые поборники и мученики веры, например - на Руси, поражают в реальных деяниях именно этой отзывчивостью вперёдсмотрящих, способных предостеречь и увлечь на истинный путь добра и справедливости даже самых закоренелых грешников. Зачастую - не жалея жизни во имя таких нравственных святынь, как вера, народ, отчизна. И остаются живыми навсегда - в легенде. И в той, которая приобрела ныне хрестоматийное общерусское значение, и в той, которая бытует в самых разных уголках земли нашей, передается там от поколения к поколению. Наподобие записанной профессором Б. Тебиевым легенде тульского края о игумене Епифании. В те дни, когда развернулась гигантская битва русского воинства и татар, шедших во главе с Мамаем на Москву, игумен монастыря возле Дона - реки Епифаний приветливо встретил литовское войско князя Ягайло,

бывшего в сговоре с ханом, "и не знали литовцы, не ведали, что в трех часах езды отсюда битва грозная надвигается между русскими и татарами. День живут, два живут на хлебах они монастырских. Поверили Епифанию, за предателя земли русской приняли. Лишь на третий день донесли гонцы литовские, что свершилась битва великая, и с позором бежал хан Мамай с поля бранного здесь поблизости. Разозлился князь Ягайло, разгневался, что провёл его старец "приветливый", и велел привести Епифания. И предстал пред врагом Епифаний гордый, взглянул в лицо князя надменного. И увидел в глазах его князь для себя и для войска погибель. Приказал он немедля казнить Епифания". Таков лишь один почти микроскопический штрих к великому и неохватному воображением историческому полотну, навсегда зафиксировавшему в коллективной памяти человечества вселяющие в наши сердца надежду на торжество добра и справедливости примеры возвышенности духа пророков, вероучителей и апостолов веры, ее поборников. Всегда, во все времена, у всех без исключения народов.

В равной мере представители того слоя интеллигенции, который призван реализовывать, умножать и передавать от поколения к поколению интеллектуальный потенциал, накапливаемый человечеством, всеми нами - сообщая, вне исторических и этнических перегородок, которыми мы так привыкли тешиться, не только постигают сокровенные тайны природы и человеческого бытия, их объективные законы и принципы (это доступно и всем тем, кого мы обобщенно именуем учеными и кто отнюдь не всегда относится к первопроходцам духовности), осознают меру личной ответственности за все, происходящее в мире. И прежде всего, за те последствия, которые могут привести к неопишым бедствиям для всего живого. Академик Владимир Вернадский - не только выдающийся естествоиспытатель (таких немало подарила Россия миру на рубеже XIX и XX веков), но и один из создателей нового мышления, как учения о реальности ноосферы, которую мы уже привыкли в обиходе называть мировым разумом, радикальных по значению принципов формирования современного человека, его образования, провидец, осознавший опасность бездумного обслуживания наукой всегда роковой по последствиям власти. Магистраль становления подобного рода подлинной научной элиты протянулась от Архимеда, попросившего врага не затенять его чертеж на песке, адресованный будущему человечеству за мгновение до гибели от всевластного меча, до великих физиков двадцатого века, напрямую и бесстрашно предупреждавших и народы, и скоропреходящих во времени властителей о возможных трагических последствиях ядерного безумия в ситуации несоответствия нашей примитивной массовой обездуховленности великим достижениям человеческого интеллекта и технического его гения.

И наконец, еще один чисто психологический по характеру существенный признак интеллигенции, при всем многообразии ее исторических типов, который укоренился даже в массовом сознании и порою позволяет без соответствующего разъяснения трактовать содержание анализируемого нами понятия беспредельно, что и происходит ныне, в условиях информационной цивилизации. Это - ее особая **продвинутость в интеллектуальном плане**. Но ведь подобная продвинутость характеризует интеллектуалов всегда, везде и характерна как для любого рядового и канувшего в лету древнего

философа - любителя мудрости, так и для ученого сословия на рубеже третьего тысячелетия, преотлично и основательно обученного, но отнюдь не всегда соответствующего сущности интеллигенции как тончайшего слоя мирового разума.

Итак, при психологическом подходе к выделению взаимосвязанных существенных признаков подлинного интеллигента, мировой опыт (науки, искусства, вероучений) фокусирует наше внимание на неколебимости веры, толерантности, духовной отзывчивости, действенности в борьбе за общее благо, образованности (в отличие от обученности). Но даже взятые в органической взаимосвязи, без учета возможной их нескоординированности и парадоксальном несоответствии в жизни отдельных индивидов, они не позволяют подойти к рассмотрению сокровенной тайны социального бытия обреченного на трудовую, предметно-практическую деятельность человечества - к соотношению интеллигенции и неизбежной в силу несовершенства человеческой природы власти, к выявлению той ее исторической миссии, осознание которой позволит нам очистить понятие "интеллигенция от всего наносного, конъюнктурного, человеческими амбициями и страстями порожденного.

Нет необходимости повторять уже ставшие трюизмами абстрактно - схематичные формулы, долженствующие загнать эту тайну в прокрустово ложе простых решений : интеллигенция всегда враждебна власти, а посему - изначально революционна, интеллигенция по исконной природе - "служебное сословие", призванное охранять, развивать и укреплять устои власти; интеллигенция - нейтральное социальное образование, обреченное решать узко - специфические проблемы духовного развития. Облеченные в пестрые одежды алетеологии как концепции тройственной истины - интеллекта, эмоций, веры, подобные трюизмы модных мыслителей (а имя им - легион в каждую эпоху , и они - всегда на слуху как признак-штамп "образованности" в том или ином кругу посвященных) бывают завораживающими, словно пение сирен, равно как и весьма удобными для стереотипного примитивного мышления, претендующего на интеллектуальный изыск. Их охотно повторяют те, кто предпочитает непосредственную встречу с неодолимым историческим фатумом во всей его беспощадной суровости вполне безответственной говорильне, не затрагивающей коренные интересы и запросы бытия человека как родового существа. А ведь именно эти интересы и запросы, в конечном счете, порождают в любую эпоху, в условиях конкретной цивилизации поразительно тонкий слой первотворцов духовности, идей, эмоций и верований, спасающих человечество от застоя и вырождения, подталкивающих его на неумолимое движение по спирали прогресса. Деятельность представителей этой паутинной оболочки мирового разума, рекрутируемых из любых сословий, профессий, национальных культур напоминает мне идущий по армейским уставам штурм жилого здания, который всегда начинается прорывом наиболее отважных смельчаков на новый этаж, а затем уже - растекание по нему других бойцов, осваивающих и закрепляющих успех. Их и только можно и должно именовать интеллигенций, не допуская расширительного толкования священного для человечества понятия.

Только этот почти эфемерный по масштабам и космический по исторической значимости социальный слой может по праву именоваться интелли-

генцией в высшем, истинном значении слова, в отличие от всей массы "рабочников умственного труда", "творческой интеллигенции", "инженерно-технической интеллигенции", выполняющих вполне достойную в социальном плане задачу чисто служебного характера - развивать духовные прозрения и открытия тех, кто всегда ведет первую мозговую атаку, либо же в служебно-охранительных целях противостоять им всей силой "обученности" во имя ее отражения властными структурами, изжившими свой век и изначально противостоящими народу. Его роковой судьбой (как правило - всегда драматичной, если не трагичной) предопределена индивидуальная миссия тех, кого в начале нынешнего века русские мыслители именовали в расширительном смысле футуристами, кого В. Хлебников называл "Председателями Земного шара", а Владимир Маяковский "Революционерами духа" - активизация и интенсификация продуктивно- творческой деятельности человечества и поиск социальных решений, способствующих новым духовным исканиям, становлению нового образа жизни. Решая две кардинальные и взаимосвязанные проблемы бытия, интеллигенция едва ли не по гласу божества, явившемуся пушкинского пророку в пустыне, по внутреннему призванию вынуждена вступить на путь, который любая власть считает приоритетной для себя сферой.

Прежде всего, именно она отрабатывает в целостной системе взаимосвязанных логических построений науки, в художественно -образных провидениях, в откровениях великих вероучителей совершенную модель общественной организации, образа жизни на всех уровнях, от семьи до государства, от бытовых поведенческих норм до сложнейших и хитроумных юридических табу, равно как и все то, что должно считаться человеческим, нормальным для современников. Пора признать, что в этом отношении идеальное, то, что можно было бы назвать духовным откровением либо провидением, предшествует объективному историческому процессу и ориентирует его. Естественно, что в тайниках истории вызревает необходимость перемен, но осознают ее именно Революционеры духа, интеллигенты в точном, научном смысле слова.

С древнейших времен наряду с дошедшими до нас научными по характеру и значению произведениями, фиксировавшими на благо потомков исторические деяния и реальные формы общественной организации, всегда существовали (в том числе даже в рамках летописных и панегирических по отношению к власти текстов) утопические построения об идеальном социальном устройстве, о достойном правителе, о мудрой и человеческой власти. В них с разной степенью откровенности мыслители давали картину будущего общества, опережая неодолимую поступь истории. И в "Государстве" Платона, и в "Афинской политике" Аристотеля сегодня историки науки легко отслеживают зародыши тех форм правления, которые в разных модификациях стали типичными отнюдь не только для европейской цивилизации. Такие впередсмотрящие есть во все времена у всех народов. Словно соревнуясь между собою в поисках модели человеческого общества и мудрой, гуманной власти, их последователи продолжали оставаться первопроходцами, будоража косное, традиционное сознание то "Городом солнца" Т. Кампанеллы, то "Утопией" Томаса Мора, то эпической по масштабу "Энциклопедией философских наук" Гегеля, то провидениями пророка русского социализма А. И.

Герцена в "Кто виноват?" то математически выверенным "Капиталом" К. Маркса.

Порою Революционеры духа, не уповая на силу чистых, абстрактных идей, напрямую обращались к власти предрешающим, стремясь просветить их умы, подвигнуть на разумное правление человечеством. Так рождается переписка Вольтера с Фридрихом П и Екатериной Великой. Так появляются действительные подвижники духа, готовые отдать свой интеллект, свою душу во имя воспитания подвластной велениям разума, чести и совести, неуклонным постулатам человеколюбия новой генерации "правлящей элиты", начиная с автора гениальной "Панчатантры" до "Государя" Макиавелли и университетских профессоров Царскосельского лицея. Их социальные идеи всегда неразрывно переплетаются с идеями педагогическими, технологическими, биологическими и экологическими, тем самым закладывая основы своеобразной ноосферы эпохи.

Словно рыцари в едином строю, бок о бок с первооткрывателями новых горизонтов научного знания стоят выразители эмоционального мира человека, способные постичь его сокровенные тайны. Как бы ни была велика их зависимость от власти в любых ее формах, и прежде всего - в экономической, именно им даровано судьбой увидеть в обычном - необычное, в реальном драматическом положении человека - перспективу радости и счастья, счастливого единения душ и сердец в новой общности. Открывая людям красоту, делая ее всеобщим достоянием, представители художественной интеллигенции (в отличие от деятелей коммерческого искусства, которые всегда существовали и удовлетворяли определенные, реальные потребности и запросы) вопреки всем властным препонам, в итоге, в тенденции выступают народными заступниками. Вот почему их творчество сливается в единую мощную реку фольклора, живет в памяти народа как мифы, легенды, сказания, песни. Вот почему имена гениальных представителей художественной интеллигенции оказываются символами целых эпох, и тогда, когда от властителей разных масштабов остаются только туманные воспоминания, немеркнувшими самоцветами сияют на пути человечества Гомер, Фидий, Низами, Микеланджело, Леонардо да Винчи, Бах, Толстой, Станиславский, Маяковский, Пикассо, все те великие и малые мастера, которые в итоге, в тенденции формируют души людские, облик человеческий куда более активно и действенно, чем любой, даже кажущийся всемогущим правитель.

Увы, иллюзия властного всемогущества настолько прочно укоренилась в сердцах людских, что они плохо прислушиваются к эстетическим пророкам и их прорицаниям. Они упорно не замечают, что малоизвестные художники, продававшие подобно французским импрессионистам десятками бесценные ныне полотна за одну - другую чашку супа, изменили мир глубже, основательнее, чем истребительные войны, развязанные властителями. Им не дано понять, что художественная интеллигенция и тонкие, талантливые ретрансляторы их творений повседневно формируют и новый социум, и новую систему человеческих ценностей, и новую мотивацию всей нашей многоплановой деятельности. И в этом ее реальная, а не иллюзорная власть.

Кто помнит тех властных греков, для которых Фидий в конце концов был только ремесленником, работником физического, недостойного свободнорожденного гражданина, труда? А слава древнего скульптора сияет уже тыся-

челетия как путеводный божественный луч. Мы пьем вино из кувшинов, которые вылеплены из глины, вобравшей в себя прах сонма суровых деспотов и безграничных по силе владык, пьем и не ведаем вообще об их существовании в мгновениях мировой истории. Но Омар Хайям, которого они не подпускали к себе, бессмертен в нас, в нашем мировосприятии, в культуре многих цивилизаций. Не всякий историк назовет имена тех, для кого Бетховен был лишь странным глухим полуплебеем, кто упивался всеми благами несправедливой власти, но гений композитора способствовал становлению новых, гуманистических концепций цивилизации, и он властитель времени и пророк свободы мира. Преданы забвению те, кто осмеливался поучать великих художников, творцов бесценного по историческому значению социалистического искусства в России XX века, но их шедевры ныне начинают новую необоримую жизнь как факт истории культуры человечества.

Путеводный факел любой власти, если она помышляет о будущем - система представлений веры, разрабатываемая великими вероучителями и бесстрашно отстаиваемая ее апостолами. Они, как правило, несут светоч просвещения (а порою выступают его единственными представителями) и приумножают тонкость, совершенство чувств, вливаясь в армию Революционеров духа. Нормы поведения, столь специфичные для разных вероучений, имеют непреходящий общечеловеческий смысл как регуляторы всего нашего бытия. Таков, например, эвизонизм - презрение к несправедливому богатству. Такова всеобщая заповедь любви к другому, как к самому себе. Таковы всеобщие заповеди блаженства. Таковы многие другие социально - значимые заповеди Конфуция, Будды, Христа, Мухаммада, Маркса, других вероучителей и апостолов, дающие основу справедливой власти. Чудовищные отклонения, которые знает история и которые связаны со злоупотреблением властью, с использованием ею укоренившихся людских предрассудков и темных страстей, отнюдь не вытекают из сущности вероучений. Христианство не ответственно за Варфоломеевскую ночь и вековые огни костров инквизиции. Ислам не причастен к кровавым деяниям нынешних фундаменталистов. Марксизм не дает оснований для кошмаров Гулага.

К сожалению, история - не идиллический спектакль. Она сурова, беспощадна, а порою - и просто бесчеловечна по последствиям, ближайшим и отдаленным. И весь ужас, все мерзости бытия и безмерные страдания людские в итоге оказываются фатальными последствиями власти и только власти, под какими бы наименованиями она не выступала. Ограничения, отработываемые людьми - правовые, экономические, социальные, нравственные удерживают властный беспредел лишь в зыбких рамках, который власть, как правило, переступает при первой необходимости и под флагом той же правовой, экономической, социальной фразеологии, а точнее - демагогии, подкрепляемой ныне фантастическими возможностями находящихся в ее руках средств массовой, в том числе, и электронной информации. Кстати, эта демагогия стала ныне почти глобальным орудием власти на всех ее уровнях.. "Но есть, есть божий суд, наперсники разврата..." Есть неподкупная по самой сути своей сила, готовая вершить суд не завтра, а уже сейчас, сегодня, с открытым забралом выступая против власти. Нет, отнюдь не по исконной ее враждебности власти, но по ее бытованию в совершенно иной системе социальных координат, по изначальной роли индуктора прогресса и

единственного правозащитника в высшем, чистом значении слова. По Некрасову - в роли народного заступника.

С грустью смотрю на телевизионные шоу, разыгрываемые некоторыми нашими псевдоинтеллигентами от искусства, пытающимися убедить наивного и во многом неискушенного (теперь уже - в силу молодости) зрителя в одном и том же; как им приходилось молчать, таиться при страшной советской власти, которая по смыслу своему явилась первой, пусть, утопической попыткой народовластия, сиречь - демократии, в истории. Кстати, почему-то при этом весьма преуспевая во всех отношениях, ибо избрали профессией неумеренное славословие этой власти. Но никому не дано забыть, что подлинники интеллигенты и творчеством, и личным бесстрашным поведением отважно противились всем деформациям социализма, каким бы властным авторитетом они не подкреплялись. Разве можно забыть тот факт, что Маяковский лишь единожды упомянул имя Сталина, не посвящал ему по убеждению ни poem, ни од, ни просто стихотворных восхвалений в отличие, скажем, от весьма талантливых поэтов, создававших поэтические письма народов страны ее вождю, оды и кантаты в его честь, а ныне обряженных услужливой критикой в рубища гонимых. Но вчитайтесь еще и еще раз в его огненные строфы - и вы найдете в них ответ на коренные причины того, что ныне происходит со всеми нами, что предвидел он еще на заре революционных лет. Могут ли и поныне любить поэта те, кто "засел во все учреждения", кого он прямо и недвусмысленно называл "дрянью". Или то, что писатель мирового значения - Михаил Шолохов, невзирая на все возможные последствия, не единожды возвышал голос в защиту казачества, русского крестьянства - вообще. Или то, что замечательный русский писатель, мой непременный критик и друг Александр Зиновьев, к тому же - ученый энциклопедического склада ума, несправедливо "выдворенный" из страны с подачи философов - завистников, остался незыблемым в социалистических убеждениях в отличие от тьмы тех наших "философов", успешно и поспешно откревстившихся от марксизма (кстати, сохраняя заработанные на марксистском вероучении звания и ученые степени, не помышляя отказаться от них как плодов заблуждений, хотя бы во имя простой порядочности). Умышленно оперирую лишь современным материалом, ибо рассказ об отношении интеллигенции к несправедливой либо изжившей себя власти в прошлом требует монографического размаха и совокупных усилий объективных исследователей ее истории как провозвестника знаний, эмоций, верований народов мира. Кроме того, кризисная ситуация в России все высвечивает особо выпукло, отчетливо и показательно для судеб интеллигенции вообще, в любых ситуациях. Самое страшное, пожалуй, для нынешней алогичной власти - молчание подлинной интеллигенции России, которое не может затушевывать лихорадочное общение власть предержащих с представителями шоу-бизнеса в науке, искусстве, вероучениях. Оговорюсь - есть внешняя, техническая причина подобного загадочного и пугающего феномена - узурпирование всего информационного поля властью и доморощенным капиталом, преотлично сросшимся с нею. Вглядитесь в тех, кому ныне дозволено общаться с миллионами, и вы без труда обнаружите унылое и тощее единообразие персон, которые провозглашаются нашей духовной элитой, но скорее должны быть отнесены к тем, кто ранее шагнул из Керчи в Вологду и обратно, кто близок по

бездуховности гончаровскому Андрею Штольцу, кто пророчествует, оказавшись обыкновенным расстригой. Кстати, плохи, если не безнадежны дела власти, которую воспевают и утверждает лишь малочисленная, однообразная, словно солдатский взвод на марше, группа обласканных и подкупленных постаревших режиссеров, художников и интеллектуалов, воспитанных на щедрые народные средства в предшествующие, "дорыночные" годы. Кстати, именно тогда бесплатно и на народные средства обучалась и вся нынешняя властная "элита", отсылающая ныне своих отпрысков в Оксфорд или Беркли и целенаправленно разрушающая все выдержавшие испытание временем принципы советской системы образования.

Но есть и глубинная, более существенная причина - Революционеры духа всегда спешат медленно, и даже в их молчании выражаются духовные искания, которые и определяют уже в недалеком будущем судьбу утвердившейся и ликующей за щитами могучей охраны "элиты". Ведь не сотрясает эфир неумным словоговорением драматург, который был и остался властителем дум ищущей молодежи - Виктор Розов, а уж если доведется ему выступить, то ведущие программ испытывают нечто подобное электрошоку. Ведь не бегал с приема на передачу, а с передачи - на шоу отнюдь не благоденствовавший Петр Глебов - действительно национальный герой, органическая, природная интеллигентность которого отнюдь не перепорхнула на него с экрана, где живут и будут жить Григорий Мелехов и Половцев, но была присуща ему изначально. Не называю сотни и сотни имен великих мастеров искусства России, традиции которых они продолжают и умножают, таких, как Галина Уланова и Марина Семенова, Борис Покровский и Игорь Моисеев, равно как и много других маститых первооткрывателей в искусстве XX века. Мы славны подобными именами истинных интеллигентов и в технике, и в медицине, и в образовании, и в фундаментальной науке. Словом - во всех очагах неодолимого всенародного сопротивления нынешней социальной дьяволиаде. Мне зачастую как академику Международной академии информатизации выпадает счастье личного общения с теми представителями нашей передовой науки и техники, имена которых с придыханием называют во всем мире, но которые, вопреки всем лишениям и даже унижениям, осознают себя как будущность России, как основу ее неистребимой духовности. Сознают - ибо творят, непрерывно и на уровне будущего. Уверен, не поползут они подобно служивым технократам, покорным любой ситуации во имя выживания, на поклон власть имущим, ибо они - выше этой власти, они - единственный индуктор будущего. Мои активные связи с российской глубинкой дают мне основание утверждать, что паутиная оболочка интеллигенции отнюдь не концентрируется на полюсах столиц, что она - универсальна и повсеместна. Но это - тема особого и обстоятельного разговора о неистребимой духовности России.

В нее органически вкраплена и жизнь тех, кого я ранее назвал ретрансляторами духа, кто идет бок о бок с первооткрывателями, делающими наибольшие прорывы в будущее знаний, эмоций, веры. Пусть их прорыв менее впечатляющ и масштабен, но без него действительно заглохла бы нива жизни. Давайте еще и еще раз снимем шапки перед нашим учительством, точнее, перед той ее интеллигентной частью, которая удержалась от всех искушений материального благополучия за счет детства, и поклонимся ему -

ведь именно оно, в отличие от вставших на колени социальных групп, заставляет трепетать федеральные и региональные власти, и отнюдь не только из-за задержек мизерной заработной платы, но вследствие понимания меры исторической ответственности, возложенной ныне на его хрупкие плечи судьбой России, ее нового, вступающего в жизнь поколения. Как бы ни пытались "реформаторы" образования обеднить духовный потенциал молодежи, навязать ей взятые с чужого плеча отнюдь не лучшие ценности, изуродовать на потребу пещерному капитализму содержание образования, учительство наше молчаливо, но неуклонно продолжает сеять разумное, доброе, вечное, не поддаваясь зловещей конъюнктуре.

А разве не такой же прорыв продолжают осуществлять бойцы духовного сопротивления, те многочисленные представители клубной деятельности, которые по логике нормального обывателя давно должны были бы исчезнуть? Но нет, они не только выжили, но и возделывают ныне масштабный и плодородный слой для будущей великой культуры нашей цивилизации. Так подумаем же - у кого реальная власть и неистребимая сила, кому подвластно то будущее, в котором не будет места народным захребетникам. Утопия? Вдумайтесь в историю без предвзятости, без новомодных идеологических штампов, и вы согласитесь, что побеждает Иисус, а не его палачи, торжествует Ньютон, а не те, кто полагал его дух сломленным и униженным, Лев Толстой, а не та правящая свора, которая ненавидела его как вероотступника и изменника первородству аристократии, Пиросманишвили, а не те, кто смеялся над его нищетой, Дмитрий Шостакович, а не те, кто брал на себя смелость невежественно поучать его с позиций авторитарной, абсолютной силы. Запомним: нет ничего смешнее, чем тиран в сфере духа, где власть дана лишь избранным пионерам человеческих исканий. Они, - не враждебны власти, ибо судьбой и талантом поставлены выше власти, вознесены непокорным духом выше любых ее столпов. Они всегда и везде - **властители духа**.

Мои критики зачастую упрекают меня в утопизме за подобную трактовку цели образования. Еще и еще раз напомним общеизвестное - прогресс есть осуществление утопий. Разве не утопия русской революционной интеллигенции ускорила все социальные процессы двадцатого века : научила буржуазию изначальному, подлинно христианскому страху перед обездоленными людьми труда, а последних - осознанию своих прав; взорвала колониальные империи, коренным образом изменив социально - политическую карту мира и высвободив неисчерпаемую конструктивную энергию народов Африки, Азии, Южной Америки ? Разве не утопия отцов нашей революции подвигла Россию на подвиг созидания могучей, всепобеждающей державы, на такой расцвет русской науки, техники, промышленного потенциала, который нам позволяет выживать вопреки преступлениям реформаторов до сих пор, как бы не разрушали его все новые и новые инициаторы перманентных реформ, являющихся, по-видимому, для нашей нации неискоренимым бедствием?

Главное, на чем базируется предлагаемая мною в книге трактовка цели образования, - отнюдь не материальные, но духовные факторы, порою приобретающие значение почти космических сил. И главенствующий среди них - фактор исторического опережения. Вырвавшись вперед на многие десяти-

летия в социальной сфере, установив необратимо новую систему человеческих отношений, прав, гарантий личности и, конечно же, всеобщей образованности, Россия тем самым побудила другие страны к движению по пути подлинной гуманизации. Вот почему, к удивлению многих незашоренных политическими догмами наблюдателей, некоторые наиболее развитые в промышленном отношении капиталистические страны демонстрируют все большее нарастание социалистических по сути человеческих ценностей и идеалов. Конвергенция? Не знаю, но полагаю, что в данном случае целесообразно избежать традиционных примитивных политических стереотипов, и осознать, что в таком честном по возможности соревновании духовных ценностей выиграют все без исключения люди нашей планеты. Россия же, решая свои экономические задачи в муках и страданиях людей, остается в сфере духа бесспорным лидером, сокровищницей общечеловеческого опыта, завоеванного русской интеллигенцией. Именно ей впервые и был указан путь преодоления драматизма бытия на пути поиска единственного и реального его смысла - наших детей, идущих нам на смену.

1995 г.

**Художественная педагогика.
Еще раз о содержании, системе и структуре
современного образования.
О сущности художественной педагогики
Общие и специфические принципы
художественной педагогики**

О кумирах и властителях духа

Педагогика как наука не существует без ее ярчайших выразителей, "властителей духа", если угодно. Каждый из них есть личность, а, стало быть, и концепция, и система. И только в этом случае можно говорить о педагогике и Ушинского, и Пирогова, и Шацкого, и Макаренко. Без них педагогика как наука - абстрактное ничто. Может быть, поэтому ее нередко в иные времена трактовали как искусство?

Искусство общения, прежде всего, с учеником, коллегой, читателем. Искусство аргументировать и убеждать, широко используя для этого средства художественной выразительности, выстраивая тем самым систему эстетического образования.

К ряду отмеченных имен с полным правом добавляю имя профессора Владимира Адександровича Разумного, который еще в конце пятидесятих годов прошлого века (забавно это звучит в 2000-ом году!) предложил своеобразную формулу педагогического процесса: П- П - Д, т.е. потребность - переживание - действие. Художественно-образное действие, хотелось бы подчеркнуть. А ещё точнее, в о з д е й с т в и е, которое утверждалось В.А.Разумным как доминанта педагогического процесса. Независимо от того, где конкретно это действие организовано - в детском саду, классе, вузовской аудитории или на клубном мероприятии. В этом была универсальность данного подхода. Именно поэтому идеи профессора Разумного, благодаря таким его работам, как "Эстетический всеобуч. Принципы организации. Методика. Программное обеспечение", "Эстетическая деятельность клуба", "Клуб и культура общения" и др. стали для клубных работников страны весьма востребованными. Они получили возможность выстроить стратегию и тактику эффективного воздействия на клубную аудиторию как на праздничном мероприятии, так и на занятии любительского коллектива.

Думаю, что не ошибусь, если скажу, что общение с клубными работниками помогло Разумному еще раз проверить универсальность формулы. А это стало, в свою очередь, заметным шагом к выработке принципов художественной педагогики. Убедительным свидетельством чему и является одна из его последних работ "Художественная педагогика" (М. 1999. Работа яркая, острием своим направленная против всякого "быдла") любимое словечко профессора!, где бы оно ни находилось: в высоком ли кресле, классе или институтской аудитории,

Да, конечно, термин сей ввел в научный обиход не В.А.Разумный. Но именно он, опираясь на труды своих предшественников Г. Риды, Э. Берна, С.

Герасимова и др., выстроил и концепцию, и систему художественного воспитания,

Примечательная особенность и этой работы, да, впрочем, и всех иных работ В.А. Разумного последнего времени: каждая из его опубликованных работ не существует сама по себе, отдельно от других изданных. Они связаны тончайшими нитями в некое единое целое, стройную систему взглядов автора на процесс педагогического воздействия в наше столь непростое время. Когда позиции подлинных властителей дум стремительно занимают новоявленные кумиры всякого рода, - и политические, и литературные, и эстрадные, сотворенные СМИ и рекламой. Когда истинные духовные ценности легко предаются забвению. Не превращаемся ли мы, иначе говоря, пусть медленно, но постепенно, в манкуртов?

Ощущая эту опасность, В.А. Разумный яростно - в каждой своей работе - говорит об "обыдливании" нашего нынешнего общества. И работа профессора "Художественная педагогика" здесь не исключение. Не случайно она начинается остро и боево: "Еще раз о содержании, системе и структуре современного образования". Автор язвительно вскрывает здесь пагубность "трагикомического документа" - проекта федерального закона "О государственном образовательном стандарте основного общего образования". Едва ли не самым сногшибательным в этом "проекте", пишет В.А. Разумный, было исключение "из федеральной программы (в качестве "федерального компонента") художественной литературы"!

Манкурты додумались! Манкурты не дремлют! Пищу эти строки, а перед глазами "столпы" современной политической жизни, некие "рабочие депутаты", как они себя гордо именуют. Не они ли были инициаторами этой благоглупости, рожденной в недрах Государственной Думы? А сколько их таких в педагогике, культуре, не говоря уж о политике?!

Наличию таких фигур в нашей жизни можно противопоставить только одно - силу духа отечественной интеллигенции. Вот почему не могу не упомянуть здесь принципиальную, как мне кажется, для Разумного еще одну его работу - "Властители духа" (М. 1998), перепечатанную многими журналами. Она не только о сути и судьбах русской интеллигенции. Эта работа о с у т и и о т в е т с т в е н н о с т и педагога, стоящего во главе процесса художественного образования,

И хотя автор в ряде работ говорит о некоей "бесперспективности бытия", он остается оптимистом в одном: в своей вере в универсальность художественной педагогики. Эта вера звучит в последних строках его книги: "Через эмоционально-образное постижение истины к истинно человеческому бытию по всем его параметрам - так бы я назвал магистральный путь художественной педагогики... Но здесь я должен уступить место тем, кто их (технологии - В.Г.) развивает ныне блистательно... в разделах художественной педагогики: в педагогике театральной и музыкальной, педагогике изобразительных искусств и спортивных действий (и клубных представлений, праздников, мероприятий - добавлю от себя - В.Г.) словом, в том беспредельном по многообразию мире специфических видов конкретной художественной педагогики. Моей же более скромной задачей было осмысление общефилософских принципов всех этих разделов как исторически сложившейся целостности".

К этому нечего добавить. Остается лишь сказать: "Спасибо, Мастер!"

Профессор, кандидат философских наук,
заслуженный работник культуры России
В.Н. Гагин

Еще раз о содержании, системе и структуре современного образования

Привычно завлекающее и интригующее название теоретических работ о той или иной грани нашего бытия в двадцать первом веке неожиданно потускнело, как истертая монета. И немудрено: мы уже вступили в этот условный исторический период, мы уже существуем в его рамках. И вместе с тем, несмотря на всю их конвенциональность, новый век (пусть взятый только в христианском исчислении) знаменует рождение и становление социальной реальности, абсолютно несопоставимой с тем, что знало в прошлом человечество. Он раскрывает перед ним неведомую бездну загадочной, пугающей информационной цивилизации эпохи Озарения. И как всякая новая цивилизация, эта эпоха предопределяет революционное по масштабам и глубине изменение образования подрастающего поколения в любом уголке планеты, безотносительно к степени соотнесенности конкретных региональных условий с общеисторической тенденцией.

Это изменение происходит как в **содержании образования**, так и в его **системе** и **структуре**. Не проанализировав его характер, его ведущие тенденции хотя бы в первом приближении, бесполезно даже пытаться перейти к педагогической конкретике, в частности к анализу основных блоков педагогических дисциплин, что является предметом моего теоретического интереса в последние десятилетия. Естественно, разговор должен начинаться с **содержания** всего образовательного процесса, с анализа его незыблемых тенденций и необходимых радикальных изменений.

Прелюбопытно, что мудрейший из мудрых В. Даль в «Толковом словаре» не находит места понятию «содержание». У него есть «содержание скота», «содержатель постоялого двора», «содержанка», «содержимое», «содержащее». Но нет **содержания вообще**, то есть абстрагированного от всего многообразия реальности понятия. А со времен Аристотеля содержание **понятия** трактуется как совокупность существенных признаков, мыслимых в нем. Естественно, что в «Толковом словаре» такой универсальной совокупности нет места, ибо ее попросту не существует. Есть содержание чего - либо конкретного, в нашем случае, образования. И без его столь же конкретного содержания применительно к особым историческим условиям развития человеческого общества любой разговор о ретрансляции культуры и ее приумножении бесперспективен.

Осознав эту первую трудность, мы сразу же сталкиваемся и с иной, не менее сложной проблемной ситуацией, а именно, признанием поливариантности понятия содержание образования в зависимости от исходной логической установки. Таких установок в литературе вопроса множество, и все они

в должной мере обоснованы и, соответственно, имеют право на существование.

Так, если мы избираем **социальный аспект** рассмотрения проблемы, перед нами открывается перспективный путь исследования соотношения реальной структуры общества, складывающейся ныне как в глобальных, так и в региональных условиях, непредвзятого анализа влияния текущей политики на содержание образования и т.п. Избегаю подобного подхода не только в силу его наиболее масштабной теоретической разработанности, но и в силу вполне естественного желания не перейти на ненормативную лексику при оценке того бедлама, который сотворили наши доморощенные политики в содержании образования, где всегда мы по праву занимали достойное место в мировой культуре двадцатого века и где ныне бесплодная немочь реформаторства свирепствует как черная чума в средние века.

Привлекателен и весьма конструктивен другой аспект исследования содержания современного образования, а именно **технико-экономический**. Здесь опять - таки мы имеем серьезнейшие педагогические наработки, в том числе и наших исследователей, показывающие как соотносимость содержания с экономикой во всех ее аспектах, так и с галопирующей невообразимыми темпами техникой, диктующей как новые педагогические технологии, так и преобразование всей совокупности культурных ценностей, необходимых нынешнему "частичному человеку". Все это оборачивается прямой антитезой античной и возрожденческой образованности и прекраснотушным иллюзиям европейского Просвещения. Отсылая читателя к соответствующим наиболее серьезным педагогическим трудам, хочу лишь сделать акцент на одном прелюбопытнейшем парадоксе современной цивилизации. Бесспорно, без существеннейших материальных затрат утверждения нового содержания образования в XXI веке не добиться ни одному уважающему себя, свои традиции и озабоченному своей будущностью государству. Отсюда - соревнование в этой сфере национального престижа, где о нашей полудикости лучше не говорить. Особенно если проанализировать драматичное положение в обеспечении всех наших детей средствами новейшей информатики, в их доступе к поисково- информационным системам.

Но движение духа человеческого не всегда связано напрямую с технико-экономическим обеспечением динамики нового содержания образования. Можно ли забыть тот примечательный исторический факт, что нынешняя реальная интеллектуальная и творческая элита России (а другая существует только в иллюзорных амбициях власть предержащих, пытающихся утвердить за собой право именоваться «элитой») сформировалась у нас в те годы, когда мы сражались на фронтах Великой Отечественной войны, а она подрастала и обучалась в нетопленных, полуразрушенных помещениях школ, читала учебники, напечатанные на старой газетной бумаге, но реализовывавшие на практике самые прогрессивные общие и частные методики, до которых еще и сегодня не подошли « развитые страны ». И которые вопреки всем Геростратам от педагогики, систематически завоевывающим в ведомстве образования руководящие кресла и столь же систематически исчезающим в тумане небытия и всеобщего забвения, до сих пор определяют основное содержание образования нашего подрастающего поколения. Прежде

всего, благодаря стойкости и гражданскому мужеству учительского корпуса, этой действительной славы России.

Логикой духовной жизни в нашей многострадальной стране, обладающей поразительным, почти мистическим долготерпением, в деле определения содержания образования в условиях информационной цивилизации и эпохи Озарения доминантой оказывается **функциональный подход**, базирующийся на признании абсолютно аксиоматического положения о единстве обучения и воспитания в содержании образования. В дальнейшем изложении я использую и этот подход, ибо в противном случае нам не разобраться во всех тех хитросплетениях вокруг проблемы эстетического воспитания, которые по сути дела кастрируют эту благороднейшую идею и деятельность. Пока лишь отмечу, что **все великие цивилизации прошлого обучение и воспитание трактовали как единый и целостный процесс**. Нелепо было бы предположить, например, что в Древнем Риме, просуществовавшем более 2.700 лет, кто - либо всерьез предложил обучать детей в некоем абстрактном вакууме, без выработки у них высочайшей гражданской нравственности, неколебимого мужества римлянина, которому с детства был естественен и близок образец поведения Муция Сцеволы или Катона, не давая молодежи жизненные уроки тяжелого труда и воинского долга, не прививая им всеми средствами, вплоть до « Сатирикона » Петрония, умения жить по законам благородной простоты. Не допущу преувеличения, если скажу, что вся классическая римская литература есть великая Книга воспитания, и нам сегодня не грех было бы дать детям Плутарха, Цезаря, Марка Аврелия, Цицерона, Эпиктета и, конечно же, гениальные « Нравственные письма к Луцилию » Сенеки. Увы, обо всем этом они и слыхом не слыхивали...

Не следует игнорировать и вполне традиционный для нашей педагогической научной и периодической литературы **предметно - просветительский подход к содержанию нового образования в XXI веке**, базирующийся на признании школы как универсального образовательного учреждения на все времена и для всех этносов, а стало быть, и на привычной трактовке целокупности «обязательных» и «дополнительных » учебных предметов, допускающих лишь некоторую, печально необходимую «модернизацию». Он подкупает стабильностью, устойчивой связью с традициями, но игнорирует тенденцию рождения принципиально нового типа образовательных учреждений в будущем, равно как и исключает даже мысль о ненужности некоторых, скажу весьма осторожно, учебных предметов в условиях интегративного образования (принципы которого я сформулировал в ряде работ, и прежде всего - в исследовании "Система образования на рубеже третьего тысячелетия." М.,1995). Понимая неодолимость нового, консервативные просветители, многие годы рядившиеся в тогу «реформаторов» и пытающиеся ныне сверху, в обход общественности увековечить все косное, отжившее в теории и практике образования, и прежде всего, в его предметной основе, додумались до идеи законодательного закрепления "стандартов образования", которые, наверное, будут контролировать «стандартологи» как еще одна ветвь безмерно разросшейся системы управленцев в просвещении. С этой целью ими был подготовлен проект федерального закона «О государственном образовательном стандарте основного общего образования». Мне вполне случайно было поручено его рецензирование на одном из последних

этапов перед обсуждением (а может быть, и перед утверждением) в Государственной Думе Второго созыва... И хотя движение этого нелепейшего документа несколько замедлилось, суть моих аргументов по нашей доброй чиновничьей традиции осталась неведомой научной общественности, на которую, кстати, всегда вполне авантюрно ссылаются как на союзника «неведомые» авторы этого трагикомического документа.

Между тем, аргументы эти напрямую связаны с определением **параметров и характеристик содержания образования в XXI веке**, а посему я и позволяю себе привести рецензию полностью. Не знаю, какие темные силы проталкивали по нашей расейской традиции подобный «закон», но его принятие отбросило бы наше образование в дебри самого архаичного консерватизма перед лицом вызова новой цивилизации.

«Составители проекта, - писал я в рецензии, - отчетливо осознавали те ожидания общественности России, которые связаны с его утверждением. Если не вступать в дискуссию по поводу нелепого, алогичного термина «стандарт», имеющего операционное значение в промышленном и сельскохозяйственном производстве, но абсолютно неприменимом к живому ребенку, особенно в связи с требованиями новой педагогики о **гоминизации**, об индивидуальном подходе к каждому человеку, сама по себе идея единых государственных требований к системе образовательных учреждений не вызывает сомнений. Напомню, что именно высочайшие и хорошо продуманные государственные требования к среднему образованию в предвоенные и первые послевоенные годы, аккумулировавшие опыт прогрессивной русской школы, равно как и наработки мировой педагогики, позволили нам не только обеспечить общий подъем духовной культуры народа, но и его прорыв на новый уровень цивилизованности во всех сферах общественной практики. Выполнение этих государственных требований отлично контролировалось, как говорится, «на выходе», без дополнительной громоздкой системы «государственного контроля» специально создаваемой аттестационной службы, без угроз в адрес конкретных образовательных учреждений о возможном лишении их права быть аттестованными в дальнейшем, без исков в адрес образовательных учреждений со стороны общественности, родителей либо учеников. Без специальных тестов и зачетов (незачетов), ибо гарантией качества образования (воспитания и обучения в их единстве) были учитель, школа, высококвалифицированные специалисты ведомства просвещения. Нужно обладать неумным воображением «реформаторов», готовых чуть ли не ежегодно организовывать бессмысленную нервотрепку во всей системе образования, чтобы предполагать возможность сколь-либо позитивных последствий от подобного преобразования в масштабах нашей гигантской страны. Плодом подобного воображения мне представляется и рассматриваемый проект в его исходной, нормативной части. Кстати, разработчики проекта даже не удосужились обсчитать те **затраты**, которые следует предусмотреть в федеральном бюджете для предлагаемой ими системы нововведений.

К подобным бюрократически-теоретическим изыскам можно было бы относиться спокойно, ибо их безотносительно к судьбе проектируемого закона, на мой взгляд, никогда не удастся перевести в практическую плоскость. Просто мы получим еще один государственный законодательный акт, кото-

рый никем не будет исполняться, но который окажется очередным проявлением психологического прессинга на наше учительство. Но в проекте совершенно справедливо подчеркивается, что утвержденные «стандарты» (буду впредь употреблять эту теоретическую благоглупость, отброшенную мировой педагогикой) должны предопределить **новое содержание основного образования**. Споры нет, в эпоху информационной цивилизации такое содержание абсолютно обязательное общепедагогическое требование. Данной декларации проект как весьма архаичный документ не соответствует, ибо отражает и выражает войну многих изживших себя программ и учебников, громогласно провозглашаемых вариативными, но на практике единообразными и консервативными по содержанию, не обеспечивающими прорыв в освоении ребенком культуры, духовных ценностей новой эпохи, в деле формирования нового человеческого материала. Увы, не будут ей соответствовать и новые, мертворожденные генералами от образования «стандарты», упорно навязываемые ими всеми властными средствами системе образования в России, от прямых циркуляров и распоряжений до широковещательных и келейно вырабатываемых «доктрин» при полном игнорировании мнения научно - педагогической общественности.

Постараюсь аргументировать свою мысль кратким анализом содержания гуманитарного «блока» предлагаемых стандартов, ибо вне моей научной компетенции находится естественнонаучный «блок».

Впрочем, как гражданин, как педагог, как родитель осмелюсь утверждать, что провозглашаемые минимальными требования к освоению этого блока находятся вне предела возможностей обычного ребенка, не обучающегося в специальной школе. Более того, при осуществлении этих максималистских требований результат будет весьма проблематичным, и не только для здоровья ребенка, но и для развития его интеллектуальной культуры. Думается, что увлеченные задачей старой, картезианской дидактики - обучения традиционным дисциплинам, они не осмыслили их реальную значимость для дальнейшей практической жизни каждого «рядового» человека. Тот ныне общеизвестный факт, что избыток естественнонаучных сведений (которые вполне достижимы для нас иным информационным способом при соответствующей базовой подготовленности в образовательном учреждении) скорее блокирует, чем развивает способность самостоятельного, творческого мышления. Не используют они и принцип интегрирования изучаемых предметов, позволяющий при уменьшении объема изучаемого материала («стандартов») достигать большего эффекта.

Что касается «гуманитарного» блока, то для любого специалиста, следящего за педагогическими баталиями последних десятилетий, совершенно очевидно, что здесь за государственный стандарт выдаются вполне определенные программы и содержание учебных пособий, которые сами по себе имеют право на локальное существование (именно поэтому я всегда ранее их поддерживал), но отнюдь не могут быть признаны в должной мере апробированными. Так, в Приложении 7 «Искусство» ребенку предлагают освоить музыку, изобразительное искусство и мировую художественную культуру. Но музыку - вне самостоятельной творческой деятельности ребенка, которая за исключением, пожалуй, хоровой, выброшенной ранее предыдущими «реформаторами», не может быть организована как из-за временных ог-

раничений, так и вследствие катастрофической нехватки профессионально подготовленных кадров, равно как и по причине нищенского материального обеспечения, в том числе и инструментарием; изобразительное искусство - вполне в «просвещенческом» духе, как подспорье для становления абстрактно понимаемой « эстетической культуры », вне должного освоения начальных навыков творчества, базирующихся на накопленных человечеством традициях. Что касается «Мировой художественной культуры », являющей собой по содержанию вполне случайный конгломерат имен, творческих эпох и художественных стилей, который можно с равным успехом либо бесконечно увеличивать, либо произвольно уменьшать, то предмет этот представляется абсолютно нелепым и вполне может быть вмонтирован в курс истории. Между прочим, по аналогии с обществознанием, которое оказывается и по содержанию, и по форме убогим аппендиксом предыдущих программ, имевших вполне конкретный идеологический смысл.

Разработчики данного варианта Проекта не могут не считаться с "предельно допустимой нагрузкой по годам обучения", которая изобретена отнюдь не авторами данного «образовательного стандарта», но уже давно приобрела значение физиологически, психологически и педагогически обоснованного принципа деятельности образовательных учреждений России. Здесь - то и выявляется субъективная причина возмутительного по характеру исключения из содержания федеральной образовательной программы (в качестве « федерального компонента») художественной литературы. Как бы ни говорили разработчики о широком обсуждении Проекта, о конкурсной основе его становления, есть достаточно много оснований для сомнения в истинности подобных утверждений, ибо нашей педагогической, да и не только педагогической, общественности преотлично известно уникальное значение литературы для обучения и воспитания миллионов граждан России, как в далеком прошлом, так и в настоящем. Лучшего способа интеллектуального, эмоционального и духовного обидливания наших детей в современных социокультурных условиях и быть не может. Кстати, их отступление от декларированных позиций и экивоки в сторону литературного образования ни в коей мере не должны и не могут усыпить бдительность научно - педагогической общественности, ибо не исключено, что просвещенцы если не мытьем, так катаньем разделаются с этим величайшим завоеванием социалистической школы как наследницы русских традиций в педагогике".

Я отнюдь не оспариваю внутреннюю логику и объективную необходимость всех перечисленных мною подходов к теоретическому анализу понятия **содержание образования** и, соответственно, отвечающей этому содержанию **системы образования** , равно как и изучения его проявлений во всей сформировавшейся и вместе с тем уникальной **структуре современного образования** . Но, отстаивая имеющую многотысячелетнюю традицию концепцию алетеологии как учения о триединой истине (знаний, эмоций и веры), считаю весьма перспективным **блочный подход** к проблематике современного образования.

Мне уже приходилось неоднократно выступать в печати с позиции алетеологии как учения о триединой истине с идеей проводимых и **неизбежных** изменений **интеллектуального образования** подрастающих поколений в эпоху информационной цивилизации. Обобщенно мои мысли сформулиро-

ваны в исследовании «На рубеже третьего тысячелетия» (М., 1995). Особый акцент в этой связи я делал на алогичности предельного расширения так называемого "базисного знания", в результате чего произошел явный перекокс в сторону механического заучивания ненужного и к всеобщему незнанию нужного. Мои предложения были ориентированы в двух направлениях. Во-первых, формулировалось положение о необходимости вспомнить забытое, все то, что отлично зарекомендовало себя в истории образования: логику, риторику, эвристику, эристику, мнемонику, маевтику. Во-вторых, убрать с путей образования неприкасаемую священную корову, те обществоведческие дисциплины, которые по дурной идеологической традиции и в силу подкоркового страха до сих пор обрушиваются на учащихся всех уровней бессистемно, бесцельно и алогично. Я имею в виду «политологию», "культурологию", «социологию», «обществоведение», вполне неопределенную «философию» и прочие учебные предметы, от которых в голове молодежи остается только сумбур неопределенных и бесполезных (а посему сразу же забываемых) «знаний». В-третьих, привести задачу образования - учить не мыслям, но мыслить, в соответствии с новыми поисково - информационными технологиями. Особое внимание в течение последнего периода я уделял проблеме **веры**, путей и технологий выработки у человека неколебимых убеждений. Об этом - монография «Введение в сравнительное вероучение» (М., 1999). Многие десятилетия предметом моего интереса была и такая составляющая духовного триединства - **освоение истины человеческих эмоций**, совершенствование которых со времен Шиллера и Канта именуется эстетическим воспитанием. Итогом размышлений в свое время явились книга «Эстетическое воспитание. Сущность. Формы. Методы» (М., 1969), положительно оцененная педагогической общественностью, и последовавшие затем труды: «Эстетическая культура личности и духовный потенциал общества» (М., 1983), «Методика формирования эстетической культуры личности» (М., 1985), «Эстетический всеобуч в СССР. Методика. Принципы. Опыт.» (М., 1986). Клуб и эстетическое воспитание в семье» (М., 1988), «Общение и культура отношений» (М., 1989).

Думаю, что дальнейшая разработка идей эстетического воспитания совокупными усилиями представителей самых разных профессий, в том числе и принципиально новых, в единстве теоретиков и практиков педагогики отнюдь не утратила животрепещущего значения. Подчеркиваю данную мысль в связи с тем абсурдным, но реальным обстоятельством, что неумелые реформаторы просвещенцы, дорвавшиеся до руководящих постов уже в «эпоху перестройки», в силу исторического невежества обрушились на теорию и практику воспитания как органическую и неотъемлемую составляющую образования.

Парадоксально, но факт - первыми провозгласили крестовый поход против воспитания розовощекие вожди комсомола, молодежной организации, изначально призванной по самой своей сути служить его гуманным целям и свершившей то, что во всем мире признавалось как русское чудо. Кстати, щедро вознагражденные за подобное иудино дело отнюдь не какими - то тридцатью серебряниками, но весьма комфортными и прибыльными местами в банках, корпорациях, трестах, что никогда народом, нашими потомками не будет предано забвению. Дело дошло до того, что подобный ге-

ростратовский подход был декларирован даже в Федеральном законе Российской Федерации об образовании, обосновывавшим ликвидацию вызывавших во всем мире восхищение детских воспитательных учреждений и организаций, более того, изъявшим воспитание из всего образовательного процесса. Полностью и тенденциозно игнорируя тот очевидный и подтвержденный всей историей человечества факт, что воспитание всегда было и остается поныне неотъемлемым компонентом **целостного образовательного процесса**, они постарались под предлогом борьбы с коммунистической идеологией свести к минимуму воспитательный потенциал всей жизни образовательных учреждений, всего содержания и форм их деятельности. Между прочим, вполне целеустремленно разрушив многие из них, разогнав сосредоточенные в них уникальные педагогические кадры. Оставшиеся же при деле педагоги стали объектом массивной идеологической обработки всеми средствами информации, в том числе, и электронными, в духе игнорирования воспитательных задач. Снявши голову, по волосам не плачут, и тщетно подвывают ныне все средства массовой информации и их отобранные «респонденты» о чудовищных массовых деформациях поведения молодежи в условиях полуразбойной рыночной экономики.

Высокопрофессиональные журналисты в педагогической прессе восприняли только как курьез то обстоятельство, что многие вновь испеченные заместители директоров школ Москвы, с которыми мне доводилось встречаться в последние годы, всерьез убеждены, что воспитание - только организация досуговой деятельности ребенка ! Но за этим курьезом маячит опасность социального разложения, девальвации веками вырабатывавшихся духовных ценностей. Скажу откровенно - попытки так трактовать воспитание призваны завуалировать явно негативный воспитательный эффект, который характерен ныне для насаждаемой у нас силовыми методами «реформаторской» модели образовательного учреждения, в частности, такой школы, из которой практически изгнан производительный труд детей, их гармоничное физическое совершенствование, радостная художественно - творческая деятельность, гражданское самоутверждение патриотов. Более того, - скрыть от общественности те масштабные деформации сознания молодого поколения, которые неизбежны при современной господствующей в школьных программах и учебниках трактовке истории Отечества, его литературы, искусства и науки . Чем, как не антипатриотическим воспитанием оборачивается ложь авторов учебников истории о реальной роли России в разгроме фашизма, стремящихся убедить детей в том, что Монгомери и Эйзенхауэр предопределили победу! Итог такого «антивоспитания» потрясает нас, фронтовиков, уже навсегда уходящих сейчас в небытие: в святой праздник Победы ребячьи, радостно окружавшая и приветствовавшая нас, последних динозавров великой войны, не могла назвать ни одного из многих ее грандиозных сражений, где погибли миллионы их дедов и прадедов ! Им попросту неведомы имена многих полководцев и рядовых героев, отнюдь не менее славных, чем Багратион! А чем, как не национальным нигилизмом оборачивается такое препарирование русской литературы XX века в школьных учебниках и программах, при котором действительно великие писатели игнорируются либо же представляются отнюдь не лучшими, классическими их произведениями и одновременно, в угоду политической конъюнктуре на

первый план тенденциозно выпячиваются вполне ординарные литераторы как «классики современности» и « великие мыслители эпохи». Здесь комментарии, как говорится, излишни...

В научной литературе (особенно - отечественной, чем мы вправе гордиться) вполне основательно показана естественная, неразрывная взаимосвязь обучения и воспитания как двух сторон единого и целостного образовательного процесса. Обучение без целенаправленного и педагогически организуемого воспитательного воздействия не только приводит к поразительным деформациям человеческого духа, но и кардинально снижает эффективность вполне специфического по характеру, задачам и исторически сформировавшимся технологиям обучения новых, подрастающих поколений. Такое обучение, как правило, ограничивается механическим усвоением достигнутого человечеством, но не предопределяет прорыв духа в новые, еще неведомые сферы, не умножает творческий потенциал духа человека во всех основных сферах его проявления. Воспитание же, которое игнорирует выработку принципиально нового человеческого материала, тех глубинных изменений нашей породы, без которых немыслим реальный интеллектуальный, эмоциональный и духовный прогресс всех и каждого, более того, выживание человеческого рода в ближайшем будущем, всегда сводится либо к поведенческой казарменной дрессировке, либо к бесплодной игре в бирюльки (чем, по сути дела, и оборачивается трактовка воспитания как «досуговой деятельности» учащегося). Говорят, что лучше поздно, чем никогда, и можно только сочувственно отнестись к очередному министерскому распоряжению от октября 1999 г., вдруг провозгласившему как открытие, что « воспитание есть стратегическая задача общеобразовательной школы». Но настораживает, что вместо реальных дел с реальными материальными затратами на детство нам опять предлагают новые « доктрины » и « концепции ». Все это мы уже проходили неоднократно за последние сорок - пятьдесят лет девальвации основ нашего образования. Таковы некоторые обязательные предварительные замечания для выработки конструктивных идей **художественной педагогики** , значение которой ныне продиктовано определенным перекосом в трактовке идей эстетического воспитания, приводящей к игнорированию задач **эстетического образования** . Именно на введение в научно - педагогический оборот этого термина я, прежде всего, и настаиваю.

О сущности художественной педагогики

Хочу быть правильно понят: история духовного прогресса человечества как единой семьи и всего многоцветия его цивилизаций и этносов неоспоримо свидетельствует о значении в содержании, системе и структуре образования эстетического воспитания. Это целенаправленное и педагогическое воздействие на систему чувств человека, его вкусов и предпочтений, на ее содержание и непрерывное совершенствование его эмоциональных реакций любого уровня. Многоплановое выявление органического единства **целей эстетического воспитания и его относительно устойчивых форм, в рамках которых проходит обучение ребенка**, (а это не только искусство в узком смысле слова, но и труд, и спорт, и все многообразие игр), - отнюдь не открытие и не заслуга нашего времени, но реальный урок из всей мировой

истории духа. Нам надлежит его усвоить и творчески применить в переломную эпоху, дабы избежать вырождения человека, превращения человечества, кстати, ныне вполне реальное, в обывденное, дебилизированное и обездуховленное стадо, в тех йеху, пришествие которых прозорливо предвидел как рок человеческого стяжательства великий Свифт.

Напомню вкратце, в чем суть этого урока, многими из нас забытого в эйфории прекраснотушных просвещенческих иллюзий. Нельзя не восхищаться изыском наших теоретиков, рассмотревших в послевоенные десятилетия под микроскопом логического анализа все специфические цели эстетического воспитания. Если бы я попытался в рамках моего лаконичного труда только обозначить лапидарно их концепции, мой пространственный лимит был бы исчерпан. Но чем изощреннее и «специфичнее» были их открытия, тем по какой - то неодолимой внутренней силе логики педагогического процесса они приобретали более абстрактный, всеобщий для всех сфер человеческого духа характер (хотя и базировались на реальном осознании определенных специфических характеристик «сферы эстетического», а потому были в определенном отношении не бесполезны). А тем самым - лишались окончательно и бесповоротно операционного значения для содержания, системы и структуры современного образования. Полагаю, что в таком традиционном для научных и отживших, на мой взгляд, диссертаций перечислении « концепции» целей эстетического воспитания нет нужды, ибо все они (как заметил однажды в краткой телефонной беседе со мной великий русский философ А . Ф. Лосев) абсолютно вторичны для истории мировой эстетической мысли.

Разве, например, можно считать новацией кочующее из исследования в исследование вполне маниловское утверждение об облагораживающем значении эстетического воспитания, об его эффективности для **«нравственного совершенствования человека »**? Ведь это - трюизм, известный человечеству с незапамятных времен и соотносимый нами с античностью лишь в силу традиционного для нас европоцентристского мышления, а точнее, с неведением истории других мировых цивилизаций и их образовательных традиций. Греки лишь донесли до нас идею облагораживающего воздействия красоты как своеобразный завет миллиардов предков, подхваченный ими как наследниками и продолжателями других цивилизаций. Лаконично определил их особый и действительно весьма весомый вклад в подобную направленность эстетической мысли Ш. Монтескье в «Духе законов»: «Полибий, рассудительный Полибий, говорит нам, что музыка была необходима для смягчения нравов обитателей Аркадии, которые жили в стране суровой и холодной, и что жители Кинета, пренебрегавшие музыкой, превзошли и в жестокости всех прочих греков, так что не было города, где совершалось бы столько преступлений, как у них. Платон не побоялся даже сказать, что нельзя внести никакого изменения в музыку, которое не повлекло бы за собой соответственного изменения в государственном устройстве. Аристотель, который написал свою П о л и т и к у, кажется, только для того, чтобы противопоставить свои идеи идеям Платона, согласен, однако, с ним о важном влиянии музыки на нравы. Теофраст, Плутарх, Страбон - все древние писатели разделяли эту точку зрения. И это у них не необдуманное мнение, а одно из основных начал их политики».

Поддерживая и развивая как выдающийся представитель эпохи Просвещения идею античных мыслителей об облагораживающем воздействии музыки (шире искусства) на нравы, об ее влиянии на соблюдение человеком пристойности, благоразумия и порядка (как говорил Плутарх Херонейский), Ш. Монтескье вполне в духе иллюзий своей эпохи игнорирует ее парадоксальную алогичность. Ведь нравы (если в порядке приближения использовать этот вполне бессодержательный и дающий возможность самых разных толкований термин) не формируются параллельными потоками «воспитания» трудового, политического, этического, эстетического и т. д. Но **вырабатываются и утверждаются в целостном процессе общественной жизнедеятельности человека и соответственно ей**. Никогда и нигде только музыке либо другому столь же возвышенному искусству не удалось «смягчить нравы». Масштабы потребления искусства и по преимуществу - наиболее совершенного/ представителями современной информационной цивилизации абсолютно несопоставимы с тем, что ведало человечество в ближайшем прошлом. Где и когда миллиарды людей одновременно могли присутствовать, благодаря магии телевидения, на концерте выдающихся певцов! Но не ведало оно и такого всеобщего вандализма и массового одичания, которое характерно для человечества на пороге XXI века.

Осознавая утопичность концепции нравственного совершенствования через «красоту» (закономерно переродившуюся в явное преувеличение вербального воздействия на «нравы», отчетливо прослеживающееся в упорно навязываемых нашей школе локальных по педагогическому значению программах Б. Неменского и Дм. Кабалевского, практически отринутых массовой практикой), теоретики расширили зону поиска, провозгласив целью эстетического воспитания **общую культуру индивида**. Но и здесь их поджидала логическая ловушка, ибо нет более неопределенного, чем общепринятого по традиции термина «культура», о чем мне приходилось неоднократно высказываться ранее. Более того, при достижении терминологической конвенции по поводу «культуры» весьма опасна, если не вредоносна, ее эстетизация. В данном случае, для краткости аргументации, позволю себе еще одну ссылку на бесспорный авторитет - высказывание С.Мозма в книге «Подводя итоги»: «Культура нужна, поскольку она воздействует на характер человека. Если она не облагораживает, не укрепляет характер - грош ей цена. Она должна служить жизни. Цель ее - не красота, а добро. Как мы знаем, она часто, слишком часто порождает самодовольство. Кто не видел, с какой едкой улыбочкой кабинетный ученый поправляет человека, перевравшего цитату, или какое обиженное лицо бывает у знатока, когда кто-нибудь хвалит картину, которую он считает второсортной? Прочитать тысячу книг - не большая заслуга, чем вспахать тысячу полей. И умение правильно охарактеризовать картину ничуть не выше умения разобраться в том, отчего заглох мотор... У художника нет никаких оснований относиться к другим людям свысока. Он дурак, если воображает, что его знания чем-то важнее, и кретин, если не умеет подойти к каждому человеку как к равному». Хорошо бы нашей немногочисленной, но весьма настырной «художественной элите», в буквальном смысле оккупировавшей все информационное поле средств массовой информации и пытающейся в угоду власти предрержащим «эстетически воспитывать» миллионы, а точнее, деформировать их нормальное сознание, за-

думаться и вслушаться в эти слова для трезвой самооценки. Как говорится, имеющий уши да слышит.

Здесь теоретический поиск, натолкнувшись на непреодолимое препятствие абстрактной всеобщности стандартной терминологии, устремляется на боковые, так сказать, более специфические тропы, полагая, что если заменить термин «культура» иным, более локальным, - например, - «художественная культура» либо «эстетическая культура», сокровенная тайна эстетического воспитания в его «чистом», изолированном от обучения, от всей сложнейшей педагогической деятельности будет открыта. Но здесь мыслителей опять - таки поджидает дракон тавтологии, превращающий в ничто все их поиски. Ведь утверждение, что целью эстетического воспитания является эстетическая культура индивида, и есть подобного рода бессодержательная тавтология безотносительно к фундаментальности и масштабности аргументации.

Само собою, напрашивается иной вариант решения определения цели эстетического воспитания, предполагающий расширение его сферы. Наиболее типичный пример - утверждение, что подобной специфической целью является **умножение творческого потенциала индивида**. Именно к такому утверждению в итоге пришел бесспорный знаток проблемы А.В.Луначарский, отмечавший в обобщенной форме, что этой целью может считаться задача «воспитывать человека, который был бы возможно более гармоничен в нравственном и духовном отношении, имел бы полное общее образование и мог бы легко приобрести мастерство в какой-либо отрасли». Еще один шаг по пути просветительской утопии - и вырисовывается переход к трактовке эстетического воспитания как коренной, едва ли не главной задаче формирования «всесторонне, гармонически развитой личности». Не буду еще раз подчеркивать утопический, хотя и подлинно гуманный характер подобной задачи, которую может решить только коммунистическое общество, реальность которого обосновал К. Маркс как основоположник великого вероучения нового времени. Здесь слово не за крикливыми и амбициозными политиками, как бы ни была сильна их скоропреходящая власть, но за неумолимым ходом мировой истории. Отмечу лишь, что гармоничное и всестороннее развитие индивида всеми, кто провозглашал и отстаивал эту идею, мыслится не только как совершенство вкусов и чувств, утонченность эмоций и идеалов, но и как многоплановое выявление на максимальном уровне всех способностей индивида во всех без исключения фундаментальных типах деятельности, от интеллектуальной до предметно - творческой.

Примечательно, что ныне многие молодые педагоги - исследователи, стремясь избежать забалтывания действительно конструктивной идеи эстетического воспитания (в чем особенно преуспели у нас политики от просвещения), все чаще используют иной, более широкий и емкий, более корректный термин - **эстетическое образование**, призванный подчеркнуть целостность процесса эстетического образования и художественного, в широком смысле слова, обучения. Хотел бы, предваряя дальнейшие раздумья о педагогике эстетического образования, именуемой мною в дальнейшем **художественной педагогикой**, напомнить, что еще в конце пятидесятых годов на основе изучения теории и практики эстетического образования в прошлом, и прежде всего, в Древней Греции и Древнем Риме, мною была

обоснована универсальная формула педагогического процесса - П - П - Д, то есть потребность - переживание - действие. Согласно этой формуле любое педагогическое воздействие на всю структуру устойчивых потребностей человека возможно лишь через действие и только через действие. Эстетическое образование в этой связи осуществляется через педагогически регулируемую многоплановую и одновременно целостную совокупность действий: предметно - творческих, интеллектуальных, художественно - образных и игровых в узком смысле слова (если учитывать конструктивную идею Э. Берна об игре как трансакциональном феномене). Доминантой здесь выступает художественно - образное действие или то, что мы в расширительном смысле именуем искусством, место которому есть и в интеллектуальном образовании, и в освоении трудовых навыков и умений, и в любой, самой бесшабашной либо изощренной игре, от детской до сложнейшей спортивной. Признав значение искусства как доминанты в эстетическом образовании, мы вправе сделать следующий, необходимый ныне, как никогда ранее, шаг к отработке принципов **художественной педагогики**.

Подчеркну, что в самом термине, избранном мною, нет чего - либо необычного, выходящего за рамки традиционной педагогической проблематики. Так, с термином «художественная педагогика» мне приходилось встречаться в докладах многих участников Международных конгрессов по эстетике в шестидесятых - семидесятых годах. Его использовал и Герберт Рид в фундаментальных работах по художественному образованию. В русской педагогической литературе нашего времени ему дал право на существование великий кинорежиссер и уникальный педагог, взрастивший блистательную плеяду мастеров советского киноискусства - Сергей Герасимов. Вся его книга « Воспитание кинорежиссера » по сути своей является обобщающим трактатом о художественной педагогике как науке воспитания и обучения, т.е. образования художника. Справедливости ради следует отметить, что и Герберт Рид и Сергей Герасимов - отнюдь не первооткрыватели неведомых ранее истин, ибо с той поры, как люди стали постигать мир и выражать отношение к нему в художественно - образной форме, возникла и задача обобщения и ретрансляции накопленного творческого опыта, его сохранения и передачи новым поколениям как важнейшего средства духовного постижения истины эмоционального мира.

То обстоятельство, что развитие литературы по всем видам и жанрам художественной педагогики приобрело в двадцатом веке лавинообразный характер, отражая подлинный взрыв в системе художественно - образовательных учреждений, отнюдь не дает основания предавать забвению немногие, но классические труды художественно - педагогического плана, написанные нашими предшественниками. Ведь именно они сформулировали основные принципы **традиционной художественной педагогики**, проявляющиеся в разных видах и жанрах искусства (повторяю - художественной педагогики в широком смысле слова), имеющие и поныне значение незыблемых педагогических истин. Более того, задолго до появления первых написанных трактатов по художественной педагогике она как явление духовной жизни существовала в обширном и поливариантном эмоциональном опыте разных этносов и древнейших цивилизаций. Так вырисовывается стоящая перед нами двуединая задача - сохранение великих и плодотвор-

ных традиций художественной педагогики, как зафиксированных, равно как и вполне фольклорных, и обогащение их новым, уникальным и неведомым ранее эстетическим опытом информационной цивилизации, знаменующей собой лавинообразное приобщение все новых и новых миллиардов представителей рода человеческого к эмоциональному аспекту духовной культуры и одновременное колоссальное возрастание практического значения этого аспекта, несоизмеримое со всем тем, что человечество знало ранее.

Художественная педагогика как гид человечества в поиске истины эмоций - изначально, ибо ретрансляция эмоционального опыта, накапливаемого человечеством с первых его шагов по пути цивилизаций (если, конечно, таковые были), осуществлялась во всех сферах художественно - образной деятельности человека в естественном процессе самой этой деятельности. Новые открытия истины в эмоциональном мире, большие и малые, сразу же усваивались соплеменниками или сородичами, превращаясь в привычку, в традицию. Здесь - корень «красоты» одежды и самооформления, приобретающих для конкретной человеческой общности значимость изначального, естественного канона. Здесь же - истоки знакового смысла «выразительности» вещи, возникающего в длительном процессе предметно - творческого выявления ее целесообразности. Привычка, аккумулируемая как непреходящая традиция, закрепляет эстетическую символику движений, от самых простых, элементарных, будничных до сложнейших и систематизированных в ритмике и танце. Звучащее слово, выражавшее первоначально самые элементарные понятия, одновременно открывало человеку истину красоты речи, ее сокровенный образный смысл. Постигая его, человек познал таинство пения, могучую силу художественной выразительности мелоса, а затем и его инструментального сопровождения.

Поразительно сложный и структурированный эстетически выразительный аспект самодвижения человеческого духа породил такое многообразие цветов человеческого художественнотворческого гения, которое неподвластно любой логической систематике. И сохранялось это многообразие (естественно - этнически predetermined) отнюдь не в логически оформленной форме, традиционной для современной развитой художественной педагогики, но в практике передачи накопленного духовного опыта и духовных ценностей новым поколениям в процессе совместной жизнедеятельности. В переносном смысле слова мы вправе говорить о первоначальном накоплении устойчивой системы эстетических переживаний, закреплённом как наследство на генетическом уровне. И сегодня танец семитских народов вполне своеобразен и узнаваем, как и многие тысячи лет тому назад, а ритмика древнейших представителей черной расы незыблема и в мире афроамериканского джаза. Древнейшая практическая художественная педагогика как грань естественной жизнедеятельности человека жива и сейчас в «снятом» виде у всех здравствующих поныне этносов и дает основание для разработки специального раздела палеонтологии человеческого духа.

Параллельно с практической художественной педагогикой и в ее недрах зарождалась и откристаллизовывалась бинарная художественная педагогика, в которой отчетливо структурируется отношение «мастер - подмастерье». И хотя расцвет бинарной художественной педагогики совпадает с периодом цеховой организации всевозможных ремесел, она существовала и

на древнейших этапах человеческой истории, существует и поныне, на заре информационной цивилизации.

Всеобщность занятия художественно творческой, образной деятельностью, обязательное соучастие в ней всего племени или рода не исключала (а быть может, напротив, предполагала) бинарную художественную педагогику, ретрансляцию эмоционального опыта от человека к человеку. Вполне естественно, что инициировал эту передачу и старейший, и более подготовленный «мастер», определявший содержание, систему и технологию творческого общения с «подмастерьем». Не зря же отметил в «Годах странствий Вильгельма Мейстера» Гете: «В подлинном искусстве нет предварительного обучения, есть только подготовка, и самая лучшая подготовка - участие самого ничтожного ученика в работе мастера. Из мальчишек, растиравших краски, получались превосходные живописцы ». И конечно же, таким всегда был мастер, обладавший не только тайнами профессионального мастерства, но и особой способностью его передачи другим как вечно живого наследия. Если же мастер уносил в могилу сокровенные принципы творчества, неведомые другим технологии, не воспитав подмастерья, исчезало навсегда нечто исключительно ценное и неподдающееся поныне логической расшифровке.

На стыке веков, в условиях принципиального изменения технических возможностей и задач ретрансляции духовных ценностей, бинарная художественная педагогика отнюдь не утратила своего конструктивного значения и операционного практического смысла. Не случайно даже в предельно дифференцированном профессиональном художественном образовании, где ученик получает масштабный набор отдельных компонентов целостного творческого процесса, комплекс расчлененных и взаимосвязанных учебных предметов, высшим и наиболее результативным остается бинарное общение, именуемое то «мастер - классом», то «стажировкой» у мастера. Не случайно поэтому многие наши выдающиеся мастера, завершившие цикл обучения в специальном художественно - образовательном учреждении, предпочитают затем говорить о себе как учениках С. Герасимова или Г. Нейгауза, И. Жолтовского или А. Попова.

Естественным и примечательным развитием практической художественной педагогики, накопившей многотысячелетний опыт, и весьма почтенной по возрасту бинарной художественной педагогики явилась сосредоточенная в специальных учебных заведениях (музыкальных училищах и консерваториях, в театральных, архитектурных, кинематографических студиях и институтах, в хореографических школах, академиях и т. д.) вполне устоявшаяся ныне **педагогика художественного образования** . Ей посвящены тысячи и тысячи фундаментальнейших теоретических и исторических работ, учебных пособий, методических рекомендаций, поток которых нарастает по мере развития в любой стране системы художественного образования. Я бы согласился с тем, чтобы вслед за С. А. Герасимовым именовать эту сферу ретрансляции духовных ценностей художественной педагогикой, если бы не одно весьма примечательное для начала информационной цивилизации обстоятельство. Внутренняя логика этой цивилизации, те параметры образования человеческого материала, которые она диктует, равно как и новый характер социального расчленения общества, предполагающего компенсацию

многих реальных потерь массового человека в сфере духа за счет интенсификации его эмоциональной составляющей, требуют развития **художественной педагогики как раздела общего образования**. На мой взгляд, раздела вполне равнозначного педагогике интеллектуального обучения и развития или же педагогике выработки неколебимых убеждений веры, а стало быть, и всех поведенческих реакций индивида. Здесь налицо парадокс реальной истории духа - начинавшаяся как явление всеобщее для племени и рода художественная педагогика вновь обретает общечеловеческий смысл, правда, уже на совершенно ином качественном уровне духовной культуры и на прочном мировом художественном опыте тысячелетий.

В силу целого комплекса взаимосвязанных причин, обусловленных динамикой человеческого духа в преддверии эпохи Озарения, профессиональная художественная педагогика, отработанная в процессе подготовки специалистов разных видов художественного творчества до мыслимого совершенства, качественно изменяет диапазон своего социального воздействия, приобретает новый исторический статус. Назову лишь некоторые из таких причин, детально и всесторонне проанализированных на философском уровне современными мыслителями.

Научно - техническая революция, наступившая сразу за революцией промышленной, дала потенциально подавляющему большинству населения нашей планеты принципиально новые материальные ресурсы и ресурсы свободного времени (что, кстати, пророчески предвидел К.Маркс в «Капитале»), в том числе, и времени досуга. Перед теми представителями художественно - творческих профессий, которые ранее работали для немногих баблвейв судьбы, для избранных счастливых, монополично обладавших и материальными средствами и досугом, открылись неведомые ранее по масштабам горизонты применения способностей и дарований. Потребности взорвавшегося рынка предопределили лавинообразный рост производителей художественных услуг. Теперь в профессионально - творческую художественную деятельность стали включаться не только избранные представители высокого искусства, но целые армии специалистов порою невиданных ранее профессий, завоевывающих себе все новые и новые ниши в художественном производстве. По сути дела ныне без этого специально подготовленного контингента немыслимо все общественное производство, вся сфера услуг и рекламы, вся деятельность средств массовой информации, прессы. И он рекрутируется не только из выпускников художественных учебных заведений всех степеней, но и преимущественно из числа выпускников общеобразовательных учреждений. Дилетанты решительно потеснили профессионалов, так что можно только предаваться ностальгическим вздохам об ограниченной сфере "высокого искусства" в прошлом. В подобной ситуации все образовательные учреждения просто немыслимы без масштабного блока художественно - творческих дисциплин, подготавливающих молодежь к эстетической по типу деятельности. Без этого блока ей попросту нет места на новом рынке труда, где искусство в его новой ипостаси стало самым массовым и ходовым товаром, а владение навыками художественной деятельности - обязательным требованием к работнику любой профессии, любого вида деятельности.

Но это лишь одна, да и то не самая существенная грань изменения и принципиального расширения социальных функций профессиональной художественной педагогики, которая вынуждена опуститься с Олимпа в кипящую коловорот быденной жизни обычных людей. Ее ждет вся система массового общего и профессионального образования, ибо без **эстетического образования** миллионов ныне практически невозможен дальнейший научно - технический прогресс. Как на заре эпохи Просвещения армию промышленных работников нельзя было создать без освоения ею интеллектуального опыта человечества, без неизбежного распространения в массах научных знаний, доступных ранее преимущественно немногим жрецам науки и власть предержащим, так в канун эпохи Озарения рекрутирование и формирование миллионной армии современных производительных работников, равно как и не менее масштабной армии управленцев всех типов и рангов, немыслимо без эстетической подготовки человеческого материала.

Подобный подход дает основание сомневаться в том, что блок художественно - творческой деятельности в образовательных учреждениях может базироваться на чем - то ином, чем профессиональная художественная педагогика, содержание, система и структура которой на первый взгляд жестко привязаны к задаче профессиональной выучки немногих специфически одаренных мастеров искусства. Не скрою, что для подобного лукавого сомнения есть логические основания. Повторяю - логические, но отнюдь не практические. А многолетняя практика, весь последний мировой опыт преподнесли нам иной урок : всякое отступление от завоеваний профессиональной художественной педагогики, от ее дидактических принципов и отработанных веками технологий приводит в лучшем случае к неоправданному размыванию художественно - творческих достижений и открытий, откристаллизовавшихся веками, к попятному, ракообразному движению в сфере духа, к чудовищным по безвкусице и вульгарной амбициозности проявлениям вульгарности в невиданных ранее масштабах.

Но чаще всего - к подмене действенной художественной педагогики, синтезирующей высшие достижения школы, выучки, плодотворных традиций мастерства (какой она всегда была в лучших, знаменующих прогресс исторических проявлениях) - педагогикой вербальной. Беда последней отнюдь не в том, что ее представители ограничивают воздействие на учащихся безотносительно к их возрасту и творческому потенциалу. Ведь слово является одним из самых мощных выразительных средств художественно - образного мышления, строительным материалом всей мировой литературы. Проблема в ином: слово, изрекаемое учителем, подменяет у них самостоятельное, радостное творчество ребенка, лишает его возможности овладеть и азбукой искусства, и его выразительными тайнами, а в итоге - блокирует эмоциональный мир на путях самостоятельного постижения истины. Любопытно, что поборники вербальной педагогики склонны ратовать за эстетическое воспитание, но отнюдь не за эстетическое образование, ибо последнее вне творческой деятельности маленького художника или же взрослого человека, решившего включиться в нее, просто немыслимо. **А деятельность эта в своей основе и по своим принципам тождественна профессиональному искусству .**

Круг, как говорится, замкнулся. Признав самоценность художественно - творческой деятельности в бесчисленных ее проявлениях, от вершин исполнительского мастерства музыканта до изящно разыгранной шахматной или футбольной комбинации, от монументальной фресковой живописи до экспрессивной набивки на ткани, от эпохального по значению фильма до образных проникновений в жизненные будни при помощи видеокамеры, мы лишь подтверждаем, что школа подготовки к ней едина, безотносительно к своеобразию конкретных творческих задач и масштабности образных открытий. Ее и дает современная художественная педагогика как экстраполирование закономерностей и таинств творчества профессиональных мастеров искусства, равно как и их подготовки в любых исторических типах обучения на содержание, систему и структуру художественной педагогики как теоретической и технологической основы эстетического блока дисциплин в массовых образовательных учреждениях всех уровней.

Здесь наблюдается полная аналогия с двумя другими блоками в современном образовании - интеллектуальным и ценностно - ориентировочным, базирующимся на устойчивой, незыблемой вере. На занятиях по математике педагоги вводят учащегося в таинственный мир самостоятельных математических действий, но отнюдь не подменяют его рассказами о математике. Формируя всю безграничную палитру жизненных установок и ценностей ребенка, учитель включает его в труд, повседневный и профессионально ориентированный, в реальную систему общения с другими людьми, сверстниками и взрослыми, в обширнейший спектр деяния и личной ответственности за него, тем самым вырабатывая устойчивые, незыблемые всеобщие нормы бытия как ориентиры всего поведения. Пассивное же прослушивание религиозных либо религиозоведческих бесед абсолютно бесплодно в решении педагогической задачи утверждения человека в истине веры. Они не более результативны, чем увлекательные лекции по музыке вне музыкальной деятельности для развития способности постигать и выражать сокровенную истину эмоционального мира.

Общезстетические и профессионально-технологические принципы художественной педагогики

Приступая к отработке идей современной художественной педагогики, следует учесть еще одно весьма существенное обстоятельство, которое вроде бы и облегчает поставленную теоретическую и педагогическую задачу, но в то же время и весьма осложняет ее эффективное решение. Дифференциация нынешней духовной жизни зашла так далеко, что возникли блистательно разработанные (и притом лучшими умами человечества, выдающимися представителями педагогического действия) педагогики конкретных эмоционально - творческих дисциплин. Есть все основания теперь говорить о музыкальной педагогике, театральной педагогике, цирковой педагогике, эстрадной педагогике, педагогике игрового действия во всем многообразии вполне реальных и устоявшихся форм, от спорта до индустрии развлечений и т.д. Все эти « частные педагогики » имеют практически неисчерпаемую литературу вопроса, в том числе, и безусловно классическую. Игнорировать ее

- значит закрыть себе путь к пониманию всей противоречивости современного мира, перед которым реально поставлен выбор между бытием и небытием. На их базе сформированы учебно- образовательные учреждения самых разных типов, четко структурированные и вместе с тем приобретающие общую логику самодвижения в современных единообразных организационных формах. Естественно, что их представители, отстаивающие вполне обоснованно узкопрофессиональный интерес «касты посвященных», действительно являющихся жрецами эмоциональной культуры, ее хранителями, не без скепсиса воспринимают идею художественной педагогики, которая вроде бы имеет предельно философский абстрактно - всеобщий характер и, стало быть, сугубо теоретическое значение. Между тем, каждый из них, зачастую и не ведая, наряду с сугубо технологическими, конкретными проблемами особого, специфического постижения истины эмоций, развивает, уточняет, отшлифовывает некоторые его **общеобязательные** принципы. Вполне в духе знаменитого героя Мольера. Их органическую целостность и выражает современная художественная педагогика как единство общей теории и общей дидактики. Понимаю, что для педагогов - профессионалов, дающим школу высокой эстетической культуры (мастерства) в конкретном, вполне специфическом виде деятельности, художественная педагогика представляется чем - то чрезмерно «философичным». Но перенесемся мысленно в другие блоки образования. Разве детализированное в педагогике до предела, до малейших частных интеллектуальное образование, разброс в котором не передается сколь - либо вразумительному изложению, исключило искания современных мыслителей в сфере подлинно продуктивного мышления? Напротив, именно последние создали то, что можно признать с определенной долей приближения к истине - современную философию, и она вполне операциональна в деле подготовки специалистов конкретных профессий, связанных с интеллектуальным трудом, в отличие от преблагополучно скончавшейся «общей философии». А разве разработка сравнительного вероучения как общей теории и практики любой веры, без которой человек немислим всегда и повсеместно, не имеет рационального общепедагогического смысла? Ведь не случайно исторически сосуществуют конкретная теология, связанная с определенным вероисповеданием, и общая теология, которую всегда стремились разрабатывать и великие отцы церкви, и великие вероучители любого (в том числе и атеистического) толка.

Выведенная из всего разнообразия **конкретной художественной педагогики, замкнутой на определенном виде постижения истины эмоций**, являясь ее исторически предопределенным детищем, современная художественная педагогика дает прочную конструктивную опору массовому эстетическому образованию, призванному активно и действенно противостоять всеобщему и целенаправленному эмоциональному обидливанию миллионов. А это обидливание - осознанная и предельно щедро финансируемая цель тех «неведомых» кукловодов, которые в двадцатом веке с открытым забралом выступили в роли вершителей судеб всего человечества. Здесь нет и не может быть места компромиссу, но действует принцип «или - или». Еще и еще раз скажу: всестороннее развитие индивида, путь к которому пыталась найти Россия как разведчик мирового духа, утопия лишь для тех, кто

стремится превратить большинство человечества в сытое стадо вне подлинной духовности.

Сразу же оговорюсь, что общие и специфические принципы художественной педагогики современности, знаменующие третий исторически масштабный период ее развития, не тождественны по характеру и типологии тем дидактическим принципам и технологиям, которые использует преподаватель математики либо учитель черчения, педагог - биолог либо мастер трудового обучения. Руководствуясь только ими, нельзя организовать сколь - либо действенный учебный процесс. И вместе с тем этот процесс не будет конструктивен, плодотворен, если мы не рассмотрим его в контексте блочного представления о педагогике, ее содержании, системе и структуре. Осознание одного из существенных аспектов подобного контекста - сверхзадача художественной педагогики.

Признав возможность художественнопедагогического подхода ко всем конкретным формам воспитания и обучения, то есть образования, мы прежде всего принуждены безотносительно к нашим эстетическим симпатиям либо антипатиям признать наиболее общие принципы любой художественно - творческой деятельности. Они имеют надэпохальное значение, проявляются в любой системе эстетических координат (в узком смысле слова - во всем многоцветии стилей, методов, направлений), безотносительно к индивидуальности эмоционального мира каждого из нас. Десятилетия теоретических раздумий и педагогических поисков позволили мне выделить три основополагающих и всеобщих принципа, неразрывно взаимосвязанных и позволяющих выстраивать все здание современной художественной педагогики. Малыш, которого мать учит напевать первую бесхитростную песенку и великий маэстро, отшлифовывающий свою изумительную технику в процессе изнурительных упражнений, девочка, подражающая впервые увиденным эстетически совершенным пластическим упражнениям педагога, и балерина у станка, не знающая минуты отдыха в стремлении осознать меру доступного для нее в хореографии, ребенок, изначально предпочитающий импровизационный подход к игре на инструменте, но принужденный пройти школу музыкальной грамотности - все они реализуют на практике общедидактические требования художественной педагогики. Бессилен их игнорировать и любой первооткрыватель в эстетической сфере, если он действительно своим талантом, своим трудом, своей неординарностью предопределяет путь прогресса духовной жизни.

Первое из них - деятельность как путь к открытию в сфере эмоциональных переживаний, то, что я называю постижением. Признание блочной структуры интегративной педагогики дает основание утверждать, что подобное постижение, **реализуемое как открытие нового в сфере истины**, не менее существенно для человека эпохи Озарения, чем научное открытие либо откровение веры. Именно поэтому оно является, с одной стороны, результатом эмоционально - творческой деятельности, а с другой - критерием ее оценки для должной педагогической отработки, шлифовки на всех уровнях.

Постичь в обычном необычное - вот сакраментальная образная формула движения эмоционального мира к истине. Если вы, обремененный бестолочью и алогизмом городской и вполне иллюзорной жизни, вдруг останови-

тес в изумлении и с восхищением посмотрите на робкую ромашку, пробивающуюся в щели липкого асфальта, то движет вами именно эта формула. И если далее, побуждаемый действительно неведомой творческой силой, вы захотите нарисовать очаровавший вас цветок, высказать потрясшее вас впечатление в поэтически организованных словах либо средствами музыкальной гармонии, то формула обретет завершенный характер в рамках системы потребность - переживание - действие. Здесь - все таинство постижения ведомой нами реальности бытия, а дальше различия приобретают (в образном смысле) лишь чисто количественный характер. Стих Ф. Тютчева или гениальный набросок Ван Гога, общеизвестный до щемящей боли городской романс об увядших ромашках либо фрагмент помпейской фрески - все это постижение безграничной многогранности таинства охвата миром человеческих эмоций единой истины.

Постижение - вот что мы ценим в первую очередь во всех поисках человеком этой истины безотносительно к способу творчества. Оказываясь общепризнанным критерием истинного в эмоциональном мире (естественно, и в такой его масштабнейшей и едва ли не безграничной области человеческого деяния как искусство), постижение тем самым оказывается изначальным принципом эстетического образования, от которого никто и никогда (если он верен идеалам красоты) не отступает и отступить не может. Проблема переносится из сферы абстрактных дискуссий в чисто педагогическую плоскость. Эстетическое обучение и воспитание на всех уровнях, от корректировки самых первоначальных, базовых эстетических эмоций до сложнейших проявлений эстетического чувства, вкуса, идеала и, главное, творческого деяния предполагают освоение тайны постижения, эмоционального или художественно - образного открытия. Пути освоения данной тайны человеческого духа не менее многоплановы, вариативны, чем бесчисленное количество кровеносных сосудов, необходимых для жизнедеятельности целостного организма.

Ей посвящена бездна (в буквальном смысле слова) литературы, в том числе и искусствоведческой, сохранившей для нас в непосредственном изложении и в интерпретации энциклопедические по значению наблюдения за движением духа человеческого в поисках постижения эстетической истины. Опираясь на них в соответствии с художественно - педагогической установкой, можно проанализировать, как в педагогическом процессе на всех его этапах целесообразно подчинять любую (в том числе и чисто техническую) задачу школы мастерства, универсальному принципу постижения. Малыш овладевает вместе с педагогом постановкой руки при игре на фортепиано, что требует от него почти титанических усилий и неуклонного повторения найденных на физиологическом уровне откровений. Но вслушайтесь в комментарии мудрого педагога, если он, конечно, таковой, и вы без труда обнаружите первый принцип художественной педагогики, ибо самое мельчайшее, филигранное движение должно быть содержательно и одухотворено задачей постижения духовных ценностей. «Голая», бездушная школа в лучшем случае сформирует виртуоза, но не художника. Вчитайтесь в наставления Е. Вагановой, сохранившей для нас традиции школы классического русского балета в годы лихолетья, и вы поймете, что филигранно отточенная школа, которой овладевают и будущие профессиональные артисты балета и все те,

для кого танец есть жизнь, ею мыслится только в связи с постижением сокровенной тайны красоты человеческого духа, его эмоциональной жизни. И в непосредственном общении с реальным миром, и в опосредованном общении с ним при усвоении, исполнении, интерпретации уже существующих произведений, современных или отдаленных от нас мраком тысячелетий, закон постижения един для современной художественной педагогики. Мудро отметил Платон в диалоге «Ион»: «Нельзя стать хорошим рапсодом, не вникая в то, что говорит поэт, рапсод должен стать для слушателей истолкователем замысла поэта, а справиться с этим тому, кто не знает, что говорит поэт, невозможно». Сегодня, когда эмоциональное постижение истины в образной форме стало действительно делом миллиардов людей, вопреки всем жизненным невзгодам и лишениям, и в профессиональном учебном заведении, и в студийных коллективах, и в массовых образовательных учреждениях, мы просто не имеем права пренебрегать первым принципом художественной педагогики. Тем более что он одновременно является универсальным принципом интегративной педагогики и в сфере интеллекта, и в сфере веры. Полностью согласен с Е. Н. Рерих, отметившей необходимость одновременно развивать мышление и наблюдательность, ибо сердце не может выполнить свое назначение, когда вместо мыслей - блохи и вместо наблюдательности - крот.

Конечно, такое развитие не рождает талант художника, эту величайшую загадку нашего человеческого бытия, но способствует воспитанию и пробуждению художественно - творческих способностей в каждом человеке по мере его индивидуальной одаренности, всех его потенциалов. А в итоге - формированию, «образованию» его эстетического мира на всех уровнях, от простейших чувств до сложнейших по структуре идеалов и предпочтений.

Постигая, человек выражает себя, свое отношение к миру, море своих неизбывных надежд и стремлений, убеждений и верований. Его эмоциональный мир - не только постижение истины по аналогии со знанием и верой, но и ее оценка, причем сугубо индивидуальная и неповторимая. Ее диапазон - от первых и непосредственных реакций малыша, выраженных в звуке, жесте, мимике до величайших творений человеческого гения в искусстве. Концентрируясь в обобщенной, художественно - образной форме, оценка эта в соответствии с устоявшимися традициями духовной жизни людей и многообразием форм коммуникаций между ними предопределяет удивительное, порою - загадочное как всякий продукт человеческого гения качество, именуемое **выразительностью**. По аналогии с постижением как функцией движения эмоционального мира к истине, реализуемой в открытии, выражение как аналогичная функция реализуется в этом человеческом мире как выразительность. Естественно, что она также оказывается качественным общеэстетическим критерием и элементарных, и высших проявлений человеческого духа и, конечно же, педагогической деятельности в соответствующем блоке образования.

Эмоциональная выразительность одна из увлекательнейших проблем осознания человеком всего загадочного мира отношений и общения всех без исключения коммуникаций на эмоциональном уровне. Оно не менее значимо для бытия человека, чем понятийное общение на базе языка, символов, знаков, а точнее, вполне равнозначно ему. Оно может быть вплетено в другие

духовные блоки, но может существовать вполне самостоятельно и функционировать по своим специфическим законам.

Там, где зарождается и развивается душа (об этом см. мою работу «Введение в сравнительное вероучение», М.1999), эмоциональная выразительность оказывается наиболее очевидным и впечатляющим ее проявлением. Вспоминаю, как в песках Кара-Кумов во время занятий училища нередко наталкивался то на гюрзу, то на фалангу, то на скорпиона. Прошло несколько дней - и все мы приспособились к неуютным соседям, ибо они о возможной агрессивной реакции всегда и корректно предупреждали весьма выразительными позами и звуками. Каждый, кто любит таких домашних животных, как кошки или собаки, может порассказать немало любопытного о необычайно тонких и точных проявлениях их эмоциональной жизни, о выразительности поз, движениях, даже взглядов и вздохов. Не надо изучать интереснейшие труды современных этологов, детальнейшим образом исследовавших выразительные средства и сигналы всего одушевленного мира животных, свидетельствующие о внутреннем эмоциональном состоянии, чтобы согласиться с тем, что выразительность изначальна и всевластна. В мире же человеческих отношений и общений она получила не только количественное развитие, но и качественную, уникальную для духа прибавку - художественное творчество. Именно ему суждено было стать для нас решающим фактором выразительности, эмоционального постижения истины. Порожденное художественным творчеством разных цивилизаций и этносов, искусство в широком смысле слова не только предопределило доставшуюся нам от живого наследия одушевленной природы систему выразительных средств, но и качественно изменило сам характер выразительности, достигшей необычайной тонкости, точности и трепетности. Вслушайтесь хотя бы в корейские танки либо японские хокку, всмотритесь в линию рисунка Пикассо либо движение кисти Улановой, ощутите сердцем пластическую выразительность резца Микеланджело либо непередаваемую словом вселенную цвета и света импрессионистов, словом, окунитесь еще и еще раз в океан художественной культуры - и вы согласитесь со мной. Узкопрофессиональная художественная педагогика решает ныне сложнейшую задачу сохранения этого бескрайнего океана и ретрансляции коллективного опыта художников, утончивших до мыслимых пределов все средства выразительности конкретных типов творческой образной деятельности. Те средства, которые детально изучены и на методическом, и на теоретическом уровне специалистами, разрабатываемыми общедидактические и технологические принципы художественной педагогики в ее видовых проявлениях в безграничном спектре образного творчества современности.

Цель художественной педагогики - всеобщее эстетическое образование в эпоху Озарения в соответствии с теми общими критериями выразительности, которые уже устоялись и отстоялись, которые можно, более того, необходимо перенести в более широкую сферу формирования человеческого материала, на подготовку сотен миллионов землян в соответствии с традициями их цивилизации и этноса. Здесь нет и не может быть скидки на любительскую установку, которая движет подавляющим числом людей, «зараженных» эмоциональным самовыражением. В противном случае неизбежен откат назад, к периоду элитарности эстетического образования и

привилегиям в этой сфере. Еще и еще раз напомним, что нет более опасной для социума привилегии, чем привилегия на образование. Парадоксально, но именно в эстетическом образовании у нее нет будущего даже у нас, в России, где новоявленная элита, потомки вчерашних секомых на конюшнях крестьян, работяг, мещан сталкивается с необоримым потоком, нет не потоком - бескрайним морем народных талантов. Отпрыски же этой « элиты », не подготовленные к выживанию в этом потоке, скоро превратятся в группы озлобленных неудачников. Так уже бывало не раз в прошлом. Так по неизбежности будет и ныне.

Именно этот поток размывает границы профессионального и любительского искусства, ошеломляя удивленных наблюдателей тьмой ансамблей, эстрадных коллективов, театров в подвалах и старых конюшнях, спортивными шоу, где традиционное соревнование достойных превращается в массовые зрелища, которые не ведал и Древний Рим, потоком фильмов от клипов до игровых. Точнее, не размывает, а, попросту говоря, поднимает планку профессионализма еще выше, делая ее еще недостижимее для любителей, а тем самым еще привлекательнее как образец. Художественная педагогика, обосновывающая всеобщее, универсальное значение принципа выразительности, тем самым побуждает и любителей еще и еще раз пытаться преодолеть эту планку, осваивая всю палитру специфических выразительных средств эмоционально - образного постижения истины. В итоге выигрывают все.

Характеристика общеэстетических принципов художественной педагогики, опять - таки выведенных из мирового эмоционально - образного творческого опыта, будет неполной, если ее кардинальные вопросы (принципы) - « что постигать » и « как выражать » не будут органически синтезированы с не менее кардинальным, базовым вопросом - « для чего эмоционально - образными средствами выражать постигнутое ». Подобный подход - не продукт моих домыслов и теоретических установок, но результат исканий лучших умов человечества, размышлявших о целях и задачах эмоционально - образного постижения истины, ее абсолютной необходимости для движения Мирового Разума, от Аристотеля до Льва Толстого. Все они (а список трудов мыслителей прошлого, которые являются фундаментальными для дальнейших исканий в области современной художественной педагогики, имеется в любой научной библиотеке), в равной мере и рационалисты, и эмотивисты подчеркивали значение заразительности как художественно - педагогического и эстетического принципа. В отличие от сферы интеллекта и области веры главное, что мы получаем в результате реализации формулы «**Потребность - Переживание - Действие** » на уровне эмоционального движения к истине - наслаждение. Все остальное, как говорится, от лукавого, может присутствовать в эмоционально - образном творчестве, но может и отсутствовать, удивляя предельных рационалистов, рассматривающих мир как самодвижение идеи, а также поборников церковных догм, подозрительно относящихся к извивам свободной духовной жизни свободного человека информационной цивилизации.

Но обязательно присутствует страсть, взрыв эмоций, столкновение вкусов и непримиримых эстетических идеалов, да ныне с такой интенсивностью, что остается только удивляться. Понаблюдайте концерт более или

менее модной группы, которая по большому счету не выходит за рамки добротного любительства, сосредоточьте внимание на аудитории (которая отнюдь не всегда состоит из эмоционально неуравновешенных юнцов) - вы будете поражены однообразием страстной эмоциональной реакции. Толпа подпевает, вздымает руки, словно в молитвенном экстазе, и раскачивает их в условно - символическом, знаковом движении, взрывается одновременным криком восторга, переходящим в откровенный и неудержимый рев единого организма. А не так ли заражает массовый эстетический энтузиазм сотысячную толпу на стадионе, когда любимые и общепризнанные в мире знатоков футбольные команды ведут славный рыцарский бой. Естественно, что исполнители в любом подобном случае могут применять и дополнительные психологические средства воздействия на почитателей исполнения или игры, преступать меру эстрадной выразительности, специфическими и хорошо известными приемами подогревая почитателей таланта, либо выходить за рамки спортивного образа на поле, имитируя восторг от удачного и действительно великолепного гола коллективной свалкой игроков и взаимными поцелуями, подобно неудержимым «голубым». Не менее заразительны и женские любительские детективы, неукротимо нарастающую реку которых в условиях свободной коммерческой книгоиздательской деятельности преградить никто не властен, хотя по соседству на книжных развалах во всем мире присутствует и «детективная классика», эмоциональную действенность которой подтвердит самый тонкий, понаторевший на чтении литературовед.

Гамма переживаний искусства в широком смысле слова (еще раз позволю себе напомнить, что его границы простираются от трудовой деятельности и спортивных действий до миниатюрной живописи, от бесхитростного напевания до грандиозных эпических произведений космических по масштабу смысла и значения) не поддается какому - либо определению, ибо определение - всегда ограничение, но кто покусится ограничить безмерное! Не менее масштабны творческие приемы, способствующие активизации «заразительности» в любом виде эмоционально - образного постижения истины. Прочитайте, например, блистательно написанный Патрисом Пави «Словарь театра», в котором читатель в отличие от традиционных театроведческих изданий найдет действительный компендиум сведений о гегах, трюках и иных приемах театральной выразительности, делающих спектакль эмоциональным потрясением, заражающим зрителя действием.

Способствует заразительности продуктов эмоционально - творческой сферы и их символическое значение, о котором мы часто забываем в силу традиционного реалистического, а точнее, приземленного мышления. Образ - не только синтез познанного, не только обобщение увиденного и открытие удивительного в нем, не только выражение страстного стремления творца вдохновить и потрясти, заразить нас, но и знак для общения посвященных, которым ведомы символы. Не буду продолжать эту увлекательную тему, ибо могу оказаться в положении интерпретатора интереснейшего и уникального «Словаря символов» Х. Э. Керлота, появившегося ныне в русском издании. Опытный исследователь Герберт Рид, предваряя предисловием книгу, не смог добавить к ее содержанию ничего, кроме фундаментальной идеи о человеке как существе, пользующемся символами. Думаю, что читателю, заинтересовавшемуся проблемами художественной педагогики, целесообразно

но ознакомиться и с этим изданием обобщающего характера, ибо всеобщий символизм как существенный признак эмоционально - образного творчества на всех уровнях может и должен быть передан в содержание, систему и структуру эстетического образования. Ему можно и должно учить.

Заразительность как специфический признак художественной педагогики естественно корреспондируется с этническим своеобразием эмоционально - образного творчества. Порою, как это не печально для тонких и высокообразованных искусствоведов и историков эстетики, уникальные шедевры исчезнувших культур, дающие шифrogramму из прошлого неведомого для нас этноса, не будоражат воображение нынешней генерации человечества, в лучшем случае делегирующих немногочисленных завсегдатаев музеев и туристов, избравших модные, рекламой поддержанные маршруты путешествий к развалинам Вавилона либо к загадочным египетским пирамидам. А порою происходит нечто прямо противоположное и столь же загадочное, когда вроде бы ушедшие в прошлое эмоциональные знаковые цивилизации народов, отброшенных на обочину социального прогресса, вдруг оказываются дрожжами для вызревания наиболее эмоционально - заразительных художественных ценностей. И тогда, словно в каком - то помешательстве, степенные и чопорные европейцы начинают отплясывать танцы папуасов, подражать ритуальным зазываниям негроидов, лихо играть на инструментах, неведомых их предкам. Пуризм здесь бессмысленен, ибо эмоциональный мир развивается по законам, весьма далеким от логики. Попробуйте, например, убедить наших дородных русских обольстительниц, что французский изыск в моде чужд самой их этнической природе - и вы признаете мою правоту. Здесь нет места логическим аргументам и диктату догм тех или иных вероучений, ибо все развивается и утверждается в совершенно иной, эмоциональной системе координат.

Итак, постижение - выражение - заражение как общеэстетические закономерности творчества, обязательные как исходные, основополагающие эстетические принципы современной художественной педагогики. Меня часто спрашивают, где же обобщающие труды по этой дисциплине? Отвечаю с полным и достаточным основанием, могу с законной патриотической гордостью рекомендовать труды гениального мыслителя и педагога двадцатого века Л.Н. Толстого и величайшего реформатора искусства и педагогики двадцатого века, режиссера и психолога К. С. Станиславского. Убежден, что мы до сих пор в силу целого комплекса внепедагогических причин даже не приступили к разработке педагогического наследия, оставленного нам этими титанами. Кстати, что успешно осуществляется ныне во многих странах мира, активизируя их реальный и весомый вклад в художественную педагогику.

Конкретная художественная педагогика как общетеоретическая и общеметодологическая база массового эстетического образования в новых исторических условиях основывается не только на охарактеризованных мною эстетических принципах. Второй ее слой (позволю себе употребление этого несколько вольного термина за отсутствием иного, освещенного ученой традицией) - **ретрансляция воздействия педагогики профессионального искусства в лучших и многообразных ее образцах на конгломерат взаимосвязанных человеческих способностей всех без исключения людей, отнюдь не являющихся и не собирающихся быть профессио-**

налами в искусстве, но эмоциональный мир которых должен быть в условиях информационной цивилизации развит максимально . И прежде всего, тех его граней, которые являются базовыми для бескрайнего мира наших чувств, а именно: зрения, слуха, внутреннего и внешнего движения, осязания, обоняния.

Напомню классическое определение способностей, данных моим учителем С. Л. Рубинштейном, как комплекса психических качеств, делающих человека пригодным к определенному типу деятельности. Напомню также о действительно классическом труде Б.М. Теплова, идеи которого оплодотворили нашу отечественную художественную педагогику, более того, во многом предопределили ее выдающиеся и общепризнанные достижения, о «Психологии музыкальных способностей ». Он сам предельно лаконично сформулировал основные теоретические положения, на базе которых и следует ее развивать. Их суть : «1. Врожденными являются не музыкальные способности, а только задатки, на основе которых эти способности развиваются... 2. Не может быть способностей, которые не развивались бы в процессе воспитания и обучения. Способность, не развивающаяся, не воспитуемая, не поддающаяся упражнению, - это сочетание слов, лишенное смысла. . . 3. Музыкальность человека зависит от его индивидуальных задатков, но она есть результат развития, результат воспитания и обучения... 4. Проблема музыкальности - это проблема прежде всего качественная, а не количественная... Основное, что должно интересовать и педагога, и исследователя, - не вопрос о том, насколько музыкален тот или другой ученик, а вопрос о том, какова его музыкальность и каковы, следовательно, должны быть пути ее развития.»

Б. М. Теплов, ставший признанным теоретиком психологических аспектов формирования музыканта, выводы свои относил не только к уникальной прослойке музыкально одаренных индивидуальностей, но и ко всем без исключения людям, предопределяя оптимистические выводы теоретиков массового эстетического образования последующего периода. И это положение ученого мне представляется классическим и основополагающим. Он писал : «Проблема музыкальности - это проблема прежде всего качественная, а не количественная. И теоретически и практически бесплодно применять к музыкальности закон « все или ничего» и ставить вопрос о том, есть или нет музыкальность у того или другого человека. Конечно, у всякого нормального человека есть некоторая музыкальность, но вопрос не в этом, а в том, какова музыкальность данного человека. Основное, что должно интересовать и педагога, и исследователя, - это не вопрос о том, насколько музыкален тот или другой ученик, а вопрос о том, какова его музыкальность и каковы, следовательно, должны быть пути ее развития.»

Планируя и претворяя в жизнь эстетическое воспитание и обучение (то, что обобщенно и с должным основанием именуется эстетическим образованием) в соответствии с такими гуманными по своей сути теоретическими установками, мы обнаруживаем прослеживающиеся в любом педагогическом акте, на любой художественно - творческой видовой основе общие **психолого-физиологические подходы, приобретающие для конкретной художественной педагогики значение специфических принципов.**

Первый из них - выделение, интуитивное либо педагогически - целенаправленное, продуманное и осмысленное, доминирующей **способности индивида**. Естественно, каждый из нас, нормально развитых людей, без психических либо физиологических дефектов, обладает всем неопишуемым словом веером способностей. И все же трудно отрицать, что опять - таки для каждого из нас в нем есть доминанта. Вглядитесь в группу малышей, делающих первые шаги на пути постижения мира, выражения и самовыражения и восторга от него, скажем, в изобразительном творчестве, и вы без дополнительных подкрепляющих тестов согласитесь, что у одного из них, бесспорно задатками предопределенное колористическое чутье, другой склонен к жесткому графическому мышлению, третий же в загадочных картинках интуитивно определяет действительный алогизм страшного мира, в который ему предстоит вступить. А где - то в уголке, поодаль от других и педагога примостился на стуле малыш, что - то проговаривающий про себя, ибо он ориентирован природой на эмоциональную оценку мира не изображением, но словом. Столь же разнятся они и в минуты начальных хоровых упражнений, где заученное и перенятое от взрослых еще не задушило радостный поток непосредственной выразительности. Один - весь в пении, ибо действие это совпало с характером его музыкальной одаренности, другой погружен в тягостное преодоление вокальных дефектов, третий - вообще, как говорится, витает в облаках, ибо мир пения - не его мир, здесь он - чужак в коллективе.

Общее требование конкретной художественной педагогики - корректный и на профессионализм в искусстве опирающийся индивидуальный подход учителя к каждому учащемуся, выявление его преимущественной эмоционально - творческой способности для дальнейшего максимального развития и определения путей оптимально - возможного совершенствования этой же способности у других учеников с другой преимущественной ориентацией эмоциональных способностей.

При подобном подходе конкретная художественная педагогика открывает путь максимально возможному эмоциональному развитию каждого, безотносительно к преимущественной эмоционально - творческой способности, ибо она предопределяет общее совершенствование массового (а не только профессионального) эстетического образования. Способствует решению подобной уникальной в историческом плане задачи, в тенденции, неотвратимой для человечества, вступившего в информационную цивилизацию, вторая психолога - физиологическая закономерность, а именно, - **иррадиация способностей**. В ее механизме много непознанного и неясного, открывающего путь интуитивным педагогическим догадкам и прозрениям, обобщенно выражаемых в убеждении о необходимости многопланового и поливариантного воспитания и обучения каждого человека. Если способность - комплекс психических качеств, делающих человека пригодным к определенному виду деятельности, то ведь последняя не знает границ по сложности и структурности. Ознакомьтесь с любопытными трудами по теории деятельности - и вы увидите, что их авторы оказываются беспомощными именно при попытках дать ее структурную классификацию. Действительно, никто не обнимет необъятного...

Безграничность способностей, проявляемых в действии, - это и есть человек. И безотносительно к прогнозируемой педагогами его дальнейшей специализации в соответствии с бесспорно уникальной доминирующей способностью они всегда стремятся дать ему нечто, выходящее за круг этой вполне определенной доминанты. Преодоление синдрома узкой специализации - одно из величайших завоеваний нового педагогического мышления в XX веке, связанное прежде всего с именами Л. И. Толстого, Дж. Дьюи, В. И. Вернадского, И. И. Мечникова, А. С. Макаренко, А. Швейцера, Тейяр де Шардена, В. А. Сухомлинского. У меня нет возможности в рамках небольшого по объему исследования привести все их мысли на этот счет, и я полагаю, что заинтересованный общими педагогическими проблемами века читатель внимательно изучит их труды. Приведу лишь основополагающую мысль Альберта Швейцера из его классического эссе « Культура и этика»: « Во всех сферах человеческой деятельности, и больше всего, пожалуй, в науке угроза узкой специализации как индивида, так и духовной жизни общества в целом становится все более явственной. Уже дает о себе знать и то обстоятельство, что молодежь обучают люди, не отличающиеся достаточной универсальностью, чтобы раскрыть перед ней взаимозависимость отдельных частных наук и наметить ей горизонты в естественных масштабах ».

Если учет принципа иррадиации способностей и максимального спектра деятельности для их развития аксиоматичен для процесса подготовки художников - специалистов (еще раз хочу напомнить, что понятия искусство и художник употребляются мною в широком, универсальном для эмоциональной деятельности смысле слова), то тем более, ему полный простор в конкретной художественной педагогике как базе массового эстетического образования. Многое здесь облегчается самой логикой устоявшегося образовательного процесса, ибо все уровни образовательных учреждений, определенные у нас Законом Российской Федерации об образовании (плохо или хорошо - это уже иной вопрос), включают учащегося в многоплановую деятельность, предполагающую развитие разных способностей, а значит, их резонансное усиление благодаря принципу иррадиации.

Процесс этот, формально обозначенный в педагогической теории довольно точно, следует радикально интенсифицировать как во временном отношении (напомню мой тезис, который отстаиваю многие годы, - **эмоциональному развитию необходимо вернуть принадлежащую ему по генетическому и социальному праву, по крайней мере, треть учебно-воспитательного времени на всех уровнях**), так и по существу.

Вернемся еще раз к опыту прославленных цивилизаций, таких, как Древнегреческая и Древнеримская, ибо именно на нем базировались в Европе и все образовательные учреждения типа гимназий и лицеев, о которых с ностальгическим вздыханием говорят ныне историки педагогики, прославленные Академии. Они не сомневались, что в здоровом теле - здоровый дух, что физическое совершенство - начало начал, основа гражданской доблести и незыблемой нравственности. Без специальных анализов на тончайшем современном уровне они понимали, что мыслитель не может не танцевать, военный - не петь, государственный муж - не участвовать в театральных действиях. Иными словами, они осознавали то, что ныне называют це-

лостным функционированием мозга как системы, где правое и левое полушария - едино суть.

Мы же в сфере художественной педагогики призваны пойти гораздо дальше, разработав научно обоснованную модель взаимодействия разных по типу действий учащегося для получения той цепной реакции взаимосвязанных способностей, которая во сто крат умножит и интеллектуальный, и волевой, и эмоциональный потенциал каждого человека, предопределив провидимые чудеса новой цивилизации. Интегративная педагогика, освобождая поле для экспериментов за счет экономии умственных сил учащегося, дает возможность подключить и к их существенному развитию, и к радикальному обогащению всех духовных и физических способностей человека практически все выработанные человечеством формы деятельности.

И, наконец, учитывая доминирующую способность и иррадиацию способностей, художественная педагогика, связанная по самой своей сути с принципиально неповторимым, не тиражируемым постижением, выражением и заражением, всегда есть, говоря словами поэта, езда в незнаемое. Ей и именно ей принадлежит заметная (если не решающая, но не берусь это утверждать, ибо последнее слово здесь - за психологами и физиологами) роль **в выработке и закреплении принципиально новых, неведомых прошлому человечества способностей. Такова моя третья принципиальная установка в рассматриваемом аспекте эстетического образования**. Многие, что стало ныне обычным и привычным для проявления и реализации многогранных способностей человека, на самом деле свидетельствует о появлении новых способностей самых разных типов и уровней, что еще раз заставляет поражаться необычайной и загадочной пластичности человека, его приспособляемости к изменению им же среды обитания и всех условий существования. Казалось бы, что следуя прогнозам экологов, человек давным-давно должен был бы исчезнуть, но он умудрился приспособиться к новой среде обитания и алогичной жизни мегаполисов, выработав в себе какие - то (к сожалению, плохо изученные) способности неприродного, «асфальтового» существа с более длительным, чем ранее, циклом существования. Он создал принципиально новые орудия труда, не имеющие аналогов в природном и техническом «мире человека». Не буду затруднять читателя многочисленными и бесспорно увлекательными примерами. Обращу внимание лишь на развитие компьютерного сознания человека информационной цивилизации, суть которого отнюдь не только в появлении неведомых ранее справочно - информационных систем (что можно было бы оценивать как чисто количественное накопление новых технологий по сравнению, скажем, со счетами, арифмометрами или калькуляторами), но, прежде всего, в радикальном изменении того веера способностей, которые ныне являются базовыми и которые ранее не бывали востребованы. Все наше образование, корни которого - в далеком прошлом и которое основывается на полном приоритете рационализма, не учитывает особого значения для человека новой информационной цивилизации роли воображения, непосредственных эмоциональных действий без их логического тормозящего осознания, конструктивного сочетания эмоциональных импульсов с поиском истины на уровне эмоций. Один из убежденных сторонников картезианской педагогики рационального обучения убеждал меня, что здесь, в этих утверждениях, я вы-

ступаю с позиций консервирования «детскости» наивного, неразвитого мышления. Мне было бы довольно трудно возражать оппоненту без специальных исследований, если бы не помог случай. У нас в доме несколько запоздало поселился демон новой цивилизации – компьютер, овладение которым на уровне «чайника» потребовало от меня многолетних усилий, несмотря на пристойную технику машинописи, к усвоению которой меня подвигнуло еще в середине сороковых годов последствие ранения руки в годы войны.

Полагаю, что уши читателя не вынесли бы всего того фольклорного изыска, который обрушивался на мою полысевшую голову со стороны постоянно менявшихся нетерпеливых учителей. Но спасение пришло совершенно с неожиданной стороны, когда вместе со мной к компьютеру присели ребята, освоившие информатику еще в начальных классах школы. На их примере понял, что нелепые вопросы, почему так, а не иначе надо оперировать системой, что происходит в ней в момент выполнения тон или иной операции, надо отбросить и действовать по программе, усваивая и используя ее на чисто эмоциональном уровне, на том, который у детворы еще не замутнен нашими логическими изысками. Трудно признаться, но в компьютерных, отнюдь не самых сложных играх мое «рациональное» сознание, стремление все осознать и разложить при помощи логики по полочкам предопределяло полное поражение в соревновании с детьми, отнюдь не усвоившими еще бином Ньютона либо прелесть версификации гениальных поэтов. Даже сделав скидку на заторможенность эмоциональных реакций в преклонном возрасте, придется признать, что дети осуществляют прорыв (не забудьте, что именно из них ныне рекрутируются юные и прославленные хакеры, взламывающие шифры Пентагона и знаменитых банков) на ином, чем ведом рационалистической педагогике, уровне взаимосвязанных способностей.

И остается только удивляться мудрости наших предшественников, которые уже на рубеже веков осознали, что без эстетического образования человека будущего, которое им представлялось еще весьма отвлеченно и туманно, не сформировать. Так, психолог Л. С. Выготский в книге «Психология искусства» прозорливо заметил: «Поскольку в плане будущего несомненно лежит не только переустройство человечества на новых началах, . . . но и «переплавка человека», постольку несомненно переменится и роль искусства. Нельзя и представить себе, какую роль в этой переплавке человека призвано будет сыграть искусство, какие уже существующие, но бездействующие в нашем организме силы оно призовет к формированию нового человека. Несомненно только то, что в этом процессе искусство скажет весьма веское и решающее слово. Без нового искусства не будет нового человека».

Конкретная художественная педагогика, использующая сокровенные тайны искусства во всех его проявлениях, осмысливающая их и ретранслирующая на массовое эстетическое образование, провозвестник новой цивилизации именно потому, что она предуготовляет к вхождению в нее поколений человеческого рода, обладающих не только предельно развитой эмоциональной отзывчивостью, но и тайнами эмоционального постижения истины, которая ранее была доступна немногим. Овладеть ими немыслимо без максимально развитой «культуры чувств» (использую за неимением другого,

более корректного, это несколько неуклюжее выражение) как фундаментальной базы интенсификации способностей. Естественно, всех и в их взаимосвязи. В том числе, и интеллектуальных, что прекрасно обосновано психологами, придерживающимися рационалистической установки на процесс образования. Но есть сфера нашего духа, где развитие «культуры чувств» имеет особо интенсивный, хотя и во многом поныне невыясненный характер. Именно эти чувства - проводники влияния на воображение, интуицию, озарение, эмоциональное предчувствие и предвидение, словом, на те вполне реальные духовные способности, которые до сих пор окружены мистическим туманом непознаваемости (естественно - логической, понятийной, хотя и играют весьма существенную, если не определяющую роль в системе потребность - переживание – действие). Не будь их, развитие эмоциональных переживаний предстало бы перед нами только как совершенствование основных пяти базовых чувств, о чем порою и трактуют некоторые художники - педагоги, убеждая всех и вся, что без интенсивно развитой чувственности не может быть современного «производительного работника». Подобное представление о человеке как роботе, наделенном и чувствами в параллель с интеллектом, ныне мыслителями преодолено как примитивное и механистическое, игнорирующее поразительную и загадочную сложность жизни духа.

Разумеется, что не только совершенствование системы чувств умножает продуктивную силу воображения человека, без которой он бы ни на шаг не продвинулся по пути цивилизации. В кипящем котле неведомой для нас духовной жизни каждого индивида переплавляются и знания, и убеждения, и эмоциональные впечатления, полученные в многоплановой практике, в системе отношений с миром. Но попробуйте лишить содержание алхимического котла природы эмоциональной составляющей - и он по неизбежности прекратит цепную реакцию жизнедеятельности духа. С другой стороны, насколько интенсивнее пойдет термоядерная реакция духовности, когда ее эмоциональный компонент не будет случайно набросанным путем проб и ошибок, конгломератом шлака и добротной породы, но тщательно продуманным педагогом - творцом «составом», аналогом философского камня.

Добротный исходный материал не только интенсифицирует воображение, но и даст ему конструктивные ориентиры, столь необходимые в новых условиях эпохи Озарения. Тогда не праздным мечтателем и фантазером вырастет каждый ребенок, но человеком, продукты воображения которого будут сопоставимы с духовными достижениями, ранее доступными лишь избранным и загадочным гениям типа Леонардо да Винчи. А гении человечества пойдут еще дальше и отважнее, к тем вершинам творчества, которые мы не способны даже предугадать в общих чертах.

Вопреки нарастающей, подобно камнепаду в горах, лавине знаний, которые призван ныне осваивать каждый учащийся современных образовательных учреждений в любой мало-мальски развитой стране безотносительно к извивам своей дальнейшей индивидуальной судьбы, реальность встречает его радикальным уменьшением в операционной необходимости этих знаний, якобы усвоенных практически за счет потери здоровья, радости детства и юности, утраты резерва времени в борьбе за жизненный успех. Он с удивлением замечает, что цивилизация преподносит ему одну загадку за другой. То, что он тщетно пытался запомнить в период учебы, в секунды

представляет ему компьютер, действия на котором предельно примитивны и едва ли не доступны воскресшему из небытия питекантропу. Даже абсолютную грамотность и стилистические изыски гарантирует ему это чудо XX века, так и побуждая вступить в клан бесчисленных писателей, наводняющих, подобно Ниагарскому водопаду, все книжные прилавки своей компьютерной продукцией.

Транспортные средства не требуют от него (как в мое доброе старое время) естественно - научных знаний, хотя бы в объеме учебника физики или химии, но коварно ожидают предельно точных и молниеносных реакций в диком потоке почти полностью автоматизированных, компьютеризированных, оснащенных чудесами современной электроники автомобилей. Поломка, да еще, не дай бог, где-нибудь в лесу для него не проблема - по мобильному телефону вызываются столь же «частичные», узкие специалисты, которые даже не ведают, что приходилось испытывать нам в аналогичной ситуации лет сорок тому назад, ремонтируя распределитель зажигания или карбюратор. Вот почему мы почти с пещерным страхом смотрим на разудалых молоденьких девушек, лихо рулящих в городском хаосе. Но часы цивилизации уже отбивают их время, а для нас все чаще напоминают похоронный звон.

В последнее время мне приходится заинтересованно знакомиться с рассказами одаренных первооткрывателей непроторенных дорог в науке, технике, медицине, в деле прогнозирования землетрясений или диагностики сложных заболеваний и методики их лечения. И вот что примечательно, зачастую они просто не могут объяснить механизм бесспорных по значению открытий, предпочитая говорить о некоем прозрении, о неведомой им самим интуиции. И при этом с интонацией извинения, дабы не быть уличенными в модном шарлатанстве, магии либо какой-то иной чертовщине. Между прочим, напрасно, ибо интуитивное прозрение, базирующееся на тонко развитой эмоциональности, абсолютно реальное, хотя и не объясненное досконально психическое явление.

Признав же его реальность, сбросив с него мистический покров, мы начинаем понимать, что вне художественно - педагогического воздействия на эмоциональный мир подрастающего человека мы не сможем сколь-либо эффективно вторгнуться в эту *terra incognita* психики человека. Практическая художественная педагогика ведет в этом магистральном направлении весьма широким настулением и, хочу особо отметить, с полным пониманием итоговой задачи.

Охарактеризовав общеэстетические принципы конкретной художественной педагогики и исторически отработанные в искусстве (еще раз повторяю - в широком значении слова) принципы воздействия на способности человека, мы по логике изложения должны перейти к тем технологическим вопросам от «что», «почему» к самому главному - «как» осуществлять массовое эстетическое образование наряду с аналогичным образованием интеллектуальным и духовным. Без технологии образования все сказанное останется философией, то есть пустым интеллектуальным наполнением досуга в современных условиях. Но здесь вступает в силу не только неизбежная профессиональная ограниченность автора как специалиста в одной из сфер искусства, по крайней мере, по базовому образованию. Дело обстоит гораз-

до сложнее, ибо в XX веке произошли радикальные перемены не только в общей теории художественной педагогики, но и в масштабном распространении ее потока на все специфические виды и формы эмоционально - творческой деятельности. Первый гигантский вал этого всепоглощающего потока предопределили титаны различных направлений теории и практики художественной культуры, осознавшие приход эры массового и в этом смысле всеобщего эстетического образования. Здесь мы обязаны назвать К. Д. Ушинского, оказавшегося ныне в полном смысле слова нашим современником и единомышленником, Элен Кей и Марию Монтессори, отработавших блоковую модель образования применительно к развитию малыша в условиях детского образовательного учреждения, Л. И. Толстого, предсказавшего новые пути овладения всеми литературной классикой, блистательную плеяду гениальных русских композиторов, таких, как В. Сафонов, Н. Римский - Корсаков, Н. Рубинштейн, педагогов - музыкантов А. Гедике, Е. Гнесину, Н. Метнера, Б. Яворского, не только заложивших основы классического консерваторского и шире - специального музыкального образования, но и одновременно создавших продуманную систему музыкального образования масс, от детских хоров и музыкальных клубов до специализированных студий, блистательную Айседору Дункан и Далькроза, о которых мы не имеем права забывать при анализе глобального увлечения танцами миллионами и миллионами, Густава де Кубертена, чье имя навсегда связано в истории не только с возрождением Олимпийских игр, но и традиций всеобщего увлечения спортом, характерного для античности. Я не боюсь в этом простом перечислении что - либо упустить, ибо к чести наших ученых - исследователей следует признать, что ими проделана действительно масштабная и уникальная по значению работа по осмыслению и использованию этого опыта первооткрывателей первой волны практической художественной педагогики.

Вторая волна натиска практической художественной педагогики, несмотря на ее планетарные тенденции, приобрела сугубо региональный характер в соответствии с условиями тех или иных этнических образований и их социального бытия. В нашей стране эту волну предопределил совершенно уникальный план эстетического всеобщего, оказавшийся одной из существенных граней модели новой общеобразовательной школы. Мы не имеем ни морального, ни научного права забывать о том вкладе, который внесли в практическую отработку этой модели во всех трех ее блоках А. В. Луначарский, Н. К. Крупская, писатели М. Горький и В. Брюсов, театральный режиссер В.Е. Мейерхольд, кинорежиссеры А. Е. Разумный и Г.Л.Рошаль, художник и искусствовед А. В. Бакушинский, музыканты Б. В. Асафьев и Б. Л. Яворский. Именно они - инициаторы появления в последующие годы фундаментальных научно - методических работ и программ, предопределивших эстетическое образование в стране на целый исторический период. Они - провозвестники трудов ученых и мыслителей разных поколений, и уже ушедших в небытие и только вступающих в жизнь, блистательно отвечающих на поставленный мною выше вопрос, как же на практике осуществлять массовое эстетическое образование в самых специфических, качественно своеобразных сферах эмоционального, творческого постижения истины в образной форме. Мне выпало счастье на протяжении десятилетий сотрудничать с ними, а поэтому я с особой признательностью привожу их имена.

Осваивая их находки в конкретных методиках массового эстетического образования, осмысливая чисто технические принципы, отработанные ими в творческой и педагогической практике, я вместе с тем пытался все - таки и в области дидактики найти нечто общее для всех видов эмоционально - образного творчества тех, кто не станет художником - профессионалом, но разовьет в себе новый, невиданный и неожиданный творческий потенциал. Позволю себе в первом приближении, на уровне гипотезы, высказать соображения о дидактике практической художественной педагогики. Но предварю их соображениями, которые небесполезны в связи с тем, что порою на конкретную художественную педагогику возлагаются те надежды, которые в действительности может успешно претворить в жизнь и действительно делает это весьма успешно и перспективно вся гамма **частных ее проявлений** : музыкальная педагогика массового эстетического образования и, соответственно, театральная педагогика, кинематографическая педагогика, спортивная педагогика, педагогика организации досуга, педагогика архитектурного и изобразительного образования, педагогика дизайна, педагогика организованного общения, педагогика литературно - художественного образования и так почти без конца, ибо бесконечен и бескраен эмоциональный мир постижения нами истины. Но все они, разработанные досконально профессионалами, объединены между собой теми общими закономерностями обучения и воспитания, которые и представляют собой предмет дидактики конкретной художественной педагогики. По абсолютной аналогии с общей дидактикой интеллектуального образования эпохи Просвещения, классические и во многом незыблемые основы которой заложил еще Ян Амос Коменский и которые преобразуются ныне в соответствии с новыми социокультурными условиями эпохи Озарения.

В какой бы конкретной сфере не работал педагог, развивающий эмоциональный мир через художественно - творческие действия, он по неизбежности руководствуется некоторыми общеобязательными дидактическими принципами конкретной художественной педагогики. Их выделение мною - не только продукт чисто теоретической, книжной сопоставительной работы, но и результат десятилетних наблюдений за творчеством педагогов - профессионалов по всей стране в той или иной сфере эстетического образования. Более того, наших коллективных раздумий о современном эстетическом образовании в общественном Институте эстетического воспитания, созданном мною при Педагогическом обществе РСФСР. Там на поразительных по массовости форумах представители самых разных, порою совсем неожиданных для зашоренного академического кулуарного мышления типов художественно - творческой деятельности докладывали о своих нетрадиционных наработках, ныне ставших общепризнанными и внедренными в массовую педагогическую практику. Каждый и ныне может в этом убедиться, прочитав такие сборники Института эстетического воспитания, как «Эстетика и человек» (М., 1966) и «Революция. Прекрасное. Человек». (М., 1967). Если в какой - то мере, в первой степени приближения, эти дидактические принципы окажутся операционными, то именно им, первооткрывателям массового эстетического образования, бесспорно принадлежит пальма первенства. Они - третья гигантская волна теории и практики массового эстетического воспитания и соответствующей ей художественной педагогики, подъем которой до

максимальной отметки еще впереди. Но уже очевидно: и здесь обездоленная Россия дает такие исследования, которым могут по-доброму позавидовать ученые вполне благополучных стран. И что особенно отрадно - не только в форме завершенных монографических публикаций, но и в новых диссертационных исследованиях. Все многоопытные представители старшего поколения нашей педагогической науки единодушны в признании данного безусловно отрадного факта.

Первый принцип конкретной художественной педагогики массового эстетического образования - свободный выбор учащимся, в том числе и ребенком любой возрастной группы, доминирующего, «любимого» вида деятельности при обязательном ориентирующем влиянии педагога и с учетом им реальной возможности дальнейшей вариативности такого выбора. Здесь сталкиваются два взаимосвязанных фактора нашей бурной, динамичной жизни: никогда в прошлом перед любым человеком не было стольких эстетических искушений, «манков» в разные сферы деятельности, как ныне, также никогда для масс не было такого широкого спектра возможностей этой деятельности. Всякие попытки сравнить происходящее в нынешней массовой художественной культуре с любым периодом истории несостоятельны.

Конечно, древний мир, в особенности античный, давал примеры блочного образования человека при максимальном учете эмоционально - эстетического фактора. Но нельзя ни на минуту забывать, что в греческом городе - полисе лишь несколько тысяч могли получать такое образование, а сотни тысяч (в буквальном смысле слова) работали в поте лица своего и пребывали в полной нищете материальной и духовной. Сегодня же возникла, стала реальностью **массовая эстетическая индустрия**, вторгающаяся во все, самые интимные стороны жизни человека, от памперса до автомобиля. Успех в сфере этой индустрии рекрутирует миллионы новобранцев, связывающие жизненный успех с тем образом, который им практически навязан средствами массовой информации и вместе с тем стал гранью реального образа жизни. Старческое ворчание здесь алогично и бессмысленно, ибо идеям времени всегда соответствуют эстетические формы. Не в дикую же тайгу уходить им и питаться морошкой из березовых туесков. Мечта миллионов - успех блистательных звезд экрана и шоу - бизнеса, в мгновение ока приобретающих популярность литераторов (не осмелюсь назвать их писателями) и моделей вкупе с модельерами, художников, вдруг покоряющих любительским творчеством щедрые кошельки иностранных туристов, дизайнеров и просто оформителей, потребность в которых возросла на рынке труда во сто крат и т.д. и т.п.

Отсюда простой жизненный, бытовой ход всеобщих симпатий и предпочтений: новый рынок труда предполагает и новую подготовку и переподготовку в художественно - творческом отношении всех без исключения. Здесь - то и может сказать свое слово художник - профессионал, хранитель бесценных эмоционально - творческих традиций и знаток человеческой психологии, по первому ритмическому постукиванию малыша угадывающий степень его музыкальности, в нелепом попрыгивании девчушки - хореографическую способность, которую целесообразно развивать, отшлифовывать до максимально возможного индивидуального уровня. Угадав же доминирующую

способность, педагог призван тактично ненавязчиво обращать человека в свою «веру», отнюдь не пытаясь запретить другие увлечения, ибо диктат здесь может привести к диаметрально противоположному результату, чем тот, что им определен.

Здесь существенны два момента. Действительно, упор следует делать на доминирующую способность, дабы не вызвать впоследствии у ученика разочарования и даже вполне драматических переживаний, порождающих всевозможные комплексы неполноценности. Ей - максимум внимания! Но вместе с тем не следует забывать и факт иррадиации способностей, а стало быть, и возможность развития любой из них не непосредственным, а опосредованным, косвенным путем. Иными словами, педагог не только стратег, но и тактик практической художественной педагогики, а в тактике нет предела воображению, неожиданным приемам. А порою и совершенно невероятным, на первый взгляд, решениям. Поэтому он вправе пойти к цели не прямым, но опосредованным путем, развивая доминирующую способность на базе других, вполне непредсказуемых приемов, с использованием видов творчества, на первый взгляд, не относящихся к непосредственной цели и не предусмотренных указующим перстом учебной программы. «Программа - это я», всегда повторяли подлинные виртуозы педагогики, добиваясь куда больших результатов, чем придавленные «учебными планами» и казенными инструкциями - «методичками» обычные, стандартно работающие преподаватели.

Второй дидактический принцип конкретной художественной педагогики, отчетливо прослеживающийся во всех типах эстетического образования - развитие художественно - творческих способностей учащегося в постижении истины эмоционального мира при синкретичном и скоординированном влиянии вербальной, эмоциональной и духовной ориентировке их педагогом - специалистом. Конечно, в общих чертах он действует и при подготовке профессионального художника, но в силу его специфической одаренности и четкой «ремесленной» установке многое из того, что необходимо в массовом эстетическом образовании, для него излишне и, быть может, даже примитивно.

Особое внимание хотел бы обратить на слово, этот величайший триумф человеческого духа, позволяющий нам передавать друг другу в непосредственном и опосредованном общении и мысли, и чувства, и духовные установки. Без умного и тонкого, а вернее, точного и образного по смыслу слова эмоциональный блок образования и его реализация в практической художественной педагогике невозможен. Мне приходилось многократно наблюдать, как начало того или иного этапа овладения творческим процессом в любом виде ремесла или искусства мастер начинал со слова, вводящего в тайны постижения неведомой красоты природы, в сверхзадачу выражения своего, индивидуального отношения к ней, а также быть свидетелем последующих бесед мастера с учеником об эффективности его творения, о мере заразительности, без которой нет искусства. Понимаю, что личные наблюдения здесь не в должной мере репрезентативны, ибо каждый теоретик находится во власти отработанной им схемы. Но подкреплю личные раздумья вполне объективным фактом: нет ни одной талантливой работы по практической художественной педагогике, которая не подтверждала бы мою гипотезу.

тезу. Легче всего показать эту закономерность на примерах массовой музыкальной педагогики, которая была у нас в течение многих лет представлена таким титаном третьей волны, как Наталья Алексеевна Ветлугина. Ее работы о музыкальном развитии ребенка ныне блистательно (уверен, что это не преувеличенная оценка!) развивает молодой профессор О. Л. Радынова, последние книги которой о музыкальном развитии детей (Радынова О. П. Музыкальное развитие детей. В двух частях. М., 1997) пользуются исключительной популярностью среди педагогов - художников. Рассказывая читателю о принципах музыкального образования ребенка, О. П. Радынова не только анализирует конкретную музыкальную фактуру, доступную ему, но и тонко, я бы сказал, изящно иллюстрирует компенсирующие возможности образного слова, от точно подобранного примера из сказочного фольклора до художественно - организованной речи учителя. Подчеркну, что исследования психологов подтверждают правильность такого хода, раскрывая действительно универсальную силу слова как психического феномена. В этой связи особо хотел бы обратить внимание читателя на содержательную и фундаментальную в научном отношении книгу проф. В. Н. Петрушина «Музыкальная психотерапия» (М., 1997), где функция слова рассмотрена применительно к художественной педагогике, а не только к музыкальной психотерапии, весьма оригинально и нетрадиционно.

Дабы не отвлекать читателя утомительным и не дающим нового материала для умственной работы перечислением всех видов конкретной художественной педагогики, от ремесел до спорта, от бытового дизайна до архитектуры жилища и художественно - осмысленной организации жизненного пространства, от музыки до театра, остановлюсь лишь на том виде творчества, где само слово, по замечанию М. Горького, является главным строительным материалом. Отмечу, что в педагогике литературного образования (а оно по неизбежности влияет и на характер массового литературного творчества, которое ныне развивается, почти как вулканический катаклизм, вовлекая в свою манящую сферу все новых и новых адептов поэзии и прозы) отчетливо выявились две противоположные и непримиримые тенденции - жесткое, классическое преподавание литературы как исторического учебного предмета общекультурного характера с системой сочинений «на тему» и творческое чтение во имя радости и наслаждения могучей и безграничной силой образного слова и гением писателя. Ответ здесь не однозначен, хотя в первом случае, с моей точки зрения, вполне было бы логично интегрировать курс литературы с преподаванием истории. Литература - не только абсолютно обязательный и уникальный в педагогическом плане объект изучения, но и предмет высочайшего наслаждения. Того интимного постижения микромира человека и космоса наедине с книгой, к которому люди в ближайшее время снова, опомнившись от технологической лихоманки, вернутся. И не только как «потребители», но как и творцы, ибо парадоксом информационной цивилизации будет, на мой взгляд, всеобщий возврат к словотворчеству. Готовить же его может только конкретная художественная педагогика в сфере словесных искусств (а лучше бы сказать по - старому - словесности). Рожденные словом, они формируются в новых поколениях словом, богатым, чистым, выразительным, противоположным дебильному при-

митивизму уличного жаргона на уровне Элочки, героини бессмертного творения И.Ильфа и Е. Петрова.

Завершая сказанное, хотел бы охарактеризовать в первом приближении признаки словесного воздействия в системе практической художественной педагогики в синтезе с развитием эмоций и духовности. Прежде всего, слово педагога здесь должно быть **ориентирующим**, способствующим постигать прекрасное и образно его выражать, осознавать как богатство предмета творчества, так и бескрайнюю мощь того мира, который ученик хочет по мере сил обогатить своим творением. Благодаря авторитету педагога (а без него он просто немыслим), каждое слово, даже вроде бы случайная реплика, навсегда западает в духовный мир ученика. Даже в экстремальном случае, когда человек как самобытная творческая индивидуальность "преодолевает" установки учителя и идет дальше, своим путем, он все же навсегда остается (пусть неосознанно, интуитивно) под воздействием творческого слова педагога как устойчивого ориентира.

Слово специалиста в сфере практической художественной педагогики, посвятившего себя трудному, но поистине святому делу массового эстетического образования, изначально, от вековой традиции бывает только **ассоциативным**. Здесь не надо долго мудрствовать и что-то заново изобретать: мы все имеем возможность приобщиться к трудам классика мировой практической (а не только театральной) художественной педагогики и психологии К. С. Станиславского. Посмотрите, как все великие режиссеры, кинематографисты, дирижеры, драматурги современности (конечно же, за унылым исключением наших доморощенных классиков, словно изнемогающих в усилии доказать, что нет пророка в своем отечестве) ссылаются в этом отношении на великого учителя. А ассоциативность - это целый магический круг, от элементарных сведений до глубочайших теоретических знаний, без овладения которыми не может быть и речи о современном эстетическом образовании. Еще раз напомним мысль Б. М. Теплова «... Для того, чтобы понимать музыкальную речь во всей ее содержательности, нужно иметь достаточный запас знаний». Разрывать механически мир знаний и мир творческого самовыражения человека на пути поиска эмоциональной истины - дело заведомо бесплодное. Нам следует еще и еще раз вместе подумать о целостности человеческой сущности, об абсолютной условности нашего стремления живое и нераздельное разложить по полочкам, рассмотреть под микроскопом логического анализа все по отдельности, а также о том, что интегративная педагогика эпохи Озарения разрушит предметные табу просвещенческой педагогики, которые теперь представляются незыблемыми и вечными канонами. Пока же даже намек на возможность беспредметной педагогики вызывает шоковое впечатление от попрания «незыблемых святынь».

Наконец, слово учителя в процессе творческого обучения, развития ученика в конкретной художественной педагогике обязательно имеет корректирующий характер. Конечно, суждение мастера о достоинствах и недостатках произведения ученика имеет место и в профессиональной художественной педагогике. Оно и является той критикой, которая одна и имеет право на существование (в отличие от целой отрасли журналистики, монополизировавшей право на оценку творчества без каких - либо на то оснований, отвергаемой истинными творцами нового в эстетической сфере). Но в конкретной

художественной педагогике корректирующая роль слова педагога имеет действительно уникальное значение, ибо вне его воздействия ученик не выработает необходимой самооценки, которая в профессиональном искусстве дается потом, адским и изнурительным трудом, отказом от всего, что не способствует успеху художественного деяния. Требовать такого подвижничества от ребенка или начинающего любителя, втянутого в широкий круг жизненных интересов и предпочтений, вполне алогично и некорректно. Ведь эстетическое образование - лишь один из блоков, который, равно как и другие, не может иметь доминирующего значения. Здесь - то на помощь и приходит непрерывная и тактичная корректировка словом всех творческих актов ученика, а в итоге, всех его эмоциональных реакций. Человеческий такт и профессионализм учителя дают ему основание корректировать их, и притом, в самых разных, не подлежащих научной стандартизации формах. В трудах по отдельным направлениям конкретной художественной педагогики детально рассмотрены применительно к специфике того или иного эмоционального постижения истины в образной форме (в этом смысле - художественного творчества) многообразные типы корректирующего использования слова. От развернутой беседы до краткой и емкой реплики учителя, от детального объяснения творческих просчетов и упущений до эмоциональной поддержки ученика в его исканиях, пусть даже слабых, приблизительных, робких. В этих же трудах дается немало примеров, которые могут заинтересовать моего читателя, о губительном, деструктивном значении непродуманного слова, способного не побудить ученика к новым исканиям, но почти напроць убить в нем уверенность в своем творческом потенциале. Не повторяясь, назову лишь, действительно, блистательные труды по художественной педагогике, где корректирующее значение слова интерпретируется действительно в контексте современной художественной педагогики. В первую очередь это книга М. И. Кнебель «Поэзия педагогики» (М., 1976), равно как и ранее изданные работы П. М. Ершова «Режиссура как практическая психология» (М., 1972) и Б.Е.Захавы «Мастерство актера и режиссура» (М., 1969).

Определяя второй общедидактический принцип художественной педагогики, я говорил о синкретичном и скоординированном воздействии слова педагога с его эмоциональным и духовным воздействием на ученика. Очевидно, что именно слово в конкретной художественной педагогике играет уникальную и незаменимую роль, являясь к тому же носителем величайшего эмоционального влияния учителя на ученика и могучим ретранслятором духовности. Но это не дает основания утверждать, что вне слова и кроме слова нет способов художественно - педагогического воздействия. А разве сама атмосфера творчества, то, что на нынешнем сленге принято называть настроением, создаваемая педагогом, не включена в этот единый и целостный педагогический процесс, разделяемый только в абстракции! Ведь творчество всегда свободно, а значит, и радостно, и как же не задуматься нам над тем опытом, который накоплен нашими специалистами по превращению любого труда (а учеба - это труд и только труд без всяких скидок на усталость, недостаток времени, отсутствие должных способностей и т.д.) в величайшее наслаждение. Опыт В. Сухомлинского - лишь одна наиболее заметная веха на этом пути откровений новой педагогики. Разве не стоит нам еще и еще раз задуматься над тем, почему члены любительских коллективов самых

разных профессиональных направлений порою готовы лишиться и досуга и даже сна, лишь бы увлеченно заниматься любимым творческим делом. Журналисты называют людей подобного рода фанатиками, хотя в действительности именно они дают нам пример нормального развития человеческой индивидуальности.

Хотел бы обратить внимание на еще одно обстоятельство в этой связи. В любой художественной педагогике, а особенно в педагогике массового эстетического образования, школа, выучка немыслима без подражания, без опоры на образцы, без неумолимой стадии копирования. Так было в прошлом и так всегда будет, ибо без опоры на уже открытое в эмоциональной сфере могут возникнуть лишь фантомы больного шизофренического воображения... Справедливо подметил еще В. М. Бехтерев в работе «О творчестве с рефлексологической точки зрения»: «Так как творчество, как сложный акт, требует для своего осуществления не только природной одаренности, но и большого упражнения, путем воспитания и подготовительной умственной работы, создающей известные навыки в работе, то естественно, что первоначальная творческая деятельность даже у лиц гениальных в значительной мере является подражательной». Художник - профессионал, осознавая необходимость выучки у великих предшественников, готов на такое необходимое подражание без каких - либо скидок на удовольствие или недовольство от подобного, порою весьма нудного и утомительного процесса. В массовой же эстетически - образовательной деятельности прямой долг талантливого педагога сделать и этот процесс эмоционально - заразительным, увлекающим ученика не менее, чем сам акт свободного творчества. Вот почему не надо удивляться той атмосфере всеобщей эмоциональной приподнятости, которая царит на самых, на первый взгляд, унылых и однообразных занятиях по технике мастерства и по освоению наработок больших художников в любительских коллективах, студиях, кружках либо школах: без подобной реакции там учебный процесс практически немыслим.

Немыслим он и без веры, без духовного начала всех начал, о котором я писал в работе «Введение в сравнительное вероучение» (М., 1999). В конечном счете и перед тем, кто осваивает азы эстетической грамотности, постигает тайны человеческой души на пути к сфинксу эмоциональной истины, встает сакраментальный вопрос о смысле бытия, о необходимости или тщетности деяния перед лицом неизбежного небытия. Без веры в определенную и всегда конкретную, далеко не универсальную систему ценностей в творчестве, повторяю, любом творчестве. А это значит, в триаде знания - эмоции - вера последней принадлежит не менее конструктивная, хотя еще плохо изученная на уровне психологии и физиологии конструктивная, динамизирующая процесс образования роль.

Вера - побудительный мотив творчества. Именно поэтому ей принадлежит существенная роль в эстетическом образовании человека на всех формообразующих педагогически четко определяемых этапах. Без веры в смысл бытия, в реальность этого понятия не только профессиональный художник, но и каждый, склонный к развитию на возможно максимальном уровне творческих способностей в деле постижения эмоциональной истины, остановится в шоке бессмыслицы. Безотносительно к степени индивидуальной одаренности (что, как говорится, каждому из нас дана от Бога) все твор-

ческие индивидуальности стремятся оценить мир, выразить свое отношение к нему, заразить других не только и не столько познанным, но своей верой, реализуемой как концепция мира. Когда малыш дает вам первые каракули и говорит о том, чего и нет на листе - он видит и верит в видимое не менее Маленького принца. Когда взрослый человек читает вам стихи, а ныне как знамение времени, еще раз повторяю, у всех вдруг прорезался поэтический талант и обычный рифмоплет, которого ранее Буало предложил бы высечь, вдруг даже становится признанным поэтом - профессионалом, трибуном, народным витей, им опять - таки движет неумное стремление осознать смысл бытия, о котором ранее, на каторге либо на подневольной барщине он не мог бы и помышлять. И так - во всех видах эмоционально - творческой деятельности, как бы ни был безграничен ее спектр. Задумайтесь: ведь здесь перед педагогами открывается хитроумнейшая возможность через конкретный тип творчества, связанный с постижением эмоциональной истины, влиять на весь духовный мир индивида, на все его ценностные ориентации, будь они логически осознаваемыми либо практически - реализуемыми в поведенческих актах. Скажу определеннее: на ориентации, в конечном счете направленные на поэтизацию человека, этого несовершеннейшего из всех творений и его далекой от законов разума, добра и справедливости жизни.

Вера и только вера как принятие чего - либо за истину без доказательства умом и чувствами - вот таинственное бродило творчества, которое призван передать в сфере художественной педагогики учитель - ученику. Разве не фанатичная вера в необходимость свою на земле художника - педагога заражает любого: и малыша, и поседевшего деда. Поэтому, наверное, все поэты земли, поэты истинные и великие, ощущали свое пророческое призвание и поражали всех способностью вести за собой бесчисленные армии сторонников. Последние, словно пораженные неведомыми вирусами, впадают в байроновскую хандру, в импрессионистическое открытие всей гаммы цвета и света, в гражданственность революционных поэтов, в изыск салонной поэзии, от которой их в действительности отделяет быт обывателей и серых людей, в нервотряску современной поп - музыки, которую никому и никогда из снобистских соображений не выбросить за борт информационной цивилизации.

Представители конкретной художественной педагогики лишь тогда выполняют свою историческую миссию преобразователей человеческого материала, когда подхватят эту магистральную линию профессионального творчества всех времен и народов.

Далее, без веры в себя (не самоуверенности, а именно веры), без того качества, которое убивают ныне образовательные учреждения старого школьного типа мы не сформируем новый человеческий материал. А где кроме художественного, всегда- предметного, всегда на труде основанного творчества может реализоваться и обрести уверенность в себе каждый человек. Напомню опять - таки слова Л.С.Выготского: « Конечно, высшие выражения творчества до сих пор доступны только немногим избранным гениям человечества, но в каждодневной окружающей нас жизни творчество есть необходимо е условие существования».

Уверен, что грани между трудом в самом узком политэкономическом смысле слова и эстетическим творчеством, посильным для любого нор-

мального, здорового человека - весьма условны, релятивны, относительно. Увлекая ученика в сферу « свободных искусств », представитель современной художественной педагогики выполняет не только свои, специфически - профессиональные задачи, но и учит подопечных радости трудовой деятельности, изначальной и коренной для человека как для социального существа. Безвременье пройдет именно потому, что оно - безвременье, но радость творческого труда, освоенная детьми в сфере эстетической деятельности, пребудет навсегда. И за ней, а не за рыночным беспределом - реальное будущее, к которому надо готовиться (в наших детях, в их духовном облике) уже сегодня.

Вера - сфера невероятного, не постигаемого нормальным, но как правило - заранее сориентированным традиционным образованием умом. Невероятное присуще загадочному миру игры как нелепому закону нашего бытия. Именно закону, а не форме деятельности, как я утверждал в шестидесятые годы. Повторяю - внешне нелепому, странному, ибо обуреваемые страстью к игре люди совершают такие поступки и такие алогичнейшие действия, которые и не снятся играющим тигрятам либо резвящимся ящерицам. Энциклопедии игр, которые предлагает и практически, и на справочно-информационном уровне Интернет фактически не знают границ, они - беспредельны. Но в игре невероятное - вероятно, и поэтому овладение игрою расширяет такие тайные возможности человеческого духа в сфере прогнозирования, предвидения, предощущения, интуиции, которые иным путем кроме веры не развить. Игра расширяет интеллектуальные способности во всем их спектре, утоляет наш сенсорный голод и делает наши чувства более мобильными, оперативными, информативными. Системность игры как веры в невероятное - одно из достижений современной психологии, развитой такими исследователями, как и. Хейзинга и Э. Берн. Но предвосхитил эту конструктивную для художественной педагогики идею, как это ни парадоксально, но традиционно для фундаментальных открытий художник, а именно - К. И. Чуковский еще в 1924 году в статье « Лепые нелепицы ». Он писал: « Вообще у нас далеко еще не всеми усвоено, какая огромная связь существует между детскими стишками и детскими играми. Оценивая, например, книгу для малолетних детей, критики нередко забывают применять к этим книгам критерий игры, а между тем большинство сохранившихся в народе детских песен не только возникли из детских игр, но и сами по себе есть игра: игра словами, игра ритмами, звуками. Во всех этих путаницах соблюдается, в сущности, идеальный порядок. *У этого безумия есть система.* (Выделено мною. В.Р.). Вовлекая ребенка в topsi-torwi world, в перевернутый мир, мы не только не наносим ущерба его интеллектуальной работе, но, напротив, способствуем ей, ибо у самого ребенка есть стремление создать себе такой перевернутый мир, чтобы тем вернее утвердиться в законах, управляющих миром реальным. Эти нелепицы были бы опасны ребенку, если бы они заслонили подлинные, реальные взаимоотношения идей и вещей. Но они не только не заслоняют их, они их выдвигают, оттеняют, подчеркивают. Они **усиливают, а не ослабляют в ребенке ощущение реальности** ». Более детально роль игры рассмотрена мною в книге « Игра - искусство или искусство – игра «Парадокс амбивалентности» (М., 2000 г.), к которой я и отсылаю заинтересованного проблемами художественной педагогики читателя.

Не затрагиваю как чрезмерно обширную тему взаимоотношения практической художественной педагогики и разнообразных религий (конфессий). Обращаю здесь внимание лишь на два обстоятельства. Во-первых, на традиционную для России неумеренность во всем, и в уничтожении, и в возвеличивании. Сегодня в массовой прессе, в средствах массовой информации несется такая околесица о разных типах религии новомодными духовными пастырями-любителями, лекторами и журналистами, как правило - вчерашними марксоидами, что остается только диву даваться. К сожалению, она, эта полуересь, глубоко западает в головы неподготовленной молодежи, выращенной убогой в интеллектуально-историческом плане школой, где дети овладевают историко-культурными сведениями на уровне дикой с точки зрения здравого смысла « культурологии » и сразу же становятся носителями самых нелепых апокалиптических концепций и домыслов.

Во-вторых, конфессиональный подход к массовой пропаганде идей той или иной церкви не объединяет, а разобщает людей, ибо не учитывает их изначальную и быть может поэтому - трагическую общность. Попробуйте в классе, где собрано до сорока малышей разных национальностей либо в клубе для взрослых занять подобную экстремистскую позицию - и вы неизбежно натолкнетесь на глухое сопротивление и непонимание учащихся. Вспомним хотя бы опыт печально-знаменитых « обязательных » с точки зрения их пробивных составителей программ по изобразительному искусству, которые обязывали и детей мусульман изображать на определенном возрастном этапе обучения человека, о чем мне приходилось неоднократно писать, выдвигая и отстаивая идею вариативности программ. Между тем религии - цветы человеческого духа вопреки всей возможной их противоречивости и сложной судьбе, которая порою не зависит от вероучителей, их создавших. И нельзя сделать ни одного шага в освоении эмоционально-эстетического опыта прошлого во всем его невообразимом многообразии без знания этих религий, без глубоко уважительного отношения к ним как к исканиям мятущегося, но единого человеческого духа. Вот еще одно доказательство обязательного единства знаний, эмоций и веры в развитии любой, в том числе и эстетической « грани » этого вполне реального духа. Мирового разума. Это единство должна учитывать художественная педагогика.

Еще один (не скажу - завершающий, ибо здесь - место дальнейшего поиска молодых специалистов) дидактический принцип художественной педагогики - общеобразовательный смысл ценностных ориентаций ее практического, повседневного воздействия . Я уже отмечал, что в конечном итоге взаимодействие трех блоков образования не означает их изолированности друг от друга в процессе формирования всех духовных способностей человека. Напротив, существует глубокая и органичная функциональная взаимосвязь между ними, что детально изучено в теоретической педагогике. Основанные на производительном труде и прежде всего на нем как базовой образующей человека, как первооснове его сущности, все три блока корреспондируют между собою в зависимости от социокультурных и исторических условий, соответственно тон или иной духовной установке на развитие каждого индивида..

Прекрасно понимали это еще древние мыслители, мудрости которых не перестает удивляться. Так, Платон в диалоге «Протагор » вкладывает в

уста учителя мудрости - философа весьма примечательные слова: « Но пожалуй, Гиппократ, ты полагаешь, что у Протагора тебе придется учиться иначе, подобно тому, как ты учился у учителей грамоты, игры на кифаре или гимнастики? Ведь каждому из этих предметов ты учился не как будущему своему ремеслу, а лишь ради общего образования, как это подобает частному лицу и свободному человеку».

Понимаю, что в моей **общей концепции интегральной педагогики** много утопичного, не подкрепленного ни экономическими, ни техническими, ни кадровыми возможностями нынешнего содержания, системы и структуры образования. Но хотел бы отметить, что все мыслящие педагоги, когда-либо задумывавшиеся о модернизации образования или его радикальных изменениях, представляли поначалу как утописты, как художники, образные прозрения которых казались несбыточными. Но история всегда рассуждала иначе, открывая путь именно перед их идеями и творческими разработками.

Равнозначность трех образовательных блоков в интегральной педагогике не означает ничего другого, кроме нахождения новых путей и новых ресурсов образованности человека в тех условиях, когда простое информационное насыщение сознания уже не срабатывает. Интенсификация же эмоциональной сферы, судя по педагогическим экспериментам, идущих ныне во всем мире, сулит качественный скачок всех возможностей человеческого духа. Здесь, как мне представляется на основе многолетних личных наблюдений, не нужны специальные и дорогостоящие эксперименты. Проанализируйте, например, развитие учащихся общеобразовательных учреждений, выделив тех, кто регулярно занимается спортом, поет в хоре либо увлеченно играет в оркестре, и вы без особого труда осознаете примечательнейшую разницу в их общей продвинутой на фоне общей массы только « обучающихся» по просвещенческим программам. А разве можно пройти мимо того факта, что школьники, одновременно обучающиеся в музыкальных школах либо школах искусств, почти не оказываются объектами внимания правоохранительных органов в связи с теми или иными отступлениями от закона.

Через эмоционально- образное постижение истины к истинно человеческому бытию по всем его параметрам, к обретению его смысла - так я охарактеризовал бы магистральный путь художественной педагогики . Она ныне имеет не только общую теорию и дидактику, но и отлично отработанные педагогические технологии. Но здесь я должен уступить место тем, кто их ныне развивает блистательно (и это - отнюдь не преувеличение, но результат трезвого научного анализа литературы и педагогической практики) и разделах художественной педагогики: в педагогике театральной и музыкальной, в педагогике изобразительных искусств и спортивных действий, словом, в том беспредельном по многообразию мире специфических видов художественной педагогики. Моей же более скромной задачей было осмысление общефилософских принципов всех этих разделов как исторически сложившейся целостности.

1999 г.

**Введение в сравнительное вероучение.
Теология, религиоведение или
сравнительное вероучение.
Креацинизм.
Смысл бытия.
Перспективы бытия.
Нормы бытия**

О вере как источнике целей для способных к обучению

Мир существует не для того, чтобы мы его познавали, а для того, чтобы мы воспитывали себя в нем.

Г. Лихтенберг

Если Архимед, сажающийся в ванну, заставляет выливаться именно определенное количество воды, если ядро, брошенное с колокольни, с удивительным упрямством падает вниз, на землю, если из А постоянно следует В, то все сказанное, безусловно, является поводом для формулирования конкретных законов природы. Законам можно верить или не верить, но наличие или отсутствие этой самой веры, например, в закон земного тяготения, не защитит носителя соответствующего вероучения от падающего с крыши кирпича.

И эта грустная неизбежность подчиняться законам Вселенной заставляет «царя природы» искать, придумывать лазейки в иные миры, которые, на первый взгляд, должны начинаться и... заканчиваться абстрактными моделями в черепе мятежного мыслителя.

Но порой происходят воистину невероятные вещи!

Идеи, порожденные загнанным в угол безысходности из рождений и смертей человеческим мозгом, охватывают миллионы мыслителей, и те вдруг дружно смотрят и видят человека, идущего по воде, ангела, парящего в небе, ведьму, спешащую на «лысую гору».

Почему? Да потому, что человеку свойственно не только видеть объект, когда он смотрит на него. Человек способен видеть и тогда, когда не смотрит, когда глаза этого человека вообще закрыты. Данная способность не есть что-то, присущее именно человеку, как сменщику, пришедшему на место умершего Бога. Эта способность есть свойство любой сложной системы, способной к обучению не только на своих, но и на чужих примерах, т.е. речь идет о постоянно обучающихся природой и друг другом коллективных субъектах, будь то люди в коллективе или компьютеры в сети InterNet.

В сказанном ключевыми словами являются "обучающихся природой и друг другом"! Конечно, для коллективно ориентированных существ важнее обучение друг другом, поэтому для большинства проще послушать рассказ о циклопе, пожирающем мореплавателей, чем отважиться на встречу с цикло-

пом. Поэтому-то и может шляпа, потерянная в лесу, через несколько месяцев превратиться в злого духа, пугающего прохожих. Ибо изменяться будет не только шляпа, изменяться будут прохожие, слушающие легенды о злых духах.

Есть ли предел этому изменению? Существуют ли критерии «правильности» этого изменения? В конце-то концов-«**Что есть истина?**»

Для Жизни, «танцующей» в объятиях Смерти, как, впрочем, и для Смерти, (в одиночестве она не способна существовать), истина только в том, чтобы продлить этот танец в вечность. Для этого продления танцующие используют весь арсенал имеющегося у них оружия, сами при этом постоянно изменяются, умирая и рождаясь. Точно также умирают и рождаются законы этого танца, и истина, подобно солнечному зайчику, скользит по их следам, путаясь под ногами.

Но где-то там, в глубине, где реализуется операция синтеза генетического знания с самым первым опытом Жизни и Смерти, рождается вера. Интегрируя в себя систему базовых ценностей Жизни или Смерти, вера становится указующим перстом, который и определяет дальнейшее движение любой способной к обучению системы. Ибо вера является основой той геометрической формы, которую в дальнейшем начнут заполнять входные данные внешнего и внутреннего миров.

Когда хаос наполняет собой определенную геометрическую форму, он умирает и становится порядком, сообразным данной форме. Первые же поглощенные формой «случайные» сообщения придают рожденному порядку цели, которые словно маяки в бушующем хаосе помогают этому порядку уцелеть и продлить себя в завтрашний день по законам подобия, ибо подобное порождает подобное! При этом цели, оплодотворенные верой, могут служить и Жизни, и Смерти.

Точно также, как в сказке бабка хватается за дедку, а дедка за репку, цели вытаскивают на поверхность нужные или видимые им факты и формируют полезные для себя правила, которые в простонародье называются законами.

А что значит для человека жить в рамках закона, который противоречит его вере?

Это значит, что праведник не выживет в стае воров. Это значит, что аборигены всегда будут съедать Кука. Это объясняет, почему население России все годы т.н. перестройки уменьшается ежегодно более чем на миллион человек и почему выпускники ведущих Вузов страны в своем большинстве покидают страну.

Но кроме того, как писал Георг Лихтенберг: *"Всеобщий источник нашего несчастья в том, что мы верим, будто вещи действительно являются тем, чем мы их считаем"*.

РАСТОРГУЕВ С. П., доктор технических наук, академик Международной академии информатизации и академии криптографии.

В масштабном поиске исследователей самых разных профессий от философов, социологов и педагогов до представителей фундаментальных естественно-научных дисциплин, определяющих ныне информационный и

технический прогресс, отрабатываются новые «школьные» системы в структуре образования, отвечающие реалиям начала третьего тысячелетия истории человечества (если исходить из христианского летоисчисления). Выделены и детально изучаются формообразующие составляющие **системы образования** применительно к разным его уровням: основному и среднему общему, начальному, среднему и высшему профессиональному, постинститутскому, что позволяет не только осознать кардинальное изменение роли разных типов образовательных учреждений, но и дать им второе дыхание в соответствии с потребностями информационной цивилизации, соотнести их более эффективно и конструктивно с другими компонентами структуры. Не случайно все многочисленные проекты модернизации школы в широком смысле слова на всех ее уровнях, вокруг которых разворачивается ныне дискуссия отнюдь не только в России, единодушно в признании необходимости интеграции традиционных образовательных учреждений с другими компонентами **структуры образования**.

Подобный интегративный процесс проявляется в теории и практике социальной педагогики как сфере активного, целенаправленного изменения всей системы общественных отношений (социума) во имя педагогически организуемого формирования индивида. Весьма заметен он и в необъятной области *народной педагогики*, равно как и в ее теории - этнопедагогике, вызывающей ныне поистине глобальный интерес. Прорвана догматическая плотина казенного истолкования *семейной педагогики*, благодаря чему вопреки всем аномальным явлениям в психике организаторов и распространителей сексуальной и порнографической «культуры» человечество еще раз пытается осмыслить конструктивную сущность семьи, социального открытия, наиболее активно способствующего выживанию человека как родового существа. Интерес к духовным прозрениям великих цивилизаций, прошумевших по Земле, добытые ими уникальные сведения о путях самосовершенствования человека, базирующихся на безграничных возможностях нашего духа, получает повсеместное распространение, чему не могут помешать вроде бы всевластные спекулянты и дельцы в печати и средствах массовой электронной информации. Отсюда фундаментальный в научно - педагогическом отношении интерес к *педагогике аутотренинга*.

Несколько сложнее, я бы сказал заторможенно проходят изменения **содержания образования**, над которым продолжает довлеть сила традиций ушедшей в прошлое эпохи Просвещения со всеми ее романтическими и интеллектуальными иллюзиями. Традиционная школа (от начальной до высшей) как образовательное учреждение этой эпохи продолжает пребывать в эйфории иллюзорных стандартов «образованности», характерных для промышленной революции и реанимируемых нынешними «просвещенцами», не обучает мыслить, тем самым блокируя интеллект.

Что же касается всеобщей задачи новой эпохи Озарения, соответствующей информационной цивилизации интеграции интеллектуального, эмоционального и духовного развития человека, то для уходящей в прошлое школы как образовательного учреждения уже прошумевшей эпохи она принципиально непосильна. О блокировании творческого, продуктивного интеллекта учащегося в «школьной системе», игнорировании в ней эмоционального мира мне приходилось писать неоднократно и столь же безрезультатно,

хотя ныне никто открыто не оспаривает значения оптимального и многопланового развития этого мира для всех сфер жизнедеятельности человека, как ребенка, так и взрослого. Сейчас область моего преимущественного интереса - полное игнорирование школой всех уровней задачи выработки устойчивых, неколебимых убеждений веры, в результате чего вместо многомерного и устойчивого в духовном плане индивида мы получаем весьма плоскостное существо, которое поддается влиянию любых «изгибов», деформаций, весьма сомнительных и преходящих как всякая конъюнктура факторов. Постулируемое возможное решение проблемы - отработка системы жизнедеятельности, базирующейся не на частном религиозном опыте (а именно его непродуманно навязывают нашим образовательным учреждениям всех типов не только ортодоксальные проповедники разных культов и ересиархи сатанинского толка, но и бывшие «специалисты» по коммунистическому воспитанию, вдруг уверовавшие на глазах изумленной детворы в то, что еще вчера поносили нещадно и некомпетентно), но на **сравнительном вероучении**.

Предлагаемая вниманию неравнодушного к судьбам духовного развития человека и человечества читателя работа имеет сверхзадачей ознакомление с сущностью сравнительного вероучения как одной из основ реальной модернизации на содержательном уровне всего образовательного процесса и, соответственно, побуждение к творческому поиску новых типов образовательных учреждений, современной дидактики и педагогических технологий. Достижение полного равенства трех ведущих секторов духовной культуры: знаний, эмоций и веры останется декларацией, если система образования и вся ее структура не изменят «временное пространство» деятельности этих учреждений, их программы и учебно - тематические планы. Более того, сравнительное вероучение по самой своей сути призвано пронизывать все компоненты содержания образования, его системы и структуры, которые изначально, образно говоря, генетически связаны с верой, ориентирующей жизнь человека, общества, народа.

На этом перспективном пути нашими добрыми наставниками окажутся не только великие мыслители предшествовавших Просвещению эпох, но и классики просветительской мысли, поднявшие меч на сумерки тупого суеверия и интеллектуального варварства. Те самые бессмертные герои разума, которых ныне тщетно пытается втоптать в грязь наша проституированная журналистика, предать забвению тех, кто неотделим от истории Мирового Духа. Они прекрасно понимали историческую ограниченность своей концепции образования, прокладываящей непроторенную дорогу промышленной революции и вовлечения в нее миллионов неграмотных людей, и вместе с тем ратовали в литературных трудах прогностического характера, за **триединство знаний, эмоций и веры**. Именно они заложили фундамент той **алетеологии**, на которую мне и предстоит опираться в дальнейших рассуждениях. Не их вина, что подобные яркие прозрения догматики просвещенцы позднее, в двадцатом веке, назовут прекраснодушными утопиями, словно забыв, что утопии всегда - путь к реальному прогрессу. Так постараемся же вместе в теоретическом поиске восстановить целостное представление о многоплановом процессе образования целостного, но не частичного, плоскостного человека.

Теология, религиоведение или сравнительное вероучение

Человек обречен на деятельность. Не на действие, изначальное для природы, но именно на деятельность - целенаправленную, продуктивную, интенсивную. И в этом его суть, природная аномальность. Безграничный мир **потребностей**, побуждающий его к деятельности, беспредельно дифференцирующейся, **переживается** им как особое измерение, мир духовной реальности, предельно атомизированной и вместе с тем жестко и изначально структурированной. Все многообразие человеческих переживаний, весь их динамичный спектр от социально - обусловленных до индивидуально - предопределенных моделируется как соотношение **знаний, эмоций, верований**. Какой бы степени уникальности ни постигали идущие на смену одна другой, словно волны в океане, философские концепции духа, каким бы изыском и теоретическим изяществом ни отличались логические построения их творцов, необоримым остается это простое и вместе с тем фундаментальное соотношение разных векторов единой **истины, понимаемой как достоверность всех проявлений духовной жизни**. Единая истина, искомая на разных путях и выражаемая в несводимых друг к другу формах ее постижения, оказывается тем краеугольным камнем, на котором возможно возведение универсального здания алетеологии как учения об ее сути.

Традиционно и с полным основанием стержневое значение в ней придается гносеологической проблематике разветвленной системы теоретических дисциплин, трактующей достоверность человеческих знаний, а стало быть, и их операционное значение для деятельности как соответствие реальности. Не будем углубляться в дебри философских словопрений о самой этой реальности, возможности ее разных трактовок. Наука, изменчивая и вместе с тем вечная, как птица Феникс, внушила людям завершившей свой исторический цикл эпохи Просвещения убеждение в правомерности ее монополии на истину, на соответствия некоей объективной реальности, равно как и на выверенные пути ее логического постижения. Она стала стержневым фактором сложнейшей системы человеческих знаний и не только ее высшим и наиболее обобщенным выражением, но и ориентиром в бескрайнем океане сведений, представлений, устойчивых стереотипов оценок результатов накапливаемого в жизнедеятельности практического опыта.

Но она же дает нам возможность иного, более корректного подхода к проблеме истинности переживаний, свидетельствуя, например, о неисчерпаемом и во многом неведомом потенциале эмоций в сфере самой строгой, предельно абстрактной науки. Сегодня даже в сфере обыденной журналистики стало признаком хорошего тона и эрудированности приводить бесчисленные факты о роли сферы подсознательного, интуитивного и даже инстинктивного в исканиях человеческого ума. Декартовское сомнение в истинности чувственного познания преодолено логикой самой науки, расширением ее поискового поля. Впрочем, и здесь есть проблема, о чем я скажу далее. Менее охотно признается равное со знанием и ее обобщенным выражением - наукой значение полифоничной и беспредельно разнообразной системы эмоций и их концентрированного выражения - искусства в структуре алетеологии, уникального значения последнего как фактора духовного по-

стижения неделимой и целостной истинности всего космоса человеческих страстей, эмоций.

Что же касается веры как третьей составляющей целостного человеческого духа, то традиционное скептическое отношение к ней не преодолено и поныне. Безусловно, это порождение недоверия эпохи Просвещения к **вере** не только как обязательному феномену полноценной духовной жизни, но и как к особому пути открытия истины и к **религии** как к обобщенному, концентрированному и систематизированному ее выражению. Алетеология, разрабатываемая мною, базируется на противоположной посылке. Духовный мир человека не только система добываемых и вечно преобразуемых знаний, кипящая лава страстей, желаний, любви и ненависти, страданий и радости, всего того, что мы обобщенно и схематизированно называем эмоциями и пытаемся постигнуть средствами искусства, но и прогнозируемое подсознанием неведомое будущее либо интерпретация фантазией его прорастания из прошлого - **вера**, ставшая исходной позицией и питательной почвой безграничного по красочности и образной изощренности мира **религии**. И в этом духовном мире все своеобразное и отдифференцированное органически взаимосвязано, переплетено.

Просвещение оставило в наследство солидную традицию изучения специфики разных путей духовного искания человечеством истины. Особый акцент его представители делали на всемогуществе человеческого интеллекта, преодолевающего тьму неведения и умножающего наши реальные силы. Значение научного осмысления тайн мироздания подтверждала все-сильная промышленность, зашагавшая от одной революции к другой. Эмоциональный мир поспешал за нею, пластически приспособляясь к новой системе духовных координат, что выразилось, в частности, в распространении представлений об искусстве как особой форме универсального познания, рядоположенной с наукой.

Но даже при таком скептическом подходе к возможностям человеческого духа в деле постижения истины на эмоциональном уровне теоретики Просвещения высказали немало конструктивных предположений о сложном характере взаимоотношения осмысления и оценки мира человеком, своеобразии предмета оценки и ее многоплановых форм, противоречивом и органическом их соподчинении. Именно они заложили фундамент современной эмоциональной культуры, утонченной и изощренной, порою вырывающейся за пределы тяготения разума, его сдерживающего и корректирующего влияния, более того, ослепляющего наши интеллектуальные силы.

Уместно было бы в этой связи вспомнить о пророческой роли Иммануила Канта, не только осознавшего односторонность и даже пагубность притязаний человеческого разума на универсальное положение в духовном мире, но и проложившего магистральный путь исследования способности суждения. Без Канта не было бы ни Зигмунда Фрейда с его прорывом в сферу подсознательного, ни художественной культуры XX века, вырвавшейся из цепких объятий одностороннего рационализма. Благодаря ему в трудах мыслителей нового времени все большее признание получает идея органического единства гносеологии и аксиологии как своеобразных, но взаимосвязанных аспектов единого пути к истине. Идея, на мой взгляд, весьма конструктивная и перспективная, но недостаточная, неполная.

Осмысление и оценка как взаимосвязанные и теснейшим образом переплетенные компоненты микрокосмоса наших переживаний практически не реализуются (как на индивидуальном, так и на социальном уровне) вне третьего вектора истины - веры. Развертывая критику наших духовных способностей, И. Кант отчетливо осознал этот реальный парадокс триединства, подчеркнув в « Критике чистого разума» исключительно точно суть проблемы : «Я должен был ограничить знания (иллюзорного знания о якобы трансцендентных вещах), дабы дать место вере (в идеи и идеалы как направляющие пункты человеческих стремлений)». Здесь существенно понимание им веры не как антитезы знаний и эмоций, но как правомочной равнодействующей в системе переживаний. Если нет движения научной мысли вне человеческих страстей, а эмоций вне их логического осмысления, то с той же изначальной неизбежностью вера, оставаясь особым путем постижения истины, не требующим ни логического обоснования, ни эмоционального подтверждения, пронизывает весь спектр процесса осмысления и оценки.

Научная идея, возникающая как гипотеза, есть одновременно феномен веры ученого, порою противоречащей и фундаментальным основам уже достигнутого знания, и фактам чувственного опыта. Но феномен конструктивный и продуктивный, побуждающий движение мысли на пути к истине во всей ее целостности. Предельное подтверждение тому существование постулатов науки, базирующихся только на вере и не требующих иного доказательства их истинности. Эмоциональный идеал как духовный прообраз мыслимого совершенства, критерий оценки в равной мере есть наш символ веры. Прелесть Афродиты предел нелепости с позиций идеала женской красоты бушмена. Здесь спор бесполезен, а последнее слово за верой, которую можно принять или отринуть.

Взаимопроникновение знаний, эмоций и веры (верований), беспрельдно вариативное, дает некое основание для дальнейшего существования исчерпавшей себя уже в эпоху Просвещения философии, для битвы все новых мотыльков - эрудитов в этой сфере упражнений человеческого духа. Но по сути своей признание такого взаимопроникновения ныне аксиома. На мой взгляд, возможен иной, более продуктивный для разработки традиционной **алетеологии** путь, а именно анализ самого феномена веры как фактора духовной жизни человека и человечества, по возможности более широкое и масштабное рассмотрение всей системы человеческих верований, складывавшихся тысячелетиями.

Напомню исходную посылку, которую уже неоднократно обосновывал в печати: вера как феномен переживания есть принятие чего-либо за истину без доказательства умом и чувствами. Посылка представляется конструктивной и корректной, но явно недостаточной из-за многозначности философской терминологии. Она, в частности, затемняет проблему предмета веры и в итоге, в повседневной практике (в том числе и лексической), сводит его к миру вещей «высших, невещественных, духовных», как это и повторяют вслед за В. Далем все толковые словари русского языка, не вдумываясь в реальное содержание статьи о вере в его знаменитом словаре, в смысл того куста понятий, которые выводятся из исходного, коренного термина и расширяют его объем.

Спектр наших верований широк, равно как и спектр знаний и бескрайняя палитра эмоций как по предмету, так и по форме их духовного выражения. Невидимая грань этого спектра - вера в сверхъестественное, которая столь же естественна, как и вера в обыденное, вполне предсказуемое. Она всегда и повсеместно гипотеза об истоках и первопричинах, интерпретация настоящего и прогноз на будущее, естественно, в соответствии с ее своеобразным местом в системе переживаний. Поскольку предмет ее не менее реален, чем предмет нашего знания и эмоций, постольку все формы проявления веры как переживания ориентируют человеческое действие и мобилизуют скрытые ресурсы человеческого существа.

Любое, самое простое действие основывается на уверенности в его последствиях, здесь далеко не все подлежит трезвому расчету интеллекта и тонкому механизму человеческой чувственности. Пребывая благополучно в улитке своего дома, мы спокойны отнюдь не потому, что знаем точность расчетов инженеров - проектировщиков и квалифицированность строителей, но потому, что уверены в невозможности ничего из ряда вон выходящего - обвала, землетрясения, случайного или преднамеренного взрыва, пожара. Без подобной уверенности нельзя сделать ни шага, немыслимо предпринять любое начинание. Лишись на мгновение человек уверенности в планах и способе поведения, он застынет словно окаменевшая сороконожка, желавшая теоретически определить порядок движения своих бесчисленных ног.

Наряду с уверенностью, пронизывающей все наши душевные движения и реальные поступки, жизненное общение с окружающим миром, живой и неживой природой (если есть между ними какая-либо определенная грань, о чем речь впереди) базируется на таком феномене веры как доверие. Вслушайтесь в музыку этого поразительного слова, охватывающего суть необъятного мира наших переживаний, ориентирующих действия при затухании подсказок интеллекта и корректировок чувствами, чтобы понять всеисилие веры в многострадальной, сумбурной, порою непредсказуемой жизни, преисполненной забот, треволнений, радостей и страданий. Мы доверяем уступу скалы, взбираясь на неприступные горные вершины, и зверю, принявшему нашу ласку, и единомышленникам, пошедшим вместе с нами в одной связке на тяжелейшие и грозные испытания. Конечно, доверие основывается отнюдь не только на знании (знал бы - не доверял, как говорят порою обманутые в своем рационально обоснованном доверии) и не на бессознательном, эмоциональном анализе истинного положения дел, ибо оно по преимуществу проявление **слепой веры**.

Справедливо подметил Николай Гартман в «Этике»: «Слепая вера, или слепое доверие, есть в своем роде испытание моральной силы, подлинный критерий единства во всех наиболее глубоких отношениях человека к человеку. Иной считает себя способным на дружбу в высоком смысле слова, и, однако, при первом же случае, когда очевидные факты говорят против друга, теряет веру в него». Без доверия обратятся в прах все наши общественные институты, мораль и право, человеческие взаимоотношения. Доверие же творит чудеса не менее впечатляющие, чем деяния пророков и кудесников. Его поэтому можно назвать одной из вечных пружин драматизма жизни и его постижения в искусстве.

Избрав путь сравнительного вероучения, я невольно сталкивался с прелюбопытнейшей закономерностью выживания великих цивилизаций прошлого, их долговечности. Для них, как правило, была характерна такая система представлений веры, в которой доверие играло роль доминанты (естественно, роль весьма специфическую в разных исторических условиях) в отработке ценностей духовной жизни. Самое поразительное, пожалуй, в этой связи - существование Римской империи почти 2.700 лет. Нет, не силой оружия держалась эта держава (а иначе империи нового времени, превратившиеся в прах на наших глазах, существовали бы многие тысячелетия), но неискоренимым доверием римлянина к римлянину, о чем свидетельствуют все историки той поры.

Драматизм многокрасочной жизни обусловлен и тем, что все мотивы деятельности человека в той ее важнейшей сфере, которая связана с общением, его реальные поступки имеют не только логически постигаемые основания, эмоциональную предопределенность и ориентированность, но и характеризуются мерой такого духовного качества, как *верность*. Оно настолько универсально для нашего бытия, привычно для того образа жизнедеятельности, который воспринимается каждым человеком как нормальный, естественный, что отступление от него принято именовать *вероломством*. К сожалению, и вера, и вероломство всегда встречаются на нашем пути в органическом переплетении, что лишь обостряет духовный поиск истины и способов ее перерастания в неотъемлемую сущность человека. История науки и искусства как составляющих духовной жизни человека дают поистине бесчисленные подтверждения исконного драматизма бытия, порождаемого этим переплетением. На них я не останавливаюсь сейчас, хотя это прелюбопытно для анатомии человеческого духа и анализа его исконного несовершенства, обращаю на них внимание лишь как на проявление универсальной дихотомичности категории веры, подводящей нас к космической по значению для человека проблеме ангелиады и дьяволиады, добра и зла. Но о ней - речь впереди.

Действующий человек не кибернетическая мышь. Жизненные проблемы и загадки мироздания, встающие ежеминутно на его пути подобно бессмертному огнедышащему дракону из сказок, он разрешает силой логики и прогностической мощью теоретического мышления при помощи почти всемогущего аппарата разветвленной и изощренной науки. Эмоциональная отзывчивость и образные прозрения искусства, рождающиеся на ее основе, умножают эту мощь, включают в действие "механизмы" интуиции, образных, неосознанных прозрений. В духовном провидении наука и искусство в конечном счете идут рука об руку в безостановочном постижении тайн мироздания и бытия человека как пылинки в космосе, выражая своими средствами универсальную истину. Здесь уместно вспомнить бессмертного В. Г. Белинского, действительно святого в ряду мучеников просветительской философии России, обосновавшего эту идею. Но, как правило, наука и искусство, словно зачарованные неведомой, таинственной силой, подвигают человека, как витязя на распутье, в мир *вероятия*, *вероятного*, тех допущений, которые можно принимать только на веру и как феномены веры.

Подтверждением тому может служить любое, самое древнее представление человека, выражающее тройственность обыденных для сознания ис-

тин. Скажем, бытование у всех народов календарных счислений времени. Издревле отнюдь не примитивные предки наблюдали за циклом смены времен года, проводили сложнейшие, поражающие и современных ученых своей точностью астрономические наблюдения за движением небесных светил. Их совокупными усилиями была определена длительность года, сезонов - лета, осени, зимы и весны, месяцев, локализованы дни зимнего и летнего равноденствия. Все это было окутано поэтическим флером легенд и преданий, мифов и сказаний, причудливейшим образом живущих и ныне в универсализирующемся сознании. Мы видим двенадцать знаков Зодиака, именуя их в соответствии с греческим мифопредставлением, называем времена года в соответствии с древнеславянскими названиями месяцев весьма поэтически Травнем, Листопадом, Студнем.

Предками нашими были отработаны и системы летосчисления "истории", основывавшиеся на самых разных и вполне условных с позиций бесконечного времени датах ее начала. Так, евреи, обосновавшие в библейских текстах день Сотворения мира Богом (Первая книга Моисеева. Бытие) условной датой 7496 лет назад, свое счисление начинали с 7 октября 3761 года до нашей эры. Древние греки вели летосчисление в соответствии с хронологией историка Тимея по Олимпиадам, принимая за точку отсчета первую Олимпиаду в 776 году до нашей эры. Поразительную по сложности и поэтичности систему счисления создали в Древнем Китае, приняв за "начало" 2397 год до нашей эры, объединив дальнейшее течение исторического времени в шестидесятилетние круги. При этом каждый круг делился на 12 периодов со своими циклическими знаками и на пять стихий - дерево, огонь, земля, металл, вода в двух состояниях - мужском и женском. Любой год в пределах шестидесятилетнего круга или цикла в соответствии с пятичленным периодом или "земной ветвью" получает также имя одного из животных: мышь, корова, тигр, заяц, дракон, змея, конь, овца, обезьяна, курица, пес, свинья. Так многие наши сограждане были убеждены, что в январе 1998 года наступил год тигра. Христиане положили начало многолетним богословским диспутам о летосчислении, приняв вслед за преподобным епископом Бредой начало новой эры со дня Рождества Христова и корректируя в соответствии с незыблемыми астрономическими реалиями на соборах и по велению пап, таких как Григорий XIII (отсюда и название календаря - григорианский), общепринятый для христиан отсчет "нашей эры". Мусульмане же избрали иной путь, провозгласив в соответствии с принятым в их мире лунным календарем началом счисления первый день первого месяца того лунного года, когда Мухаммад совершил знаменитый уход из Мекки в Медину, или 16 июля 622 года нашей эры по юлианскому календарю. После французской революции, пославшей на плаху представителей королевской власти, Конвент отменил христианское летосчисление и григорианский календарь, установив началом новой эры год торжества свободы - 21 сентября 1792 года и переименовав месяцы по вполне национальной традиции в "вандемьер" - месяц сбора винограда, "брюмер" - месяц туманов, "фример" - месяц заморозков, "нивоз" - месяц снегов, "плювиоз" - месяц дождей и т.д.

То, что время идет безостановочно и в жестком соответствии с астрономически predetermined циклами и длительностями дня и ночи, что за зимой неизбежно наступает лето со всеми вытекающими из этого неоспо-

римого факта последствиями для хозяйственной деятельности человека, признает любой житель планеты, с благодарностью или вполне бессознательно пользующийся всеми данными науки. Готов он принять и поэтические сказания, мифы, легенды, фантастические произведения о тайнах времени безотносительно к исповеданию их творцов. Иное дело, что каждый из нас принимает за "вероятное" в повседневной, обыденной практике вполне условную хронологическую дату в признаваемом им на веру счислении, отнюдь не задумываясь ни об его достоверности, ни исторически преходящем и вполне конвенциональном значении. Однако, хронология даже в случае осознания весьма относительной ее вероятности становится для масс фактом веры порою неколебимым и неискоренимым. Наверное, в этом одна из причин тщетности весьма серьезных попыток выработать единое всемирное летосчисление, впрочем, как и единое вероучение. Мы, скорее, готовы поиграть в другие счисления, применяя их к своему христианскому календарю. Следуя ему, мы весьма охотно говорим, например, о годе тигра, всерьез полагая, что жизнь будет полосатой, дающей уроки перемены от счастья к несчастью, от удач к неудачам, словом, от белого к черному, даже не задумываясь о структуре древнекитайского летосчисления и его условной исходной точке.

В мире *вероятия* все невозможное оказывается возможным, в нем многие парадоксальные положения, имеющие взаимоисключающее значение, приобретают равную силу, а потому действовать в его сфере нельзя без веры как ориентира, полагаясь на ум и чувство, но не на вероятность невероятного.

Один из отцов христианской церкви Тертуллиан в труде "О теле христовом" писал: "И умер сын божий, это достойно веры, так как нелепо. И погребен он, и воскрес: это достоверно, так как невозможно." Из этого впоследствии возникла общеизвестная формула теологов "Credo, quia absurdum" - верю, потому что абсурдно. Примитивные атеисты полагают формулу эту верхом нелепости, более того, апологетикой нелепости слепой, не рассуждающей веры. Но они почему-то умалчивают, что без вероятия, то есть без допущения самых алогичных, нелепых предположений рассудок человеческий застыл бы в системе научных догм. В самом деле, что было бы, если ученые нового времени всерьез уверовали бы, что умозрительно открытые гены - нелепость, алогизм, что нет ничего более абсурдного, чем предположение о возможности клонирования живых существ, в том числе, и такого "венца творения", как человек, что не может быть скорости большей, чем скорость света? Наверное, они оказались бы в положении тех мыслителей прошлого, которые всерьез полагали и математически рассчитывали, что летательный аппарат тяжелее воздуха и никогда не воспарит в небеса, вершиной человеческой мысли является только эвклидова математика, что легенды и мифы народов лишь плод несовершенной фантазии наивных предков. Наука всегда пробивает себе иной путь к истине, уверовав в вероятность и возможность невероятного. А что было бы с нашим эмоциональным миром и его высшим постижением и выражением - искусством, если бы устои и традиции не взрывались самым невероятным образом, не основывались бы на вере в загадочный, но неодолимый художественный прогресс,

порою заматающий, словно пески Египта, его древнее наследие, все то, что ныне кажется вечным канонem красоты и эмоциональной "нормальности".

Игрок в рулетку, с риском поставивший последнее достояние на волю капризной фортуны, в глубине души отчетливо осознает бесперспективность притязаний на выигрыш в борьбе с прекрасно отработанным механизмом игрового бизнеса, не менее отчетливо предчувствует пропасть ловушки, разверзающейся перед ним, но продолжает исповедовать вероятность, действует по ее неодолимой, магической силе. Вероятие не тупик, а поиск. Скажи человечеству - невероятное абсурдно, бессмысленно - и оно застынет как действующие лица знаменитой сказки Шарля Перро. Признай вероятие - и ты оживишь задремавшие персонажи человеческой драмы, пробудишь их надежды, включишь мощный генератор идей и чувств во имя духовных исканий.

В системе веры как направляющей человеческих стремлений (это образное выражение Канта я интерпретирую как исходный теоретический постулат) прочное и вполне достойное место занимают *суеверия*. Их однозначно трактуют как свидетельство замутнения разума и искаженного чувственного восприятия мира. Если бы это было так, человечеству пришлось бы распрощаться и с символизмом мышления во всем его этническом многоцветии, и с порожденными непрерывным душевным поиском эмоциональными идеалами, а самому превратиться в толпу уныло - правильно мыслящих роботов, лишенных каких бы ты ни было иллюзий. Между тем, любой мудрейший профессор поживает, если перед ним пробежала черная кошка или он вдруг окажется в многочисленной аудитории в затрапезном домашнем костюме. Ликвидируй по мановению волшебной палочки все человеческие суеверия - и прощай всемогущая индустрия моды, в том числе - и "высокой", которая как раз и базируется на этом феномене духовной жизни. С точки зрения трезвого ума и нормальной человеческой чувственности все ее извивы - верх нелепости. Но попробуйте кому - либо (в особенности молодому человеческому существу, жаждущему успеха, признания, самореализации) это сказать, призывая к спартанской скромности, и вас сочтут почти ненормальным, а по крайней мере, вполне устаревшим человеком. Так было, есть и будет во веки веков, ибо без суеверий нет живой и противоречивой жизни. Могут возразить: но есть же вполне вредоносные суеверия, ослепляющие разум и блокирующие чувственность. С этим нельзя не согласиться, равно как и с тем, что любое из проявлений веры, о которых я уже сказал, может быть и сугубо негативным в зависимости от обстоятельств и той цели, на которые они направляют человеческие стремления. Но здесь мы уже переходим на почву зыбкой нравственности, которая в действительности является не чем иным, как способом регулировать поведенческие реакции человека в выгодном для определенных социальных сил направлении. Именно поэтому суеверие как вредоносный феномен с позиций одной человеческой группы вполне может стать необходимым и даже обязательным признаком поведения, с точки зрения другой.

Словно айсберг под глыбой льда в океане всеми этими (равно как и другими подобными им и оставленными мною в интересах лаконичности изложения за кадром) проявлениями человеческого духа (тем, что далее буду называть Мировым разумом) правит *вера* в ее чистом, незамутненном ассо-

циями и духовными опосредствованиями значения. Ее точнее было бы назвать верованием, тем самым оставив за понятием вера более широкое и обобщающее значение в одном ряду с интеллектом и чувствами. Верования во всем их историческом, этническом, социокультурном своеобразии многокрасочности и, если хотите, эстетической прелести в меньшей степени выражают другие проявления человеческого духа, чем охарактеризованные ранее компоненты системы веры; рассматривая их, мы имеем большую возможность избежать психологизации - этой зыбкой умозрительной схемы литературских рассуждений о тончайших душевных движениях.

Более того, они имеют куда более точные, ощутимые, конкретные формы выражения, что и дает основание для обобщающих выводов, имеющих значение теории. Конечно, не столь достоверной, как построения современной разветвленной науки, перед которой мы, профаны, можем только низко склонять голову в беспредельном почтении, но все же - теории. Смею утверждать, что без отработки такой теории мы не продвинемся ныне по пути радикального преобразования устаревшей просвещенческой системы образования, не откроем путь первопроходцам таких педагогических технологий, которые позволят синкретично и экономично интегрируя в новом букете необычных предметов достижения человечества в сфере интеллекта, эмоций и веры, во сто крат множить эффективность педагогического процесса.

Кстати, здесь на помощь придет и коллективная память человечества - история его духовной культуры, которая немыслима без мифов, легенд, сказаний, сказок, поверий, заклинаний и тем более без систематизированного религиозного опыта. Все это великие умы Просвещения, давшие научную критику религиозной историографии, не утратившей своего иницилирующего человеческую мысль значения и поныне (ох как торопятся не в меру ретивые реформаторы, вдруг по мановению ока из марксистов превратившиеся в правоверных христиан, иудеев, мусульман и выбрасывающие из книг, учебников, программ даже упоминания о них) понимали отлично. Так, Гердер высказал на основе фундаментального изучения зафиксированного в литературе опыта вероучений весьма перспективную мысль, которую я и стараюсь развить в концепции алетеологии вообще, в теории вероучений в частности. Он отмечал, что возможна философская теория, которая объясняет веру в мифы, басни и сказки. "Это была бы теория сказаний, философская теория снов наяву, объясняющая истоки чудесного и фантастического, исходя из человеческой природы, некая логика поэтического дарования, и если провести ее сквозь все времена, все народы, и все виды сказаний - от китайцев к иудеям, от иудеев к египтянам, грекам, норманам - какое величие, какая польза."

Создание такой теории не по силам одному человеку, ибо беспределен материал для необходимого обобщения. Но первые шаги в этом направлении нужно сделать, ибо существует главная предпосылка - фундаментальные исторические и теоретические труды по всем типам верований, и прежде всего, по анализу религий как структурированного типа верований, которому присущи определенные догматы, таинства и церковная организация. Основные из них, доступные читателю, в том числе и классические исследования отечественных ученых, имеются в любой серьезной библиографии,

имеющей рекомендательный характер. Итогом должно быть постулирование общей теории вероучений (наряду с гносеологией и аксиологией).

Ее можно было назвать метарелигией, если бы объем понятия "религия" охватывал и бытовые верования, и теоретическую веру в то, что нечто существует (любое научное предположение), и эстетические иллюзии (идеалы), и те системы верований, которые теоретиками мировых религий считаются "языческими". А поскольку такого совпадения нет, ограничусь до завершения исследования термином "общая теория вероучений". Он позволяет конкретизировать предмет исследования - общее в любой системе верований как специфических представлений человека об истине, и тем самым избежать пересказа теорий конкретных вероучений, их философии, разработанных весьма фундаментально трудами многих поколений творцов и защитников любой великой религии - от ее пророков и апостолов до отцов церкви и ее индивидуальных и коллективных блюстителей. Он позволяет мне также признать как аксиому исторически сложившееся расхождение терминов "вера" и "религия" у всех народов, а не только в русской лексике. У немцев это, например, Glaube и Religion, у англичан - belief и faith (теоретическая и религиозная вера). Подобное расхождение, как правило, получает серьезное теологическое обоснование мыслителями разных вероисповеданий. Так, в исламе понятие "религия" обозначается термином "**дин**", а в Коране, священной книге всех мусульман, по свидетельству авторов уникального по научному значению энциклопедического словаря "Ислам", этот термин употребляется уже более ста раз и в разных значениях: День суда - К.1:4/3, "религия", "вера" отдельного человека К.39:2; религия как система ритуальной практики являющейся основой религиозной жизни общины - К.66:161/162 и т. д.. Вера же в исламе обозначается как **иман**, которой присущи, по убеждению мусульманских теологов, три существенных элемента: словесное признание истинности Аллаха, его писаний и посланников, внутреннее признание, осознание сердцем истинности Аллаха, добрые дела, исполнение предписаний ислама.

Религии как устойчивые системы верований, имеющие свои особые и изначальные догматы, таинства и шире - ритуальную практику, а также специальную церковную организацию, уникальны и неповторимы как цветы продуктивного человеческого духа, безгранично изобретательного и ищущего. Здесь наблюдается полная аналогия с наукой и искусством как формами постижения человеком единой истины. Безграничные по спектру, объему и предмету постижения **знания**, добываемые человеком, структурируются в науку, особый мир со своими понятиями, категориями, методами и технологиями исследований истины. Но она, как Протей, переливается всеми мыслимыми и немыслимыми красками и сторонами, тщетно маня ученых жрецов науки в те свои недра, которые открываются только **эмоциям** и невыразимы самым утонченным аппаратом науки. Здесь место иной форме выражения духовной жизни человека - искусству. Глубокий и оригинальный русский мыслитель Павел Успенский весьма удачно обобщил эту уникальность искусства как формы выражения истины: "Содержание эмоциональных переживаний, даже самых простых, не говоря уже о сложных, никогда не укладывается целиком в понятия или в идеи и поэтому не может быть правильно и точно выражено в словах. Слова могут только намекнуть, навести на него.

Передача эмоциональных переживаний и эмоционального понимания составляет цель **искусства**. В сочетании слов, в их смысле, в ритме, в музыке, в сочетании смысла, ритма и музыки, в звуках, в красках, в линиях, в формах люди стараются выразить и передать то, чего они не могут выразить и передать просто в словах." И, наконец, духовный мир человека (традиционно, в духе терминологии Просвещения иносказательно именуемый миром сознания) осваивает необъемлемую истину мироздания и опытом **веры** во всех ее ипостасях. Вера - мир выражения, недоступный и науке ("Нельзя до конца перевести опыт веры на язык понятий", - отмечал еще Григорий Богослов,) и искусству. Ее концентрированное, тысячелетиями отшлифованное выражение - **религии**. Культура как коллективная память призвана хранить и ретранслировать это богатство, всю его своеобычность и поливариантность. Учитывая, что формы эти содержательны, что религия как интересующий меня предмет философского исследования не внешняя оболочка веры, но ее суть.

Исповедывать религию - значит верить. Умственное же согласие либо эмоциональное восхищение изначальными догматами веры, равно как автоматическое подражание ритуальной практике верующих либо присутствие в церкви (общине) не свидетельствует о вере. В этом смысле религию можно трактовать в расширительном плане как феномен исторического развития человеческого духа в любой из его форм, магической, символической, мифической, утопической, рациональной, операционной.

Невольно напрашивается наиболее легкий путь обобщения всего богатства человеческого религиозного опыта: систематизация и классификация его в соответствии с историческими типами духовной жизни, которым, безусловно, он соответствует и который наиболее адекватно выражает на определенном этапе истории.

Так, **шаманизм**, известный многим народам на стадии магического сознания, основанного на вере во всеобщую одушевленность природы и в возможность использования тайных сил (иммитативная и контагиозная магия) обладает всеми признаками религии. Предметом догматической, не подлежащей сомнению веры здесь является маг (по-тунгусски шаман - возбужденный, исступленный), особый человек, наделенный сверхъестественной возможностью прямого контакта со злыми либо добрыми духами и воздействия на них, а стало быть, и на судьбы людские. Возбуждая себя в процессе камлания до крайней степени психического исступления, почти до полного транса, он своими ритуальными действиями, всем своим образом, безусловно, отработанным тысячелетней традицией, вовлекает соплеменников в особое ритуальное, лишь им ведомое таинство. Здесь выявляется конвенциональная связь шамана и зрителей, становящихся соучастниками таинства, безусловно верующими в его результаты (скажем, в то, что ветка, брошенная в разбушевавшуюся реку, прекратит наводнение, дым ароматной смолы уберет хворь, жезл в руках шамана придаст охотникам племени необходимое им мужество). Основа этой связи - всеобщая вера в духов, злых и добрых, предопределяющих всю жизнь человека, общение с которыми подвластно магу, чародею, ведуну, волхву, прорицателю, обобщенно - шаману. Его странное, с точки зрения рационального мышления, поведение - поразительные прыжки, освобождение от пут цепей, ремней, веревок, бор-

мотание на неведомом языке, странное и вместе с тем - абсолютно реальное, как все "странное", то есть еще не объясненное в человеческой природе, чудесное воспринимается соплеменниками как неоспоримое свидетельство истинности их веры, для которой шаман - лишь посредник, представитель их общности и в этом смысле, безусловно, працеркви. Для посторонних, непосвященных, действия мага - лишь любопытный, имеющий этнографический интерес спектакль, вставной проходной эпизод в голливудскую ленту наших дней.

Свои незыблемые и неоспоримые для верующих догматы, таинства и соответствующие им ритуалы, равно как и типы церковной организации, порождает символический тип духовной жизни. Его суть - убеждение в аналогии между реальным видимым миром и миром ирреальным, невидимым, предопределяющим космический порядок. Как пишет Х.Э.Кэрлот в фундаментальном обобщающем труде по символизму "Словарь символов", собственно символизм является динамичной и полисемантической реальностью, наполненной эмоциональными и умозрительными значениями, другими словами, реальной жизнью. Подобный тип духовной жизни, развившийся в недрах магического (вспомним хотя бы символизм наскальных изображений первобытного человека, не исключавший возможность их включения в магическое действие, например, в имитацию охоты) отнюдь не алогичен, как думают крайние сторонники рационализма. Ведь если бы это было так и глубинная сущность вещей раскрывалась бы только просветленному уму и его принципам открытия истин, необъяснимыми бы оставались великие технические, космологические, математические, естественно - научные прозрения древнейших цивилизаций: Египетской, Шумеро- Аккадской, Эгейской или Крито - Микенской, Мохенджо - Даро и Хараппы, Иньского царства, Персидской. И разве не многоплановость выявления этой сущности (в том числе и в символическом выражении через вещный образ не постигнутых тайн мироздания и природы человека) дала людям тех времен способность выживания, свидетельство чему и многотысячелетняя реальная история, и вторая жизнь в пришедших им на смену цивилизациях в науке, искусстве, верованиях человечества и иные периоды его бытия на планете. Символический тип духовной жизни связан с космоцентризмом, что порождает исторический парадокс двойного символизма (употребляю этот термин как рабочий, чисто операционный): божество как имя, образ, знак, являющееся предметом веры и поклонения, выступает символом космических сил, предопределяющих все судьбы людские, их прошлое, земное существование и потустороннюю жизнь. Подобная отдаленность от первоисточника веры через двойной символизм порождает крайне изощренную систему догматов, таинств и организации посвященных, вызывающую у человека еще большее психическое сопереживание, чем наивно трансное, гипнотическое камлание шамана, мага, кудесника, чародея. Отсюда и значительно большее влияние веры на все стороны его жизни от практически предметной до умственной и художественно творческой, причем влияние отнюдь не только иллюзорное.

Как шаманизм, так и религиозный символизм рассматривают человека и природу как таинственное космическое единство, где воля человека сливается с мировой волей, ею диктуется, предопределяется. Но и в шаманизме, а тем более и в религиозном символизме все масштабнее и многопла-

ново проступают исторические следы деяний самого человека, прежде всего предка, прародителя, героя исключительной судьбы, уникальной силы и фантастических возможностей. Непосредственная их символизация рождает миф и соответственно мифическое сознание, известное всем периодам развития человеческого духа. Миф же как основа системы вероучений торжествует тогда, когда космоцентризм в истории духовной жизни постепенно уступает антропоцентризму, даже воспоминание о прошлом становится легендой - как первоосновой мифа. Не буду еще раз приводить банальные факты из истории археологии о торжестве веры ученых в реальную первооснову мифа. Для людей гигантской исторической эпохи, примерно охватываемой первым тысячелетием до нашей эры, миф - первооснова веры, часть ее гигантской мозаики, заменяющей двойной символизм предшествующих времен наивным реализмом сознания, для которого добро и зло, деяние и неизбежное возмездие и даже сама судьба predeterminedены мудростью и всемогуществом обожествленных предков. Спасения от этого рокового возмездия не может быть в силу именно этой predeterminedности бытия человеческого.

Но беды, страдания и горести, всегда и неизбежно обрушивавшиеся на большинство представителей рода человеческого (и даже на тех баловней судьбы, которых рок по мановению ока бросал от счастья к несчастью, научая осторожности пред ее возможными превратностями), не смирили неукротимый дух человеческий, не остановили его поиск спасителя и спасения. Именно эти дрожжи вызвали поражающий воображение неукротимый рост повсеместно с загадочной временной синхронностью великих вероучений, основанных на идее спасения, возможности счастья и блага для всех в потусторонней жизни, определении духовного пути к нему.

Эта идея - краеугольный камень ведических учений, иудаизма, буддизма, конфуцианства, даосизма, христианства, мусульманства. Их творцы в силу своей божественной миссии либо пророческого призвания от устного слова мифотворческой традиции перешли к зафиксированному слову как синтетическому изложению первооснов веры. В ведических учениях это четыре священных Книги, обрабатываемых брахманами веками: Ригведа - книга гимнов, Самаведа - собрание жертвенных песен, Яджурведа - жертвенные изречения, Ахтарваведа - песни-заклинания. Для иудаизма священной первоосновой является Тора или первые пять Книг Моисеевых из Ветхого завета - Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие, которые определяют смысл и толкование других его Книг. Для буддистов, верных учению Гаутамы, таковой является Трипитака, породившая могучие ответвления его последователей - хиньяну, или "малую колесницу", и махаяну, или "большую колесницу".

Христианство, не отвергая Ветхого завета как предистории Мессии, основывается на Книге Нового завета, объединяющей Святое Писание и Святое Предание. Структурно это четыре Святых благовествования или Евангелия (от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна), Деяния апостолов, семь соборных апостольских посланий, четырнадцать посланий Апостола Павла, Откровение апостола Иоанна Богослова. В конфуцианстве, канонизированном как религия после его победы в Китае над буддизмом в IX веке и над даосизмом - в XI веке, священной почитается труд Кун Фу-цзы (Конфуция) Лунь юй. Для сторонников и поборников ислама таковым является Коран -

поэтическое творение Мухаммада, прозорливо оцененное его первой женой Хадиджой как книга великого пророка, а посещавшие его пугающие видения и откровения как божественные прозрения гения, запись которых она и обеспечила.

Трудно сравнивать и сопоставлять между собою эти цветы Мирового духа, обобщившие великие завоевания в области веры предшественников и явившиеся тем откровением, которое породило гигантские движения человеческих масс. Но общим их органическим свойством является сопричастность утопическому типу духовной жизни. Он базируется на безусловной вере в лучшее будущее для каждого человека пусть в иной, потусторонней жизни, на признании свободы его воли и личной ответственности за содеянное, индивидуальных нормах достижения высшего блага вопреки всем бедам и страданиям. Выросший из мифического мышления, вобравший в себя все философски этическое, антропоцентрическое сознание, он растворил его в индивидуальном сознании, дал ему непреходящие духовные нормы бытия праведной жизни.

Рациональный тип мышления дал человечеству не только все неоспоримые завоевания современной промышленной цивилизации и сомнительное по провидимым последствиям реальное господство в доступной ему природной сфере, но и торжествующую вакханалию атеизма, переросшего в опасное безверие, правда, в хитроумное, с оглядкой на возможные последствия и божескую кару. Отсюда распространение деистических учений, культ обожествления природы, наивно пугающие и искусственно внедряемые культы Высшего существа, Мирового разума и т.д. Но все-таки путь от утопии к науке, а точнее, к рациональному обоснованию всех сфер духовной жизни был проделан удивительным гением этого периода Карлом Марксом и его творением - книгой нового времени «Капитал». Что бы ни говорили его критики (а имя им - легион!), он создал великое современное вероучение, оставившее след в душах миллиардов людей, которым уже никогда не быть такими, какими их сформировал многотысячелетний порядок, вероучение, которое дает надежду на Царство божие, на спасение, избавление от нищеты, горестей, неравенства уже здесь и сейчас, в определенном судьбой реальном мире. Отрицая теизм и преодолевая деизм, марксизм остается атеистическим вероучением в пределах рационального типа мышления, убедительно, с неотразимой логикой выведенным К. Марксом из действительных научных открытий в политической экономии, признаваемых и используемых практически его самыми ожесточенными и непримиримыми критиками. Как великое вероучение марксизм не только породил своих апостолов и святых мучеников, но и вошел в бытовое сознание сотен миллионов людей, далеких от возможности и потребности давать глоссы на первоначальные классические научные рациональные построения, но верующих в их сокровенный смысл и действующих согласно его простым, доходчивым заповедям.

Анализ своеобразия вероучений, зарождающихся в эпоху информационной цивилизации на базе операционного типа духовной жизни, по неизбежности носит прогностический характер и может быть проведен далее, вне контекста их сопоставления во имя выявления универсального единства и всеобщей значимости. Пока лишь констатирую очевидный факт соотносительности многоцветия вероучений с исторически своеобразными типами ду-

ховной жизни. Но подобная соотнесенность весьма относительна, ибо при доминировании определенного признака в них обязательно присутствуют в неразрывной взаимосвязи все другие, имеющие смысл доминанты в другую эпоху. Сказать же, что общим основоположением всех вероучений является наличие в них проявлений магической, символической, мифической, утопической, рациональной духовной базы значит признать в бессилии попытки создания общей теории сравнительного вероучения. Логика подсказывает путь более широкого обобщения поразительного разнообразия вероучений в пределах их соотнесенности с типами духовной жизни на основе некоторых универсальных для веры признаков. Выявить их можно путем наложения сравнительно - аналитической сетки на доступную критическому сопоставлению сумму, специфических отличий всех (в идеале) вероучений и «отсеивание» типичных для любого из них. В содержательной и не без умысла игнорируемой на потребу ортодоксального иудаизма книга Зигмунда Фрейда «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия» убедительно выявляет теоретическую результативность сравнительно-аналитической сетки для постижения общих черт великих людей и героев, реальных и созданных народной фантазией, безотносительно к месту и эпохе поражающих воображение людей их деяний. В конкретном случае она именуется "усредненной легендой", или методикой Гальтона. Ее суть характеризуют приводимые слова О. Ранка из книги последнего « Миф о рождении героя»: все значительные культурные народы «в эпических произведениях и в легендах заведомо противопоставляли своих богатырей, легендарных царей и князей, основоположников религии, основателей династий, империй и городов, короче, своих национальных героев. Особенно они наделяли историю рождения и детства этих личностей фантастическими чертами, чье поразительное сходство, более того, отчасти буквальное совпадение, в том числе у весьма отдаленных и совершенно независимых народов, давно известно и привлекало внимание многочисленных исследователей». На нем сосредоточил свой интерес и З. Фрейд в соответствии с основной сверхзадачей психоанализа - выявления скрытых, загнанных в подсознание половых влечений новорожденного. Действительно, персонажи используемой им усредненной схемы (герой - дитя знатных, богоравных родителей, появление которого на свет таит роковую, predetermined гибель для отца и поэтому обречен на уничтожение, умерщвлен либо покинут, а затем чудесным образом спасен и вскормлен простолюдином либо самкой животного, восстановлен в первородных правах и мстит отцу) подтверждают на уровне легенды и мифа его исходную теоретическую позицию.

Могучий вседержитель Кронос, страшась предсказания о неизбежной гибели от детей, проглатывает всех новорожденных Реи. Но одного она все - таки спасла и смогла воспитать вдали от гнева отца. Им и был Зевс, все- сильный повелитель новой поколения богов, низвергнувший ненавистного отца... Сын любвеобильного Зевса и Данаи - Персей - был встречен при рождении зловещим предсказанием о гибели от его руки деда, аргосского царя, заключен последним в ящик вместе с матерью и брошен в бушующее море, что не поколебало неумолимой судьбы. Аркадский царь Алей получил такое же пророчество о неизбежной смерти от рук внука. Обреченную на безбрачие и ставшую жрицей дочь его соблазнил Геракл. Мать и новорож-

денного забили в ящик и бросили на произвол морской стихии. Но затем последовало чудесное спасение - ящик с Авгой и ее ребенком выбросило на берег неподалеку от Миссии, царь которой женился на ней и усыновил будущего героя и мстителя. Зигмунд Фрейд был абсолютно прав - подобные сказания и верования имеются у всех народов. Так, герой шумерского эпоса Гильгамеш богоравный правитель Урака, был рожден в аналогичной ситуации рокового предопределения судьбы деда. Но хотя тот и запер дочь весьма предусмотрительно в неприступную и бдительно охраняемую башню, она все-таки родила сына. Рассвирепевший и перепуганный предсказанием дед приказал сбросить младенца с вершины башни на скалы, но орел подхватил его на лету, бережно опустил в саду, где его и вырастил садовник. Согласно другому, дошедшему на каменных скрижалях рассказу великого правителя могучей державы в Двуречье Саргона, он был рожден в городе Ацупирани на берегу Евфрата жрицей, втайне от всех. Из тьмы веков доносится столь же типизированный рассказ могучего владыки: "Она положила меня в корзину из камыша, обмазала ее каменной смолой и опустила меня в большую реку, не поглотившую меня. Река понесла меня к Акки. Акки, водонос, по доброте души своей извлек меня из нее. Акки, водонос, как собственного сына воспитал он меня. Акки, водонос, своим садовником сделал он меня. Во время моей службы садовником Иштар полюбила меня, я стал царем и сорок пять лет царствую".

Таков мотив, кочующий от эпохи к эпохе, от народа к народу до истории Моисея и чудесного избавления младенца Иисуса от злоумышления царя Ирода. Сравнительно-аналитическая сетка, отсеивает все частное и несущественное в интересующем ученого материале. Между тем в отсеянном, быть может, оказывается как раз то, что необходимо для отработки контуров теории вероучений. В анализируемых примерах опускается то общее для многих из них, что можно было бы назвать чудом - чудесное известие, спасение, превращение - и что как раз нельзя игнорировать при построении концепции общего вероучения. Иное дело, позволяет ли этот признак (вера в чудо) либо какой-либо другой, отдельно взятый, дать характеристику сущности вероучения вообще, без учета гигантской амплитуды проявлений человеческой веры. Думается, возможен только отрицательный ответ, по крайней мере, для деистических и атеистических вероучений.

Сравнительно-аналитическая сетка, избирающая масштабом отбора какое-либо одно качество, действительно имеющее основополагающее место в некоторых вероучениях, концентрирует внимание на его мистическом смысле, но отнюдь не раскрывает общий смысл любой веры. Подобным качеством может быть вера в трансцендентное значение числа, цвета, формы, слова в их особое, понятное только посвященным значение. Вычленив его из множества других, мы находим порою поражающую воображение общность верований у самых разных народов, что может свидетельствовать либо об их взаимовлиянии в историческом процессе, либо об общности законов духовной жизни на пути постижения истины.

Так, почти пифагорейский восторг у самых неискушенных в таинствах теологии и мистики людей всегда вызывает единообразие истолкования некоторых цифр и их повторяемость во многих вероучениях. Это - 3, 7, 12. Так, в мифологии греков у Геи и Урана - 12 детей - титанов, Зевс возглавляет

сонм из 12 богов-олимпийцев. Он едет по божественному небосклону первым, а за ним, как пишет Платон в "Федре", следует воинство богов и демонов, выстроенное в одиннадцать рядов, только одна Гестия не покидает дома богов, а из остальных богов главные, что входят в число двенадцати, предводительствует каждый порученной ему ратью. Сын Зевса, могучий Геракл, совершил 12 предопределенных ему как искупление подвигов - победил Немейского льва и Лернейскую гидру, Стимфалийских птиц и Эриманфского кабана, Критского быка и Кербера, очистил Авгиевы конюшни, достал яблоки Гесперид и пояс Ипполиты, подоил коров Гериона.

В пустыне после перехода реки на патриарха еврейского народа Иакова напал ночью некто, но могучий пастух - скотовод придавил его к земле. Некто, оказавшийся Богом, вывернулся и провозгласил Иакова Израилем, т. е. богоборцем, защитившим своих двух жен - Лию и Рахиль и служанок жен - Баллу и Зелфу, всего родивших ему 12 детей, от которых и пошли 12 колен Израиля. Это - Рувим, Симеон, Левий, Иуда, Иссахар, Завулон, Иосиф, Вениамин, Дан, Неффалим, Гад, Ассир. И к этим коленам, рассеянным по миру, послал Христос своих 12 апостолов: Симона (Петра), его брата Андрея, Иакова Зеведеева и его брата Иоанна, Филиппа и Варфоломея, Фому и Матфея-мытаря, Иакова Алфеева и Леввея, прозванного Фаддеем, Симона Кананита и Иуду Искарота нести божественное слово, его учение. Православная церковь учредила 12 престольных праздников, 9 непреходящих: Рождества Богородицы, Воздвижения Креста Господня, Введение во Храм Пресвятой Богородицы, Рождество Христово, Богоявление Господне, Сретение Господне, Благовещение Пресвятой Богородицы, Преображение Господне, Успение Пресвятой Богородицы и 3 преходящих: Вход Господен в Иерусалим, Вознесение Господне, Святая Пятидесятница. В одной из самых поэтичных и загадочных частей Нового завета - в Откровении апостола Иоанна - упоминается Древо жизни, приносящее плоды 12 раз в год.

Ислам дает нам немалое число примеров использования как мистического, преисполненного тайного смысла числа двенадцать. Так, у Мухаммада, по преданию, было 12 ближайших сподвижников, единомышленников и его представителей - хавари. Аналогичные примеры можно привести и из сферы других вероучений. Но все же они носят локальный, а не универсальный характер для всех вероучений, а посему не раскрывают их всеобщую суть как явления духовной жизни.

Просматривая на мысленном компьютере сравнительно - аналитической сетки религиозные вероучения в узком смысле слова, пропускаешь через нее как несущественные для обнаружения их принципиального единства признаки, которые достаточно хорошо изучены как в теологической, так и в культурно-исторической литературе. Безусловно, например, что для многих религий характерны жертвоприношения как реальные, так и символические. Духовная, ритуальная, психологическая сущность жертвоприношений основательно изучена мировой (в то числе и теологической) наукой, что и дает мне основание отослать заинтересованного читателя к литературе вопроса. Приведу лишь тонкие замечания о природе жертвоприношений и их историческом преобразовании, высказанные Эрнестом Рена-ном в его сравнительно мало известном труде "Апостол Павел". Он пишет: "Для первобытного человека бог всемогущее существо, которое надо умили-

стивлять или соблазнять. Жертва проистекает от страха или интереса. Чтобы подкупить бога, ему предлагали подарок, способный его тронуть, хороший кусок мяса, смачного жира, чашу с о м ы или вина. Моровые язвы, болезни считались ударами разгневанного божества; воображали, что подставив какое-нибудь другое лицо на место возбудившего гнев, отвратят этим ярость верховного существа, соображали, что может быть даже бог удовольствуется животным, если оно хорошо, полезно и невинно. О боге судили как о своих господах и, как в настоящее время (напомню, что Э. Ренан писал в XIX веке, даже не помышляя о тех переменах, которые произойдут в психологии освободившихся от колониальной зависимости народов в наш бурный, революционный век - В.Р.) в некоторых областях Востока и Африки, туземец рассчитывает заслужить милость иностранца, убивая у его ног барана, кровь которого орошает его сапоги, а мясо послужит ему пищей, так точно предполагали, что сверхъестественное существо должно быть чувствительно к приношению, особенно, если, делая это приношение, человек лишился чего-нибудь. До великого преобразования пророчества в VIII веке до Р. Х. идея жертвы у израэлитов была немногим выше той же идеи у других народов. Новая эра начинается с Исаяи, который восклицает от имени Иеговы: "Ваши жертвы отвратительны для меня, на что мне ваши козы и козлы".

Есть немало религий, отрицающих жертвоприношение, даже символическое, характерное и для иудаизма, и для христианства, и для ислама, ибо для них сама жизнь является высшей ценностью, предметом поклонения и обожествления. В силу аналогичных причин деистические и атеистические вероучения также отрицают (по крайней мере - в принципе) жертвоприношения в системе своих таинств. Короче, жертвоприношения нельзя считать необходимым атрибутом сравнительного вероучения.

Подмечено, что многие виды религий, основанные на двойном символизме, связаны с почитанием всевозможного рода идолов как знаков высших, потусторонних, неведомых сил. Идолом может быть и дерево, наделенное по убеждению верующих таинственной духовной силой, открывающей «своему» племени, и каменный столб с намеками на некий чудесный образ (человека или зверя), обладающий таинственной спасительной силой, и созданный на основе агглютинации кумир преклонения для той или иной человеческой группы. Чтобы показать презрение к «неистинным» религиям, пришедшие им на смену так называемые мировые религии отрицают идолов, «истуканов», «болванов», провозглашая таковыми изображения ложных, с их точки зрения, богов. Более того они оформляются пророками в процессе борьбы с идолопоклонством народа, с язычеством как принятой ранее этносом, народом ("языком") религией.

Не буду в этой связи приводить факты из истории религий, которые основательно и многопланово изучены в этнографии, фольклористике, культурной антропологии, религиоведении и фундаментальных работах теологов разных конфессий. Заинтересованный читатель при том обилии литературы вопроса, которая ныне общедоступна, легко найдет их в индивидуальном поиске. Напомню лишь о непрерывной, изнурительной и тщетной борьбе Моисея, выведившего народ Израиля из египетского плена в землю обетованную, с идолами, которые вновь и вновь становились, предметом поклонения толп, нарушавших Завет (договор) с Богом Аналогичной по драматиз-

му была и битва с идолопоклонством христиан, трактовавших Книги Нового завета как прямое указание на необходимость борьбы с идолами - антропоморфными и прекрасными по совершенству изображениями многочисленных Богов античного пантеона, уничтожавшихся ими с поражающей воображение безжалостностью, и далее с "кумирами" многих великих цивилизаций (ацтеков, инков, ольмеков, майя, африканских народов), навсегда утерянными для духовного развития человечества, для Мирового разума. Не будем судить-этот вандализм, ибо он пребудет таковым во веки веков, да и мы, "просвещенные" не избежали его в XX веке

Нередко в борьбе с идолами и их обителями происходит весьма любопытный отсев, позволяющий расширить сферу преемственности вероучения, взять многое из прошлого и вполне рационального для новой религии опыта. Так, главная святыня ислама - Кааба, воздвигнутая по преданию Измаилом (Исмаилом), изгнанным его отцом Авраамом (Ибрагимом) , вместе с матерью египтянкой Агарью в пустыню после чудесного рождения престарелой женой пророка Саррой сына Исаака, одного из предков народа израильского. На этом месте близ Мекки ранее уже был алтарь, спущенный Богом с неба и около которого нашли приют после двухсот лет скитаний по Земле Адам и Ева. Вознесенный на небо, алтарь этот был возобновлен сыном Адама и Евы - Сифом, прародителем рода человеческого по Библии, но смыт затем великим потопом. Кааба, воссозданная Измаилом при помощи Авраама, была заполнена идолами многих племен, заселявших в ту пору Аравийской полуостров. Став святыней ислама, уже во времена Мухаммада она была очищена от них, а предметом всех правоверных мусульман стал камень Каабы, абстрактный символ веры в единого бога - Аллаха.

Итак, идолопоклонство опять - таки не универсальный признак, который способен открыть путь к сравнительному вероучению , к типологическому в нем. В равной мере этому не способствуют и другие логические схемы, также имеющие на поверку локальный, присущий конкретной, пусть даже мировой религии, характер. Наиболее распространенная из них - убеждение в том, что религия как высшее выражение и проявление веры обязательно необходимо связана с признанием единого бога, творца всею сущего и таинственной причины всего происходящего в прошлом, настоящем и будущем. Эту теологическую иллюзию монотеизма опровергает факт существования широко распространенных религий, основанных на многобожии, иначе говоря - политеистических. Между ними нет жестко зафиксированного различия: в монотеистических религиях отчетливо проступают рудименты политеизма, свидетельствующие о сложном переплетении духовных концепций источника бытия и его перспектив, в политеистических же в сонме богов есть один , ведущий, прародитель всего сущего типа Кришны либо Хроноса. Но даже если стать на позицию монотеизма либо политеизма, подойти к сравнительному вероучению не удастся, ибо вне нашего поля зрения окажутся такие глобальные по своему значению системы веры, как деизм, признающий принципиально равное значение творца и природы, действующей по собственным, ей присущим законам, равно как и атеизм, развивающий систему вероучения на отрицании бога, творца и акта творения. Между тем и деизм, и атеизм, имеющие богатейшие исторические традиции в жизни всех народов, могут способствовать становлению общего вероучения при использо-

вании сравнительно-аналитической сетки для выделения универсальных признаков любого типа веры как проявления духовной жизни человека, его представлений об истине.

Другой логической схемой, обычно признаваемой всеобщей для религии, является обязательность триады : бог - пророк - апостол. Что касается универсального значения бога как первотворца и первопричины всего сущего в любом вероучении, еще раз повторю - оно не подтверждается генезисом человеческой культуры, историей духовных исканий истины всеми племенами и народами, прошумевшими по Земле. Многие великие вероучения базируются на откровенном атеизме и вместе с тем включены вполне органично в эту историю.

Сложнее с пророком как глашатаем духовной истины, откровений веры. Боговдохновенный, он несет ее людям, рождая устную либо письменную традицию. Историческая критика религии в прошлом сомневалась в их реальном существовании, полагая их продуктами мифотворчества либо легендарного образного мышления, а Книги, почитаемые всеми посвященными и верующими, полагала результатом коллективной фольклорной деятельности многих поколений. Напомню справедливости ради, что эта же историческая критика древние мифы также трактовала как плод коллективной образной фантазии, пока великие археологи нового времени типа Шлимана раскопками не доказали их истинность. Исследователи истории культуры, в том числе, и крупнейшие авторитеты истории религии как ее важнейшей составной части уже дали миру неопровержимые доказательства реального существования пророков, оказавшихся как бы посредниками между богом и людьми, носителями Слова, истинной веры.

Здесь нам в процессе изложения проблемы опять - таки поможет мудрый В. Даль, вскрывавший глубочайший историко- культурный смысл в любом слове русского языка. Пророка он определяет как человека, которому ниспослан свыше дар провидения, или прямой дар бессознательного, но верного прорицания, озаренный Богом провозвестник, кому дано откровение будущего. Дар прорицания вообще удел талантливому, многоопытному человека, тонко чувствующего гармонию мироздания и его катаклизмы, активно адсорбирующего в копилке подсознания все данные опыта, все сведения и впечатления. Его предвидения поэтому - результат той безграничной и еще не осознаваемой нами прогностической мощи человеческого духа, его интеллекта, эмоций, веры, которая способствует прорицанию как приоткрытию завесы времени. Загадочный Нострадамус, органически сочетавший в себе завоевания иудейской и христианской культуры, высказывавшийся порою весьма хитроумно - неопределенно, вместе с тем смог предугадать некоторые отдаленные события, чем поверг в недоумение и современников, и потомков. Лавры Нострадамуса как прорицателя до сих пор не дают покоя многим весьма посредственным и по духовной потенции, и по результатам "провидения" прорицателям обоего пола, буквально заполонивших и средства электронной информации, и печать, и даже индустрию рекламы. Но многие вероучения задолго до Нострадамуса знали подлинных прорицателей в той или иной системе вероучений. Напомню читателю о прорицательстве жрецов Древнего Египта, о дельфийском оракуле в Древней Греции, о

гаруспиках в античном Риме, толковавших о будущем по внутренностям животных.

Пророк - не прорицатель; он призван Богом "глаголом жечь сердца людей". Его пророчества - судьбоносны для цивилизации, которую он предвещает, для судеб миллионов и миллионов обездоленных, которым он несет и луч надежды, и успокоительные иллюзии, а самое главное - новые нормы Бытия. Историческая критика Пророков колеблется от простого отрицания их существования до выявления несообразностей и противоречий в их биографии, от попыток опровержения их авторства в творении того или иного Слова, признаваемого миллионами и веками до выявления многослойности дошедшего до нас текста. Не следует отвергать эту критику, если даже она принимает крайние формы, ибо ее результатом в итоге оказывается более корректное и обоснованное представление о той или иной великой Книге как о документе всемирно-исторического культурного значения. Отрицая реальность Пророка, историческая критика побуждает и археологов, и теологов, равно как и представителей многих смежных дисциплин к более тщательным поискам. Так была вновь открыта известная всем буддистам урна с прахом реального Будды, найдено место пещеры глинистого холма, в котором юная Янь Чжи родила от престарелого военачальника Шу Лянхе на каменной плите, которая также найдена, будущего Кун Цзы (Конфуция). В Мекке и Медине любому туристу с охотой покажут исторические места, связанные с жизнедеятельностью Мухаммада (о которой рассказали в хадисах его святые для правоверных сподвижники, отобранных и обобщенных впоследствии, в X веке, в *сунну* - священное предание мусульман), а в Иерусалиме - и руины великого иудейского храма, воссозданного некогда во всем великолепии царем Давидом, предком Иосифа - мужа Богоматери. Оспаривая авторство великих Книг, существующих тысячелетия, историческая критика весьма продуктивно помогала текстологическим изысканиям теологов и лингвистов, делающих все возможное для отработки действительно канонического текста, свободного от последующих по времени вставок и редактуры и одобряемого той или иной конфессией. Впрочем, не грех напомнить, что даже в новое время оспаривается авторство Шекспира, идет спор об Оссиане и Макферсоне и т.д.

Не буду в этой связи затрагивать такую щекотливую тему, как реальность исторического Христа, ибо он для правоверных христиан - не пророк, но Сын Божий единосущный, т.е. ипостась единого бога в Святой Троице (Бог-отец, Бог-сын и Бог-святая душа). Он пророк лишь для представителей еретических, с точки зрения ортодоксальной церкви, учений, а также мусульман. Мухаммад всегда подчеркивал свою роль как последнего из пророков в их непрерывном ряду ("И Мухаммад - только посланник, до которого были посланники...". Сура Семейство Имрана. 138/144), в который он включал, наряду с Адамом, Моисеем, Авраамом, Исааком и Христа. Но - только как пророка: "О обладатели писания! Не излишествуйте в вашей религии и не говорите против Аллаха ничего, кроме истины. Ведь Мессия, Иса, сын Марьям, - только посланник Аллаха и Его слово, которое Он бросил Марьям, и дух Его. Веруйте же в Аллаха и Его посланников и не говорите - три! Удержитесь, это - лучшее для вас. Поистине, Аллах - только единый бог. Достохвальнее Он того, чтобы у Него был ребенок. Ему - то, что в небесах, и то,

что на земле. Довольно Аллаха как поручителя! (Сура Женщины. 169/171). Но отмечу - нет и сколь-либо убедительных доказательств нереальности Христа!

Великие Книги человечества, являющиеся Словом, донесенным до нас благодаря гению пророков, запечатлели в себе (в отличие от столь же значимых для человечества священных Книг, порожденных тысячелетним коллективным пророческим опытом народа, таких, как Веды и Ветхий завет) запечатлели в себе облик великих людей, поэтов, философов, политиков, их индивидуальные судьбы. Принц Сидхартка, называемый порою по роду Гаутама, пребывавший до 29 лет в полном изобилии и роскоши, которому прислуживали 40.000 прекрасных танцовщиц и к услугам которого было еще 84.000 женщин, однажды вопреки запрету царственных родителей вышел за стены замка и сразу же столкнулся с безобразным, морщинистым и больным стариком. Не поверив, что и ему суждено такое неизбежное будущее, он спешно вернулся к себе в хоромы. Там в полумраке ночного гарема он увидел своих прекрасных танцовщиц, которые во сне скрежетали зубами и отвратительно храпели, из открытых, обезображенных дремотой ртов многих из них текли слюни, обнаженные тела оказались бесформенными глыбами человеческого мяса, полутрупам. Гаутама понял, что он пребывал во власти темноты вследствие молодости, вследствие здоровья, вследствие жизни, забыв об истине неизбежности старения, болезней и смерти. И он, просветленный, (Будда в переводе и означает "пробужденный", просветленный), ушел, взяв с собою по велению архангела Гхатикары восемь предметов - три части одежды и пояс, горшок для милостыни, бритву, иглу и ситечко для отфильтровывания воды (все это и поныне - обязательные атрибуты буддистского монаха). Ушел, подвергнув себя многолетней аскезе и переходя затем от одной ступени познания к другой, освоив йогу с ее техникой созерцания и атеистическую философию Самкхья с ее отвлеченной концепцией истинного познания. К тому времени, когда он произнес первую, Бенисаретскую проповедь, он уже был уникально образованным человеком, немало испытавшим на жизненном пути, способным к философским по масштабу и прогностической силе обобщениям. Будда их и дал, прежде всего - в классической формуле буддизма "пратитьясамутпада", трактующей о детерминизме бытия, которое реализуется только как существование. Она гласит: "Из незнания возникают скрытые впечатления; из скрытых впечатлений возникает мыслительная субстанция, из мыслительной субстанции возникают имя и форма, из имени и формы возникают шесть органов, из шести органов возникает соприкосновение, из соприкосновения возникает ощущение; из ощущения возникает жажда: из жажды возникает привязанность; из привязанности возникает образование; из образования возникает рождение; из рождения возникает старость и смерть, боль и жалобы, страдание, скорбь и отчаяние. Таково возникновение целого царства страдания".

С подлинно эстетическим изяществом Будда развил из "пратитьясамутпада" вероучение о бытии как вечном образовании или о пяти "скандха" - первоэлементах бытия: телесное, впечатление, ощущение, самскара - проявления человеческого духа, такие его свойства, как жадность, ненависть, ревность, стыд и т.д. (всего до пятидесяти двух!), и видьяжняна - восемьдесят девять отделов учения о познавательных силах духа, о хорошем и дос-

тойном или нехорошем и недостойном в мыслях и делах. Человек в потоке образования как носитель вечно изменяющейся души - бессмертен. Он может достичь нирваны - погашения пламени желаний.

"Трипитака" ("Тройная корзина") сконцентрировавшая в себе духовные искания Будды, всем содержанием своим воссоздает в воображении поколений, в направленности исканий его апостолов и бесчисленных комментаторов образ пророка, задумавшегося о бесценности жизни и ее вечности в безграничных формах, о необходимости осознания человеком пути к уничтожению страдания. В любом из сводов т.н. южного текста Книги буддизма и в "Винайпитака" ("Корзина дисциплины") и в "Суттапитака" ("Корзина проповедей"), и в "Абхидхаммапитака" ("Корзина метафизики") выражается уникальность, неповторимость автора как пророка, что косвенно еще раз подтверждает его реальность.

Существование пророков - неоспоримый факт человеческой истории и, наверное, их появление в процессе драматических исканий нашего духа, страждущего и мятущегося, знаменует нечто общее для всех вероучений, что и является предметом моих раздумий. И все же, безотносительно к стилю и форме того, что стало впоследствии Священным писанием для верующих (а ее амплитуда - от выражения общечеловеческих этических заповедей до сложнейших умозрительных, философских построений), где навсегда запечатлен их индивидуальный образ, все пророки - творцы мировых религий, но отличные от прорицателей, творивших до них и параллельно с ними не менее значимые вероучения.

Несопоставимы они также и с гениальными *провидцами*, сумевшими на основе строжайшего и достоверного научного анализа либо художественных прозрений с общечеловеческих позиций оценить прошлое рода людского и открыть перед ним перспективу движения в будущее, создавая также не религии в каноничном значении термина, но мировые вероучения.

Полагаю, что уместно в этой связи еще и еще раз сказать о величайшем творении человеческой мысли XX века - о "Капитале" К. Маркса. Он и его вероучение не нуждается в защите - вера потому и вера, что, раз возникнув, она практически неискоренима ни теоретически, всеми логическими опровержениями, ни практически, даже путем физического уничтожения ее сторонников. А уж в этом отношении ни одно вероучение не может быть поставлено в один ряд с марксизмом! Куда там Варфоломеевская ночь или абсурдная, бессмысленная многовековая резня христиан и мусульман. Относительно недавно, после переворота, в Индонезии было уничтожено более двух с половиной миллионов коммунистов! Едва ли меньшее количество коммунистов физически истреблялось в других уголках планеты - за их веру в социальную справедливость на земле, в возможность реального равенства и братства всех. Кстати, ни один из присвоивших себе уважаемое звание правозащитника не проронил ни слова в связи с этим актом глобального, тоталитарного вандализма. Как и ранее, когда все силы реакции были сконцентрированы на одном - на фактическом массовом уничтожении сотен миллионов людей только потому, что они видят в идеях К. Маркса луч надежды и путь к избавлению от страданий, нищеты, обездоленности. Слово гениального провидца, перед глазами которого приоткрывается завеса будущего! А не пора ли задуматься, почему ни суперсовременная машина смер-

ти в руках буржуазной демократии, ни столь же суперсовременная машина идеологической борьбы с коммунизмом практически не искоренила его сторонников? Не пора ли по - новому взглянуть на пророчества К. Маркса, который не только дал уникальный по достоверности и теоретической глубине анализ капитализма XX века (кстати, тем самым не в малой степени способствуя его модернизации), но и показал, что борьба миллионов за свободу и социальную справедливость будет продолжаться и тогда, когда капитализм претерпит универсальную метаморфозу благодаря великой революции в сфере производительных сил, когда власть имущие смогут более масштабно и спокойно манипулировать экономическими уступками, продолжая считать народ - бессловесным и покорным (пусть и сытым) быдлом.

Итак, если вероучения создаются не только пророками, но и прорицателями, и провидцами, и коллективным духовным творчеством народов, само собой отпадает предположение о достаточности триады бог - пророк - апостол как основы сравнительно-аналитической сетки. Я не даю развернутого анализа последнего члена этой триады - апостола, т. е. посланника с особым поручением, ибо без первых двух членов и вне координации с ними само понятие "апостол" приобретает переносный либо иносказательный смысл.

Сравнительно-аналитическая сетка, отбирающая "отсеивающая" не всеобщие, универсальные признаки веры, но задерживающая ее частные и исторически обусловленные характеристики, в самой основе ошибочна. Нужен иной, более конструктивный подход, основанный не на локальных признаках тех или иных вероучений, но на общетеоретическом понимании их сути, их глубинной общности. Здесь исторически апробированы два возможных пути - рассмотрение проблемы "изнутри" и "извне" теология: как богословие, как учение о творце, а не только как система догм, то есть положений, принимаемых всеми на веру в одной и той же интерпретации и научное религиоведение, конструируемое на основе комплекса современных научных дисциплин. Но ни один из этих подходов не подведет нас к основаниям общей теории вероучения.

Теология, сколь универсально и многопланово она не была бы разработана (а для некоторых религий характерен именно такой энциклопедический подход, порождающий и удивительную по изощренности и продуманности теорию, и впечатляющий масштаб литературы вопроса, освоить которую современному человечеству просто не по силам) по неизбежности есть трактовка одного, конкретного вероучения, порою принципиально несопоставимого с другими.

Христианское учение о Боге-творце, о Святой Троице, о человеческом единении во Христе - спасителе, изложенное в Новом завете, отлично и притом весьма существенно от конфуцианства, великого морального вероучения китайской цивилизации, ставшего основой многовековой и стабильной государственности. Если Христос заповедывал людям любовь, то Кун Фу - цзы (Конфуций, Кун -Цзы), собравший и переработавший пять великих классических произведений древности в таких сочинениях, как Книга весны и Осени (летопись Чуныцю), Великое учение и Учение о середине, подаривший миру Книгу китайской цивилизации - "Лунь юй" утверждал как предмет веры соответствующие законам природы и разумному общественному уст-

ройству непреходящие добродетели: мудрость, гуманность, верность, почитание старших, смелость. Слова Христа для верующих есть Слово Божие, а Слово Конфуция слово посредника между велением неба и людьми. "Не познав велений неба,- говорит-он, -нельзя стать благородным мужем, не познав Правил, нельзя стать полноценным человеком, не познав сути Слова, нельзя познать и человека". К этой гениальной мысли я вернусь еще не один раз.

Ислам (в буквальном смысле слова - предание себя богу), созданный гениальным пророком и поэтом Мухаммадом, признает лишь единого Бога Аллаха (от древнесемитского Эло-ах - единственное число от Эло-гим или д в а бога в Ветхом завете). Вобравший в себя и иудейские традиции (вспомним, что мать Мухаммада исповедывала иудаизм), и теологическую концепцию Сергия в несторианском монастыре, утверждавшую, что у Христа две сути - божественная и человеческая, Коран, созданный Мухаммадом, породил разветвленную теологию, с позиций которой любое вероучение иного толка ересь, достояние неверных, отступление от "истинного знания". Как бы ни разнились интерпретаторы Корана, какие бы ответвления ислама они не развивали, их объединяет эта позиция, сформулированная в Суре Корова : "Нет принуждения в религии. Уже ясно отличился прямой путь от заблуждения. Кто не верует в идолопоклонство и верует в Аллаха, тот ухватился за надежную опору, для которой нет сокрушения. Поистине Аллах - слышащий, знающий! (257/256)". Само собой разумеется, исламская теология несопоставима с теориями других религий, признающих единого и всесильного Бога, например, подобно буддизму и его теории, провозглашающих, что нет бытия, но есть лишь вечно образование и движение душевных форм, что нет вечной души со всеми вытекающими отсюда для верующего последствиями, но есть лишь масса вечно развивающихся элементов. Путь Аллаха есть настоящий путь, провозглашает Коран, в который не веруют ни иудеи. ни христиане, а уж тем более язычники - иноверцы. И трактовка этого пути мудрыми исламскими теологами в корне отлична от трактовки буддистской теорией пути, открытым Буддой в его знаменитой Бенисаретской проповеди. Для буддистов с той поры путь к истине - признание страдания, причины страдания, состояние освобождения от страдания и восьмеричного благородного пути к избавлению от страдания, предполагающего правильное понимание причин, правильное мышление, правильную речь, правильное действие, правильный труд, правильное воспоминание и самодисциплина, правильная концентрация и как итог - достижение Нирваны как погашения огня вождения.

Очевидно в этой связи, что теология как теория конкретной религии, дающая нам уникальный историко - культурный и этнографический материал, не может быть фундаментальной базой сравнительного вероучения, но лишь серьезным источником конструктивных обобщений для его отработки. В равной мере тезис этот правомерен и по отношению к научному религиоведению, стремящемуся "извне" интерпретировать "религию вообще" как некоторую духовную реальность, подлежащую исследованию чисто логически на основе исходной операционной установки того или иного ученого. В обобщающей статье Дугласа Дэвиса "Изучение религии", опубликованной в справочном издании "Религии мира", дана точная схематика таких устано-

вок: редукционизм или попытка объяснить религиозный опыт в терминах одной общей теории (напр., К. Маркс - в свете экономической теории; Ч. Дарвин - в свете теории эволюции; З.Фрейд - в аспекте его сексуальной теории; представители культурной антропологии - как выражение сложной структуры социально значимых идей), социология как наука об общих законах общественной жизни человека, ее причинах и динамике (Эмиль Дюркгейм в его классическом труде "Элементарные формы религиозной жизни", впервые показавший вслед за Л. Фейербахом с позиций общей социологии, что религии представляют собой по содержанию нечто весьма значимое для человека, а не просто самообман, иллюзию, Макс Вебер, который в книге "Протестантская этика и дух капитализма" постарался доказать, что христианская, точнее - кальвинистская идея о предопределении привела верующих к правильному, практически значимому выбору разумной жизни, при которой коммерция и промышленность получили оптимальные условия развития); психология как наука об общих законах духовной жизни человека (У. Джеймс в книге "Многообразие религиозного опыта", полагающий значимость религии в ее влиянии на обретение людьми уверенности в себе, в утверждении правильных представлений о себе и окружающем мире). Безусловно, религиозоведческий подход, интерпретирующий и генезис религиозного сознания, и его ценность в человеческой жизни, равно как и соотношение реального и идеального в нем, должен учитываться в сравнительном вероучении, хотя многообразие теоретических подходов к религии, практически почти безграничное, по неизбежности уводит нас от постижения веры как особого пути постижения истины. По-видимому, нужен иной, более конструктивный подход, основанный не на локальных признаках отдельных вероучений, равно как не на интерпретации религиозного опыта с позиций разных научных дисциплин, но на основе универсального общетеоретического истолкования их сути, их глубинной общности. Его наметил в свое время К. Маркс, приступивший к выработке великого атеистического вероучения на базе коммунистической идеи. Он и дал вполне операционное истолкование религии с позиций алетеологии как синтеза взглядов "извне" и "изнутри" веры : "Религия есть общая теория этого мира, его энциклопедический компендиум, его логика в популярной форме, его спиритуалистический point d'honneur, его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное восполнение, его всеобщее основание для утешения и оправдания".

Признав религию и шире - вероучение в любой из его исторических форм общей теорией мира, мы лишь еще раз подчеркиваем многоплановость истины, возможность истины веры, которая и служит человеку основанием для утешения и оправдания, а точнее - для осознания всех sacramентальных вопросов его бытия, его необходимости, его оправданности, его перспективности как составляющей этого же мира. Отсюда вытекает целый ряд взаимосвязанных выводов, которые позволяют рассматривать всю сферу веры не как заблуждение или сферу незнания, но, напротив, как необходимую предпосылку выживания человека в загадочном и непостижимом Космосе, как духовный компас на пути в никуда. Действительно, трудно предположить, что человечество на всем историческом пути уделяет столь значительное внимание вероучениям в их бесчисленных по многообразию и эстетическому изыску формах, если они бесполезны и бесцельны, не помо-

гают миллионам и миллионам людей продолжать непрерывное и полное испытаний и невзгод, потерь движение к predetermined цели. А если в вероучениях есть явный и скрытый от непосвященных смысл, если они синтезируют не только опыт веры, но и способы укрепления в ней ищущих и страждущих, то бесспорен их социально - педагогический эффект, познание которого и является моей сверхзадачей. От сказки и мифа до стройной религиозной концепции великого, то есть, признаваемого миллионами вероучения пролегает та магистраль, которая и есть движение мятущегося человеческого духа, раздираемого вечным противоборством добра и зла, возвышенных надежд и безграничного отчаяния. Гениальные мудрецы рода человеческого и его эстетические выразители вместе с творцами и апостолами веры в конечном счете, невзирая на трагические конфликты и противоборства, вместе идут к отработке такого цельного, энциклопедически выверенного умения смотреть на мир (а теория в переводе и означает смотреть!), без которого все дальнейшее существование человечества уже скоро окажется под вопросом. Поразительно, что именно эта божественная по значимости для нас, земных и одухотворенных существ, простая и столь трудно принимаемая мысль была блистательно выражена уже Данте Алигьери в "Божественной комедии", которую я бы осмелился назвать первым в истории опытом оценки добра и зла с позиций общей теории мира и его прогнозируемого будущего. И еще - из всего сказанного вытекает необходимость и своевременность использования той сравнительно-аналитической сетки в подходе к тончайшим явлениям духа человеческого, о которой я уже говорил.

В трактовке религии (в моем, более широком понимании вероучения) как общей теории, а точнее - общей концепции бытия выявляется возможность подлинно универсального подхода к отработке сравнительно аналитической сетки, наложение которой на весь многокрасочный, поистине безграничный опыт истории вероучений позволит с одной стороны, избежать неизбежной поверхностности, дилетантизма при характеристике их своеобразия, их неповторимой сущности, а с другой - недопустимой ошибки сравнения несравнимого, всегда ведущей к трагическим по последствиям межконфессиональным спорам об истинности той или иной системы религиозных координат (догматов, таинств, организации). Вспомним, что нет ни одного вероучения, ортодоксального или еретического, которое не претендовало бы на истину, не провозглашало бы свою абсолютную монополию на обладание ею. Нет ни одного вероучителя, который не выступал бы с утверждением о достоверности разработанной им интерпретации бытия, мира и человека в нем. Я абстрагируюсь от сравнительного анализа подобных утверждений, ибо он по необходимости переведет нас из плоскости веры в систему координат науки, знания, и соответственно побудит к исторической критике вероучений, которая никогда и ни в чем не убедит верующих. Моя исходная позиция - признание достоверности многообразных вероучений как выражения общей концепций бытия, мира и человека в нем.

Предвижу возражение: но ведь подобную задачу исторически решает и философ, тот самый любитель мудрости, который повсеместно появился где-то в период X-У веков до нашей эры (по условному христианскому исчислению). Появился тогда, когда по логике саморазвития человеческого духа разрушилось синкретичное единство знания, эмоций, веры, характерное

для стадии магического сознания. На целостное миропредставление, на полную истину о нем стали претендовать наука, искусства и вероучение, обогащая своими реальными открытиями общечеловеческий опыт. Философ, первоначально представлявший всю сферу науки, вызвал к жизни ядерную реакцию дифференцированного знания, по неизбежности приведшую к исчерпанности самой философии, к ее катастрофическому кризису, который в европейской культуре связан с именем Канта, к размыванию науки мудрости мощным потоком современных, предельно атомизированных по содержанию, методам и технологиям исследований конкретных наук. Философия в тот же период переросла **в новое вероучение**, где упорно трудились такие его титаны, как Гегель, Маркс, Бергсон, Ницше, Хейдеггер и Ясперс.

Кстати, и художник, изначально отмежевываясь себе (опять-таки после отхода от синкретичного осознания мира) сферу образного постижения сущности миропорядка и взаимопереплетения с ним человеческих судеб, достиг к началу XIX века того предела творческих решений, за которым начинается прорыв от телесного - к духовному, от индивидуальных фактов жизненного опыта к открытию тайн мироздания, к осознанию своей миссии их провозвестника. Путь, проложенный исторически искусством, породил Л.Н.Толстого, мессию нашего времени, мыслителя, художника, вероучителя в одном лице, творчество которого опять-таки сродни новому вероучению как общей концепции бытия.

Рассматривая всю динамику духовного сознания безотносительно к трем его основным формам сквозь призму общей концепции бытия, мы сможем выделить то общее и характерное для сущности любого вероучения, что проявляется не только в "язычестве" и в великих религиях, но и в художественной сфере, все активнее (подобно философии, исчерпавшей свои исторические претензии на научность) перерастающей в вероучение. Таков предварительный, но необходимый шаг на пути создания сравнительного вероучения. В самом деле, если мы отвлечемся от многообразия исторических форм философии, мы проигнорируем факт существования вероучений (в том числе, и великих, овладевших сознанием сотен и сотен миллионов) в ряду этих форм. При подобном подходе вне нашего поля зрения могут оказаться буддизм и конфуцианство, даосизм и мистические учения разных эпох и народов, равно как и коммунистическая утопия.

Постулировав таким образом доминантное направление исследования, мы получаем возможность выявить скрытые в нем изначала векторы в совокупности и дающие нам ту сравнительно -аналитическую сетку, которая открывает возможность вычленения того общего во всех без исключения вероучениях, что дает основание для создания сравнительного вероучения.

Первый вектор - *бытие и ничто*. В соответствии с разрабатываемой мною философской концепцией мemento-моризма наивысшей достоверностью является представление о небытии, которое тревожно сопровождает каждого человека с момента его появления на свет до фатально неизбежного исчезновения, до смерти. Страх, да именно пещерный, первобытный страх впервые затеплившегося сознания перед ничто в ближайшем и неотвратимом будущем побуждает уверовать в бытие и его обоснованность, в существование, какой-то особой, сверхприродной причины его возникнове-

ния и развития. Страх порождает креацинизм, представление о сотворении, которое, как я постараюсь доказать далее, сближает веру и философию в гораздо большей степени, чем о том думают даже атеистически настроенные люди.

Второй вектор, в той же мере рожденный паническим предощущением индивидуального исчезновения в абсолютном ничто, приоткрывающий завесу надежды на спасение - *смысл бытия*. Жизнь человека предопределена изначально причинной зависимостью во всех отношениях, приучающей человека открывать смысл в любых проявлениях бытия, даже - в его алогичности. Смысл бытия пытается открыть наука, проникающая в его глубины, но дающая лишь частные, практикой предопределенные абстрактные ответы, ориентирующие многоплановую деятельность человека, но не вскрывающие ее универсальную цель. Искусство как высшее постижение истины в эмоциональной сфере создает иллюзорный мир, идеальную конструкцию совершенства, в соотношении с которой оценивается достойное, то есть наполненное смыслом существование наше в этом мире. Идеал, претендующий на решение сакраментального вопроса о смысле бытия, оказывается фантомом, который, подобно огонькам Святого Эльфа манит нас в неведомое по зыбкой колее. Но жить без смысла значит умирать. Вера исключает такую жизнь, дает или возвращает ей смысл. Она избавляет человека и человечество от страха перед предопределенным изначально ничто. Она - всеобщий признак любого из верований безотносительно к теистической, деистической либо атеистической их форме.

Третий вектор, опять-таки не являющийся существенным, определяющим ни для логической, ни для эмоциональной формы постижения истины бытия во всем его драматизме и конечной безысходности - *его перспективы*. Науке неведомы как истоки бытия, так и его перспективы, и все ее теоретические построения на этот счет оказываются лишь предметом веры ученых, но отнюдь не могут быть развернуты в систему обоснованных доказательств, которые способна подтвердить либо опровергнуть практика. Эмоциональные же представления, (и прежде всего в художественно-образной форме) о перспективах бытия всегда на поверку оказываются вторичными по отношению к тем верованиям, которые господствуют в душах людей и определяют их отношение к личному и всечеловеческому будущему. Верование же всегда и в любой его исторической ипостаси, в любом проявлении базируется на вере в перспективу бытия безотносительно к нравственно - духовным, поведенческим выводам, к которым ведут подобные проявления. Верование по самой своей сути возвращает человеку надежду на спасение от леденящего сердце ужаса неизбежного вроде бы по природным законам небытия.

И, наконец, четвертый вектор - *нормы бытия*. Духовное сознание в любой из его универсальных форм (знаний, эмоций, веры), решая глобальные для рода человеческого загадки бытия и его соотношения с небытием, пытаясь выявить его смысл и сколь-либо утешающие перспективы, не только предопределяет все поведение человека, его волю к деятельности, но и постулирует те изначальные нормы бытия, с которыми должен соотноситься человек. Этот вектор открывает путь к практическому, неистребимому в любой ситуации усвоению спектра норм поведения

(поразительного как по богатству структуры, так и по историческому и этническому своеобразию), равно как и к определению трансповеденческих норм, общих для наступившей цивилизации Озарения, к анализу которых я и подошел по логике исследования.

Своеобразие предлагаемой мною сравнительно-аналитической сетки, построенной на базе векторов бытия - ее дедуктивная природа. Полагая основополагающим принципом рассмотрения всего спектра вероучений общую теорию духовного мира человека, мы тем самым как бы обходим чрезмерно мелкую сетку, основанную на тех или иных локальных признаках веры, вызывающих к жизни ее конкретную и неповторимую форму и предпринимаем попытку обосновать гипотезу реального существования векторов бытия. Проверка же умозрительной гипотезы осуществляется лишь на основе доказательства универсальности избранных векторов для всей системы вероучений. Тем самым она побуждает к более основательному и корректному рассмотрению сравниваемых вероучений. Существенно и то, что векторная сравнительно-аналитическая сетка не противопоставляет принципы и догматы одной веры основополаганиям другой, более того, не пытается подменить их общим для всех и вся вероучением, что крайне опасно в такой тонкой и взрывоопасной сфере духа человеческого.

Безотносительно к личным убеждениям, нельзя не согласиться с Иоанном, Митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским, показавшим, к чему приводят попытки создания общего вероучения или метарелигии. В соответствии со своими теологическими убеждениями, он отмечал: "Под какими только личинами не скрывались "предтечи антихриста", "строители мирового сообщества", основатели экуменических движений, приверженцы "всеобщих мировых вероучений" и тому подобных богоборческих начинаний. Все шло в дело - еретические секты средневековья, псевдомонашеские ордена времен крестовых походов, литературные чтения и философские кружки эпохи Просвещения, научные ассоциации и масонские ложи нашего космического века с удивительным единодушием выполняли кропотливую работу по разрушению христианского мироощущения и национальной государственности. Отпавший от благодати Божией католический Запад первым испытал на себе мощь этого натиска. Ныне на наших глазах завершается один из последних актов этой грандиозной исторической драмы. Западный мир, хвастливо именующий себя "цивилизованным" и кичащийся многовековой христианской культурой, на деле являет собой жуткое зрелище тупого, животного равнодушия к вопросам истинно духовной жизни". Не полемизируя с ним по вопросам, относящимся к характеру исторических оценок, не могу не признать прозорливость митрополита Иоанна в отношении разрушительных последствий любых попыток подменить ортодоксальную веру "общим вероучением". На поверку в трагической истории человеческого духа это всегда оборачивается возникновением еретических сект с их беспощадной по жестокости и бескомпромиссности борьбой за монополию на духовную истину, которую они несут всем, как новое "общее вероучение". Вспомним, что уже на заре христианства возникли такие секты, как ариане, утверждавшие вслед за священником Арием, что Христос - лишь сын Божий, но отнюдь не подобный ему, а Святой дух - отрицали вообще, как мариамиты, утверждавшие свою Троицу: Бог-отец. Бог - сын и Бог-Дева Мария, как монофизиты.

ты, почитавшие во Христе единое естество, где божественное органически слито с человеческим, как назреяне или иудействующие христиане, почитавшие Христа гениальным пророком, но не Богом, как несториане, полагавшими вслед за константинопольским епископом У столетия Несторием два естества у Христа - божественное и человеческое, а поэтому Деву Марию почитали лишь как мать человека, но не как Богородицу, а далее - марониты и коринфиане, марсиониты и докеты, гностики и карпокритиане, базилидиане и валенетиане... Шли столетия, происходили церковные расколы по кардинальным вопросам веры такие, как разделение православной и католических церквей канонически и догматически, забурлил вселенский поток реформаторского движения, отрицавшего благодатность священства, но и в рамках мощных и действительно всеобщих по масштабам вероучений вновь и вновь возникали секты, претендовавшие на истину во всей ее полноте, а стало быть - и на всеобщее признание всех символов их истолкования христианства.

Подобная картина характерна отнюдь не только для христианства. Она скорее правило, чем исключение из динамики развития любого вероучения, свидетельствующее о неискоренимости тщетных попыток создать общее для всех и вся вероучение, модернизировать в этой связи каноническое исповедание веры.

Как бы иллюстрируя мысль митрополита Иоанна, фундаментальный энциклопедический словарь "Ислам" подчеркнул как закономерность тот исторически повторяющийся факт, что любые тайные братства складываются в организацию с разветвленной сетью обителей и общин, со строгой иерархией, унифицированными обрядами и ритуалами приема в посвященные, со своей символикой и отличительной одеждой. И все, как правило, начинается с толкования "истинной веры", рассматриваемой как догмат общего для всех вероучения. Одна из первых школ исламской догматики - мурджииты сводили веру человека лишь к словесному признанию Аллаха, а в полемике с ними хариджиты трактовали всеобщую веру как неукоснительное исполнение всех религиозных обязанностей, предписанных мусульманину Кораном, мутазилиты - безоговорочное послушание закону, ханбалиты - словесное признание безусловной истинности Аллаха и поведение, согласное с сунной. От трактовки принципов общего вероучения (еще раз повторю - таковым почитают свои религиозные устроения все без исключения прорицатели, пророки и провидцы) закономерен ход к первоначальному расколу, происшедшему и в исламе, где издревле возникло трагичное и поныне противостояние шиитов и суннитов (тех, кто признает основой общеобязательного для всех вероучения только Коран и тех, кто признает и Коран и Сунну, т.е. собрание хадисов - коротких рассказов о делах и высказываниях Пророка, объединенных в священное предание Аль-Бухари и Муслимом). А дальше начался традиционный для всех великих вероучений процесс дробления на мелкие секты, амбициозность которых отнюдь не уменьшается пропорционально количеству их адептов.

Аналогичная картина имеет место в истории всех вероучений, и ни один элемент в их пестрой до безграничности мозаике не является исключением из общего правила - наличие претензии на истинное, общее вероучение. Умножать эту мозаику - дело сугубо алогичное и бесперспективное, с

позиций же ортодоксальной теологии - греховное, а потому и не является моей целью.

Избрав исходным пунктом предложенных мною векторов сравнительно - аналитической сетки, выведенной дедуктивным путем из анализа многоплановой картины верований человека, общую теорию мира и - добавлю - человека в нем, я тем самым включаю в предмет анализа и те великие духовные системы, которые, подобно мифологии, трактуются исследователями в зависимости от исходной установки то как наука, то как языческая религия, то как продукты поэтического гения народа. Между тем, они вероучения в классическом смысле слова. Органическая же их взаимосвязь с искусством и наукой - лишь подтверждение универсальной целостности человеческого духа, который мы дробим порою весьма искусственно и не без существенных натяжек. Но иначе мы не поймем своеобразие веры во всей ее полноте и операционной значимости для жизни человека как одного из неотъемлемых компонентов истины. Той истины, которую мы обязаны передать нашим детям для укрепления их духа, для ориентировки в жизни и ее неожиданных перипетиях, для понимания ими цели и смысла бытия человека в этом бренном и скоротечном мире наших индивидуальных судеб.

Право человека - исповедовать конкретное вероучение, являющееся для него религией, отстаивать свои символы веры и соответствующие им нормы бытия. Право человечества знать всю многокрасочность великих и малых вероучений, весь спектр общих представлений о мире и упований прошумевших по нашей земле поколений. При такой установке объектом сравнительного анализа должны быть не только так называемые великие религии современности, но и бескрайний мир мифологических представлений древних, и отнюдь не только античных в европоцентристском смысле слова. Именно в них перед нами раскрывается отнюдь не наивная картина целостного мирозерцания, синтезирующего разум, эмоции и веру, являющаяся для нас основой гипотетических представлений о провидимом будущем человеческого духа. Называя такие представления мифопоэтической моделью мира, выдающийся исследователь мира Ригведы, созданной ариями в середине второго тысячелетия до нашей эры, Т. Я. Елизаренкова подчеркивает, что суть этой модели сводится к тому, что природа представлена в ней не как результат переработки первичных данных органами чувств, а как результат их вторичной перекодировки с помощью знаковых систем. Это бывают разные семиотические системы, так или иначе связанные между собой и образующие единую универсальную систему. Основным способом интерпретации мира в этой системе является миф... "В основе этого мышления лежат космологические схемы, с которыми соотносятся все события и явления актуального мира, трактуемые как воспроизведение некоего прецедента, имевшего место "во время оно". При подобном подходе миф или квазиисторическое предание неразрывно сочетает в себе синхронию и диахронию: рассказ о прошлом, о прецеденте и трактовку настоящего события. Миф, таким образом, не являясь только сообщением о далеком прошлом, проходит через поколения - от предков к современникам данной эпохи и далее в будущее к их потомкам. Понятие преемственности поколений очень важно для этой системы взглядов".

Естественно, избранные нами чисто прогностически векторы сравнительного вероучения охватывают и древнейшие, во многом неведомые для нас и не зафиксированные в письменном Слове космоцентрические системы, воспринимаемые ныне сквозь призму обыденных представлений о религии. Между тем именно в древних вероучениях открывается неизмеримо более широкий обзор поля человеческого бытия во всей его противоречивости, возникает новая шкала представлений о человеке вообще. М. Шелер, как я уже упоминал, выделил три круга таких представлений: иудейскую традицию представлений об Адаме и Еве, рае и грехопадении, греко-античную, знаменующую торжество самосознания человека и убеждений в его особом положении, естественно- научные взгляды современности, трактующие бытие человека только как феномен более позднего и необходимого процесса развития Земли. В его схематике не нашлось места ни прозрениям древних ариев о космической сущности духовности человека, ни "фантазиям" древних греков, которые, по словам А. Ф. Лосева, являются мечтой человека о своем будущем, "предвидением будущих достижений", ни безгранично богатым фольклорным сказаниям самых разных народов и цивилизаций, "больших" и "малых". А между тем жесткая традиция этой схематики довлеет и поныне над ограниченным восприятием мира европейцем, истолковывающим входящие в моду "индуистские" представления лишь в отграниченном М.Шелером круге идей, образов, верований. Аналогичен и "индуизм" наших искателей общего вероучения, стремительно, подобно иудам, отказавшихся от целостного марксистского мирозерцания и в интеллектуальной растерянности бросившихся искать духовное спасение в неведомых им и неповторимо оригинальных системах веры. Не могу не привести в этой связи утверждение глубочайшего знатока духовной культуры Древней Индии Сатпрема : "Так называемый индуизм - это выдумка Запада, индусы говорят только о "вечном законе", *сапатана дхарма*, который они не считают своей монополией, но который существует и для мусульман, негров, христиан и даже анабаптистов. То, что кажется человеку Запада самой важной частью религии, а именно структура, которая отличает ее от всех других религий и устанавливает, что человек не является католиком или протестантом, если он не считает себя тем или другим и не соглашается с такими-то и такими-то параграфами веры, является для индуса самым несущественным аспектом, ибо он инстинктивно стремится отбросить все внешние различия с тем, чтобы вновь обнаружить всех там, где все сходится в центральной точке". **Мудрость древних и их завет - обнаружение этой центральной точки мира человека; ее поиск - и наша задача.**

Путь поиска - та равнодействующая в системе векторов сравнительного вероучения, которая ведет нас от вчера в завтра, укрепляет все духовные силы человека верой в возможность ее нахождения. Путь, который легко начать, но пройти который дано будет лишь будущим поколениям единого рода людского.

Цель поиска - та равнодействующая в системе векторов сравнительного вероучения, которая ведет нас от вчера в завтра, укрепляя все духовные силы человека опытом веры многих поколений, делающая веру - фактором ориентации его жизнедеятельности, а бытие проникнутым неистребимой верой, а тем самым - смыслом в нашем бессмысленном, алогичном мире. Путь

поиска, избранный мной - заинтересованное многократное прочтение Великих Книг, ставших плодотворным истоком вероучений, равно как теоретических исканий и художественных откровений, лишь в этом неисчерпаемом роднике народной мудрости, а не в тысячетомных глоссах комментаторов и интерпретаторов можно почерпнуть тайную мудрость веры наших предков, их Завет грядущему. Именно по этому пути я и пойду дальше с моим заинтересованным читателем, осознавая общее и неповторимо своеобразное в анализируемых вероучениях. Нашим добрым гидом на нелегком пути будут классические труды ученых, светских и теологов, анализировавших сокровенную мудрость древних народов и прошумевших по Земле цивилизаций. Здесь без веского слова авторитетных и компетентных специалистов неизбежны вольные толкования вполне еретического толка и примитивные суждения об эзотерическом значении Великих Книг.

И наконец, провидимым и искомым результатом поиска на магистральном направлении сравнительного вероучения будут мысли автора как педагога о такой модернизации системы образования, которая позволит сделать незыблемую веру достоянием наших учеников и воспитанников, защитив тем самым будущее человечества, цивилизации, народа от разрушительных потрясений, всегда порождаемых безверием либо хлипкой, извне навязываемой верой. Ибо человек без веры - получеловек, лишенный гуманистического стержня бытия своего в этом мире.

Креацинизм

Как ребенок, разбирающий любимые игрушки в стремлении осмыслить неведомые ему, но простенькие технические секреты, род людской взламывает бытие, преобразуя и приспособлявая доступную ему Вселенную к непосредственным и ненасытным житейским потребностям и одновременно стремится осознать его, обуреваемый фатальной и извечной с момента возникновения духа (дыхания мирового разума) универсальной потребностью докопаться до тайны тайн, механизма и реальной истории **креацинизма** (от лат. create – создавать). Отгоняя, словно назойливую муху, мысль об единственной реальности - небытии (вспомним Коран - 80(78). Где бы вы ни были, захватит вас смерть, если бы вы были даже в воздвигнутых башнях...». Сура Женщины), человек, загипнотизированный изначальным страхом перед ним, склонен вечным и непреходящим считать именно бытие - *космоса как упорядоченной по его удобной схематике вселенной, ойкумены или обжитого им мира и, конечно же, венца творения с позиций его иллюзорного и претенциозного мышления - самого себя*. Страх порождает изначальную для него идею (как образ рационального осознания, эмоций и представлений веры) творения или, точнее, - сотворения.

Пребывая в сфере утешительного миража креацинизма, отвергая пророческое утверждение древних мыслителей о несозданности извечного мира, которое превосходит возможности его ограниченного конечным бытием интеллекта, он все духовные силы направляет на обоснование концепции творения средствами науки, искусства, веры. Так реализуется парадокс, предопределенный конечностью человека и его духа - столь разные и равноправные компоненты единой истины сливаются в итоге в гармонии веры,

всеисчерпывающей, всеохватывающей и загадочно, непостижимо единообразной вопреки безграничному разнообразию религиозных ее истолкований... Постигание человеком причин бытия - первоисточник самодвижения духа с момента его зарождения. Впервые, пожалуй, данная закономерность была подмечена Э.Тайлором, выводы которого о характере первобытной культуры выдержали проверку временем. Он подчеркивал, что «стремление человека узнать причины, двигающие каждым событием, происходящим перед его глазами, причины, почему такое-то положение вещей, которое он наблюдает, является таким - то, а не иным, не есть продукт высшей культуры, а характерная черта человеческого рода, проявляющаяся уже на самых низких ступенях культуры. Уже у грубых дикарей является умственная жажда, на удовлетворение которой уходит большая часть того времени, которое у них еще не занято войной, телесными упражнениями, едой или сном. Даже у ботокуда или австралийца его ежедневный опыт носит в себе зародыш научного мышления : он научился совершать определенные действия с целью получения определенных результатов, видеть последовательность действий от определенных результатов у других, делать заключения о следствиях обратно к вызвавшему его действию и находить подтверждение своему заключению на факте... Даже в наше время по всему свету распространены бесконечные истории, выдаваемые за описание действительных происшествий, но оказывающиеся при критическом исследовании просто выводами, и часто совершенно ошибочными, из фактов, подстрекнувших изобретательность какого-нибудь любознательного исследователя».

Обратите внимание, как тонко определяет ученый движение человеческого духа по пути истины знания и эмоций в форме художественно - образных прозрений на основе весьма фундаментального изучения становления человеческой веры. В дальнейшем движение на данном пути тройственной истины становится уделом научных построений поразительной сложности, предметом художественных откровений и вероучений. Кстати, тоже сметаемых в итоге как зыбкий прах ветром бесконечности, побуждая вновь продолжать сизифов труд мыслителей, художников, вероучителей.. В том - то, наверное, и состоит выпавшее на нашу долю проклятие (хотите - назовите его жребием, призванием, миссией либо исторической необходимостью), что нам не дано остановиться, вновь наполняя бездонную бочку Данаид, каждый раз, от эпохе к эпохе, с историческим сомнением применяя поразительные теистические, научные, художественные, фантастически образные, утопические, мистические построения, долженствующие выявить искомое начало начал, тайну первотворения, как правило, благополучно забываемые человечеством для новых дерзаний мятущегося духа с унылой периодичностью. Не минет и нас, нашу цивилизацию, чаша сия вопреки всем фантастическим ее завоеваниям и впечатляющему научно - техническому прогрессу, отнюдь не приблизившему нас к загадкам мироздания. Мы вполне традиционно, как и наши отдаленные древние предки, делаем их предметом веры.

Вера в *реальность бытия* фактически во всех проявлениях человеческого духа довольно четко структурируется. В итоге всех наших духовных исканий *causa sui* (конечной причины), обрабатывающих свое поле в науке, искусстве, человеческом общении и социальной организации, за верой в итоге

остаются монополия на решение таких взаимосвязанных загадок, как возникновение природы, живых существ и человека как самовлюбленного носителя духа, безосновательно убежденного в том, что именно он - венец творения.. Не будь человеческой веры в креацинизм, реальность бытия, его неизбежное порождение из ничто, не было бы и истории человеческой, многоплановой, непредсказуемой и действительно титанической по содержательности духовности как активной, космической силы. В том числе, и в ее рациональной, и эмоциональной ипостасях.

Поддерживает и интенсифицирует универсальную веру в творение прежде всего неисчерпаемая загадочность многоплановой и многокрасочной природы (назовем так, на бытовом лексическом уровне вполне традиционно и вместе с тем условно весь безграничный мир, в котором мы обречены на временное скоротечное бытие - от естественной среды нашего обитания на планете Земля до пугающе - бесконечного микрокосмоса и макрокосмоса). Повседневнo пребывая в клетке нашего природного дома и столь же повседневнo ощущая всеми фибрами души природную ограниченность и естественную предопределенность человеческой сущности, мы фатально и маниакально продолжаем путешествие через тысячелетия к неведомым тайнам природы, упорно и неодолимо стремясь через века к сокровенному знанию о начале начал, сущности мироздания, его частных и общих законов, желая эмоционально постигнуть его совершенство, наделяя милые и грозные, ласкающие и разрушительные силы понятной нам образной символикой и, наконец, постоянно обожествляя все ее проявления в сонме богов и демонов. Нам кажется, что избранный путь приведет к господству над природой, но в действительности он лишь загоняет страх перед ее всесилием в глубины нашего подсознания, точнее в мир бессознательного, где господствует отнюдь не секс, и уж тем более не в его современном, болезненно извращенном толковании, но ужас небытия. Не признав основополагающего значения данного феномена в духовной жизни человека, мы не продвинемся ни на шаг по пути поиска тройственной истины.

И вот что поразительно, как ни расширяется масштаб поиска тройственной истины человеком, породившим деянием, творением второе чудо мироздания - ойкумену, иллюзорно - вечный мир его бытия, мы все дальше и стремительнее уходим от казалось бы ясных ответов науки, искусства, вероучений в дебри туманных универсальных и синкретичных его концепций. Давно подмечен духовный ориентир сознания как проявления мирового разума - от космизма к антропоцентризму. Магистраль же постижения истоков бытия, его первопричины устремлена в диаметрально противоположном направлении -от бессильного и претенциозного антропоцентризма к космизму и далее - к сочетанию на основе веры всех иных путей искания истины, более того, к гармонизации алетеологии в целостную модель бытия, основанную на абсолютной и конструктивной вере, общие и универсальные принципы которой я и пытаюсь хотя бы разглядеть под покровом многообразных вероучений и выросших на их базе религий со специфическими догматами, таинствами и организациями.

Потрясенный бескрайним миром галактик и внегалактических туманностей, по неведомым причинам вроде бы подтверждающих идею разбегающейся Вселенной, ученые с завидным упорством отстаивают концепцию

Большого взрыва, космической катастрофы на уровне какой - то гипотетической первочастицы. Признайте данную весьма фундаментально обсчитанную гипотезу, и вы все же ни на шаг не продвинетесь по пути к ответу на вопрос о начале начал, о том, что же было до самой изящно сконструированной суперчастицы. Равно как любое ошеломляющее открытие на уровне микрочастиц, которыми так богаты последние десятилетия двадцатого века, по-нашему, как я уже отмечал в первой части работы, весьма условному счислению, не подведет к желанной конечной точке отсчета, к нахождению элементарного "кирпичика" мироздания. И человечеству ничего другого не остается, кроме универсальной веры в бесконечность бытия во времени и пространстве, в лучшем случае, кроме веры в бесконечно пульсирующую Вселенную. Именно веры, пронизывающей все представления о Боге - Творце, который, подобно библейскому Элоаху, в первый день творения отделил свет от тьмы, бытие от небытия. Веры, вызвавшей к жизни безграничное количество шедевров мировой фольклористики, поэзии и прозы, грандиозных эпических произведений, художественно - образно осмысливающих сокровенную тайну Бытия. Веры, которая отнюдь не универсальна, ибо многие великие цивилизации отнюдь не разделяют иудейско - христианских представлений о Творении, что порою игнорируют сторонники и адепты последних. Они до того, как Элоах вдунул животворящий дух в вылепленного им первочеловека - Адама, создавали не менее любопытные концепции первого акта творения, в том числе - порождения человека, и именно у них изгнанный Богом Ветхого Завета сын Адама, Каин, нашел не только прибежище на востоке от Едема в земле Нод, но и семью среди существовавших там (по-видимому, задолго до Адама) людей. Отсутствие зафиксированных в слове памятников тех далеких времен отнюдь не аргумент. Ведь не исключено, что записанное Слово явилось своеобразным развитием великих вероучений древности.

Нельзя не согласиться с мудрым основателем Международного общества сознания Кришны Шри Шримад А.Ч.Бхактиведанта Свами Прабхупада, отметившим не без тонкой иронии в «Науке самосознания» : «Ни ученые, ни философы - эмпирики до сих пор не пришли ни к какому определенному выводу относительно строения мироздания. Единственное, что они сделали - это выдвинули различные теории о природе вселенной. Одни из них говорят, что материальный мир - реален, другие - что это сон, а третьи - что он существует вечно. Таким образом, ученые этого мира придерживаются разных точек зрения, но фактически ни один мирской ученый или философ - эмпирик не обнаружил ни начала мироздания, ни его пределов. Никто не может сказать, когда оно возникло и каким образом плавает в пространстве. Они теоретически обосновывают некоторые законы, например, гравитации, но на самом деле даже не способны применить его на практике. Не имея истинных знаний, каждый хочет выдвинуть собственную теорию, чтобы как - то прославиться, но фактически этот материальный мир еще не достаточен, чтобы избавиться от них».

Необходимо и корректно с логически - обоснованной точки зрения признать, что и бесчисленные теологические теории с древнейших времен и до наших дней, равно как и вполне смыкающиеся с ними абстрактные философы, столетиями поражающие наше воображение импотентными с позиций

науки в истинном, строгом смысле слова, но хитроумными и логически совершенными концепциями бытия и ничто, проще - Вселенной, оказались способными лишь на крайне умозрительные схемы единого божества - первотворца, позаимствованные из вероучений, или же на аналогичные отвлеченные утверждения о существовании все порождающей материи, то ли "первичной", то ли "вторичной" в соотношении с Духом, Идеей, Объективным миром. Кстати, в последних отчетливо проявляется все то же универсальное значение древнейших вероучений, дающих преотличное основание выстраивать философские концепции, заменив Бога - Абсолютной идеей. Вчитайтесь, например, в трактаты отцов христианской церкви 4 - 8 столетий нашей эры, и уж тем более в ранние откровения основоположников «этических» религий - даосизма, конфуцианства, джайнизма, и пред вами совершенно в ином свете предстанет вся систематика Гегеля, исторически - безусловно вторичная.

Согласитесь, что здесь мятущийся и ищущий дух человеческий опять - таки оказался в абсурдной ловушке, выход из которой всегда указывает только вера в нормальность абсурда. Ее - то и выявляет сравнительное вероучение, причем не только в сфере религиозного опыта, но и в самой строгой логике, а также и в поэтических фантазиях духа, отчаявшегося вне фантамов воображения осмыслить начало начал. Нам дано лишь одно - верить в Бытие, а соответственно - планировать всю хлипкую систему человеческого выживания на краткий (по космическим меркам) оставшийся срок. Хотите - до судного дня, хотите - до неизбежного вселенского коллапса, хотите до нашествия внегалактических пришельцев, созданных нашим утешающим и успокаивающим воображением, а может быть, и до коллективного переселения человечества в иные космические миры.

Не менее глубокий и крайне важный для моих дальнейших раздумий пласт представлений, базирующихся только на универсальной вере, - трактовка возникновения загадки всех загадок - **жизни**. Мы не знаем, когда и как началась (и начиналась ли вообще) вселенская агрессия жизни. Но она была, есть и пребудет во веки веков. Агрессия жизни во всех ее открытых и еще неведомых формах, о которых пока повествуют лишь фантасты в произведениях искусства, побуждая объективных исследователей - естествоиспытателей к осторожной, но упорной полемике с устоявшимися представлениями об ее возможных модификациях, вплоть до концепции мыслящего океана. Не поэтому ли ученые, оставаясь на твердой, незыблемой с их точки зрения основе фактов и экспериментов, подтверждающих либо опровергающих логические гипотезы, склонны ныне более внимательно вчитываться, вглядываться, вслушиваться в образные откровения художников прошлого и настоящего, а в итоге - корректировать "незыблемые" рациональные теории. И уж тем более в дошедших до нас текстах вероучений, содержащихся в них прозрениях и пророчествах. Чем, кстати, еще раз подтверждается идея органичности трояственной истины, ее единства и в провидимой перспективе. Если хотите - изначальная и всеобщая синкретичность Духа.

Впрочем, ученые сами, в рамках системы логического мышления, нередко сталкиваются с такими наблюдениями о проявлениях жизни, которые «алогичностью», «ненормальностью» своей провоцируют изменение устоявшихся, удобных и привычных представлений об ее первопричине, которая

всегда четко структурируется в исходном, операционном научном (точнее, наукой обосновываемом) определении Жизни. Признайте, что жизнь есть форма существования белковых тел, и вы сразу же по неумолимой логике научного мышления начнете выведение умственных конструкций о тех космических условиях, которые создают благоприятные предпосылки для возникновения и существования белковых молекул, равно как и их закономерного усложнения. Но условия эти универсальны, а потому их констатация не продвигает нас ни на йоту в определении тайны возникновения жизни. Согласитесь с концепцией гипоспермии, то есть переноса в силу ряда факторов (гравитации, светового давления, космических катастроф, магнитных возмущений) примитивных, начальных форм жизни из одного уголка безграничной Вселенной в другой, и вы опять - таки окажетесь в логической ловушке, ибо явление отождествите с сущностью, то есть с причиной. На практике же окажетесь во власти феномена Левенгука, который благодаря новому инструменту познания микроскопу-увидел, «открыл» тот живой микромир, который безотносительно к человеку и исканиям его интеллекта существовал со дня творения. Мистический же покров на тайне возникновения жизни, акте или процессе ее **творения**, останется и в этом случае неколебим. Таким он будет пребывать и впредь на фоне будущих уникальных открытий новых, сейчас еще неведомых форм жизни. Нам надо только помнить афоризм Честертона: "Верить в сверхъестественное естественно и, наоборот, неестественно признавать лишь естественные явления".

Отсюда общее для всех вероучений, от теистических до атеистических, преклонение перед жизнью как высочайшей ценностью бытия, ибо **небытие есть не жизнь, смерть**. В них креацинизм на практике, применительно к загадке жизни, означает не отказ от стремления к раскрытию тайны ее творения (именно поэтому некорректно механически представлять все вероучения как нечто изначально враждебное науке, поискам пытливого и могучего человеческого ума), но перенос проблемы в другую, куда более значительную для всего рода человеческого плоскость неколебимой, неустрашимой, изначальной для человека **веры в божественность жизни**, ее святость как творения (Бога - творца либо творящей Материи, что в рассматриваемой нами связи несущественно). Задумайтесь над поразительным фактом: все без исключения вероучения, так называемые «великие» и бесчисленные другие, не имеющие такого количества адептов, но не менее значимые для истории многопланового человеческого духа, исходят из контрастного сопоставления ангелиады и дьяволиады, а стало быть, из разделения сфер действия злых и добрых, светлых и темных сил. Арена драматических катаклизмов, порожденных дьяволиадой, - безжизненный, мертвый космос (вспомните фон гениальной картины - прозрения Врубеля «Демон», равно и то, что мелкие фольклорные бесенята прячутся в мертвом болоте на Руси или же в оледенелых пещерах Скандинавии, но не на солнечных, зеленых лужайках среди порхающих бабочек и сладкоголосых птиц). Дьявол безотносительно к его творцу-прародителю в любом вероучении не только падший ангел (такового, например, зороастризм не признает), но и необходимый персонаж для демонстрации всемогущества, всеблагости Творца, дарующего в итоге человечеству мир добра. Сцена же торжествующего шествия сонма ангелов по пути божественного добра - жизнь во всех ее проявлениях, от зарождения до неумо-

лимого торжества над смертью, небытием, вплоть до воскрешения из него. Ее **сотворение** - бесспорное чудо, если исходить из веры в реальное отличие живой природы от неживой, хотя само это отличие весьма проблематично. И пока практически и рационально недоказуемо.

Кто знает, какие неведомые формы жизни откроет человеческому духу в будущем неживая природа. Не случайно любое вероучение в скрытой форме признает всеобщую одушевленность природы, вместе с тем преклоняясь перед живым как реализацией данной ей универсальной потенции. И столь же мудро любое вероучение обожествляет те природные силы, которые животворны по сути своей, вне действия которых немислимо сотворение (или с позиций одностороннего рационализма – возникновение) жизни. Всеобщий культ Солнца во все времена и у всех этносов - лишь одно из подтверждений этой общечеловеческой гипотезы, роднящей древнего человека с нами, поэтизирующими его животворящую силу и поныне, вопреки самой строгой и сухой логике новых представлений о Космосе. Если посвятить всю жизнь и все исследовательские силы только этому феномену из истории вероучений, то и тогда не удалось бы исчерпать и сотой доли тех поразительных представлений воображения о божественной силе нашего светила - источника всего живого на Земле. Ведь люди не только обожествляли его, почитая как Бога, но и выстраивали сложнейшие умозрительные концепции - вероучения, согласно которым Солнце было само даровано людям Богами. Так, в религии ацтеков, возникшей в первой половине истекшего тысячелетия, начало начал всего сущего - два удивительно загадочных существа: Ометекутли, или божество дуальности, и Омесиуатль, или богиня дуальности, пребывающие на тринадцатом небе, где и произвели всех богов и человечество. Боги же отдали себя в жертву, чтобы одарить людей Солнцем, движение которого по небу впредь было невозможно без массовых жертвоприношений. По некоторым источникам, их количество достигало 20.000 человек в год. Сродни этому культу - исконное убеждение в загадочно - плодородной силе Земли, ее значении как всеобщей матери и кормилицы человечества, которое не смогли опровергнуть самые современные научные представления об ее реальной структуре, химической и биохимической природе. А надо ли еще раз говорить, что в сказках, легендах, мифах любого этноса вся природа одушевлена, живет вместе с человеком в нерасторжимом единении. Так, нам в действительности очень мало известно о теологических представлениях египтян, ибо оригинальных, их жрецами созданных, обобщающих трудов о сути их древнейших в истории человечества вероучений мы не имеем. Здесь больше талантливых догадок, чем достоверных, неопровержимых фактов и свидетельств. Но по немногим памятникам, расшифрованным гением археологов, лингвистов и этнографов, а также по косвенным свидетельствам греков и римлян мы можем представить, что весь гигантский пантеон египетских богов олицетворяют живые силы природы: (взмывший в небо сокол - Солнце, пригревшаяся кобра - плодородную силу Земли, символика дарящих людям родных поселений веру - их магические по значению названия - символы; воплощением богов считались ибисы, кошки, бабуины, крокодилы и многие другие животные, мумии которых пощадило беспощадное время в пирамидах). Между прочим, фараон или египетский царь как человек при всем безграничном почитании его могущества

для египтян по сравнению с обожествленными природными силами был в божественной ипостаси ограничен смертностью в силу присущей ему изначально наследственного предназначения верховного жреца. Аналогичны египетским и вавилонские представления о символике божественных сил, которые всегда опираются на образы живой природы. Ведь не случайно именно там появилась первоначальная хтоническая символика, глубоко исследованная европейской наукой уже в XIX веке. Немалый вклад в ее расшифровку внесли и русские ученые. Сошлюсь на уникальную работу Н.Н.Евреинова "Азazel и Дионис. О происхождении сцены в связи с зачатками драмы у семитов", опубликованную в Ленинграде в 1924 году. В ней автор на обширном историческом материале не только выявляет прелюбопытные метаморфозы, происходившие исторически с Азazelом - дьяволом семитских народов, умаленным в Ветхом Завете ради торжества Яхве, но и раскрывает значение образа козла как в вероучениях, так и в первоначальных театрализованных действиях, кстати, дошедших и до наших времен в праздничных обрядах многих народов. В этой связи считаю необходимым оговориться, что символика (в том числе и зооморфная проблематика) в вероучениях - особая и уникально сложная тема; сколь бы она ни была увлекательна, в кратком „Введении в сравнительное вероучение" может быть лишь обозначена как предмет дальнейших теоретических поисков. Говоря о козле как символе Азazела, Н.Евреинов остроумно замечает: "Бедный Вольтер был бы, конечно, очень удивлен, если б узнал, что "козел отпущения" стал у Израиля жертвой демона Азazела точно так же, как сам "просвещенный" Вольтер - жертвой своего остроумия, с тою только разницею, что "козел отпущения", в качестве жертвы Азazела, погибал, свергаемый в пропасть, - Вольтер же, в качестве жертвы своего остроумия, остается бессмертным и отныне".

Любопытно, что креацинизм как первый гипотетически выделяемый мною реальный всеобщий принцип вероучений, абстрагированный от безграничного многообразия их форм, ошеломляющего многоцветия разных действующих созидательных божественных сил, не проводит жесткой и навсегда зафиксированной грани между растительным и животным миром, к чему изначально стремится рациональное мышление в разных формах научных концепций, хотя истина неизбежно и коварно ускользает от него как Протей.. В крайнем случае дается лишь хронологическое отличие становления этих миров, что показательно, например, для Книги Бытия в Библии. В третий день творения «...сказал Бог : да произрастит земля зелень, траву сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так.» В четвертый же день творения Бог, создав птиц, которые полетели по тверди небесной, в воде - рыб, пресмыкающихся, а затем на земле, в день пятый - скотов, и гадов, и зверей земных по роду их , дал им **душу живую**. Между тем в Библии, а тем более в Новом Завете есть немало поразительных по поэтичности мест, где все, вызванное к бытию в третий день творения, предстает как нечто живое по душе, способное стать основой сопоставлений, сравнений при характеристике с жизнью в узком смысле слова (повторяю - весьма туманной и неопределенной, что не устранено и в самых новейших теоретических концепциях жизни, живого). Для всех же других вероучений душа живая - атрибут, неотъемлемый

признак всего многообразия доступного нам мира, нашей среды обитания, а стало быть, объект безусловного поклонения, почитания. Разброс здесь - необычайно велик и поражает воображение любого исследователя. Есть народы, для которых все живое - безусловная святыня и объект почитания, есть культуры, в которых многообразие щедрой, плодотворной жизни - лишь символика, внешнее проявление божества, есть вероучения, которые отстаивают идею вечности и неразрушимости живой души, способной к переселениям, метаморфозам. В религиоведении, этнографии, культурной антропологии, литературоведении и фольклористике почитание жизни во всех его исторических и этнически - своеобразных формах изучено фундаментально и многопланово, что и позволяет мне отослать заинтересованного читателя к классической литературе проблемы.

Моя задача неизмеримо скромнее и локальнее. Она выражается в гипотезе о креацинизме как всеобщем и универсальном признаке любого вероучения без исключения, имеющем глубокий гуманистический экологический смысл. Предвижу недоумение и даже раздражение специалистов по экологии, всерьез полагающих, что тревожные мысли о природном равновесии, необходимости любовного, заботливого отношения к природе, зазвучавшие с особой силой в период трагического торжества все разрушающей информационной цивилизации, обрекающей себя на самоуничтожение во имя призрачного прогресса, принадлежат как открытие только им. Подобная логическая аберрация вполне допустима и объяснима, хотя и некорректна. Она подобна, например, самогипнозу деятелей современного дизайна, убежденных в том, что законы красоты вещного, человеком создаваемого предметного мира открыты лишь ими в последние десятилетия и стремящихся отрицать очевидное щедрое использование ими безграничного богатства художественно - творческой обработки предметного мира на всех этапах истории и в условиях разных цивилизаций.

В действительности **и в прошлом человек обладал высочайшей экологической культурой**, осознавал хрупкость природного равновесия, делал все посильное для его сохранения. Сравните, например, установившееся издревле отношение к лесу, окружающему поле, русского крестьянина, с тем, что выделяют его потомки - "цивилизованные" владельцы "садово - огородных участков", выбрасывающие вблизи "своих" владений бездну вредоносного мусора, наносящего непоправимые раны природной среде обитания, и вы легко поймете, кто действительно варвар. Но это - мизер по сравнению с тем, как ежедневно, ежечасно человек как "владыка природы" варварски, дико уничтожает среду своего обитания, не задумываясь о ближайших трагических последствиях для всех без исключения землян. Здесь дело отнюдь не в том, что до промышленной революции и ее чудовищных гримас, гротескно искажающих нормальный облик нашей планеты, ее структуру, климат, весь установившийся за миллионы лет облик, "неживая" и "живая" природа еще обладала весьма зыбкими ресурсами самовосстановления, реабилитации, но **в утрате всеми нами экологической культуры предков**. Последняя надежда - на торжество представлений о божественном предназначении жизни, греховности любого посягательства на нее, которое позволяет осознать и принять сравнительное вероучение. Более того, сделать **персональный выбор** в действиях по отношению к Природе как

высшему дару Творца людям. Если вы атеист, и творцом для вас является Материя, суть постановки о персональной ответственности каждого из нас перед Храмом Природы не уменьшается ни на иоту. Ведь ни Божество, ни Материя не предопределяют изначально и фатально нашу человеческую мерзопакостность. Творение природы, ее одушевление жизнью оказываются лишь исходными предпосылками для ответа на самый сакраментальный вопрос о **возникновении духа**, единственным носителем которого и оказался человек. Очевидно, что нет более парадоксального, чем он, существа во Вселенной, более одинокого в ее просторах (а в том, что он - природная и уникальная аномалия, я лично не сомневаюсь, он в этом смысле - ошибка природы) и одновременно - более загадочного, пугающе - таинственного. Он - абсолютно природный феномен, из праха возникший и в прах обращающийся. Хотите изучить всю периодическую систему элементов? Человек - лучший объект рассмотрения в этой связи. Вы ищите разгадку таинственного и необратимого безостановочного обмена веществ в природе, его характера и динамики, его направленности и результативности? Опять - такие универсальные возможности в этом отношении вам предоставит человек, как при жизни, так и после неизбежного превращения в прах. Как никакой другой компонент (или объект, или феномен - здесь дело не в терминах) природы он выявляет все ее богатство, сложность и многоплановость в целостном и временном осуществлении бытия.. Он вобрал в себя своеобразие и безграничное разнообразие как "неживой", так и "живой" природы, проходя в период утробного развития все изученные исторические этапы становления и утверждения последней как носителя "души живой". Все без исключения проявления "живой" природы, от тайны тайн - ее генетической предопределенности до чисто биологических реакций любого уровня, присущи и ему как животному. Вдумайтесь в тайну "похожести" детей наших на нас с Вами, на наш этнос и нашу семейную наследственную линию - и вы согласитесь со мной, хотя и не без некоторой обиды за отнесение человека к животному. Присмотритесь без предвзятости на наши болезни, физиологические функции, как "благородные" - еда, питье, половое общение, так и "низменные" - необходимые для царя и раба походы "по нужде", и вы не увидите ничего, кроме голой обезьяны. Кстати, во всех "природных" аспектах мы весьма и далеки от совершенства природы, ее разумности и целесообразности, то есть красоты. Взгляните хотя бы на любую суперзвезду, пытающуюся убедить нас в обнаженном виде (будь то в баре для "элиты", да простит мне читатель употребление этого абсолютно абсурдного термина, на экране либо на уныло - глянцевой обложке журнала) в том, что именно она - природы совершенство, и мысленно сравните ее с ланью, пантерой, да с любым живым существом. Если вы искренни сами перед собой, если вас не подавил мрак эстетических иллюзий и мыслительных стереотипов, назойливо и предельно бестактно навязываемых средствами массовой информации, негативную оценку после такого сравнения нетрудно предсказать. А уж если вы оглянитесь вокруг себя, скажем, в бане либо на пляже, то торжество "живой" природы без человека станет неоспоримо очевидным. Но коли вы всерьез полагаете человека вершиной творения в физиологическом смысле и мои аргументы вас не убеждают, сделайте простой эксперимент: предложите аудитории, либо сборищу людей в компании, либо коллективу на службе

раздеться до нага. Многократно убеждался - даже простая мысль о подобном действе и его вполне предсказуемом, прогнозируемом эффекте вызывает нервный и всеобщий хохот! Уверен - уникальный подвиг Фрины как аргумент от физической красоты абсолютно неповторим. Да и то его свидетельствами были почтенные старцы, которым, как говорится, многого для активизации восторженного полового воображения не надо! Ведь не случайно мерой физического совершенства человека и мыслители, и художники, и вероучители провозглашают тот или иной феномен природы, но никто и никогда не говорил, что бабочка либо львица прекрасна как женщина.

Отчетливо понимаю, что суждениями этими вызываю естественное для каждого человека, убежденного в своей значимости как высшего и совершеннейшего творения природы, раздражение. Но оно может быть без особого труда снято, если трезво осознать, что он, как природное существо, особый синтез «неживого» и "живого" получил в процессе творения чрезвычайную прибавку - **дух**, загадку загадок Вселенной, предопределяющую его действительный космический приоритет, все его свершения, равно как и драматизм его индивидуального и социального бытия, и, если хотите, его красоту, которая просвечивает только в глазах, выражающих все сокровенное, духовное в человеке и всегда оказывающихся доминирующим признаком создания целостного совершенного образа человека. Вне глаз выразить духовное через пластически - цельный образ человека не удавалось никому и никогда. Символизировать - да, выразить - никогда. Правда, довольно долго существовала теоретическая иллюзия, которую разделяли величайшие умы (такие, как Гете и Винкельман), что в соответствии с античными верованиями древнегреческие ваятели создавали скульптуры без оживленных глаз. Увы, это своеобразная временная аберрация, ибо великие произведения скульпторов древности, которые имеют ныне хрестоматийный характер, скажем, Венеры Милосской либо Гермеса работы Праксителя традиционно создавались с детально проработанными глазами из драгоценных и полудрагоценных камней, излучавших внутренний, духовный свет. Их, кстати, в первую очередь и выламывали грабители.

Все известные нам верования, великие по числу адептов (к которым принято относить "мировые" религии - зороастризм, иудаизм, джайнизм, конфуцианство, ведантизм, даосизм, христианство, ислам, а я же причисляю к этому разряду и великое атеистическое верование - марксизм, уходящий своими корнями в древнейший эпикуреизм и проповедующий радость и счастье для всех людей уже здесь, сейчас, в нашем скоротечном земном бытии) и малые, древнейшие и возникающие ныне, дают своеобразную трактовку креацинизма отнюдь не только для истолкования феномена творения (сотворения) неживого и живого, но прежде всего в связи с неодолимой потребностью самопознания человека. Подчеркну это обстоятельство особо, дабы не впасть в трактовку веры как грани рационального мышления, чуть ли не как раздела науки. Обратите внимание на прелюбопытный факт: любое верование исходит из признания возникновения духа как существенного признака человека на определенном этапе в процессе творения. Здесь не суть важно, как сотворен сам человек, он мог быть вылеплен из глины либо из праха земного (вспомним вторую главу Книги Бытия : "7 И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал

человек душою живою"); стать вершиной эволюции живого в процессе борьбы за существование, которая и привела к возникновению сознания как особого атрибута материи либо воплощением Абсолютной Идеи, одухотворившей косную материю. Гораздо примечательнее другое - трактовка всеми без исключения вероучениями (повторяю - как теистическими, так и атеистическими) Духа как сверхприродного феномена. В одних случаях это утверждение о похищенном благодетелем человечества (пребывавшего в животном состоянии) огне знания, одухотворившим им сонм людей и наказанном за это богами (вспомним миф о Прометее и его муках в горах Кавказа). В других - убеждение в первородном грехе самого сотворенного человека, ветхозаветного Адама, преступившего запрет Бога и познавшего добро и зло (вслушаемся еще раз в слова разгневанного Творца в Первой Книге Моисеевой - Бытие: "22 И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно"). Трудно признать первородным грехом познание жены своей Адамом, которому в первой же главе Библии (исторически более раннем ее тексте) устами Творца сказано: "И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле". А в иных, более философичных концепциях вероучений, таких, как буддизм, мы имеем дело с убеждением в изначальном и необъяснимом рядоположении природного мира и мирового духа, снимающем саму проблему вечной жизни во имя успокоения мятущегося в слепом, животном страхе перед неизбежностью индивидуальной и коллективной смерти человечества.

Не буду пространно излагать многообразные решения проблемы творения Духа, Духовности, хотя это крайне интересно для раскрытия тайн внутренней динамики истории человека как богоравного явления во Вселенной. Не случайно возникла универсальная и всеобщая проекция этой богоравности в дилемме - или Бог создал человека, или люди сотворили богов по своему образу и подобию. Дилемма практически неразрешимая, безысходная, подтверждающая всеобщность креацинизма. Кстати, весьма мудро переводимая отцами христианской церкви IV века в иную плоскость - богоравности человека. В очерке о святом Григории Богослове Г. В. Флоровский отмечал: "Человек есть тварь, но имеет повеление стать богом, передает Григорий дерзновенные слова св. Василия. И путь "обожения" есть путь очищения и восхождения ума, катарсис. Это прежде всего путь отрешения от чувственного мира, от материи. Чувства помрачают ум. Вместе с тем, путь внутреннего собирания, самососредоточения, путь борьбы со страстями и достижения бесстрастия ("апатии")".

Важнее в интересующей меня связи, избегая попыток и уж тем более теоретических претензий разрешить неразрешимое, подчеркнуть, что креацинизм как действительно общий для всех вероучений искомый существенный признак безотносительно к их историческому статусу, по внутренней логике оказывается лишь началом самодвижения духа в этой сфере тройственной истины. Он ведет нас дальше по пути веры, от постижения человеком всего бесконечного по проявлениям бытия к постижению смысла человеческого бытия. **Он никогда не имеет самооценности, но всегда оказыва-**

ется закономерной переходной ступенью к этому постижению . Так, с точки зрения сравнительного вероучения, преобразуется исходная позиция любой веры о творении, которую нельзя отождествлять с рациональным знанием и эмоциональной оценкой.

Смысл бытия

Есть все необходимые основания предполагать, что вероучения во всем их поразительном многообразии не возникли бы вообще, если бы дух человеческий как самое загадочное завоевание истории был бы направлен только на разработку системы знаний, на один сектор универсальной истины. Но этот дух неизмеримо масштабнее и содержательнее по сути своей, чем строгое знание, базирующееся на объективно - достоверных формулах, законах, категориях . Он изначально, в отличие от живой души, реакций растительного и животного мира (реагирования) стал сферой оценки (вспомним мудрое восклицание Ницше, обращенное к роду людскому : "О вы, оценивающие!". Собака может улыбаться, наблюдая игровые действия хозяина, но собаке не дано смеяться над ним , оценивая несоответствие формы содержанию. Отсюда - безграничный образный мир как творение человека, как его оценка мира и как самооценка. Но и мир эмоционального выражения истины, созидающий ойкумену (не в меньшей мере, чем универсальная система знаний) материализуемый действием человека, не ориентирован преимущественно на поиск смысла бытия. Очевидно, и в научном знании, и в искусстве (как в наиболее структурированных компонентах постижения и выражения тройственной истины, что и дает мне право отсылать читателя к ним, без дальнейшей необходимой дифференциации) все так или иначе связано с попыткой докопаться до этого смысла. В конечном счете алетеология признает единство тройственной истины и по задаче, и по формам, и по результатам. Но единство никогда не означает механического тождества и полной слитности вопреки своеобразию. Подчеркну, переход от креацинизма к поиску смысла бытия - доминирующая потребность человеческих переживаний именно в области веры, если хотите, именно вера, выдвигая идею творения, подспудно, в глубинных человеческих помыслах, в действительности ставит перед нами иную, отнюдь не познавательную проблему - смысла творения. Творение без смысла - подобное предположение в сфере веры алогично, абсурдно, немыслимо. Бессмысленность творения - конец самой идеи творения, без которой дух человеческий не вышел бы за рамки животной души.

Смысл же творения, точнее,- тварной природы человека для любого из вероучений предмет исканий веры, но не познания. Познание же трактуется как самое страшное из искушений. Познав смысл бытия, человек станет над бытием, над миром : ему откроется лукавая перспектива всевластности либо вседозволенности (в том числе и дозволенности свободного ухода из бытия, в котором он не увидел в силу тварной ограниченности всеобщего смысла). Искушение - изначальное движение основоположника вероучения к истинной вере. Вспомним, что по странной общности все великие творцы мировых религий голодали в пустыне по сорок дней, подобно Будде и Христу либо уходили в небытие на определенный срок от мирской суеты, подобно Зороа-

стру, жрецу из Древней Персии (сейчас время его жизни датируется уже не как 600 лет до нашей эры, но примерно сроком 1.200 лет до нашей эры), который более десяти лет ждал, изгнанный из дома, момента, пока его учение, возникшее из серии видений и изложенное в 17 гатах (гимнах), нашло первого обращенного, двоюродного брата, а затем уже - могущественного царя ариев Виштаспу. Даже такие реальные бойцы с социальным злом, как К. Маркс, отшельнически замкнувшийся для работы над великой Книгой Нового времени - "Капиталом". И именно в эти суровые дни (которые были для него именно таковыми, вопреки всем "изысканиям" журналистов - рипарографов, специализирующихся на грязных домыслах) он творил наиболее активно и продуктивно. Великие вероучители преодолевали соблазны и искушения, отвергая лукавые предложения темных сил, в том числе и тех, которые как фантомы сознания неизбежно таятся в его глубинах. Напомню одно из самых поэтических и имеющих универсальное символическое значение мест Нового Завета, ставшее предметом многочисленных историко-философских исканий и художественных откровений, а именно, встречу Христа в пустыне с дьяволом-искусителем, как она описана в Евангелии от Матфея в главе 4.:

"3 И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами.

4 Он же сказал ему в ответ : написано: "не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих".

5 Потом берет Его диавол в святой город и поставляет Его на крыле храма,

6 И говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: "Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею".

7 Иисус сказал ему: написано также: "не искушай Господа Бога твоего".

410

8 Опять берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их,

9 И говорит Ему: все это дам Тебе, если падши поклонишься мне.

10 Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана; ибо написано: "Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи".

Смысл бытия как феномен духовной жизни человека, на первый взгляд, - предмет веры, но не точного знания или эмоциональной оценки. Поскольку мысль моя вполне нетрадиционна и может показаться проявлением простого эпатажа, так модного ныне в литературе, считаю необходимым обосновать ее более подробно, тем более что из нее вытекает и трактовка смысла бытия в сравнительном вероучении. В науке смысл бытия фактически является лишь метафорой для обозначения предмета ее реального поиска - **цели бытия**, своеобразной обобщающей литературной "красивостью". Предвижу возражение: но ведь есть же научные дисциплины, непосредственно специализирующиеся на теоретическом поиске смысле бытия. Полагаю, что это образец устойчивого стереотипного мышления, ибо философия и ее исторически откристаллизовавшиеся модификации типа этики либо социологии (а их, как правило, имею в виду в данном контексте) отнюдь не являются в строгом значении понятия науками, а скорее дают нам все новые и разнообразные вариации глобальных либо локальных вероучений. Абсолютно по

аналогии с тем фактом, что есть немало вероучений, органически, естественно базирующихся на подобного рода проявлениях научного знания и дающих нам уникальные, целостные философские системы в буквальном смысле слова. Вспомним в этой связи буддизм, джайнизм либо конфуцианство, в равной мере трактуемых в научной литературе как некая пограничная область между знанием и верой, то как философская наука, то как религия. В искусстве же как высшем и наиболее поддающемся наблюдению проявлении эмоциональной природы человека этот смысл предстает как идеал, как прообраз мыслимого совершенства. Между прочим, большинство (если не все без исключения) великие проявления божественного Слова имеют значение и чисто эстетическое, как удивительные памятники мировой литературы. Их место в истории мировой литературы незыблемо и не подвластно никакой конъюнктуре. Об убогих Геростратах, пытающихся либо опровергнуть, искажая, либо исказить, уничтожая великие памятники Слова духа человеческого, мы судим лишь по мере их забвения родом людским. Где ныне те, кто пытался «запретить» Библию? Где ныне те "историки", которые провозглашали Будду - "несуществовавшим", легендой злонамеренных жрецов? Кто в ближайшем будущем вспомнит о тех иудах от идеологии, кто еще вчера клялся Марксом, не читая его, а ныне вывозит на свалку его труды, подло и тайком, будто бы есть что-либо тайное, что не станет явным, и даже запрещающая сноски на его работы?

Как это ни парадоксально, единого для тройственной истины (знаний, эмоций, веры) и ее обобщения алетеологии смысла бытия попросту не существует. Вместе с тем вне его существования нет и нас с вами. Предположите на мгновение жизнь без смысла (безотносительно к конкретной трактовке этого смысла), и Вы уже готовы перейти в небытие, ибо человек потому и человек, что он в силу неведомых, быть может роковых причин не только проявление души, но и духа. Остается предположить, что смысл бытия по самой сути понятия - только предмет веры. Это подводит к неизбежному выводу, что логически предопределенный, грубо говоря "исследовательский", либо иной, ценностный подход, здесь абсолютно не работает. К такому выводу я пришел в период создания монографии "Драматизм бытия. В поисках смысла".

Рассматривая самые разные теоретические концепции смысла бытия, невольно поражаешься факту отсутствия какой-либо конвенции, договоренности между представителями бесчисленных "философских" школ и направлений по проблеме. Одни разделяют гедонистическую концепцию, провозглашая, что смысл бытия в наслаждении. Другие же видят его в разумном самоограничении, вплоть до эвизонизма как презрения к богатству, к характеристике сути которого я еще вернусь по ходу изложения моих мыслей. Для третьих он видится в силе, трактуемой столь же многопланово и в конечном счете произвольно, в зависимости от политических тенденций, выражаемых ими. Для четвертых смысл бытия в творчестве, что звучит весьма своевременно и привлекательно, но вместе с тем и весьма консервативно, ибо вне какого-либо смысла оказывается жизнь едва ли не большинства людей, которые и не ведают, что такое созидание нового из небытия. Иные, весьма многочисленные мыслители прибегают к предельно лукавому ходу, декларируя привлекательную идею, согласно которой человечество призывается

признать трактовку проблемы как простой и вместе с тем универсальный факт рождения и образования детей, идущих нам на смену (то есть не нам, теоретически несостоятельным, а им, будущим поколениям, передается непосильная теоретическая задача). Позволю себе не продолжать изложение бесчисленных логических вариаций на одну и ту же тему, дающих своим разнообразием основание утверждать, что смысл бытия логически не постижим, он не предмет научного поиска. В рациональной сфере поиска истины равноправное значение имеют (в зависимости от исторических обстоятельств, своеобразия этноса и созданной им цивилизации, групповых страстей) абсолютно несхожие теоретические аргументы, обрастающие, естественно, колоссальной литературой вопроса, значимой лишь для ее преисполненных самомнения авторов и разработчиков как навязываемые ему цели движения и социума, и индивидуальной жизни. Именно их цели, а не некий всеобщий смысл.

В работах по эстетике и эстетическому воспитанию я также пытался обосновать в соответствии с традицией возможность постижения смысла бытия в сфере эмоциональных реакций человека, от самых простых и не структурированных, подобно эстетическому чувству (ибо в нем дается лишь одно качество многогранного бытия), до бескрайней области искусства, художественного творчества человека, которым он коренным образом изменил и окружающий природный мир, и всю жизнь социума, и природу самого человека. Здесь вроде бы опять (как и в рациональных исканиях Духа) выявляется та доминанта тройственной истины, которой изначала предопределена задача в специфической форме удовлетворить пытливые искания на пути от тайны творения к неведомому его смыслу. На первый взгляд, который превратился в окончательную догму, эмоциональная сфера духовного мира человека и все ее творческие проявления, от народной песни и бесхитростной вышивки вплоть до шедевров искусства мирового, почти космического звучания есть не что иное, как утверждение либо отрицание смысла бытия. В действительности всегда и повсеместно мы так именуем совершенно иную категорию - **идеал**, блистательно и, как говорится, на века обоснованную Кантом.

Казалось бы, вечные и увлекательные поиски истинного представления о смысле раз возникшего бытия Духом человеческим в рациональной и эмоциональной сфере органично подкрепляет вера в существование этого смысла. И действительно, историко - культурное сравнение любых вероучений выявляет эту веру как их универсальный признак, что я и отметил ранее. И вместе с тем при более вдумчивом подходе осознаешь, что вероучения не дают нам аналога с рациональной и эмоциональной сферой (ибо вне области их интереса находится и рациональное осмысление цели бытия, и трактовка как идеала), но предлагают какое - то иное общее, типизированное решение, уводящее нас от легких и привлекательных для нашего рода ответов на путь новых и мучительных исканий мятежного человеческого духа. Вдумайтесь хотя бы в то очевидное обстоятельство, что мудрые творцы вероучений (повторяю, безотносительно к их масштабу, вне деления на "мировые" и частные, локальные для жизни того или иного этноса, и уж тем более на "древние", жреческие и новейшие, записанные после 3.000 до нашей эры) как бы предупреждают нас о невозможности простых ответов. Они не дают

нам плоскостной картины мира, где все однозначно, но ведут нас по пути **сомнений к устойчивой вере**. Сомнение здесь изначально и конструктивно. Оно более глобально и всеохватно, чем полный иронии скепсис древнейших мыслителей и художников, от которых в памяти человеческой сохранились лишь имена и отдельные афоризмы. Его начало явственно прослеживается до тех истоков человеческого духа, о которых мы можем судить по каким-либо зафиксированным и тем более дошедшим до нас в целостном, завершенном виде свидетельствам. Приведу лишь наиболее типичный пример - афоризмы Царя в Иерусалиме, сына Давидова, Екклесиаста, выражающие томление духа в поисках смысла бытия. Быть может, этот смысл в открытии нового, неведомого нами, пришедшими на смену поколениям предков? Екклесиаст как Проповедник дает универсальный по значению ответ: "9 Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. 10 Бывает нечто, о чем говорят: "смотри, вот это новое"; но *э т о* уже было в веках, бывших прежде нас".

Уверовать в отсутствие смысла бытия нам не под силу в той же степени, что и признать его бессмысленность. Люди всегда и везде, подгоняемые неодолимыми жизненными потребностями, не без некоторой хитринки полагают смысл в деятельности, даже подневольной, как путь к избавлению и спасению от мира бедствий и зла. Но здесь даже в лучшем случае, вне подневольной зависимости человека от человека, смысл опять - таки ускользает от нас, от нашей веры в его существование. Екклесиаст подмечает и это: "4 Видел я также, что всякий труд и всякий успех в делах производит взаимную между людьми зависть. И это - суета и томление духа!". Но теплится в душах людей надежда на смысл их тревожного, полного невзгод и бедствий бытия (ведь вера и надежда почти синонимичны не только в православии), хотя бы на оценку кем-то либо чем-то их праведных и неправедных дел. Сарказм Екклесиаста, рожденный мудростью, развеивает и эту очередную иллюзию, томление духа: "14 Есть и такая суета на земле: праведников постигает то, чего заслуживали бы дела нечестивых, а с нечестивыми бывает то, чего заслуживали бы дела праведников. И сказал я: и это - суета!". Мудро и убежденно Екклесиаст ведет нас по лабиринтам искушений веры, по тупикам надежды. Не упускает он и аргументов рационализма, знания, вставшего над верой и пошедшего далее по тропам духовной истории особым, победоносным путем, давшего многообразные трактовки цели бытия, но ни на йоту не приоткрывшего его смысл. "17 И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость; узнал, что и это - томление духа. 18 Потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь". В итоге, шаг за шагом, как опытный проповедник - диалектик, владеющий теми тайнами воздействия на слушателя, которые греки назовут искусством маевтики, он обосновывает один из самых убедительных и поэтичных выводов лежащих в основе всех вероучений, точнее, их представлений о смысле бытия: "2 Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, - все суета! 3 Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? 4 Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки. 5 Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. 6 Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои". Поразительно, но иными сло-

вами и в ином смысловом контексте о суетности постижения смысла бытия на пути рациональных исканий говорят и другие великие вероучители.

Принц Сидххартха, ошеломленный суетностью и преходящим значением богатства, радостей, молодости, равно как и бесплодностью рациональной мудрости, пораженный тем же, что и Екклесиаст, "томлением духа", в двадцать девять лет, полный сил, молодости и замыслов, неожиданно покинул мир комфорта и полного изобилия, бросил жену, ребенка, все дворцы и владения и нищим пошел по миру в поиске истинного смысла жизни. Древний манускрипт так рассказывает о начале Великого Пути "Просветленного", "Пробужденного", то есть Будды : "Аскет Гаутама сделался монахом, оставив большую родню. Аскет Гаутама стал монахом, оставив много золота в монетах и слитках, хранившегося в погребках и в покоях. Аскет Гаутама еще молодым человеком, с черными волосами, в счастливой юности, в раннем возрасте покинул родину для безродного существования. Аскет Гаутама, несмотря на нежелание родителей, несмотря на то, что они проливали о нем слезы, обрил себе волосы и бороду, надел желтые одежды и пошел из родины в безродие". Уже в знаменитой Бенисаретской проповеди после многолетнего раскаяния и самоистязания он запустил в движение "колесо учения", выдвинув совершенно неожиданный постулат - о решающем значении в нашем мире страдания, тем самым подчеркнув суетность поиска смысла бытия на пути наслаждений. Его основополагающая формула пратитьясамутпада (приблизительно - становление чего-нибудь из чего-нибудь) гласит: "Из незнания возникают скрытые впечатления, из скрытых впечатлений возникает мыслительная субстанция; из мыслительной субстанции возникают имя и форма, из имени и формы возникают шесть органов; из шести органов возникает соприкосновение; из соприкосновения возникает ощущение; из ощущения возникает жажда; из жажды возникает привязанность (к существованию); из привязанности возникает образование (зачатие); из образования возникает рождение; из рождения возникает старость и смерть, боль и жалобы, скорбь и отчаяние. Таково возникновение целого царства страдания". Итак, при первом и поэтому по неизбежности поверхностном прочтении возникает представление, что для Будды бытие - царство страдания, а в избавлении от страдания - смысл бытия. Но это - облегченное истолкование великого учения. Не следует забывать, что Будда подкрепляет учение о страдании и его постоянной как жажда причине не менее существенным (а с точки зрения современного читателя - необычайно изящным) учением о пяти скандха или (приблизительно к значению понятия) элементах бытия. Эти элементы: телесное, впечатление, ощущение, самскара (конкретные, в количестве 52, проявления человеческого духа типа размышления, жадности, радости, стыда, ревности, тщеславия и т.д.), видьжняна (89 разделов различающих и познавательных действиях духа). Так произнесенное Слово Будды в итоге подводит адептов его учения к мысли об отсутствии бытия, реальности вечного образования. Не буду торопиться с оценкой уникального значения данного вывода Будды для выявления универсальных векторов всех вероучений, что (напомню еще раз заинтересованному читателю) является единственной сверхзадачей моих размышлений о сравнительном вероучении и его перспективах для становления новой цивилизации. Пока лишь обращаю внимание на то обстоятельство, что заменяя бытие вечным

образованием, Будда как и все великие вероучители, побуждает нас идти дальше к тайнам человека, его Духа.

Отрицая правомерность поисков смысла бытия, а порою и просто провозглашая их греховными либо алогичными, все вероучения, и теистические и атеистические, в соответствии с разделяемой ими трактовкой творения, переносят нас в принципиально иную систему координат, в духовный мир, где сталкиваются как два гигантских метеорита коренные, уже креацинизмом предопределенные глубинные представления о добре и зле, основанные исключительно на вере, в ту сферу ангелиады и дьяволиады, о которой я уже говорил. Сотворенное бытие (безотносительно к трактовке его первоисточника) несет в себе начало, и конец, свет надежды и тьму исчезновения, созидание и разрушение в системе человеческих оценок - добро и зло. Ни в одной из этих раздельно взятых ипостасей смысл бытия не раскрывается нам, скоротечным в существовании как мотыльки на ветру. В непримиримой же их борьбе, идущей от первоисточков сотворения, вероучения усматривают сокровенный, сакральный смысл, который следует признать как постулат, не нуждающийся в обоснованиях, ибо он изначален и служит ярким ориентиром для всей вырастающей на его основе человеческих ценностных представлений и жизненных установок. Сфера свободы воли человека только в выборе позиции на арене изначального противоборства добра и зла, божественного и сатанинского.

В теистических вероучениях Бог как единственно сущий (в отличие от иллюзорного и преходящего существования) не только разделяет свет и тьму, но и созидает целое воинство защитников света и поборников тьмы, добрых для человека и искушающих его, обрекающих на муки и страдания, тех, кого мы вправе обобщенно называть ангелами и дьяволами. В атеистических вероучениях, отказывающихся от подобных предельно обобщенных образов-символов добра и зла, их подменяют не менее абстрактные и принимаемые опять-таки на веру категории положительного и отрицательного, взаимосвязанных противоположностей и т.д., иначе говоря, понятия-символы, имеющие аналогичное, принимаемое на веру значение. Не поэтому ли утопические картины светлого будущего в них не менее расплывчаты, а порою и эфемерны, чем столь же утопические представления о грядущем царстве божием либо об аналогичных ему модификациях в других вероучениях.

Конкретная трактовка ангелиады и дьяволиады как изначально присущих вере человека феноменов духовной жизни - монополия специальных, фундаментально и многопланово разработанных теологических учений, соответствующих догматам той или иной религии. Равно как и аналогичных им по сути многочисленных (если не бесчисленных) философских умозрительных систем. Здесь, как говорится, *procul este, profani!* В их дополнительном переложении и интерпретации ныне нет никакой необходимости еще и потому, что мировой рынок в буквальном смысле наводнен старой и новой литературой этого жанра. Сравнительное вероучение изучает эту литературную традицию, учитывает ее реальное значение в движении Мирового духа и стремится к обобщенным выводам, имеющим значимость для всего человеческого рода. Мне представляется, что первоначально в литературе вопроса пальма первенства должна быть все же отдана тем вселенским про-

явлениям Слова, которые словно верстовые столбы, означают поступательное движение Мирового духа (подобно Зенд-Авесте, Ведам, Лунь юй, Трипитаке, Мифам античного мира. Тибетской книге мертвых, Библии, Корану, Капиталу и другим великим Книгам; того поистине загадочного Слова, о котором Иоанн в Святом благовествовании сказал: «**В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог**»; того Слова, которое имеет значение свода божественных заповедей и которое на ранних этапах истории сохранялась коллективной памятью лишь в устной форме. Такова, например, для иудаизма древнейшая, предшествовавшая записанному Ветхому завету Каббала в широком смысле слова, в отличие от Каббалы в узком смысле, обозначающей свод произведений мистического характера, созданный неизмеримо позднее. Книга Иецеры - VIII или IX век нашей эры. Книга Зоги - XIII век нашей эры). Здесь лишь оговорюсь, что мистические, каббалистические сочинения могут и должны быть в дальнейшем предметом увлекательного анализа сравнительного вероучения, ибо мистика - обширнейшая и древнейшая область веры, которую нельзя никак игнорировать при объективном исследовании проблемы, тем более, что в мистической форме порою скрывается все то искомое, что движет мною по пути выработки сравнительного вероучения. Так, в Каббале в узком смысле слова дается трактовка творения мироздания из эн соф (греч. Первоединое), из божественной бесконечной неопределенности, порождающей 10 сефиротов - числа, потоки света, структуры. Они - основа прообраза нашей вселенной и обитающего в ней земного человека (Адама Кадмона, на еврейском языке - первого человека), который изначально обладает умом, душой, жизненной силой.

В устной передаче столетиями, если не тысячелетиями, сохранялись мифы (миф в переводе и есть Рассказ или в трактовке великого русского философа XX века А. Ф. Лосева Слово Шумерской, Вавилонской, Египетской, Древнегреческой и многих других великих цивилизаций), являющиеся по сути дела устной передачей сущности господствовавших в те далекие времена вероучений. О них мы можем судить лишь весьма приблизительно и схематично. Справедливо отмечает историк религии Дуглас Дэвис в статье "Мифы и символы": "О ранней религии, существовавшей перед 3.000 г. до Рождества Христова, написано много ученых трактатов. Но без письменных свидетельств того времени их содержимое является почти ни на чем не основанном предположением. Если бы все современные книги были уничтожены, то как могли бы понять нашу религию археологи, основываясь лишь на руинах и наших могилах ? Бог - творец, которому поклонялись принесением в жертву животных, не оставил никаких археологических свидетельств. Поэтому в своих рассуждениях мы должны ограничиться цивилизациями, о которых мы имеем документальные письменные свидетельства".

Свидетельства эти неведомыми путями изначально были доступны многим народам и цивилизациям, общение которых между собой было куда более активным и интенсивным, чем мы предполагаем. Они синтезированы в великих Книгах, которые я и рассматриваю как обобщенный итог всех мировых вероучений. Отмечу, что и позднее устная передача Заповедей нередко предшествовала их записи и тиражировалась в проповедях страстных и бесстрашных поборников веры. Учение Христа распространилось по миру до его записи в Священном писании и Священном предании, о нем и без

книг узнавали страждущие в темных катакомбах. Об Исламе первые обращенные узнали из проповедей пророка в Мекке и далее, на всем его пути еще до того, как его первую жену Хадиджу осенила поистине гениальная мысль записать все суры Пророка, наняв для этого специального писца. Идеи марксизма усваивали миллионы неграмотных людей из бесед его неутомимых пропагандистов и в этом смысле - апостолов, ныне живут в многострадальной России, где классические тексты К.Маркса практически находятся под запретом, не тиражируются и даже, как я отмечал на основе точных фактов, уничтожаются. Но остаются живыми и неискоренимыми. И уж тем более живы они в великих странах, не изменивших выбору веры, таких, как Китай, Вьетнам, Куба, сознательно отвергнувших путь отступничества. Кстати, ни одно мировое вероучение не знало такого умопомрачительного количества жертв его сторонников, как марксизм, такого сосредоточения гигантских финансовых и материальных средств в борьбе против него - и все всуе, ибо он, как и любое вероучение, бессмертен как одна из ипостасей ищущего Мирового Разума.

Веками раздробленный род людской, вдохновленный Словом своего этноса и цивилизации, интерпретирует и углубляет человеческое его истолкование, создавая глоссы на глоссы, имеющие порой весьма существенное значение для религии. Сравнительное вероучение не сопоставляет эти глоссы, и тем более избегает искушения включиться в теологические споры, что абсолютно недопустимо, но трактует содержание Слова в любых его исторических модификациях как классическое проявление Мирового духа. Еще раз подчеркну того Мирового духа, реальность которого признают как теологические, так и атеистические вероучения. А среди последних - такое мировое атеистическое вероучение как марксизм, которому его примитивные и порою просто недобросовестные противники пытаются приписать отрицание духовности вообще, Мирового духа или разума - в частности. Не буду утомлять читателя специальным историко-философским анализом идей марксизма о реальности духовной жизни человека и ее значении в истории. Тем более, что такой анализ в свое время был проделан блистательным представителем русской психологии Г.Челпановым в брошюре "Психология и марксизм", опубликованной в 1925 году. Там, в частности, он пишет: "Маркс признавал реальность сознания и своеобразие душевных явлений. Маркс признавал действительный характер сознания - способность от себя привносить нечто нематериальное в мир материальных вещей. Маркс признавал изучение *самосознания, субъективной* стороны жизни центральной проблемой истории". Кстати, мысли эти стали вполне хрестоматийными и для нашей учебной литературы по философии. Приведу ссылку на весьма авторитетный университетский учебник "Философия" (авторы - П.В.Алексеев и А.В.Панин). Излагая новые выводы ученых естественников из наблюдений за аномально высоким красным смещением в спектральных линиях квазаров и другими, доступными только интеллекту специалистов процессами в космосе, выявленными в последние годы и ставящими под сомнение существующую модель расширяющейся и пульсирующей Вселенной, создатели этого содержательного и действительно концептуального учебника пишут "Все это, как и неясность возникновения сингулярности, характера пребывания материи в этом состоянии, причин большого взрыва и т.д., меняет ха-

рактер представления о Метагалактике и Вселенной и усиливает аргументы в пользу предположения о возможности бесконечного существования мыслящего духа". Отмечу, что авторы вполне мужественно применительно к современным смутным временам отстаивают как принцип, неколебимую духовную позицию талантливой учебника - материализм, еще раз подтверждая мудрость философского знания, свободного от примитивных политических шор и догм.

Приоритетное ознакомление в этом аспекте со всем богатейшим спектром вероучений является самодостаточным основанием для интерпретации того прелюбопытного факта, что в сфере веры проблема смысла бытия модифицируется в ту духовную Координату, которую символизирует извечный бой ангелов и дьяволов и которая приведет мой поиск основ сравнительного вероучения к более широким и парадоксальным обобщениям, чем только гипотетическое выделение сравнительным вероучением основополагающих векторов веры, в том числе и такого, как смысл бытия, а, быть может, и опровергнет изначальную и привлекательную логической стройностью гипотезу. Но пока же сохраним исходные теоретические ориентиры..

Ницше подметил, что Зороастр как основатель вероучения народов древнего Ирана первый узрел в борьбе добра и зла истинную причину движения вещей. Ахура-мазда (по традиционной лексике – Ормузд) как ангел, или Дух добра возглавляет целое воинство столь же добрых духов или гениев (правдивости, мудрости, благомыслия власти, здоровья и долговечности), ведущее непрерывный бой с воинством злого духа Анхра- Майнью (или по европейской литературной традиции Аримана). На поле этого вечного и изнурительного боя единственный смысл бытия человека - встать лично на сторону Ахура-мазда, верить в его торжество, что и предопределяет индивидуальную судьбу как в этом, так и в потустороннем мире, ибо божество - все ведает и за всем следит.

В Первой Моисеевой книге - Бытие - зло порождает Змей, ибо он "был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог" (Бытие. 3.1.). Он, совративший Адама и Еву, соблаздивший библейскую Праматерь отведать плодов от запретного древа знания, первым был предан проклятью Творца "14 И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей. 15 И вражду положу между тобою и женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятую". Здесь Змей еще не Дьявол, но лишь искушитель, что окажется в других вероучениях достаточным основанием для возвращения ему этого сана или атрибута.

В иудейской традиции, вытекающей из Торы, или Пятикнижия, Дьяволиада не получает образной персонификации, но становится отвлеченным символом зла и неправды, с которыми должен вести непримиримую борьбу по Завету (договору) с Богом народ Израиля в поисках Земли обетованной, будь то ересь непрерывного идолопоклонства, преклонения перед Золотым Тельцом или чужими кумирами либо народами, заселяющими эту искомую тысячелетиями Землю. Первыми же символами ангелиады в иудаизме становятся херувим и пламенный меч обращающийся, которые Иегова поставил на Востоке у сада Едемского, чтобы охранять путь к дереву жизни. (Бы-

тие. 3, 24). Сама же конкретная система ангелиады была переведена в мифы и притчи о жизни великих судей, пророков и царей Иудейских, узаконивших сложнейшую, до мельчайших подробностей и деталей дифференцированную систему поведения, сохранившуюся в иудаизме и поныне. Ту систему, которую народ иудейский систематически нарушает, начиная со времен Моисеевых, тем самым не только испытывая творца - всемогущего Яхве ("Я есть" в переводе с древнееврейского, ибо таковым он явился Моисею, но грешными верующими именуется "Адонай", то-есть Господь, ибо другие многочисленные его имена - Яхве, Элохим, Саваофа – непроизносимы), но и заставляя его временами применять поразительные по жестокости меры возмездия, от Всемирного потопа до почти многократного поголовного истребления иноверцами всех колен Израиля и рассеяния их по миру (диаспора), более того, проклинать его как народ коварный, жестоковыйный. Нарушает с загадочным упорством тысячелетия, пожалуй, до сих пор неумеренно поклоняясь золотому тельцу, и вместе с тем неуклонно и свято почитает как сокровенное понимание смысла бытия, своей исторической исключительности, избранности. Кстати, не грех вспомнить, что именно в Ветхом завете появился **первый Апокалипсис** - книга Пророка Даниила, одно из самых впечатляющих пророчеств о дьяволиаде, о четырех больших зверях - символах греховных царств в его ночном видении, особенно о четвертом звере, «...который был отличен от всех и очень страшен, с зубами железными и когтями медными, пожирал и сокрушал, а остатки попирали ногами, 20 И о десяти рогах, которые были на голове у него, и о другом вновь вышедшем, перед которым выпали три,- о том самом роге, у которого были глаза и уста, говорящие высокомерно, и который по виду стал больше прочих. 21 Я видел, как этот рог вел брань со святыми, и превозмогал их». А также о грядущем пришествии Сына человеческого, которому дана власть, слава и «царство вечное, и все властители будут служить и повиноваться Ему». (Книга Пророка Даниила. Глава7).

Новый Завет не только пришел на смену Ветхому, обветшавшему, "устаревшему" Завету (договору человека с Богом), но и дал принципиально отличное решение проблемы ангелиады и дьяволиады. В нем целый сонм добрых, светлых ангелов окружает Творца, несет миру благовест о приходе Мессии, уносит распятого Иисуса к божественному престолу Бога-отца как возлюбленного и единосущного Сына, предопределяет его приход к оставшимся на земле апостолам для укрепления их в вере.. Но они не просто сонм, но и воинство света, помогающее Иисусу совершить его мученический земной путь и направляемое им на помощь немощным и страждущим. Изначально на их пути встают демонические силы, которые, подобно диаволу, пытались искушать Христа в пустыне, а далее как воинство тьмы, армия Сатаны с роковой предопределенностью встает на пути спасения в истинной вере всего рода человеческого. Развивая эту основополагающую идею Святого писания, Иоанн Богослов в Откровении, одном из самых загадочных пророческих произведений христианского вероучения, рисует образ Дьявола во всем его страшном величии, преображающегося из зверя с семью головами и десятью рогами, способного вложить дух в образ другого зверя, который должен говорить и действовать так, что убиваем будет всякий, кто не поклоняется образу зверя. "16 И он сделает то, что всем - малым и великим,

богатым и нищим, свободным и рабам - положено будет начертание на правую руку их или на чело их, 17 И что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. 18 Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть". Не буду подчеркивать, что, подобно любому вероучению, христианство, раз возникнув, разработало усилиями Отцов церкви, крупнейших вероучителей, совокупными усилиями многочисленных и порою отлично образованных теологов всю ныне существующую структуру ангелиады и дьяволиады, причудливо переходящую и в рациональный мир человека нашей эры, и в его эмоциональные проявления духа, прежде всего в мировое искусство, в его конкретные и вечные образы. О характере последних остроумно сказал Клайв С. Льюис в «Письмах Баламута» : «Казалось бы, что нечего прибавлять, что вера в ангелов - плохих ли, хороших не имеет ничего общего с верой в их привычные изображения. Казалось бы, но, увы, не кажется. Бесов рисуют с крыльями летучей мыши, ангелов - с крыльями птичьими не потому, что хоть кто-нибудь убежден, что нравственное зло обращает перья в перепонку, а потому, что люди любят птиц больше, чем нетопырей. У ангелов крылья, чтобы хоть как-то выразить легкость и скорость свободной духовной силы. Ангелы почти как люди, ибо мы не знаем разумных существ, кроме человека. Существа, стоящие выше нас в иерархии бытия, надо изображать символически, если изображать их вообще. Тут уж неважно, бесплотны они или у них есть тела, которых мы не можем представить».

Процесс перевода ангелиады и дьяволиады в рациональные и образные системы отнюдь не одинаков в разных по характеру вероучениях. В тех из них, где подобно исламу изображение живых существ запрещено, логическая отработка картины противоборства добра и зла приобретает более развернутый, я бы сказал более утонченный, рафинированный и детализированный характер. В Коране и Коранических преданиях (еще раз повторяю, являющихся не только проявлением божественного Слова, но и феноменами мировой поэзии высочайшего уровня, абсолютно необходимыми компонентами современной цивилизованности) к Аллаху как единому Богу-творцу наиболее приближенными оказываются ангелы первого ряда - Джибрил, Микал, Израил, Исрафил. Джибрил (или как вариант – Джibraил) - тот Дух, который и был послан Аллахом к Мухаммаду со святым откровением - Кораном. Он был помощником Пророка в богословских спорах и воинских походах. По воле Аллаха он помогал Адаму после изгнания из рая. Ною - во время Потопа и во многих других добрых делах. Как его постоянный соратник в Коране и Коранических преданиях соседствует ангел Микал (как вариант – Микаил), добывающий землю для созидания Адама, участвующий в омовении сердца Мухаммада перед мираджем. В мусульманской ангелиаде особое место рядом с Аллахом занимает Израил (как вариант - Азраил.) - космическое по масштабам существо, восседающее на ложе света. У него - четыре лица, четыре тысячи крыльев, а тело же состоит из бесчисленных глаз и языков, равных количеству земных людей. Как ангел смерти, он следит за тем, как с дерева у ног Аллаха падает листок с именем обреченного на небытие человека и контролирует, чтобы через сорок дней душа этого человека была исторгнута из тела (для неверующих - с болью, для верующих - без-

болезненно). И, наконец, завершение ангелиады в исламе Исрафил (как вариант Сарафил) с его неизменным атрибутом трубой, в которую он призван затрубить в день воскресения всех мертвых, а до той поры зачитывает с божественной скрижали судьбу мира и всех людей, поручая исполнение приговора другим ангелам.

Не менее четко, я бы сказал логично и изящно в интересующей меня связи выстраивается и дьяволиада ислама. Ее по праву возглавляет ал-Даджжал (или в переводе «обманщик»), своеобразный аналог Антихриста в Исламе. Упомянутый не в Коране, но в хадисах и повествованиях о конце света, он до поры остается прикованным к скале в Индийском океане как кафир (неверующий). Но настанет Судный день, и он появится с Востока на огромном осле в сопровождении всех неверующих и лицемеров, подчинив себе весь мир, кроме Мекки и Медины (то есть городов Пророка, его твердыни). После сорокадневного мирового господства он будет уничтожен спустившимся с неба Исой, т.е. Иисусом и ал-Махди, последним преемником пророка, своеобразным мессией. Рядом с ним в дьяволиаде ислама - Иблис, что по гречески означает - сатана, дьявол. В бытовом исламе он именуется Шайтаном. В Коране говорится о нем как первом отступнике от Аллаха, отказавшимся пасть ниц перед Адамом. «Я - лучше его: ты создал меня из огня, а его создал из глины». Выпросив отсрочку у Аллаха от неизбежного низвержения в огненный ад, Иблис дал клятву вредить Творцу и людям везде и всегда. «Я засяду против них на твоём прямом пути. Потом я приду к ним и спереди, и сзади, и справа, и слева, и ты не найдешь большинства из них благодарными». Именно Иблис как коранический персонаж совратил Адама и Еву, уговорив их вкушать плод запретного дерева. Он порождает сонм злых духов - джиннов и шайтанов разного калибра, вечно обитая в древних руинах, на старых кладбищах и даже в банях и на рынках, среди толп людей, порою напиваясь до непотребства. С Иблисом связаны и крайне злобные, агрессивные джинны женского рода, обитающие в пустынях и заманивающие в песчаные ловушки путников.

Совершенно иной характер имеет ангелиада и дьяволиада в таких вероучениях, как буддизм или конфуцианство. Правда, в буддизме есть свой дьявол - искушитель Мара, сбивающий просветленных с истинного пути. Но важнее другое. И в буддизме, и конфуцианстве зло предстает как дьяволиада, духовная сила, которую должен сам, персонально преодолеть на пути истины, верности правилам подлинно верующий.

Перспективы бытия

Но вот что весьма примечательно: в какой бы из областей триединой истины ни обсуждалась вечная (если не изначальная для рода людского) проблема ангелиады и дьяволиады и как бы она ни трактовалась, сам факт борьбы добра и зла, светлых и темных сил признается неотъемлемым атрибутом бытия, а точнее его сокровеннейшим смыслом. Поэтому закономерно и вполне органично трактовка смысла бытия в любом без исключения вероучении снимается и перерастает в сакральный вопрос о **перспективах** противоборства света и тьмы, реальности небытия, о том неведомом, что, быть

может, ждет нас в ином мире, когда, по гениальному и страшному прозрению Иоанна Богослова, и **времени уже не будет**. И ждет ли...

Пещерный страх перед смертью, таящийся неотвратно в глубинах сознания любого современного, с нашей точки зрения, цивилизованного, просвещенного человека с того момента, когда в нем, еще совсем юном существе начинает теплиться искра духовности, изначален для него как родового существа. Он давит на него даже тогда, когда он бьется в шизофренической истерике развлечений и предпочитает нормальной, подлинно человеческой жизни с ее необходимыми горестями и радостями включение в броуново движение потерявшей всякие представления о ценностях бытия толпы, заменившей рациональную одежду безумными гримасами «моды» (хотя любой грек в пору Античности, ограничиваясь хитом или же римлянин, предпочитавший всем восточным излишествам в одежде славную тунику, постигали красоту одежды куда глубже, чем наши всерьез больные в психическом отношении модники и модницы). Он неотвратно преследует нас от рождения (хотим мы признаться себе в этом или не хотим) даже в условиях иллюзорного бытового комфорта безликой толпы, подменившей рациональное обустройство городов алогичными бытовыми излишествами одних за счет других, этот страх давит на все его существо. Если в начале было Слово, если Душу живую (**а Душа и есть в переводе жизнь**) создатель одарил Духом, сумевшим стать богоподобным по творческой силе, преобразованию косной материи в безграничную ойкумену - вторую природу, новую среду обитания, то неужели и он конечен? Неужели силы света неизбежно отступают перед воинством мрака, бытие человека как вершины творения перед небытием? Неужели дьяволиада современной больной цивилизации - действительно конец света? Верования в любых их формах, в том числе, и в изощренно - философских с древнейших времен с порога отмечают возможность такого предположения. Напомню в этой связи мысль Цицерона: «Я, право, не согласен с теми, кто недавно начал утверждать, что вместе с телом погибает и душа и что смертью уничтожается все. Для меня больше значит авторитет древних, вернее, авторитет наших предков, признававших за умершими столь священные права; они, конечно, не поступали бы так, если бы думали, что это не имеет никакого значения для умерших, или авторитет тех, кто жил в нашей стране и своими учениями и наставлениями просветил Великую Грецию, ныне уничтоженную, а тогда процветавшую, или авторитет того, кого оракул Аполлона признал мудрейшим и кто не отстаивал то одно, то другое положение, как он поступал в большинстве вопросов, но всегда утверждал одно и то же: души людей божественны, и для них, когда они покинут тело, открыт обратный путь на небо, тем более беспрепятственный, чем лучше и справедливее был тот или иной человек». Даже атеистические верования не могут смириться с роковой неизбежностью универсального небытия, лукаво изобретая постулат о вечности коллективного человеческого духа, закономерной преемственности его достижений от поколения к поколению. Кстати, при полном игнорировании очевидного факта забывания человечеством почти всего, добытого в прошлом развитии разных, однообразной чередой идущих на смену друг другу цивилизаций. От атлантов осталось лишь имя, арии живут как легенда, тысячи лет разветвленной и могучей египетской цивилизации скромно умещаются на полках

музеев да в загадочно молчащих захоронениях и символических памятниках. Сколько ни произносить заклинаний о культуре как коллективной памяти, ее законом остается историческое беспамятство, даже беспощадный нигилизм к прошлым достижениям человеческого гения. Сегодня они ищут подкрепляющие оптимистический взгляд на мировой порядок аргументы в генетической памяти, безусловно,- реальной. О современной естественно-научной трактовке генетической памяти читатель может почерпнуть много весьма поучительных историко - философских сведений и новых естественно-научных представлений в обзорной статье Л.Гримак и С.Политыко: «Генетическая память: великая тайна жизни» (журнал «Прикладная психология и психоанализ».1998). Многие исследователи вместе с тем и генетическую память считают столь же безусловно **конечной** в итоге, в перспективе. Ибо и на уровне генетическом мы в итоге смертны. И памяти - не будет...

Теистические же вероучения от идеи креацинизма через ангелиаду и дьяволиаду в их вечном, изначальном и неискоренимом противоборстве идут к общему признанию (безотносительно к специфике конкретных форм этих вероучений и их исходных догматов) **атанасизма**, то есть принципиального, изначального и открытого убеждения в бессмертии духа. Не стоит спешить с примитивно материалистическим, вульгарно - механистическим опровержением данной аксиомы, от которой и прокладывается вся дальнейшая магистральная дорога сравнительного вероучения, базирующегося как на познанном, так и на еще неведомом и даже таинственном. Ведь трудно предположить, что тысячелетиями миллиарды людей и прежде всего делегированные ими лучшие умы, наиболее тонкие художники и объединявшие воедино бесчисленные толпы верующих создатели вечно живых вероучений просто заблуждались либо пребывали во власти некоего помрачения духа. Должно же быть нечто, что всегда поддерживало их искания...

В этих исканиях следует сразу же отграничить два взаимосвязанных аспекта проблемы перспектив бытия как выделенного мною общего вектора сравнительного вероучения: об **эсхатологии**, или учении о конце света, и о **палингенезе** как неизбежном торжестве, возрождении Духа. Понятие палингенеза я применяю не только в традиционной интерпретации как обновление, возрождение, идущей от мысли Гераклита о необходимом и закономерном обновлении всего сущего благодаря вечному и неизменному огню, от концепции Платона об обновлении человеческого духа в результате его необходимых преобразований и христианского представления о крещении как новом рождении, точнее - возрождении человека. Объем этого понятия шире и многограннее, и во многих вероучениях оно включает и то, что принято именовать метемпсихозом или переселением душ в мгновения смерти из одного тела в другое.

Что касается конца света, то именно в идее эсхатологии своеобразно проецируется изначально присущий всем нам неодолимый страх перед природной закономерностью финала не только индивидуальной скоротечной жизни, но и существования всего человечества, неоднократно вызывавшийся и подкреплявшийся вполне реальными космическими катаклизмами, сотрясавшими Землю как зыбкий корабль в бескрайнем космосе, от всемирных потопов до исчезновения в неведомой пучине целых материков, равно как и гибелью великих цивилизаций, о которых мы, наверное, не ведаем доста-

точно и поныне, подобно гиперборейской. Конец света не плод умозаключений и эмоциональных переживаний, но прежде всего продукт веры, возникающий на основе трагических воспоминаний. Естественно, историческое и этническое своеобразие вероучений предопределяет разную систему убеждений и представлений о характере конца света, который поглотит и природу, и человечество. Но опять-таки загадочно их единообразие в своеобразном вытеснении «идеи» конца света из космической плоскости в иную, чисто духовную, где она предстает как закономерное противоборство изначально-го добра со вселенским злом. Словно отгоняя от себя страх перед реальным, неотвратимым концом света, точнее, нашей Вселенной, вероучения приводят Дух человеческий как синтез миллиардов индивидуальных душ в Рай или Ад (повторю, что это - понятия, в той или иной мере обязательные для всех без исключения вероучений, и разница лишь в пророческих вариациях на одну тему) иначе говоря, принципиально смещают акцент всех фаталистических убеждений и представлений в сферу его возможного и конкретно представляемого в меру его возможностей инобытия.

Идущие из неведомых нам глубин человеческой истории представления о Рае и Аде как негасимая эстафета, передаются от вероучения к вероучению. Не буду в этой связи излагать систему взглядов античности - Древней Греции и Рима. После уникальных по значению трудов А.Ф.Лосева здесь самое целесообразное и корректное - отсылка к ним.

Я неоднократно говорил о Коране не только как о великом образце Слова, но и как о гениальном поэтическом прозрении Мухаммада. Развивая идеи зороастризма, иудаизма, христианства о Рае и Аде, отлично усвоенные в период многочисленных скитаний от Мекки до Византии, Пророк придал им образную конкретность (приобретенную христианством лишь в «Божественной комедии» Данте, отчетливо запечатлевшей влияние коранических картин), а стало быть, и исключительную впечатляющую мощь воздействия на психику обычного, массового человека. Рай в исламе - ал-Джанна, заветное место, где все праведники будут пребывать в состоянии блаженства во веки веков. Там богобоязненным, обещает Сура Мухаммад «16(15) Там - реки из воды не портящейся и реки из молока, вкус которого не меняется, и реки из вина, приятного для пьющих, 17. И реки из меду очищенного. И для них там всякие плоды и прощение от их Господ». Всем тем, кто боится сана Господа своего, уготованы два сада (Сура Милосердный). - «50(50). В них два источника протекают. 52(52). В них - из всяких плодов два сорта.54(54). Опираясь на ложа, подкладка которых из парчи, а сорвать плоды в обоих садах - близко. 56(56). Там скромноокие, которых не коснулся до них ни человек, ни джинн. 62(62). И помимо двух еще два сада,- 64(64). темно-зеленые. 66(66). В них - два источника, бьющие водой... 68(68). В них плоды, и пальмы, и гранаты. 70(70). В них - добротные, прекрасные,- 72(72). черноокие, скрытые в шатрах,- 74(74). Не коснулся их до них ни человек, ни джинны». Уверовавшему в Аллаха, а тем более погибшему за его дело мусульманину уготован вечный покой и прохлада сказочных садов, богатейшие одежды и изобилие всяческих яств, вечно молодые и девственные райские девы и ставшие такими же земные супруги правоверных. Не грех в этой связи обратить внимание на то обстоятельство, что трактовка Мухаммадом Рая на многие века предопределила презрение мусульман к смерти, их личное мужество и во-

инскую стойкость, которую напрасно испытывают «великие нации». Им бы неплохо запомнить раз и навсегда, что в Суре Семейство Имрана Пророк учит: « 163(169) И никак не считай тех, которые убиты на пути Аллаха, мертвыми. Нет, живые! Они у своего Господа получают удел" или что в Суре Верующий Пророк обращается к своему народу : « 42(39)...Ведь эта ближняя жизнь - только пользование, а ведь будущая - дом пребывания».

Иную, весьма зловещую и приводящую в содрогание любого грешника, человека или джинна, картину рисует Пророк в описаниях Джаханнам - коранического варианта Ада. Там грешники неизбежно, по воле Аллаха, будут вечно гореть в огне: «108(106).А те, которые несчастны, - в огне, для них там - вопли и рев». (Сура Худ). Обещая им сожжение в страшном огне и питье из кипятка, распределяя грешников по разным орбитам, Джаханнама Пророк рисует его то как ужасного, рычащего и гневного до предела зверя, поглощающего доставшиеся ему жертвы, то как пропасть типа кратера, путь в которую открывают семь ворот. В геенне «44(44). ...семь врат, и у каждого врат из них - отдельная часть» (Сура Ал – Хиджр). Они и разделяют путь грешников и вероотступников, предавшихся падшему ангелу Иблису, в небытие на страшные муки впредь до Судного дня.

Палингенез - вера, опять-таки перерастающая в лукавую надежду избежать неизбежного по естественным законам мироздания трагического финала человечества. Отсюда образная конкретизация бессмертной жизни Духа после исчезновения в небытии тленной, преходящей оболочки. Христианскую концепцию духовного воскресения с подлинно поэтической силой охарактеризовал в Первом послании к коринфянам апостол Павел (Глава 15) « 35 Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут? 36 Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет; 37 И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое; 38 Но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело. 39 Не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у людей, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц. 40 *Есть* - тела небесные и тела земные : но иная слава небесных, иная земных; 41 Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе. 42 Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; 43 Сеется в унижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; 44 Сеется тело душевное, восстает тело духовное. *Есть* тело душевное, *есть* тело и духовное». Палингенез не отменяет и те верования, которые исповедуют метемпсихоз - переселение душ, во что верили египтяне и во что поныне верят и представители ведических установлений и заветов, и последователи буддизма.

Эсхатология и палингенез могут показаться разными координатами на пути исканий человеком перспектив бытия. Если, конечно, не учесть одно весьма примечательное своеобразие этих исканий. Они не только реализуются в действии человека, но и оцениваются в сложном мире его переживаний, знаниях и эмоциях. В верованиях же оценка парадоксальна, но в соответствии с глубинной логикой развития Мирового духа оказывается всего лишь проекцией на мирском уровне ангелиады и дьяволиады. Именно она помогает каждому человеку в соответствии с его верой самостоятельно определить пути добра и зла, тем самым избрав свободно как **будущность на**

том свете, так и формы пребывания в неведомом , потустороннем для него мире. А значит и осознать личную ответственность за все содеянное в нашем бренном и скоропреходящем бытии. Осознать не только в умозрительном плане, типичном для философских концепций всех времен и народов, но доступных преимущественно малому кругу интеллектуально образованных людей. Да и не в образных прозрениях искусства, дающего бесчисленные по масштабу и характеру варианты решения изначального вопроса: «Быть или не быть?», но все же затрагивающих опять - таки только сердца немногих художественно образованных людей, подлинной интеллигенции каждой цивилизации и любой эпохи развития последней. Но принятые на веру миллионами забитых жизнью людей (не будем лицемерить, их в человеческом роде остается подавляющее большинство) как эсхатологические представления о счастливой будущности человечества и конкретных, неизбежных формах его пребывания в ином мире, так и вытекающая из них надежда на палинггенез в результате, итоге предопределяют их земное существование, бытовые принципы, поведенческие ориентации и универсальные заповеди бытия. Их-то не без некоторой условности я и называю нормами бытия.

Нормы бытия

Нормы бытия, сложные по структуре, оказываются вопреки нашему первоначальному гипотетическому предположению в итоге, в ведущей тенденции интегрирующим, **главным вектором всех вероучений** . Оставляю в стороне генезис норм бытия и не буду сейчас обсуждать, что же в конце концов первично: Слово ли, провозгласившее в великих Книгах либо в иной форме данные свыше нормы как основу Завета (договора) Бога с людьми, или же реальное человеческое существование, в итоге позволившее отсеять роду людскому все целесообразное, разумное и в этом смысле - вечное в нем, обобщенное далее как главный предмет веры - основополагающего регулятора наших действий. И в том, и в другом случае их вполне правомерно считать божественными по значению для человечества. Но сразу же, при согласии с исходной посылкой, обнаруживается не тождественность таких используемых мною понятий, как универсальные нормы бытия (основные заповеди) и нормы повседневного бытия во всех его аспектах, от бытовых наставлений до повелений о характере человеческих отношений.

Бытовые наставления, излагаемые в вероучениях, охватывают отнюдь не все бытовые традиции этноса, на практике неизмеримо более детализированные, но лишь те, которые существенны для понимания истины той или иной конкретной веры. Поэтому они становятся обязательными и для представителей другого этноса в случае их обращения в эту веру. Подобным же образом поведенческие нормы, излагаемые в вероучении, выражают истину веры и призваны озарять ее светом все многообразное и непредсказуемое поведение человека в системе сложнейших и запутанных человеческих отношений, кристаллизующихся в нормах «земной» морали, всегда имеющих релятивное и ситуативное значение и наполнение, и если говорить откровенно, всегда преисполненных изрядной доли социального цинизма. Нормы морали оказываются на поверку весьма удобными принципами, навязывае-

мыми одними людьми (группами людей) в их вполне своекорыстных интересах другим, как достойные и общеобязательные ограничители, табу человеческих страстей, влечений, действий. Как не вспомнить в этой связи оценку морали таким провидцем будущего, как Шарль Фурье в «Заблуждении разума»: «Это наука, очень удобная для интриганов, наука, признающая правами всех писателей, каково бы ни было различие их принципов, при условии, что они покрывают себя маской секты, именем моралиста. Как только они надели на себя в качестве нагрудного щита это наименование, они могут проповедовать за и против, убийство или благодеяние, они, подобно врачам, правы и в том, и в другом случае. Подобный социальный цинизм, который ведом каждому человеку, живущему на Земле, в вероучениях преодолевается, ибо они - выше власти и людских своекорыстных целей по самой своей сути».

Общие для всех вероучений нормы бытия, каково бы ни было их происхождение, пребудут в отличие от преходящей морали во веки, до вполне предсказуемого финала человеческой истории. Без преувеличения их следует назвать (и отнюдь не только во имя терминологической корректности) заповедями бытия человечества, которые в итоге сравнительное вероучение и призвано выделить в системе **бытовых предписаний, этнически - своеобразных поведенческих норм или повелений, конкретных и специфических для того или иного вероучения общих заповедей**, по неизбежности входящих в любую систему веры, в том числе и в великие книги. Сквозь призму всеобщих заповедей бытия человечества наилучшим образом высвечивается Божественный (или Человеческий) смысл всей системы заповедей любого из вероучений, что открывает увлекательнейшие перспективы для любого исследователя феноменов Мирового Духа. Задача рассмотрения всеобщих заповедей бытия как ориентира в бескрайнем мире вероучений, ныне вполне посильная благодаря фундаментальным трудам теологов, историков религии, равно как и ее исторической критики, находится вне логики моих раздумий. Обращу внимание читателя лишь на содержательную сторону проблемы и на сложности, возникающие на избранном мною пути введения в сравнительное вероучение.

Не будет преувеличением утверждение о нормах бытия как главном содержании всех вероучений безотносительно к форме их выражения. Предварительно еще раз подчеркну в конвенциональных целях отчетливо выявленную дифференциацию обобщаемых и декларируемых в вероучениях как незыблемые и обязательные нормы бытия. Некоторые из них совершенно бесспорно относятся к условиям выживания того или иного этноса и характерны для его исторически своеобразного существования. Их я отношу к **бытовым предписаниям**, от которых не может отступать поборник той или иной веры. Сравнительное вероучение отнюдь не игнорирует их, но стремится выявить содержательный смысл подобных, пусть даже странных и непривычных для другого этноса норм бытия, которые, между прочим, всем нам следует знать и понимать во имя человеческого единения и веротерпимости. Не исключено, что во многих из этих бытовых предписаний скрыт и некий более глубокий, сокровенный эзотерический смысл, который является основной задачей моего логического поиска.

Иные нормы бытия предопределяют более широкий спектр человеческого поведения, соответствующего представлениям веры, господствующим в реальной этнической или историко-культурной среде. Их правомерно называть **поведенческими нормами или повелениями, для истинно верующего имеющими божественное, а стало быть, неоспоримое значение**. Но при этом они все же не носят универсального характера для бытия всего рода человеческого. Большинство из них имеет формообразующее значение для жизни конкретного этноса и цивилизации, но не могут переноситься как нормы бытия в другую человеческую общность того или иного периода. Но вдумываясь в их сокровенный смысл, трудно отделаться от ощущения некоего внутреннего содержательного единства даже тех заповедей - поведенческих повелений, которые представляются абсолютно уникальными для отдельно взятого вероучения. Но, быть может, вероучения и великие, и малые, и оформленные в развитые религиозные системы с особыми догматами, таинствами, церковной организацией, и существующие на фольклорном уровне, сами выявляют основополагающие для конкретного вероучения исходные, **общие заповеди**, которые зачастую открывают путь новому учению? Едва ли, ибо, изначальные Заповеди, как правило, пролагающие путь новому вероучению, нередко весьма существенно разнятся друг от друга. Не случайно общее в них, ставшее целью моего поиска, постепенно по ходу анализа исчезает как фантом воображения. Так, если иудаизм, христианство и ислам дают нам кажущееся чисто внешнее единообразие основных Заповедей, то буддизм, давая некоторую аналогию в пяти из них (Ты не должен убивать; Ты не должен красть; Ты не должен жить нецеломудренно; Ты не должен пить опьяняющих напитков.) по характеру других пяти общих заповедей, загадочно уникален. Эти дополнительные, если можно так выразиться с точки зрения общего вероучения, Заповеди требуют специальных историко-этнографических и теологических комментариев. Без них нам, непосвященным, не понять универсального смысла таких заповедей Будды, как: «Ты не должен есть в неуказанное время; Ты обязан не принимать участия в пляске, пении, музыке, представлениях, Ты не имеешь права пользоваться венками, благовониями и украшениями; Ты не можешь спать на высокой или широкой кровати; Ты не можешь принимать золота или серебра.». Сравнительное вероучение, вскрывая глубинную логику в многострадальном поиске человечеством истины веры, показывает, что лишь немногие нормы бытия, выделяемые сравнительно-аналитическим анализом во всем почти безграничном многообразии вероучений, приобретают действительно сокровенный общечеловеческий смысл в мировой истории Духа... Их следует не только познать, но и принять сердцем как предмет веры и тем самым - действенный ориентир нашего земного бытия. Но какие из Заповедей многих вероучений можно отнести к ним, определить далеко не просто. Более того, вычленив их, мы в действительности не можем ограничиться их переложением либо фиксацией, поскольку мировой дух и здесь дает нам удивительные, почти неразрешимые загадки.

Мой экскурс по необходимости будет ограничен, и не только жанром предпринятого введения в сравнительное вероучение, но и отсутствием желательного универсального энциклопедизма у автора, что, повторяю, в значительной мере компенсирует основательная теологическая и религиозвед-

ческая литература вопроса, ныне доступная широкому читателю. Полагаю, что предпринимаемая мною выборка достаточно репрезентативна, корректна и дает право на ее основе делать предварительные, прогностические по характеру общетеоретические выводы и умозаключения.

Сразу же отмечу одно прелюбопытное обстоятельство - разную степень детализации норм бытия в том или ином конкретном вероучении. Оно совершенно очевидно даже и в том случае, если Вы попытаетесь вычленить нормы бытия, не только декларируемые как неоспоримые и не подлежащие обсуждению в проповедях великих вероучителей, но и выделите их из всего контекста изучаемых произведений, включая легенды и притчи, чудеса и обобщающие выводы из них. Однозначный итог неизбежен: признание разной степени детализации норм бытия в известных нам вероучениях. В "Торе"- священной Книге иудаизма, который выводит историю еврейского народа с того мига, как Иегова (сущий) сотворил небо и землю, затем Адама с Матерью всех живущих- Евой, Моисей передает народу заповеди, которые были им получены на горе Синай от Бога во время великого Исхода из египетского плена, а также ретранслирует установления Бога, полученные им во время сорокалетнего блуждания в пустыне. Их, по моему подсчету, в общей сложности не менее шести сотен (с возможными небольшими отклонениями от этой цифры в зависимости от той или иной текстологической интерпретации). Некоторые из них прямо-таки озадачивают своеобычностью, объяснимой лишь условиями жизни народа, их породившего, его исконными бытовыми традициями. Скажем, такое установление во «Второзаконии»: «Не надевай одежды, сделанной из разных веществ, из шерсти и льна вместе». (Глава 22.11.) И все они без исключения - результат Завета бога с иудеями, постановления, имеющие вечную силу законов Иеговы. Отклонение от них недопустимо в любом случае, ибо иначе не будет исполнено обещание Творца, посулившего избранному им народу войти в землю Ханаанскую, истребив все населяющие ее народы - Хеттеев, Гергесеев, Аморреев, Хананеев, Ферезеев, Иевусеев. «31 И соблюдайте заповеди Мои и исполняйте их. Я Господь. 32 Не бесчестите святого имени Моего, чтоб Я был святым среди сынов Израилевых. Я Господь, освящающий вас, 33 Который вывел вас из земли Египетской, чтоб быть вашим Богом. Я Господь». (Третья книга Моисеева. Левит. Глава 22.)

Для правоверного иудея они равноценны и обязательны и поныне, пусть они касаются порядка жертвоприношения или наказаний за послушание либо непослушание, постановлений о чистых и нечистых животных либо законов о браке и мерзости половых отношений. Здесь не имеет значения наше, современное отношение к ним, хотя со многими из них нельзя не согласиться как проявлениями общечеловеческой мудрости, другие же попросту не доходят до нашего духовного мира как божественные заповеди в силу своей уникальности. Так, насмотревшись сексуально параноических фильмов, поэтизирующих всей мощью киноиндустрии, в значительной мере находящейся в руках людей, исповедующих иудаизм, половые извращения на любой вкус, не без некоторой ностальгии воспринимаешь такую заповедь Бога: "21 Если кто будет прелюбодействовать с женою замужнею; если кто будет прелюбодействовать с женою ближнего своего: да будут преданы смерти и прелюбодей, и прелюбодейка." (Левит. Глава 20). Если не лицемер-

рять, то именно о таком финале, по крайней мере в помыслах своих, мечтает любой верующий семьянин сторонник иудаизма. Но едва ли самые строгие поборники иудаизма выполнят сегодня повеление Господа о возмездии отроковице, у которой муж не найдет девства : «21 То отроковицу пусть приведут к дверям дома отца ее, и жители города ее побьют ее камнями до смерти; ибо она сделала срамное дело среди Израиля, блудодействовав в доме отца своего; и *так* истреби зло из среды себя. "(Пятая книга Моисеева. Второзаконие. Глава 22.) Не поймет ныне и неортодоксальная еврейская молодежь, бытующая в порах Американской или Европейской цивилизации, такое, например, вполне оправданное для других эпох ограничение: «5 На женщине не должно быть мужской одежды и мужчина не должен одеваться в женское платье; ибо мерзок пред Господом, Богом твоим, всякий делающий сие». (Пятая книга Моисеева. Второзаконие Глава 22.) В условиях сексуальной свободы не усвоит она (а свидетельств тому - тьма!) и такую заповедь Моисея, как запрещение под страхом смерти мужеложества. Не без юмора воспримет она и бытовые заповеди пророка Исаяи, например, акую: «11 Горю тем, которые с раннего утра ищут сикеры и до позднего вечера разгорают себя вином. 12 И цитра, гусли, тимпан и свирель, и вино на пиршествах их; а на дела Господа они не взирают, и о деяниях рук Его не помышляют". (Книга Пророка Исаяи. Глава 5.). Иные заповеди, наставления, законы нуждаются либо в компетентном теологическом, либо в историко-этнографическом истолковании. Например, установление во «Второзаконии»: «19 Смотри, не оставляй левита во все дни, *которые будешь жить* на земле твоей» (глава 12). Его непосвященному не дано понять, ибо ему неизвестно значение священников левитов как представителей колена Левиина в истории Израиля. Отмечу лишь одно: в «Торе» все установления, наставления и заповеди прописаны предельно детализировано, словно Творец не доверял избранному им народу, его стойкости и неколебимости в раз принятой вере и предвидел его духовные метания и жестоковейность, многократные отречения от Завета и постоянные увлечения чужими идолами. Ведь не зря сорок лет вел его по пустыне в землю Ханаанскую Моисей, в итоге испытывав полный разочарование. Не зря же он буквально возопил в преддверии кончины : «24 Вы были непокорны Господу с того самого дня, как я стал знать вас». (Второзаконие. Глава 9). Эти же заповеди повторяются и в других частях Ветхого Завета, уже как притчи, сказания, все мифологическое и легендарное в жизни Пророков, Судей и Царей иудейских, подтверждающее на положительных либо отрицательных фактах незыблемость норм бытия, определенных Словом.

Видимо, общие глубинные семитские корни и тождественность быта евреев и арабов некогда разделившихся на две ветви (а быть может, и общность Бога и пророков, передавших людям его завет), предопределило то любопытное обстоятельство, что в священной книге мусульман - Коране бытовые предписания, поведенческие нормы и общие заповеди прописаны столь же детализированно, от характера молитвы до исполнения поста, от семейных обрядов до регулирования межполовых отношений и т.д. И в ортодоксальном исламе они обязательны по сей день, как бы ни оценивали эти «странности» соседние народы, исповедующие другую веру. Таково, например, поведение женщин - мусульманок, навсегда определенное заветом

Пророка в Суре 24. Свет : « 31(31). И скажи женщинам верующим: пусть они потупляют свои взоры и охраняют свои члены, и пусть не показывают своих украшений, разве только то, что видно на них, пусть набрасывают свои покрывала на разрезы на груди, пусть не показывают своих украшений, разве только своим мужьям, или своим отцам, или отцам своих мужей, или своим сыновьям, или сыновьям своих мужей, или своим братьям, или сыновьям своих братьев, или своим женщинам, или тем, чем овладели их десницы, или слугам из мужчин, которые не обладают желанием, или детям, которые не постигли наготы женщин; и пусть не бьют своими ногами так чтобы узнавали, какие они скрывают украшения. Обратитесь все к Аллаху, о верующие, может быть, вы окажетесь счастливыми». Нормы шариата и адата не выдумка последовавших за Мухаммадом поколений теологов. Они жестко повторяют все детально прописанные в Коране поведенческие нормы, вплоть до порядка молитвы правоверного и личной ответственности за ее исполнение, кстати, многие из которых не грех бы усвоить всем нам, землянам. Не плохо было бы всем нам помнить о наставлении Пророка самим, без лукавых «водителей» разбираться во всех жизненных делах и перипетиях. «И не следуй за тем, о чем у тебя нет знания: ведь слух, зрение, сердце - все они будут об этом спрошены». (Сура 17.Перенес ночью). Да и самые обычные, казалось бы, поучения Мухаммада действительно преисполнены божественной или человеческой - считайте самостоятельно и свободно в зависимости от своего отношения к вере, где, как отмечал он, «нет принуждения», терапевтической силы. Так, не следует всем нам забывать такие его аяты: «39(37). И не ходи по земле горделиво :ведь ты не посверлишь землю и не достигнешь гор высотой!» (Сура 17. Перенес ночью).

Иногда подобной скрупулезной детализации в вероучении нет, как, например, в христианстве, точнее в его классических истоках - Священном Писании и Священном Предании. Иисус в Нагорной проповеди дал миру основные заповеди, которые знает любой верующий. Их прокомментировали и передали народам Апостолы. Но наряду с основными заповедями весь текст Нового завета излагает целую продуманную и веками проверенную иерархию духовных ценностей - бытовых повелений и предписаний поведения, столь же недвусмысленно сформулированную как четкое, целостное учение (учение о милостыне, молитве, посте, сокровище, причинах для развода и т.д.). Более того, в притчах и творимых им чудесах Иисус дает уверовавшим в него такую богатейшую гамму божественных повелений и предписаний, что можно с полным основанием определять их общее количество по числу разделов текста. Не будет особым грехом против христианства выдвинуть предположение, что в подобном изложении божественных заповедей разного уровня и смысла выражается изначальная вера Христа как Сына Бога единосущного в человека, в возможность и неизбежность его спасения на праведном пути, а потому каждое донесенное до нас апостолами его Слово в итоге, при объективном рассмотрении имеет значение заповеди бытия.

С разной степенью детализации многочисленных норм бытия в вероучениях любого плана, от мировых до локальных, требующей специального анализа, приходится смириться как с реальным историческим фактом. Для меня же на ее основе создается привлекательное основание сразу же отсеивать в сравнительно аналитической сетке те нормы бытия, которые ли-

шены универсального принципа повторяемости и вместе с тем остаются фундаментальными для той или иной религии как бытовые заповеди и поведенческие установления. Но не более того, что явно озадачивает. Парадокс заключается в том, что в основных заповедях конкретных вероучений содержится немало специфического только для них несмотря на общность терминологического выражения, а в бытовых предписаниях и поведенческих представлениях очевидно просвечивают некие универсальные для всего человечества нормы бытия, входящие в сектор моего поиска. Короче, в данном случае сравнительно-аналитическая сетка не срабатывает, ибо дает основание для таких теоретических обобщений и выводов, в окончательной результативности которых в связи с определенной мною сквозной сверхзадачей сравнительного вероучения есть достаточное основание сомневаться. Так разрушается первоначальная, наверное, естественная для логики любого исследования иллюзия решения проблемы (иначе говоря - гипотеза), навивная уверенность, что сопоставление только основных заповедей вероучений и есть искомый путь выработки общего вероучения.

Обращаю внимание читателя на эту примечательную и парадоксальную по характеру сложность на пути дальнейшего использования сравнительно-аналитической сетки, побуждающую искать какой-то иной теоретический (а быть может, и совсем не теоретический) путь. Выделив повторяемые в разных вероучениях схожие, и на первый взгляд аналогичные нормы бытия (**бытовые предписания, поведенческие нормы, общие заповеди**) только по форме их изложения, можно оказаться в коварном логическом тупике, ибо при всей терминологической единообразии скрытый в них эзотерический, глубинный понятийный смысл отнюдь не аналогичен, а посему и неподвластен простой формальной логике. Тем более что многие изложены на языке символов, требующем глубоких знаний их применения в текстах либо устной передаче. С другой же стороны, внешне несовместимые нормы бытия в сопоставляемых вероучениях при более корректном подходе оказываются в действительности близкими, а порою даже тождественными друг другу. Постараюсь обосновать данные мысли, перейдя от общих тезисов к конкретике, сопоставлению вечно живых и поныне вероучений во имя выявления всеобщих заповедей бытия человека и человечества.

Характеризуя крайнюю детализацию норм бытия в "Торе", нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что уже в самом изложении норм бытия иудаизма некоторые сразу же выделены как десять основных заповедей сурового и беспощадного Бога Иеговы. Вслушаемся же в них повнимательнее, ибо здесь - загадочнейший перекресток на пути Духа человеческого из прошлого в будущее и база сравнительно-аналитического анализа многих родственных по истокам вероучений, в частности, христианства и ислама. В огне и дыму Бог изрек Моисею вторично десятисловие: «3 Да не будет у тебя других Богов пред лицом Моим. 4 Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли... 7 Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно. 8 Помни день субботний, чтобы святить его. 9 Шесть дней работай, и делай всякие дела твои; 10 А день седьмой - суббота Господу Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни

рабыня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который, в жилищах твоих. 11 Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них; а в день седьмый почил. Посему благословил Господь день субботний и освятил его. 12 Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе. 13 Не убивай. 14 Не прелюбодействуй. 15 Не кради. 16 Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего. 17 Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего.» (Исход. Глава 20). Эти Заповеди Моисей, вторично получивший их от Бога после уничтожения первых скрижалей Завета, повторяет и во Второзаконии, как бы подчеркивая их особое значение для иудеев.

Согласитесь, ассоциации с христианством и исламом напрашиваются сразу же. Не случайно принято как на обыденном, так порою и на теологическом уровне трактовать эти заповеди как христианские. Между тем более внимательное прочтение Святого благовествования от Матфея, бесспорного очевидца земного пути Христа позволяет без особого труда понять и принять сердцем своеобразие его высказываний. Христос, уже в 12 лет поражавший книжников и фарисеев мудростью и знанием Ветхого завета на ступенях Храма, в Нагорной проповеди отнюдь не повторяет нормы бытия иудаизма, но провозглашает совершенно иную, неизмеримо более строгую и требовательную ко всему человеческому поведению духовную систему. Каждый раз он, обращаясь к народу как соли земли, призывает его в праведности превзойти праведность книжников и фарисеев, напоминает о том, что сказано законом и пророками *древними* и дает им Новый завет с Отцом небесным. В его устах «не убий» превращается в неизмеримо более высокую норму бытия - «всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему «рака», подлежит синедриону; а кто скажет «безумный», подлежит геенне огненной»; ветхозаветную заповедь - «не прелюбодействуй» он превращает в иную, неизмеримо более строгую и человеческую : «28 А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. 29 Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну". Не буду продолжать по необходимости краткие извлечения из Нового завета, которые лишь подтверждают мысль об исключительной строгости содержащихся в нем Заповедей, которые остаются таковыми и поныне для всех- истинно верующих вопреки всяческому коварству последующих комментаторов и интерпретаторов, неизменно стремящихся к их «смягчению», «модернизации», приспособлению к новым нравственным веяниям от эпохи к эпохе, что, кстати, оказывается одной из причин тяготения масс, устающих от вечного лукавства сильных мира сего, к Реформации. Они остаются таковыми даже тогда, когда в иных местах Священного писания либо Священного предания используются термины древних. «Не убий», «Не прелюбодействуй» и т.д., ибо за этими терминами совершенно иной смысл, чем в иудаизме. Кстати, ригоризм учения Христа первыми осознали ближайшие к нему апостолы, услышавшие из его уст новые заповеди о браке, в частности, по сравнению с нормой Закона Моисеева, заповедовавшего право мужу давать жене разводное письмо и разводиться с нею. «9 Но Я говорю вам: кто раз-

ведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, *тот* прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует». (От Матфея Святое благовествование.19.9). Потрясенные ученики сразу же сделали вывод : если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться. Дело только церкви трактовать эту, равно как и другие заповеди Христа, но при этом остается бесспорным их высочайшая и бескомпромиссная требовательность к бытию человека на земле, перед которой нельзя не преклоняться. Та бескомпромиссность, которая особо подкупает в Православии.

Мухаммад, отлично знавший и Ветхий Завет, и Новый Завет, отнюдь не ретранслирует нормы бытия иудаизма и христианства. В Коране мы не найдем терминологических совпадений, о которых говорилось выше. В нем нет заповеди «Не убий», но, напротив, в целом ряде сур обосновывается право мусульманина на убийство во имя Аллаха. Так, в суре Корова говорится: « 173(178). О те, которые уверовали! Предписано вам возмездие за убитых: свободный за свободного, и раб - за раба, и женщина - за женщину. А кому будет прощено что-нибудь его братом, то следование по обычаю и возмещение ему во благе». В Суре Покаяние дается предписание о поведении правоверных после истечения договора с многобожниками: «5(5). А когда кончатся месяцы запретные, то избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, осаждайте, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте! Если они обратились и выполняли молитву и давали очищение, то освободите им дорогу: ведь Аллах - прощающий, милосердный!». Подобные цитаты, вырванные из контекста, легко умножить. Что, кстати, и делают те злоумышленники от веры, пытающиеся доказать, что ислам - религия насильников и грабителей по истокам своим. Напомню объективности ради, что не мусульмане развязали в XX веке истребительные и непрекращающиеся поныне войны, число жертв которых уже приближается к ста миллионам! Нет и совпадений по другим, характерным для иудаизма и христианства основным заповедям. Порою в периодике и журналистике такое различие трактуется как полная тождественность исламского экстремистского фундаментализма с Заповедями Корана, что вполне тенденциозно и выхолащивает из Корана его гуманистическое содержание. При подобном подходе, предопределяющем пропасть между народами и цивилизациями, остается необъяснимой загадкой появление на основе Корана великой философии, медицины, астрономии и математики Востока как базы современной европейской образованности, и уж тем более несравненной, в истинном смысле слова гуманистической, то есть человеческой поэзии Низами, Фирдоуси, Рудаки, Бируни, Джами.

Между тем простое, объективное прочтение Корана как великой Книги, являющейся общекультурным достоянием человечества, позволяет утверждать, что своеобразие терминологии, используемой Мухаммадом, предопределено вполне конкретными историческими условиями, что прекрасно и неопровержимо доказано в таком уникальном научном издании, как Энциклопедический словарь «Ислам». Утверждая, что здешняя жизнь - только игра и забава, подчеркивая высшее значение духовного мира для правоверных, пророк формулирует нормы бытия этого мира по сути своей тождественные с другими великими вероучениями, как «прямые пути для различ-

ния». Не буду их перечислять, ибо, как говорится, имеющий уши да слышит. Поразительно, что сам Пророк отчетливо понимал генетическую общность духовной жизни всего человечества, его норм бытия. «209(213). Люди были одной общиной, и послал Аллах пророков вестниками и увещателями и ниспослал с ними писание с истиной, чтобы рассудить между людьми в том, в чем они разошлись. А разошлись только те, которым она была дарована, после того как пришли к ним ясные знамения, по злобе между собой. И Аллах вывел тех, которые уверовали, к той истине, относительно которой они разошлись по его дозволению. Аллах ведет, кого пожелает, к прямой дороге!" (Сура Корова).

Трактовка характера изложения норм бытия, в конечном счете и в перспективе, развитии - дело вторичное для сравнительного вероучения. **Здесь может говорить, имеет право говорить только теология (применительно к теистическим вероучениям), либо традиционная философия (применительно к вероучениям атеистическим)**, равно как и фундаментальное религиоведение. Моя же изначально ограниченная и определенная цель - выделение в этом разнообразии всеобщих норм бытия, которые удастся вычлениить на основе логически - аналитической сетки, общности иного, высшего уровня. Но возникает тупик, который не преодолеть на основе избранной мною логической технологии, применяемой к иной сфере истины - истине веры. Напрашивается неожиданный вывод: нужен какой-то иной подход. Его можно найти лишь в том случае, если удастся осознать причину, загнавшую меня вместе с читателем в тупик привычного рационализма, мало эффективного при интерпретации эмоционального мира и веры как граней триединой истины.

Не скрою: многие дни и ночи я пытался докопаться до этой причины, пока не осознал, что провозглашая алетеологию как методологический принцип, невольно оказался в плену старой, картезианской методологии, сыгравшей великую революционную роль в развитии современной цивилизации, и прежде всего промышленности и науки, эффективной в интеллектуальной сфере нашего духа.. Той самой, которую неоднократно критиковал как исчерпавшую себя в системе образования эпохи Озарения в педагогической прессе. Напомню гениально простой и неоспоримый на века ход мыслей Декарта. Основоположник современного рационализма, живший в Швеции весьма уединенно более двух десятилетий, до своей кончины в 1650 году, пришел после глубочайших философских раздумий к сомнению и в истинности традиционных положений науки и чувственного познания. Но доверие всемогуществу разума ему вернула простая и великая неоспоримая истина : «*Cogito ergo sum*» или «Я мыслю, следовательно - существую». Памятуя все эти доступные любому студиясту историко- философские сведения, я упустил один весьма примечательный, если не основополагающий момент в системе рассуждений Декарта. Для него основной идеей, которой изначально располагает мышление, является идея Бога! Естественно, человек не мог дать ее себе сам, ибо в ней заключена более совершенная реальность, чем та, что доступна его притязаниям. А стало быть идею Бога мог дать только Бог, а ясность и отчетливость этой идеи свидетельствует о существовании высшей, божественной силы. Отсюда знаменитый картезианский тезис, предопределивший бурный рост науки и техники нового времени - все, что по-

знается мною ясно и отчетливо, является истинным. Но ведь в исходных постулатах Декарта тем самым в подтексте признается **истина веры**, не тождественная истине знания, хотя и взаимосвязанная с ней, что как бы открывает путь алетеологии. Принятый им изначальный критерий ясности и отчетливости должен быть реализован также применительно к поискам сравнительного вероучения, ибо он не является основой только логической дедукции, но выражением божественной природы единого человеческого Духа. Единого безотносительно к решению извечного вопроса, уже рассмотренного мною - Бог ли создал Человека или человечество - богов. А это значит, что критерием отбора во всем многообразии вероучений, многоцветии присущих им бытовых предписаний, поведенческих норм и общих заповедей оказывается Человек, все мы вместе как род и каждый из нас в отдельности как индивид. Тот человек, который тысячелетиями в жизненных бедах, невыносимых невзгодах, порожденных обрушившимся на него неравенством и взаимном истреблении вновь с надеждой подвергает себя научному самоанализу и эстетическому осмыслению, и в итоге, всей трагедией **истории рода** подведен ныне к действительному постижению **всеобщих заповедей бытия**. Без этих заповедей дальнейший путь человечества на основе старых духовных ценностей, привычных ориентаций и жизненных установок практически невозможен, ибо он приведет лишь к ретрансляции извечных напастей человечества - войн, расовой и национальной нетерпимости, опасной иллюзии исключительности того или иного этноса, сатанинского стремления к обогащению за счет других людей и полного равнодушия к горю, страданиям, невзгодам всех обездоленных на пиршестве жизни людских масс, а стало быть, к неотвратимому возрождению из пепла идеи революционного реванша, всегда сопутствовавшей историческому пути любой цивилизации. Высшая духовная цель сравнительного вероучения, призванного синтезировать общечеловеческий опыт всех вероучений - вычленив созданные Мировым духом всеобщие заповеди бытия, сделать их благодаря сконцентрированной мощи современных знаний, эмоций и веры, базирующихся ныне на невиданных ранее мощных технических средствах их ретрансляции и популяризации, общечеловеческим достоянием. Путь ему проложил прежде всего Л. Н. Толстой в духовных исканиях последнего периода жизни (которые еще ждут своего доброжелательного и заинтересованного исследователя), а вместе с ним бесстрашные поборники нового мышления в XX веке, от Владимира Вернадского до Альберта Швейцера, до всех тех многочисленных его пророков в наше время, как правило, побиваемых камнями представителями извечной дьяволиады. Торный этот путь пытаются расширить и мировое сообщество, осознавшее уже при создании Организации Объединенных Наций необходимость выработки и претворения в жизнь всех без исключения народов Всеобщей декларации прав человека, на практике остающейся прекраснодушной, но социальным прогрессом порожденной утопией. Ибо эта Декларация - хартия заповедей, которая явилась осмыслением чудовищных военных катаклизмов XX века, навсегда лишившего его права на место в истории прогрессивных цивилизаций, но все же не убившего веру в возможный прогресс человечества.

Выдвигая на прочном фундаменте этих открытий человеческого Духа вполне утопическую гипотезу о XXI веке как эпохе Озарения, я в свете по-

добной интерпретации методологии Декарта получаю возможность как человек, представитель рода человеческого, находящийся уже в пограничной ситуации между бытием и ближайшим небытием в силу чисто возрастных особенностей, как гражданин, переживший вместе с Отчиной, народом все тяготы истребительной победоносной войны и все беды, порожденные невиданным, не имеющим аналогов в истории предательством правящей верхушки, наконец, как ученый вычленив те всеобщие заповеди бытия, которые действительно божественны, то - есть человечески, либо человечески, то есть божественны. Не сравнительно - аналитическая, логическая сетка, но индивидуальное бытие оказывается интегрирующей силой их постижения в содержании весьма дифференцированных вероучений разных цивилизаций и этносов. Читай и постигай их с любовью и заинтересованно, обобщай в них все истинное, не требующее доказательства умом и чувствами, примеряй все обобщенное на себя, свое поведение, каким бы противоречивым и парадоксальным оно ни было и постарайся выверить их в общении с другими людьми, ищущими тот же духовный путь и вместе с ними найди его. Ибо ты и есть Человек вообще, мир человека во всем поразительном многообразии его проявлений. Иной же путь, тем более чисто логический, рациональный или же образно - эмоциональный по неизбежности приведет к попыткам выработать абстрактную, прекраснотушную метарелигию, которая всегда окажется с позиций любой религии проявлением греховности и сатанизма или соответственно к индивидуальной и, стало быть, произвольной трактовке Слова, что в результате окажется разновидностью той или иной, уже осужденной религией ереси. Постараюсь же пойти по пути истины веры, фактически завещанному Декартом, пойти от себя, а не от всеобщей абстрактной идеи.

Его начало, исходная позиция - осознание моей исключительности, особенности. Той самой позиции, которая характеризует самооценку любого человека, безотносительно к его социальному статусу, материальному благополучию, этнической принадлежности, извивам индивидуальной судьбы. Даже первые зарубки древнейшего нашего предка на каменной стене пещеры или на отрогах скалы в пустыне (если согласиться с его существованием как звена антропогенеза, а не тупиковой ветвью человечества) свидетельствуют о неодолимой тяге к самовыделению из общности, рода, толпы, абсолютно, до унылости аналогичной той, которая движет современным всесветским бытовым вандалом, запечатлевающим свое имя на двери лифта или поверхности уникального памятника мировой культуры. Мы весьма болезненно реагируем на бытовой вандализм соотечественников, взрывающих памятники А. Грину либо оставляющих автографы в залах Эрмитажа. Можем утешиться: эти многочисленные кляксы человеческого вандализма мне довелось наблюдать и на стенах священного для человечества Парфенона, а всем - на обезглавленной андерсоновской Русалке в Копенгагене.

О том, что эта особость находится вне рационального или эмоционального поля, можно судить хотя бы по тому, что в наш век коллективного прорыва интеллекта в любой из областей научного знания каждый из причастных к нему как член особым родом организованного коллектива воспринимает его тем не менее как толпу, от которой пытается отделиться в самооценке, как правило, не совпадающей с его реальным теоретическим либо

инженерно - техническим вкладом в общее дело. Достаточно прочитать воспоминания рядовых участников великих научных либо научно - технических проектов века, чтобы убедиться в правоте моих не очень приятных слов. В общественных же дисциплинах, лишенных строгого, объективного критерия истины, нередко научная школа с ее жесткими, едва ли не рыцарскими правилами взаимоотношений подменяется восхвалением и самоутверждением членов группы любой ценой в ущерб всем инакомыслящим, при полном забвении неизбежно грядущего суда истории.. Аналогично и духовное устремление индивида в эмоциональном поле, где каждый, выражающий тем или иным образом свои представления о ценностях, изначально убежден опять - таки в своей особости, исключительности безотносительно к мере таланта или достигнутым результатам. Мне почти никогда за многие десятилетия не приходилось в условиях интимного откровения услышать от какого - либо художника достойную оценку творчества его коллеги по ремеслу. Куда более масштабное подтверждение подобному эмоциональному феномену - весьма конфликтная история эмоциональной культуры человечества, дающая тьму фактов гипертрофированных представлений людей о своей эпохальной значимости в эмоциональной области духовных прозрений за счет умаления значимости других, прежде всего - более ярких людей и цивилизаций. И в этом - наш всеобщий рок, порождающий безграничную картину драматизма человеческой ограниченности и амбициозности.

Неискоренимый драматизм человеческого бытия заключен в изначальном парадоксе: тяготение к особости наталкивается на неодолимую закономерность для бытия человека его общности с другими людьми. Жизнь ежедневно, ежечасно учит нас, словно слепых щенков, тому аксиоматическому положению, что один, особый, единственный, как ни назовите реальное самоощущение любого человека до дня его неизбежной кончины, сразу же наталкивается на столь же реальную и абсолютно неотвратимую необходимость в другом. Все, что есть твое, человеческое бытие, мудро названное греками ойкуменой - результат существования и деятельности человеческого сообщества, иначе говоря, - другого человека, без всевластной силы которого ты не можешь сделать ни шага. Нигде, ни в какой сфере деятельности, начиная с удовлетворения самых простых, элементарных бытовых потребностей до высочайших вершин творчества, я бы сказал, созидания. Предвижу возражение: истина эта веками известна человечеству, изложена рационально в мудрейших нравственных трактатах и фольклорных догматах народной педагогики, в поучениях великих философов и повседневных расхожих афоризмах. Ее же закрепляет эмоциональный мир человека, преимущественно в образной форме, безграничном мире художественных произведений, будоражащих душу каждого человека, не лишенного изначально продуктивной способности воображения.

Известна, но действенной становится лишь тогда, когда из рациональной и эмоциональной областей целостного человеческого Духа, имеющих свое, особое или специфическое предназначение на его жизненном пути переходит в истину веры, заповеди вероучений. Вчитываясь и вслушиваясь в их тысячелетнюю - не мудрость, но святость для тебя как молекулы в вихре, именуемом человечество, сразу же аккумулируешь во многих рядоположенных бытовых предписаниях, поведенческих нормах, общих заповедях пер-

вую универсалию или грань драгоценного камня, на котором как бы высечены **всеобщие заповеди бытия**. Пойдем же вместе по пути сравнительного вероучения к бессмертному общечеловеческому, то - есть божественному свету этой грани для прочтения и усвоения первой из этих заповедей. Послушаемся безоговорочно, с открытым для веры сердцем Кун Фу - цзы (или привычнее для нашей лексики – Конфуция), тем более что большинство специалистов по истории Китая считают, что именно приверженность великого народа его заповедям является и поныне условием стабильности китайской государственности. Он говорил: «Не познав велений Неба, нельзя стать благородным мужем; не познав Правил, нельзя стать полноценным человеком; не познав сути Слова, нельзя познать и Человека». Добавлю как выражение своего кредо: не познав человека, нельзя понять и велений неба, ибо в итоге и перспективе - человек богоравен.

Поразительно, что в каждом Слове как истоке конкретного вероучения и религии, безотносительно к последующим его модификациям, истолкованиям, трактовкам, все новым каноническим прочтениям на потребу велениям времени отчетливо высвечивается эвизмизм, и не только как убеждение в возможности спасения в ином мире лишь для бедных, но и как изначальное недоверие и даже презрение к несправедливому богатству. Оно просвечивает даже в вероучениях подобных иудаизму, которые определяют особую предприимчивость их последователей, умение блюсти свою выгоду, приумножать все нажитое... Сорок лет вел народ Израиля в Землю обетованную из египетского плена Моисей, но, узрев отступничество от божественных заповедей народа, сотворившего себе кумир - золотого тельца, провозгласил : «17 Ибо Господь, Бог ваш, есть Бог богов и Владыка владык, Бог великий, сильный и страшный, Который не смотрит на лица и не берет даров, 18 Который дает суд сироте и вдове, и любит пришельца, и дает ему хлеб и одежду. 19 Любите и вы пришельца, ибо *сами* были пришельцами в земле Египетской». (Пятая Книга. Моисеева. Второзаконие. Глава 10). Он систематически напоминает народу Израиля, что Бог обещает изобилие и достаток на его новой земле, если он не впадет в беспамятство и не забудет о том, как жил в плену у фараона и кто ему дал все блага : « 2 И помни весь путь, которым вел тебя Господь, Бог твой, по пустыне, вот уже сорок лет, чтобы смирить тебя, чтобы испытать тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди Его, или нет. 3 Он смирял тебя, томил тебя голодом, и питал тебя манною, которой не знал ты и не знали отцы твои, дабы показать тебе, что не одним хлебом живет человек, но всяким *словом*, исходящим из уст Господа, живет человек». (Там же. Глава 8). Он действительно пророчески, на все времена, даже до времени позора нашей «цивилизации», породившей невиданную доселе нищету сотен миллионов, предрек : « 11 Ибо нищие всегда будут среди земли *твоей*; потому я и повелеваю тебе: отвержай руку твою брату твоему, бедному твоему и нищему твоему на земле *твоей*». (Там же, глава 15). И едва ли не в "Торе" впервые был сформулирован великий принцип всеобщего равного права на Природу, на Землю, повторенный далее и Иисусом, и Мухаммадом : «Землю не должно продавать навсегда; ибо Моя земля; вы пришельцы и поселенцы у Меня». (Третья книга Моисеева. Левит. Глава 25).

В дальнейших книгах Ветхого Завета заповедь об отзывчивости богатых на нужды бедных и обездоленных перерастает в мечту о будущем, где народы забудут взаимную ненависть, осуществится основная заповедь Бога : « 6 Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию» (Первая книга Моисеева. Бытие. Глава 9), где осуществится неистребимая уверенность в приходе Мессии - защитника всех несчастных, убогих, нищих, истребляемых в войнах, не успевших на этом свете попасть на всеобщее пиршество радости и довольства. «4 И будет Он судить народы, и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала, и копыя свои - на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать». (Книга Пророка Исайи. Глава 2). В них эвионизм обретает свое истинное, узкое значение по мере распространения всеобщей веры в Спасителя, приход которого предвещал уже Ветхий Завет, в частности в Книгах пророков Исайи, Михея, в Книге Малахии.

Новый завет, переданный миру Христом, развивает и утверждает эвионизм как универсальный принцип праведности. Он является обязательным подтекстом всех высказываний Спасителя, ориентиром его земной проповеди и жизни. Он служит тем оселком, на котором оттачивается истинная вера и одновременно выверяется на истинность частное убеждение. Не буду затруднять читателя многочисленными отсылками к тексту христианского Слова, оно ныне общедоступно. Сошлюсь лишь на наиболее убедительные для неискушенного читателя в интересующей меня связи. Это тем более важно, что многочисленные лукавые и не в меру жирующие в годину народных бедствий лжехристиане ныне делают вид, что им неведомо отношение Спасителя к несправедливому богатству и очерствению души от неумеренного стяжательства, бесплодной власти денег. Вот лишь один пример пророческого прозрения Христа. Юноша, усвоивший и сохранивший многие заповеди древних с детства, обращается к Иисусу с вопросом - «что еще недостает мне?». Ответ Иисуса действительно поразителен: «21 Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. 22 Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение. 23 Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; 24 И еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие». (Новый Завет. От Матфея святое благовествование. Глава 19). В то Царство, где первые будут последними и последние первыми. В то Царство, путь к которому пролагает неуклонная, неколебимая верность Заповедям Спасителя: «19 Не собирайте себе сокровища на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; 20 Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляет и где воры подкапывают и крадут». (Там же. Глава 6). О грядущем возмездии в этом Царстве богатым Иисус предупреждает не единожды. Как свидетельствует евангелист Лука, в Заповедях Блаженства он изрек : «24 Напротив горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение. 25 Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе Вам, смеющиеся ныне ! ибо восплачете и возрыдаете» .(Новый Завет. От Луки святое благовествование. Глава 6). И в главе 12: «15 При этом сказал им: Смотрите, берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не за-

висит от изобилия его имени». Не только в святом Писании, но и в Святом предании ученики Христа неоднократно подтверждают его страстную проповедь эвониизма. Так, в Деяниях святых апостолов особо подчеркивается всеобщая норма презрения к богатству и любой собственности первых христиан, спасавшихся от рода развращенного : «44 Все же верующие были вместе и имели все общее; 45 И продавали имения и *всякую* собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого» (Деяния святых Апостолов. Глава 2). Любопытно, что ближайшие комментаторы Слова делали акцент не столько на обобществлении имущества, сколько на смелом отказе от него. Так, константинопольский патриарх Иоанн Златоуст писал в этой связи: «Причина собственности кроется и коренится в какой - либо несправедливости; и это по необходимости всегда бывает так, сколь не ссылались бы на владение по наследству: ведь изначально Бог не сотворил ни богатых, ни бедных, никого не облагодетельствовал, наделив большим состоянием в ущерб другим, но отдал землю всем». Тех, кто заинтересуется проблемой собственности в христианстве, рекомендую ознакомиться с весьма фундаментальной статьей О.Ф.Кудрявцева «Собственность как нравственно - правовая проблема в идеологии христианского средневековья» в книге «Культура и общественная мысль». М., 1988.

Вслушаемся повнимательнее в другое великое Слово изречения Будды, или Сутры, а также толкования их смысла в Шастрах. Авторитет Слова Будды неоспорим уже хотя бы потому, что он без сомнений и колебаний из богатства сам ушел в нищету. У него опять-таки звучит заповедь эвониизма в широком, общечеловеческом смысле. Единственное сокровище, которое должен хранить и развивать в себе его последователь - способность познания, которое структурируется как непосредственное восприятие, логическое умозаключение и авторитетное свидетельство. Мысль эта равнозначна заповеди как для монашествующих, так и для светских буддистов. Будда познал природу вещей, их иллюзорность и отсутствие в них сущности, а также универсальную значимость страдания. Он учил, что бесчисленные живые существа одинаковы в стремлении к счастью и нежелании страдания. Но одного стремления либо желания мало, ибо нужен метод, без которого нельзя достичь результата подобно тому, как бесполезно ожидать хороший урожай, не ведая о сроках сева, способах орошения и удобрения и иных правилах земледелия. Следующие за ним, Просветленные, могут выбрать три пути, как говорится в Уттаратантре : "Путь привязанности к бытию - несомненно ложный; относительно не имеющих метода нет уверенности в достижении ими освобождения; имеющие метод и последователи Мазаяны - это живые существа, которые определенно достигнут освобождения». Не богатство, но достижение этого духовного освобождения и состояния **кармы** - вот высшая норма бытия человека. «То, что я называю кармой, проповедовал Будда, есть лишь мысль, ибо, поразмыслив, человек действует телом, словом и разумом». (Будда. Катха - Ваттху). Из трех видов действий, учил он в Маджжима Никая наиболее губительно не слово, не телесный поступок, но мысль. Мысль же, ставшая благодаря Учению Будды чистой, по неизбежности отвергает тленное богатство. Хочу обратить особое внимание на то, что блистательную интерпретацию эвониизма в буддизме дала Е.Н.Рерих, уникально образованный человек, представитель христианской и в равной мере

буддистской цивилизации, к классическим трудам которой я и отсылаю вдумчивого читателя. Тем более, что нередко они, несмотря на массовые тиражи, тенденциозно замалчиваются.

Эвионизм отчетливо просвечивает и в еще одной великой Книге человечества - Коране. Пророк, детально и с подлинно поэтическим талантом описавший все божественные законы, заповеди, установления и предписания, не менее детализированные, чем в иудаизме, особое внимание верующих обращает на недопустимость того, что он называет **зулм**, или беззаконие. Под ним подразумевается сознательное, злостное нарушение установленных Богом норм отношений между людьми, всяческие притеснения, обиды и насилия, захват имущества. Пророк многократно повторяет эти нормы. Так, в Суре Женщины он говорит : « 33(29). О вы, которые уверовали! Не пожирайте имущества ваших между собой попусту, если это только не торгующая по взаимному согласию между вами. И не убивайте самих себя. Поистине, Аллах к вам милосерд.». В Суре Скот он напоминает, что нельзя добиваться состояния любой ценой, за счет других, особенно близких «153(152). И не приближайтесь к имуществу сироты, иначе как с тем, что лучше, пока он не достиг крепости, выполняйте меру и вес по справедливости. Мы не возлагаем на душу ничего, кроме возможного для нее. А когда вы говорите, то будьте справедливы, хотя бы и к родственникам, и завет Аллаха выполняйте. Это завещал Он вам - может быть, вы вспомните!». Завет этот особенно важен для будущих времен, когда, как предрекает пророк, все люди будут одним народом. В Суре Хулитель он абсолютно недвусмысленно говорит: « 1(2) Горе всякому хулителю - поносителю, 2(2) который собрал богатство и приготовил его! 3(3) Думает он, что богатство его увековечит. 4(4) Так нет же! Будет он ввергнут в «сокрушилище». 5(5) А что даст тебе знать, что такое «сокрушилище»? 6(6) Огонь Аллаха воспламененный, 7(7) который вздымается над сердцами! 8(8) Он над ними воздвигнут сводом 9(9) на колоннах вытянутых.» Не проповедуя бедность ради бедности, Мухаммад тем не менее вводит весьма строгие и, на мой взгляд, весьма рациональные ограничения как заслон неумеренности, стяжательству. Но, пожалуй, самое главное здесь - его личное поведение, аналогичное умеренности, ограничению своих потребностей другими вероучителями, ибо он, как правило, питался только молоком верблюдиц, ячменными лепешками и медом. Единственное исключение, которое он допускал,- большее количество жен, чем у других правоверных, которым заповедано иметь лишь четырех.. На вопрос, чем это вызвано, Пророк не без юмора отвечал : «Но я же-посланник». И дабы не было греховных сомнений у верующих, записал в Коране слова Аллаха: «49(50). О пророк. Мы разрешили тебе твоими женами тех, которым ты дал их награду, и тех, которыми овладела твоя десница из того, что даровал Аллах тебе в добычу, и дочерей твоего дяди со стороны отца, и дочерей твоих теток со стороны отца, и дочерей твоего дяди со стороны матери, и дочерей твоих теток со стороны матери, которые выселились вместе с тобой, и верующую женщину, если она отдала самое себя пророку, если пророк пожелает жениться на ней, - исключительно для тебя, помимо верующих» (Сура Сонмы).

Предвижу возражения уже сейчас со стороны тех, кто не без оснований укажет на историческое смягчение требования эвионизма , заключенного в

любом Слове, и назовет их утопически социалистическими, неприменимыми к современной реальной жизни людской. На это историческое лукавство обратил внимание еще в XIX веке Эрнест Ренан в «Жизни Иисуса». Он подметил суть хитроумной тенденции - размывания заповедей Слова: «Перейдя в широкие круги человеческого общества, христианство рано или поздно должно было с большой легкостью примириться с существованием богатых в его среде, совершенно так же, как буддизм, исключительно монашествующий при своем зарождении, как только число обращенных стало увеличиваться, начал признавать в своей среде и мирян. Хотя христианство скоро переросло и забыло эвионизм, но тем не менее оставило во всей истории христианских учреждений свою закваску, которая не погибла».

Прошли тысячелетия и отцы церкви, ее новые апостолы внесли немало корректив в первоначальный текст каждого Слова. Судить о правомерности подобных актов, закрепленных авторитетом Церкви, правомерно и нравственно только с внутри конфессиональной позиции, безотносительно к мировой тенденции нарастания реформаторских тенденций. Но к чему это порою приводит на практике, можно судить хотя бы по той трагедии, которая обрушилась ныне на русский народ, который всегда в соответствии со своими этническими традициями сердцем принимал эвионизм (вспомним мысль Марии Цветаевой о том, что у русского человека всегда живо ощущение «неправды денег»), который исторически выстрадал, более того, вполне самостоятельно выработал идеалы социалистического вероучения и уверовал в марксизм, а в итоге оказался ныне под массированным воздействием «рыночной» дьяволиады и узрел совершенно фантазмагорические картины извращения общечеловеческих норм бытия представителями несправедливого богатства. Кстати, не в последнюю очередь потому, что изменил великим идеалам вероучения Маркса, что всегда исторически наказуемо. Напомню мудрые слова Мухаммада из Суры Корова: « **Но если кто заменит неверием веру, тот сбился с ровной дороги**». Но это предмет особого исследования, находящегося сейчас вне сферы моего интереса и поставленной сверхзадачи. И никому еще не удалось опровергнуть изначальные заповеди, в том числе и эвионизма, взятого мною лишь как один весьма наглядный и поучительный пример, Заповеди не дающие покоя отступникам от них любого рода. Верующие продолжают верить, что богатство ради богатства, умеренная корысть в ущерб ближним греховны, по сути своей, ибо на грешной нашей земле мы обречены существовать совместно, и обездоленность одного не может служить источником счастья для другого. Как точно выразился великий представитель нового мышления Бертран Рассел, стремление к собственности больше, чем что - либо другое, мешает людям жить свободно и достойно. Но это мало знать (уроки мировой философии в этом отношении предостаточны), мало созерцать образы искусства, поучающие нас столетиями. Надо верить в то, что другой не только взаимосвязан с тобой, но и порождает своим бытием тебя, и иного нам в брэнной жизни не дано. Во всем и всегда - от индивида до народа. Как сказал Мухаммад в Суре Комнаты «13(13) О люди! Мы создали вас мужчиной и женщиной и сделали вас народами и племенами, чтобы вы знали друг друга. Ведь самый благородный из вас пред Аллахом - самый благочестивый. Поистине, Аллах - знающий, сведущий!». Так мы подошли к первой всеобщей **заповеди бы-**

тия, которую подтверждают при добром и заинтересованном анализе все остальные бытовые предписания, поведенческие нормы, общие заповеди безотносительно к их этническому, историческому, конфессиональному своеобразию; **другой-это ты**. Только в неуклонном исполнении этой первой всеобщей заповеди бытия всеми и каждым без исключения, в превращении ее в органичную и неотъемлемую составляющую Духа человеческого и его безграничных проявлений - путь к преодолению антагонизма личности и общности, до сих пор предопределявшего все судьбы людские, все деяния человеческие, все наше поведение и уклад. Антагонизма, блистательно изученного и запечатленного в научных теориях общества и образах мирового искусства, что невольно побуждает к использованию этих граней алетеологии. Быть может, в развернутом изложении общей теории вероучений подобный подход может быть использован, но жанр моего Введения в сравнительное вероучение его, к сожалению, исключает.

У меня же теплится надежда, что ассоциативное сознание читателя поможет мне преодолеть содержательный недостаток, вытекающий из неизбежной краткости и схематизма.

Познав и приняв всем сердцем, всей силой веры мысль о том, что другой это ты, читатель получает первый прекрасный действенный всеобщий ориентир в сложнейшем и весьма трудоемком деле ознакомления с памятниками всех вероучений, со Словом. И не просто в ознакомлении с ними, но и в усвоении истины, общечеловеческого смысла, заключенного в них безотносительно к специфике конфессий. Тогда для каждого Человека будущего, воспитываемого и обучаемого уже сегодня, рядом с нами, будет поучительным и увлекательным чтение Ригведы и Махабхараты, Эпоса о Гильгамеше и текстов Зенд - Авесты, Ветхого и Нового Завета, Корана и Капитала, равно как и мифов, легенд, сказаний многих народов Земли. Тогда узнаваемым, прозрачным становится все то темное, символическое и эзотерическое в них, что предполагает дополнительные теологические и религиоведческие комментарии. И, конечно, комментарии историко - философские.

Но наш духовный кругозор и веру в божественность человека либо в его возможность достичь божественного состояния расширяет во стократ другая, столь же поразительная **всеобщая заповедь бытия**, которую нельзя не выделить в любом Слове, народном сказании или поверии, сказке, синтезирующей вековую мудрость этноса сразу же и безусловно. Она рождается опять - таки из драматизма личности и общности: если всем нам судьбой, роком, природой, Богом (дело здесь не в исходной формулировке) не дано жить одинокой микрочастицей во Вселенной, но лишь в извечной общности, то каждое наше постоянное **воздействие** на другого (а он и есть ты) по неизбежности, по эффекту бумеранга обернется для тебя проблемой Великой или малой, потрясающей миры или вызывающей семейную бурю, но всегда проблемой. Действие и противодействие в нашем бытии неразрывны, а что уж касается характера этой предопределенной нам человеческой судьбой зависимости, то ее не сможет систематизировать даже суперсовременный компьютер. Все вероучения в этой связи, отнюдь не устанавливая искусственные преграды на пути жизненного потока человечества, удивительно мудро предупреждают: **не делай другому того, чтобы ты не пожелал получить как ответ, реакцию на нерасторжимость «другого» и**

«ты». Послушаем же великих вероучителей и еще раз вместе удивимся поразительному, загадочному, необъяснимому тождеству их всеобщих проповедей бытия; Недобросовестные толкователи иудаизма склонны, например, к утверждению, что для еврейского народа изначально присущ эгоизм и презрение ко всеобщей заповеди бытия: другой это ты. Аргументом, как правило, служат постоянные напоминания гневного Саваофа (в переводе - воитель) о миссии его подопечных уничтожать другие народы, даже тогда, когда они окажутся в рассеянии, диаспоре. «16 И истребишь все народы, которые Господь, Бог твой, дает тебе; да не пощадит их глаз твой; и не служи богам их: ибо это сеть для тебя. 17 Если скажешь в сердце твоём: «народы сии многочисленнее меня; как я могу изгнать их?» 18 Не бойся их, вспомни то, что сделал Господь, Бог твой, с фараоном и всем Египтом». Но они тенденциозно умалчивают, что именно Ветхий Завет едва ли не впервые в истории записал те нормы бытия, без которых один не выживет в этом мире, неважно - один ли это человек либо отдельный народ, что именно он призвал народы перековать мечи на орала.

Формулируя правила (*ли*) поведения достойного мужа, Кун Фу-цзы предельно четко формулирует их в органической целостности друг с другом. Он учит «Что называется долгом человека? Отец должен проявлять родительские чувства, а сын почтительность; старший брат - доброту, а младший - дружелюбие, муж - справедливость, а младшие покорность, государь человеколюбие, а подданные - преданность. Эти десять качеств и именуются человеческим долгом. Проповедь верности и миролюбия именуется человеческой пользой. Борьба и взаимные убийства именуются людскими бедствиями. Чем же еще, кроме *ли*, могли совершенномудрые управлять семьей человеческими чувствами, совершенствовать десять проявлений долга, наставлять в верности и миролюбии, поощрять скромность и уступчивость и искоренять борьбу». Вслушайтесь: искоренять борьбу! Невольно задумываешься, прикидывая, примеряя к подобной заповеди и личный, и общечеловеческий опыт системы отношений между людьми, и преисполняешься нездоровым, но на первый взгляд вполне реалистичным, трезвым скепсисом. Жизнь это борьба за существование, бытие - это непрерывная война всех со всеми. Привычно успокоилось человечество на подобных догмах. Но не следует торопиться с выводом, ибо Слово надо слушать в его целостности, содержательном и органичном единстве. У Кун Фу - цзы единство это цементирует простейший вывод (*шу*) «Не делай людям того, что не желаешь себе». Для верующего простейшая заповедь оказывается сразу же пучком могучих духовных волн, соединяющих воедино разрозненный Дух человеческий в помыслах и действиях. Тем более, что идеалом Кун Фу - цзы провозгласил требование к достойному мужу - *жэнь*, что он сам растолковывал следующим образом: «Это значит любить людей». Прodelайте несложный, но поучительный психологический эксперимент: проведите неделю - другую, неукоснительно соблюдая эту духовную максиму. Во - первых, вы сразу же убедитесь, что простое Слово великих учителей человечества, от Зороастра до Толстого, должно звучать для нас, несовершенных, почти на каждом шагу едва ли не как набат. Во - вторых, следование ему, постоянно и неукоснительно, окажется поразительной формой аутотренинга, способной преобразить и нас, и всех, взаимодействующих с нами в ситуативности жизни, и в

особенности, новые поколения, идущие нам на смену, которых нам так хотелось бы уберечь от скверны и мерзостей прошумевшей истории.

Конфуцианство в этой связи - лишь частный, но вполне доказательный пример, если иметь в виду влияние Слова Кун Фу - цзы на всю духовную жизнь Китая, поразительной по стабильности китайской цивилизации. Аналогичные примеры дают все без исключения вероучения (повторяю, если не иметь в виду их сатанинское извращение либо же наставления, порождаемые дьяволиадой). Буддизм, свято следующий Слову Будды о бытовых предписаниях, поведенческих нормах и общих заповедях, связывает эту всеобщую заповедь бытия с мышлением как действием. Будда (что зафиксировано в Дхаммападе), говорит о просветленном человеке: «Как он поучает другого, так пусть поступает и сам. Полностью смирив себя, он может смирить и других. Поистине, смирение самого себя - трудно». В христианстве же вторая всеобщая заповедь бытия, выделенная мною, оказывается лейтмотивом и всего мученического жизненного пути Иисуса, от которого он не отступает ни на йоту вопреки всем просьбам и уговорам последователей, и всего вероучения, которое он дал миру. Ведь не зря Мухаммад, отрицавший божественную сущность Христа и Троицу, в то же время провозглашал его пророком любви, посланным на землю Аллахом. И его как пророка Ису почитают все мусульмане мира.

Звучит эта заповедь едва ли не в каждом Слове Христа. Вспомним наиболее очевидное и неоспоримое по совпадению. Например, От Матфея святое благовествование: «1 Не судите, да не судимы будете; 2 Ибо каким судом судите, *таким* будете судимы; и какою мерою мерите, *такую* и вам будут мерить». (Глава 7). А вот еще более определенная формула : « 12 Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки». (Глава 7). Но это лишь самая поверхностная аналогия. Суть же дела гораздо глубже и действеннее для определения истинными христианами (для которых вера не имеет ничего общего ни с модой, что мы, к сожалению, наблюдаем ныне , ни с приспособленчеством, которое всегда и повсюду бывало в силу слабости человека и его нравственной изворотливости) всеобщих заповедей бытия. Они звучат и в земных поучениях - поступках Христа, вспомните хотя бы его реплику фарисеям и книжникам, призывавшим к расправе над блудницей « 7 Когда же продолжали спрашивать Его, Он воскленившись сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (От Иоанна святое благовествование. Глава 8). Она звучит и в его притчах, требующих и ныне истолкования их глубокого символического смысла. Но прежде всего ее духовное значение для мира раскрыто в Заповедях блаженства, которые в популярной журналистике и в средствах массовой информации повсеместно оттесняются на второй план органически взаимосвязанным с ними десятисловием, а точнее тенденциозно отрываются от него. Предполагаю, что отнюдь не случайно, но из опасения пробудить ныне глубинные чувства миллионов обманутых и ограбленных россиян. Вслушаемся еще раз в них, чтобы осознать, как Христос доносит миру вторую всеобщую заповедь бытия, что предваряет в своем учении он тем словам, которые я привел ранее. «20 И Он, возвед очи Свои на учеников Своих, говорил: блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царство Божие. 21 Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь. Блаженны плачущие ны-

не, ибо воссмеетесь. 22 Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого. 23 Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах. Так поступали с пророками отцы их. 24 Напротив горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение. 25 Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете. 26 Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо. Ибо так поступали со лжепророками отцы их. 27 Но вам слушающим говорю: любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, 28 Благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас. 29 Ударившему тебя по щеке подставь и другую; и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку. 30 Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад». (Святое благовествование от Луки. Глава 6). А вот предельно афористичная вторая всеобщая заповедь бытия, которую я и привел, - лишь итог, вывод из всего смысла Слова, если хотите, всего Нового Завета. По крайней мере так, как я понимал его всегда и принимаю всем сердцем ныне.

Итак, во всеобщей заповеди бытия **другой - это ты** выражена тайна тайн - *образования человека*. По образу и подобию божьему или по образу человека как творца богов - это в данном случае абсолютно безразлично. Многоплановое, поливариантное ее развитие в бытовых предписаниях, поведенческих нормах и общих заповедях в любом из вероучений остается Заветом вероучителей нам, грешным, хранить и ретранслировать в будущее этот образ. В другой всеобщей заповеди бытия, предписывающей нам не делать того, что мы не хотели бы испытать от других, свет истины веры указывает нам путь действий, достойных человека как последней трагедии творения и великой тайны природы, мироздания, Мирового духа, Творца. Это - путь *просвещения*, смысл которого опять - так можно понять, лишь усвоив великие мировые вероучения, повторяю, либо как завет миллиардов наших предков, либо как божественный завет, озаривший их путь. И, наконец, мы подошли к необычайно удивительной и поразительно современной всеобщей заповеди, которую сразу же Введение в сравнительное вероучение показывает тебе и каждому, без исключения. Не буду еще раз утомлять читателя необходимыми отсылками к тексту великих книг, анализируемых мною на начальном этапе отработки сравнительного вероучения. Отмечу лишь, что их лейтмотив может быть сформулирован весьма кратко в третьей всеобщей заповеди бытия - **совершенствуйся**. Или словами Иисуса: «Итак будьте совершенны, как совершен Отец Ваш небесный». Будьте совершенны, говорили все великие учителя человечества без исключения, мудро предупреждая, что без этого нет ни пути в рай к божественной истине, ни к истине человечности. Их Заветы любят повторять на бытовом уровне все и вся, забывая, что совершенство немыслимо без строжайшего выполнения законов и предписаний, содержащихся в них, без какого - либо лукавого отклонения и узаконенного нового прочтения на угоду потребностям дня. Здесь закон и пророки, здесь - основа той безграничной поступи человечества к совершенству, той психотерапии, которой обладает любая вера, несатанинская вера в истину. Психотерапии, которую нельзя, грешно отдавать в руки неумеренно расплодившихся и столь же неумеренно корыстных шарла-

танов. Более того, здесь открывается магистральный путь использования человечеством совокупных усилий великих его учителей, благодаря которым можно открыть в каждом индивиде скрытые, неведомые, действительно чудесные возможности постижения триединой истины и самореализации, озарить его светом истины. Озарение - такова третья всеобщая заповедь бытия. Уверуйте в нее, порожденную мудростью Ваших предков, и то, что кажется невозможным, фантастическим, выраженным в безграничном спектре вероучений как чудо - здоровая, нормальная жизнь до возраста патриархов и левитация как преодоление силы тяготения, передача мыслей на расстоянии и ожившая память прошедших эпох Мирового разума или Духа, станет для всех представителей рода людского немеркнущим завоеванием прошлого, завещанного будущему. Куда более важным, чем все гипотетические контакты с внеземными цивилизациями. Заветом будущему человечеству как **единому народу, пришествие которого предрекали все вероучения** . Будущему, в котором сохраняют все свое мировое значение великие и малые вероучения - цветы гения разных народов нашей Земли с их уникальными бытовыми установлениями, поведенческими предписаниями и общими заповедями.

1999 г.

Игра - искусство или искусство - игра? (парадокс амбивалентности)

О непарадоксальности парадоксов

Вместо предисловия

Мог ли я в 1969 году предположить, читая интересную монографию доктора философских наук В. А. Разумного « Эстетическое воспитание. Сущность. Формы. Методы », что спустя всего десять лет (и до сей поры) буду не только работать с ним в одном институте и на одной кафедре, не только увлеченно разрабатывать все новые и новые проекты, но почти ежедневно дружески и творчески общаться.

Есть одна примечательная черта, которая в общении с профессором В. А. Разумным замечается сразу же его склонность к неожиданным парадоксальным суждениям. Вспоминается в этой связи общеизвестное: парадокс путь к истине. Это относится и к его теоретическим исканиям. Все работы профессора, особенно выпущенные в последние годы, полны парадоксов. Не является исключением и книга, которая сейчас лежит перед Вами. Даже название ее настолько неординарно, что думающий читатель (а именно к нему всегда адресует свои труды В. А. Разумный) вряд ли может равнодушно пройти мимо содержания. И действительно: «Игра искусство или искусство игра? Парадокс амбивалентности ». Каково?

Не стану сразу раскрывать теоретическое содержание этой книги, а тем более анализировать проблемы, в ней поднимаемые и решаемые. Она требует самостоятельного погружения в атмосферу увлекательных, аргументированных и одновременно -парадоксальных рассуждений и теоретических кроссвордов

Отмечу лишь одно обстоятельство новая работа В.А.Разумного не только обладает весомым научным смыслом; она и в этом я убежден будет иметь весьма осязаемое практическое значение для педагогов всех типов образовательных учреждений, для клубных работников, коллективов музеев и библиотек, словом, для всех тех, кто в эпоху информационной цивилизации неизбежно обращается к игровым технологиям, а стало быть к искусству в высшем значении этого слова! Наконец-то утверждается понимание, что именно и г р а, игровая творческая деятельность является могучим и незаменимым средством единения любой аудитории. И отнюдь не только детской!

Именно процесс свободной и радостной творческой игры создает необходимые условия для погружения в ее атмосферу, в ее таинства во имя высочайшего и неповторимого наслаждения. Но это наслаждение, удовольствие порождено отнюдь не только заразительностью самого процесса игры, но и подчеркнуто это особо возможностью общения с партне-

рами и совместными переживаниями, основанными на взаимной симпатии. На симпатии, естественно перерастающей в подлинно человеческое единение.

Шаг за шагом, через лабиринты исторических ассоциаций и собственных раздумий проф. В. А. Разумный подводит читателя к мысли об игре как высочайшем искусстве, как об особом и неповторимом средстве объединения людей, способных сделать свой досуг действительно прекрасным, то есть человеческим. Истина вроде бы и общепринятая. Но вдумайтесь в нее еще и еще раз вместе с автором и Вы откроете для себя в его парадоксах новые пути собственных теоретических исканий и обретете уверенность в необходимости преодолевать все и всяческие догматические стереотипы мышления.

*Профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации
Гагин Виталий Николаевич*

Назад, к Аристофану!
Игра как искусство
Искусство как игра
О смысле бессмысленного
Замещение реальности или новая реальность
Мир художественного творения как творение
мира
Творение мира и образование человека

Трактовка содержания образовательного процесса как органической, более того естественной для развития человека и человечества в условиях меняющихся цивилизаций совокупности трех взаимосвязанных блоков: рационального, эмоционального и веры и соответственно науки, искусства и религии отнюдь не теоретическая новация нового времени, весьма щедрого на поток концепций и доктрин, и уж тем более не мое произвольное авторское уموпостроение.

Подтверждением тому может служить любой, даже самый беглый экскурс в историю педагогической мысли, а уж тем более ознакомление с фундаментальными трудами по истории педагогики прошлых времен, которыми весьма богата наша отечественная и мировая научная литература. Более того, образовательный процесс в условиях разных цивилизаций, порою не оставивших обобщенных трудов и вместе с тем добившихся весьма примечательных результатов в деле формирования человека определенного, характерного для них типа, всегда основывался на триединстве знаний, эмоций и веры.

*Наука всегда оказывается не права. Она никогда не
решит
вопроса, не поставив при этом десятка новых.*

Бернард Шоу

Разумеется, что в разных исторических условиях эта трактовка обрела на практике разный социокультурный смысл как по охвату ею « человеческого материала », так и по используемым педагогическим средствам. Так, справедливо восхищаясь античной системой образования и тем типом человека, который был ею порожден, мы отнюдь не забываем о трагическом уделе миллионов рабов « говорящих орудий », которые пребывали вне поля этой цивилизации и одновременно обеспечивали изнурительным, непрерывным трудом ее поражающий нас и поныне расцвет. Эйфория от успехов современного образования, порожденного мощью информационной цивилизации, не может скрыть от нас трагедии сотен миллионов, лишенных ее образовательных и культурных благ и застывших в традиционном невежестве, более того фактически пребывающих в условиях нового, закамуфлированного демагогией рабства.

Идея единства трех взаимосвязанных блоков имеет многотысячелетнюю историю и подкреплена авторитетом великих теоретиков и практиков педагогики (включая классиков философии и выдающихся вероучителей всех времен и народов). Она в определенной мере утопична, но именно поэтому является первопричиной социальной динамики, ибо без утопий жизнь человеческая заглохла бы, затянулась бы вязкой тиной серой повседневности. Ими же была обоснована мысль о педагогической доминанте в каждом из блоков образования, о том ведущем дидактическом средстве, которое наиболее характерно для него.

Я исходил из нее как аксиомы в предыдущих работах, подчеркивая, например, что для художественной педагогики подобным дидактическим (по современной терминологии технологическим) средством является игра. Казалось бы, что подобное утверждение обладает необходимыми признаками ясности и отчетливости, тем более что об игре есть море серьезной и весьма содержательной литературы. В ней обоснованы принципы, условия и правила игры, ее стратегия и тактика, дана развернутая типология и классификация игр и проведен научный анализ их воспитательного потенциала. Наиболее любопытные общетеоретические труды по игре названы мною в литературе вопроса, поэтому нет никакого резона еще и еще раз пересказывать их, выдавая за открытие то, что общеизвестно.

Но такой пересказ ныне алогичен еще и потому, что в некоторых аспектах проблемы утвердившиеся истины об игре ныне « не работают », ибо с теоретическим наследием все оказывается далеко не так просто, как может показаться на первый взгляд, в современных условиях парадоксального развития человечества, предполагающего переосмысление многих устоявшихся, привычных идей и концепций.

Непредсказуемое по последствиям и революционное по характеру изменение современной техники, промышленных и информационных технологий, всего образа жизни и мышления во второй половине двадцатого века преобразовало « человеческий материал », а соответственно и закономерно - всю структуру педагогики, равно как и ее содержание, и ее традиционную систему. Вне воздействия подобных глобальных возмущений не могли остаться и доминанты в каждом из блоков образования, в данном случае игра в художественной педагогике. На первый взгляд, подтверждением тому может служить удивительное обилие новых теоретических трудов по игре, дающих этому феномену человеческого бытия философское, психологическое, психофизиологическое, педагогическое, информационное истолкование.

Гораздо больше труда уходит на перетолковывание толкований, чем на толкование самих вещей, и больше книг пишется о книгах, чем о каких-либо иных предметах ; мы только и делаем , что составляем глоссы друг на друга.

М. Монтень

Однако, заинтересованное ознакомление с ними, и в первую очередь с наиболее талантливыми, знаковыми работами вызывает весьма противоре-

чивое ощущение. С одной стороны, нельзя игнорировать возможность новых, нетрадиционных подходов к игре в свете динамичных социальных изменений, что, естественно, подкупает в популярных ныне в научной среде книгах. И в то же время закрадывается смутное подозрение, что усложненная интерпретация проблемы и изысканная терминология, отвечающая лексике эпохи информационной цивилизации, в действительности дает лишь глоссы на глоссы, не предопределяя необходимого и реального приращения истины, отнюдь не продвигая нас к постижению глобальной педагогической реальности эпохи Озарения.

Более того, они терминологическим частоколом отгораживают нас от непреходящих открытий в сфере игры и игрового действия, которые достались нам от всех, в том числе и древнейших цивилизаций и которые отнюдь не утратили своего операционного, технологического значения и поныне. Открытий, до которых, как говорится, дай нам Бог подняться, а уж затем пойти дальше. Стоит, пожалуй, в этом логическом парадоксе разобраться повнимательнее, чтобы добиться реального, а не иллюзорного приращения знания.

Назад, к Аристофану!

Тайна логического парадокса иллюзорного знания в мистическом преклонении перед мнимым всесилием абсолютной логики, а точнее логики, порожденной немецким умом в период знаменитого скандала в философии. Напомню, что суть этого скандала в бессилии философии, существующей в традиционной форме уже не одно тысячелетие, открыть вновь сколь либо конструктивные научные истины кроме тех (как отмечается в одном из философских словарей), которые как логические аксиомы признаются всеми философами и количество которых ныне практически сведено к нулю. Как отмечал К. Ясперс во «Введении в философию» (1950 г.), «то, что из непреложных оснований признается каждым, становится тем самым научным познанием и не является больше философией, а относится к конкретным областям знания». За философией же остается лишь логический изыск, и поныне поражающий наших наивных в историко-философском отношении современников.

Его первооснова - методика общей философии Гегеля, сумевшего весьма удачно перевести на специфический философский язык разработанную догматику и схематику восточных отцов церкви 1У УШ веков нашей эры Афанасия Александрийского, Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского, Иоанна Дамаскина и других. Нельзя отрицать привлекательность этого изыска, отвечающего тем или иным нашим духовным исканиям и весьма популярного в образованной среде.

Но его сфера уже не философия, а литература, точнее ее вполне определившийся вид со своими признанными классиками типа Шопенгауэра и Ницше, Соловьева и Ясперса, Толстого и Швейцера, сумевшими поставить волнующие наших современников проблемы бытия и его смысла с позиций индивидуального, по сути дела - **художественного восприятия и истолкования мира**. Весьма точно характеризовал подобный отход мыслителей от

некоего теоретического абсолюта Кассирер в «Опыте о человеке»: «Каждый отдельный мыслитель дает нам свою собственную картину человеческой природы. Всех этих философов можно назвать убежденными эмпириками: они хотят показать нам факты и ничего кроме фактов. Но их интерпретация эмпирической очевидности с самого начала содержит произвольные допущения и эта произвольность становится все более очевидной по мере того, как теория развивается и приобретает более разработанную и утонченную форму. Ницше провозглашал волю к власти, Фрейд подчеркивал роль сексуального инстинкта, Маркс возводил на пьедестал экономический инстинкт. Каждая теория становилась прокрустовым ложем, на котором эмпирические факты подгонялись под заданный образец». Вторичным продуктом подобного духовного производства являются ныне вполне неопределенные науки типа культурологии, амурологии, футурологии, политологии и другие пустоцветы на засохшем философском древе.

*С неопределенными науками бывает то же, что
и с людьми: они держатся лишь некоторое время
и кончают тем, что делаются смешными.*

Ш. Фурье

Желая оставаться на почве давным-давно скончавшейся «чистой философии» и опасаясь иного подхода как литературы или того хуже публицистики, многие современные теоретики игры исходят из веры в продуктивное познание как раскрытие и развертывание в системе категорий исходного абстрактно-теоретического понятия, предлагаемого именно ими. Оно трактуется как изначальное, базовое определение, что дает достаточное основание для любопытных выводов и положений, волнующих заинтересованный ум как сложная шарада, либо кроссворд. Разумеется, здесь и дается старт увлекательным логическим соревнованиям, ибо каждый автор предлагает свое, как ему кажется, принципиально новое определение, а затем из него начинает ткать, как паук, паутину вполне логичных рассуждений и предположений.

И все же, несмотря на бесспорно ценные наблюдения, специалист невольно ощущает при ознакомлении с подобными трудами чувство некоторой неловкости, ибо не получает реального приращения знания. Более того, он понимает как вторичность выводов автора (не случайно исследователи подчеркивают, что в сфере гуманитарных наук 75–80 % открытий ретранслируют идеи прошлого), так и их неизбежную архаичность, несоотнесенность с характером информационной цивилизации.

Наиболее очевиден подобный философский тупик при подходе к общей теории игры бесспорно глубокого и оригинального мыслителя Й. Хейзинги, известного нашему читателю по фундаментальному историческому труду «Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XI и XII веках во Франции и Нидерландах». Историк, воспитанный в духе классической немецкой философии, и прежде всего на идеях Гегеля, он не мог не обратить внимания на такой феномен духовной жизни человека, как игра. Разумеется, верный духу этой философии, на мой взгляд, впол-

не архаичной, он обосновывает все рассуждения об игре как феномене культуры на исходном понятии, выведенном им из самоочевидных уже в течение тысячелетий признаках игры. Эти признаки: игра есть свобода, ее отличает незаинтересованный характер, она « разыгрывается » в определенных рамках пространства и времен, причем ее значение и смысл содержатся только в ней самой. Итог рабочее определение игры, которое я позволю себе привести полностью. « Суммируя эти наблюдения с точки зрения формы, мы можем теперь назвать игру свободной деятельностью, которая осознается как « не взаправду » и вне повседневной жизни выполняемое занятие. Однако она может целиком овладевать играющим, не преследует при этом никакого материального интереса, не ищет пользы, - свободной деятельностью, которая совершается внутри намеренно ограниченного пространства и времени, протекает упорядоченно, по определенным правилам и вызывает к жизни общественные группировки, предпочитающие окружать себя тайной либо подчеркивающие свое отличие от прочего мира возможной маскировкой.

Функция игры в ее высокоразвитых формах, о которых здесь идет речь, в подавляющем большинстве случаев может быть легко выведена из двух существенных аспектов, в которых она проявляется. Игра есть борьба за *что-нибудь* или же представление *чего-нибудь*. Обе эти функции без труда объединяются таким образом, что игра « представляет » борьбу за что то, либо является состязанием в том, кто лучше других что - то представит ».

Понимаю, что для такого мыслителя, как Й. Хейзинга, эссе об игре своеобразный отдых и философское упражнение вполне игрового характера, дающее ему изящную возможность и блеснуть незаурядной эрудицией, и высказать нетрадиционные гипотезы. Но наш серьезный и зачастую лишенный юмора читатель (прежде всего из числа педагогов всех уровней) воспринимает это эссе как научное откровение, ибо плохо осведомлен в истории вопроса и поэтому не может выявить в интеллектуальных упражнениях историка еще одно доказательство нарастающего скандала в философии. Между тем, логическая схематика и чисто готический педантизм автора закрывают, словно покрывалом Изиды, все то, что составляет завоевания мировой науки прошлого в сфере интерпретации игры и игрового действия, все то, что не соответствует исходной идее.

Вот почему, развивая вполне в духе традиционной немецкой философии абстрактное исходное определение по векторам выделенных существенных признаков, он упускает, например, из вида реальный смысл античной концепции агона (точнее - агонистики) как **незаинтересованного состязания** в отличие от атлетики как состязания, основанного на профессиональной деятельности и **интересе** . Безусловно, далее, что каждая игра состязание, но отнюдь не все состязания, которыми преисполнена наша полная драматизма жизнь, являются играми. Реально существует фатально неустрашимое поведенческое состязание в общении людей, которое может быть названо игрой лишь в переносном смысле слова. Кстати, подобное использование терминов в переносном смысле слова, вне их истинного значения всегда препятствует отработке строгой и общепризнанной теории.

С юмором говорит о лицедействе, которое свойственно каждому из нас без исключения Сирил Паркинсон: « Англичане приучены к спортивным иг-

рам и, входя в свою палату общин, рады бы заняться чем-нибудь другим. Им нельзя сыграть в гольф или в теннис, но они могут притвориться, что политика такая же игра. Если бы не это, парламент был бы для них скучней, чем он есть. И вот британцы, ведомые привычкой, образуют две команды (каждая с судьей) и дают им биться до изнеможения. Палата общин устроена так, что отдельный ее член вынужден принять ту или иную сторону, еще не зная доводов, или даже не зная, в чем дело. Он приучен с младенчества играть за своих, что и спасает его от излишних умственных усилий. Тихо пробравшись на свое место к концу какой-нибудь речи, он знает доподлинно, как надо подыграть. Если выступающий из его команды, он выкрикнет «Слушайте, слушайте!», если из чужой, он смело воскликнет «Позор!» или просто «О!». Попозже, улучив момент, он может спросить у соседа, о чем речь. Но строго говоря, это не нужно. Те, кто сидят по ту сторону, абсолютно не правы, и все их доводы чистый вздор. Те же, кто сидит с ним, преисполнены государственной мудрости, и речи их блещут убедительностью, умеренностью и красотой ».

Полагаю, что читатель охотно согласится с моим утверждением, что подобными «играми», а точнее поведенческими акциями заполнена вся наша жизнь в силу роковой изначальной сложности духовного бытия человека, загадочного существа, которое в одно и то же мгновение может делать одно, думать нечто противоположное, переживать на эмоциональном уровне совершенно иначе, а говорить лишь то, что скрывает и его помыслы, и чувства. Феномен этот преотлично изучен классической философией, и нет особой необходимости называть его в переносном значении слова «игрой».

Хейзинга, далее, закономерно обходит классические труды прошлого и нового времени по проблеме комического. Ведь по его вполне недоказуемой точке зрения, комическое тесно связано с глупостью, а игра как состязание вовсе не глупа, а напротив, предполагает высочайшую интеллектуальную способность. Он как бы забывает мысль древних о том, что нет ничего глупее глупого смеха, равно как и идеи великих мыслителей о комическом как проявлении высшем проявлении человеческой мудрости.

Он оставляет без внимания трудовую теорию происхождения игры К. Бюхера, В. Вундта и Г. Спенсера и, конечно же - Г. В. Плеханова как выдающегося представителя систематически и упорно, до неприличия игнорируемой «на Западе» русской философии. Убеденный, что игра есть для взрослого функция, без которой он мог бы и обойтись, Й. Хейзинга вполне закономерно отбрасывает как устаревшую концепцию Шиллера, впервые доказавшего, что игра отнюдь не есть некое излишество, но существенное качество человеческой природы. Вспомним в этой связи основополагающую мысль Шиллера: «Человек играет только тогда, когда он является человеком в полном значении этого слова, и только тогда он является настоящим человеком, когда играет ». Кстати, все исходные признаки игры Й. Хейзинга, подобно многим другим авторам, заимствует у Ф. Шиллера.

Но в жизни все мы испытать хотим,,

Не в юности,, так в старости дурим.

Д. Чосер

По ходу дальнейшего развития моей концепции игры я постараюсь показать, что именно в том, что игнорирует Й. Хейзинга как завоевания теоретической мысли прошлого, только и обнаруживаются ростки действительно нового мышления о старом как мир предмете игры.

Логическая схематика и беспредельное доверие чистому умозрению в итоге сыграли с ним злую шутку. Верный гипотетическому определению, он черпает в соответствии с обширнейшими знаниями истории культуры факты и примеры из всех областей человеческой жизни, усматривая в них игровую суть. В итоге все, что его интересует как ученого, оказывается игрой и фантазия, и система человеческих отношений (игра в роли), и безграничная сфера сакрального (вера), и эмоции, и наука, и война. Так блистательный историк, вступив на зыбкую почву исчерпавшей себя в наше время философии, смело поднявший меч на мифологию как варварство с позиций цивилизованного человека, оказывается творцом нового (а в действительности вполне архаичного) мифа об универсальности игры как состязания. Ибо если все игра, то игры как таковой не существует, у нее нет реальных оснований и особой сущности кроме агона, то есть состязательности, который он трактует весьма расширительно, как любую борьбу и противостояние человеческих страстей и действий, что тоже весьма проблематично.

Не выходят за рамки скандала в философии и представители многих других теоретических дисциплин, вроде бы вполне определившихся и отделившихся от нее как самостоятельные и самодостаточные сферы знания. В их авангарде, безусловно, психология, под модный покров которой сегодня преугодно дружно спрятались ренегаты от марксизма и вполне традиционные « философы ». Исследуя безграничную как космос сферу сознания и подсознания, то, что ранее именовалось миром душевных проявлений и духовных феноменов, они интерпретируют игру как особую деятельность продуктивного, отражающего, воспроизводящего сознания. Отнюдь не отрицая незаинтересованный характер игры и ее главную функцию наслаждение, равно как и ее другие общеизвестные признаки, многие из них вместе с тем в теоретических исканиях, подкрепляемых весьма любопытными и основательными экспериментальными работами, смещают акцент на особую сферу духовной деятельности, наиболее адекватно, с их точки зрения, выражающую сущность игры.

Показательна в данном отношении работа психолога Д. Б. Эльконина, выступающего своеобразным антагонистом Й. Хейзинги «Психология игры». Следуя формально принятой им марксистской методологии, он предпринимает попытку найти (по аналогии с «Капиталом» К. Маркса) первоэлемент игры. Такую «неразложимую и сохраняющую свойства целого единицу игры» он ищет в «развернутой и развитой форме ролевой игры, какой она является перед нами в середине дошкольного развития ». Оказывается, эта искомая единица роль и органически связанные с ней действия! Позвольте, может спросить самый неискушенный в теории читатель, а драматическое искусство во всем его многообразии? А спортивные игры, основанные на четком

распределении ролей играющих? А индустрия игр для взрослых, от казино до компьютерных игр? А игры без ролей?

*Человек должен выбирать: быть ничем
или играть, что он и делает.*

Сартр

Словно предупреждая шквал подобных вопросов, Д. Б. Эльконин делает весьма изящный, но абсурдный ход, на что я обращал его внимание при подготовке книги в руководимом мною издательстве « Педагогика » с порога отмечает значение в современном мире игры и игровой деятельности в жизни взрослых, вытесняемых... разнообразными формами искусства и спорта. Он пишет: « На основе этнографических данных мы приходим к выводу, что в современном обществе взрослых развернутых форм игры нет, ее вытеснили и заместили, с одной стороны, различные формы искусства, а с другой спорт ». Между тем, что я и постараюсь обосновать далее, именно в этом « обществе взрослых » загадочно укрепились и необратимо овладели игровым пространством искусство, помноженное на мощь информационных технологий и спорт, выявивший впервые в истории в подобных космических масштабах свой художественно-творческий потенциал.

Итак, умозрительные абстракции и чистая логистика приводят даже оригинальных и крупных мыслителей к двум равно ошибочным ограничениям: **либо вся жизнь с ее драматизмом есть игра, либо только ролевые игры детей дают нам чистую, незамутненную** сущность игры и игрового действия. И из этой « вилки » практически нет выхода, что и демонстрируют бесчисленные популярные умствования об игре, которыми так богата современная литература вопроса.

Хотел бы в этой связи уточнить как аксиому любой без исключения предмет или процесс материального и духовного мира может быть объектом рассмотрения и анализа с позиций определенной сферы научного знания, в соответствии с ее установками и методикой. Игра в этом отношении не исключение. Вот почему к ней с успехом обращаются и историки, и этнографы, и теоретики педагогики, и информатики, и психоаналитики, и психофизиологи. Некоторые ищут решения на пути межпредметного подхода, выдвигая весьма любопытные и во многом конструктивные соображения об игре в духовной жизни индивида. Напомню в этой связи читателю книгу Эрика Берна « Игры, в которые играют люди...Люди, которые играют в игры », к критическому анализу которой я вернусь далее. При этом специалисты конкретных научных дисциплин решают свои сугубо профессиональные задачи, не покушаясь на создание общефилософской концепции игры. Что, как я уже отметил, принципиально невозможно в условиях скандала в философии.

А между тем сумбурный и алогичный по старым, устоявшимся понятиям мир нарождающейся информационной цивилизации вопреки всем « философским » прогнозам ежедневно, ежечасно демонстрирует возрастание игры, игровых действий и более того игровых технологий буквально во всех сферах нашего бытия. Уж если кто и является « играющим человеком », так это представитель новой цивилизации эпохи Озарения. Кто-то саркастиче-

ски заметил, что этот человек поражен игровым вирусом более сильным и пагубным, чем вирус бешенства.

Видимо, ощущение этого общечеловеческого синдрома и хотел подчеркнуть Й. Хейзинга своей (отмечу еще раз талантливой и насыщенной интереснейшими наблюдениями) книгой. Но мир игр современного человека отнюдь не поглощает все его бытие, все проявления последнего, а прежде всего и удивительнейшим образом размывает традиционные представления о границах «высокого искусства». Отсюда вполне естественное всеобщее стремление по-новому определить сущность игры в соотношении с искусством в нашем изменчивом мире. Оказывается, что игра и искусство отнюдь не слились в неопределенное и аморфное единство на основе перерастания всех человеческих действий в некую метаигру и не разделились абсолютно, словно поезда на одной стрелке, выкроив для себя особое, специфическое направление этих разделенных действий. Все обстоит гораздо сложнее и интереснее.

Но осознать происходящее на глазах потрясенного человечества едва ли возможно с позиций традиционной немецкой логики и «философии действия» в ее марксоидном истолковании. При трактовке постижения истины как только рационального освоения предмета познания сразу же возникает логическая проблема исторического приоритета: либо игра старше искусства как особой «формы познания» и в нем последнее черпало изначально живительные соки, иссякающие по мере нарастания познавательного, эмоционального и духовного потенциала художественного творчества, либо искусство старше игры и тогда вполне объясним традиционный поиск теоретиками особой, только ей присущей сферы деятельности, выделившейся в хронической последовательности из деятельности художественно-творческой. Примечательно, что данную антиномию (абсолютно тождественную постановке вопроса о том, что возникло раньше яйцо или курица) не решают и попытки найти иную, так сказать, исконную первопричину возникновения и развития как художественного творчества, так и игры. Поиски эти в достаточной степени систематизированы на теоретическом уровне, зачастую выражающем абсолютизацию в абстракции реальных, но вторичных признаков игры.

*Самые абстрактные, на первый взгляд, умственные спекуляции
могут в один прекрасный день оказаться удивительно полезными*

М. Блок

Общеизвестна, например, **социально-генетическая трудовая теория** истолкования этой первопричины, развивавшаяся от времен Лукреция Кара до работ Карла Бюхера и Г. В. Плеханова. Наиболее точную и лаконичную формулировку сущности трудовой теории игры дал, безусловно, В. Вундт. Он писал: «Игра есть дитя труда. Нет ни одной формы игры, которая не имела бы своего образца в том или другом виде серьезного занятия, как это само собой разумеется, предшествующего ей во времени. Ибо жизненная необходимость принуждает к труду, а в труде человек мало-помалу научается смотреть на употребление в дело своей силы, как на удовольствие».

Гипотеза о труде как первооснове представляется до некоторой степени убедительной, но опять-таки в чисто умозрительном плане, как внешне непротиворечивая мыслительная конструкция. Фактически же она основывается на примитивном представлении о нашем абстрактном прародителе, который открыл для себя в процессе труда орудия труда, а лишь затем стал думать, чувствовать, верить. Но стоит повнимательнее и непредвзято взглянуть в наиболее древние орудия труда, чтобы невольно представить себе и игру способностей человека той поры, и выразительный, образный смысл его деятельности как творчества.

Все это органически слито и в самом примитивном средстве производства, и в тех его продуктах, которые дошли до нас как вестники промчавшихся тысячелетий. Так что же « старше », что есть первооснова дальнейшего развития того феномена, который мы вполне неопределенно обозначаем как эстетическая культура игра или искусство? Здесь « трудовая теория » молчит. Полагаю, что подобное молчание отнюдь не признание слабости, но вполне корректное самоограничение специалистов, разрабатывавших и разрабатывающих ее. Для меня же в их самоограничении ориентир для дальнейших теоретических поисков в сфере эмоционального мира, в осознании неразгаданного парадокса игры, которая до сих пор считается фактором технологии образования и не более того, весьма ограниченным по масштабам, формам и типам.

Наряду с социально-генетической концепцией происхождения игры значительное распространение в научной литературе и признанный авторитет имеют **концепции функциональные**. Так, нет, пожалуй, ни одного научного или популярного издания по проблеме игры, в котором не давалась бы характеристика **подражания** как одного из древнейших представлений о первопричине ее зарождения. Его смысл - в признании решающей роли в генезисе игры действительно присущей человеку функции подражания.

Для теории подражания характерна констатация очевидной общности игр животных, чьи детеныши преимущественно в игре развивают и совершенствуют наиболее необходимые для вида способности, и игр человека, в конечном счете, в итоге выполняющих эту же жизненную функцию. Подтверждение тому обширнейшая система дидактических игр, известных педагогической практике любой эпохи.

Здесь также обращает на себя внимание весьма любопытный факт, который был подмечен, но не осмыслен мною еще в шестидесятые годы в процессе исследования роли игры в эстетическом воспитании. Теоретики игры (по крайней мере, в пределах европейской цивилизации нового времени) базируются в ее исследовании на аристотелевской теории подражания. Как правило, они приводят его гениально-простое определение подражательных искусств (эпической и трагической поэзии, комедии и дифирамбов, большей части авлетики и кифаристики), равно как и предложенное им различие этих искусств. « ...Они различаются друг от друга в трех отношениях: или тем, в чем совершается подражание, или тем, чему подражают, или тем, как подражают... », - писал Аристотель.

Можно было бы упрекнуть теоретиков данного направления в неправомерном использовании понятия из сферы теории искусств, в переносе на игру конкретных признаков художественного подражания. Но подобный крити-

ческий ход на поверку оказывается неправомерным, ибо аристотелевское определение точно срабатывает и в отношении сущности игр. Остается вполне обоснованное и ведущее к весьма непредсказуемым последствиям предположение о **глубинном, сущностном родстве игры и искусства, а быть может и об их тождественности**. Предположение, на котором я бы хотел акцентировать внимание заинтересованного читателя уже на первом этапе размышлений о подлинной природе игры, ускользающей от сторонников абстрактно-философского подхода к ее определению.

К разряду функциональных концепций игры по праву могут быть отнесены и те исследования, в которых ее существенным, неотъемлемым признаком признается **незаинтересованное наслаждение**.

Ближайшей целью искусства является эстетическое наслаждение, обусловленное иллюзией.

В. Лай

Ни разделять, ни оспаривать их нет смысла, ибо в основе разрабатываемой ими теории лежит самоочевидность, аксиома. Конечно, первый и непосредственный продукт любой игры – наслаждение, без которого нет и не может быть речи о действующем по ее условиям либо правилам человеке. Соглашаясь с ними вопреки всей их сложности, играющий человек, вместе с тем, свободен абсолютно, ибо абсолютно его стремление к наслаждению. Измените установку, прикажите ему играть по вашей воле, либо во имя опять-таки внешней по отношению к индивиду социальной воле, делающей игрока профессионалом, наемным работником и необходимость закономерно и неизбежно подавит свободу. Подчеркивая незаинтересованность от наслаждения процессом игры, функциональная концепция справедливо полагает, что отнюдь не любое наслаждение – существенный признак этого процесса. **Наслаждение – сопутствующий признак любой человеческой деятельности и, прежде всего, неудержимого стремления осознать истину бытия в любой из ее форм.**

Вспомним, что безграничный мир исканий истины всегда связан с наслаждением. Так, рациональное постижение истины неотделимо от наслаждения, испытываемого мыслителем, но это не превращает мыслительный процесс с его сложнейшими законами и принципами в игру. Духовное постижение истины, проявляющееся в исканиях веры во всей ее поливариантности, также порождает наслаждение, но лишь как сопутствующий, а не как существенный признак, учитываемый общим вероучением. Даже наслаждаясь на пределе экстаза, верующий, тем не менее, не играет, он живет отнюдь не в мире игровых координат.

Иную и вполне озадачивающую картину дает нам третий блок человеческих исканий истины – эмоциональный, реализуемый в бескрайнем мире художественно-образных переживаний человека. Ему в полной мере отвечает как характеристический, существенный признак то, что мы понимаем под незаинтересованным наслаждением. Ведь не случайно трюизмом стало утверждение, что искусство в любой его ипостаси – сфера свободы, что вне

этой свободы от внешней необходимости искусство необходимо превращается в разновидность профессиональной деятельности.

Не секрет, что весьма солидные исследователи полагают, что профессионализация эмоционального блока истины своеобразная историческая закономерность. Мне же представляется, что за историческую закономерность всеобщего значения они принимают лишь определенный этап развития искусства (в самом широком значении слова), агрессивно преодолеваемый в период зарождения информационной цивилизации массовым, почти всеобщим любительским художественным творчеством.

Невольно задумываешься, в чем же причина тупикового значения функционального подхода к игре. Ответ довольно прост: любые функциональные концепции остаются в пределах той же исчерпавшей свои потенции философии. Разве что из общеполитической концепции игры (прекрасно представленной Й. Хейзинга), с достаточным основанием обобщающей многие ее существенные признаки, вычлениют лишь один, на котором теоретики и строят все дальнейшие абстрактные философские построения.

Философия стремится познать мир, то есть стремится к истине, музыка (как и другие искусства) стремится его воспринять эстетически, то есть достигнуть красоты (через звуки). Представляя собою два совершенно различных способа отношения к миру, философия и музыка не могут иметь взаимодействия.

К. Эйгес

Любопытно, что мыслители предшествующих девятнадцатому столетию эпох и духовные представители иных цивилизаций, не разделяющие стереотипные взгляды современных европейцев об истине только как сфере знания, вроде бы и не замечают этой проблемы. Трактуют истину в свете алетологии, признавая равное значение истины знаний, эмоций и веры, они исходят из убеждений в органическом единстве, целостности каждой из этих взаимосвязанных сфер. При подобной установке снимается сам вопрос о первичности или вторичности (в историческом аспекте) любого из компонентов данной триады и акцент переносится на ее органическое самодвижение.

Мы не найдем, например, в трудах античных авторов противопоставления игры искусству. Не случайно они не оставили нам теории игры, но дали человечеству непреходящие по значимости идеи о свободном художественном творении, об его предмете, формах и общечеловеческой значимости. Опираясь на эти идеи, теоретики нового времени, предвосхищая кардинальное возрастание игры как универсального фактора человеческого бытия, смогли дать и структурную характеристику игровой деятельности, и классификационные принципы подхода к ней.

Очевидно, что от Аристотеля, от его концепции искусства идет традиция рассмотрения игр и игрового действия. Оговорюсь, что эти два понятия используются мною как синонимы. Согласно этой устойчивой традиции игровое действие как сфера агона характеризуется тем, **чем играют**, каким игровым предметом пользуются играющие, **как играют** или иначе какими обя-

зательными правилами руководствуются на основе конвенции, негласной, но общепринятой договоренности, и, наконец, **почему играют** все без исключения люди во все времена и безотносительно к возрасту.

Развивая аристотелевскую традицию истолкования игры как искусства, современные теоретики (опять-таки вполне в безнадежно устаревшем философском ключе, выводя понятия из понятий) высказывают немало соображений, которые обобщенно можно было бы назвать **классификационным подходом к игре**. Они разграничивают игры с предметом, игры с воображаемым предметом и игры без предмета. Они весьма детально характеризуют игровые правила, которые присущи изначально коллективным, индивидуальным и смешанным (парным) играм, их историческое развитие и современное состояние. Не менее подробно многими авторами, и теоретиками, и историками, и чистыми игровиками практиками дается истолкование глубинных причин игровых действий людей, побуждающих по свободному выбору выбирать двигательные, умственные, строительные, подражательные, развлекательные либо дидактические игры. Осознавая практическую значимость классификационного подхода, я признаю его безусловное операционное значение в сфере пропаганды игры и игровой деятельности. Но « философичность », спекулятивный, умозрительный характер подобного подхода исключает возможность осознать действительную сущность игры и ее место в бурно меняющейся человеческой цивилизации. Здесь опятьтаки наблюдается полная аналогия с абстрактным теоретизированием об искусстве на уровне систематики и вполне достойных наблюдений об его типах, формах, жанрах, не продвигающих нас ни на йоту к решению проблемы сущности искусства, его природы.

Мы почему-то невольно забываем, что мыслители прошумевших по Земле до европейского Просвещения эпох оставили нам не только логические формулы, систему абстрактных философских понятий и категорий, но и **синтетический подход** к проблеме истинности, достоверности всех проявлений нашей рациональной, эмоциональной и духовной жизни. Аристотель как великий мыслитель в этом плане не исключение, а подтверждение общего правила. Следуя ему, надо избегать окостенения понятий, памятуя, что в таком случае они превращаются в застывшие термины, а их анализ безотносительно к сложной и противоречивой реальности духовной жизни и ее проявлений по неизбежности приводит к терминологическому кретинизму.

Я уже обратил внимание читателя на тот факт, что **искомое представителями разных концепций корректное, не расширительное и не индизнаказательное определение сущности игры как специфической формы действий неизбежно включает в его содержание искусство как качественный критерий**. Возвращаясь к целостному мышлению древнейших времен, нам следует от этого признания самоочевидного факта перейти к новой логической установке и утвердиться в убеждении, что игра и искусство не только синонимичные, но и тождественные понятия. Игра это искусство, равно как и любое искусство игра. Подобное утверждение отнюдь не парадокс, но признание реальности, ускользающей от наблюдателя при любом умозрительном философствовании. А из признания этой исторической реальности вытекает ряд весьма конструктивных выводов к духовной жизни

человечества в эпоху информационной цивилизации. Примем же это утверждение как гипотезу для дальнейшего исследования проблемы.

Игра как искусство

Трактуя игру как сложное, структурированное единство, взаимосвязь предмета игры, процесса игры и его результата, мы сразу же сталкиваемся с озадачивающим фактором действий человека, почти не знающим границ. **Предметом игры** может быть простая скакалка в руках ребенка и сложнейшая информационная система, базирующаяся на компьютерных технологиях, древние как мир игральные кости и современнейшие игровые автоматы, вполне архаичный по возрасту мяч, который гоняли по полу еще наши пращуры, и суперсовременный автомобиль участника спортивных состязаний. Но более того, предметом игры человека испокон является слово и краски, специальные (так называемые музыкальные) инструменты, от кифары и авла до скрипки и электронной гитары, пластически организуемое пространство и фиксированное движение изображений. Здесь мы имеем дело не только с предметом каких-то особых действий, чистой игры либо искусства, но неумолимо сталкиваемся с проявлением их органического синтеза, а быть может, с более серьезной проблемой, игнорируемой до сих пор.

Процесс игры регламентируется весьма жесткими правилами, приобретающими значение нерушимой традиции. От них как от изначальной конвенции не может отступить ни один играющий, даже оставаясь наедине с самим собой. Естественно, что движение жизни, ее новые условия и потребности приводят к корректировке правил, к их усовершенствованию, упрощению или усложнению на основе гласной или негласной конвенции. Но корректировка эта не меняет сути конкретной игры.

Футбол не перестает быть футболом от изменения размеров поля либо правил поведения игроков на поле. Теннис не перестает быть теннисом, если по всеобщей договоренности игроки теперь проводят строго ограниченное число сетов, а затем выясняют отношения в укороченное время в тай-брейке. На наших глазах преобразуется игра драматических актеров, ее эстетика. Но никакие театральные новации, которые порою прямо-таки ошарашивают зрителя, воспитанного на традициях реалистического театра, не властны отменить игровых условий, диктуемых законами сцены. Условий, определенных теоретиками от времен Аристотеля до Станиславского.

Весь обширнейший диапазон игровых действий человека, от наивной игры в бирюльки до высочайших художественно-образных свершений, остающихся по форме той же игрой, подвластен правилам и вместе с тем открывает возможность творения, рождения нового, еще неизведанного. И в данном значении весь этот диапазон и есть то, что мы именуем одновременно искусством.

Результат любой игры (а это отмечается в каждой серьезной работе по ее истории и теории) - свободное, незаинтересованное наслаждение. Оно может быть интеллектуальным, эмоциональным либо духовным, причем порою при весьма сложном переплетении в некое целостное единство переживаемого впечатления. Разумеется, что здесь существенное значение имеет социокультурная ситуация, место человека в общественной иерархии,

почти незыблемые и сохраняемые тысячелетиями традиции духовной жизни этноса, равно как и индивидуальная продвинутость и пластичность человека. Отделить подобное восприятие и переживание игры как некоей изобретенной философствующим умом деятельности от переживания бескрайнего мира искусства как особой и присущей только человеку формы эмоционального поиска достоверной истины практически никогда и никому не удавалось. Ибо игрой пронизано все то, что в классических поэтиках принято называть искусством, а любое игровое действие базируется на незыблемых принципах художественного творчества. Поэтому бесплодны любые попытки разделить в абстракции «игровое переживание» и «переживание художественное», порождающие неизбежно хитроумные, но бесплодные терминологические ухищрения.

Предвижу возражения пуристов от эстетики, для которых сама мысль о равнозначности эмоционального переживания прекрасного футбольного матча и великого симфонического произведения, блистательной шахматной партии и классического балета в исполнении виртуозов хореографии всегда воспринималась, да и воспринимается поныне как ересь, как покушение на некие святыни. Но ересь это отклонение от общепринятых догматов веры. Всеобщее же отклонение от этих догматов делает их не общепринятыми, а стало быть, прокладывает путь иной вере. Осмыслить ее в данном конкретном случае весьма важна как в теоретическом, так и в практическом плане задача на пути современного поиска достоверной истины.

Цель моих раздумий отнюдь не эпатаж сторонников и последователей мертвящей гегелевской схоластической эстетики, к которым и я принадлежал не одно десятилетие. В конце концов, и у нее есть специфическая сфера логической достоверности, если вы разделяете понимание искусства как особой формы познания. Сохранив исходные определения искусства, выработанные в новое время на основе традиционного ограничения искусства тем или иным его видом или даже жанром «познания», вам не избежать капкана логической мышеловки. Она мертвящим холодом отграничит от безграничной сферы свободного художественного творчества не только игру во всем ее многообразии, от незатейливых на первый взгляд действий ребенка с игрушкой до обычаев, обрядов и праздников, но и многие уникальные открытия художников современности, которые никак не вписываются в гегелевскую концепцию искусства как познания идеи в образной форме.

Измените исходную теоретическую установку, согласитесь с мыслителями древнейших цивилизаций в их устремленности к целостному, нерасчлененному постижению истины на пути алетеологии, и перед вами сразу же откроется иной путь к осознанию подлинной сущности игры как искусства.

Тот блок зарождения, становления и развития Мирового духа (даже если его бытие уныло ограничено одинокой историей загадочного человечества как природной аномалии), который они трактуют как эмоциональное постижение истины, обладает тремя взаимосвязанными существенными признаками. Гипотетически я уже определял их ранее, пытаясь осмыслить всеобщие принципы художественной педагогики. Это **постижение, выражение, заражение**. То, что сегодня нам, воспитанным на традициях европейского Просвещения, кажется гипотезой, для наших мудрых предшественников было чем-то само собой разумеющимся и в этом смысле аксиомой.

Нужно быть смелым и видеть скрытое

М. Метерлинк

Художественное действие, в какой бы форме оно не проявлялась, отнюдь не пустое, бесплодное времяпровождение. Даже в переборе четок, в незамысловатом подбрасывании небольших камней, в детской игре в крестики и нолики, в соревновательном упражнении на бросок того или иного предмета, скажем при игре в городки есть постижение, иначе говоря, открытие законов и закономерностей природы в их соотношении со способностями человека как природного существа. Абсолютно таким же открытием является любое великое художественное произведение, необычайно сложное по структуре, многоплановое по содержанию, но с позиции алетеологии остающееся эмоциональным открытием тех же тайн мироздания соответственно свободной игре способностей человека. **Постигновение** всеобщий принцип художественных действий, или точнее художественного творения во всех его проявлениях, в том числе и в игровом действии в узком смысле слова, которое я считаю особым, специфическим видом искусства и не более того.

Всякое осязательное изображение какого бы то ни было предмета и явления с точки зрения его окончательного состояния, или в свете будущего мира, есть художественное произведение.

Вл. Соловьев.

Для всего не знающего точных, фиксированных раз и навсегда границ мира искусства, мира художественного творения человека характерна еще одна существенная характеристика, а именно **выражение**. Задумайтесь над тем, что движет художником (безотносительно к тому, кем он является профессионалом или любителем) в его подчас изнурительном, подвижническом труде, в мучительных исканиях. В действиях, требующих от него полной самоотдачи, напряжения всех душевных сил и способностей, порою всей жизни без остатка. Часами, днями, годами и даже десятилетиями музыкант исполнитель совершенствует мастерство, оттачивает его на оселке бескомпромиссной требовательности, в буквальном смысле слова не ведая, что такое отдых. А в итоге несколько кратких мгновений на концертной эстраде, вмещающих весь мир его душевных движений, его стремление выразить свое, индивидуальное отношение через произведение и к миру человека, и к смыслу его бытия. Сколько сотен и даже тысяч набросков создает порою великий мастер живописи, подобный Александру Иванову, совершенствуя движения руки и подчиняя ее мудрости оттачиваемого видения мира. Сколько подлинных титанов живописи падали без сознания у мольберта, презрев все житейские блага и посвящая себя без остатка служению избранной ими беспощадной Музе. И все в поисках той выразительности образа, который

делает его достоянием миллионов и миллионов, ныне толпящихся у музейных экспозиций.

Вспоминаю, как однажды в старом цирке на Цветном бульваре в Москве мне пришлось провести несколько часов в затемненном зале почти в полном одиночестве, ибо моя лекция для коллектива артистов задерживалась по каким-то техническим причинам. И все это время группа партерных акробатов доводила до филигранной отточенности каждое движение, каждый жест, словно не ведая усталости. А ведь им через короткий промежуток времени предстояло выйти в огне прожекторов на арену и выразить в каскаде ошеломляющих воображение движений в течение нескольких кратких мгновений представление о безграничных возможностях человека, любого из тех, кто будет наслаждаться их искусством.

То, что мы вполне неопределенно привыкли называть как нечто само собой разумеющееся игрой и игровым действием, в этом плане вполне сродни искусству в самом высоком смысле слова. Здесь свободное от интереса непосредственное наслаждение выражает сложный комплекс представлений, духовных ценностей, стереотипов сознания. Даже если признаете главным и определяющим признаком игры агон, состязательность, вы не сможете игнорировать подобную, весьма сложную по структуре выразительность любой без исключения игры.

Воображение! Без этого качества нельзя быть ни поэтом, ни философом, ни умным человеком, ни мыслящим существом, ни просто человеком.

Дени Дидро.

Третий всеобщий принцип художественных действий как сферы эмоционального постижения истины их **заразительность, пробуждение в каждом великой творческой силы воображения**. Нет ни одного проявления художественно-творческой способности, от самой «простой», наивной, лишенной многоплановой структуры и развернутого во времени и пространстве содержания до грандиозного по масштабам художественного произведения, подобного великому архитектурному творению либо циклу взаимосвязанных романов, сопоставимых с научной многотомной энциклопедией, где творец не стремился бы заразить своей страстью нас, простых смертных. Даже в экстатическом творческом одиночестве он с лукавством, вообще свойственным человеческой натуре, предполагает наше существование, надеется на встречу с нами, на наше, пусть запоздалое, признание. Подобного лукавства не знает ни ученый, ни вероучитель!

Не буду в этом контексте еще и еще раз акцентировать внимание читателя на радикальном возрастании масштабов заразительности художественного творения благодаря новым информационным технологиям. Какой певец в прошлом мог, например, выступать перед аудиторией в четыреста-пятьсот тысяч человек, да еще осознавать при этом, что его одновременно благодаря всепроникающему телевидению смотрят и слушают до полутора миллиардов почитателей. Но ведь подобные концерты стали чуть ли не повседневной реальностью при выступлениях Мадонны или же знаменитых

вокальноинструментальных ансамблей, которые ныне трудно перечислить даже знатокам поп-музыки, безуспешно соревнующимся в надоедливых радиовикторинах. Когда и где в прошумевшие времена дизайнер мог мечтать, что его поражающие воображение поиски сейчас, сиюминутно будут оцениваться миллионами и миллионами поклонников «высокой моды»!

Магию средств массовой информации не могут ныне игнорировать ни мыслители, ни вероучители, если они хотят ретранслировать свои откровения, свое credo на миллиарды человеческих душ. Это аксиома нашей эпохи. Я также не повторяю еще и еще раз ставшую трюизмом мысль о глобальном значении средств массовой информации не только как ретранслятора, но и как особого феномена художественной культуры двадцатого века, заразительность которого не знает разумных границ и каких-либо ограничений по интенсивности потрясения всей нашей психики.

Время изменяет человека как в физическом, так и в духовном отношении. Муж, со вздохом или с улыбкой, отвергает мечты, волновавшие юношу. Моложавые мысли, как и молодое лицо, всегда имеют что-то странное и смешное. Глупец один не изменяется, ибо время не приносит ему развития, а опыты для него не существуют.

А. С. Пушкин.

А теперь давайте вместе перенесемся в мир игр и игровой деятельности человека любой, а тем более нашей цивилизации. Что как не их заразительность предопределяет само существование игр. Разве играющий ребенок не использует любую, даже самую простенькую игрушку, пусть завернутую в тряпочку палку как способ общения с вами, как способ «внутреннего» и «внешнего» диалога. У него всегда есть свои секреты заразительности, которые отнюдь не совпадают с представлениями взрослых о «нормальной» игрушке. Не отсюда ли возникает стремление детей с самого раннего возраста играть без взрослых, со сверстниками, эмоциональные реакции которых вполне равнозначны и дают основу игровой коммуникации.

Что же касается современного взрослого человека, то создается впечатление распространения массового игрового психоза, которого не знала ни одна цивилизация, предшествующая информационной. С чем можно, например, сопоставить по силе заразительности те реакции, которые мгновенно охватывают десятки и сотни тысяч людей на стадионе или у экрана телевизора во время прекрасного (я не оговорился именно прекрасного!) футбольного матча, когда игроки демонстрируют совершенную комбинационную игру, феноменальные физические возможности при ее реализации и даже хорошо отрепетированный артистизм поведения. Попробуйте убедить и любителей, и профессиональных знатоков современного хоккея, автомобильных гонок по Формуле 1 и большого тенниса, что переживаемые ими игровые действия лишь спорт, но не искусство в истинном, а не переносном значении слова. Уверен, что не найдется ни одного человека, который согласится с вами, если он испытал эмоциональный подъем и глубокое, подлинно эстетическое наслаждение благодаря заразительности игры.

Мир игры это и мир обычая, обряда, праздника. Их сфера внешне сложнее детской игры, как по организации, так и по масштабам вовлеченности играющих. Концентрируя в себе и накопленные знания людей, их интеллектуальный опыт, равно как и их духовные представления и традиции веры, обычаи, обряды и праздники органически включаются в целостную область высокого искусства. Именно их художественно творческим смыслом предопределяется та эмоциональная заразительность, которая объединяет самых разных по индивидуальности людей в театрализованном поведении и коллективном действии.

Можно без особого труда привести немало других конкретных аргументов, подтверждающих значение игры как сферы искусства, художественно творческой деятельности. Границы между « игрой » и « искусством » в духе догматических учебников по эстетике не просто условны. Они не реальны. Их попросту не существует нигде, кроме мира схем классификационного, « философского мышления ». Оставаясь на его почве, теоретик невольно допускает удивительные оплошности, противоречащие истории становления и развития целостного человеческого духа. Вернусь в данной связи к работе Й. Хейзинги, оплошности которого в историческом аспекте как раз и предопределены попыткой абстрактного философствования вопреки логике движения и развития человеческого духа.

Давая рабочее определение игры, которое было мною приведено ранее, подвергая суду разума весьма талантливо и компетентно многие ее определения, которые целесообразно использовать как в теории, так и в практике, он акцентирует внимание на реальной бесплодности попыток отграничить форму игры от других по видимости родственных форм жизни. Соответственно подобной логической посылке Й. Хейзинга заведомо исключает из игры сферу комического. Он пишет: «Мы называем комическим клухт или комедию не из-за игрового действия самого по себе, а из-за содержания. Мимику клоуна, комичную и смешную, можно назвать игрой только в самом нестрогом смысле слова. Комическое тесно связано с глупостью. Игра, однако, вовсе не глупа. Она живет вне противоположности « мудрость глупость ».

Полагаю, что подобной абстрактно-логической конструкцией он закрывает для себя путь к постижению истинного соотношения, а точнее реально-го тождества игры и искусства. Признавая игру и игровую деятельность проявлением незаинтересованного наслаждения, Й. Хейзинга тем самым невольно выводит за сферу игры ее суть комическую реакцию, более того все иные типы жизненного драматизма. А ведь именно этот драматизм, на мой взгляд, и порождает художественно- творческие действия человека (назовите их игрой либо искусством - не имеет никакого значения) как проявление изначального страха перед неизбежным небытием.

Не перестаю поражаться мудрости русских фольклористов, историков литературы и искусства, этнографов, лингвистов XIX века, которые, успешно распрощавшись вслед за Виссарионом Белинским с « философским коллапом » Гегеля, никогда не сомневались в глубинном тождестве игры и художественного творения. Поэтому им не могло, в частности, взбрести в голову вычленение игры из сферы комического, ибо логика исторических фактов была для них сильнее абстрактно -логических конструкций. Высшим и афо-

ристичным, как всегда, выразителем достижений русской духовности XIX века был и остается В. Даль. Вслушаемся и в этой связи в его определение игры. Его он дает не сразу, но лишь в контексте определения художественно-творческой деятельности - **играть** « чем, во что, с кем, на чем, почему, что; шутить, тешиться, веселиться, забавляться, проводить время потехой, заниматься чем для забавы от скуки, безделья; (// издавать и извлекать музыкальные звуки; // представлять что, изображать на театре; // мелькать, шевелиться туда-сюда ». А из блистательного и по нашим современным меркам определения игрового действия он выводит и определение **игры** как явления искусства, и характеристику всех ее типов. Игра для В. Даля « ж. об. дейст. по знач. гл. и предмет, то, чем играют и во что играют; забава, установленная по правилам, и вещи для того служащие ». Убежден, что его классификация игр в соответствии с веками отработанным представлением о них как сферы художественно-творческой деятельности и поныне служит неперменной основой классификационного подхода к многообразию игр. Возможного, но при его абсолютизации бесперспективного.

Он тщательно выделяет типы игр: с предметами, спортивные от карт до шахмат, коммерческие, биржевые, художественные в узком, просвещенческом смысле слова игра актера, игра на музыкальном инструменте, игра цветов «чередной перелив, пестрый отлив и изменчивость красок », игра слов «острота или шутка, основанная на однозвучности или двусмысленности речений », облачение в маску или «личину », игрище как представление разного рода, сборище, сход для забавы, лицедейство, хоровод, праздник и т.д. Невольно припоминаешь, что все популярные трактаты об игре и игровом действии, от « философских » до дидактических развивают схему, предложенную В. Далем, что подтверждает ее достоверность. Но главное в его трактовке не только в точном ощущении значения игры как сферы комического в любом без исключения ее проявлении (помимо, конечно, иносказаний). Он ни на минуту не сомневается, опираясь на историко-лингвистический анализ, в тождественности понятий « игра » и « искусство ».

Если согласиться с фактом этой тождественности, из которой вытекают далеко идущие педагогические выводы - а именно они искомая цель моей работы - лишь на основе признания значения игры как искусства, мы все же окажемся лишь в самом начале рассмотрения проблемы с позиций алетеологии. Поставим вопрос так: если любая игра есть искусство, следует ли из этой посылки, что всякое искусство есть игра? Едва ли! Пока же, надеюсь, я смог убедить читателя лишь в том, что общие признаки художественно-творческих действий (вдумчивый читатель, очевидно, понял, что при их характеристике я тенденциозно и открыто опираюсь на великое произведение « нового мышления » в художественной педагогике на трактат Л. Н. Толстого « Что такое искусство? ») являются вместе с тем и существенными признаками игры и игровых действий.

Искусство как игра

Поэзия, или творчество, - понятие широкое. Всякий переход из небытия в бытие это творчество, и, следовательно, создание любых произведений искусства и ремесла можно назвать творчеством, а всех создателей их творцами.

Платон

Определение обобщение существенных признаков предмета либо процесса в понятии. Философский подход, историческая исчерпанность которого все более и более становится общим местом в теоретической литературе и публицистике, во многом проигнорировал им же выработанный путь логических определений. В одном из немецких философских словарей нового времени дано оптимальное по характеру определение игры с позиций подобного подхода. Игра, говорится в нем, есть « всякая деятельность, которая осуществляется не ради практических целей, а доставляет радость сама по себе». Лаконично, вполне логично (если следовать философским принципам определения) и одновременно абсолютно неубедительно. Хотя бы уже потому, что предельно широкая абстракция дает основание перенести ее результат на такие сферы жизни и жизнедеятельности человека, которые никакого отношения к игре не имеют. Трудно отрицать, например, что есть целая сфера психической и физиологической деятельности человека, феномены которой доставляют человеку наслаждение безотносительно к практической пользе. Но к игре как художественному творчеству они не имеют ровно никакого отношения. Даже тогда, когда на экране всеми средствами кинематографической достоверности, документальности нам демонстрируют онанизм либо половой акт в их медицинской достоверности. Для кинематографа как искусства нужно нечто большее, чем эта достоверность.

А перспективные открытия в интеллектуальной области, зачастую кажущиеся современникам верхом нелепости, не соотносимые ни с какими провидимыми практическими результатами, и вместе с тем доставляющие первопроходцам в науке едва ли не божественное по характеру наслаждение? Кто покусится, например, на искания таких математиков, как Лобачевский или биологов, подобных монаху Менделю, воспринимавшиеся в их времена как праздные упражнения ума и, конечно же, доставлявшие провидцам грядущего знания глубочайшее наслаждение самим процессом открытия, называть играми?

Вернемся еще раз к той триаде, которую предложил Л. Н. Толстой для определения искусства. В основе его подхода стремление к целостному восприятию мира, осознание неразрывного органического единства знаний, эмоций и веры (знания постижение, эмоции выражение, вера заражение другого общностью духа). Концепция целостного подхода к миру и человеку, пребывающему в нем, стала тем путем открытия триединой истины, ограни-

чений той или иной поэтики либо эстетики предстает в его трактате и как фактор интеллектуального познания, и как эмоциональное открытие единой истины, и как духовное заражение других людей, как особый тип общения.

Попытаемся же усвоить урок основоположника « нового мышления » в мировой педагогике и эстетике, осмысливая сущность игры как целостного явления человеческого бытия, синтезирующего в себе и искания ума, и движение страстей человеческих, и их духовные порывы к человеческой общности как единственной гарантии реального бессмертия духа. Двигаясь по этому пути, одновременно задумавшись, в чем у человеческих действий в игре абсолютная аналогия с искусством, свидетельствующая об их тождестве.

Здесь сразу же возникает некоторое логическое затруднение, аналогичное тому, которое возникло ранее при попытке экстраполировать самые общие и действительно универсальные признаки искусства на игру, традиционно вычленяемую из сферы художественно-творческих действий. Самоочевидное для представителей древних цивилизаций сразу же воспринимается как парадокс. Оказывается, и самоочевидное, затуманенное абстрактной логикой, нуждается в доказательствах. Поэтому в ходе дальнейшего анализа природного единства игры и искусства мне придется не только обобщить универсальные признаки любой игры, точно подмеченные исследователями, но и попытаться показать, что все они лишь выражение в иной системе мыслительных координат общих, существенных признаков художественно-творческих действий.

*Ближайшей целью искусства является
эстетическое наслаждение, обусловленное
иллюзией.*

В. Лай.

Историки и теоретики игры, равно как и этнографы, археологи, представители культурной антропологии при анализе игры в первую очередь делают акцент на такое ее существенное качество, как **репродуктивность**. Порою ее трактуют как подражание, действительно свойственное многим играм, преимущественно древнейшим, возникавшим в ту пору, когда человек и другие живые существа еще не разошлись по всем параметрам душевной жизни. Без особого труда можно привести безграничное количество примеров детских игр от пеленания кукол девочками до воинских игр мальчиков, в которых явственно проступают типы и нормы поведения взрослых. Данный аспект начальных игровых действий был фундаментально исследован Карлом Гроссом в конце XIX века в книгах « Игры животных » и « Игры людей », практически исчерпавших проблему. Океан наблюдений об играх животных и детей, накопленный учеными с той поры, по сути дела ничего нового не прибавил для конкретизации идеи подражания в онтогенезе и филогенезе игры.

Между тем репродуктивность не только и не столько подражание. Ее смысл скрыт гораздо глубже, в самом драматизме бытия человека как ограниченной жесткими временными рамками существования на этом свете пылинки на космическом ветру. Как только затеплилась духовная жизнь чело-

века, его мысли, страсти, убеждения веры, возник титанический протест против рока драматизма жизни, неверие в смерть, убеждение в ее несовместимости с творящим духом. Репродуктивность игры первый бунт человека против текущего в необратимое ничто времени, нетленное возобновленное воссоздание. Именно в этом смысл **ре продукции**.

Нет прямых доказательств предположению, что древнейшие люди до общения через материальные игрушки (а они, к счастью исследователей, сохранились в следах самых первобытных культур) пытались вступить в контакт с неизбежным, роком, творчески используя ролевую функцию игры. Ибо исчезла, например, вся палитра их татуировки **протомаска**. Но сохранились древнейшие маски, скрываясь за которыми человек начинал жить в **роли**. Естественно, роли эти были многообразны, как сама жизнь и ее неизбежный пугающий финал смерть. Не случайно выразительный диапазон масок безграничен от представлений о злых и добрых силах, дьяволах и божествах до целого сонма природных явлений и человеческих качеств. Пряча свой лик за личину, за маску, человек приобретал ролевую функцию, возвышавшую его над безысходностью реального бытия. Думается, что репродуктивная функция маски открывала человеку мир новых выразительных возможностей, скрытый до ее появления, а именно мир драматического столкновения масок, изначальное противоборство отчужденных от человека его ролей в жизненной драме.

Все наше художественное знание по существу своему иллюзорно, ибо мы, как знающие, не едины и не тождественны с тем существом, которое, будучи единственным творцом и зрителем этой комедии искусства, в ней создает и находит себе вечное наслаждение.

Ф. Ницше

Усложнялась сюжетика этого столкновения и соответственно возрастало значение пластики и мимики самого человека, музыкального сопровождения его действий, сценографического решения среды этих действий и слова как высшего выразительного средства для передачи идей, эмоций, верований. Наконец, играющий человек попытался вернуться в свое Я, в реальность индивидуального существования, сбросив маску и **став маской действующей**, вступив в сферу искусства по привычным для нас представлениям. Был пройден путь от мимикрии к имитации действий людей. Но репродуктивность как закон игры не был отменен и в этом случае, ибо сам человек обрел способность **живой маски**, став актером, то - есть действующим, **играющим** по иным, чем его индивидуальная природа репродуктивным законам.

В принципе же ничего не изменилось игровые маски на карнавале и великие актеры на сцене (либо на экране) при всем грандиозном усложнении художественной жизни современного человечества явления абсолютно однопорядковые. Они живут и функционируют в мире искусства как игры. **В искусстве всегда и все играют**, следуя глубинным и во многом непостижимым логически законам репродукции.

В подавляющем числе серьезных работ о природе игры исследователи самых разных времен и цивилизаций единодушно выделяют и такой ее существенный признак, как **состязательность, или агон**. Понаблюдайте, как самые маленькие дети состязаются друг с другом, едва освоив какое-либо игровое умение бросать бабки либо монеты, прыгать через скакалку либо делать первые штрихи на асфальте. Растет их мастерство, достигает **высшей степени совершенства или искусства**, а состязательность и его разные типы отнюдь не исчезают. Напротив, она достигает такого накала, который детям не ведом. Если вы следили со знанием дела за шахматистами экстракласса во время любого финального поединка и, безусловно, вы согласитесь со мной. Более того, во всех подобных случаях любые игры организируются по законам драмы, где есть и конфликт, и драматургия игры (ее стратегия и тактика), и правила, имеющие конвенциональное значение, и ожидаемый результат или игровой эффект.

Конечно, истоки игры - в соперничестве, являющемся своеобразной проекцией на все стороны бытия человека его изначальной и неискоренимой борьбы за существование. Той борьбы, которую все великие вероучения безуспешно пытались и пытаются преодолеть, совершенствуя человеческую природу, в лучшем случае добиваясь замещения соперничества в реальном мире с его тягчайшими последствиями - состязательностью как соревнованием духовных сил и способностей. Но и последняя предельно драматична и порождает сомнение в перспективе человечества на выживание. Идеальный мир игры оказался наилучшим терапевтическим средством подобного замещения. Он порожден страхом и дает возможность уйти от него в краткие мгновения нашего земного бытия в другой, вымышленный и прекрасный мир.

Здесь и происходит тот загадочный аристотелевский катарсис - очищение страстей изображением, воспроизведением подобных страстей. Ученые гадают - был ли в «Поэтике» Аристотеля раздел о комическом катарсисе, почему и когда он был утерян. Полагаю, что мудрый ученый древности прекрасно понимал, что комическое источник и сфера игры и игрового действия, драма же и трагедия есть игровое воспроизведение реального и лучшего, но отнюдь не худшего, достойного лишь осмеяния.

Спектр этого «игрового изображения, воспроизведения» - от детской скакалки и настольных игр до великого симфонического произведения, от спортивного противоборства атлетов до шекспировских трагедий. Хотел бы обратить внимание читателя на любопытное лингвистическое свидетельство в этой связи: в любом толковом словаре синонимов дается градация игр именно в подобном предельно широком, практически безграничном диапазоне, от спортивных состязаний и до игры на музыкальных инструментах. Сошлюсь как на вполне авторитетный источник на академический «Словарь синонимов», пространная выдержка из которого мне представляется принципиально необходимой: «1. **ИГРАТЬ** (проводить время в каком-л. занятии, служащем для заполнения досуга, развлечения). Играть в карты. Играть на бильярде, **РЕЗАТЬСЯ** разг. (играть во что-л. с азартом, увлечением), **ДУТЬСЯ** (прост.) 2. **ИГРАТЬ** (участвовать в сценическом представлении), **ВЫСТУПАТЬ, ПРЕДСТАВЛЯТЬ** (устар.) 3. **ИГРАТЬ** (воплощать, воспроизводить на сцене, создавать какой-л. сценический образ Играть стари-

ков, **ИСПОЛНЯТЬ** Исполнять роль Чацкого. Исполнять главную роль, **ПРЕДСТАВЛЯТЬ** устар. Сов.: **Сыграть, исполнить, представить. 4. ИГРАТЬ**) воспроизводить что-л. на музыкальном инструменте, инструментах, **ИСПОЛНЯТЬ**. Сов.: **Сыграть, исполнить.** » Иными словами, многозначность термина, скрывающая загадку понятия, практически признается в науке как аксиома.

Не убежден, что многие сегодня смогли бы выдержать тот непрерывный кошмар войны с ее патологическими ужасами, который пришлось испытать нам, действующим лицам последней мировой бойни. Мы до сих пор гоним от себя воспоминания о них как дурной и тягостный сон и не делимся ими во всей обнаженной мерзости даже с близкими людьми. Перенесенная же в процессе игрового замещения в военные игры детей, на экраны и подмостки сцены, на полотна живописцев и на страницы романов и повестей, в монументальные скульптуры и песни безудержная стихия насилия приобретает иной смысл состязательности характеров, страстей, идей благодаря формальному совершенству, что и отметил Аристотель.

Нет, это отнюдь не всегда эстетизация насилия (что не исключено в наш век « рыночной экономики », где во имя наживы идут на все, практически восстанавливая рабство и гладиаторские бои, а уж тем более спекулируя на патологическом интересе толпы к насилию во всех его зримых проявлениях). Это эстетика игрового состязания, способная подвинуть человека на что-то большее, чем унылая проза безрадостного и одинокого бытия, чем осознание своей реальной сущности как ошибки природы, ее аномалии. Высвечивая мощным прожектором творческого воображения все типы противоборства человека с человеком, его столкновение с неумолимым роком и со столь же беспощадными силами природы, игровое состязание в любых его формах дает нам надежду и перспективу на торжество духа. Игровой конфликт закономерно перерастает в драматургию игры как феномен искусства. В основе же всегда остается транспонировка человеческой сущности и событийности бытия человека.

Историки и теоретики игры столь же единодушны в признании такого ее характеристического признака как **интерпретационность в рамках жестких и конвенциональных по значению правил**. Отмечу, что в литературе вопроса весьма досконально охарактеризованы правила многообразных, почти бесчисленных игр, история их становления и историческое своеобразие. Меня же сейчас интересует иной аспект проблемы. Игра сфера свободы выбора, которую человек не имеет ни в рациональном постижении истины, ни в ее открытии в убеждениях веры. В первом случае свобода выбора неизбежно оборачивается невежеством, во втором ересью. Любая же игровая деятельность обладает качеством алеативности, открывая перед играющим безграничные возможности выигрыша при строжайшем выполнении условий игры, ее правил.

Сбрасывая первую карту, вы отнюдь не угадываете следующий ход противника, но вместе с тем твердо убеждены, что он даст вам искомый шанс на выигрыш, на победу в состязании. Судьбы Германа из « Пиковой дамы » еще никому не удавалось избегать сколь либо регулярно. Компьютер высшего класса просчитывает все возможные ходы такого мастера, как Петросян и вместе с тем закономерно ошибается, ибо творческая интуиция

подсказывает великому художнику шахматных баталий настолько неординарный ход, что программа « машины » не срабатывает. Уверен, что после проигрыша компьютеру последнее слово все-таки скажет Каспаров. Тренеры знаменитых хоккейных команд на основе тщательного анализа игры противника в целой серии предшествующих матчей и возможностей своих игроков заранее выстраивают сложный, с научной достоверностью прогнозируемый тактический план состязания. Но и они порою хватаются за голову с неподдельным выражением ужаса и надежды, когда начинаются игровые интерпретации обдуманного заранее плана на поле, predetermined тысячами непредсказуемых факторов, и прежде всего игровым талантом хоккеистов. Талантом, который с полным основанием именуется искусством. А в искусстве в традиционном -просвещенческом смысле слова именуется игровой одаренностью.

Интерпретационность всеобщий признак художественно -творческой деятельности, от ее истоков и внешне простых проявлений до вершинных озарений человеческого гения. Если вы любите театр, это искусство сценической игры, то согласитесь со мною, что дважды посмотреть один и тот же спектакль, полюбовавшись вам, никогда не удавалось. Творческий талант потому и талант, что он живет в мире алективности, как бы перелистывая перед вами все новые и новые варианты трактовки единой и, казалось бы жесткой конструкции пьесы.

Просмотрите эскизы тонких художников, зафиксировавшие для нас творческое осмысление ими одного и того же объекта. Здесь механическое повторение практически немыслимо, ибо действует незыблемый творческий принцип интерпретации. И он универсален для всей сферы художественного осмысления мира человеком, как бы вы не ограничивали его в соответствии со своими эстетическими симпатиями либо устоявшимися каноническими представлениями о том, что следует считать искусством, каковы его « границы», существующие, конечно, только в воображении и стереотипах мышления теоретиков.

Немного экстравагантности приятнее педантизма.

Т.Готье.

Продолжая рассуждения об искусстве как игре, мы невольно начинаем двигаться по парадоксальному логическому кругу и возвращаемся к мыслям об игре как искусстве. Разорвать этот круг можно лишь признав тот зачастую ускользающий от внимания исследователей факт, что искусство тождественно игре. Историческое становление двух терминов, выражающих единое понятийное содержание, начиналось в седой древности и продолжается поныне.

Конечно, изучение подобного процесса весьма перспективная задача. Мне же в целях конкретизации идей интегративной педагогики, для которой игровые технологии являются основополагающим дидактическим принципом, существенно важен сам факт признания реальности этого процесса. Его итог на уровне современной информационной цивилизации (наиболее емкий и профессиональный анализ которой дал С. П. Расторгуев в книге «

Философия информационной войны », которую я с большим удовольствием рекомендую моему читателю) можно было определить следующим образом. **Говоря об игре, мы имеем в виду всю сферу свободной творческой деятельности человека , единственным непосредственным продуктом которой является незаинтересованное наслаждение. Характеризуя эту же совокупность явлений как искусство, мы подчеркиваем их совершенство и высшее мастерство творца, постигающего в эмоциональной форме сокровенные тайны бытия.** Естественно, при разработке **художественной педагогики** я делал акцент на вторую грань целостного бриллианта, именуемую художественно творческой деятельностью в любых ее видах и жанрах. Первая же грань той же художественно-творческой деятельности игра дает ее формальную характеристику, без которой невозможно понять общие принципы **интегративной педагогики** в целом, в единстве знаний, эмоций и веры. Ее-то мне и предстоит развернуть для преодоления просветительского отношения к искусству как игре в системе образования, как только к подсобному « познавательному » предмету, вполне вторичному в ряду достойных почтения естественнонаучных дисциплин.

Кстати, целостность духовного процесса человека на уровне эмоций, исключаящую антиномию игры и искусства, невольно признавали все исследователи проблемы. Так, Й. Хейзинга в своем серьезном научном труде « Осень средневековья », который я уже упоминал ранее, неожиданно вводит два новых понятия: « просто игру » и « прекрасную игру », невольно вступая в противоречия со своим же трудом об игре, где « просто игрой » без каких-либо прилагательных является вся жизнедеятельность человека. Он пишет о любви людей Средневековья: « Стремление к стилизации любви представляло собой нечто большее, чем просто игру. Именно мощное воздействие самой страсти понуждало пылкие натуры позднего Средневековья возводить любовь до уровня некоей прекрасной игры, обставленной благородными правилами. Дабы не прослыть варваром, следовало заключать свои чувства в определенные формальные рамки. Для низших сословий обуздание непотребства возлагалось на церковь, которая делала это с большим или меньшим успехом. В среде аристократии, которая чувствовала себя более независимой от влияния церкви, поскольку культура ее в определенной мере лежала вне церковности, сама облагороженная эротика формировала преграду против распущенности: литература, мода, обычаи оказывали упорядочивающее воздействие на отношение к любви ». « Прекрасная игра » - подобная теоретическая находка многого стоит. Ее я и попытаюсь использовать в своих дальнейших раздумьях о неизвестном в общеизвестном.

О смысле бессмысленного

В идеале и в целях теоретической корректности было бы целесообразно предложить новый, предельно широкий по содержанию термин, который обобщал бы все разновидности игры как искусства и все проявления искусства как игры. Одновременно подобный термин был бы качественной характеристикой того сектора целостного человеческого духа, который с позиции алетеологии равнозначен как миру рационального знания, так и миру веры.

Соответственно мы еще раз укрепились бы в осознании необходимости интегративной педагогики и ее принципиально новой дидактики. Но, избрав до завершения рассмотрения проблемы подобный внешне привлекательный путь, я опять оказался бы в плену философской логики и ее рецептов по выведению понятий из понятий, которую теперь изначально отрицаю. Перспективен, на мой взгляд, иной путь анализ характеристических признаков тех явлений, которые входят в объем искомого понятия. Термин здесь дело сугубо вторичное и по неизбежности возникнет в том случае, если без него нельзя обойтись в практической деятельности.

Везде, где он пошутит, скрыта проблема.

И. В. Гете.

Первое, что невольно приходит на ум при мысленном сравнении всего мира явлений искусства-игры или игры-искусства их полная несопоставимость с миром научного мышления, устремленного на осмысление реального мира, равно как и с миром веры, где осмысление этого же мира происходит не на уровне рационального смысла, но на пути неоспоримого и неоспариваемого убеждения в возможности духовного постижения этого смысла. Вот почему ни в науке, ни в вере нет места комическому эффекту. Напротив, в искусстве-игре все абсолютно комично, основано на превращении аффекта ожидания в ничто и не предполагает убеждения в достоверности происходящего в игровом действии.

Комична, например, та серьезность, с которой мы воспринимаем все очевидные нелепости искусства-игры, ее условности. На сцене молодой человек объясняется любимой и вдруг от общепонятных символических жестов переходит к чему-то необычному подбрасывает любимую и вертит ее вокруг оси, неожиданно, словно одержимый бесом, начинает носиться по сцене, выделявая загадочные пируэты. А предмет его страсти столь же энергично продолжает вращения на одной точке, не глядя на избранника. Попробуйте проделать что-либо подобное в реальной жизни и вас примут за сумасшедшего и осмеют.

У вас в руках великое творение человеческого гения книга, позволяющая через систему вполне условных знаков приобщиться к иллюзорному миру человеческих характеров, страстей, судеб. Все, что вы воспринимаете через условные знаки фантомы воображения и ваши переживания какому-нибудь космическому роботу, запрограммированному на достоверность рационального, покажутся симптомом серьезной болезни духа, полной бессмыслицей. « Над вымыслом слезами обольюсь » - ведь это же нелепо, лишено смысла.

Человек тысячелетиями создавал для укрытия от непогоды и прочих невзгод жилище, функциональный смысл которого предельно прост и лаконичен. Примитивный дом не нуждается в тех безграничных ухищрениях, которыми владеет современная архитектура и которые лишены какого бы то ни было практического смысла. Даже классики конструктивизма, поднявшие бунт против подобных и привычных для нас ухищрений, породили нынешние

сооружения из алюминия и пластика, нелепые как все комичное, выходящее за меру в природе.

Актер, словно человек с проломанной, раздвоенной психикой, выходит на сцену и начинает не своим голосом излагать чужие мысли. Он обряжен в странные костюмы прошедших времен, действует в абсурдном мире, где в лучшем случае всего три стены, размалеван, словно первобытный человек, чем-то, напоминающим татуировку или маску. Проходит условный период действия (акт), оно неожиданно и нелепо прерывается антрактом, между действием, а зрители, словно толпа оголодавших в Освенциме, бросаются в буфет, чтобы через несколько минут опять усесться в затемненном зале.

В картинной галерее около развешенных полотен двухмерных изображений трехмерного пространства толпятся зрители, которые видят то, чего нет. Есть лишь холсты, красочные пятна, композиционные решения и не более того. Рядом, за окнами, бурлит трехмерная жизнь, звучащая, полная запахов и непередаваемыми красками, но люди, словно потерявшие способность нормальных реакций на нормальное бытие, толпятся в очередях, этих пожирателей нашего скоротечного земного существования, в загадочном неистребимом стремлении к общению с бездушными полотнами.

Светаёт. Но игроки за ломберным столом, словно забыв о времени, азартно сбрасывают вощеные картонки с символическими изображениями цифр и вполне условных мастей, что-то записывают, охваченные азартом состязательности. Нелепость, абсолютная нелепость! По крайней мере, есть сотни других способов самоубийства или того, что именуется абсурдным выражением « скоротать время ». Время, которое не надо коротать, ибо дни наши уже сочтены загадочной и беспощадной судьбой, сочтены неумолимо, неотвратимо. У каждого из нас, безотносительно к возрасту.

*Где теперь эти люди мудрейшие нашей земли?
Тайной нити в основе творенья они не нашли.
Как они суесловили много о сущности Бога,
Весь свой век бородами трясли и бесследно ушли.*

Омар Хайям

Не буду продолжать рассуждения об искусстве игре в подобном духе. Подчеркну лишь, что избранный мною прием не эпатаж, но логика рассуждений многих великих мыслителей прошлого, озадаченных живучестью бессмысленной, с их точки зрения, деятельности. Вспомним хотя бы Л. Н. Толстого и его отношение к художественно-творческой деятельности в последние годы жизни, от которого так просто отмахнуться не удастся любителям высокой эстетики, ибо его рассуждения раздумья гения о смысле того, чему он отдал всю свою жизнь.

Комичная по сущности своей, по отступлению от логики бытового, заземленного мышления художественно-творческая деятельность в действительности далеко не бессмысленна. Точнее **ее бессмысленность выражает глубочайшее постижение смысла бытия**. Если бы дело обстояло иным образом, искусство-игра давно бы прекратила свое существование как историческая нелепость. История же свидетельствует об обратном: ее сфе-

ра неумолимо расширяется, охватывает все новые и новые области нашего существования, заполняет вполне загадочно обширные ниши и в научном познании, и в верованиях.

Итог качественный взрыв в эпоху информационной цивилизации, масштабные последствия которого для будущего всего человечества раскрыл С. П. Расторгуев в упоминавшейся уже мною книге « Философия информационной войны ». Взрыв, который предполагает принципиальное изменение содержания, системы и структуры образования в соответствии с новыми историческими требованиями к человеческому материалу. Взрыв, который может быть направленным, но может оказаться и стихийным, неуправляемым, если не будет учтено радикальное изменение эмоционального фактора в структуре духовной жизни современного человечества. Точнее если не будет осознано возникновение новой целостности, синкретичности этой жизни, нового соотношения и взаимодействия ее « блоков » - знаний, эмоций и веры.

Превращение аффекта ожидания в ничто, который представляется существенным и закономерным при парадоксальном подходе к искусству-игре с позиций абстрактного практицизма либо незамутненной образной конкретикой веры, в действительности оборачивается глубинным пневмологическим эффектом художественно -творческого действия (здесь как своеобразный полемический протест против предельно расширительного использования понятия « психология » , исходящего от греческого термина *psyche*, используя аналогичный греческий термин *пнеума*). Нет, здесь речь идет не о примитивном ее истолковании в дидактическом плане, которым я в немалой степени был увлечен в прошлые годы в результате просвещенческой утопии. Источник подобного подхода интеллектуальная иллюзия абсолютного единства духовного действия, все грани которой в равной мере призваны обеспечивать познание, наслаждение и воспитание. Действительно, интеллектуальная, гедонистическая и дидактическая функция любого типа художественно -творческих действий бесспорны и заслуживают внимания теоретиков, анализирующих общие закономерности духовной жизни. Но за общим здесь исчезает особое, специфическое, необходимость которого сразу же оказывается под вопросом. Для осуществления всеобщих функций, трактуемых с позиций рационализма, под вопросом оказывается обоснованность бытия бескрайнего мира игры искусства. А ведь почему-то без этого бессмысленного, на первый и поверхностный взгляд, мира люди попросту не могут существовать. Да без него они не стали бы людьми.

Я подозреваю, что в людях, которые норовят руководить искусством, есть некий природный идиотизм.

Джон Б. Пристли.

Информационная эмоциональная сфера действий структурируется в игре искусстве, превращая ее в художественно-творческую систему постижения единой истины. Операционные же задачи этой системы (впредь искусство мы будем обобщенно и в порядке первого приближения имено-

вать **художественным творением**) иные, чем у познающего мир сознания. В них-то и раскрывается смысл бессмысленного.

Первая из этих задач **константэффект**. Страх, исконный и неискоренимый, перед неизбежностью небытия заложен в человеке едва ли не на генетическом уровне. Здесь знание - бессильно, ибо лишь логически аргументирует природную и социальную обоснованность омрачающего всю нашу жизнь духовного состояния. Бессильна и вера в иное, внеземное существование, всегда исчезающая в минуты роковой неизбежности, обладающая в лучшем случае терапевтическим воздействием. Оставив же отпечаток пятна на глиняном своде пещеры либо вырубив имя, отличающее тебя от всего космоса, на отвесной скале, человек оказывается сопричастным вечности. Ему мало уйти из жизни, как всем прочим земным тварям, тихо и бесследно. И в традиционных могильных украшениях, и в мумифицировании в художественном образе либо с художественным образом (вспомните знаменитые Фаюмские портреты!), и в надгробном бюсте либо гигантской ритуальной статуе, где человек призван стать символом божественного бессмертия, слышен вопль всего человечества против неодолимой силы драматизма бытия.

В бесчисленных продуктах человеческого творения мир как бы удваивается во имя преодоления зловещего бега времени. Даже в самом примитивном макияже не просто создается эстетизирующая протомаска, но и начинается поистине титаническое противоборство увядающей жизни с силами всепоглощающей тьмы. Протомаска остается почти неизменной, но милое и очаровательное лицо некогда юного существа сжимается сетью морщин и буграми обвисшей плоти. Еще немного и протомаску будет воссоздавать на лице усопшего человека гример в морге, дабы еще на краткий миг ритуальной игрой остановить время для близких и друзей человека, которого уже нет в реальном мире.

Не остановят бег времени все кладбища мира, на которых играю воображения созданы архитектурные и пластические шедевры искусства - они вскоре канут в пучине небытия с той же неумолимой достоверностью, что и миллиарды человеческих существ, бесследно исчезнувших в пыли пустынь Азии или в песках Африки. Но вера в константэффект художественного творения так велика, что никакие здравые доводы философии мemento mori не доходят и не могут дойти до людей. Они усматривают сакральный смысл в бессмысленной деятельности.

Художественное творение и все его продукты из безграничной сферы эмоционального постижения истины выражают не только этот сакральный аспект, но завоевали целые континенты постижения человеком смысла бытия через бессмысленную деятельность благодаря присущему ей изначально константэффекту. Диалектическое движение интеллекта, отрицающее любой покой, взрывает словно мощный пороховой заряд идею реальности смысла бытия, оставляя нас наедине с реальностью без смысла. Там же, где человек как мыслящее существо анализирует этот смысл, он переходит от науки к мифу или к литературной игре понятиями, именуемой современной философией. Вера же по самой сути своей находится за гранью смысла и исключает поиск доказательств его существования, ибо она сама безого-

ворочно, в любом ее акте простом, и сложном, системообразующем и поднимающем веру до уровня религии, претендует на этот смысл.

Иное дело бессмысленное художественное творение человеком особого мира, который всегда является **игрой по форме, искусством по сущности**. Здесь мгновение бытия останавливается не только для его фиксации на уровне восторга его красотой, величием, совершенством, для воспоминания о прошедшем и утекшем в Лету безвозвратно, но прежде всего во имя обретения смысла. Здесь и проявляется вселенская мощь константэффекта художественного творения человека, ибо всеми могучими средствами этого творения, от бесхитростных игровых действий до игрового действия, в которое вовлекаются через обычаи, ритуалы, праздники миллионы людей, он способствует открытию нового в неизменном и как бы застывшем на века повседневном человеческом бытии. Можно только поражаться загадочной мощи эмоциональных и как будто бы бессмысленных творений человека, который развивается и совершенствуется во многих сферах бытия, и прежде всего в интеллектуально-технической, но **абсолютно неизменен в своей родовой сущности**.

Меняются одежды и средства передвижения, бытовая среда и даже природа, безумно и безудержно разрушаемая человеком, но сам он как существо социальное и подверженное всем ветрам перемен истории уныло однообразен. Любовь и ненависть, зависть и отзывчивость, дружба и взаимная неприязнь, доброта и более чем звериная, но зверская жестокость, мужество и трусость, верность и предательство, тесно и неумолимо переплетенные в жизненных проявлениях каждого человеческого существа и порождающие чудовищные общественные катаклизмы, всерьез заставляют усомниться в правомерности наших претензий на высшее место в мировой эволюции духа. А тем более в том, что эта эволюция имеет какой-либо смысл.

В художественном творении человек, любой без исключения, как бы удваивает мир, точнее взрывает его единообразие и внешнюю разумность, упорядоченность благодаря константэффекту. Да, все в нашем человеческом бытии неизменно и порождает мысль о бесперспективности и бессмысленности бытия. Но постигая эти грустные реалии и выражая свое отношение к ним, он **в акте художественного творения** вскрывает смысл бытия, заставляя сверкать всем красочным спектром каждый раз вновь и вновь то, что действительно изначально неизменно как первородный грех. Проигрывая в разных ситуациях и вариантах это неизменное, константное, человек как бы подчеркивает неизменную связь времен и выявляет смысл бега времени.

Малыш в Древней Греции и современный ребенок в чудовищном и абсурдном мегаполисе играл и играет с куклой, выявляя изначально константные эмоции любви к более слабому, стремление защитить, обречь его от житейских невзгод, обучить и воспитать. Он неизменно в игре творит мир, где бытие приобретает смысл. Танцор в Древнем Китае, увлеченный ритуальной и имеющей для его современников конкретный, но знаками зашифрованный смысл, передает его от прошлого к будущему, стремясь заразить зрителей или соучастников представления-зрелища. Аналогичную функцию выполняет и нынешний артист классического балета, через столь же условные движения, позы и жесты стремящийся передать нам в закодированной

форме то, что принципиально непередаваемо в другой системе координат свое видение мира, а стало быть, представление о реальности смысла, заключенного в его движении и самодвижении.

Представление о реальности смысла бессмысленного, алогичного мира - не предмет веры автора любого художественного творения, но жизненная цель его деятельности. Здесь он как бы протягивает руку в знак солидарности предшествующим поколениям творцов обретенного смысла. Это уже не сакральный, но реальный феномен константэфекта, позволяющий нам в сатире Петрония Арбитра видеть современный безумный мир, в гениальных образных прозрениях театра марионеток М. Е. Салтыкова-Щедрина находить ответ на причину мерзопакостей на нашей доброй и сердечной Руси, в мучительных раздумьях Гамлета нравственные искания смысла бытия на все времена. И на все времена неизменным остается этот мучительный и радостный поиск, без которого человек в процессе социальной революции превратился бы в унылого биоробота.

Константэфект лишь одна грань всеобщего процесса художественного творения. Даже утвердившись в надежде на стабильность, хотя бы относительную устойчивость удвоенного в нем процесса вечно текущего в небытие бытия, человек во все времена не может преодолеть ужаса перед неизбежным. Он, осознает это или не сознает, изначально обуреваем страхом перед всем, что приближает эту неизбежность. В том числе, где-то на уровне подкорки ощущает ужас перед содеянным им самим беспощаднейшим из всех живых существ в космосе. Только он способен на все мыслимое и немыслимое зло. На зло, растущее от века к веку, от десятилетия к десятилетию в геометрической прогрессии. На зло, столь изощренное, что его может породить только изначально и безнадежно больной дух.

Но этот же дух обладает загадочной способностью реабилитации, терапии через очищение страстей изображением подобных страстей, то есть через катарсис в его истинном значении, безотносительно к вольным историческим интерпретациям. Смысл в бессмысленном по жестокости и алогичной бесчеловечности нашем бытии выявляет сам человек в художественном творении благодаря присущему этой составляющей нашей духовности **фобосэфекту**.

*Страху свойственно сближать в сознании людей
далекие друг от друга события.*

Ч. Метьюрин.

Проанализируйте художественные творения детей разных эпох и народов вслед за этнографами и представителями культурной антропологии и вы без труда обнаружите целый пласт особой деятельности, способствующей преодолению изначально присущего ужаса перед небытием и злом, которое его ускоряет. Казалось бы, мир детства должен быть озарен только светлыми, радужными красками, ибо в идеале детство наиболее безмятежная пора в существовании человека на Земле. Но это в идеале.

В действительности вся жестокость и бессмысленность мира прежде всего обрушивается на самых незащитных на детей. Войны, которые не-

устранимы из жизни человечества, нищета и обездоленность прежде всего бьют по детству. Вдумайтесь в наш информационный век, где всеобщее изобилие могло бы стать реальностью, треть детей на планете голодает. Даже у нас на родине, где успешно была преодолена бездомность и беспризорность ребенка, сегодня на улицу выброшено более двух с половиной миллионов детей. Вслушайтесь все, имеющие совесть и честь на столичных улицах ожидают клиентов семи девятилетних проститутки! Я не говорил бы об этом беспределе, если бы мне все картины городского дна на Тверской не показал случайный водитель. Ничего страшнее нет и не может быть для любого человека, который еще не утратил честь, совесть, способность к состраданию. И это на фоне бытия праздных счастливых, неведомыми путями осуществивших передел общественной собственности и с восторгом слушающих рассказы о русских меценатах XIX века.

От страха подлый человек может стать да и становится еще подлее. А если к тому же у него есть власть, он может превратиться в дикаря.

А. Хейли

Не удивительно, что детские игры в этом случае, как и тысячелетия тому назад, выявляют фобосэффект во имя духовного очищения и, если хотите спасения. Ручной пулемет в руках малыша, отлично выполненный современными дизайнерами, в этом плане абсолютно подобен устрашающей маске древнего человека или его воинственному коллективному танцу страх ужасом изгоняется. Невольно поражаешься, какого изыска воображения достигают ныне творцы черной серии или фильмов ужасов. Вполне очевидны и примитивны по мотивации их непосредственные, в том числе и коммерческие цели. Но нельзя игнорировать тот фобосэффект, который вольно или невольно порождают подобные творения, где воображению нет предела. Потрясенные, люди невольно осмысливают ту бессмыслицу, в которую все больше и активнее превращается современная жизнь несмотря на весь лоск благополучия немногих. Смерть равняет всех абсолютно и неумолимо, срывает все личины и открывает истинные людские лица. Напоминание о ней в самых разных типах творения помогает всем осознать, что за бессмыслицей все-таки неизбежно забрежит подлинно человеческий смысл бытия.

Фобосэффект открытие художественного творения с первых шагов его зарождения. Чудовищное море бедствий, обрушивающееся на человека, в этом открытии может показаться бессмыслицей. Вспомните хотя бы ведомые вам трагические конфликты и характеры мировой драматургии, все перипетии литературных повествований, которые порою кажутся невероятными и даже абсурдными. Но в них во сто крат больше человеческого смысла, чем в реальном зрелище казни на Гревской площади или на Лобном месте, в распятых на крестах вдоль Аппиевой дороги или живом костре в средневековой Италии. Имитируя все ужасы и бедствия, неизбежно обрушивающиеся на род людской, человек в мире игры-искусства не только пытается « докопаться » до причин их неискоренимости (в конце концов здесь хватило бы и

рационального, абстрактного мышления, изначально бьющегося над вечными, проклятыми вопросами бытия), но и найти в себе скрытые духовные силы для личного их переживания на уровне фантомов воображения. Ибо ничего другого игровое действие, выражаемое художественными, абсолютно условными средствами, нам не предлагает.

Мальчишка падает, сраженный стрелой индейца, но при этом и он, и его преследователь бесстрашный и кровожадный ковбой живут вне смерти. Они выше смерти; в бессмысленных на первый взгляд игровых ситуациях они переживают не страх и ужас, но свою человеческую значительность, если хотите свое бессмертие. Актер потрясает зал доведенной до исступления страстью, заставляющей его душить на ваших глазах нежное, трепетное и непорочное существо. Вы потрясены, быть может слезы туманят ваш взор, хотя ситуация, предложенная вам творцом, очевидно бессмысленна, ибо никто никого на сцене не душит. Но переживание, испытанное вами в воображаемом, условном мире, подводит к осознанию смысла любого человеческого деяния.

Фобосэффект как существенный операционный признак художественного творения отнюдь не является монополией сакральных деяний человека или его безнадежных устремлений к удвоению бытия в пограничной ситуации, его иллюзорного ухода от ужаса смерти в мир маски в широком смысле слова. Очищение страстей изображением подобных страстей охватывает беспредельный спектр человеческих невзгод, пороков, страданий, нравственных пыток и необузданного произвола на всех социальных уровнях от семьи до государства, океан взаимной злобы и ненависти. Короче, без дополнительных комментариев все то, что вроде бы должно противоречить человеку как божественному творению, либо как вершине мироздания, каким он себя безосновательно мнит в теоретических самооценках и бытовых, расхожих представлениях.

*Смерть неосознанная есть смерть.
Смерть осознанная есть бессмертие.*

Егише.

А в действительности, но не во мнениях, все темное, мрачное и вроде бы противоречащее его природе является такой же ипостасью бытия, как светлый, идеальный мир существования того же человека как действительно божественного, духовного существа. Противоречие? Да, но самой реальной жизни, где нет света без тьмы. Создавая странный, ирреальный мир маски и театра, символики мелодий, гармонии, ритма, нелепых одежд, интерьеров и зданий, праздника, карнавала, алогичного ритуала, знаковых фантомов на бумаге либо экране, художественное творение благодаря фобосэффекту оказывается ни с чем несравнимым фактором спасения человека, откровением, дающим надежду на перспективу в мире ужаса, одиночества, взаимной неприязни. И в этом смысл бессмысленного во всех его извилах и проявлениях, на которые только способно художественное творение.

Все живое, порожденное светом, тянется к свету в изначальной и изнурительной борьбе с небытием, не признает его и стремится встать над ним.

Человек же здесь получает чрезвычайную прибавку как уникальное во Вселенной создание, не только неодолимо устремленное в будущее в силу самой космической агрессии жизни, но и способное благодаря бессмысленному созданию ирреальной сферы художественного творения восславить, возвеличить себя. Такова третья изначальная операционная задача, предопределяющая смысл художественного творения **глорияэффект**.

*Дети и народ сводят великое и возвышенное
к игре и забаве да и как иначе могли бы они
все это выдержать и вынести.*

И. В. Гете.

В этой задаче отчетливо прослеживается три взаимосвязанных пласта, дающих основание говорить о том, что славит художественное творение. Утвердить себя, свое величие человек способен отнюдь не только на поле брани либо в поспори чести, свободы и достоинства другого человека, короче в заинтересованном деянии. То бессмысленное с позиций узколобого практицизма иллюзорное действие художественного творения, о котором обычно говорят как о бесцельной игре и пустой трате времени, фактически имеет значение агона, состязательности духовных сил и способностей, идеальной форме реального самоутверждения человека. Оно на практике оказывается движущей силой прогресса человечества не в меньшей степени, чем научные достижения и признанное вероучение.

Слава творения слава нетленная, и это отлично осознают его имениные и безыменные авторы. Играя, человек всегда стремится к совершенству подлинного искусства, и тот, кто его достигает, обречен и на всеобщее признание, и на духовное бессмертие. Только это бессмертие придает смысл исканиям человека и человечества, всем титанам художественного творения, знаменующим вехи истории духа и всем нам, неодолимо влекущимся к посильным деяниям в этой сфере. Скажу определеннее без художественного творения как всеобщего продуктивного феномена мир потускнел бы и угас, ибо сегодня все то, что в нас и окружает нас, создано в первую очередь им.

Слава не только удел творца, но и всего того, к чему он прикоснется в божественном вдохновении. Все то, что мы знаем о величии, чести, смелости, доброты и героизме прошумевших в истории поколений, в конечном счете, стало фактом нашего индивидуального духовного бытия благодаря миру художественных творений. Мы восхищаемся античным миром, ибо он живет в нас благодаря Олимпийским играм и его мифам, обожествившим человека, непередаваемой по красоте архитектуре и драме, поставившей, по сути дела, все проблемы человеческого бытия, пластическим образам, которые стали ныне канонем непреходящей красоты и в итоге ориентиром в вечных поисках человечеством смысла жизни. Ошеломленные, созерцаем мы нетленную красоту русских храмов, восславивших несокрушимую духовную силу и нравственное величие наших предков, поэтическую мощь устремленных в высь готических соборов, знаковые по значению для многотысячелетних цивилизаций пирамиды Древнего Египта и Латинской Америки,

Великую Китайскую стену и все архитектурные творения, которые стали общепризнанными чудесами света. Словно осенние пожухлые листья, сметенные вихрем, исчезли все те, кто их творил, но нетленной оказалась их слава. Более того слава человечества как рода, имеющего перспективу и надежду на выживание вопреки всему тому темному, дьявольскому, что изначально существует в нем.

*В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда,
и душа, и мысли.*

А. П. Чехов.

Отшумели футбольные баталии и хоккейные битвы предшествующих десятилетий, вытесненные всеразрушающим шоу-бизнесом, но рыцари, поражавшие нас своим игровым искусством, остались не только в мемориальных скульптурах, но прежде всего в народной памяти. Ибо они - восславили свои народы бескорыстным подвигом творения. Китайский фарфор и древнегреческие вазы, европейская портретная живопись и народные празднества на Руси, шедевры мировой литературы и мировой фольклор, бесхитростная детская песенка и классические симфонии, словом весь бескрайний космос художественных творений возглашает « Осанна! » всему человечеству вопреки быстротечности индивидуального и далеко не идиллического существования.

Отказавшись от логики, в данном случае отвергаю и иллюстративность, которая позволяет увеличить объем написанного, не прибавляя ни одного нового аргумента по существу. Полагаю, что заинтересованный читатель легко соотнесет мои общие гипотетические рассуждения со своим незаурядным жизненным опытом и универсальной образованностью. Это тем более важно, что gloria эффект художественных творений вопреки всей их алогичности или греховности выражает человеческое восхищение многообразием проявлений и загадочностью человеческого существа и бытия. Неоспоримо и действительно на генетическом уровне от века к веку разные этносы упорно передают от поколения к поколению свою хвалу человеку. Да, именно свое и неповторимое видение мира в художественном творении, в тех традициях, которые подхватывают все новые и новые поколения творцов.

*Не знаю почему, но люди больше ценят славу не великую,
а широко разошедшуюся.*

Плиний Младший

Представьте себе тот кошмар, в которую превратилась бы наша жизнь, если бы все дети планеты играли только с трогательной и умильно-сентиментальной куклой Барби, все молодые люди дергались в одном и том же конвульсивном танце, очаровательном и естественном для жителей Зимбабве, все взрослые земляне были бы погружены в чтение только американского детектива, являющегося родом духовной жвачки. Можно, конечно, на-

звать подобное предположение нелепостью, если бы этот абсурд не воцарился благодаря духовному предательству власть имущих и осатаневшей от несправедливого богатства обидленной «элиты» (кстати, даже не понимающей смысла этого римского слова) на земле моей России, на земле страны, уникально-своеобразный вклад которой в мировую культуру был и остается бесценным для всего человечества. Но шторм истории сметет их с лица нашей славной Отчизны в провидимом и вполне прогнозируемом будущем. И первый сигнал тому – всеобщее возрастание интереса к подлинным ценностям духа как в сфере потребления его результатов, так и в сфере созидания.

Рынок - это место, нарочно назначенное, чтобы обманывать и обкрадывать друг друга.

Анахарсис.

Здесь не стоит уповать на автоматизм прогресса, ибо дьяволиада «рыночной экономики» уже дает метастазы в духовном мире моих сограждан безотносительно к возрасту в результате развязанной против России информационной войны. Именно поэтому я и говорю о роли педагогики образовательных учреждений, социальной, народной, семейной, аутотренинга, механизм которой не может быть запущен в действие без художественной педагогики. Но, прежде чем охарактеризовать этот механизм и роль в нем художественного творения, должен высказать еще некоторые соображения о других его примечательных особенностях, обычно ускользающих из поля зрения тех авторов, которые разделяют по традиции игру и искусство, игнорируя амбивалентность этих понятий.

Замещение реальности или новая реальность?

Термин «замещение реальности» прекрасно знаком всем тем, кто работает в педагогике с игровыми технологиями. Им, как правило, характеризуют отношение играющего с реалиями предметного мира, с возможностями творческого воображения человека, преобразующего эти реалии в новые духовные ценности.

По традиции нового времени игру в первую очередь соотносят с действиями, характерными для детского возраста. Безотносительно к ошибочности подобной теоретической предпосылки исследователи детской игры сделали немало для объяснений своеобразия детства вообще, для анализа игровой деятельности детей применительно к конкретно-исторической ситуации и особенностям этноса. В частности, ими была выдвинута гипотеза о детской игре как замещении реальности. О том, насколько своеобразны и эта реальность мира детства, и процесс ее замещения, мы теперь знаем немало благодаря трудам этнографов, представителей культурной антропологии, фольклористики. В них обосновывается мысль о детской игре как **замещении реальности**.

Мир, в который вступает каждый новорожденный на нашей планете, изначально противоестественен и лишен той системности, в которую сразу же

вписывается любое появившееся на свет животное. Системны и игры животных, всегда связанные с развитием необходимых для их выживания качеств. Вспомните действительно умильные игры котят, отнюдь не однообразные, преисполненные звериной грации, ловкости хищника, предельной динамики. Они совершенны, ибо подчинены мере рода и тому предназначению, которое отведено ему логикой биологической истории. Таковы же игры любых животных, о которых можно говорить без конца и с неизменным восхищением, а тем более непосредственно наблюдать их.

Факторы, контролирующие игровое поведение животных, далеко не ясны и, несомненно, весьма сложны. Как бы то ни было, игровое поведение существует, и игнорировать его невозможно.

Р. Хайнд.

Они обладают всеми теми вторичными признаками игры, которые находятся вне сферы моего интереса импровизационностью, вариативностью, самообучением как непрерывным доминирующим признаком игрового процесса. Биологическая системность игр животных отнюдь не исключает проявления этих качеств игрового процесса. Понаблюдайте за своей собакой, играющей с любимым мячом и вы согласитесь со мною, что все ее действия имеют творческий характер прежде всего потому, что они импровизационны. Трудно отделаться от впечатления, что любой ее рывок за мячом доставляет ей если не наслаждение, то естественную радость именно потому, что дает возможность решить одну и ту же игровую проблему иным, своеобразным образом в результате мгновенной импровизации. Даже волнистый попугайчик, привыкший к играм на столе в своеобразные салочки с руками хозяина, зачастую находит такие неожиданные творческие решения по выходу из складывающихся игровых ситуаций, которые, безусловно, являются импровизациями.

Игры животных, как и игры человека, неизменно вариативны. Без вариантов одной и той же игры, равно как и без выбора других игр как варианта игрового поведения, действия животных глохнут, затихают в силу потери внутреннего эмоционального стимула, не побоюсь сказать без интереса. Специалисты по этологии как науке о поведении живых существ дали нам прекрасные описания того, что я называю вариативностью, применительно к поведению разных животных. Более того, эти игры ныне благодаря неутомимому труду таких подвижников, как Джеральд Дарелл, Дэвид Эттенборо, авторов постоянной телепередачи « В мире животных » и ее неизменного ведущего Н. Дроздова стали предметом непосредственного восприятия сотен и сотен миллионов людей. Поэтому каждый мало-мальски любознательный человек может согласиться со мною в оценке вариативности игрового поведения животных.

Чтобы точнее оценить смысловое значение этого поведения, приведу лишь один пример из книги Дэвида Эттенборо « В поисках дракона ». Отловив отличный экземпляр орангутана, получившего кличку Чарли, уже на второй день Д. Эттенборо распахнул дверцу клетки, из которой тот вышел доб-

ровольно, без принуждения. « Он залез на клетку, и я немного поиграл с ним, - рассказывает автор. Я щекотал ему под мышками, а он лежал на спине, скаля зубы в беззвучном смехе. Через несколько минут это занятие ему наскучило, и он перекинулся на палубу. Первым делом Чарли обследовал все клетки, задумчиво просовывая пальцы сквозь решетки. Подойдя к клетке Бенджамина, он подцепил с пола тряпку, и медвежонок, решив, что его пришли кормить, закатил такой рев, что Чарли поспешно ретировался. Продолжая обход, оказался возле клетки с висячими попугаями и, прежде чем я успел вмешаться, умудрился стащить у них порцию риса. Затем его заинтересовали многочисленные предметы, разбросанные на палубе. Он поднимал все подряд и подносил к своему маленькому толстенькому носу, чтобы определить степень их съедобности. Я решил, что на первый раз хватит, но Чарли не желал возвращаться и все время от меня ускользал».

Вдумайтесь в прочитанное и даже если вы сторонник чисто биологического характера игрового поведения животных, то и в этом случае не станете отрицать его вариативность. Мне же представляется, что не следует упрощать действия животных и мудрость природы, проявляющуюся в них. Животные все действительно играют и в меру своего вида способны предлагать варианты игры. Правда, здесь есть проблема, решение которой вне моей компетенции: на каком этапе эволюции живого возникает эта способность, и играют ли, например, низшие позвоночные. На ней делает акцент и Р. Хайнд в книге « Поведение животных », отмечая, что прежде надо ответить на вопрос, чем изучаемое поведение отличается от поведения этих же особей в других ситуациях и в чем наблюдается сходство с игровым поведением других видов. Но все же игра отнюдь не монополия так называемых « высших животных ». Хотите верьте, хотите нет, но для меня, не знавшего ни одного часа в мирное время без животных в доме, эта способность представляется абсолютной и неоспоримой. Даже моя любимая черепаха, вполне привыкшая ко мне за многие годы, иногда вызывала меня каждый раз отнюдь не только для того, чтобы я ее накормил либо напоил, но почерепашьи играла, и каждый раз иначе, в другом поведенческом варианте.

Наконец, игры животных (как это фундаментально обосновал Карл Грос еще в конце XIX века) безусловно являются формой самообучения, тренировки тех качеств, без оптимального развития которых та или иная особь конкретного вида животных лишается шансов на выживание в борьбе за существование. Поэтому игры котят и бельчат, щенков и козлят, столь различающиеся друг от друга по поведенческому типу, свидетельствуют о том, что общей их базой является функционирование механизма самообучающейся системы.

Дитя человеческое не исключение из общих природных закономерностей, ибо все мы от момента зачатия до прощания с белым светом остаемся животными. Признание этого факта не унижение человека, но его возвышение до сокровенного величия живой природы. Не буду в данной работе аргументировать кажущуюся сакраментальной мысль, которой я привержен о том, что человеческая чрезвычайная прибавка в нас есть лишь природная аномалия, что человек как я уже неоднократно писал ошибка природы. Он воспроизводит все закономерности природы без исключения и вместе с тем проявляет их в особом, человеческом ключе. Более того, в действиях чело-

века (в том числе и в сфере, анализируемой мною) проявляются иные законы, свойственные только человеческой общности, человечеству как роду.

Играющий ребенок проявляет все те биологические принципы игры, о которых сказано ранее — импровизационность, вариативность, самообучение. Но ни от одного внимательного наблюдателя не ускользнул тот факт, что в них появляется некая чрезвычайная прибавка, и притом в самом раннем возрасте. Ее исследователи и называют **замещением реальности** в том случае, когда говорят о существовании ребенка в игровом поле.

Ни у одного животного подобного замещения нет и быть не может. Игра для всех живых существ, кроме человека, есть столь же реальная деятельность, как и добывание пищи, забота о потомстве, приспособляемость к фатально изменяющейся веками (а не только ныне) среде обитания. Для входящего же в мир человека ребенка игра выходит за рамки природного бытия, она надприродна, ибо включает ребенка в особый, человеческий мир. Говоря о замещении реальности в игре, мы подчеркиваем только это обстоятельство, достаточно хорошо изученное в литературе вопроса. В том числе и весьма ценных педагогических трудах русских ученых последнего периода, на которые я сошлюсь в рекомендательном библиографическом списке.

Действительности противостоит мечта, и мечта в каком-то смысле реальнее действительности.

Н. Бердяев

Между тем для любого наблюдателя, следившего за играми детей, очевидно, что трактовка игры как замещения реальности (игрушкой реального предмета, игровым действием жизненных обстоятельств, игровой ситуацией драматизма самой жизни) в чем-то не срабатывает. Игры детей (в равной мере и игры взрослых, в данном аспекте абсолютно аналогичные детским) наделены некоей чрезвычайной прибавкой или внеигровым, на первый и вполне традиционный взгляд, качеством. Его я уже охарактеризовал выше, утверждая, что любая игра есть искусство. Соответственно вполне логично предположить, что художественное **творение**, как я вслед за Велемиром Хлебниковым называю игру-искусство, есть не замещение реальности, что мы привыкли бездумно повторять вслед за гегелевской философией, но **новая реальность. И в этом суть проблемы и пути ее рассмотрения как в теоретическом, так и в педагогическом плане.** И каждое дитя человеческое, и каждый взрослый человек художественно творит, играя, создает новые миры, выводит их из небытия в бытие благодаря особому качеству этой игры.

Никогда и никакое животное, сколь бы не были изобретательны и хитроумны его игры, не окажется способным на художественное творение. В этом существенное своеобразие и отличие эмоционального блока единой и целостной духовной сферы от рационального и ценностно-ориентировочного блока, от интеллекта и веры. Рациональный блок, дающий творчество, но не художественное творение в области духа, оказывается решающим и определяющим фактором преобразования материального

мира в практических интересах. Вера же делает этот дух стабильным и устойчивым, не дает ему превратиться в некое абсолютно релятивное месиво, ориентирует все действия человека в зависимости от избранных им принципов.

Художественное творение порождает принципиально новый мир человека, то, что в строгом смысле слова и есть вторая природа. Не случайно художественное творение, игра-искусство вторглось и в интеллектуальную сферу, где ныне ни один продукт последней реально не существует без преобразования его творящей силой человека. Даже чудовищную водородную бомбу оформляют по законам технической эстетики, то есть по законам художественного творения, а затем экспонируют ее в музее космической техники.

Мир же веры настолько слился ныне с миром художественного творения, что порою трудно докопаться до изначальных ценностно - ориентировочных норм, провозглашенных некогда великими духовными наставниками человечества и его вероучителями. Попробуйте назвать хотя бы одно вероучение, в котором исходные догматы, таинства и церковная организация не были бы далее структурированы при помощи художественного творения, без могучей продуктивной силы представителей игры-искусства. А это мы все с вами, без исключения, безотносительно к этническому своеобразие и социальной нише, занимаемой нами по воле рока. Попробуйте лишить его художественного оформления, от одежды священнослужителей до интерьера молельного дома, соответствующих песнопений и музыкального сопровождения службы, игрового по характеру и художественного по сути мира ритуалов, обрядов, праздников и вы «свернете» любое вероучение, в том числе и атеистическое, до его первоначального системообразующего принципа, до краткой суммы некоторых весьма простых и общечеловеческих истин, сформулированных в любом священном писании и священном предании.

Короче то, что мы называем второй природой, пронизано **художественным творением**. Чтобы осмыслить общие закономерности художественного творения, а не только принципы игры как его формы или же признаки искусства как его сущности, мы должны избрать какой-то иной, чем принятый ныне в литературе вопроса путь развертывания абстрактного понятия (в данном случае художественного творения) в систему конкретных категорий. Мне он видится в использовании базовой теоретической формулы любого духовного процесса « П- П- Д », то есть потребность переживание действие , выдвинутой и отработанной мною на уровне гипотезы применительно к эстетическому воспитанию еще в шестидесятых годах прошлого столетия.

Одна из самых великих и сокровенных тайн бытия человека существование у него **мира потребностей или, как формулировал К. Маркс, идеального полагания предмета производства** . Загадка этого мира потребностей отнюдь не в его бесспорной сложности, которая может быть интерпретирована как простое количественное наращивание потребностей всех иных живых существ. Проблема лежит в иной плоскости.

Сколько людей упорно и вдохновенно трудится ради осуществления

некоторой цели, обещающей завтра обеспечить досуг и наслаждаться

жизнью! Но «завтра» так никогда и не становится «сегодня».

Всегда появляется другая цель, которая обещает еще больше и требует

еще чуть-чуть больше усилий. Вот почему столь немногим людям,, чей жизненный путь ничем не примечателен, удается сохранить этот

чудесный дар, которым мы все обладаем в детстве, - способность по-настоящему радоваться бытию.

Г. Селье

Человеческие потребности принципиально отличны от потребностей наделенных душой созданий, ибо они ненасытны и нарастают подобно снежному кому, породившему лавину, все сметающую на пути. Прежде всего, они никогда и ни в какой форме не могут быть удовлетворены, в чем я вижу одно из оснований считать человека ошибкой природы, отклонением от всех ее закономерностей и принципов, аномалией во Вселенной.

Абсолютно верен афоризм у человека удовлетворенная потребность есть просто новая потребность, и в этом проклятие рода человеческого. Вы голодны до предела, и в подобной критической ситуации абсолютно равнодушны и к эстетическому оформлению пищи, и к организации ее приема на основе отработанного ритуала. Мне не раз приходилось наблюдать, как в бесчеловечных условиях непрерывных боев вышколенные и в этом смысле вполне интеллигентные люди в буквальном смысле слова пожирали случайно попавшую в руки пищу, отнюдь не задумываясь об этикете либо соображениях элементарной гигиены. Как они, так и я вместе с ними могли бы служить наглядной иллюстрацией изначального животного насыщения. А через десятилетия, встречаясь с ними на официальных приемах либо торжественных банкетах, с удивлением наблюдал их раздражение по поводу недостаточно подогретого коньяка либо отсутствия общепринятых в подобных случаях «элитарных» закусок вроде черной икры или устриц. Подобное характерно для динамики любой человеческой потребности безотносительно к характеру ее предмета.

Человеческая потребность, далее, как идеальное полагание, как образное провидение желаемого качественно не структурирована. Наши определения ее характера крайне аморфны и неопределенны: «потребность в пище», «потребность в крове» и т. п. В ней выражен и современный уровень знаний, и эмоциональный мир конкретной цивилизации, и вера, принятая в ней за естественную, извечную первооснову в мире человеческих ценностей. Здесь наблюдается изначальный синкретизм духовной, человеческой жизни, который при должной мере любопытства открывает нам прошлый опыт или устойчивую веру, сложность реальности, постигаемую только наукой, абстрактным мышлением и возможность новой, желаемой реальности, которая подвигает человека на творение. Потребности как бы первочастица, «взрыв» которой порождает вселенную многоплановых и не поддающихся какой либо классификации переживаний.

Содержание эмоциональных переживаний даже самых простых, не говоря уже о сложных никогда целиком не укладывается в понятия или идеи и поэтому никогда не может быть правильно и точно выражено в словах. Слова могут только намекнуть. навести на него.

П. Успенский,

Потребность как свернутая куколка будущего загадочного существа или как его икринка актуализируется только в **переживании**. Переживание обобщенное понятие, характеризующее весь мир знаний человека, его убеждений веры и эмоциональных реакций.

В знаниях, в системе понятий, законов, категорий, условных формул и систем мышления он действительно через ошибки, заблуждения и предубеждения идет к **постижению сокровенной сущности как окружающей его реальности, так и реальности своего собственного, исторического и индивидуального бытия**. Выверка мира знаний только в практике, непосредственной и опосредованной, только в труде на основе той или иной промышленной, а точнее производственной базы.

Переживая все многообразие реальных и идеальных потребностей, человек в отличие от животных способен также выразить это многообразие в постулатах веры. В постулатах как догмах и убеждениях, не требующих доказательства, поразительно многоплановых в силу этнического, социального и исторического своеобразия человек усваивает и осваивает прошлый опыт, переводит его в поведенческий аспект, на уровень тех заповедей бытия, которые выразили великие вероучители и отработали сами люди в общении с неведомыми для них могучими силами природы и в общении с себе подобными. Об этом все необходимое, на мой взгляд, я сказал в книге « Введение в сравнительное вероучение ». **Подобную сферу переживаний , порождаемых человеческими потребностями, я назвал бы обоснованием мира реальности, его долженствования .**

И, наконец, весь целостный и динамичный мир человеческих потребностей переживается на уровне эмоций, в кипении страстей и противоборстве вкусов, в отработке относительно стабильных, но противоположных идеалов, вполне эфемерных и зыбких и поддерживаемых лишь одной из самых загадочных способностей воображением. Благодаря этой продуктивной по своей сути способности человек наряду с возможностью постижения сущности реального и идеального бытия и обоснованием долженствования реального мира получил то ли от Бога, то ли от природы, что в интересующей меня связи равнозначно, **безграничную перспективу художественного творения новой реальности**. Не зря творящего человека в мировой литературе принято уподоблять либо Богу, либо продуктивной, созидающей природе.

Наши переживания на всех уровнях и во всех сферах, актуализируя потребности, стимулируют или провоцируют (в зависимости от их достоверности, то есть истинности) действия человека. Если два первых вида переживания человеческих потребностей ведут к созданию второй природы (мира техники) и надприродного, духовного человека, то в воображении и его ма-

териализованных продуктах выражено побуждение художественно творить новую реальность, а не замещать или возвышать ее.

Действие художественного творения (я постоянно употребляю именно этот термин, полагая, что в отличие от деятельности действия человека могут быть и внутренними, сокровенными, духовными, преобразующими весь мир переживаний) есть творение несуществующего и не существовавшего ранее, до начального акта творения. Мне могут возразить последователи традиционной эстетики, что в художественном творении осуществляется процесс отражения или воспроизведения реальности. Безусловно, в неисчерпаемом по многообразию мире творения есть немало таких его родов и жанров, которые воспроизводят формы самой жизни, создавая иллюзию полной, почти научной достоверности ее передачи или описания. Но и их немыслимо понять вне учета игры творческих сил и способностей, поскольку в гипотетическом случае познания вне игры мы имели бы дело с суррогатом науки.

На самом же деле действие художественного творения в этом случае дает новую, я бы сказал нереальную реальность, более достоверную, чем сама жизнь. Данным утверждением я отнюдь не вторгаюсь в традиционную полемику о реализме в искусстве и его границах, но лишь подчеркиваю, что существуют более общие законы для мира художественного творения в целом, безотносительно к его жанрам и эстетическим принципам.

*Я считал, что искусство это не способ мышления,
а способ восстановления осязательности мира, , что
форма искусства меняется для того, чтобы сохранилась
осязательность жизни.*

В. Шкловский.

Законы эти универсальны именно потому, что проявляются и в бесхитростных игровых действиях с предметами и в действительно величественной игре воображения в высоком искусстве, на базе которого по преимуществу и разрабатывалась абстрактно логическая эстетика.

Отказ от признания законов творения как системообразующих для духовного бытия человека по неизбежности сужает его мир до постулируемой тем или иным автором сферы « подлинного », « высокого », « истинного » искусства. Для одного это литература, для другого музыка, для третьего архитектура и далее в том же роде, и притом в их конкретно исторических стилевых и жанровых проявлениях. Нелепо оспаривать подобный подход, на базе которого созданы бесчисленные и блестящие эстетические концепции и разворачиваются ожесточенные теоретические баталии.

Но пора признать, что он одновременно способствует зашоренности нашего мышления, мешает преодолению привычных для него логических стереотипов и эстетических штампов, которые не позволяют подняться до более широких обобщений, а тем самым охватить в системе категорий весь мир художественного творения новой реальности.

Мир художественного творения как творение мира

Поиск нового синтеза на пути тех утрат, которые дали нам десятилетия эпохи Просвещения с его безграничной, но утопичной и прекраснотушной верой во всецелое единого и целостного научного знания, подводит к основе основ современной, интегративной педагогики к интерпретации игры и искусства как амбивалентных понятий. Интерпретация эта не может быть сколь либо объективной при механическом сочетании существенных признаков игры и искусства, которые вполне реальны и, вместе с тем, оказываются на поверку выражением разных теоретических установок для характеристики единого предмета познания. Кстати, именно Аристотель обратил внимание на это обстоятельство впервые в литературе вопроса.

Но, как мне представляется, настало время терминологических и понятийных уточнений, без которых многое в моих дальнейших рассуждениях может показаться странным и нетрадиционным. Такие уточнения были сделаны мною применительно к термину «игра», а также к объему и содержанию обозначаемого им понятия. Иное дело искусство. Термин этот и его общий понятийный смысл представляются настолько ясными и самоочевидными, что я полагался на полную правомочность его использования, ограничившись характеристикой самых общих принципов искусства. Между тем здесь скрыта интереснейшая проблема, на что бы мне хотелось еще раз обратить внимание читателя.

Возьмем чисто внешнюю, формальную сторону дела. Обратитесь к универсальному В. Далю и вы к своему удивлению не найдете в его классическом « Толковом словаре » термина « искусство ». Нет его и в прекрасной « Художественной энциклопедии » 1886 1887 г. г. Ф. Булгакова. Это, безусловно, загадочно, так как в русской литературе он был всеупотребителен в его коренном, исконно-русском значении как характеристика высших проявлений творчества, мастерства в каком-либо отношении, т.е. искусности. Весь наш фольклор пронизан этим термином и не побоюсь сказать сопутствующим ему творческим духом. Осторожность лингвистов вполне понятна, ибо нет ничего более трудного, чем определение терминов, выражающих предельно широкие и по объему, и по содержанию понятия.

В этой связи невольно вспоминаются те дискуссии, которые велись по этому поводу в авторском коллективе первой обобщающей книге по проблемам эстетики в послевоенные годы, выпущенной в свет массовым тиражом в 1961 году « Основы марксистско-ленинской эстетики ». Мне было поручено написание двух глав « Художественный образ » и « Искусство и его роль в жизни общества ». Увлеченный в ту пору проблемой художественного образа, я как начинающий специалист рассматривал почти все категории в аспекте своей полюбившейся проблемы. Поэтому и искусство трактовал как творческое отражение действительности в форме художественных образов. Кстати, такая трактовка искусства была принята С. Ожеговым в « Словаре русского языка » и сохранена мною в «Кратком словаре по эстетике» (М.,1963). Основательные возражения других авторов, и прежде всего весьма авторитетных искусствоведов, отрицавших возможность определения « искусства вообще » и склонных говорить об изобразительном искусстве, о пластических искусствах, о музыкальном искусстве и т. д., побудили главных редакторов книги поручить доработать мою главу известному в те

годы искусствоведа Г. Недошивину. И все же в итоге исходная и крайне ограниченная по теоретическому смыслу формулировка, предложенная мною, в главе об искусстве сохранилась. Между прочим, искусствоведы в своих информационных изданиях продолжали проявлять рационально обоснованную осторожность, предпочитая говорить о «музыкальном искусстве», «искусстве композиции» и т. д. Именно так, например, поступили авторы «Популярной художественной энциклопедии» в двух томах, выпущенной у нас в 1986 году.

Бурный поток художественных исканий в XX веке и особенно в условиях информационной цивилизации, радикально изменил каноничные представления об искусстве как отражении жизни в художественных образах. Кстати, определение это вполне тавтологично. Он сломал подобное ограниченное, хотя и верное в узкой области творчества, толкование. Все явственное становилось мудрость древних мыслителей, умевших проникать в самую сокровенную суть явлений и процессов. Напомню, что Аристотель обращал внимание на то, что науки изучают необходимое, художественное же творение осваивает возможное. Поэтому произведения последнего всегда несут в себе черты случайного, а их форма и содержание полностью являются продуктом воображения и умения художника. Не случайно же древние греки именовали искусство *techné*, подчеркивая тем самым его широкий и всеобщий творческий характер как проявление высшего мастерства, совершенства в действии, **искусности**. Не случайно также в весьма авторитетном современном издании английском «Словаре искусств» авторы определяют искусство в широком смысле, как процесс и результат деятельности человека, связанной с творчеством и фантазией, как то, что противоположно природе, но игру, к сожалению, относят только к творчеству актера.

К операционному значению такого термина я вернусь в следующем разделе работы. Пока лишь хочу привести серьезную интерпретацию проблемы, предложенную авторами известного «Словаря античности», выпущенного Лейпцигским библиографическим институтом. В нем термин и понятие «Искусство» определяются следующим образом: «Согласно античным воззрениям, получившим наиболее ясное выражение у Аристотеля, И. (в широком смысле) «появляется... тогда, когда на основе приобретенных на опыте мыслей образуется один общий взгляд на сходные предметы...»; осмысл. и обобщ. опыт, который, по Аристотелю, является иск-вом в широком смысле и может быть использован в тех или иных целях. Одни И. (в этом смысле слова) служат удовлетворению материальных потребностей (все виды ремесел, медицина, агрикультура, гимнастика), а другие для досуга (это мусич. художеств. И. музыка, танцы, поэзия). Все И. в узком смысле основаны на подражании. Подражательными являются не только мусич., но и изобразительные И. (скульптура, живопись, графика); с нек-рыми оговорками и архитектура, тогда как сами мастера изобразительных И. причислялись к ремесленникам. И., как и природа, создает из противоположностей гармонич. единство. Разница состоит в том, что природа содержит творческое начало в себе самой, а в создании произведений И. непосредств. источником содержания и формообразования является художник».

Как говорят, дальше можно идти двояким способом дальше вперед или дальше назад. Так вот вперед в действительности нельзя идти, не обрача-

ясь назад, не учитывая всего того, что уже наработано человеческой мыслью. Античные мыслители задолго до нас поняли и значение искусства как игры, как творения новой реальности, и диалектическое ее соотношение как содержательного фактора с другими формами действия, стимулированными в конечном счете бескрайним миром человеческих потребностей. И одна, подлинно универсальная в их ряду потребность в игровом действии.

Конечно, когда мы говорим об игре как форме процесса художественного творения, мы вправе выдвигать гипотетические представления о ней как формообразовании и принципах этого формообразования. Напомню, что результатом такого подхода и было выделение мною как основополагающих таких принципов игры и игрового действия, как **репродуктивность, состоятельность и интерпретационность**. Но при этом нельзя забывать, что игра как чистая форма существует лишь в абстракции, ибо она всегда содержательна, что уже предполагают сформулированные мною ранее принципы.

Соответственно столь же правомерно стремиться к обособленному логическому анализу предельно широкого понятия искусства как сущностной качественной характеристики любой без исключения игры, его формообразующего начала. Предложенные мною в дискуссионном порядке как всеобщие принципы искусства (**постижение, выражение, заражение**) отвечают, на мой взгляд, этому требованию. Естественно, что принципы, относящиеся к содержанию искусства, не имеют операционного значения без учета всех поразительных тайн формы, то есть игры. Более того, характеристика искусства вообще, как **несогласованного определения**, на базе анализа его конкретного и устоявшегося для вида традиционного (в этническом и историческом аспекте) содержания безотносительно к игровому значению формы - будет в этом отношении некорректна. Так что раздельное рассмотрение формы и сущности, проделанное мною ранее, вполне допустимо и обосновано в теоретическом аспекте. Но бесперспективными оказываются любые попытки механического суммирования признаков амбивалентных понятий, ибо сами они отражают некое более значимое единство при сохранении в снятом виде добытых знаний о сторонах этого единства. В итоге такого суммирования мы получим не целостный образ творения, но нечто вроде прекраснотушных мечтаний об облике идеального жениха гоголевской героини из « Женитьбы ».

Категория « художественное творение », как мне представляется, продукт более широкого обобщения , позволяющего выделить наиболее общие признаки не только игры как формы и искусства как содержания, но прежде всего художественного творения как содержательной формы. Вот на них-то и следует сделать акцент, предваряя все рассуждения об эмоциональном блоке в содержании современного образования.

Художественное творение продукт свободного воображения человека, идеального действия, стремящегося вырваться за пределы необходимого и закономерного, игрою всех своих душевных сил и способностей преодолеть его земное притяжение. Действие это, в отличие от научной практики и логики научного мышления, которые, по Вернадскому, « связаны в единое научное построение и не могут логически противоречить одна другой », в принципе **поливариантно**. Конечно, есть условия художественного творения,

его определенные правила и принципы, есть и общие духовные особенности восприятия его продуктов, переживания содержания через осмысление формы, есть, наконец, реальность и символизм этой формы, незримой пуговиной связанной с формами действительности. Но при более внимательном и конкретно-историческом подходе к социальной динамике процесса художественного творения становится очевидным, что и эти условия, в конечном счете, вполне конвенциональны и релятивны, что здесь творец абсолютно свободен, более того он свободен создавать новые законы и принципы художественного творения.

Не следует забывать, что их порождают идущие на смену одна за другой цивилизации, дающие каждый раз свою, особую систему эмоциональных координат, свою систему переживаний и соответственно действий, художественных творений. Забвение этого обстоятельства приводит к той убогой европоцентристской концепции, которая основана на полном игнорировании безграничности красочного спектра человеческого творческого воображения, космического многообразия художественных творений разных цивилизаций и этносов. Раз утвердившись, эта концепция благодаря иллюзиям европейского Просвещения выработала у нас, его последователей, устойчивый рефлекс тяготения к « научному » единообразию, а точнее однообразию в оценке того, что есть истинное творение. Не случайно многих из нас до сих пор повергает в шоковое состояние подлинный взрыв неповторимых индивидуальных проявлений художественного творения в эпоху информационной цивилизации, который отождествляется чуть ли не с концом света.

В отдаленных частях земли под натиском современной цивилизации ломаются образы жизни, о которых нам ничего не известно. Описать их нужно теперь, т е п е р ь, в противном случае они навсегда будут потеряны для нас.

Маргрет Мид

Но ведь аналогичный шок вызывал у наших европейских предков еще не так давно макромир иных цивилизаций, художественные творения которых были для них непостижимы из-за стереотипных представлений о прекрасном. Да и теперь многие залы музеев, где сосредоточены немеркнущие ценности художественного творения этих цивилизаций, всегда пустынные, свитки с литературными произведениями, порожденные ими, так и остаются непрочитанными до сих пор. А обычаи, обряды, праздники, равно как украшения и одежда исчезнувших в небытие миллиардов людей нам кажутся верхом нелепости.

Нет, единообразие научного постижения истины принципиально отличается от поливариантного ее же открытия в процессе художественного творения. Если первое устремлено вглубь, то второе распространяется вширь словно ядерная реакция, создавая весь мир человека, все его духовные и материальные ценности каждый раз в новой и неповторимой форме. Свой и неповторимый мир, которому нет аналога в реальности, а посему **вторую реальность** . Мне могут возразить вопросом не хочу ли я доказать, что каждый человек в таком случае, вследствие принципа поливариантности ху-

дожественного творения, способен проявить себя в нем? Безусловно, и **это главный постулат, который я обосновываю и отстаиваю**. Ибо сколько людей, столько и капель вливается в единый океан художественного творения. Здесь не имеет значение характер такого творения – подлинно ли оно, оригинально как открытие чего-то нового, еще неизвестного или же представляет собой творческую интерпретацию уже созданного оригинала. Более того здесь нет никакого абсолютного, единого и неоспариваемого критерия на все века и народы.

В процессе художественного творения, открывая новые, неизвестные миры, человек по самой природе этого действия обречен на оригинальность. Повторение здесь принципиально невозможно, если, конечно, речь не идет о механическом тиражировании изначального и оригинального образца. Естественно, в созидании новой, художественной реальности существует разномасштабность, предопределенная отнюдь не одинаковым уровнем способностей, дарований людей. Любой школяр, неизбежно выражающий в стихах свои неосознанные интимные чувства, отнюдь не равнозначен великому поэту, синтезирующему в поэзии чувства миллионов. Отработанные веками школы поэтики дают стабильную основу оценки реальной значимости каждого феномена художественного творения. Но безотносительно к масштабу поэтического дарования, который в данной работе находится вне сферы моих интересов, и детский поэтический лепет, и боговдохновенные стихи выражают многогранность человеческой эмоциональной природы, всего мира наших индивидуальных переживаний. Кстати, в той же самой мере, как исполнение классических поэтических произведений наивным любителем поэзии и высокопрофессиональным чтецом на эстраде, как пение ребенка и великого маэстро.

*Люди судят по-разному, хотят разного, и те,
кто, одновременно слушают одно и то же дело,
воспринимают его различно, а если и одинаково,
то по различным душевным побуждениям.*

Плиний Младший.

Второй принцип художественного творения безотносительно к историческому, этническому и индивидуальному его проявлению в действии **полифоничность**. Многоголосие, сочетание разного в едином отнюдь не монополия музыкального действия. Оно прослеживается во всех типах и формах художественного творения, которые нетрудно зафиксировать при условии отказа от абсолютизации европейских традиций эпохи Просвещения, в частности от его ограниченной трактовки полифонизма.

Играя, человек сочетает в целостность отнюдь не абстрактные правила игры, но неизмеримое богатство формальных решений, характерных и для предмета игры, и для ее процесса, и конечно же результата. Ведь не случайно одна и та же игра, будь то настольный ее вариант либо сценическое игровое действие (не следует забывать, что актер в переводе есть действующий!) в реальной жизни, в процессе человеческого общения исторически развивается в непередаваемом словами формальном разнообразии. Вспом-

ните хотя бы « обычные карты », структура формы которых при специальном рассмотрении оказывается поразительно сложной. И конечно же, она была отработана не для того, чтобы играть в подкидного дурака.

Все в картах, в их формальном решении и масти, и цифры имеют глубокий, исторически отработанный **символический смысл**. Вот что сказано по этому поводу в любопытнейшем « Словаре символов » Х. Э. Керлота, на который я ссылаюсь, дабы не повторять общеизвестные труды по проблеме: « Полная колода игральных карт символична в самом истоке. Исчерпывающее выражение ее символика получает в двадцати двух великих арканах колоды Таро, где каждая карта представляет цельную и в определенной степени самодостаточную аллегория; за ними следуют пятьдесят шесть малых арканов, которые содержат четырнадцать фигур в каждой из четырех мастей: золотая эквивалент бриллиантов (состоит из кругов, дисков и колес), трефы (жезлы и скипетры), пики (мечи) и кубки эквивалент червей. Золотая масть символизирует материальные силы; трефа или жезл власти или видения; кубок или чаша, несколько видоизменяется по значению, но вообще относится к вместилищу как таковому: чаша или сундук, например; меч в этом особом случае является символом умения разобраться, где заблуждение, а где справедливость. Число, обозначенное на каждой карте, отражает символику, относящуюся к каждому отдельному числу». Истоками колоды Таро уходит в глубочайшую древность, к Каббале с ее мистическим символизмом и признается современными исследователями одним из величайших изобретений человеческого ума. В игре символы реализуются в значения, определяя первый слой единства в многообразии, иначе говоря полифонизма художественного творения. Второй, не менее важный его слой потенциальная возможность использовать значение как форму для достижения игрового результата, предполагающего способность творческого, прогностического и вариативного мышления.

Можно только диву даваться, как опытный игрок не только предвидит ходы оппонента, но и в буквальном смысле слова, без каких-либо примитивных шулерских приемов знает, что у того на руках, а что остается на столе. Наконец (еще раз напомним мысль Аристотеля о художественном творении как сфере возможного) игра потому и игра, что она практически непредсказуема в полном ее объеме, ибо ее форма всегда переходит в непредвиденное содержание благодаря практически безграничному количеству возможностей в игровом действии. Здесь существенное значение начинают играть такие пневмологические, то есть связанные с душевными движениями факторы, как выдержка, разумная хитрость, анализ подтекста творческого плана оппонента. Но и эти факторы связаны неразрывно с игровой формой и умением искусно, мастерски владеть ею в любой момент, то есть формой, переходящей в содержание, а точнее в целостное художественное творение.

Полифоничность « чистого » игрового действия, где доминирующее значение имеет формальный аспект художественного творения, включает в « многоголосие » этнический компонент, делающий шифрограмму художественного творения еще более сложной и увлекательной. Приведу лишь один пример китайскую игру в мааджонг, еще недавно бывшую под запретом в стране, породившей ее тысячелетия тому назад. Оставаясь тем же вариантом карт (ибо четыре колоды карт здесь заменяют соответствующие картам

по значению 144 кости), сохраняя принцип распасовки, маджонг одновременно переносит нас в иной мир выразительных ценностей, выражающихся не только в символике иероглифов, но и в особых картинках, имеющих не только знаковое, но и эстетически выразительное значение. Играть, не наслаждаясь ими как предметами костерезного искусства и графики, практически для истинного игрока невозможно. Абсолютно по аналогии с чайной церемонией в Японии, которая поразила меня во время пребывания в этой удивительной и загадочной стране своей полифоничностью и, в частности, тем, что моментом содержательной игровой, ритуальной формы в ее проведении является тонкое, изысканное отношение к редкому фарфору, который подан хозяином, умение говорить о нем и профессионально судить об его достоинствах.

Полифония как одновременное и гармоническое сочетание и движение всех компонентов структуры художественного универсальный признак последнего. Он характерен и для тех сфер художественного творения, где предметом игры и творцом ее содержания выступает сам играющий человек, прежде всего для великого и древнейшего искусства театра. Не случайно во многих языках актер именуется «игроком спектакля» (по-немецки это «schauspieler»), а игровая деятельность определяется выражениями «играть роль», «актерская игра», «драматическая игра». Действия же актера самым причудливым образом, но всегда одновременно и гармонически сочетаются и с драматургией действия, и с костюмерией, и со сценографией, и с музыкальным сопровождением и со многими, ныне крайне причудливыми сценическими эффектами.

Сам принцип полифоничности закономерно породил одну из увлекательнейших и пограничных с наукой и верой художественных профессий режиссуру, завоевывающую ныне обширные сферы художественного творения: зрелища, праздники, кинематографическую индустрию, телевидение. Она, подобно другой, столь же сложной и требующей незаурядного творческого таланта, эрудиции, педагогического такта профессии дирижера, предопределяет единство в многообразии, она создает из противоположностей единство, то, что принято теперь называть целостностью спектакля. Символика театрального зрелища и его знаковый смысл - результат художественного творения режиссера. Здесь полифоничность художественного творения или игры-искусства в их органическом синтезе породила в двадцатом веке эффект веера, всегда остающимся единым в многообразии размаха, в его амплитуде.

Еще одна «крайность», породившая бессмертные сценические творения и их стилистику, предугаданную Д. Дидро в «Парадоксе об актере» **театр представления** Вс. Мейерхольда, где на первый взгляд доминирует игра как формообразующий принцип, прием, трюк, неожиданная формальная находка, требующая от актера истинно цирковых навыков. Кстати, именно на таком определении этих навыков настаивали все великие ученики Вс. Мейерхольда, с которыми мне пришлось неоднократно лично общаться, от В. Бебутова до Р. Плятта. Играя же, актер этого направления с тысячелетними традициями в разных этнических сообществах, представляет не игру как таковую, но ее знаковое значение, ее смысл. **Он играя - творит** Нельзя поэтому не согласиться с автором уникального по обобщающему значению «

Словаря театра », который я воспринимаю как удивительно содержательное и нестандартное монографическое театроведческое исследование - Патриком Пави, который пишет, что « театральная игра (так раньше называлась *сценическая* игра, то, что актер делает на сцене вне дискурса) представляет собой видимую и собственно сценическую часть постановки. Она заставляет зрителя воспринимать совокупность события в значении его акта высказывания. Даже чтение текста пьесы требует зрительного представления актерской игры, как об этом напоминает Мольер будущим читателям: « Известно, что комедии пишутся только для того, чтобы их играли, вот почему я советую читать эту пьесу только тем, у кого достаточно зоркие глаза, способные за текстом увидеть представление ».

Другая грань единого веера - гениальные искания режиссера, педагога и психолога К. С. Станиславского, полагавшего путь художественного творения от осмысленного физического действия к переживанию, способствующему выразить все сокровенное в замысле драматурга, в его видении эпохи и характеров, порожденных ею. Активизируя через логически обоснованные, глубоко осмысленные действия в себе, в самой глубинной своей сущности и даже в подсознании эмоциональные переживания в соответствии со сверхзадачей роли актер в сотрудничестве с режиссером получает радостную возможность **творить, играя**.

Подобный логический веер существует во всех типах художественного творения (именно так я и буду именовать впредь классификацию не по родам, видам и жанрам, оправданную применительно к традиционным искусствам, но не работающую применительно к зрелищам, праздникам, ритуальным играм, обрядам, системе игр в узком и не точном смысле слова). Речь идет не о том, чтобы признавать или отрицать этот веер как показатель полифоничности художественного творения, но об его рациональном и активном использовании в развитии эмоционального мира людей эпохи информационной цивилизации.

*Литература провидит законы будущего,
воспроизводит образ будущего человека.*

М. Е. Салтыков-Щедрин

И, наконец, третий принцип художественного творения его **прогностичность**. Знание (если это действительное знание, какова бы ни была мера ее соответствия реальности, пусть это будет еще алхимия, но не современная и всесильная химия) не связано с прогнозами. Предвидеть ожидаемый результат расчетов и выкладок можно лишь на основе выдвинутой теоретической гипотезы, но отнюдь не на базе прогноза. Понимаю, что вы сразу же, возражая, назовете мне социальные исследования, прогнозирующие будущее развитие общества, в том числе и великие, общеизвестные социальные утопии, вплоть до «научного коммунизма». Но здесь примечательны два взаимосвязанных обстоятельства.

Во-первых, никогда, ни разу в процессе истории социальный прогноз, в какую бы наукообразную форму он не был облечен, не оправдывался, подобно прогнозам погоды. Он сфера легенд и мифов, а в итоге, при более

спокойном его анализе игра ума, игра свободных предположений или догадок, вполне вписывающихся в сферу литературы. Ныне их принято вполне алогично именовать футурологией, которая не может дать социального прогноза даже на следующий день, как и метеорология. То, что преподносят нам футурологи через средства массовой информации не больше, чем гадание, то есть игра праздного ума, призванная околпачить жаждущих истины о том, что еще не произошло. Ей место в художественной фантастике. Но лишь на первый, поверхностный взгляд, ибо художественное творение и прогностичность духовной жизни взаимосвязаны гораздо глубже и органичнее.

Во-вторых, прогноз в сфере социальных наук на практике оборачивается интерпретацией уже протекшего исторического процесса, его более или менее достоверным анализом. Подобный метод исторических аналогий грешит полной теоретической импотенцией, ибо сама история в принципе неповторима во всех проявлениях нового, наступившего неизбежно как восход солнца общественного бытия. Здесь « так было » отнюдь не означает, что « так будет ». Попробуйте дать прогноз социального развития нынешней России на основе осмысления опыта истории развитых капиталистических стран за последние триста четыреста лет! Дело это непосильное даже для армии « чикагских мальчиков ». Попробуйте дать прогноз развития общественных отношений в эпоху информационной цивилизации, когда все более очевидной становится исчерпанность товарноденежных отношений. Об этом « социологи » - прогнозисты даже боятся заикаться, хотя Молоха истории не может остановить никто, даже все армии мира в совокупности.

Но метод прогноза приобретает вполне реальный смысл в сфере художественного творения, приоткрывающего завесу над нашим будущим, и отнюдь не только в произведениях утопического либо фантастического плана. Художнику творцу в любом типе творения подвластно будущее, он « зрит сквозь целое столетие », он провидит в воображении будущего, идеального человека и приближает его приход на нашу грешную и измученную Землю. Он приближает его и в великих, пророческих по значению мировых шедеврах художественного творения и в бесхитростных на первый взгляд шедеврах прикладного искусства. Ибо все, что он творит в этом мире, преобразуя его, действительно есть « прекрасная игра ».

Что касается веры и соответствующих ей вероучений, « великих » и « малых », то их сущность в принципе исключает прогноз как лукавство ищущего ума либо чувств, мятущихся в страхе перед неизвестным и неизбежным. Верить значит принимать реальное как неизбежное, подтвержденное прошлым опытом. Верить значит не прогнозировать, а надеяться всей силой души, ориентировать себя в мире человека и космоса принятым символом веры. Когда же вероучение использует прогнозирование, оно принимает иную ипостась и становится явлением художественного творения. Тогда писание переходит в легенды, сказания и фольклор.

Прогноз - закономерный итог, продукт прогностического по характеру художественного творения . В глубинной своей сути оно вызвано отнюдь не только потребностью остановить прекрасное мгновение и увековечить его и себя в нем, равно как и не только желанием « возбуждать доблесть сограждан подвигами предков », игрою воображения восстановить

прошедшее, вызвать его из небытия для поучения и назидания, а то и просто для развлечения над склепами предков.

Прогноз - постигнутая воображением новая реальность . Воображение позволяет преодолеть антиномию игры и искусства, доказательство различия которых в литературе осуществляется вполне адекватно предмету рассмотрения тождественным логическим путем. В форме есть те предельные границы, которые предопределяют разрыв между ними и самостоятельное, независимое существование каждой из них. Есть же, на самом деле, игры, которые не содержат в себе ничего иного, кроме стремления на основе некоторых установленных правил, конвенций обогатиться либо приобрести какую-либо иную выгоду.

Таковы, например, политические игры. Есть и в искусстве явления запредельные, лишенные игровой формы, а потому понятные лишь их создателям, тешащие лишь их бесплодное, как смоковница, самомнение. Следует помнить, что все границы и грани нашего бытия вполне условны, но они безусловно существуют и с ними следует считаться как с необходимостью.

Одной из самых мудрых книг, созданных человечеством на протяжении тысячелетий, безусловно является Артхашастра, замечательнейший памятник древнейшей и непреходящей политико-экономической культуры Индии. Ее перевод с санскрита на русский язык, осуществленный при участии крупнейших санскритологов академиков С. Ф. Ольденбурга и Ф. И. Щербатского и их выдающихся учеников в течение многих десятилетий, ныне увидел свет он был подготовлен к изданию В. И. Кальяновым и опубликован в 1993 году. (Позволю себе небольшое отступление от темы исследования, ибо следует сказать со всей определенностью, что впредь развивать российскую образованность без классических трудов Древнего Китая, Древней Индии, Арабского Востока, Японии так же невозможно, как и без духовного наследия античного мира).

В Артхашастре, регламентирующей все стороны жизнедеятельности древнеиндийского общества, мудрые законодатели четко разделили игры во имя неумной и преступной наживы, игры, порожденные лишь страстью к стяжательству за счет ограбления партнера (по моей терминологии игры как бессодержательные формы), от игр, поднимающихся до уровня совершенства, искусства. Относительно первых, поражавших все общество подобно раковой болезни, в тексте памятника сказано вполне определенно: « ...Если сопоставить игру и пьянство, то игра есть более тяжкий порок. Победа или поражение (в игре), связанная с приобретением (или имеющая цель приобретение), причем объектами (игры) могут быть живые и неживые предметы, вызывает раскол партий и создает таким образом волнение среди подданных. В особенности среди объединений и семейств владетелей, имеющих сходство с объединениями, игра является причиной раздора, что ведет к гибели». Мошенников в корыстной игре (по нашей новейшей терминологии шулеров, со всех сторон описанных и охарактеризованных современным искусством) ждало весьма суровое наказание: « Если кто-нибудь (при игре в кости) мошенничает посредством подложных раковин, костей или иных принадлежностей игры или же обманом движением рук, то ему отрубается одна рука или взимается штраф в 400 пана». Если учесть, что пана медная

монета весом 9, 33 грамма, то 400 пана в то время равнялись целому состоянию!

Честное слово, неплохо было бы восстановить это правило у нас, в условиях игорного беспредела, лишаящего игру ее отмечаемого всеми признака бескорыстности, незаинтересованности в процессе состязания, иначе говоря, той содержательности, которая делает ее искусством. И не только в игорном доме, казино, но и полях традиционно рыцарских спортивных сражений, где погоня за чистоганом приобретает вполне чудовищные, криминальные формы, которые и близко не стоят к высокому искусству игры, где покупают и продают игроков и целые команды. Впрочем, так уже было в Древней Греции, когда как провозвестие гибели этой уникальной цивилизации народный агон был заменен профессиональным атлетизмом. С возникновением последнего началась деградация системы свободной состязательности, в практику вошли хорошо знакомые нам коррупция, подкупы, откровенное шарлатанство.

Думаю, что не случайно авторы комментариев к Артахшастре специально выделили термин «расточительные игры» - *vuaya-krida*. Мне представляется целесообразным использовать этот термин в дальнейшем изложении. Он более точен, чем наш термин «азартные игры», ибо трудно представить себе любую игру, а стало быть и искусство без азарта. Им в Артахшастре противопоставлено не искусство вообще (в древнейшем индийском тексте опять таки нет подобного термина, а стало быть и понятия), а искусство как духовное содержание игровых форм, достойных всяческого поощрения. «Лица, обучающие гетер, рабынь и актрис пению, искусству речи, чтению, танцам, актерскому искусству, письму, рисованию, игре на лютне, флейте и бубнах, ремеслу гадалок, приготовлению духов и венков, массажу и прочим искусствам публичных женщин, получают содержание от царского двора».

Именно благодаря духовному содержанию художественного творения, отмеченному во всех литературных памятниках прошлых эпох, рождается его удивительное качество прогнозирование будущего. Художественное творение действительно езда в незнаемое, ибо оно одухотворено идеалом, продуктивной творческой мечтой человека, наделенного сокровенным даром прозрения. Повествуя о бедах человечества и его страданиях, художественное творение открывает «враждебным словом отрицания» возможность иной, подлинно человеческой и человеческой реальности не в потустороннем мире, но здесь, на нашей грешной и родной Земле. Рисуя картины дня нынешнего, протекающего на глазах современников, лишенных возможности увидеть его тенденции и перспективы в неумолимой и порою безжалостной повседневности, художественное творение создает иллюзию иной, совершенной и прекрасной реальности. Да, именно иллюзию, но которая куда более действительна, чем то, что мы наименовали обыденной жизнью и что засасывает каждого из нас, безотносительно к социальному положению, целиком и без остатка. Художественное творение, наконец, оставаясь миром создаваемой человеком иллюзии, остается единственным способом «футурологического» сознания, ибо оно способно увидеть то, чего еще нет, а именно будущее. Здесь речь идет не только о фантастике в игре-искусстве, ибо весь мир художественного творения фантастический мир, как

бы ни были крепки его связи с реальностью. Все великие утопии, все гениальные прозрения будущего типа « Государства» Платона либо « Города Солнца » Т. Кампанеллы (их практически не перечислить!) предопределили прорыв человечества в будущее не в меньшей степени, чем самые масштабные, эпохальные практические и научные открытия, начиная с колеса и письменности.

Но ошибочно полагать, что монополия здесь принадлежит какому либо одному, пусть необычайно важному виду или типу творения, скажем художественной литературе. Самая простая хохломская роспись либо китайский веер, новое решение в дизайне одежды и бесхитростная народная песенка или песни негров рабов на плантациях Америки абсолютно равнозначный прорыв в будущее, ибо весь мир творения без исключения создает ту иллюзорную, новую реальность, вне которой человек не был бы человеком.

А спорт как агон, как непрерывное состязание, в конечном счете с самим собой, для преодоления всего того несовершенства, нецелесообразности, дисгармонии, которые характеризуют природу человека в отличие от мира естественного, системой предопределенного совершенства всех животных без исключения? Разве можно его трактовать иначе, как стремление человечества из поколения в поколения вырваться из мира своего несовершенства. Часто слышу возражения но мы же венец творения, нет ничего прекраснее человека, в том числе и в физическом, естественном отношении. В ответ я предлагаю моей аудитории проделать не столь уж дерзкий по нынешним меркам эксперимент - раздеться и остаться в чем мать родила. Сама мысль о том, что может предстать нашим глазам (подобно банному ландшафту) вызывает у всех гомерический хохот. А ведь мы можем, подобно молодым спартанцам, и себя создать как новую реальность, если уверуем в прогностическую силу художественного творения и в себя как творцов.

Значение художественного творения как прогноза новой, будущей реальности особо остро осознаешь тогда, когда ситуация разрушает иллюзорный мир, который, вместе с тем, подобно Протею, фатально обречен на воссоздание. Каждый, кто действительно был на фронте, в непрерывных и изнурительных боях, мог бы немало порассказать о том, как все мы зверели и забывали об иллюзорной эстетической реальности, как пили воду вместе с навозной жижей, как месяцами не снимали обветшавшей одежды, смирившись и со вшами, и с грязью. Но вот забрезжили в 1943 году, после Сталинграда и Курска, первые зарницы Победы и вдруг все как по мановению ока вспомнили и о подворотничках, и о блеске сапог, и об игре в воинские звания между фактическими сверстниками, если хотите об особом фронтовом щегольстве. Но ведь Победа была еще впереди, через два года невероятных, нечеловеческих страданий всего русского народа. А художественный прогноз о встрече в шесть часов вечера после войны, и не только в фильмах, но и в дизайне, и в проектах архитекторов, думавших о будущем облике разрушенных немцами русских городов, и в зарождавшейся уже тогда индустрии моды оказался пророческим.

Увидеть в обычном необычное так формулирую я призвание художественного творения. Как прогноз, оно в истории человеческого духа выполняет поразительную функцию способствует превращению « созданного в тайных мечтах мира идеальной природы» в новую реальность. В этом смысле оно

действительнее самой действительности. Сегодня иллюзорный мир художественного творения, завтра воплощение этой новой реальности в повседневность, и так без провидимого конца и во всех проявлениях духа.

Прогностическая миссия художественного творения выражается еще в одном аспекте, который нельзя обойти при анализе природы игры-искусства. Я бы позволил себе в порядке первого приближения назвать его утверждением иллюзорной новой реальности враждебным словом отрицания. Прогноз здесь принимает форму предупреждения об изначальном несовершенстве природы человека, о том, что он не только чаша добра, но и сосуд зла. Полотна Иеронима Босха и «Капричос» Гойи, йеху Свифта и загадочный, еще нерасшифрованный мир Гоголя, раскрывшего, сколько действительно бесчеловечья в человеке, словом, все примеры, сразу приходящие на ум элементарно образованному человеку лишь малая вершина колоссального айсберга.

Практически во всех типах и формах художественного творения органично соседствуют и рай, и ад, ангелиада и дьяволиада. Возвышающие человека маски и украшения немыслимы без чудовищных, страшных гримас того же продуктивного воображения. И это **универсальная особенность художественного творения**, но отнюдь не его болезненное проявление в нашу весьма экстравагантную эпоху, где дозволено практически все, вплоть до откровенной и порочащей достоинство человека мерзопакости. Но и наш отдаленный предок в какой-либо части света не гнушался ожерельем из высушенных человеческих голов или коллекцией скальпов. Пусть кается католическая церковь за бесспорные преступления своей инквизиции, но разве можно забыть тот факт, что сотенные толпы добропорядочных граждан наслаждались нечеловеческими муками пытаемых либо сжигаемых на костре как театральным зрелищем. А ныне их наследники с тем же нескрываемым восторгом созерцают фильмы черной серии, кулачные бои без правил, травливание на арене ни в чем не повинных животных.

Поливариантность, полифоничность и прогностичность художественного творения как его обобщенные принципы помогают нам рассмотреть все проявления игры как формы и искусства как ее содержательной характеристики и тем самым избежать вполне оправданной и рациональной профессиональной ограниченности специалистов в какой-либо его конкретной сфере. А тем самым предопределяют возможность более точно и корректно охарактеризовать художественное развитие, или точнее художественное бытие человечества. При подобной исходной посылке открывается перспектива общетеоретического анализа места и роли художественного творения в образовании человека в широком, общепринятом смысле, равно как и в его становлении как художника.

Но этот анализ по самой сути предложенной мною концепции игры-искусства или художественного творения как целостной сферы жизнедеятельности человека не может быть повторением отлично отработанной в педагогической литературе характеристики игры как средства совершенствования и самосовершенствования человека, а искусства как активного средства его воспитания эстетическими средствами. **Образовательный потенциал художественного творения определяется не тем, что человек**

играет, а продукты художественного творчества его воспитывают, но тем, что он сам творит играя.

Творение мира и человекотворение

Даже о самом простом, без труда понятном предмете люди иной раз создают себе противоречивейшие представления.

И. В. Гете

Алогичное разделение и даже противопоставление игры и искусства, возникшее в эпоху Просвещения и бездумно ретранслировавшееся в двадцатом веке, породило своеобразную антиномию в истолковании их значения. Возникли (особенно в педагогической теории и практике) независимые и разнонаправленные потоки концептуального значения. Один из них, справедливо делая акцент на преобразующей функции игры, незаметно, постепенно и вполне очевидно вопреки воле и благим намерениям ее масштабных адептов, слил ее с дидактикой как общей теорией образования безотносительно к содержательной характеристике предмета, процесса и результата игры. Потеряв своеобразие содержания в системе триединой истины (знания, эмоции, вера), игра оказалась чисто техническим средством, вполне аналогичным математическим заданиям, логическим упражнениям и интеллектуальным кроссвордам.

Здесь еще и еще раз следует напомнить, что все в мире взаимосвязано и крайне многопланово, в том числе и по функциональному признаку. Венед, брившийся перед боем с римлянами своим мечом, и не подозревал, что он подтверждает данный принцип. Любитель кроссвордов, вырвавшийся из кошмара нынешней, изжившей себя школы как образовательного учреждения протекшей на наших глазах технической и технологической, промышленной цивилизации, точно также не подозревает, что он играет, но не учится. Он преспокойно забыл, что учебный прием кроссворда доставил ему в школе немало пренеприятных минут вынужденного усвоения знаний, что теперь он, в вечерней тишине, свободен, ибо решает кроссворд для наслаждения.

Еще более печальная судьба постигла в школе, ориентированной только на усвоение системы весьма примитивных знаний и сведений, сразу же забываемой ее выпускниками, искусство. Благая и сама по себе отнюдь не примитивная мысль о воспитательном значении искусства претерпела за последние годы чудовищную метаморфозу, ибо искусство осталось в школе лишь в той мере и степени, какая необходима для его рассмотрения как подсобного учебного материала к интеллектуальному « образованию ». За относительно краткий период, протекший с момента моего пребывания в школе в тридцатые годы прошлого, двадцатого века художественная литература превратилась из творческого постижения великого искусства слова, из искусства словотворения, безгранично любимого учащимися безотносительно к возрасту, из преисполненного таинства художественности священ-

нодействия совместно с педагогом-литератором в заурядный общественно-педагогический предмет.

Не случайно выдающийся русский философ XX века В. Ф. Асмус в сердцах воскликнул: « чтение – это творчество! ». И как сфера творчества литература исключает традиционные методики и технологии « обучения литературе », которыми буквально кишит наша педагогическая литература. Что же касается всех других типов художественного творения (включая игру в ее истинном понимании как формы искусства), то с ними нынешние просвещенцы разделились еще более беспощадно, просто и ничтоже сумняшеся выбросив их за пределы образовательного процесса, отнеся к « досуговой, развлекательной деятельности ». А если в учебно-тематических планах общеобразовательных учреждений что-либо и осталось от этих типов, так это опять подсобные материалы для « обучения » тому, что должно знать и сдать. Об этом я писал много и неоднократно, ни разу не вызвав открытых возражений просвещенцев. Да это и понятно – ни блок эмоционального развития ребенка, ни его убеждения веры их практически не интересуют, до появления очередных инструкций сверху. А мировой педагогический опыт, выработанный великими и малыми цивилизациями, они попросту не признают, полагаю в силу неведения, ибо он достаточно хорошо изучен в теоретической литературе.

Переходя из старого мира в новый, ничего нельзя взять с собою.

А.И. Герцен

Стереотипы мышления удивительные, преисполненные загадочности феномены сознания. Раз утвердившись, они определяют буквально все наши жизненные установки, от пристрастий до толкований. Разделение игры и искусства – один из таких стереотипов, возникших в период цивилизационного безвременья, когда действительно новая, информационная цивилизация еще не утвердилась, а старая отнюдь еще не ушла в небытие. Наверное, в таком разделении был какой-то смысл, что требует специального лингвистического, социологического и искусствоведческого конкретно-исторического анализа. Но сегодня это опасная бессмыслица, мешающая нам понять новые перспективы развития эмоционального мира человека как базы информационного сознания и препятствующая образованию (воспитанию и обучению) наших юных соотечественников на достойном уровне.

Кстати, когда мы вспоминаем о литературе, поэзии, искусстве русского « серебряного » века, трудно не признать ее пророческое, дельфийское значение как эмоционального провидения мира художественного творения как нового способа человекотворчества.

Короче приняв гипотезу художественного творения как игры-искусства, мы неизбежно преодолеваем просвещенческие и если хотите просветительские иллюзии и об игре, и об искусстве как отдельных факторах « обучения » и « воспитания », которые отнюдь не являются чем-то специфическим, своеобразным только для этих тождественных явлений, определяемых амбивалентными понятиями. Все то, что до сих пор в педагогике относится к их сфере, вполне успешно решает взятое в отдельности интеллектуальное об-

разование и может решить потенциально выработка у человека убеждений веры. Отрицать позитивные педагогические наработки в данной области может только Герострат от педагогики. Но у художественного творения иной мир и иные перспективы, иные, действительно фантастические возможности человекотворчества, где его беспредельное господство абсолютно и неоспоримо.

*Обычаи рабского народа составляют часть его рабства;
обычаи свободного народа составляют часть его свободы.*

Ш. Монтескье

Подчеркну еще и еще раз возможности эти изобретены не мною, но выявлены в течение многотысячелетней истории человеческого духа, более того давным-давно облечены в строго научную форму, художественно осмыслены и внедрены в бытие человека как символ любой веры. Могут они служить и дьяволиаде, осреднению «массового человека», а проще и откровеннее говоря превращению его в легко манипулируемого современного раба. Пора признать лучшие, перспективно мыслящие умы оказались в своеобразном пневмологическом нокдауне под натиском практически все-сильной индустрии зрелищ, обобщенно именуемой «массовой культурой». Ее теоретики и практики преотлично осознали возможности игры-искусства или художественного творения. Здесь виновата не сама по себе бритва, ибо ею в равной мере успешно можно бриться и убивать подобно мечу венеда. Магистральный путь цивилизации, в который я верю, принципиально иной использовать всеисилие художественного творения для того, чтобы человек смог бы превзойти самого себя, доказать в провидимом будущем, что он отнюдь не природная аномалия, но действительно совершеннейшее творение той же природы, венец ее творения.

*Культура совокупность прогресса человека и человечества
во всех областях и направлениях при условии, что этот
прогресс служит духовному совершенствованию индивида
как прогрессу прогрессов.*

А. Швейцер

Вы не найдете ни одного сколь-либо значимого трактата по педагогике во все времена, в котором с той или иной степенью теоретической ясности художественное творение не анализировалось бы с позиций образования **будущего, грядущего человека, способного преодолеть в процессе совершенствования и самосовершенствования свою природную аномальность. Но об этом же повествует и все мировое искусство, и все великие и малые вероучения, кроме откровенно сатанинских.**

Веер художественного творения, весь его диапазон от «чистой игры» до «чистого искусства», существующий, как я уже показал, только в умоглядной сфере, выполняет все те образовательные, учебные и воспитательные дидактические функции, которые никем не оспариваются. Они в

снятом виде входят и в тот процесс, который я называю человекотворением и который отлично, всесторонне исследован лучшими умами человечества. Теми, кто в разных социокультурных условиях обосновывал необходимость и результативность существования трех взаимосвязанных блоков в образовании грядущих поколений знаний, эмоций и веры. Теми, кто характер и направленность педагогических действия определял своеобразием безграничного мира эмоциональных переживаний и верил в реальную возможность совершенствования и самосовершенствования всей системы человеческих потребностей.

Процесс человекотворения, помогающий нам лучше и глубже понять и необходимость художественного творения (игры – искусства), и его всеисилие, условно, чисто теоретически можно разделить на ряд неразрывно взаимосвязанных и взаимопроникающих сфер. Оговорюсь еще раз, что вне поля моего зрения остается разделение « художественного производства » и « художественного потребления », ибо и то, и другое в равной степени являются творением в интересующей меня связи.

Первая сфера эмоционального мира, преобразуемого художественным творением обширнейшая и отлично изученная психоанализом со времен З. Фрейда и К. Юнга область **бессознательных психических процессов**. Важнейшие в их ряду сексуальные влечения в узком и широком значении слова, по мнению З. Фрейда, участвуют в создании высших культурных, художественных и социальных ценностей человеческого духа. К. Юнг идет дальше, отстаивая идею существования бессознательного в коллективе, иначе говоря единого и однообразного, присущего всему человечеству свойства, складывающегося из архетипов. « Все основные формы и основные стимулы мышления коллективны. Все, что люди единодушно расценивают как всеобщее, - коллективно, так же как и то, что всеми понимается, всем присуще, всеми говорится и делается ».

Следует подчеркнуть, что со времен З. Фрейда и К. Юнга роль бессознательного в художественном творении, от знаменитого Эдипова комплекса до сексуального катарсиса изучена весьма многопланово и фундаментально, что позволяет мне не останавливаться на этом аспекте проблемы. Путь моих размышлений иной от художественного творения к миру бессознательного и его преобразованию. Он также был намечен в психоанализе как путь от фантазии к реальности, максимально развитый и художественно одаренного человека. Здесь уместно привести наблюдение на этот счет З. Фрейда полностью. Он писал, что если кто-нибудь истинный художник, « он имеет так обрабатывать свои грезы, что они теряют все личное, отталкивающее постороннего, и становятся доступными для наслаждения других. Он умеет также настолько смягчить их, что нелегко догадаться об их происхождении из запретных источников.

Далее, он обладает таинственной способностью придавать определенному материалу форму, пока тот не станет верным отображением его фантастического представления, и затем он умеет связать с этим изображением своей бессознательной фантазии получение такого наслаждения, что благодаря этому вытеснения, по крайней мере временно, преодолеваются и устраниваются»

Наблюдения З. Фрейда, соответствующие традиции мировой духовной культуры, примечательны не только новыми возможностями истолкования природы художественного творения как пути от фантазии к реальности, но и объяснения действительно загадочного его **духовно-терапевтического значения**. Того значения, которое присуще отнюдь не только избранным художественным гениям, но любому человеку, включенному в процесс художественного творения.

Речь идет не о той « сексуальной революции », под которой ныне понимают примитивное и весьма пошлое изображение (в том числе и в зашифрованной знаками и символами эстетической форме) всех граней и деталей половой жизни человека. Да и нет в этом ничего нового, ибо мы все под одеждой голые.

Такие «революции» уже не единожды бывали в истории человеческого духа, как правило предвещая его безнадежный кризис или свидетельствуя о социальном маразме. Все проходит, пройдет и это.

Суть дела в другом, а именно в потенциальной возможности через художественное творение проникнуть в самые сокровенные уголки нашего подсознания, актуализировать его и тем самым сформировать свободного в эмоциональных проявлениях, не побоюсь сказать красивого и здорового духом человека, не стыдящегося своих « тайных помыслов » подобно озадаченному нахлынувшим на него миром сексуальных переживаний прыщавому юнцу.

Не буду говорить об общеизвестном о терапевтическом значении лирики, от « Песни песней» царя Соломона и эпиграмм Сапфо до поэзии Сергея Есенина. Подобной терапевтической возможностью, прямой и опосредованной через возвышающее воздействие красотой, обладает весь верш художественного творения.

Ведь именно таким воздействием обладали спортивные совместные ристалища обнаженных юношей и девушек, а ныне очаровательные балетные танцы либо танцы на льду, которыми в мечтах желают заниматься почти все юные существа.

Пора признать все, к чему прикоснется истинный художник, словно по волшебству преображается и становится либо проявлением, либо символом красоты. Прекрасное его царство ибо это царство свободы, вдохновения и воображения, создающего новые, поэтичные в своей основе миры. Интерпретируя мысль Канта о том, что прекрасное есть звено между миром нравственным и чувственным, Ф. Шиллер подчеркивает, что красота есть свобода в явлении. А далее делает удивительный по прозорливости вывод: « В природе нарушение свободы оскорбляет наше чувство. Но то, что безобразно в природе, может быть прекрасным в искусстве ».

Нет ничего запретного в мире человеческих эмоциональных переживаний и действий для всех типов художественного творения. От « Кама – Сутры» до Мопассана, от приапической комедии до Феллини, от « Золотого осла » Апулея до фривольной с точки зрения мещанина оперетты простирается его мир красоты, а стало быть духовности, а стало быть возвышающего значения.

Так давайте подумаем куда ведут нашу школу «просвещенцы», продолжающие, вопреки всем историческим традициям, изгонять свободное,

радостное художественное творчество детей во всех его типах из школы, полагая, что это сфера досуга, но не человекотворчества! Более того продолжающие подготавливать десятки тысяч молодых учителей, не владеющих ни одним типом художественного творения. Как не вспомнить в этой связи высказывание великого реформатора Мартина Лютера: « Музыку я любил всегда. Кто знает это искусство, тот хороший человек, искусный ко всему. Школьный учитель должен уметь петь, иначе я на него и глядеть не хочу ».

Влияние мира художественного творения на глубинные, бессознательные сферы духовной жизни человека прекрасно прослежено в работах Эрика Берна « Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений » и « Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы ». Духовно терапевтическое значение этого мира автором интерпретировано последовательно и корректно в научнотеоретическом отношении.

*Художник скорее стремится выразить чувство,
чем зафиксировать наблюдения.*

Герберт Рид

Способствует этому исходная теоретическая установка Э. Берна, отказавшегося от бесплодной попытки найти какую-то особую специфику в играх как ограниченной области действий. Игры для него по природе своей транзакциональный феномен. Отсюда и рабочее определение игр, развитое им в целом ряде взаимосвязанных психоаналитических положений, легко подвергающихся экспериментальной проверке, то - есть обладающих общенаучным критерием повторяемости. Он пишет: « Последовательности транзакций, основанные, в отличие от времяпровождения, не на социальном, а на индивидуальном планировании, мы называем и г р а м и ». Жаль, что он не делает следующего шага к признанию органической взаимосвязи игры и искусства как формы и содержания, хотя невольно, по ходу изложения, выходит за поле своего представления об играх. Поэтому его вывод: « Существенной чертой игр людей мы считаем не проявлением неискреннего характера эмоций, а их управляемость. Это становится очевидным особенно в тех случаях, когда необузданное проявление эмоций влечет за собой наказание " мне представляется общепедагогическим по значению и весьма операционным по конкретному применению в системе образования. Как это ни парадоксально, но и такой « чистый » психоаналитик как Э Берн, сам естественник экспериментатор, все же не смог вырваться за рамки философской логики. Отсюда положения об игре, которые общеизвестны, но помогают автору теоретически обосновывать логическую конструкцию более широкую, чем заявлено (природа игровых компаний людей, свобода выбора роли играющими, повторения элементарной истины о формальных и неформальных ритуалах и т. д.). Видимо, болезнь философичности неотъемлемый знак XX века.

Не менее загадочным, но вместе с тем признанным в истории культуры является **психофизиологическое эмоциональное воздействие художественного творения на реальную типологию человека**. В литературе во-

проса есть немало интереснейших, в том числе и иллюстрированных весьма щедро и убедительно научных изданий, повествующих об отражении в тех или иных художественных творениях внешнего облика человека, от одежды до физиологической конструкции. Меньше внимание обращает на себя иной подход истолкование того феномена, что через все типы художественного творения, участвуя и соучаствуя в них, человек неизбежно приходит к преобразованию, скажу образно и в переносном смысле совершенствованию своего физиологического облика. А между тем он бесспорен. Создавая в процессе повседневного и изнурительного труда мир вещей, наш предок не только открывал для себя его утилитарное, функциональное значение, но и осознавал их символический подтекст. Жезл в руках вождя в корне отличен от посоха путника, хотя и то, и другое лишь особым образом обработанные палки. Но тот, кто держит жезл уже иной, изменившийся человек, по всем житейским установкам, по всем параметрам поведения. Смените сельский посох на трость европейского денди и вы не можете не стать другим (естественно, при изменении всей жизненной ситуации в совокупности). Огромная литература существует о таких типах художественного творения, как обычай, обряд, праздник, о причинах их возникновения и характере развития, об их историческом и этническом своеобразии. Но ведь укоренившийся и кажущийся изначально вечным обычай, и художественно оформленный традиционный и вроде бы незыблемый обряд, а уж тем более праздничное действие, предельно - обнаженно выявляющее свою изначально творческую природу и открывающее широчайший простор и коллективной, и индивидуальной фантазии всех участвующих в нем безусловно и неоспоримо оказывают мощное формирующее воздействие на появление и стабильное существование определенного, всегда своеобразного типа человека. Если мы сегодня никогда не спутаем по облику, по неизъяснимым словами внешним признакам неаполитанца и полтавчанина, то очевидно не в последнюю очередь потому, что они жили и живут в особом микромире национальных обычаев, обрядов и праздничных действий.

Стала банальностью мысль об исторически predetermined значении костюма, об отражении в нем целого комплекса духовных представлений, ценностей, социальных ориентиров. Его первоначальная гигиеническая функция (естественно, кроме экстремальных ситуаций, в которых может оказаться каждый из нас, оставшись, как говорится, голым среди волков) скрыта под целым массивом условных знаковых систем и конвенциональных символов, понятным только современникам.

Едва ли московский юноша, без удивления всмотревшийся в человека, обряженного в тогу (а каких только одеяний не увидишь ныне на улицах нашей Москвы), поймет, что значило это покрывало из отбеленной шерсти для римлянина в период существования родной ему Римской империи в течение 2.700 лет! А ведь тога была и символом мира, ибо ее не носили в годы военных сражений, и символом социального статуса гражданина: *toga pura*, чистая, без окаймления для недолжностных лиц и молодежи, *toga praetexta* для должностных лиц и жрецов, *toga picta* для полководцев триумфаторов и императоров и т. д. Вообразите, как должна была та или иная тога влиять в итоге, в тенденции на внешний облик, на осанку, на манеру речи того, кто был ее удостоен. И сразу же соотнесите подобный тип рациональной одеж-

ды с тем, что ныне миллионными тиражами выбрасывают швейные концерны, поставившие себе на службу незаурядный художественно творческий потенциал многочисленных кутюрье и художников по тканям, размывающие своей общепринятой ныне продукцией национальное и социально единство, принятую в нем знаковую символику.

Это и не плохо, и не хорошо, ибо подобный взрыв в эстетике одежды намекает нам о типе человека новой, информационной цивилизации. Костюмы голливудских кинозвезд и традиционные фраки у нашего «бомонда», идущие к их заурядному полукупеческому типу как корове седло в этой связи лишь вопль отчаяния и страха перед тем миром, где одежда как художественное творение все больше становится делом каждого как художника, равного среди равных, где трудно быть исключительным и неповторимо великолепным. Но все таки именно художественного творения, для которого нужен и талант, и воображение, и выучка с ранних лет, едва ли не с первых шагов ребенка. И все таки творения, вырастающего на прекрасных, тысячелетиями отработывавшихся символических и знаковых принципах, в свою очередь определяющих типологию этноса. Остается только уповать, что у человечества хватит и мудрости, и рефлекса самозащиты в деле неизбежного сочетания прошлого и будущего в данной области движения духа.

Начиная с игровых «секций» веера художественного творения, я стараюсь включить в мои раздумья ассоциации вдумчивого читателя, которому, конечно, хорошо известно, что литература, театр, изобразительное искусство тысячелетиями выполняли психофизиологическую роль в деле становления определенной типологии человека, что ныне такое воздействие многократно усилено кинематографом, телевидением, всем арсеналом новейших информационных технологий. Вряд ли в этой связи целесообразно приводить хрестоматийные примеры. Важнее другое перед теорией образования возникает реальная проблема глубокого анализа механизма этого воздействия и талантливое, творческое использование даже того ограниченного художественного материала, который включен ныне в учебный процесс. Здесь нельзя не вспомнить добрым словом В. А. Сухомлинского, опыт которого так и остался гласом, вопиющим в пустыне педагогической косности. Но столь же необходим теоретический анализ человекотворения на базе традиционных, «высоких» видов искусства, изгнанных из современной школы в «систему дополнительного образования». Не уверен, что школа без пения может приблизиться к тем вершинам человекотворения, которых достигли многие получившие ныне мировое признание хоровые школы России.

Человек система сложнейших отношений. Вне этих отношений и их реального выявления конкретно-исторических типов общения он не существует и не может развиваться. Внешняя форма подобного общения то, что мы привыкли именовать в быту поведением (кстати, отнюдь не столь уже далеким от научной терминологии расхожим словом) откристаллизовывается под влиянием множества взаимосвязанных факторов. Пора признать, что мир художественного творения решающий и едва ли не древнейший из них.

И наконец, последнее наблюдение. **Человек существо, задающее вопросы не только природе, но и самому себе как проблеме проблем.** Нередко теоретики склонны полагать, что с незапамятных времен человек одолевает страхом перед природой, перед ее таинственными силами, кото-

рым он поклоняется как сонму богов, требующих и ублажения, и жертвоприношения. Сомневаюсь в логичности подобной посылки, ибо нет и не может быть в нашей Вселенной существа или стихийной природной силы, более страшных чем человек. И всесильных богов он создал по своему образу и подобию, безотносительно, в какую игровую форму он облакает их в природную или антропоморфную.

Убежден, что лучшим определением человека было бы признание за ним существенной и загадочной способности осознания драматизма своего бытия. Подобное осознание не дано ни одной живой твари, но лишь человеку как продукту человекотворения. Драматизм бытия, подавляющий воображение как неотвратимая повсеместная и универсальная реальность, побуждает человечество тысячелетиями задумываться об его направляющей тенденции и лукавить в мыслях, эмоциях и верованиях, поддаваясь самогипнозу вероятия нахождения смысла временного пребывания рода людского на Земле - временном пристанище во Вселенной.

Лукавство это безгранично многообразно и простирает свою область от простой и незамысловатой песенки до гигантской индустрии шоу-бизнеса, от простенькой крестьянской поделки, вызывающей неумеренный восторг этнографов, до космических по масштабу воздействия на род людской произведений титанов искусства, от наивного суеверия до веры, приобретшей значение той или иной мировой религии, от заумных пророчеств юродивого до претендующих на глобальное значение философских систем. Художественное творение одна из удивительнейших форм подобного лукавства, дающего нам надежду стать людьми в высшем, действительно божественном смысле этого слова. Информационная цивилизация дает нам в этом отношении последний шанс.

Владимир Александрович Разумный

**Драматизм бытия
или
обретение смысла**

Философско-педагогические очерки

Научный редактор Ю.П. Матюхин

Общий дизайн, макет и верстка: В.Г. Гвайта
Руководство изданием: С.Н. Линчевская

Издательство "Пихта"
Издательская лицензия ЛР №065066 от 24.03.1997

Подписано в печать
Объем 35,2 п.л.
Формат 70/90 1/16, гарнитура Times
Тираж 1000 экз.

Налоговая льгота - общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 953000-книги, брошюры

Отпечатано с оригинал-макета в Московской типографии ООО "Элатив",
105187, Москва, Окружной пр., д. 30^А